

УДК 316.6
ББК 60.55
3 82

Редакционная коллегия
серии «Civitas Terrena»

*Баньковская С. П., Камнев В. М., Мельников А. П.,
Филиппов А. Ф. (председатель)*

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии
и книгоиздания России»)

ISBN 5-93615-060-7 (Т. 2)
ISBN 5-93615-050-X

- © Издательство «Владимир Даль»,
серия «Civitas Terrena» (разра-
ботка, оформление), 2005 (год
основания), 2005
- © В. Д. Кузницын, перевод на рус-
ский язык, «Торгаши и герои»,
2005
- © А. П. Шурбелев, перевод на
русский язык, «Евреи и эконо-
мика», 2005
- © А. П. Мельников, оформление,
2005
- © П. Палей, дизайн, 2005

ТОРГАШИ И ГЕРОИ
РАЗДУМЬЯ ПАТРИОТА

Вам,
МОЛОДЫЕ ГЕРОИ,
сражающиеся с врагом,

посвящаю я эту книгу, ею хотел бы поучаствовать в борьбе, которую вы ныне ведете и которая непременно будет продолжена в мирное время, когда вы вернетесь домой. Только тогда это будет уже борьба духовная.

Книга эта укажет вам направление, в котором и во все грядущие времена нужно будет искать врага немецкой сути. Но прежде всего в ней говорится о том, за что вы теперь боретесь.

Новая — немецкая — жизнь должна начаться после войны, и творить ее призваны вы. Вы, вернувшиеся со свободным и чистым духом, вы, чьи свежие молодые силы сломят тысячу преград, предрассудков и устоявшихся воззрений, которые до сих пор тяготили немецкий народ столь тяжким бременем. Вы — наша надежда и оплот нашей уверенности.

Тяжелый лемех войны проводит свои борозды в целине немецкого духа. Он взрывает сросшийся заскорузлый дерн и выбрасывает плодородный грунт из глубин наших душ вновь наверх, к свежему воздуху и солнцу. Счастлив сеятель, который будет разбрасывать свои семена в этой дымящейся равнине!

Так пусть заключенные в этой книге идеи станут зернами, которые падут на плодородную почву, дадут всходы и принесут тысячекратный урожай.

Миттель-Шрайбергау,
в седьмой месяц войны.

В. З.

ВВЕДЕНИЕ

Глава первая

ВОЙНА ЗА ВЕРУ

Все великие войны суть войны за веру, таковы они были в прошлом, таковы в настоящем и такими же останутся в будущем. Раньше в этом отдавали себе отчет и их участники: ополчался ли император Карл против саксов или «франки» выступали в поход за освобождение гроба Господня, шла ли позднее речь об отражении натиска турок, отстаивали ли германские императоры свою страну перед угрозой со стороны итальянских городов или католики в эпоху Реформации боролись с протестантами за господство — всегда те, кто вел войну, сознавали, что сражаются за свою веру; обращая свой взгляд назад и стремясь постичь всемирно-историческое значение этих войн, мы понимаем, что такие чувства и мысли сражавшихся имели глубокую основу.

Еще наполеоновские войны воспринимались лучшими людьми того времени именно как войны за веру. Поэтому последний биограф барона фон Штейна, несомненно, правильно передает его воззрение на Венский конгресс, когда пишет, что в целом все представлялось барону не соперничеством за власть, а борьбой между добром и злом.

В эпоху национальных государств и капитализма более глубокие противоречия, выражающиеся в великих — мировых — войнах, уже не лежат в той же мере на поверхности. Единственными причинами столкновений выступают, скорее, чистое стремление к власти или экономические интересы. Но мы остаемся в плену поворачи-

стной точки зрения, если за этими, очевидными даже для самого простого ума, поводами к современным войнам и прежде всего к той священной войне, в которой ныне Германия противостоит целому миру врагов, не видим более глубоких противоречий, из-за которых ведется борьба и суть которых, опять-таки, заключена именно в антагонизмах веры или, как мы теперь говорим, в антагонизмах мировоззрений.

Легко видеть, что в нынешней мировой войне выразилось множество самых разнообразных частных конфликтов. Это второстепенные войны, подобные, к примеру, той, что Россия ведет против Турции за обладание Дарданеллами, или Франция — против Германии за Эльзас и Лотарингию, или Австро-Венгрия — против России за господство на Балканах. Но главная война — иная. Это отчетливее всего понимали наши противники, когда они объявили всему миру, что борьба ныне идет между «западноевропейской цивилизацией», «идеями 1789 года» — и немецким «милитаризмом», немецким «варварством». Ведомые инстинктом, они и в самом деле верно выразили в этих словах глубинное противоречие. Мне только хотелось бы немного по-другому его сформулировать и сказать: борьба идет между *торгашом* [Händler] и *героем* [Held], между торгашеским и героическим мировоззрением, торгашеской и героической культурой. А ради чего я с помощью этих выражений стараюсь подчеркнуть глубочайшее, всеобъемлющее противоречие в воззрениях на мир и в переживании мира, — это станет видно из дальнейшего.

Скажу пока только, что было бы ошибочно полагать, будто обозначения «торговец» и «герой» взяты мной в их профессиональном смысле. Это, конечно, не так и не может быть так, коль скоро я применяю эти выражения для того, чтобы охарактеризовать антагонизм мировоззрений. Ведь мировоззрение не связано с той или иной профессией естественной необходимостью. Речь, таким образом, идет о торгашеском или героическом *настроении* [Gesinnung], и вполне возможно, что тот, кого судьба заставила торговать перцем да изюмом, окажется героем

(по своему настрою), тогда как мы каждодневно можем видеть, что тот или иной военный министр оказывается «торгашом», коль у него душа лавочника, а не воина.

Мировоззрением обладает прежде всего отдельный человек, и потому торгашеские и героические души обитают рядом в одном народе, в одном городе. Но я говорю, что в народе идет война мировоззрений и что торгаши и герои тут противоборствуют. Сообразно этому мы могли бы и целые народы охарактеризовать в том или в другом смысле. Это мы и делаем, когда стремимся постичь душу народа, его дух и его суть. Эта «народная душа», этот «народный дух» — будь то в метафизическом или только в эмпирическом понимании — в любом случае есть что-то, значение чего невозможно отрицать, что обладает самостоятельным бытием наряду и поверх всех отдельных представителей того или иного народа, что сохранилось бы даже после полной их гибели и что до известной степени может утверждать свою самостоятельность перед отдельными живыми людьми. Эта народная душа заявляет о себе в тысяче особенных черт народа и у каждого народа неизбежно распознается по-разному: в его философии и искусстве, в его государственном устройстве и политике, в его нравах и привычках.

В этом смысле и среди народов можно различать народы торгашеские и героические, и потому в этой великой войне идет борьба за преобладание между торгашеским и героическим мировоззрениями. А носителями их, т. е. репрезентативными представителями обеих противоположностей, выступают два народа — англичане и немцы. И мировая война 1914 года получает свое более глубокое всемирно-историческое значение только как англо-германская война. При этом главный вопрос человеческой истории, требующий сегодня своего разрешения, состоит не в том, кто будет господствовать над морем; много важнее вопрос, заключающий в себе всю дальнейшую судьбу человечества, вопрос о том, какой дух окажется сильнее: торгашеский или героический.

Поэтому нам нужно достичь полностью ясного осознания этого противоречия, пронизывающего современный

мир во всей его глубине и всем его объеме. И помочь такому осознанию должна эта книга, в которой я хочу просто описать сначала английский, а потом немецкий дух, чтобы затем сопоставить их друг с другом и показать *немецкому* читателю (а для другого я и не пишу) несравненное превосходство немецкого духа, чтобы ему, читателю, вновь стало отраднo сознaвать себя немцем.

Часть первая

АНГЛИЙСКОЕ ТОРГАШЕСТВО

Глава вторая

ЭЛЕМЕНТЫ АНГЛИЙСКОГО ДУХА

Здесь не место подробно рассматривать происхождение английского духа, сколь бы увлекательной ни представлялась такая задача. Я намерен лишь коротко указать те составные части, из которых складывается английский торгашеский дух, и очертить то, что прежде всего способствовало его развитию.

Ведь основу всего английского составляет, по-видимому, безмерная духовная ограниченность этого народа, его неспособность хоть сколько-нибудь приподняться над осязаемой, повседневной «действительностью». Доказательством служит то, что в Англии называют «философией». Начиная с Френсиса Бэкона, чье имя, по меткому выражению Ницше, знаменует собой посягательство на философский дух как таковой, и вплоть до того человека, которого в Англии вот уже целое поколение именует просто «Философом», — Герберта Спенсера.

Им свойствен на удивление однообразный основной тон, всем этим английским философам — от Бэкона до Спенсера. И если что-либо характеризует их в глубинной внутренней сути, так это то примечательное обстоятельство, непременно подчеркиваемое в каждой истории философии, что все они были хорошими, а некоторые даже превосходными национальными экономистами. Бэкон с успехом писал о колониальном хозяйстве; Гоббс всегда с выдающейся для его времени проницательностью рассуждает об экономических проблемах; трактат Локка о финансовых отношениях известен столь же широко, сколь

и очерки Юма о торговле, деньгах, процентах, о торговом балансе, налогах, государственном кредите и тому подобных предметах. Адам Смит, Иеремия Бентам, оба Милля тоже высоко ценятся в Англии как философы, в то время как нам они известны почти исключительно как национальные экономисты. Наконец, Герберт Спенсер, хотя он относится, собственно, не к национальным экономистам, а в первую очередь — к социологам, претендует тем не менее на звание наиболее влиятельного английского «философа» наших дней.

Что такая склонность к занятию экономическими проблемами и такая способность к пониманию экономических взаимосвязей, какую мы находим почти у всех именитых английских «философов», не случайна, явствует из всем им в общих чертах свойственной ориентации мышления.

Знаменательным для воззрений английских мыслителей мне всегда казался спор, который Герберт Спенсер вел когда-то со своим более глубокомысленным, но потому и далеко не столь известным соотечественником Мэтью Арнолдом, утверждавшим: Англия — страна, бедная на идеи. На что Спенсер со всей серьезностью возражал: это не так, поскольку именно «английский дух» за последние годы 1) организовал водоснабжение Амстердама, 2) провел канализацию в Неаполе и поскольку 3) Continental Gas Co. снабжает газом все прочие страны. Так, дословно продолжает Спенсер, неоспоримый факт состоит в том, что «сам Берлин, эта штаб-квартира духа, вынужден сидеть в потемках, ожидая поставок газа от этой компании». «Разве ввиду этого мы не должны сказать, что англичане обнаруживают бóльшую веру в идеи, чем немцы». И это говорит вовсе не штатный инженер компании Continental Gas Co., а английский «Философ» — *единственный* философ новейшего поколения!

В этих словах «философа» Спенсера о смысле и ценности идей проступает, кстати, и другая особенность английского духа, которая приобрела большое значение для его развития в дух торгашеский: направленность всего мышления англичан на практические цели. Эту особен-

ность мы находим ярко выраженной уже у «философа» шекспировской эпохи, Френсиса Бэкона, называвшего греческую философию «детской наукой», «профессорской мудростью», поскольку она-де была плодотворна на словах, а не на деле. Он полагал, что научные плоды и открытия подобны поручителям, коими свидетельствуется истинность философии. «Истинная и подлинная цель науки состоит в том..., чтобы обогащать человеческую жизнь новыми изобретениями и приспособлениями...», «внедрение замечательных изобретений занимает, по видимому, наипервейшее место среди прочих человеческих деяний». Так говорил Бэкон, основоположник английской «философии». И в воззрении этом до сего дня ничего не изменилось.

Этому трезвому образу мышления соответствует (и, по всей видимости, вполне естественно) ярко выраженная тяга к телесным удобствам, к материальному благополучию, к «комфорту». Ибо и эту черту английской сути мы можем обнаружить в весьма отдаленных столетиях. Путешественникам она уже в XVI веке бросалась в глаза как особенность, свойственная всем англичанам. Один венецианец, посетивший Англию в XVI веке и оставивший широко известные путевые заметки, повествует нам об англичанах: «Даже когда война неистовствует с небывалой силой, они хотят сытно есть и располагать всеми прочими удобствами (*vogliono cercare di ben mangiare et ogn'altra loro commodità*)»; такое же суждение высказывает в своих записках 1560 года Лемниус; о том же говорит Пьер де Блуа. А один голландец (историограф ван Метерен, родившийся в 1558 и умерший в 1612 году) идет в своем суждении столь далеко, что называет англичан лентяями, тяжелыми на подъем: они жили в комфорте «*een ledich leven leydende*», как испанцы (!), всю тяжелую, утомительную работу они предоставляли выполнять иноземцам.

Зато все наблюдатели уже в те времена считают нужным отметить у англичан сильно выраженную тягу к стяжательству. Особенно интересно, что черта эта была замечена даже венецианцем: *tutti divengono cupidissimi del*

guadagno, «все с ума посходили из-за денег». «С народом английским нельзя учинить никакой несправедливости, которая не могла бы быть заглажена с помощью денег» (*non è possibile fare tanta ingiuria alli Inglesi plebei, la quale non si acconci con il denaro*). «В своих торговых сделках они проявляют такое рвение, что не гнушаются и ростовщичеством» (*sono tanto diligenti nella mercatura che non temano di fare contratti usuari*). Заметьте: это пишет итальянец в 1500 году, когда Англия, стало быть, еще была страной вполне католической.

С не менее давних пор англичанам свойственно и их чванство. В XVI веке дела обстояли не лучше, чем теперь. Повстречав чужеземца приятной наружности, они говорят: «Как жаль, что он не англичанин» (*dolore dicunt quod non sit homo Anglicus, vulgo Englishman*), — сообщает нам в своем путевом отчете 1598 года Пауль Хенцлер. «Англичане слишком много воображают о себе и плодах своего труда; они даже не думают, что кроме них существуют и другие люди, и что в мире есть еще кое-что кроме Англии» (*gli Inglesi sono molto amatori di se medesimi e d'ogni loro cosa; nè credono che si trovino altri huomini che loro, nè altro mondo che l'Inghilterra*), — говорит наш венецианский свидетель конца XV века.

Стоило лишь начаться блестящему развитию капиталистического хозяйства, прежде всего стремительному расцвету торговли, как это произошло в Англии в конце XVI столетия (в 1595 г. первые английские корабли отправились в Индию, а уже в 1600 была основана Ост-Индская торговая компания), чтобы из этих элементов сложилось устойчивое торгашеское мировоззрение, которым спустя пару веков характеризовалась уже суть английского мира в целом.

Под торгашеским духом я понимаю мировоззрение, которое подходит к жизни с вопросом: что ты, жизнь, можешь мне дать; оно, стало быть, смотрит на все земное бытие отдельного человека как на совокупность торговых сделок, которые каждый, по возможности к своей наибольшей выгоде, заключает с судьбой, с добрым боженькой (на религии торгашеский дух тоже накладыва-

ет свой отпечаток) или с окружающими его людьми, по отдельности или в целом (последнее означает, например, с государством). Выгода, которая при этом должна быть получена для жизни каждого отдельного человека, состоит в по возможности наибольшем ее удобстве, чему способствует соответствующий набор материальных благ, с помощью которых можно сделать человеческое бытие более приятным. В аспекте такого взгляда на жизнь обширное место непременно будет отведено материальным ценностям, а потому почет и уважение будут уделены тому виду деятельности, которая обеспечивает поставку средств для достижения удобства, материальных благ: хозяйственной и, в первую очередь, торговой деятельности. Хозяйственные интересы получают, таким образом, перевес над всеми прочими жизненными интересами и постепенно подчинят их себе. Если только представители экономической сферы достигнут превосходства в той или иной стране, они затем с легкостью распространят свои профессиональные воззрения на все сферы жизни, и торгашеская точка зрения на мир будет значительно усиливаться и укрепляться, пока торгашеское мировоззрение и практический коммерциализм не сольются, наконец, в уже нерасторжимое единство, как это произошло в сегодняшней Англии.

То обстоятельство, что процесс коммерциализации всей английской культуры прошел с такой всеобъемлющей и всепронизывающей полнотой, в свою очередь связано с целым рядом случайных событий в истории Великобритании, среди которых я выделю только самое значительное: я имею в виду тот факт, что *все* слои ее населения уже очень рано прониклись теоретическим и практическим коммерциализмом, и прежде всего — полную коммерциализацию английского дворянства. Наверяд ли хотя бы один из здравствующих ныне дворянских родов Англии имеет еще феодальное происхождение. Почти все они — выходцы из контор. Кроме того, дворянские фамилии на протяжении нескольких веков заключали браки с представителями промышленной буржуазии, так что в Англии вообще не осталось сосло-

вия, дистанцированного от деловой жизни, поскольку и низшее дворянство, джентри, автоматически приобретало капиталистический характер по мере того как возрастало значение капиталистических интересов. Причина, по которой в столь полной мере оказались коммерциализированы прочие слои населения, заключается прежде всего в том, что благодаря учреждению наемной армии в обширных народных массах были искоренены все воинские инстинкты, а все еще противившиеся коммерциализации элементы (крестьяне), как мы увидим, почти полностью исчезли, так что и в профессиональном отношении в Англии остались только люди, находящиеся в более тесной или в более отдаленной связи с коммерческой деятельностью.

Как следствие, и все правящие круги Англии, все английское чиновничество в дальнейшем оказалось преисполнено меркантильного духа. Превосходство Англии в идущей сегодня торговой войне гамбургский писатель Кауфман в своем сочинении под названием «Английский морской разбойник» справедливо объясняет тем обстоятельством, что «Англия располагает сословием чиновников, которые происходят либо непосредственно из торговых кругов, либо, по меньшей мере, из коммерческой среды и постоянно контактируют с населением, занятым преимущественно торговлей».

Эта универсализация коммерческих интересов вкупе с природной скудостью английского духа — *common sense* — возымела в дальнейшем то общеизвестное следствие, что ныне английский дух стал единым во всем народе. Ни один сторонний наблюдатель не может сегодня не заметить, насколько массивна английская народная душа, насколько она недифференцирована. «Вожди» английского народа гордятся тем, что их чувства созвучны чувствам *man-in-the-street*, человека с улицы, что, стало быть, нет теперь никакой разницы между инстинктами и мыслями низших и высших. Но это состояние, конечно же, возникло не потому, что столь возвысились низшие слои; я уверен, что в духовном отношении все они — английский рабочий, английский коммивояжер,

английский предприниматель — стоят много ниже соответствующих социальных кругов Германии. Наоборот, это высоты выветривались до тех пор, пока не сравнялись с низинами. Достаточно сравнить духовный уровень Грея — и Бетман-Гольвега.

Глава третья

АНГЛИЙСКАЯ НАУКА

Не менее увлекательно было бы показать, как все научное мышление англичан если и не порождается коммерческим духом, то все же основывается на нем и им проникнуто. Это касается даже естественных наук, по крайней мере тех, которые занимаются жизненными процессами в природе. Насколько же сильнее должны быть проникнуты этим общим всему английскому народу духом науки общественные, для коих источник познания заключен в собственном внутреннем переживании! Не говоря о философии, которой я уже коснулся!

Но в соответствии с поставленной задачей я в этом сочинении ограничусь тем, что покажу, как торгашеский дух выражается в науках, занимающихся государством и обществом, к которым в Англии можно причислить и этику, ориентированную абсолютно утилитарно и потому с необходимостью основываемую на социологии.

Никто ведь не станет отрицать, что существует особая английская этика и особое английское учение об обществе, которые, несмотря на сильные расхождения в отдельных воззрениях, в основе своей неизменны со времен Гоббса и Локка вплоть до Джеймса Стюарта Милля и Герберта Спенсера. Нельзя это опровергнуть и указанием на иногда появляющиеся исключения. Уже то, что последние выделяются на фоне традиционно-английских учений, подтверждает наличие правила. Кроме того, их легко бывает объяснить совершенно особыми обстоятельствами. О Карлейле вообще нельзя говорить как о представителе английского духа, поскольку он уже очень рано

стал принимать только немецкую духовную пищу (и, как полагают многие, испортил ею свой английский желудок). Если же назвать, быть может, наиболее значительного философа-социолога, действительно писавшего на английском и, как известно, долгое время оказывавшего воздействие на многих немецких мыслителей своей эпохи, в частности на романтиков, — Эдмунда Берка, то он был ирландцем, т. е., можно сказать, антиангличанином. Вообще, забавно, что почти всюду, где нам встречается автор, пишущий на английском и отличающийся при этом духовностью и глубиной, можно бывает установить, что по крови он ирландец. Это особенно относится к литераторам. Я имею в виду таких писателей, как Йорик Стерн, которого Гете назвал «изящнейшим умом» из всех когда-либо творивших, как Рескин, Оскар Уайльд, Бернард Шоу, которые, как ни судить о них в прочих отношениях, все же не были столь пошлы и скучны, как это свойственно английскому духу.

Зато поистине пошла и скучна вся подлинно английская этика, пошло и скучно все, что англичане писали о государстве. И всякая-то мысль рождена тут торгашеским духом.

Как и все мышление торгаша, английская научная этика отталкивается от той жалкой, ничтожной жизни, которую случайным образом ведут гг. X и Y. Используя выражение Фихте, можно сказать: объект их нормативного мышления, так же как и объект их каузального мышления, это не жизнь вообще, надындивидуальная жизнь как таковая, а «эта или та жизнь». В сущности, стало быть, нечто мертвое. Ведь наша индивидуальная жизнь настолько же является жизнью, насколько умиранием и смертью. Потому-то Фихте с полным правом и называл «зарубежную философию» «мертвечиной». С точки зрения утилитарно-эвдемонической этики это отдельное существо, этот человечешка заключает затем с жизнью своего рода пакт, по которому он обязуется совершать определенные действия, но только ввиду получения прибыльной отплаты (на этом свете или на том — все равно). Самый гнусный клич, который когда-либо изда-

вала торгашеская душа: поступай «хорошо», «чтобы все у тебя было благополучно и ты долго жил на этой земле», — стал девизом всех учений английской этики. «Счастье» есть высшая цель человеческих стремлений. «Наибольшее счастье для наибольшего числа людей» — в таких словах Иеремия Бентам выразил этот подлый «идеал» на вечные времена. В чем именно состоит это счастье отдельного человека, для достижения которого следовало привести в движение весь чудовищный, сложнейший мировой механизм, каждый этик определял, конечно, по-своему, в зависимости от собственных предпочтений. Но и здесь можно все же выявить своего рода усредненное мнение: «счастье» есть удобство вкупе с благопристойностью, *comfort* вкупе с *respectability*, *apple-pie* и священный воскресный отдых, миролюбие и *foot-ball*, зарабатывание денег и досуг для занятия каким-нибудь *hobby*. Культивируемые здесь добродетели — те, которыми обеспечивается мирное житье соседствующих торговцев. Я называю их негативными добродетелями, поскольку все они сводятся к тому, чтобы *не* делать того, к чему мы, пожалуй, были бы склонны, повинуясь влечению: умеренность, скромность, прилежание, искренность, справедливость, воздержанность во всем, покорность, терпение и т. п. Достаточно посмотреть, чему Герберт Спенсер (Социология, § 574) воздает хвалу как «истинно человеческим чувствам»: это уважение к праву собственности других людей, пунктуальность и порядочность, верность супружескому договору, уважение к чужой индивидуальности, чувство независимости.

В этих низинах этики социальной взаимности рождаются и представления торгаша о «справедливости» и «свободе». У Спенсера (к которому мы в сомнительных случаях всегда будем обращаться как к автору, лучше и нагляднее всего отражающего плачевное состояние английского мышления) формула справедливости звучит так: «каждый свободен делать что захочет, пока он не наносит этим вреда такой же свободе всякого другого» (Этика, II, § 27). Свобода, таким образом, уравнивается с произволом (в позитивном) и независимостью (в негативном смысле), при-

чем выглядит это, по сути дела, как подведение баланса ежедневных торговых сделок, которыми, по мнению этих англичан, все безраздельнее заполняется жизнь «развитого человека». Эти нравственные постулаты свободы (= произвол + независимость) вообще впервые получили развитие только в условиях непрекращающейся купли-продажи, вследствие чего были провозглашены и представлены только в таких «прогрессивных» странах, как Англия. Обо всем уже сказано в следующем фрагменте классика чистой философии мелких лавочников:

«Повседневный обмен услугами, осуществляемый по взаимной договоренности, обеспечивает охранение собственных прав равно как и надлежащее внимание к правам других и в силу этого создает благоприятные условия для нормального самосознания и вытекающего из него сопротивления неправомочному насилию. Уже то обстоятельство, что слово „независимость“ в его современном значении употребляется у нас только с середины текущего (XIX) столетия и что на континенте это качество выглядит намного менее развитым, позволяет догадаться о его связи с индустриальным развитием».

Это все, что англичанин знает о свободе!

Герберт Спенсер, которого я цитирую не только как новейшего и авторитетнейшего английского «морального философа», особенно интересен как тип потому, что у него специфически английская (т. е. плоская) этика соединяется со специфически английской (т. е. плоской) теорией развития. Он наловчился приводить доказательства тому, что коммерциализация, или, как он это называет, индустриализация, человечества была изначально заложена в плане мироустройства. Все, чего английское торгашество, английская «респектабельность» достигли в выхолащивании и принижении человеческого духа и культуры, — все это следствие «естественного» развития, и если учесть известные оговорки, то против такого утверждения нечего было бы и возразить. Но теперь наступает черед бесстыдства: в нравственном смысле это оплощение и опустошение более высоки, *потому что* они «естественны» (гротескные *salti mortali*, с по-

мощью которых «естественное» истолковывается как «нравственное», здесь подробнее рассматривать не будем). Выживает сильнейший (в теории адаптации это означает «fittest», наиболее приспособившийся); сильнейший, «приспособившийся» в нравственном отношении более высок: наилучшие индивидуумы «*значит* такие индивидуумы, которые лучше всего приспособились к жизни в индустриальном государстве» (Социология, § 567), «индустриальный тип общества» есть «нравственно более высокое его состояние» (Социология, добавление к гл. XVIII).

* * *

Так же и *государство* торговец не может себе представить иначе, чем в образе всеобъемлющей торговой сделки, которую все заключают со всеми. Проповедуемая в учении о государстве «теория договора» в основном была рождена подлинно торгашеским духом, который наличествовал уже во времена поздней античности, когда эта идея была сформулирована, и который начал покорять Европу, когда «теория договора» праздновала свое возрождение. Ее с жадностью подхватили «политические философы» во всех торговых странах (Гуго Гроций!), а в Англии она достигла безраздельного господства со времен Гоббса. Герберт Спенсер выходит за ее рамки в той мере, в какой он позволяет государству по крайней мере возникнуть «органически» (в биологическом смысле), хотя его представление о таком возникновении есть целиком и полностью представление обитателя лондонского сити: например, когда он возводит начало государственной жизни к разделению членов той или иной общности на три группы, которые по сути представляют собой не что иное, как правление, наблюдательный совет и общее собрание какого-нибудь акционерного общества (в § 470 своей «Социологии» он сам указывает на эту аналогию) или когда объявляет английское бюджетное право изначальным учреждением человечества (там же,

§ 500 и сл.), а еще в той, в какой он допускает раннюю эпоху в истории государств, в которой не было договорных отношений, а главенствовал имеющий естественное происхождение «статус», затем, правда, чтобы тут же с еще большей силой подчеркнуть значение теории договора. Ведь за временем несовершенного общественного устройства следует, по Спенсеру, в силу «естественного развития» период, который он в противоположность к первому, «военному», называет «промышленным», и период этот открывается «введением договора как универсального отношения, под влиянием которого достижения отдельных лиц соединяются ради их взаимной выгоды».

Отношение отдельного человека к государству осознается теперь как отношение торговца, просчитывающего свою выгоду.

«Каждый гражданин желает жить, и притом жить настолько полно, насколько это позволяют отношения, в которые он включен...»

Государство «должно заботиться о сохранении условий, при которых каждый становился бы причастен к наиболее полной жизни, ни в чем не противоречащей столь же полной жизни его сограждан» (Этика, § 116.).

В отношениях с государством отдельный человек имеет только «права», причем, в первую очередь, право свободно заниматься торговлей. В своей «Этике» Спенсер перечисляет следующие «права человека» (= гражданина):

1) право телесной неприкосновенности «право на жизнь заняло определяющее место в мышлении», при том что жизнь понимается в уже охарактеризованном тривиальном смысле;

2) право свободного передвижения и перемены места жительства;

3) право пользования природной средой (солнечный свет, воздух, земная поверхность);

4) право собственности;

5) право духовной собственности;

6) право дарения и завещания;

7) право на свободу торговли и заключения договоров;

8) право на свободу заработка;

9) право на свободу вероисповедания и отправления культа;

10) право на свободу слова и печати.

Известно, что такое плоское, торгашеское понимание государства приводит в конце концов к тому, что можно назвать «страхом» перед ним. Чем меньше государства, тем лучше — этот мотив перепевают все английские теоретики начиная с Локка. Идеал, к которому движется «индустриальное общество», состоит в полном избавлении от государства. Еще раз приведем слова нашего «Философа»:

«Единственная цель, достижение которой еще остается в ведении публичной деятельности, состоит в том, чтобы сдерживать частную деятельность в подходящих рамках...»

«Внутреннее охранение становится главной функцией государства»

«Почти все общественные организации с необходимостью исчезнут, за исключением единственно тех, которые обеспечивают соблюдение прав, поскольку все эти организации именно таковы, что наносят вред гражданину (!), либо обязывая его выполнять определенные действия, либо отнимая у него собственности больше, чем это было бы необходимо для его защиты»

Своеобразие этого английского воззрения на государство неизгладимо запечатлелось в наших умах благодаря словам Фердинанда Лассалья, назвавшего его «идеей ночного сторожа»: «потому что в ней государство может мыслиться только как ночной сторож, вся задача которого состоит в том, чтобы предотвращать разбой и хищение». В другом месте Лассаль называет идеологов манчестерства «современными варварами, которые ненавидят государство — не то или иное определенное государство и не ту или иную форму государственного устройства, а государство вообще — и, как они сами отчетливо в этом сознаются, предпочли бы избавиться вообще от всякого государства, передать правосудие и полицию на содержание

тем, у кого запросов поменьше, а войну предоставить вести акционерным обществам...»

Лассаль вторит здесь своему великому учителю Фихте, который уже высказывался об этой торгашеской теории государства в подобном смысле. «Такое видение государства,— опечален Фихте,— довольно распространено даже в школах мудрости. Оно проявляется в ревностном стремлении к свободе, а именно к снятию законных ограничений для заработка; в утверждении, что если с преступниками будет покончено, то вся надобность в государстве отпадет, потому что все остальное не входит в его сферу...» Согласно такому воззрению, «собственники содержат государство, подобно тому как хозяин содержит своего слугу». «Государство, полагают они, представляет собой необходимое зло, поскольку стоит денег; но всякое зло надлежит ограничивать настолько, насколько это возможно».

Считалось, что социальное манчестерство — это мировоззрение, свойственное буржуазии, и, стало быть, обусловлено характерными особенностями этого класса, т. е. обусловлено социально. И опять-таки не кто иной, как Фердинанд Лассаль, положил эту мысль в основу всех своих речей и сочинений. «Отсюда (от стремления еще сильнее эксплуатировать рабочих) и происходит ненависть нашей либеральной буржуазии к государству — не к тому или иному определенному государству, а к самому понятию государства, которое она хотела бы полностью устранить и растворить в понятии гражданского общества, т. е. полностью связать его со свободной конкуренцией... Отсюда величайшая ненависть буржуазии прежде всего ко всякому *сильному* государству, как бы оно ни было организовано и какими бы свойствами ни обладало...» Но тут Лассаль заблуждался. Можно, пожалуй, согласиться с тем, что классовые интересы буржуа легче всего согласуются с державоненавистнической философией, но они никоим образом не совпадают с ней. Есть и такая буржуазия, которой присуще ярко выраженное государственное чувство. Есть такие теории государства, которые полностью не зависимы от каких бы то ни было

классовых интересов. Вместе с тем нередки и такие антикапиталистические настроения, которые рождены эвдемоническим и индивидуалистическим духом манчестерства. Более того, нет ни одного *английского* направления в социализме или в рабочем движении, которое не было бы ориентировано эвдемонически и индивидуалистически, т. е. не исходило бы из прав индивидуума перед общностью и не имело бы своей целью достижение наибольшего счастья для наибольшего числа людей.

Томас Мор, чей ум питали все же идеи Платона и от кого в первую очередь следовало бы ожидать иного понимания дела, тем не менее заставляет своих утопийцев искать удовлетворения в пошлейшем, усредненном английском счастье. «По бесконечной благодати божьей душа... создана для блаженства...» «Утопийцы держат сторону той партии, которая либо вообще, либо, по крайней мере, в существенной части видит человеческое счастье в удовольствии». Не во всяком удовольствии, добавляет мудрый лорд-канцлер, а только в «благопристойном» — этого требует английская «респектабельность».

На том все и заканчивается. Какого ни взять выдающегося английского социалиста — Годвина, Томпсона или Оуэна, сколь бы ни отличались они друг от друга в прочих отношениях, но в своих теоретических основоположениях, а равно и в практических идеалах они одинаковы: общество есть агрегат индивидуумов, и цель его в том, чтобы достичь наибольшего счастья для наибольшего их числа. И ни один из вождей английских рабочих, все равно, революционного или реформистского склада, никогда не высказывал никакой другой мысли, кроме этой. (В таком особом явлении, как Карлейль, нет ровным счетом ничего английского.) Нет, фундаментальные воззрения на государство и общество обусловлены не социальными, а национальными факторами. И индивидуалистическая, эвдемоническая социальная философия по своему истоку и по глубочайшему своему смыслу есть порождение английского духа (а в какой — весьма значительной! — мере *также* и духа французского, об этом здесь говорить не будем).

Теоретическое отношение торговца к войне немедленно вытекает из его основных воззрений: его идеалом должен стать всеобщий «вечный» мир. При этом он может исходить из более узких интересов экономической жизни, коим он отводит столь обширное место в системе своих ценностей, или же принять в качестве направляющей линии для своих суждений торгашеское мировоззрение вообще.

Что для эффективности международных капиталовложений, для процветания торговли, прежде всего большой межконтинентальной торговли (в ее нынешних цивилизованных формах!), необходим мир, ясно даже ребенку. Если действительно стало важно, чтобы шпик и хлопчатобумажные изделия без помех доставлялись из одной точки Земли в другую, то разве всякое военное препятствие не следует рассматривать как не совместимое с прогрессом цивилизации. Ведь если растущая коммерциализация человечества заложена в плане поступательного развития к более высоким формам существования, то нравственное требование вечного мира является само собой разумеющимся следствием отсюда.

Но и без непосредственной ссылки на беспрепятственный ход экономического процесса всеобщее торгашеское мировоззрение должно вести к отрицанию войны.

Поскольку защитники этой точки зрения никогда не ждали от жизни чего-либо большего, чем «продолжение привычного существования даже в тяжелых условиях», постольку нет какой-либо явной причины к тому, почему бы всем на Земле не жить в мире и согласии, если для этого есть хоть какая-то возможность. Ведь война никоим образом не способствует благополучию. И прежде всего: если цель и назначение жизни, в частности государственной жизни, состоит в достижении наибольшего счастья наибольшего числа людей, то как можно оправдать гибель на войне *отдельного* человека? Почему, — по праву спросит каждый одиночка, от которого потребовали бы лезть под вражеские пули, — почему я должен идти на

смерть, чтобы стали счастливыми другие, когда я претендую на это счастье в не меньшей мере, чем они?

Таким образом, во-первых, логика торгашей с необходимостью ведет к отрицанию всякой войны; во-вторых, в той мере, в какой невозможно избежать войны, которая, конечно же, может быть только «оборонительной», эта логика ведет к требованию использовать наемное войско, набор которого основывается на том, что занятие военным ремеслом, как и всякая другая профессия, практикуется ради получения выгоды. Соблюдаешь при наборе войска правило «добровольности» — значит, по совести следуешь принципам торгашеской морали.

Ведь такова была и точка зрения всех английских теоретиков государства: война — это необходимое зло; если уж приходится ее вести, то лучше всего это делать «чужими руками» и, можно добавить, со всеми ухищрениями коммерческой техники. Об этом говорят все их учения начиная с Томаса Мора и вплоть, опять-таки, до нашего Герберта Спенсера.

Томас Мор заслуживает особого внимания. Он сочинял свою «Утопию» (вышла в свет в 1516 г.) в то время, когда англичане еще вовсе не были полностью превращены в мелких лавочников; когда посещавшие Англию иностранцы еще с похвалой отзывались о военных способностях англичан. «Они очень сведущи в военном деле (*sono molto reputati nell'arme*)», — пишет наш венецианец, автор своей «Реляции» 1500 года. Ничего удивительного. Ведь тогда еще живо было поколение, участвовавшее в войне Йорков и Ланкастеров, чьи старики помнили и англо-французские войны. Впрочем, уже в те времена начался резкий крен в сторону торгашества. Что ж, воинственный дух английского народа истощился в боях гражданской войны? И именно в тоске по миру был написан труд лорд-канцлера Мора, этот вопль торгашеской английской души об избавлении от зла, труд, из которого (несмотря на его антикапиталистическую направленность или, скорее, благодаря ей) можно вывести всю позднейшую социальную философию англичан, ориентированную на торговлю.

Сообщения Мора об отношении утопийцев к войне интересны потому, что (как я покажу ниже) почти все пункты его программы англичане претворили в действительность в последующие столетия, — в доказательство тому, насколько органичны эти представленные Мором воззрения всему мышлению и мироощущению торгашей.

Приведем несколько выдержек из «Утопии», которые подтверждают сказанное:

«Утопийцы сильно гнушаются войною как деянием поистине зверским, хотя ни у одной породы зверей она не употребительна столь часто, как у человека; вопреки обычаю почти всех народов, они ничего не считают в такой степени бесславным, как славу, добытую войной...» (тем не менее, они весьма усердно упражняются в солдатском искусстве — отсюда пристрастие к занятиям спортом!)

«Они никогда не начинают войны зря, а только в тех случаях, когда защищают свои пределы, или прогоняют врагов, вторгшихся в страну их друзей (!), или жалеют какой-либо народ, угнетенный тиранией, и своими силами освобождают его от ига тирана и от рабства (!); это делают они по человеколюбию (!)» (вот исток английского лицемерия!)

«Победы, соединенные с кровопролитием, вызывают у них не только чувство отвращения, но и стыда. Они приравнивают это к безумию покупать за чрезмерно дорогую цену хотя бы и редкостные товары. Наоборот, победа и подавление врага искусством и хитростью служит для них предметом усиленной похвалы...»

«Сразу по объявлении войны они стараются тайно и одновременно развесить в наиболее заметных местах вражеской страны воззвания, скрепленные своей государственной печатью. Здесь они обещают огромные суммы тому, кто погубит вражеского государя; затем меньшие, хотя тоже весьма значительные, назначаются за голову каждого из тех лиц, чьи имена объявлены в тех же воззваниях» и т. д. «Утопийцы не знают никакой меры в обещании этих наград...» «Другие народы не одобряют такого обычая торговли с врагом и его покупки... утопийцы

же вменяют это себе в огромную похвалу...» «Если дело не подвигается путем подкупа, то утопийцы начинают разбрасывать и выращивать среди врагов семена междоусобий... Если внутренние раздоры утихнут, то они побуждают и натравливают на врагов их соседей, для чего откапывают какую-нибудь старую и спорную договорную статью, которые у королей всегда имеются в изобилии. Из обещанных собственных средств для войны утопийцы деньги дают весьма щедро, а граждан очень экономно...» «Вдобавок, кроме богатств, хранящихся дома, у них есть еще неизмеримое сокровище за границей, потому как... многие народы у них в долгу...» Для ведения войны утопийцы стремятся использовать «заполетов», этот живущий в пятистах милях от Утопии «варварский, дикий и свирепый» народ, «всякому другому местопребыванию предпочитающий непроходимые леса и горы, которые его вскормили (возможно, здесь подразумеваются немцы или швейцарцы)». «Этот народ сражается на стороне утопийцев против кого угодно, потому что получает за свою работу такую высокую плату, какой нет нигде в другом месте... Поэтому они не очень беспокоятся, если многие из таких союзников гибнут». «После заполетов утопийцы берут войска того народа, в защиту которого поднимают оружие, затем вспомогательные отряды прочих друзей. Напоследок (!) они присоединяют отряд собственных граждан...» «В каждом городе производится набор из числа тех, кто записывается добровольно, ибо к войне за границей никто не привлекается против его воли» «Утопийцы всячески стараются избежать необходимости бороться и вести войну только руками представляющих их интересы наемных войск, но, когда вступить в битву им представляется неминуемым, их бесстрашие в этом равняется тому благоразумию, с каким ранее, пока была возможность, они уклонялись от боя».

У Мора никогда не знаешь, где он перестает говорить всерьез и начинает смеяться. Поэтому обрисованный им идеал ведения войны в не меньшей мере может означать и осмеяние мелких лавочников, которые в те времена, на глазах у великого лорд-канцлера, появлялись и приобре-

тали все больший вес среди англичан. С какими чувствами встретил бы он войну 1914 года, в которой его «утопийцы» выполняют программу, намеченную им четыреста лет назад! Но о *практике* торгашей я подробно буду говорить ниже, теперь же ограничимся тем, что после приведенных высказываний первого представителя английской политической философии охарактеризуем в двух словах понимание смысла и существа войны, принадлежащее ее последнему представителю.

Действительно, полагает Герберт Спенсер, раньше от войны было довольно проку. Но сегодня она нам уже не нужна, сегодня она излишня, сегодня гораздо большего достигают торговля и промышленность. От войны нынче можно ждать только беспорядка. «С прекращением военных действий и распадом военных организаций само собой наступит улучшение государственных отношений. А без этих перемен ни в какой области Земли еще долго ничего не улучшится» (Социология, § 582).

Согласно воззрениям Спенсера, оправданна только «оборонительная война», поскольку здесь (слушайте!) за счет пожертвования большего или меньшего числа индивидуумов остается неприкосновенным целое. Но и «освободительная война» осмысленна только тогда, когда действительное сопротивление имеет шансы на успех. «Ведь и без лишних слов ясно, что там, где наседающий враг намного более силен, такое жертвование со стороны отдельных лиц уже не имеет разумного смысла» (!!)(Этика, II, § 43). Отступление английских войск из осажденного Антверпена! — к нему я еще вернусь. «Солдат (который, конечно же, мыслится только как наемник) ставит на кон свою жизнь, а остальной народ должен мириться с тем, что часть его дохода идет на содержание армии...» Такова оправданная жертва буржуа, понимаемая «как средство к достижению наивысшей и конечной цели — гарантировать ему безопасность, при которой он мог бы беспрепятственно заниматься своими делами и радоваться вознаграждающим их плодам» (!!)

Что и говорить, хорош народец, эти наши «двоюродные братья»!

Глава четвертая

АНГЛИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И АНГЛИЙСКАЯ КУЛЬТУРА

В истории английское *государство* не имеет аналогий. Быть может, в мелочах торговые государства древности — государства финикийцев и карфагенян — и представляли собой нечто подобное. Но «мировая империя», порожденная чисто меркантильным духом, — такого еще не бывало. Ведь характерная черта английского государства состоит в том, что оно не имеет ничего общего с понятием государства, которое считалось осмысленным до сих пор и согласно которому оно есть органически сочлененная, связанная в культурное и цивилизаторское единство общность людей, каковая, пожалуй, в соразмерном масштабе, как своими передовыми постами может обладать и «колониями». Все, что мы до сих пор могли обнаружить у великих государств, произрастало в них органически, повинувшись внутреннему жизненному стремлению. Английская же мировая империя формировалась как какая-нибудь капитальная сумма, путем механического присоединения одной доли к другой: составляющие ее части были всего лишь «аккумулированы» и ныне очень слабо связаны как между собой, так и со страной-метрополией. В каком смысле Индия, страна с трехсотмиллионным населением, «принадлежит» Великобритании?! Это можно понять только в том случае, если всю британскую мировую империю рассматривать с точки зрения коммерции, т. е. понимать не как государство, а как крупный торговый дом, в котором метрополия образует главное предприятие, где хранится центральная касса и ведутся бухгалтерские книги, а колонии — его филиалы.

Достаточно обратиться к статистике, чтобы увидеть, насколько неорганично строение Англии само по себе. Очевидно, что государство, население которого в большой, я бы даже сказал, в большей своей части занято не в сельском хозяйстве, представляет собой уродливую конструкцию. Но в Англии число лиц, занимающихся сель-

ским хозяйством (и весьма широко практикуемым рыболовством) упало до 8% от совокупного населения. Этой двенадцатой его части противостоит целая четверть, состоящая из профессиональных торговцев (почти 25% жителей заняты в сфере торговли и средств сообщения), а почти половина англичан (45%) занята в промышленности. Государство с такой структурой занятости — не более чем карикатура, это вообще уже не подлинно живое единство, а всего лишь контора. «Колонии» — это насосные станции, предназначенные только для того, чтобы прямо или, чаще, косвенно перекачивать излишки в метрополию. В отдельных случаях можно отчетливо видеть, как одна только эта меркантильная эксплуатация того или иного участка земли ведет к включению его в колониальные владения, как вложение капитала в какую-либо местность делает ее «созревшей» для аннексии. Я имею в виду Египет, Анголу, Месопотамию.

Согласно последним оценкам Manchester Social Society, у Англии за границей помещено 74.7 млрд марок, из них 39.5 млрд — в колониях. Если же из этой суммы вычесть твердопроцентные займы, которые, конечно же, выдаются главным образом самостоятельным иностранным государствам, то большая часть подлинных капиталовложений, несомненно, помещается в колониях. Страна-метрополия, по сути дела, руководит этим грандиозным предприятием под названием «Английская мировая империя», ведет учет доходов и расходов. Это сам Левиафан, неуклюжее чудовище, о котором Гоббс говорит в своем наброске идеального образа государства, сила которого, по его мнению, заключена в богатстве отдельных граждан (!): *divitiae singularium hominum sunt pro robore*.

Если мы, по примеру Гоббса, захотим представить себе английское государство в образе какого-нибудь живого организма, то Великобритания покажется нам схожей с теми гигантскими полипами, у которых еще сохраняются только щупальца и непомерно разросшийся пищеварительный аппарат, в то время как все прочие органы — голова, сердце и все остальные, столь важные для сложных организмов — оказываются уже отмершими.

Подобно тому как английское государственное устройство порождается коммерциалистским духом, все средства государственной *политики*, само собой разумеется, тоже заимствуются из сферы меркантильных идей и намерений. Весьма поучительно наблюдать, как в английской политике приобретает значимость и становится основным инструментом политического деятеля именно то властное средство, которое непосредственно порождено торгашеским духом; я имею в виду договор.

Если окинуть взглядом внешнеполитическую историю Англии, прежде всего, ее экономическую и торговую историю, то легко показать, что именно из ряда вон выходящая ловкость в заключении всякого рода договоров доставила Англии ее величие. Если попытаться объяснить себе небывалый взлет, который английская экономика пережила в XVIII веке, то в первую очередь нужно будет обратить внимание на то, что в начале этого столетия были заключены два договора, благодаря которым Англии удалось опередить все остальные народы и увести к себе поток благородных металлов из испанских и португальских колоний, что только и позволило ей наладить все прочие торговые связи с Европой и Востоком. Я имею в виду Метуэнский (1703 г.) и Ассъентский (1713 г.) договоры.

Что рука об руку с ловкостью в заключении договоров шли также всевозможные ухищрения, обман, вероломство, мошенничество, воровство и разбой, известно любому знатоку английской истории. Моральная нечистоплотность этого народа в немалой мере объясняет тайну его власти. Но здесь нас интересуют не махинации торговца-мошенника, к которым Англия прибегала во все времена, а махинации торговца как такового. Ведь мы хотим постичь происхождение самой Англии из торгашеского духа.

Тогда мы должны вспомнить, что и в «высокой» политике ловкое применение договора способствовало достижению этим народом своих успехов. Ведь как, в сущности, была «завоевана» и присоединена к империи Индия?

Именно в результате по-торгашески ловкого использования тысячи наполняющих Индию противоречий: между магометанами и индусами, между отдельными набобами и субадарами, которые остались от Великого Могола и стремились обрести независимость. Никогда не следует забывать, что в знаменитой битве при Плесси (23 июня 1757 г.), в которой Индия была завоевана для Англии, на стороне последней сражались 3000 человек, из коих только 900 (!) были англичанами!

Заключать выгодные договоры (уже у Мора, столь глубоко постигшего душу английского народа, «утопийское» правительство считало это своей главной задачей) и, в непосредственной связи с этим, обезвреживать враждебные силы, заставляя их действовать друг против друга и тем самым отводить угрозу от своей собственной страны — только на это и направлено внимание англичан с той далекой поры.

Всем известно, что руководящий принцип английской политики уже долгое время состоит в том, чтобы поддерживать «равновесие» среди европейских государств (на том же принципе строится она и в Индии). Очевидно, что эта «идея равновесия» опять-таки порождается торгашеским духом: в ней используется образ весов, которые берет в руку лавочник, чтобы отвешивать свой перец и изюм. Свет дня она увидела в торговых государствах средневековой Италии и затем по понятным причинам стала центральной идеей английского торгового государства. И здесь нам снова становится ясна разрушительная для всего живого сущность торгашеского духа: это чисто механическое понимание государства, которое хочет сохранить «равновесие сил». «Взвешиванию» можно подвергать только мертвую материю, но никак не живых существ, каковыми в действительности являются государства. Еще Адам Мюллер с насмешкой отзывался об этом «убогом образе колеблющихся весов»: «Как будто право народов это всего лишь итоговая сумма в политической арифметике».

Но особенно поучительно наблюдать, как торгош ведет войну. Мы увидим: в полном соответствии с программой торговцев-теоретиков; кое с кем из них мы уже познакомились выше. Поскольку торгошу не известны никакие другие интересы, кроме материальных, постольку и война для него всегда имеет лишь тот смысл, что на ней защищаются или отстаиваются материальные интересы; в Англии, стало быть, это почти исключительно торговые интересы или интересы тех владельцев, чьи капиталы помещены за рубежом. В 1909 году в известном английском ежемесячнике «The United Service Institution» появилась награжденная премией статья одного британского морского офицера. В ней содержатся следующие положения (я привожу их так, как они переданы графом Эрнстом Ревентловом в его работе «Англия — наш враг»): «Мы (Великобритания) не вступаем в войну по сентиментальным причинам. Сомневаюсь, что когда-либо было иначе. Война — это результат торговых конфликтов, ее цель — силой меча навязать нашим противникам те экономические условия, которые мы считаем необходимыми для достижения своей коммерческой выгоды. Мы пользуемся всеми мыслимыми предложениями и поводами к войне, но в основе их всегда лежит торговля (we give all sorts of reasons for war, but at the bottom of them all is commerce).

Каждый, кто хотя бы поверхностно знаком с английской военной историей, оценит, насколько верно английский морской офицер характеризует здесь причины всех войн, которые когда-либо вела Англия. Прежде всего торговый дом „Англия“ оказывался вынужден применять военную силу в тех случаях, когда ему казалось, что какая-либо конкурирующая фирма вознамерилась обойти его на мировом рынке. Отсюда войны против Испании в XVI веке, против Голландии в XVII, против Франции в XVIII, а теперь — против нас. Но и в каждом отдельном случае можно доказать коммерческий характер поводов к войнам, которые Англия вела или заставляла вести вместо себя. Мне вспоминается война, которую Англия

объявила Испании в 1739 году за то, что последняя не выплатила компенсацию Тихоокеанскому обществу и были задержаны принадлежавшие этому обществу товары. Вспоминается «завоевание» Индии (1757 г.), которое лорд Клайв предпринял по поручению Ост-Индской торговой компании, чтобы отомстить бенгальскому набобу за пленение ее коммивояжеров и защитить их. Вспоминается участие Англии в нашей Семилетней войне, какое особенно поучительно. Англия держала сторону Пруссии, поскольку она, по-видимому, вообще была заинтересована в ослаблении тогда еще первой морской и торговой державы — Франции, в частности в прекращении ее господства в Индии. Но это господство было сломлено в результате завоевания и разрушения Пондишери (16 января 1761 года), тогда как завоевание Канады в 1760 году поколебало позиции Франции на Западе. Таким образом, 16 января интерес Англии к войне Фридриха II иссяк. И как следствие, она немедленно отказалась от своего участия в ней! В декабре 1760 года договор об альянсе с Фридрихом был еще раз продлен при полном единодушии парламента; в следующем же году он *не был* продлен, несмотря на полные горечи и смирения письма, которые великий король адресовал Питту.

Мне вспоминаются и войны XIX века, которые велись уже непосредственно как торговые и капиталистические: опиумная война с Китаем (1840–1842 гг.), война за золото и алмазы с бурами, наконец война 1914 года.

И поскольку мотивы войны у этого торгашеского народа всегда имеют коммерческий характер, поскольку это именно те мотивы, которые по праву лежат в основе любого капиталистического предприятия и преследуют единственную цель — получение наибольшей возможной прибыли, то впоследствии и сама война начинает рассматриваться как капиталистическое предприятие и организуется как таковое. Тогда-то и возникает прекраснейшая мысль: вести войну не своими руками, а руками других. Как для работы бумагопрядильной фабрики на рынке закупаются средства производства и рабочая сила, точно так же, согласно принципу ведения наемниче-

ской войны, закупаются пушки и солдаты. Такова исстари точка зрения воюющего лавочника, которой в античности придерживался Карфаген, а в средние века — банкирские государства Италии. Еще лучше и в меркантильном смысле правильнее даже не вести войну на свой страх и риск, а просто поучаствовать в этом предприятии вложением капитала: таков был способ действий англичан в XVIII веке, когда они прямо-таки затопили европейские государства своими субсидиями. К сожалению, в наше время это дельце уже нельзя повернуть с такой же выгодой. Сегодня сделки вообще заключаются с большим трудом: такова повсеместная примета нашего времени, и здесь, как и на рынке сбыта товаров, эти «проклятые немцы» (damned Germans) тоже отравляют жизнь бедным англичанам.

Сегодня, для того чтобы принуждать остальные народы вести войны за английские торговые интересы, требуется уже несколько более искусный способ действий: если им уже нельзя, как филиалам и агентствам головной конторы, просто отдать распоряжение «поставить» для войны столько-то человек (так обращаются с обитателями колоний, которые, естественно, остаются чужды англичанам и в самой Англии, с вассальными государствами, такими как Египет или Португалия), то нужно либо вступить с ними в компаньонские отношения, что правильно в отношении наций, придерживающихся такого же образа мыслей, либо, — как в случае с французами, когда еще приходится считаться с чужим достоинством и благородством, — умело использовать их слабости, чтобы и эти народы задействовать в означенном предприятии.

Если же дело пущено в ход, то глаз заботливого торговца должен внимательно следить за тем, чтобы оно велось с наибольшей выгодой и наименьшими потерями. Чужие войска не стоят Англии ни гроша, поэтому ими можно жертвовать по усмотрению; чужие города можно подвергать бомбардировке (Антверпен! Остенде под защитой английских орудий!) Свои же войска приходится оплачивать наличными, следовательно, их нужно беречь, насколько

это возможно. Особенно дорого стоят английские корабли! События, происшедшие в силу этого меркантильного принципа в ходе нынешней войны, например в Антверпене, просто вопиющи! Ни на мгновение не задумавшись о долге, верности и достоинстве, английская армия в назначенное время покинула осажденную крепость, которую она должна была защищать, чтобы невредимой добраться до кораблей в Остенде, приютивших беглецов. Я уверен, что английским полководцам, т. е. министрам, возглавляющим торговый дом «Англия», это общество с ограниченной ответственностью, ни разу не пришла в голову мысль о том, сколь несказанно низок их поступок. Если бы кто-нибудь стал их укорять, они бы ответили, что действовали из соображений практичности. И со своей точки зрения они абсолютно правы. Ведь мы уже видели, как их теоретик, Герберт Спенсер, в своей торгашеской этике без обиняков проповедует эту утилитарную мораль.

Но война с применением оружия есть для Англии лишь второстепенная часть войны, которую ныне она сама ведет против нас, ведь участие ее войск, в сущности, не играет в этом предприятии никакой роли, а флот она не посылает в бой, потому что он слишком дорого ей обходится. Ее главная война — это, в узком смысле, торговая и денежная война, какую при других обстоятельствах ведут между собой настоящие (а значит, бессовестные) торговцы, например владельцы двух крупных торговых домов подчиненного ранга. Ведь важнейшие средства борьбы, которыми пользуется Англия, — это как раз обычные коммерческие рогатки и козни: бойкот, кража патентов, каперство, сманивание клиентов, подкуп, — предназначенные единственно для того (ни о чем другом правление английского дома, по всей видимости, и не думает), чтобы вредить нашим материальным интересам.

Как известно, тем, что каперство сохраняется до сих пор, и в нем поневоле приходится участвовать даже враждебным Англии народам, мы целиком обязаны одной ей. Глубинная суть ее военных действий раскрывается в том, что она почитает этот подлый способ борьбы их важнейшей составной частью, от которой она, как мы вновь и

вновь слышим на каждой международной конференции, «не может отказаться».

Известно также, что в ходе нынешней войны английское правительство рассылает по всем зарубежным рынкам своих эмиссаров, чтобы отбить клиентов у конкурирующих немецких фирм. От войны там ждут прежде всего разорения немецких предприятий за границей, о чем свидетельствует письмо корреспондента «Times» в Паханге (Малакка), опубликованное в номере от 11 декабря 1914 года:

«Суть этой войны — в обогащении многочисленного количества прирожденных торговцев. С точки зрения британского промышленника, *чем дольше будет она длиться, тем лучше для английской индустрии*. В настоящий момент мы, пожалуй, испытываем некоторую стесненность, но уже через несколько лет будем в выигрыше. К тому времени все немецкие фирмы, размещенные в британских колониях и подрывающие само существование торговой и деловой жизни Британии, окажутся разорены. Я не сомневаюсь, что предусмотрительное и не делающее ложных шагов *британское правительство полностью сознает это положение вещей*. Если бы у нас была огромная армия и мы ввели бы ее в бой против Германии, чтобы при первом же натиске одержать победу, то последствия *не были бы столь значительными*. Медленное, постоянное давление, как теперь — вот абсолютно правильная политика (!)».

Наиподлейшее, порожденное низменным торгашеским инстинктом военное средство, которым Англия, как известно, столь мастерски пользовалась на этой войне, — это так называемое «журналистское окружение» Германии. На свои деньги она проложила или скупила все мировые кабели, которые бесцеремонно использует ныне для распространения лживых сведений; своими деньгами она подкупила телеграфные бюро, газеты и журналы, иллюстраторов и глав печатных агентств в нейтральном зарубежье, заставив их действовать в ее интересах. Всегда торгашеская с головы до пят, ныне она стала еще и грязно-торгашеской. Еще никогда война с та-

кой откровенностью не велась в чисто торгашеском духе, даже самой Англией, ибо она, конечно же, раз за разом совершенствует свою торговую технику. Часто и впрямь кажется, что мы боремся с каким-то торговым домом. Иногда при чтении официальных английских сообщений создается такое впечатление, будто делец пускает в ход еще один козырь в борьбе с конкурентом, например когда объявляется о прибытии индийских частей во Францию: «Великолепная, первосортная статья, побивающая все прежде напечатанные, поступила сегодня и теперь на нашей витрине!» Рекламные призывы, расхваливание своего товара и принижение достоинств чужого — все соответствует этому образу. Из тех же душевных глубин происходит и чисто количественное восприятие войны. Сколько раз мы уже слышали о миллионной армии благородного лорда Китченера и о стольких-то подразделениях, прибывших или прибывающих из Канады, Индии или Португалии. Все время цифры, цифры и цифры. Опять-таки, это вполне последовательно для предпринимателя-капиталиста, который в растущем обороте видит надежнейшее свидетельство процветания своего дела. Ведь и сам Черчилль (или это был Ллойд Джордж?) с откровенным бесстыдством заявляет: Англия победит, *потому что* потратит на это последний миллион. Здесь, таким образом, капиталистическое понимание вещей уже ничем не прикрыто; здесь без обиняков сказано: для нас война это сделка, как любая другая, и поскольку мы живем в эпоху капитализма, победу в ней получит тот, кто вкладывает больше капитала.

Но из всего, что выявилось в этой войне, наиболее отвратительно то, что англичане рассматривают ее как вид спорта. Когда за счет огромного превосходства в силе «Эмден» удалось наконец заставить сложить оружие, английская пресса, разумеется, торжествовала. Еще бы! ведь английская торговля избавилась от безжалостного недруга. Но случилось невероятное: героический капитан фон Мюллер был вознесен до небес. Доберись он до Лондона, говорили тогда, он стал бы там знаменитейшим человеком. Из-за чего же? Быть может, из-за того что со-

вершал геройские подвиги, следуя своему долгу и сохраняя верность кайзеру и империи? Вовсе нет! Дело в том, что он достиг выдающихся результатов в спорте! А когда пленные англичане покидали Льеж, они протягивали нашим пехотинцам руки, как это делают футболисты по окончании матча! И очень удивлялись, получая надлежащий ответ — пинок по известной части тела.

Пожалуй, ни в чем другом полная коммерциализация войны не проявляется с такой отчетливостью, как в этом бессознательном смешении войны и спорта. Ибо идея спорта возникла в глубине души торговца, которому никогда не понять сущность войны. И я сейчас скажу, почему. Чтобы найти ответ, достаточно лишь рассмотреть культурные ценности и жизненные привычки англичан.

* * *

Если оставить в стороне убудочное государство и гипертрофированный хозяйственный аппарат, то что из «культурных ценностей» было создано в торговом доме «Англия» со времен Шекспира?

Мне нисколько не хочется говорить о том, что в Англии называют «религией»; по существу, это примерно то же, что там имеют наглость именовать «философией». В любом случае, если уж оставить в покое Армию спасения, англичанами в этой области не было совершено ни одного сколько-нибудь значительного творческого деяния. Уже идеи Реформации были для них привозным товаром, *made in German*, чего они нам не забыли до сих пор. Но что англичане сумели сделать мастерски, так это, опять-таки, приспособить свою, так сказать, метафизическую потребность к своим торгашеским интересам. Добрый боженька успешно встраивается во всеобщую деловую активность. Англичане даже приобрели свойство «толерантности» в религиозных вопросах: терпимость намного лучше согласуется с добыванием прибыли и с комфортным существованием, чем непреклонная ортодоксия. Вспомним, кстати, что еще Кромвель позволил евре-

ям вернуться в Англию, так как полагал, что сможет использовать их в финансовой и торговой жизни страны. Не забудем и того, что в знаменитом билле Якова II (1687 г.), которым восторгаются как «великой хартией» религиозной терпимости, дословно сказано: «религиозные преследования не благоприятствуют промышленности и торговле (persecution was unfavourable to population and to trade)». Таким образом, в церковной политике этого народа нам тоже приходится констатировать первичность коммерческих интересов.

Поэзия? Кроме нескольких ирландцев — лорд Байрон, изгнанный из страны и вдрызг разругавшийся со своим народом, да еще один изгнанник, Шелли, в поэме «Леон и Битна» торжественно отрекшийся от своей родины.

Живопись? Слащавые Гейнсборо и Рейнолдс, да истеричные прерафаэлиты.

Музыка?..

Ни одна духовная ценность культуры *не может* произрасти на почве торгашества. Ни теперь, ни когда-либо в будущем. Но англичанам и не нужна духовная культура. Духовными ценностями они тяготятся. И потому из глубин своего существа они произвели две жизненные формы, способные выступить как эрзац этих ценностей, хотя при повсеместном распространении эти формы могут привести и к тому, что в народе будут искоренены последние остатки духовной жизни: я имею в виду комфорт и занятия спортом. Поскольку об этих двух бичах человечества я буду подробно говорить ниже в другой связи, здесь достаточно только назвать их.

Впрочем, справедливость требует сказать, что для этих областей материальной культуры англичане действительно были подвижниками и покровителями. Кроме того, можно было бы и не упоминать о том, что, по крайней мере на ранних порах, они значительно обогатили и расширили наши технические и экономические возможности. Нам еще предстоит оценить, насколько благотворными для человечества оказались эти единственные дары, принесенные ему английским народом.

Часть вторая

НЕМЕЦКИЙ ГЕРОИЗМ

Глава пятая

НЕМЕЦКИЙ ДУХ

Когда иностранцы философствуют о нынешней войне, они, странным образом, все время возвращаются к *одной* мысли: война 1914 года — это война Ницше. Ее-де развязала Германия, и вдохновлялась она духом Ницше. Если отвлечься от той лжи, будто это мы одни хотели войны, то в этом заявлении есть доля истины. Но оно страдает односторонностью. Войну Ницше можно с таким же успехом назвать и войной Фридриха Великого, войной Гете, войной Шиллера, Бетховена, Фихте, Гегеля или Бисмарка: верно, что это именно *немецкая* война. И Фридрих Ницше был лишь последним певцом и провидцем, сошедшим с небес и принесшим нам весть о том, что из нас родится сын Божий, которого он на своем языке называл «сверхчеловеком».

Ницше был лишь последним, кто говорил к нашей совести, быть может, несколько иными словами, но имевшими тот же смысл, что и у всех других великих немцев, его предшественников, и говорил так, как *только мог* когда-либо говорить немец, пусть даже сам он предпочитал выглядеть «добрым европейцем». Но что иное он проповедовал нам, кроме того, что мы не должны потерять себя в том низменном и пошлом, что подкрадывается к нам снизу и чье обиталище никто, кроме Ницше, не помещал с такой определенностью за пределами царства немецкого духа. И хотя он часто и настойчиво требовал не сравнивать его с предшественниками, мы ныне, здраво оценивая урожай прошедших лет, знаем, что в наилучшем из

того, что он нам сказал, Фридрих Ницше остается гражданином Веймара и Потсдама, коим более всего и подобает звание родины немецкого духа (они находятся в центре Германии, а ее периферийные пределы образуют Кенигсберг и Вена).

Так разве этот немецкий дух представляет собой что-то единое, что можно было бы охарактеризовать одним словом? Уже перечисление упомянутых четырех городов (а ведь наряду с ними свое право отстаивали бы и Виттенберг, и Гамбург, и Кельн, и Мюнхен), по-видимому, делает бесперспективной попытку однозначно определить суть всего немецкого. «Кто и когда сможет выразить в понятиях или в словах, что означает: быть немецким? — воскликнул однажды Ранке, — кто назовет по имени гений всех наших столетий, прошедших и будущих? Это был бы только новый фантом, который вновь увлек бы нас на каменистый путь».

Немцы «ускользают от всякой дефиниции и уже одним этим повергают французов в отчаяние», полагал Ницше, видевший характерную черту немцев в том, что они никогда не перестают задумываться над вопросом: «Что значит быть немцем?» И, быть может, единственное, что вновь и вновь обнаруживается во всем немецком, это вечная изменчивость, постоянное стремление стать иным, из-за чего немец, собственно, никогда уже не есть, но всегда находится в становлении, это бесконечное многообразие, неисчерпаемое богатство отдельных черт и особенностей, «бездна индивидуальности», выражаясь образным языком романтиков.

Конечно, и этим одним о немецкой душе уже было бы сказано достаточно многое. Но мне кажется, что можно еще точнее охарактеризовать отдельные существенные особенности немецкого духа, которые четко отличают его от любого другого и прежде всего позволяют совершенно точно определить немецкое мировоззрение, подобно тому как мы без труда смогли определить специфическое мировоззрение англичан.

Немецкое мышление и мироощущение выражается прежде всего в единодушном отвержении всего того, что

хотя бы издалека напоминает английское и, шире, западноевропейское мышление и мироощущение. С глубочайшим отвращением, возмущением и негодованием, «с чувством омерзения» немецкий дух восстал против «идей XVIII века», имевших английскую родословную; каждый немецкий мыслитель, но также и всякий немец, мысливший по-немецки, во все времена с решимостью отвергал утилитаризм, эвдемонизм, т. е. философию выгоды, счастья и наслаждения: *в этом* были едины братья-противники Шопенгауэр и Гегель, Фихте и Ницше, классики и романтики, жители Потсдама и Веймара, старые и новые немцы.

Послушаем, для примера, что говорят о вульгарном образе мыслей англичан два немецких мыслителя, которые в каком-то смысле кажутся крайними противниками во взглядах на жизнь (хотя по существу, конечно же, очень близки друг другу!): Фихте и Ницше.

«Первой задачей новой педагогики... должно стать формирование чистой воли... Воспитуемый *не должен и слышать ничего* о том, что в жизни можно заботиться и беспокоиться о своей безопасности и благополучии, равно как и о том, что этому можно научиться или что учение хоть как-то этому способствует».

«Низость заключается именно в том, чтобы любить свое эмпирическое благополучие и побуждаться только страхом перед его утратой или надеждой на его обретение, будь то в нынешней или в грядущей жизни» (Фихте).

«Буду же говорить я им о самом презренном существе, а это и есть *последний человек*... „Счастье найдено нами“, — говорят последние люди, и моргают».

«Все женское, все рабское и особенно вся чернь: это хочет теперь стать господином всей человеческой судьбы — о отвращение! отвращение! отвращение!»

Они неустанно спрашивают: „как лучше, дольше и приятнее сохраниться человеку?“ ...

Преодолейте мне, о высшие люди... кишеньные муравьев, жалкое довольство, „счастье большинства“!» (Ницше).

Что же мы можем противопоставить этому идеалу мелких лавочников? Можно ли во всяком на немецкий лад

ориентированном мировоззрении обнаружить что-либо позитивное? Я думаю, можно. И если мне пришлось бы выразить одной фразой, что именно, я бы вспомнил старый корабельный девиз, высеченный на фасаде Дома мореплавания в Бремене: «*Navigare necesse, vivere non est*».

«За жизнь мы не держимся, но если уж мы живы, то должны выполнять наш проклятый долг»; иными словами: «Человек, пока жив, должен делать свое дело»; или: «Жизнь отдельного человека — ничто, предназначение наше в заботе о великом целом»; или еще: «Благополучие человека не имеет значения, если только он служит своему делу» — как бы ни перевели это изречение, смысл его всегда сводится к одному и тому же. И у кого бы из немцев мы ни поинтересовались его мнением, любой ответит этим девизом, высеченным над Домом мореплавания в Бремене: и простой человек, бьющийся ныне в окопах за свободу Германии, и мудрец из тех, что служат нам маяками:

«В том, чтобы мне жить, нет нужды; главное для меня — выполнять свой долг и сражаться за свое Отечество, чтобы спасти его, если только его еще можно спасти» (Фридрих М.).

«Попытайся исполнить свой долг, и ты сразу узнаешь, чего стоишь. А что есть твой долг? Требование дня» (Гете).

«Возьмем наши наблюдения над человеческим родом... Также и здесь жизнь никоим образом не подарок, предназначенный для наслаждения, а задача, урок, над которым нужно потрудиться» (Шопенгауэр).

«Что мне до счастья; разве я стремлюсь к счастью? Я стремлюсь к своему делу».

«В чем то самое высокое, что можете вы пережить? Это — час великого презрения... Час, когда вы говорите: „В чем мое счастье? Оно — бедность и грязь и жалкое довольство собою...“»

«Мы (имморалисты) оплетены крепкой сетью и кожаном обязанностей и не *можем* выбраться оттуда — в этом именно и мы, даже мы, суть „люди долга“. Порою, правда, мы танцуем в наших „цепях“ и среди наших „мечей“;

чаще же, и это тоже правда, мы скрежещем зубами под их тяжестью и мечемся нетерпеливо в сознании таинственной суровости нашего жребия. Но мы можем делать что угодно: болваны и очевидность говорят против нас — „это люди *без* чувства долга“, — болваны и очевидность всегда против нас». (Ницше для меня особенно ценен как главный свидетель в том, что касается немецкого мышления и немецких ценностей, потому что поверхностным читателям он кажется, скорее, противником немецкой сути, устроенным иначе, чем его великие предшественники — немцы.)

Часто говорят, что такое мировоззрение порождено нашей спекулятивной философией и что «категорический императив долга» нам привил Кант. Это, конечно, неправда. Уже упоминание имен тех немцев, что жили до Канта и тем не менее исповедовали ту же мораль, доказывает, что этот вывод ложен. Утверждать, будто бы Кант выдвинул некие моральные принципы и учил неким определенным законам восприятия жизни, означало бы совершить горькую несправедливость по отношению к нему самому, означало бы целиком и полностью исказить дух его учения. Напротив, подобно тому как он, по его же собственным словам, только открывает формы познания, а не изобретает их, точно так же и моральный закон он не полагает, следуя своему усмотрению, а только раскрывает его в определенных формах, а также указывает на его сверхчувственное происхождение. Общеизвестно прекрасное место, единственное, в котором даже Кантова манера письма приобретает слегка патетическое звучание, где он выводит божественное происхождение сознания долга из разумных оснований:

«Долг! Возвышенное, великое имя... Каков твой достоимый исток и в чем корень твоего благородного происхождения?.. Не иначе как в том, что возвышает человека над ним самим (как частью чувственного мира), что связывает его с порядком вещей, который можно мыслить только рассудком и который в то же время стоит над всем чувственным миром, в том числе и над эмпирически определенным бытием человека во времени, над цело-

купностью всех целей (которая, как моральная, только и соразмерна таким безусловным практическим законам). Это не что иное, как личность, т. е. свобода и независимость от всего природного механизма, но в то же время рассматриваемая и как способность такого существа, которое подчинено своеобразным, а именно данным его собственным разумом, чистым практическим законам, и, таким образом, лицо, принадлежащее чувственному миру, подчинено своей собственной личности, поскольку оно в то же время принадлежит и умопостигаемому миру; потому не удивительно, что человек, поскольку он принадлежит обоим мирам, в связи со своим вторым, и высшим, предназначением должен относиться к собственному своему существу не иначе как с почтением, а к его законам — с высочайшим вниманием».

Ведь подлинно великое достижение немецкой философии — и только немецкой, тогда как философии всех прочих стран застряли на категориях рассудка, — состоит в том, что она поставила себе задачей силою разума свить такую нить, которая от нашей жизни на этой Земле вела бы в строгую тишину того духовного царства, откуда мы пришли и куда мы возвращаемся; в том, что она отыскала сверхчувственное в самом разуме и тем самым впервые сделалась собственно философией.

Эта немецкая философия действительно, самым делом своего мышления, возносится к тому неизменному, что, по прекрасному выражению Фихте, «больше любой бесконечности» и только в нем находит истинное бытие:

«Время, вечность и бесконечность она видит в их возникновении из явления и проявления того единого, что само по себе совершенно незримо и может быть правильно схвачено только в этой своей незримости. Согласно этой философии, бесконечность сама по себе ничтожна и не обладает никаким истинным бытием: она есть только средство, с помощью которого становится зримым то единственное, что есть и что есть только в своей незримости, благодаря чему для нее в круге образности созидается образ, призрак и тень самого этого незримого. Все, что в пределах этой бесконечности образного мира может

еще стать зримым, есть, таким образом, ничтожнейшее Ничто, тень тени, и это только средство, с помощью которого становится зримым то первое Ничто, Ничто бесконечности и самого времени, благодаря чему мысли открывается простор для взлета в область необразного и незримого бытия».

Поэт выразил эту идею кратко:

«Все преходящее —
Только сравненье...»

Гете будто бы мыслил чуть «реалистичнее», точнее «материалистичнее», «натуралистичнее» великих представителей немецкой трансцендентальной философии!

Но это не так: мне кажется, что только тот постигнет весь смысл и всю ценность также и поэзии немцев, кто как ее глубочайший основной тон услышит эту веру в существование обоих миров, которым принадлежим мы, люди. Две жизни проживаем мы на Земле: низшую, чувственную и — высшую, духовную. Первая разъединяет нас, вторая соединяет. И весь смысл земных скитаний состоит в том, что из первой, низшей, чувственной жизни мы восходим к высшей, духовной, где воссоединяемся с миром духов, из которого пришли. Стало быть, мы должны преодолеть жизнь, справиться с этой жизненной задачей. В удивительном согласии друг с другом два наших величайших поэта попытались выразить в образе испепеляющего огня это очищение, это возвышение чувственного человека к более высокой форме бытия человека духовного; слова эти известны каждому:

«И пока ты не обрел
Смерть и становленье,
Будешь ты бродить средь дол
Мрачным привиденьем...»

«Надо, чтобы ты сжег себя в своем собственном пламени: как же мог бы ты обновиться, не сделавшись сперва пеплом!» — вторит им Заратустра.

И это главная мысль философии Ницше, который, правда, иногда примеряет в своих афоризмах личину мо-

ниста, но по существу его мышление все же остается трансцендентальным. Ведь в противном случае его учение о преодолении себя самого, которое он провозглашает как последнюю мудрость, не имело бы вовсе никакого смысла: его идеал сверхчеловека был бы истолкован в духе животноводства. Прислушаемся к возвышающим словам Заратустры:

«Многое ценится живущим выше, чем сама жизнь...

Так приносит себя в жертву и больший и из-за власти ставит на доску — жизнь свою. В том и жертва великого, чтобы было в нем дерзновение, и опасность, и игра в кости на смерть...

И вот какую тайну поведала мне сама жизнь: смотри, говорила она, я всегда должна преодолевать самое себя...

С моими слезами иди в свое уединение, брат мой. Я люблю того, кто хочет созидать дальше себя самого и так погибает».

О чем ином говорится в этих словах, как не о том, чему учит нас и Фаустова идея. Жертвой оканчивается судьба человека: выполнением его собственной задачи, в результате чего он перерастает пределы своей телесности и воссоединяется с царством духов, возвращается к своей Родине.

Здесь же находит свое глубочайшее обоснование идея долга. Мне кажется, в немецком языке (и только в нем, в единственном «праязыке», как полагал Фихте) *одно* слово заключает в себе смысл всех наших стремлений, всего нашего мышления и поэзии: это слово «задача» [Aufgabe]. Пока мы живы, мы должны выполнять некую задачу, задачу, которая растворяется в тысяче повседневных задач. Жизнь — это задача, заданная нам высшей силой. Но исчерпывая содержание нашей жизни, мы во всех наших трудах отдаем частицу самих себя [geben... uns auf], и это отречение от своего собственного Я доставляет нам единственное глубокое удовлетворение, которое может предложить земная жизнь, приносит нам душевный покой, поскольку благодаря этому отречению мы достигаем соединения с тем божественным, оторванность и отринутость от которого вызывает нашу наибольшую печаль и страдание на Земле.

Но самой отрадной особенностью нашего немецкого мышления является то, что соединения с божеством мы достигаем уже на Земле и достигаем его не умерщвлением плоти и воли, а энергичной творческой деятельностью. Мы отдаем себя в деятельной жизни, в ходе беспрестанной постановки и выполнения новых и новых задач, и это придает нашему миропониманию всепобеждающую силу, делает его непревзойденным на этой Земле. Именно поэтому я называю такое миропонимание воительским, героическим, и теперь читатель видит, к какому пункту я его подводил: *быть немцем значит быть воителем*, английскому торгашеству в области жизни и духа мы противопоставляем немецкий героизм.

Торгаш и герой — они образуют два великих тезиса, как бы два полюса для ориентации человека на Земле. Торгаш, как мы видели, подходит к жизни с вопросом: что ты, жизнь, можешь мне дать? он хочет брать, хочет за счет по возможности наименьшего действия со своей стороны выменять для себя по возможности больше, хочет заключить с жизнью приносящую выгоду сделку; это означает, что он беден. Герой вступает в жизнь с вопросом: жизнь, что я могу дать тебе? он хочет дарить, хочет себя растратить, пожертвовать собой — без какого-либо ответного дара; это означает, что он богат. Торгаш говорит только о «правах», герой — только о лежащем на нем долге; и даже выполнив все свои обязанности, он все еще чувствует в себе склонность отдавать:

«Исполненная обязанность все еще ощущается как долг, потому что ее исполнением никак не можешь удовлетворяться» (Гете).

«Так хочет этого характер душ благородных: они ничего не желают иметь даром, всего менее жизнь».

Кто из толпы, тот хочет жить даром; мы же другие, кому дана жизнь, — мы постоянно размышляем, что могли бы мы дать лучшего в обмен за нее!»

«Ваша жажда в том, чтобы самим стать жертвою и даянием; потому вы и жаждете собрать все богатства в своей душе...»

«...Ужасом является для нас вырождающееся чувство, которое говорит: „все для меня“».

Это вновь говорил Заратустра.

Но добродетели героя противоположны добродетелям торговца: все они позитивны, все будят жизнь и придают жизни; это «дарящие добродетели»: готовность к самопожертвованию, верность, простодушие, почтительность, храбрость, благочестие, послушание, доброта. Это добродетели воина, добродетели, которые полностью развертываются на войне и благодаря войне, как и вообще героизм только на войне и благодаря войне вырастает в свой полный рост. Чтобы это понять, нам надо еще глубже вникнуть в суть героического мировоззрения. Нужно будет ознакомиться с направлением тех идей, которые с необходимостью содержатся во всяком земном героизме и ведут нас к идеям отечества и государства.

Глава шестая

НЕМЕЦКАЯ ИДЕЯ ОТЕЧЕСТВА

Героическое понимание жизни с необходимостью и сразу приводит к патриотической настроенности. Нет героизма без отечества, но можно сказать и наоборот: нет отечества без героизма. Поэтому у торговца английского народа нет даже такого слова — «отечество»; идея эта ему полностью чужда.

Главное в героическом миропонимании, которое можно также называть идеалистическим, это, как мы видели, невысокая оценка натуралистической жизни отдельного человека, каковой, с точки зрения этого миропонимания, призван отдать себя, пожертвовать собой, чтобы такой ценой достичь более высокой духовной жизни:

«Не поставивши жизнь на кон,
Не добудешь жизни закон...»

Стало быть, каждый служит какому-то делу, чему-то надындивидуальному, и тем самым порождает мир над

собой и вне себя. Но чтобы действия отдельного человека не остались бессмысленными, они должны в высшей жизни смыкаться в некое живое единство; из разрозненных действий индивидуума должно вырастать целостное произведение, у которого есть своя жизнь и которое как раз живет на этой Земле подлинной жизнью, которое и является собственно действительным в этом мире, тогда как отдельная жизнь подобна лишь промелькнувшей тени. Эта надындивидуальная жизнь, которой и ради которой живет отдельный человек, предстает перед нами в идее народа или отечества.

Убежденность в том, что мы призваны жить и умереть за это целое, которое живет над нами, которое продолжает существовать даже без нас и против нашей воли; что только его жизнь является действительной жизнью, потому что это жизнь в Боге и жизнь в духе,— это нравственное сознание образует содержание идеи отечества и не имеет никакого отношения к сентиментальной привязанности к «родному дому и клочку земли». Не имеет она отношения и к так называемой «национальной гордости», свойственной англичанам, гордости, у которой нет никакого нравственного и духовного основания. Это национальное чувство англичан, которое в каждом из них пробуждает гордость за принадлежность к такому «сильному» государству, как английское, больше всего напоминает гордость коммивояжера, кичащегося тем, что служит в самом крупном и самом почтенном торговом доме города. Что национальное чувство англичан не имеет ничего общего с той любовью, какую немцы испытывают к отечеству, становится ясно из того, что первое кончается там, где начинается вторая, а именно, где требуется пожертвовать собой ради отечества. Рекрутский барабан разъезжает ныне по Англии, пытаясь созвать молодых англичан под знамена ради защиты отечества. Но никто не готов жертвовать собой, никто не следует призыву. Те, кого удастся завербовать, идут на это потому, что видят тут выгодную сделку.

Благое провидение властвует над судьбами немецкого народа, призванного к самому высокому на этой Земле.

Извилистыми путями нелегкой политической истории оно провело его к вершинам героического миропонимания, и все ошибки в своей политической жизни наш народ тоже совершал из любви к отечеству и руководствуясь идеей отечества, более глубокой в духовном и нравственном смысле.

Нашим благословением было, что в те века, когда западноевропейские нации разрастались в мощные государственные образования, когда шел дележ внешнего мира, мы оставались в стороне и потому, отлученные от всякого внешнего могущества, могли свободно завоевывать царство внутреннего человека. Когда полностью сформировалась английская мировая империя, в границах которой иссохло все подлинно человеческое, тогда же, в конце XVIII века, в области немецкого духа сформировался свободный, духовный и нравственный человек:

«... сын времени созревший».

То, чего немец был лишен во внешнем могуществе, он приобрел во внутренней силе.

Та же политическая убогость Германии способствовала развитию в ней более глубокого и богатого понимания народности и патриотизма. Правда, какое-то время казалось, что немецкий дух готов перейти границы народного и патриотического сознания и пуститься в погоню за фантомом безродной мировой буржуазии. Но этой опасности удалось избежать благодаря надежному инстинкту немецкого чувства. Уже в эти годы чистейшего веймарства в умах и сердцах наших лучших людей все же пробило себе путь то убеждение, что человек укоренен в национальном, оттуда получает свою силу и обязан отплатить за это наилучшим из того, что имеет. Упомянутая выше логически необходимая связь героико-идеалистического мировоззрения с любовью к отечеству в умах таких людей, как Вильгельм фон Гумбольдт и Фридрих Шиллер, установилась уже на рубеже XVIII—XIX столетий. На примере Гумбольдта видно (и это особенно удачно показал Фридрих Майнеке в одной из замечательных

глав своей книги «Мировая буржуазия и национальное государство»), как строгий и честный перед самим собой индивидуализм благодаря только своим силам и размышлениям неминуемо приходит к признанию надындивидуальных жизненных начал, «которыми объемлется и ограничивается, но в то время поддерживается и оплодотворяется жизнь отдельного человека». «Сам по себе человек слаб,— пишет Гумбольдт в одном сочинении 1793 года,— и не может достичь многого своими собственными, скоро иссякающими силами. Ему нужна высота, на которую он может стать, нужна масса людей, которая для него что-то значит, нужен ряд, к которому он может примкнуть. И этого преимущества он неизменно достигает, по мере того как в нем прорастает и развивается дух его нации, его рода, его эпохи». 18 марта 1799 года он пишет из Парижа Гете: «Раз уж Вам известна ограниченность моей природы, Вы должны понять, что все окружающее меня за пределами Германии неизменно ощущается мною как чужеродное... Тот, кто занимается философией и искусством, более тесно связан со своим отечеством, чем кто-либо другой... Философия и искусство больше нуждаются в собственном языке, который сформировали для себя ощущение и духовный настрой и который в свою очередь участвовал в их формировании».

Шиллер в своем «Вильгельме Телле» тоже вкладывает в уста одного из своих героев, Аттинггаузера, возвышенные слова об отечестве, которые и сегодня убедительнейшим образом наставляют нас в патриотическом долге.

И конечно, патриотизм веймарцев отличался своеобразной окраской: он был полностью лишен политического характера. Подобный патриотизм я выше назвал культур-патриотизмом. Это любовь к немецкому народу, к немецкой культуре, любовь к отечеству немцев, но, собственно, не немецкая любовь к отечеству. Ибо куда же было распространиться последней в те времена, когда германская политика испытывала глубочайшее унижение? Поэтому патриотизм тех дней несет на себе отчетливый аполитический отпечаток, как это всего явственнее

выступает в одном из обнаруженных в наследии Шиллера фрагментов, в котором мы можем видеть план стихотворения «Величие Германии». В нем сказано:

«Отлученный от политической жизни, немец основал для себя особую ценность, и если бы даже империя погибла, его достоинство осталось бы незатронутым. Достоинство это есть нравственная величина, она живет в культуре и в характере нации, который не зависит от ее политических судеб... Когда закачалась политическая империя, духовная только укрепилась и стала еще совершеннее».

В этих словах можно услышать отголосок той боли, которую в условиях бедственного политического положения империи испытывал, по-видимому, каждый немец. Но его перекрывает гордость за единственную в своем роде духовность немецкого народа. И пусть весь патриотизм того времени мог выразиться только как культурпатриотизм, — я утверждаю, что именно он способствовал углублению немецкой идеи отечества и немецкой любви к отечеству; именно он на все времена придал немецкому патриотизму тот особый отпечаток, которым мы по праву гордимся сегодня. Своими глубокими корнями немецкий патриотизм уходит в плодородную материнскую почву героического мировоззрения, а крону его пронизывают лучи наивысшей духовной и творческой культуры. Особенно удачно это удалось выразить Фридриху Майнеке, который писал: «Очистив идею нации от всего политического и вместо этого вложив в нее все добытые духовные блага, ее вознесли в сферу вечности и религии».

Глава седьмая

НЕМЕЦКАЯ ИДЕЯ ГОСУДАРСТВА

Свидетельством изобилия немецкого духа и силы немецкой любви к отечеству служит то, что этот народ, который до самого последнего времени не имел объединяющего государства, породил идею государства такой глубины и достоинства, какой не бывало со времен Платона.

Идею государства, которая с неуклонной необходимостью вытекала из героического немецкого мировоззрения и которая в своей монументальности вновь превзошла противоположное ей понимание государства, свойственное английским лавочникам.

Я говорю: «немецкое понимание государства» не в том смысле, что оно во все времена господствовало в мире немецких идей. Мы пережили целые эпохи, когда английский торгашеский дух с удобством устраивался в Германии и нам проповедовались учения св. Манчестера. Здесь я имею в виду не политические теории немецких мыслителей, которые в XVIII веке тоже принимали учение о государственном *договоре* в качестве исходного пункта всех своих теорий государства. Ведь мы оскорбили бы честную память Пуфендорфа, Томазия, Вольфа и Канта, если бы в силу того, что они отдали дань господствовавшей и модной тогда теории договора, захотели поставить их на одну доску с теми лавочниками, которые в своих теоретических построениях усердно пытались выставить государство всеобщей торговой сделкой. Несмотря на формальное совпадение их политических теорий с английскими, их дух был все же немецким духом, и от английских теоретиков их отделял целый мир. Вспомним, что, к примеру, учение Кристиана Вольфа о «естественном праве» (*jus naturae*) исходит из обязанностей отдельного человека, над которыми лишь потом надстраиваются его права: «право возникает из обязанности (*jus oritur ex obligatione*); обязанность первичнее права, и если нет обязанности, не будет и права (*obligatio est prior jure, et si nulla esset obligatio, nec ullum jus foret*)».

Но, конечно, особенно неправы мы будем по отношению к Канту, если его учение о государстве, из-за того, что оно содержит договорный момент, свалим в одну кучу с теориями торговцев, основная мысль которых состоит, как мы видели, в том, чтобы найти полезные основания возможной заинтересованности индивидуумов в государстве. Однако «столь же софистические, сколь бесполезные рассуждения о предназначении государства» (как это назвал Родбертус), полностью отсутствуют в

политическом учении Канта. Если мы, к примеру, прочтем, что он пишет о различии активного и пассивного гражданина государства, заявляя, что пассивные граждане (т. е. лица, которые понуждаются к поддержанию своего существования «не собственной волей, а распоряжением других лиц») являются «всего лишь подсобными рабочими в общем деле, потому что командовать ими и защищать их приходится другим людям, и потому они в гражданском отношении несамостоятельны»; или что «происхождение верховной власти в практическом аспекте для народа непостижимо, т. е. подданным не следует... особенно умничать по этому поводу; или, что тезис „всякая власть — от Бога“ — это не историческое основание гражданской конституции, а идея, как принцип практического разума, и т. п., то все это, конечно, в достаточной мере доказывает, что по духу он никогда не имел ничего общего с западноевропейскими механикоматериалистическими и индивидуалистическими теориями государства.

Но мыслители рангом помельче начали было торговать у нас вразнос английским пониманием государства, не без того, правда, чтобы его каждый раз разрушали полновесные удары.

Вспомним конец XVIII века, когда г-н фон Шлецер мог написать в своем «Всеобщем государственном праве»: «Государство было изобретено людьми, они создали его ради своего блага, подобно тому как ими были введены страховые бюро и т. п». Тогда же среди «романтиков» появились первые противники этих заимствованных воззрений, которые с особой настойчивостью и противопоставили им другие, а именно немецкие, воззрения.

Так, Адам Мюллер, говорил:

«Государство — это не просто мануфактура, молочная ферма, страховое бюро или меркантильное сообщество; государство — это внутренняя взаимосвязь всех физических и духовных потребностей, всех физических и духовных богатств, всей внутренней и внешней жизни народа, образующая грандиозное, энергичное, непрестанно движущееся живое целое».

И чтобы сразу же дать слово другому романтику, я хочу здесь привести слова Новалиса, который в поэтической форме уже почти в полной ее глубине и чистоте выразил немецкую идею государства, отбросив все то, что апостолы блаженства успели нафилософствовать о государстве, понимаемом ими как страховое общество на взаимных интересах:

«Всякая культура возникает из взаимоотношений человека и государства... Человек пытался сделать государство подушкой для своей лени, и все же оно должно быть чем-то прямо противоположным. Государство — это оснастка для всякой деятельности, его предназначение в том, чтобы сделать человека абсолютно сильным, а не абсолютно расслабленным, сделать его не самым ленивым, а самым деятельным существом. Государство не избавляет человека от труда, а, скорее, до бесконечности умножает его изнурительность; но при этом и силы человека возрастают до бесконечности».

Затем для Германии вновь наступили сумрачные времена, когда в 1860–1870-е годы представители так называемой манчестерской школы без всякого стыда сбывали в немецких переулках импортный английский товар как произведенный в Германии. Я уже рассказывал, как им был дан отпор социалистом Лассалем, к которому присоединился социалист Родбертус. Известно и то, что сегодня эта «манчестерская теория» с презрением отброшена теоретиками и практиками Германии как совершенно ошибочная и негодная. Так можем ли мы сказать, что в понимании государства немецкий дух достиг единоличного господства в самой Германии? Или же некоторые головы все еще не могут отказаться от воззрений английского торгашества?

Если мы спросим теперь, в чем состоит суть немецкой идеи государства, то должны будем охарактеризовать немецкое понимание государства как объективно-органическое; это означает, что оно опирается на следующую фундаментальную идею: государство не было основано или образовано никакими индивидуумами, оно не является просто скоплением индивидуумов, и назначение его

не в том, чтобы споспешествовать каким бы то ни было индивидуальным интересам. Напротив, государство есть собранная в единство народная общность, сознательная организация надындивидуального, которому отдельные индивидуумы принадлежат как его части. Если героическое миропонимание пробилось к признанию надындивидуального существования и власти, то, как я уже говорил, оно с неукоснительной необходимостью должно было прийти и к этой идее государства, потому что только в форме государственного единства присущее народу живое всеобщее могло осознать себя и сделать для себя предметной свою собственную сущность.

Поскольку противники вышеописанного понимания государства часто пытаются принизить его значение, называя его «реакционным» и противопоставляя «прогрессивной» теории государства, рожденной английским торгашеским духом, я хочу снова привести слова Фердинанда Лассаля, в которых он оглашает свою точку зрения на сущность государства (сходную с теорией его учителя Фихте) из «Рабочей программы», § 36:

«Государство представляет собой это единство индивидуумов в некоем нравственном целом, единство, которое в миллионы раз увеличивает силы всех отдельных людей, в него включенных... Таким образом, цель государства состоит в том, чтобы направить человеческое существо на путь позитивного развертывания и прогрессирующего развития, иными словами, способствовать тому, чтобы предназначение человека — т. е. культура, создавать которую способен человеческий род, — реализовалось в действительном бытии; государство есть развитие человеческого рода в направлении к свободе. В этом подлинно нравственная природа государства, его истинная и высшая задача».

«Развитие в направлении к свободе» — это звучит в духе Фихте; свобода отдельного человека развиваться в направлении нравственного совершенства, которым он изначально обладает как идеальная сущность, т. е. в приближении к идее стать в действительности тем, что он есть в идеале. «Сколь бы серьезные различия ни разделя-

ли нас с вами, господа, — торжественно обращается Лас-саль к своим судьям в заключении своей знаменитой защитительной речи перед апелляционным судом, — этому разрушению всякой нравственности мы все же противостояем рука об руку. Древний огонь богини Весты, очаг всякой цивилизации — государство защищаю я *вместе* с вами от этих современных варваров (т. е. манчестерцев)!»

С этой идеей государства теснейшим образом связано понимание того, что по отношению к целому отдельные люди имеют прежде всего обязанности, права же для отдельных лиц могут выводиться лишь в меру того, как ими исполняются обязанности. При последовательном претворении в жизнь это понимание государства отвергает также и схематическое, чисто количественное уравнивание всех индивидуумов между собой по их ценности и в качестве идеала выдвигает призыв: дать всем отдельным людям, столь различающимся в своих способностях и достижениях, возможность развертывать свою сущность таким образом, чтобы в результате выигрывало целое. Именно поэтому такое воззрение (хотелось бы обратить на это внимание) называется органическим: не потому что, как полагают многие, в нем государство сравнивается с организмом в биологическом смысле (такое сравнение следовало бы либо оставить в стороне, либо применять крайне аккуратно: оно легко может привести к заблуждению, в частности потому что в каждом случае, где ему отдается предпочтение в какой-либо теории государства, эту теорию обычно причисляют к объективно-органическим в духе немецкого понимания государства, что не всегда справедливо, — к примеру, политическая теория Гоббса целиком и полностью порождена английским, а не немецким духом), а потому что оно с полным на то правом называется органическим и противопоставляется английскому, механическому воззрению, что в нем отношение отдельного человека к целому понимается в «органическом» смысле, поскольку в духовном смысле отдельные люди должны «органически» входить в духовное целое. Если хотите, речь здесь идет и о сравнении в биологическом смысле, но только понимается оно

совершенно по-другому. Государство, без сомнения, является живым существом, но существом метабиологическим, *духовным*, которому отдельные люди причастны своей *духовной* жизнью.

Впрочем, они не перестают при этом быть самостоятельными отдельными людьми и сохраняют свою ценность как таковые. В этом состоит отличие немецкого понимания государства от античного. Между тем, немецкий дух воспламенился именно от духа античного, и Платоновое государство явилось прообразом всех политических идеалов Германии. Как объяснял рабочим Лассаль, в Германии манчестерской идее государства, «к счастью, активно противоборствует классическое образование, ставшее ныне неотъемлемым фундаментом немецкого духа». Но своеобразии немецкого понимания государства состоит в том, что в нем индивидуум не поглощается государством, что оно стремится примирить немецкий индивидуализм и христианское признание внутренней ценности человека с античной (заметим, кстати, — и французской!) идеей всевластия государства.

Мы должны помнить замечательные слова Фихте, в которых он предостерегает от чрезмерной эксплуатации государственной идеи. В одной своей речи он говорит:

«Немецкая пронизательность... непоколебимо убедилась в том, что... раны и увечья, нанесенные отдельному человеку, не могут быть залечены никакой сколь угодно великой славой всей нации».

Но под этим он, конечно же, не подразумевает, что отдельный человек должен оставаться невредимым, пусть даже ради этого пострадает слава нации. Нация остается живым существом высшего уровня, и о том, чтобы жизнь его сохранялась, как раз должно позаботиться государство. Государство — это мощное оружие, данное нации для того, чтобы она могла постоять за себя в борьбе с враждебными силами. Нация и народная общность очень скоро распадутся под воздействием извне, если их не будет охранять сильное государство: именно так государственная проблема выглядит с внешней точки зрения. А от нее мы сразу приходим к проблеме войны, на-

ходящейся в тесной логической связи со всем прежде сказанным.

Мы должны достичь ясного осознания того, что *одно* национальное государство с необходимостью предполагает существование других государств, благодаря чему может существовать и оно само. Эту богатую содержанием мысль первым высказал, кажется, Адам Мюллер, придавший ей следующую формулировку:

«Как могли бы все бесчисленные индивидуумы, из коих состоит государство, знать, что они образуют некое целое, если бы другие государства, другие политические целостности не напоминали им об этой их взаимосвязи и не принуждали бы их охранять общность, в которую они сплочены».

Но природа всякого государства непрерывно требует, чтобы с ним считались как с живым существом, требует постоянного сравнения и соизмерения его с другими государствами. Однако жизнедеятельность включает в себя также, и прежде всего, органическое расширение: в каждом государстве живет «внутреннее, совершенно не сознаваемое ныне живущим поколением, но порождаемое импульсом предыдущих поколений стремление к жизненному росту», как опять-таки, уже подводя черту, выразился Адам Мюллер.

«Жизненный рост» имеет место в органическом государстве. В нем господствует не мертвая, обусловливаемая чисто коммерческими причинами тенденция к экспансии, какую мы могли наблюдать на примере английской мировой империи, представляющей собой механическое нагромождение частей. Все силы, все органы, все члены государства должны всегда оставаться в гармоническом отношении друг к другу — это убеждение также образует важную составную часть того, что мы здесь описали как объективную, органическую, т. е. немецкую идею государства.

Эта идея собственной органической жизни каждого государства встает на место разделяемого всеми мелкими лавочниками представления о мертвом равновесии, поддерживаемом между отдельными государствами,—

мысль, заключающая в себе все необходимые направления здоровой государственной политики, но здесь не место развивать ее дальше. В будущем о ней будет сказано подробнее.

Сейчас же достаточно указать, что борьба, которую ведут между собой государства, т. е. война между различными народами, представляет собой неизбежное сопутствующее явление во всякой государственной жизни, пока она остается жизнью. Оправдание войны содержится в естественном устройстве всего живого, к каковой сфере относятся и государства. «Справедлива та война, которая необходима (*quella guerra è giusta, che è necessaria*)», — сказал человек, преподававший историю целому миру лавочников. Противоположность торгашей и героев выливается здесь в противоположность лавочников и воинов, между которыми мы и должны выбирать.

Глава восьмая

НЕМЕЦКИЙ МИЛИТАРИЗМ

«Германия рвется в бой», — заявляют, как мы видели, наши враги. И мы согласились с ними. Но что означает этот милитаризм? Об этом сами немцы и иностранцы придерживаются крайне различного мнения. Возвращения против милитаризма, которые были оглашены в последние месяцы, свидетельствуют о том, что за границей отсутствует глубокое понимание его сущности. Если отвлечься от сказанного о немецком милитаризме, например, профессором Ларсеном в Дании или доктором Джинно Бертолини в Италии (к ним можно добавить еще пару человек, чьи высказывания до меня не дошли), то все, что простые и высокопоставленные иностранцы говорили об этом в последнее время, можно с полным на то правом назвать чепухой. И это новое подтверждение тому, что чужеземец *не может* нас понять, за исключением тех немногих выдающихся личностей, кого благосклонная судьба вознесла к высотам немецкого духа.

Наглядным примером того, насколько мышление чужестранцев, особенно разделяющих торгашеский настрой, несостоятельно в осмыслении такой проблемы, как немецкий милитаризм, является опять же Герберт Спенсер.

Спенсер, как мы уже видели, противопоставляет друг другу два типа общества: военное и индустриальное, причем, конечно же, оценивает первый тип как низший, а второй — как высший. Но то, как он описывает общество военного типа, показывает, что он не имеет ни малейшего представления о его сущности (тогда как «индустриальный тип» анализирует, ведомый утонченнейшим торгашеским инстинктом). Все высказанное им — только поверхностно, например в том случае, когда в качестве «фундаментального принципа» военного типа он не может назвать ничего, кроме «принуждения к совместному действию» (Социология, § 554).

Основная ошибка его точки зрения (как и всякой иностранной, которая в таких вещах, по выражению Фихте, всегда «напугана призраком смерти») состоит в том, что он считает первичной ту или иную определенную институцию, из которой должен проистекать тот или иной определенный дух, т. е. меняет местами причину и следствие, поскольку это как раз любое социальное или государственное учреждение представляет собой форму внешнего проявления того или иного определенного духа. Все благонамеренные чужестранцы постоянно хотят освободить нас от какой-либо «институции», к примеру, председатель Гарвардского университета проф. Элиот хотел бы создать для нас новую, более совершенную конституцию, чтобы мы терпением и упорством понемногу приблизились к высотам американской культуры. Другие намереваются избавить нас от нашего кайзера, видимо, тяготящего нас неким бременем. Большинство же озабочено тем, чтобы «освободить» нас от милитаризма. Все время тут бьется одна и та же извращенная мысль — будто все эти учреждения суть нечто внешнее, что лежит на немецком народе, как тюк на осле. Напротив, следовало бы уразуметь, что всякое внешнее прояв-

ление общественной и государственной жизни — это естественная эманация духа, тот или иной народ одушевляющего.

Так и милитаризм поначалу представляется чем-то внешним, поскольку он институционален. Он проявляется во всеобщей воинской обязанности, в устрашающей военной мощи, с которой ныне тщетно пытаются совладать вся Европа и половина остального мира; проявляется на бесчисленных казарменных дворах, в их кому-то более, а кому-то менее приятных «красотах»; в демонстративно-воинственной роскоши, в пулеметах и густых усах, в военной выправке и разнообразии военной формы.

Но все это как раз только внешние покровы. То, что здесь проявляется, порождено особым духом, воздействие которого простирается гораздо дальше, чем хватило бы глаз, которым проникнут весь наш народ и который присутствует в тысячах и тысячах других жизненных явлений, во всех областях нашего публичного и частного, внешнего и внутреннего бытия. Каков же, спросим мы теперь, этот дух, который порождает милитаризм или сам как милитаризм проявляется?

Чем иным и может оказаться немецкий милитаризм, как не порождением немецкого духа, который мы уже рассмотрели? Можно, пожалуй, сказать: это тот же самый немецкий дух в его живом воздействии, в его проявлении во внешних жизненных формах. Милитаризм есть зримая форма немецкого героизма. Милитаризм есть воплощение героических принципов, особенно в том, что касается подготовки и ведения войн.

Милитаризм — это героический дух, поднявшийся на ступень воинского духа. Это Потсдам и Веймар в их теснейшем союзе. Это «Фауст», «Заратустра» и партитура Бетховена — в окопах. Ведь «Героическая» и «Эгмонт» — это тоже чистейшей воды милитаризм.

Если же спросить, что он представляет собой в частности, если попытаться полностью постичь его своеобразие с помощью понятий, то, по моему мнению, в милитаристском духе можно будет выделить следующие составляющие.

Прежде всего, под милитаризмом следует понимать то, что можно назвать приматом военных интересов в стране. Все, что имеет отношение к войне, для нас первостепенно. Мы — народ воинов. Воинам подобают наивысшие государственные почести. Внешне это проявляется во множестве вещей, которые бросаются в глаза чужеземцу: наш кайзер всегда показывается на публике в военной форме; по случаю каких-либо торжеств так же бывают одеты и наши высшие чиновники и депутаты, если они состоят на военной службе; принцы уже появляются на свет солдатами и с юношеской поры неразрывно связаны с армией. Все прочие отрасли народной жизни стоят на службе военных интересов; в особенности же им подчинена экономическая жизнь.

Другим признаком милитаризма является высокая оценка и соблюдение всех воинских добродетелей, прежде всего двух основных: храбрости и повиновения — истинных добродетелей свободного человека. Удивительно, насколько единодушно все наши великие моралисты проповедовали именно их. Вспоминается Гегель, но прежде всего Ницше:

«Что хорошо? — спрашиваете вы. Хорошо быть храбрым... Восстание — это доблесть раба... Вашей доблестью да будет повиновение! Само приказание ваше да будет повиновением!»

Самообладание и дисциплина — вот плоды насаждения этих добродетелей; порядок внутри и порядок снаружи — основная черта немецкого милитаризма. Потсдам и Веймар и здесь сошлись вместе, чтобы научить нас этому. Несомненно, существенной составляющей характера Гете было обостренное чувство порядка, унаследованное им от отца. Обратите внимание, как похожи отцы наших веймарцев и наших потсдамцев! Внешняя организация нашего военного дела впоследствии привела к тому, что духовная и телесная дисциплина проникла во все народные слои и сегодня образует твердую составляющую немецкого духа также и в реальном плане. И не только в армии: во всех областях нашей общественной жизни, равно как и в частной жизни каждого отдельного немца утвердился

этот дух дисциплины и порядка. Идет речь о народных школах или университетах, о рабочих союзах или имперском банке, о железных дорогах или научных учреждениях — все это одушевляется именно этим духом, этим немецким «милитаризмом», перед которым как перед каким-то чудом замирает чужестранец. Ибо им, этим духом, созданы грандиозные организации, которые на этой войне вновь повергли в изумление весь мир.

Но характеристика немецкого милитаризма оказалась бы неполной, если бы в нем не подразумевалась еще одна черта, которая сегодня тоже выступила особенно ярко: я имею в виду порыв к самопожертвованию на благо целого, воодушевляющий всякого немца, когда его отечество в опасности. Все, что, как мы видели, заключено во всяком подлинно героическом миропонимании, милитаризм словно выпускает на волю: он будит героическое чувство в груди последнего поденщика, он популяризирует идеи, родившиеся сначала в умах наших величайших мыслителей. Идея отечества становится животворящей силой только при посредующей роли милитаризма. То, что героизм означает в своем глубочайшем смысле, мысленно предстает перед взором каждого бедняка, который в одном ряду со своими соратниками вступает в бой ради защиты отечества.

Дух милитаризма превращается здесь в дух войны. Только на войне полностью раскрывается сущность милитаризма, которая и состоит в воинском героизме. И только на войне выявляется его подлинное величие.

«Когда государство взывает: теперь дело идет обо мне и моем существовании! — в свободном народе просыпается наивысшая из добродетелей, которая во дни мира никогда не бывает столь велика и безгранична: готовность к жертве. Миллионы людей сплачиваются *единой* мыслью об отечестве, тем общим для всех чувством любви до гробовой доски, которое, будучи раз испытано, уже не забывается никогда, освящая и облагораживая жизнь целого поколения. Партийные и сословные раздоры замирают, уступая место благоговейному молчанию, мыслители и художники тоже чувствуют, что если государство погиб-

нет, все их основанное на идеалах творчество станет подобно дереву без корней. Среди тысяч, стягивающихся к полю битвы и послушно следующих воле целого, каждый знает, сколь ничтожно мало значит его жизнь в сравнении с доброй славой государства».

Но поскольку лишь на войне все те добродетели, которые высоко ценит милитаризм, могут достичь своего полного развертывания, поскольку лишь на войне вступает в действие истинный героизм, забота о земном осуществлении которого лежит на милитаризме, постольку нам, исполненным этого милитаризма, сама война представляется чем-то священным, самым святым на Земле. И само это почитание войны опять-таки в дальнейшем оказывается существенной составной частью милитаристского духа. Ничто торгаша не ставят нам в вину столь часто, как то, что война для нас священна.

Они говорят: война бесчеловечна, бессмысленна. Уничтожение лучших сынов народа — это зверство. Так и должно казаться торгашу, не знающему на этой Земле ничего выше отдельной, естественной человеческой жизни. Нам же известно, что существует и более высокая жизнь: жизнь народа, жизнь государства. И потому мы с тяжелой болью в сердце сознаем, что отдельная жизнь предназначена для того, чтобы пожертвовать ею во имя высшей жизни, когда ей будет угрожать опасность. Эта вера (и, конечно, *только* она) придает смысл и значение мучительной гибели тысяч людей. Героическое понимание жизни получает свое наивысшее освящение в героической смерти.

«Обетование своей земной жизни, выходящее за пределы длительности земной жизни — только оно может вдохновить на смерть за отечество» (Фихте).

«Тот, кто идет на смерть за отечество, стал свободен от иллюзии, ограничивающей его существование пределами собственной личности: его сущность растворяется в его соотечественниках, в которых он продолжает жить, а также в грядущих поколениях, ради которых он идет на свое дело; умереть кажется ему не труднее, чем моргнуть глазом: зрение при этом навряд ли прервется» (Шопенгауэр).

Самое высокое чувство, которое может поселиться в груди человека, сопровождает его, когда он идет на смерть ради жизни: поэты воспели его в тысячах и тысячах гимнов. У нашего народа много военных песен, и в песнях этих — словно в очищенном виде — вновь проявляется наш воинский дух, наш милитаризм. Сколько боевитых походных песен родилось в немецком народе в эти дни, и все они созвучны глубинному старому мотиву:

«Нет лучше смерти, чем в бою
сраженным быть врагами.
На поле том, в степном краю
Не плачьте вы над нами».

Но в жизни сейчас вновь и вновь, тысячекратно проявляется и сам героизм. Мы снова с восторгом глядим на победоносных полководцев. Мы снова приучаемся верить в величие человека, мы вновь охвачены священным трепетом, слушая сводки с переднего края, повествующие о подвигах и страданиях наших юных героев, и сопереживая судьбе этих блистательных молодых людей, посвятивших себя смерти. Каких запредельных высот достигает героизм в этих подвигах и в этом боевом настрое, видно из нижеследующего краткого сообщения, которое я приведу здесь вместо тысячи ему подобных. Пусть для грядущих поколений оно станет свидетельством величия наших дней:

«Венгерский фельдфебель Видери из 66-го пехотного полка с отрядом из 54 человек удерживал в Галиции важный железнодорожный туннель, отражая все атаки русской армии, пока отступление австро-венгерских войск не было благополучно завершено. В результате предательства горстка храбрецов была атакована с тыла неприятелем в количестве тысячи человек. Отряд с презрением отверг предложение сдаться и продолжал схватку. Пали все, кроме троих. 85-летний отец Видери, отставной жандармский офицер, так извещает о смерти своего 24-летнего сына: „Я сообщаю об этом без траурной повязки на плече, потому что только похвалу и радость вызывает у меня то, что фельдфебель Стефан Видери, мой единствен-

ный сын и соратник в мировой войне, удостоился чести умереть за отечество“».

Сколь многим поколениям, рождающимся и умирающим в мирные годы, не суждено пережить возвышенное душевное волнение, подобное тому, что как дар небес нисходит на читателя этих нескольких строк.

Но война священна не только потому, что на ней расцветают самые благородные черты человеческой сущности: в не меньшей мере мы считаем ее священной и потому, что она представляется нам величайшей нравственной силой, которой провидение пользуется для того, чтобы уберечь живущих на Земле от разложения и порчи. Никому не удавалось описать это нравственно облагораживающее действие войны в столь точных выражениях, как Генриху фон Трейчке.

«Любой народ, — сказал он однажды, — и прежде всего тонко организованный, в мирные времена, если они затягиваются надолго, легко становится изнеженным и себялюбивым. Ничем не стесняемое общественное благополучие грозит упадком не только государству, но и всем идеальным жизненным благам. Обывательская мораль или мирская предприимчивость, которые имеют в виду только удовлетворение всех желаний, подрывают фундамент более высокого нравственного мировоззрения и веры в идеалы. Плоские умы доходят до нелепости: цель жизни отдельного человека, по их мнению, в приобретении и наслаждении, цель государства — облегчить своим гражданам способ заключения сделок, назначение человека — подороже продавать, подешевле покупать, война же, которая только мешает ему в этих занятиях, — это-де величайшее зло, современный военный аппарат — только печальный пережиток прежнего варварства. Для людей такой породы было бы благом, если бы судьба послала им великую и справедливую войну, и чем неприметнее привычки спокойной социальной жизни закрадываются в сердца людей, тем страшнее будет последующий удар, который позовет их на воинские подвиги во службу государству».

Слова эти можно резюмировать в интересующем нас смысле следующим образом: война, завершающая фор-

мирование героического мировоззрения, вырастающая из него, необходима для того, чтобы само это героическое мировоззрение не стало добычей злых сил, ползучего торгашеского духа. Война — дитя этого мировоззрения — вновь порождает его из своей утробы. Но такое понимание войны вовсе не является, как часто утверждают, результатом новейшего развития немецкого народа. Не Германия Бисмарка и Мольтке впервые провозгласила войну священной; как только немецкие мужи выработали свою точку зрения на проблему войны, они сразу же стали исповедовать то ее понимание, которое явственно выступает в следующих словах Шиллера:

«Война ужасна словно наказание
Небес, но и она блага — как дар от них...»

Скорбное сочинение позднего Канта о «Вечном мире», в котором слово берет не великий философ, а досадующий на смерть, ворчливый и рассерженный обыватель Кант из Кенигсберга, составляет единственное бесславное исключение. Ни от одного из значительных философов какой угодно эпохи мне больше не доводилось слышать пацифистских высказываний. Ведь они всегда выглядели прегрешением перед священным духом германства, которое из глубин своего героизма *не может* вывести никакой другой оценки войны, кроме самой высокой. Не только в какой-либо ограниченный культурный период, когда, например, даже Герберт Спенсер допускает, что война может принести благословенные плоды, но — теперь и во все времена, пока царство Божие не будет построено на Земле.

Какая глупость, полагать, что эта «религия варварства», как за границей именуют наш обычай почитания войны, порождается только потсдамским духом и является результатом действий «воинствующей» офицерской клики, что в ней видится отход от добрых традиций наших мыслителей и поэтов. Нет, в этом пункте Потсдам и Веймар снова совершенно едины. Я уже приводил одно высказывание Шиллера, который много раз дает высокую оценку благодатному воздействию войны, называе-

мой им «движителем человеческого рода». Вспомним еще одно прекраснейшее место:

«...Дни мира портят человека,
Покой и праздность разрушают дух.
Закон же призван слабым угождать,
Всех норovit он уравнивать,
И плоским миром управлять;
Война же даст свободу силе,
Всех обновит в своем горниле
И даже трусу храбрости придаст».

Но и Гете думал точно так же:

«Мирный ваш сон глубок;
Спите, кто скрыться смог!
Схватка — спасение,
К славе стремление».

Приписать поэту пацифистские чувства — значит унижить его. Как будто в сфере пацифистских идей вообще может расцвести такая вещь, как поэзия. Может быть, кое-кто полагает, что из глубины торгашеского, миролюбивого духа могла зазвучать музыка Бетховена? Кто считает такие чудеса возможными, мог бы ради изменения образа мыслей почитать, что великий Мастер думал о «дорическом» тоне, о котором идет речь в Платоновом «Государстве»!

Насколько далека была наша «классическая» эпоха, которую столь охотно противопоставляют новейшей Германии, от какой бы то ни было недооценки и принижения значимости войны, доказывает точка зрения столь трогательно безмятежного и отстраненного мыслителя, как Жан-Поль, который тем не менее называл войну укрепляющим для человечества лечением железом, причем в большей мере полезным для проигравшей его части, чем для победившей. Лихорадка от боевых ран, по его мнению, лучше, чем озноб в чулане загнивающего мира.

Я мог бы исписывать страницу за страницей, приводя высказывания наших великих о войне, которые все имеют одну и ту же тональность; в частности, слова наших

философов — Фихте, Шопенгауэра, Гегеля, Гартмана, Ницше: сколь бы ни противоречили друг другу в остальном их «системы», они все же едины в оценке очищающего и возвышающего действия войны. Но к чему привести дальнейшие доказательства того для всех очевидно факта, что по-немецки мыслить и по-немецки чувствовать — означает благословлять войну. Правда, только войну «истинную», как называл ее Фихте: войну, которая приводит в волнение весь народ, которую ведет весь народ и которая ведется ради сохранения государства. И только та война, которая завязывается из благородных побуждений, может нести в себе нравственно обновляющую силу, способствовать оздоровлению и укреплению народа.

И то обстоятельство, что мы тоже считаем цели войны священными и не прибегаем к ней, как это делают торгашеские народы, для того чтобы оборонить скопленный нами жалкий скарб, с такой же непререкаемой необходимостью вытекает из того, какое благоговение мы испытываем перед этим высочайшим средством, которое Бог использует в целях нашего воспитания и образования.

Нигде принципиальная противоположность между милитаризмом и коммерциализмом, между героическим и торгашеским мировоззрением не проявляется столь отчетливо, как в их коренным образом различающемся отношении к войне.

Часть третья

ПРИЗВАНИЕ НЕМЕЦКОГО НАРОДА

Глава девятая

ЖИЗНЬ ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Нет сомнений: до войны торгашеская культура была готова покорить весь мир. Подобно тому, как торгашеский дух создал соразмерную себе экономическую систему капитализма, так теперь он использовал ее для того, чтобы получить доступ во все страны. Действительно, существовали круги, в которых царило стойкое убеждение, что по мере распространения капиталистической экономики по всему миру торгашеский дух, а с ним и торгашеская культура достигнут повсеместного владычества, и согласно таким взглядам, человечество неминуемо должно было погибнуть. Я сам был довольно близок этим кругам, о чем свидетельствует заключительная глава моего «Буржуа».

Ясно одно: этой болезнью, торгашеским мировоззрением, человечество впервые заразилось в Англии. Но затем английская болезнь распространилась по округе, и прежде всего ею оказалось поражено тело немецкого народа.

Если мы попытаемся восстановить в памяти ситуацию нашей культурной жизни перед началом войны, то сразу вспомним, что в ней уже начали было утверждаться существенные составляющие английской культуры. Я говорю: «существенные составляющие английской культуры», что может вызвать обманчивую иллюзию, будто из богатейшего изобилия ее благ мы кое-какие усвоили по своему выбору. На самом же деле, как мы уже установили, вся новая английская «культура» (за исключением экономики и техники, которые ныне приобрели интерна-

циональный характер) может предложить только два блага, представляющие собой подлинно английское изобретение, и речь шла только об их усвоении: у нас поселились комфорт и спортивные состязания.

И теперь мы должны осознать, что оба этих (единственных!) продукта английской торгашеской культуры в высшей мере чужды и вредны истинной культуре; что они способны до основания разрушить культуру более высокую, более благородную; и что они особенно опасны для героической, т. е. истинной, культуры, поскольку производят впечатление совершенно безобидных жизненных форм, будто бы обогащающих даже более утонченную, более благородную жизнь, чтобы лишь позднее, после того как они полностью утвердятся, оказать разрушительное воздействие на национальный организм.

Значение *комфорта* состоит прежде всего не в чем ином, как в улучшении жизненных условий. И что такое улучшение, в сущности, никому не вредит, что все мы охотно и без каких-либо опасений приняли бы такое улучшение, — все это не подлежит сомнению. Когда печь не дымит и окна закрываются плотно, этого, конечно, можно только желать. Можно также допустить, что изящно накрытый чайный столик и чистая ванная относятся к удобствам бытия, которые сами по себе не способны нанести ущерб возвышенному жизневосприятию.

Но столь же несомненно и то, что они таят в себе великие опасности — уже в том случае, когда мы начинаем придавать им некоторую важность, вместо того чтобы рассматривать их как вещи бесконечно второстепенные, коим следует уделять как можно меньше времени и внимания. В докладе одного немецкого офицера с полей сражений я с досадой увидел, что он с известной долей восхищения говорит о бритвенных станках, которые почти повсеместно находят в окопах даже у английских солдат. Это печально — в гуще великих событий помышлять об удалении щетины со столь любимого подбородка. Мне же каждый бритвенный станок в окопах кажется отвратительным символом пошлой и торгашеской английской культуры.

В общем, если комфорт начинает занимать все более обширное место в жизни и в ее оценке, если обустройство жизни в аспекте наибольшего удобства и приятности становится одной (если не единственной) из составных частей мировоззрения, тогда он, конечно, весьма вреден. Тогда комфорт разрушает все идеалистические побуждения, а кроме того и художественную культуру. Наши защитники комфорта путают иногда художественную и художественно-прикладную культуру, из которых последняя вполне может сочетаться с комфортом. Но превращение роли прикладного искусства вредно для искусства творческого. Точно так же идея всякого подлинного искусства претит, когда с ней бывает связано представление о пользе и удобстве. Поэтому то, чем любуются в английских художественных салонах в самой Англии или еще где-нибудь, не имеет с искусством равным счетом ничего общего, сколь бы благоприятное впечатление не производила при иных обстоятельствах со вкусом обставленная комната со всеми предметами быта и украшениями. Но мы должны четко различать понятия комфорта (прикладного искусства) и искусства! Тот факт, что англичане смогли стать реформаторами современного прикладного искусства, объясняется, главным образом, тем, что их творческая, художественная жизнь полностью иссякла. Все исторические эпохи великого искусства — античность, средние века, Возрождение, барокко, рококо — обходились без всякого комфорта.

Стремление к комфорту как мировоззрение — это, конечно же, зло, и народ, который преисполняется им, подобно англичанам, уже представляет собой не более чем скопище живых мертвецов. Тело народа начинает разлагаться. И не нужно думать, что комфорт — это только жизненная привычка, свойственная немногочисленному слою богачей. В Англии и всякий кустарь-ремесленник уже сегодня погряз в трясине комфорта. Ибо комфортабельность это вовсе не внешняя форма организации бытия, а определенный способ предпочтения той или иной формы жизни. Комфорт обитает не в предметах внешнего мира, а в глубинах души, и потому может подчинять себе

и богатых, и бедных. Но особенно опасен он потому, что вместе с ним в душу проникают и другие ценности, которые способны довести ее до большой низости. Тот, кто высоко ценит комфортную и приятную жизнь, обязательно будет придавать большое значение материальным благам, а стало быть, стремиться к материальному богатству. Тогда все ценности окажутся извращены, и если такая перемена станет в народе повсеместной, она может привести к опустошительным последствиям. Каждый может припомнить, насколько далеко мы, даже в самой Германии, ушли в предвоенное время по этому пути, уводящему от всякой подлинной культуры.

Спорт — родной брат комфорта и появляется на свет одновременно с ним. В основе своей и на начальных стадиях развития он тоже безобиден, а в виде гимнастических упражнений предстает даже другом всех деятельных молодых людей. Но в дальнейшем он тоже вырождается в разрушительную для здорового организма болезнь, а именно когда занимает место других, более важных видов жизненной деятельности: когда им пытаются подменить, с одной стороны, воинскую тренировку, а с другой — духовные занятия, как это уже сделано в Англии, а перед войной начиналось и у нас.

Физические упражнения, вытесняющие в такой своей форме все остальные жизненные ценности, неминуемо приводят к опустошению человеческой души, подобно тому как в телесном отношении они превращают человека в калеку, односторонне развивая только его мышечную и сердечно-сосудистую систему. Мы с ужасом наблюдали то разорение в головах многих наших молодых людей, к которому спорт уже привел в предвоенные годы, и с тоской ожидали тех времен, когда наши университеты, подобно английским, будут низведены до уровня тренировочных площадок.

Спорт, как и комфорт, разрастается в целое мировоззрение, в некий «спортизм», сообразно которому вся жизнь есть спорт или распадается на отдельные состязания. Война как вид спорта! Об этом убудочном произведении английского торгашеского духа мы уже говорили.

Но именно торгашеский дух является источником поклонения спорту, в котором все торгашеские идеалы приходят к своему осуществлению. Во-первых, спорт не воинствен, и уже поэтому соразмерен душе торговца. Но его можно в такой мере наполнить торгашеским духом, что он станет как бы продолжением коммерческой деятельности за пределами конторы, и расчетливый, постоянно вычисляющий свою выгоду коммерсант сможет благодаря этому и по воскресеньям заниматься своим любимым делом. Это возведение спорта в сферу коммерциализма обусловлено организацией спортивных состязаний, при которой все спортивные достижения получают денежное выражение. Но тем самым весь интерес к спорту становится чисто количественным, торгашеским интересом: дело уже не в том, *как* удалось достичь высокого результата, не в способе его достижения, а в самом результате, измеримом внешней мерой; этот внешний результат и заносится в счетную книгу под именем рекорда.

Тем самым рекорд становится главной ценностью занятий спортом, а по мере того как «спортизм» все глубже вгрызается в тело народа, и главной ценностью жизни как таковой.

Можно еще раз с содроганием вспомнить, в каких масштабах такое направление мыслей перед войной успело распространиться и у нас. Кому не памятен тот гипноз, в который население Берлина погрузилось во время шестидневных велогонок, кто не припомнит прекрасный летний день, когда буквально полстолицы поднялось на ноги, чтобы своими глазами увидеть возвращение автомобилиста, которого одна берлинская газета в рекламных целях отправила в путешествие вокруг Земли. Конечно, у нас это были лишь зачатки. Пожалуй, только в Берлине эта спортивная болезнь свирепствовала уже в полной мере. И все же налицо были тревожные симптомы заболевания немецкого народа, успевшего отравиться и этим английским ядом.

Натуры более серьезные, более благородные, не усматривавшие главной жизненной ценности ни в богатстве, ни в рекордах, и все же хотевшие знать, зачем они живут,

ради какого смысла не разгибая спин трудятся, следуя требованиям современной культуры, пытались укрыться в нише «профессиональной идеи», которая, однако, после того как было сломано ее религиозное острие, тоже утратила прежний глубокий смысл. Ведь если профессиональные занятия, скажем, хозяйственной деятельностью рассматривать как самоцель, то это будет все же восприниматься как прегрешение перед святым Духом. Видеть свое наивысшее и последнее предназначение в преданности какому-нибудь акционерному обществу и его меркантильным интересам, означает принижать в достоинстве идею *задачи*, а с ней и понятие о долге. Но и тот, кто занимался более возвышенным делом, нежели прядение хлопка и изготовление чернил, оставался со своим занятием в одиночестве, становился специалистом, словно висящим в пустоте. Научные и технические методы и приемы становились все более специализированными и утонченными, но к какому-либо осмысленному завершению целому это не вело. За дифференциацией не последовала интеграция. А потому и всякая профессиональная деятельность оказалась лишена смысла и цели.

Бесцельной и бессмысленной стала вся наша жизнь. И перед духовным взором наблюдателей раскрылась ужасающая картина превращения человеческого общества в муравейник. Мы увидели, как люди окончательно погрязают в своем благополучии, как они спариваются, набивают себе живот и опорожняют кишечник, как они суетятся по жизни без всякого смысла. Можно было подумать, что человечество приблизилось к тому состоянию, которое Мефистофель столь соблазнительно расписал престарелому Фаусту как наивысшее:

«Я радостно бы наблюдал,
Как, весь уйдя в свой муравейник,
Хлопочет человек-затейник»

Казалось, бесцельным и бессмысленным стало все, что мы делали:

— мы скапливали горы богатства, но знали, что от него не приотечет благодать;

— мы создавали чудеса техники — и не знали, зачем;
— мы занимались политикой, бранились, поливали друг друга грязью — зачем? для какой цели?

— мы писали в газеты и читали их; горы бумаги ежедневно вырастали перед нами и подавляли нас никчемными сведениями и еще более никчемными комментариями — никто не знал, зачем;

— мы сочиняли книги и театральные пьесы, толпы критиков всю жизнь занимались тем, что критиковали их, формировались враждующие лагеря, и никто не мог сказать, зачем;

— мы мечтали о «прогессе», по ступеням которого и дальше продолжалась бы бессмысленная жизнь: больше богатства, больше рекордов, больше рекламы, больше газет, больше книг, больше театральных пьес, больше знаний, больше техники, больше комфорта... Но осмотрительному человеку все время приходилось спрашивать себя: зачем? зачем?

Жизнь, в полном соответствии со словами одного из лучших ее знатоков, действительно стала «увеселительной горкой». Жизнь без идеалов, это действительно вечное умирание, загнивание; смрад, распространяемый разлагающимся человечеством, поскольку оно утратило идеализм, как тело, из которого вылетела душа.

Глава десятая

ТЩЕТНЫЕ ПОПЫТКИ СПАСЕНИЯ

Посреди всей этой грязи оставалось достаточно доброй воли, и нередко были попытки спасти людей из той трясины, в которую, или в окрестности которой, заманивал их торгашеский дух, вновь возвести их к светлым высотам героического мирозерцания. Ибо речь все время шла об одной альтернативе: торгош, погрязший в своем болоте, — его можно именовать как угодно: коммерциализмом, маммонизмом, материализмом, спортизмом, комфортизмом и т. д., — или герой, возносящийся к вы-

сотам идеализма. Именно такие имена носят для современного человека Бог и Дьявол, Ормузд и Ариман.

Однако сколь многочисленными ни были попытки спасения и о сколь великой доброй воле они ни свидетельствовали, все они пропали даром — и не могли не пропасть.

Я говорю прежде всего о многолетнем стремлении *привить этический образ мыслей отдельным людям*, проповедовать героизм единицам. Конечно, одну или другую душу этим удавалось спасти. Но в отношении остальной массы всякая проповедь, зовущая к обращению и покаянию, остается в наше время безрезультатной. Конечно, ей всегда можно навязать «монизм», ведь он согласуется с ее инстинктами. Но убедительными наставлениями заставить ее свернуть со стези материализма?.. Думаю, у такого начинания нет ни единого шанса на успех. Для этого низменные инстинкты слишком сильны, тем более в наше время, когда они поддерживаются и постоянно воспроизводятся господствующей экономической системой. Чего достигли призывы к «этической культуре»? Какое действие возымели произносимые с профетическим пафосом речи о «сверхчеловеке»? Для людей благородного склада, которые сами сумели уберечься от соприкосновения с торгашеским духом, они, конечно, сделали немало добра, осветив и облегчив им путь к вершинам. Но эти люди уже *были* крепки. А завсегда и литературных кофеен даже Ницше — которого они не понимали и потому только опошляли его философию — сумели приспособить для собственных нужд, чтобы еще больше укрепиться в своем потребительстве и торгашестве.

А религиозные проповеди: разве способны они сегодня спасти человека от погрязания в материализме? Я не сомневаюсь, что там, где все еще преобладает традиционное религиозное чувство, плотина во многих случаях выдержала Маммонов потоп. Но как раз строго религиозная, точнее церковная, жизнь не может защитить от всепроникающего торгашеского духа, лучшее доказательство чему — его родина Англия. Вполне возможно, стало быть, ходить в церковь по воскресеньям и при этом оставаться торгашом. Ницше сказал об этом: англичанин

«поскольку подлее немца, постольку и благочестивее». Во всяком случае, *если* старые церкви хотят принять участие в деле спасения современного человека, они должны будут лучше прочувствовать героические элементы своих учений, чтобы в самом деле поставить заслон на пути коммерциализма, должны будут использовать мощные идеальные силы, которые вновь воспрямили в любви к отечеству и идее государства.

Напротив, в новых «религиях», растущих словно грибы после дождя, я не вижу никакой силы, способной чем-то помочь в битвах с нашим сегодняшним злом. Здесь по-прежнему остаются в силе слова, которыми Фридрих Великий ответил одному такому первоучредителю, возвращая ему листок с изложением вероучения: «Милый мой, все прекрасно, не хватает только одного: Вам надо дать себя распять за это на кресте».

Гораздо более важны те движения, которые стремятся спасти человека указанием на некий общественный идеал, т. е. все, что можно подвести под общее понятие «*социализм*». Несомненно, социализм сегодня представляет собой одну из мощнейших идеологий, с помощью которой многих удалось выволить из торгашеского плена, но, как показал опыт, завершить дело спасения он все-таки не способен, поскольку ныне уже растратил значительную часть своей силы, если не полностью утратил ее, и кроме того, его одного никогда не будет достаточно для того, чтобы избавить нас от зла.

Слабость социалистического идеала заметить нетрудно: она связана прежде всего с тем, что это идеал будущего. Если всего-навсего грезить им, это, конечно, не возымеет никакого значения для устройства жизни. Он может сделать жизнь плодоносной и пробудить к жизни, только если за него будут бороться. В этом смысле социалистический идеал является практическим, и в борьбе за его осуществление порождается весь идеализм, который от него исходит. Не следует недооценивать богатство и мощь этого социалистического идеала. Молодые русские революционеры, поколение немецких социал-демократов, испытывавшее на себе действие закона о социалистах, — они

действительно *были* героями, какого бы мнения мы ни придерживались о политической оправданности их усилий. Но предпосылкой этого социального идеализма является, по-видимому, его революционная основа. Это фанатизм, рождающийся из стремления преобразовать общество, насильственно изменить его теперешнее состояние в некое другое. Но без этого высочайшего напряжения воли к действию сила такого идеализма вскоре оказывается парализована. Из-за чего в истории мы вновь и вновь сталкиваемся с явлением, когда революционные партии словно «погрязают в болоте».

Опасность такого «заблачивания» грозит современному социализму не меньше, чем всем предшествовавшим подобным движениям. И потому перед ним стоит невеселая альтернатива: либо оставаться «революционным» и полностью лишиться своей пробивной мощи, либо приспособливаться к обстоятельствам и утратить свойственный ему идеалистический порыв.

Попытки соединить несоединимое, т. е. образовать партию, которая была бы готова войти в правительство и в то же время сохраняла бы питаемый революционным духом идеалистический порыв, неминуемо будут заканчиваться неудачей.

Но героический идеализм, привнесенный в мир социализмом, был идеализмом борьбы. Он состоял в том, что индивидуумы жертвовали собой ради чего-то надындивидуального, ради «цели».

По мере того как *цель* отодвигалась в будущее, так что непосредственная (революционная) борьба утрачивала всякий смысл, на ее место было поставлено *средство*, которое отныне должно было способствовать тому, чтобы достичь желаемого на пути мирных реформ; это средство — партия. Не подлежит сомнению, что и сегодня в среде рабочих, по большей части, сохраняется эта способность к самопожертвованию, выражающаяся в их преданности делу партии, в их стремлении трудиться для партии. Только такое состояние тоже может оказаться всего лишь временным. Ибо в отличие от народа партия не есть живое целое, в коем сливались бы жизни всех

отдельных людей и откуда отдельный человек получал бы все жизненные ценности. По сути, это мертвая организация, не живущая собственной жизнью, а получающая ее благодаря самоотверженности членов партии, с одной стороны, и цели, ради достижения которой она создана,— с другой. Если цель эта перестает постоянно освещать дорогу, то партийная жизнь замирает, непрерывные славословия в адрес этого средства возбуждают недовольство, а в рутине повседневности немеют и «прекраснейшие чувства».

Но самая серьезная слабость социалистического идеализма заключается в том, что конечная цель, которую стремятся осуществить, т. е. собственно социалистический идеал,— никоим образом не является возвышенной целью.

Ядро базисных идеалов, которыми располагает социализм, каждый раз лишь по-новому их группируя, составляют, как известно, «идеи 1789 года»; «свобода, равенство, братство» и т. д., стало быть, истинно торгашеские идеалы, имеющие целью не что иное, как предоставление индивидуумам определенных выгод. Ведь таковы были и основные требования буржуазии, причем коммерческой английской буржуазии. Таким образом, они абсолютно не годятся для того, чтобы на них строился героический идеализм. Все, что к этому ядру добавилось позднее в качестве собственно социалистических идеалов, тоже сильно отдает торгашеским духом: таково требование, чтобы рабочий получал «справедливую» заработную плату и прочее тому подобное. Все время выдвигаются одни только *требования*, по крайней мере, в программах тех социалистических партий, которые стали господствующими. А требования индивидуумов, как нам известно, это всегда прорыв торгашеских настроений.

Прочие же социалистические идеалы по большей части озадачивают. Кое-кто имел дерзость выдавать за социалистические идеалы Ницше, объявив, что социализм-де позволит каждому человеку развергивать свою «индивидуальность» в направлении к полной гармонии. Тот, кто способен сказать такую чушь, прежде всего со-

вершенно не понимает Ницше. Но, помимо этого, у него еще и крайне скудное представление о «развитии индивидуальности». Как известно, идеал этот был взращен несколькими веймарцами в «классическую» эпоху. Но веймарцы, как например Вильгельм фон Гумбольдт или Шиллер, понимали его отнюдь не в том плоском торгашеском смысле, что отныне каждый сможет делать все, что захочет, а толковали этот идеал в строгом и возвышенном смысле, так что его осуществление сводилось у них к «единственно возможному сочетанию платонического чувства прекрасного и кантианской нравственной строгости». Учение это по самой своей природе может быть понято только благородными умами. Если его упростить и низвести до массового восприятия, то все закончится наихудшим эвдемонизмом и идеалами стадного животного. «Индивидуализм» — опасное слово. Оно может означать и высочайший героизм, и столь же глубокий меркантилизм.

Ненамного лучше дело обстоит и с «идеалом человечности», который также входит в состав идей, развиваемых современным социализмом. Идеал этот либо просто противопоставляется идеалу отечества, и уже потому оказывается совершенно бесплодным; либо трактуется чисто формально, к примеру в духе Кантовой формулы, что человек никогда не должен быть средством, но всегда только целью, — и тогда оказывается весьма малосодержательным; либо же, когда ему приписывают некоторое содержание, никак не дается представлению, поскольку человечество без народных индивидуальностей — это чистый фантом. «Человечество» само по себе — ничто, которому нельзя непосредственно служить, ради которого нельзя пожертвовать собой и по отношению к которому нельзя иметь никаких обязанностей. Поэтому оно совсем не подходит в качестве предмета для побуждающего к жизни идеала. В лучшем смысле «идеал человечности» может иметь лишь негативный смысл.

Но в первую очередь способность социализма спасти человечество опровергается тем, что он сам, при всей трагичности такой ситуации, породил те силы, которые

уничтожили идеализм в социалистическом движении и тем перерезали в конце концов нить его жизни.

Основатели современного социализма правильно полагали, что изменения общественного порядка, основанного на определенных интересах, будет легче всего достичь, если привлечь на борьбу за новый порядок другие интересы. В подмогу провозглашаемому ими осуществлению социалистических идеалов они, таким образом, призвали классовые интересы пролетариата. Но чем больше социалистическое движение становилось движением за интересы пролетариата, тем дальше собственно социалистические идеалы, которые первоначально выдвигались как нравственные требования, отступали на задний план.

В результате социалистическое движение оказалось исполнено торгашеского духа. Цель его ныне — борьба за наибольшую выгоду класса наемных рабочих. Борьба эта выродилась в неприкрытую драку за кусок пирога. Чего у вас имеется в достатке, то должны иметь и мы — вот пароль социалистического движения. «Муравьиная возня», жалкое благополучие, «счастье для большинства» — вот что стало теперь его целью. Этот опошленный социализм, уже почти смыкающийся с английским тред-юнионизмом, видящий, как и он, в комфорте и занятиях спортом подлинные ценности жизни, есть уже не что иное, как капитализм, или коммерциализм, пусть и с обратным знаком.

Глава одиннадцатая

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ЗЛА

Тот, кто прочел две предыдущие главы, даже если он не знаком с более ранними моими сочинениями, поймет, почему я, и со мной многие, многие другие, притом не самые худшие умы, перед войной впали в глубочайший культурный пессимизм. У всех нас сложилось твердое убеждение, что человечество идет к своему концу, что остаток своего существования на Земле оно проведет в состоянии крайне прискорбной низости, превратится в «че-

ловеческий муравейник», что торгашеский дух готов распространиться повсюду, и что появились уже «последние люди», которые говорят: «Мы нашли счастье», — и моргают.

И тут произошло чудо. Началась война. И тогда из тысяч и тысяч источников прорвался новый дух; нет — не новый! То был прежний, героический немецкий дух, пламя которого до сих пор тлело под грудами пепла и вдруг разгорелось мощным огнем.

Огонь, всепожирающий огонь!

Первым делом он загорелся в сердцах и возжег в них небывалое по своей силе воодушевление. Все вы, несомненно, его испытали: эту самоотверженность, готовность к жертве, этот героизм, которые за одну ночь возродились в сердцах семидесяти миллионов немцев. Все вы были свидетелями того, как это всепожирающее пламя выжгло из наших душ все мелкое, все повседневное, все разделявшее нас, и как все мы, очистившись и словно заново родившись, стали на службу целого.

Затем этот огонь озарил и наши головы. Он словно солнце взошел над нашей жизнью, до сих пор протекавшей в темноте, и все осветил своим благословенным сиянием. Теперь мы могли вживе убедиться, что надындивидуальное целое действительно существует, что есть некая жизнь вне нас: жизнь народа, отечества, государства. И мы вновь ощутили *эту* жизнь как нечто высшее, как то, из чего только и проистекает *наша* жизнь. Для нас сразу стало само собой разумеющимся, что наша жизнь, поскольку она освящается этой, более высокой жизнью, и продолжаться должна ради нее; что все наши помыслы и деяния должны быть направлены на процветание того более высокого идеала, чьим светом озарена наша жизнь. Вновь открылся источник неиссякающего идеалистического героизма. И в образе отечества ожил идеал, который стал достигаем для каждого человека, даже для самого слабого духом.

Но вот что имеет решающую важность: здесь, в любви к отечеству или, точнее, в идее государства заключен тот единственный пункт, в котором идеалистическое миро-

воззрение может стать действительно всеобщим мировоззрением целого народа. Идея государственной общности, которой принадлежит и которой должен служить каждый, становится особенно очевидной для каждого в дни войны, и необходимость исполнить свой долг на службе государственного целого, теперь проявившегося вовне, ставшего зримым, осознается всеми. Поэтому только такое, идеалистическое понимание государства, воспламеняемое любовью к отечеству, может стать посредником между эмпирическим отдельным существом и царством духа. Здесь заложен огромный и ничем не заменимый потенциал для воспитания народа.

Но коль скоро огонь любви к отечеству разгорелся в сердцах, а государственный идеализм просветил головы, это значит, что жизнь снова получила смысл. То, что совсем недавно лежало в руинах, словно получило теперь твердую опору. Всякое целеполагание, которое прежде обрывалось в известной точке и возвращалось к нам с вопросом «зачем?», еще более парализуя нашу волю, достигает теперь своего предела в наивысшей цели: в здоровье, развитии и процветании нашего народа и государства. Но цель эта для нас абсолютна, ибо здесь нам открывает свою волю божество, в соединении с которым уже на Земле, согласно всякому героическому мировоззрению, только и может заключаться смысл жизни.

Все теперь вновь приобретает смысл, наше стремление получает ясную цель и твердую направленность.

Сколько мы мучились до войны с демографической проблемой! Вопрос о том, было бы лучше иметь больше или меньше населения, взвешивался на все лады и с помощью самых различных аргументов решался то в одну, то в другую сторону. Ныне же у нас нет демографической проблемы в том смысле, в каком было бы актуально спрашивать, нужно ли нам большее или меньшее количество народа, желать ли нам роста народонаселения, его снижения или стабилизации. Мы знаем, что нам нужен очень даже сильный прирост, чтобы в качестве национального государства или, если хотите, государствообразующей нации, выстоять в борьбе с другими народами.

Как благословляем мы — мы, еще недавно досадовавшие по поводу столпотворения в наших землях, по поводу состояния некоторых наших провинций, якобы напоминавших уже некий крольчатник, — как мы теперь благословляем этот многочисленный народ, плотными, необозримыми колоннами подступающий к границе, чтобы защитить отечество от надменных врагов! И как должны выглядеть люди, которые родились и выросли там, мы тоже знаем: умелыми и боевитыми во всех смыслах.

Но ведь в силу этого нам уже предписано и все направление нашего воспитания. Его задача может быть только одна: воспитывать немецких героев. Героев-мужчин и героев-женщин.

Прежде всего это означает, что полного и гармонического совершенства должно достичь человеческое тело. Выше я дал почувствовать мою неприязнь к спорту и «спортизму», охарактеризовав их как наипагубнейшую английскую отраву, от которой мы должны себя оберечь. Но я, конечно же, далек от безрассудного стремления как-то изменить все более утверждающуюся повсюду привычку развивать свое тело в играх и упражнениях. Я поднял свой голос только против нездоровой однобокости этого телесного развития, против чрезмерного разрастания интереса к спорту, против причиняемого им душевого опустошения и оглушения, против порабощения спорта торгашеским духом, против безумной гонки за рекордами — против всех этих убудочных порождений английского духа и их проникновения в нашу жизнь.

Но, конечно же, — и больше, чем любая другая нация, — мы должны будем позаботиться о телесной закалке и о гармоническом развитии всех физических сил, если хотим увидеть, как взойдет поколение смелых, широкоплечих и ясноглазых молодых людей. Ибо это в них нуждается наше отечество. Нам нужны широкобедрые женщины, способные рожать прекрасных воинов, ширококостные, жилистые, выносливые и отважные мужчины, годные к военной службе. Думаю, этим в достаточной мере предпочерчены те направления, по которым должна

развиваться наша, немецкая «спортивная» жизнь (если уж мы согласимся употреблять это иностранное слово).

Не нужно слишком поощрять специфически английские спортивные игры: теннис, футбол, крикет, — потому что их воинственное острие давно затупилось. Нам должны были бы оттолкнуть карикатурные изображения знаменитостей в этих видах спорта. Первенство в них следовало бы без всякой зависти уступить англичанам. При этом я, опять-таки, вовсе не хочу сказать, что все эти игры, как таковые, если ими заниматься в разумных пределах, бесполезны или могут причинить какой-то вред. Но отличительной чертой немецкого отношения к физическим упражнениям является то, что среди них мы предпочитаем как раз наиболее актуальные в военном отношении. Подобно тому как древнегреческий юноша никогда не предавался мечтаниям о рекордах в английском духе, а выполнял в палестре только такие упражнения, которые способствовали гармоническому развитию всего тела или особых воинских способностей, так же и мы должны видеть свою задачу в занятиях собственно воинскими или общеукрепляющими упражнениями.

Походы, состязания в беге, лыжные гонки, стрельба, охота, скалолазание, гребля, плавание, фехтование, метание диска, гимнастические упражнения, верховая езда — у нас поистине бесчисленные (в том числе и подлинно немецкие по своему духу) возможности для развития собственных тел, так что на самом деле нам вовсе не нужно вновь и вновь обращаться только к английским, торгашеским видам спорта.

Но мы отличаемся от англичан также и тем, что в заботах о теле не забываем печься и о духе. Мы помним, что героизм в конечном итоге зарождается не в мускулах, а в определенном настрое. И мы обязаны привить этот героический настрой нашему юношеству, чтобы оно училось жить и умирать за отечество. Главной задачей должно стать воспитание героических добродетелей, прежде всего — храбрости, повиновения и готовности к жертве. Конечно, для различных жизненных потребностей, а также для того чтобы Германия достигла высот хозяйственного

и технического развития, нам в большом числе потребуются практичные, годные для исправления общественно-полезных обязанностей молодые люди. Но и тем, кому не доведется вкушать плодов гуманистического образования, мы открываем все же путь к героизму, говоря им, что смысл всякой жизни состоит в том, чтобы выполнить свою задачу, и что таким путем каждый отдельный человек вплетает свою нить в ковер божества, которое открывается ему в образе его народа.

Однако, насколько это позволяют жизненные нужды, наше воспитание должно формировать людей, не столь привязанных к земному существованию, людей, которые чувствуют себя дома скорее в мире идеалов, нежели на улицах «большого города». Прежде всего мы должны все еще ощущать себя единственными наследниками древних греков, как и всей античности, должны всегда помнить, что воспитывать юных немцев, конечно же, означает привить им героический немецкий дух, но сам этот героический дух своими корнями уходит в ту почву, которая породила Гомера и Платона, на которой зиждутся Марафон и Саламин.

Политика? Поднимется ли она еще раз из тех низин, в которых спорят между собой мелочные интересы и разве лишь на йоту различающиеся принципы? Должна. И сможет, если действительно всерьез будет воспринят девиз: *salus reipublicae — suprema lex!* Кипучая партийная жизнь, конечно же, необходима и желанна, она свидетельствует о том, что живо само тело народа и государства. Но политика любой партии должна руководствоваться одним-единственным честолюбивым устремлением — наилучшей заботой о благе государства. Всякое партийное требование должно ссылаться на интересы целого, народа, государства. В этих требованиях речь должна вестись не о притязаниях обособленных групп или классов населения, не о правах индивидуума, не об интересах коммерсантов или землевладельцев, производителей или потребителей, предпринимателей или наемных рабочих, но всегда — о *salus reipublicae*, об «интересе» империи (государства), об общем благе. Чтобы прийти к это-

му, нужно, конечно же, еще глубже постичь смысл идеи объективно-органического государства и нужно избавиться от пагубных торгашеских воззрений так называемой «западноевропейской цивилизации».

Основные черты немецкой политики уже определены на будущие времена: идеалом здесь будет мощное, защищенное стальной броней государство и, под его защитой,— свободный деятельный народ. Свобода при этом понимается в немецком смысле и означает возможность исполнять свой долг согласно собственному закону и, конечно же, возможность быть счастливым на свой лад. Стало быть, прежде всего это свобода от невыносимой, рабской подчиненности общественному мнению, под игом которого издыхает нация англичан.

При этом каждый человек в меру своих сил и способностей должен участвовать в управлении общим порядком.

Теперь всякая профессия снова приобретает цель и смысл. Скромно исполняя свой долг, каждый отдельный человек делает свое особое дело, которое сначала вливается в общее дело его «специальности», а затем идет на пользу всему немецкому народу, служит его гордости. Всюду наивысшая точка зрения — благо целого. И в это прекрасное, гармоническое целое как бы интегрируются отдельные профессиональные занятия.

Всякая хозяйственная деятельность организуется ради дальнейшего процветания немецкого народного хозяйства, а оно в свою очередь призвано служить интересам государства. В какой значительно более высокой мере организация нашей экономической жизни должна руководствоваться этим принципом, нам снова показала война.

Теперь и техника может спокойно следовать путем своих завоеваний, теперь нам уже не о чем беспокоиться. Мы знаем, зачем все это. Сорокадвухсантиметровые мортиры, защитного цвета обмундирование, самолеты-разведчики, подводные лодки вновь приоткрывали нам смысл технического прогресса. Мы сразу научились ценить хорошее состояние наших железных дорог, когда они позволили Гинденбургу за двенадцать часов пересечь всю Германию

и, достигнув восточной границы, выиграть битву при Танненберге. Все, что прежде казалось бессмысленным, вновь получило смысл и значение после того, как его ценность стала выводиться из более высокой, а для нас, немцев, — наивысшей ценности.

Нужно только желать, чтобы наша духовная жизнь, наша наука и искусство тоже стали причастны этой благодати, распространению которой способствовала идея отечества. Пусть штормовые ветра, бушующие над нашей страной, выметут отсюда всякий снобизм, всю иностранщину, все эти игры в *l'art pour l'art*, все натужное остроумие, все литературное чванство, все загубленные способности. Пусть бы по такому случаю черт побрал хоть три четверти наших «интеллектуалов», и прежде всего наших «творческих личностей». Чтобы в будущем мы ощущали вокруг себя поменьше «духа», и чтобы вместо этого, у нас, по меткому выражению Шницлера, было «побольше выдержки». Но мы с тем большей силой надеемся, что древо немецкой народности будет расцветать и впредь, т. е. будет изобиловать как раз глубочайшими произведениями философии, искусства и науки.

Само собой разумеется и то, что наряду с нашей устремленностью к идее целого свою прежнюю силу должно сохранить и стремление к формированию сильной, самобытной, завершенной в себе личности, составляющей великолепие и гордость любого народа.

Что бы мы, немцы, ни делали, к чему бы ни стремились, «Фауст» накрепко засел в наших умах. Вот и теперь, пытаясь заглянуть в будущее Германии, я невольно вспоминаю последние слова умирающего Фауста и спрашиваю себя, согласуется ли завещание Гете с теми идеями, что наполняют нас сегодня.

«Народ свободный на земле свободной
увидеть я б хотел в такие дни...»

Это ведь почти созвучно той муравьиной возне, от которой сам Фауст только что с отвращением отвернулся. Но эти слова утрачивают прежний смысл и получают новое направление, указанное мною как то, в котором должно

идти развитие немецкого народа, если мы примем во внимание предшествующие строки, столь охотно подвергаемые забвению:

«Итог всего, что ум скопил:
Лишь тот, кем бой за жизнь изведен,
Жизнь и свободу заслужил.
Так именно, вседневно, ежегодно,
Трудясь, борясь, опасностью шутя,
Пускай живут муж, старец и дитя».

Жить, опасностью шутя, — вот итог всей мудрости!

Ибо без опасности человек чахнет, мельчает — и выдумывает счастье. Одна из причин, почему английская нация достигла такого упадка, в каком она сегодня предстает нашему взору, состоит, пожалуй, в том, что она уже много десятилетий и веков не знала никакой опасности.

Но гетевский Фауст конструирует для своего народца такую «опасность», какой мог бы пожелать всякий пацифист, какая была бы ему по сердцу: для того чтобы устранить, нужно насыпать земляные валы, а не размахивать мечом. Но, к сожалению, эта конструкция Гете лишена какой бы то ни было реальности. Во-первых, все мы не можем жить в защищенных валами низинах; во-вторых, благодаря развитию нашей техники даже в такой низине жить становится безопасно. Да и во всех остальных землях угрозы со стороны природы уже устранены благодаря разросшемуся аппарату социальных охранительных мер. Каждому сегодня «гарантирована» защита от любой опасности.

Крайние случаи, сопряженные, к примеру, с профессиями горняка или летчика, конечно, еще заключают в себе некоторую опасность. Но для человечества в целом, которому ныне уже не грозит эпидемия чумы или холеры, способная привести его в чувство, такой малой «опасности» уже не достаточно, если речь идет о том, чтобы устоять перед действительной опасностью превращения в человеческий муравейник. Есть только *одна* опасность, грозящая сразу всем: это угроза отечеству со стороны внешних врагов. Поэтому она с необходимостью входит в

тот идеальный образ, который мы создаем себе в отношении будущности немецкого народа, наряду с прочими ниспосланными ему небом благами имеющего и счастье жить в окружении целого мира врагов и потому в самом деле живущего, «опасностью шутя». Если мы уже из соображений «безопасности», которым отдает должное и торговец, *вынуждены* на все обозримое время оставаться народом воинов, то в этом заключено надежнейшее ручательство тому, что мы пребудем и народом героев в том смысле, какой мы сами вкладываем в это слово.

Но тем самым я подхожу к последней проблеме, которой нам следует заняться здесь: каким будет и каким должно быть положение немцев среди прочих народов и их отношение к ним по окончании нынешней войны?

Глава двенадцатая

ДРУГИЕ — И МЫ

Единственное отношение, которое ныне связывает нас с основными народами Европы, есть отношение войны, и единственной важной задачей для нас с некоторых пор является победа — полная и решительная.

Мне многие возражали: твои призывы отказаться от духа торгашества, по сути, вовсе несовместимы с такой волей к победе, которой потребно понимание необходимости сильного государства. Ты бы должен был желать, чтобы Германия, как государственное образование, вновь ослабла до уровня, примерно, 1800 года, ведь именно в те времена сформировалось мировоззрение, которое ты нам проповедуешь. Ведь твои идеалы сходятся с пожеланиями и предложениями благожелательных иностранцев, дающих нам, немцам, добрый совет вернуться в пределы нашей заоблачной империи, а землю и моря оставить другим нациям.

Друзья мои, вы заблуждаетесь, выдвигая против меня такие возражения. Я и в самом деле считаю, и даже ясно говорю на этих страницах, что предшествующая, столет-

няя безгосударственная эпоха была благословением для немцев, которые в те времена, когда прочие нации становились все более поверхностными, сумели стать глубже. Но то, что могло *возникнуть* без государства — сильная, глубокая народность, — не может без государства *продолжаться*, непременно падет жертвой интересов других государств. Пример того, что случается с народами, не имеющими государства или имеющими государство слабое, в достаточной мере поставляют так называемые «малые» европейские национальности. Государство подобно панцирю, предназначенному для того, чтобы оберегать нежное тело народа, подобно грубой, плотной коже, под которой скрывается спелый плод. Великие мужи классической эпохи поняли это уже в те времена, когда у нас не было государства, и никому не удавалось выразить это в более меткой формулировке, нежели зрелому Гумбольдту, в молодости сочинившему столь страстный памфлет против государственности. Вот что он писал в меморандуме, направленном Штейну в 1813 г.:

«Германия должна быть свободной и сильной; не просто для того чтобы отстоять себя в столкновении с тем или иным соседом или вообще с каким бы то ни было врагом, но потому что только та нация, которая сильна и во внешнем отношении, поддерживает в себе дух, способный принести плоды и в ее внутренней жизни; она должна быть свободной и сильной, чтобы этим питалось ее чувство собственного достоинства, пусть оно иногда и бывает подвержено испытаниям, чтобы она могла спокойно шествовать путем своего национального развития и надолго сохранила то благотворное положение, какое ради их же пользы она занимает среди прочих европейских наций».

Нет, друзья мои: вы путаете материализм с реализмом; первый, конечно, невозможно сочетать с идеалистическим мировоззрением, зато второй — вполне. Мы хотим быть идеалистами, но вовсе не идеологами, не оторванными от реальности мечтателями; мы хотим твердо стоять на земле и брать ее себе столько, сколько нам потребуется для существования и нормального роста: не больше, но и не меньше. Наше царство — от мира сего. И именно в

этом состоит характерная черта излагаемой здесь точки зрения: самую мощную на этой земле реальность — воплощенную в государстве волю к власти — мы ставим на службу идеалистическому мировоззрению и не можем надеяться, что в своем стремлении его сохранить обойдемся без той помощи, что исходит из духа государственности.

Но если мы хотим остаться сильным государством, то должны и одержать победу. Некорректно то раздающееся ныне возражение, что для достижения более глубокой духовности, для спасения нашей души неудачный исход войны был бы плодотворнее победоносного. Проигранная война, конечно, заставила бы нас разобраться в своих мыслях, раскаяться, но едва ли способствовала бы деятельной жизни в свете идеалистического мировоззрения. А ведь именно к этому мы стремимся. Ибо только победа сможет убедить нас в том, что добро, благородство, нравственное величие еще обитают на этой земле, что она еще не совсем пала жертвой торгашеского духа, что еще не всю власть себе забрали деньги. Только убедительная победа придаст нам энтузиазм и бодрость духа.

Только убедительная победа впервые создаст для нас возможность не беспокоиться больше о тех, кто нас окружает. Когда немец стоит, опираясь на свой огромный меч, закованный в сталь с головы до пят, то внизу, у его ног, может твориться что угодно, тогда его могут поносить и поливать грязью, как уже и делают сегодня «интеллектуалы», художники и ученые Англии, Франции, России, Италии: они не нарушат его возвышенный покой и он, подобно своим предкам, по-прежнему будет думать об остальной Европе:

Oderint, dum metuant
(Ненавидят, пока боятся).

Но что же станет тогда, спросят нас робкие умы, коим еще не достает немецкой сути, с тем хваленым «*интернационализмом*», над которым мы столь ревностно трудились последние десятилетия и который, в общем-то, все же составляет для нас единственную ценность? Не хоч

грубо, без обиняков отвечать на этот вопрос: «Пошлите его к черту! (и пусть он заодно прихватит вас самих)», а хочу немного остановиться на том, что же, собственно следует понимать под этим «интернационализмом» и что он собой представляет.

Словом этим, по-видимому, могут называться самые разные вещи, и это означает, что отношения между народами очень различны по своей природе. Прежде всего мы имеем дело с материально-экономическими отношениями, с международным разделением труда. Бесспорно, что они сами по себе составляют большую проблему. Но она не входит в круг вопросов, затрагиваемых в этой работе, и потому здесь я не стану ей заниматься. Я коснусь этой темы только общим замечанием, что такого рода интернационализм мы всегда можем получить в той мере, в какой он нам понадобится, ведь здесь все решает чисто деловой интерес, который и у нашего злейшего врага единственный. Впрочем, война все сильнее и настойчивее дает нам осознать, что все международные экономические отношения являются необходимым злом, которое следовало бы по возможности уменьшить. После войны первоочередной задачей народнохозяйственной политики будет, несомненно, поиск путей и средств, с помощью которых мы могли бы достичь наибольшей экономической автономии Германии.

В тесном родстве с этим экономическим интернационализмом состоит тот, который можно назвать институциональным или правовым интернационализмом. В его сфере лежит заключение договоров по тем или иным, общим или противоположным интересам различных государств, большей частью связанным с развитием средств сообщения. Здесь нужно сказать о бесконечной череде всевозможных конвенций, о почтовых и телеграфных договорах, о международных договорах об охране труда рабочих и о Женевской конвенции. В этой своей части интернационализм, безусловно, создал много хорошего и в будущем мог бы беспрепятственно развиваться дальше. И будет развиваться, поскольку основывается на интересах отдельных государств.

Существует также политический интернационализм, причем тоже трактуемый в разных смыслах. Иногда этот термин употребляется для характеристики дипломатических отношений между самостоятельными государствами, т. е. всякого рода «союзов», о которых здесь по понятным причинам речь не идет; иногда так называется стремление стереть границы самостоятельных государств и достичь политического объединения различных народов. Пусть сегодня и нет Анахарсиса Клото, «глашатая рода человеческого» среди свободно странствующих людей, все же идея «братства народов», как известно, еще и ныне торжествует во множестве голов и празднует свой триумф на всех международных социалистических конгрессах. Нечего и говорить о том, что интернациональная тенденция пролетариата с позиции излагаемых здесь воззрений представляет собой злейшее из зол. Нужно будет посмотреть, в какой мере наши рабочие, вернувшись из фронтовых окопов, окажутся излечены от этой болезни. И будут ли они (чего нужно только желать!) достаточны сильны для того, чтобы избавиться от той клики международных редакторов, которая до сих пор пытается удержать их под тяжким игом интернационализма. Надо надеяться, что наша немецкая социал-демократия, которая, несмотря на все иностранные заимствования, все же всегда сохраняла патриотический настрой, — к огорчению радикальных интернационалистов, заседателей многочисленных конгрессов (вспомним, как обсуждался вопрос об армии в Штутгарте!) — теперь-то уж сделает акцент на национальных особенностях рабочего движения. Кое-какие устные или письменные свидетельства тому, что она и в самом деле на это настроена, уже теперь слышны от немецких социал-демократов.

Мы хотим, чтобы у нас был крепкий немецкий народ и сильное немецкое государство, мы сохраняемся и возрастаем в органических пределах. И если от нас потребуется расширить наши земли, чтобы разросшееся народное тело получило необходимое пространство для своего развития, то мы возьмем себе столько земли, сколько покажется нужным. Наша нога ступит и в те края, которые

представятся нам важными по стратегическим причинам, из-за потребности сохранить неприкосновенными наши границы; если это поведет к усилению нашего могущества на Земле, мы создадим свои военно-морские базы в Дувре, на Мальте, в Суэце. И это все. Ни к какой «экспансии» мы вовсе не стремимся. Ибо у нас есть более важные дела. Нам нужно развивать нашу внутреннюю духовную сущность, нужно сохранить в чистоте немецкую душу, нужно следить за тем, чтобы наш враг, торгашеский дух, не мог никакой дорогой проникнуть в наше чувство — ни изнутри, ни снаружи. И эта задача очень ответственна и трудна. Ибо мы знаем, что поставлено на карту: Германия, как последняя преграда, сдерживающая напор того потока нечистот, который изливается от коммерциализма и который либо уже захлестнул, либо в будущем неизбежно захлестнет все остальные народы, поскольку ни один из них не был прикрыт от надвигающейся угрозы щитом героического мировоззрения, от которого, как мы убедились, только и можно ждать защиты и спасения.

Пусть эти слова дойдут до ваших сердец, мои дорогие юные друзья, коим я посвящаю написанное, и пусть они укрепят в вас тот дух, который приведет нас к победе, — дух немецкого героизма! Мы, кто уже не может сражаться в одном ряду с вами, с завистью смотрим на вас, которым довелось скрепить свой героизм печатью смерти. Мы можем только ковать для вас то оружие, которое потребуется вам, чтобы после возвращения домой вести тяжелую и великую борьбу против внутренних и внешних врагов вашего духовного героизма.

Так пусть эти страницы помогут вам увериться в вашем призвании, которое вы должны исполнить и которое можете исполнить только вы!

«Доверено тебе достоинство земное —
Блюди его!
Оно умрет с тобой — оно взойдет с тобою...»

ЕВРЕИ И ЭКОНОМИКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Быть может, кто-то из читателей захочет узнать, каким образом я пришел к мысли о необходимости написать эту странную книгу, а заодно узнать и том, как, с моей точки зрения, ее следует читать.

С еврейской проблемой я столкнулся совершенно случайно, когда решил основательно переработать свой «Современный капитализм». В этой книге, помимо всего прочего, содержались некоторые мысли, подводившие к истокам возникновения «духа капитализма» и требовавшие более основательной разработки. Исследования связи между пуританством и капитализмом, проведенные *Максом Вебером*, с необходимостью должны были привести меня к более глубокому (по сравнению с моим прежним анализом) рассмотрению влияния религии на хозяйственную жизнь, и тут я впервые столкнулся с еврейской проблемой, поскольку, основательно рассмотрев аргументацию Вебера, пришел к выводу о том, что все те слагаемые пуританского вероучения, которые, как я считаю, оказали реальное влияние на формирование капиталистического духа, в действительности представляют собой заимствования из иудейской религии.

Однако сама по себе эта мысль не заставила бы меня (в моем освещении истории формирования современного капитализма) уделить евреям особое внимание, если бы в ходе моих дальнейших исследований (и опять-таки совершенно случайно) меня не стала одолевать догадка о том, что и в строительстве современного народного хозяйства доля евреев оказывается гораздо большей, чем

было принято считать ранее. К такому предположению я пришел тогда, когда решил объяснить все те перемены в хозяйственной жизни Европы, которые совершаются с конца XV в. до конца XVII в. и которые приводят к смещению экономического центра тяжести с южно-европейских стран на страны, расположенные на северо-западе Европы. Мне показалось, что внезапный закат Испании, неожиданный взлет Голландии, увядание одних городов Италии и Германии и расцвет других, (например, Ливорно, Лиона (временно), Антверпена (также на какое-то время), Гамбурга, Франкфурга-на-Майне) ни в коей мере не объясняются только теми причинами, на которые уже привыкли ссылаться (открытие морского пути в Ост-Индию, изменения в соотношении сил между государствами). Мне неожиданно открылась на первый взгляд чисто внешняя параллель между экономическими судьбами тех или иных государств и городов и переселениями евреев, которые тогда, как известно, снова были вынуждены почти полностью поменять свое прежнее место проживания. При ближайшем рассмотрении я окончательно убедился в том, что на самом деле именно евреи в решающие моменты способствовали экономическому подъему тех регионов, где они появлялись, или вызывали экономический спад в тех местах, из которых уходили.

Однако такая констатация лишь ставит подлинно научную проблему. Что обозначал «экономический подъем» в те века? Какими именно делами евреи способствовали этому «подъему»? Что давало им возможность их совершать?

Ясно, что в рамках всеобщей истории становления современного капитализма дать основательный ответ на эти вопросы было нельзя, но для меня они показались настолько интересными, что я счел возможным на пару лет прервать работу над моим главным произведением и целиком предаться решению проблемы, связанной с евреями. Так и появилась эта книга.

Скоро стало ясно, что написать ее где-то за год я не смогу, так как ранее каких-либо работ на эту тему вообще не писалось.

Ситуация в высшей степени странная: о еврейском народе написано очень много, но о самой важной проблеме, а именно о его месте в экономической жизни едва ли было сказано что-либо принципиально важное. Все, что было написано по хозяйственной истории евреев, в большинстве случаев не отвечает этой теме, так как на самом деле в этих работах всегда речь идет лишь об истории права, или же они представляют собой летописи права, которые к тому же совершенно не касаются Нового времени. Таким образом, для начала мне пришлось собрать фактический материал из сотен монографий (отчасти превосходных) и различных источников, и только потом в общих чертах я смог набросать (не дерзну сказать «описать в деталях») картину экономической деятельности евреев на протяжении последних трех столетий.

Если многочисленные историки, занимавшиеся освещением истории какого-либо конкретного региона, и пытались хоть как-то описать внешнюю экономическую жизнь евреев и их судьбу на протяжении последних веков, почти никто до сих пор не отважился поставить общий вопрос: почему у них была такая своеобразная судьба, или (говоря точнее): что позволило им играть такую выдающуюся роль в формировании современной экономики, какую, как мы видим, они действительно играют. Все, что в какой-то мере приближает нас к ответу на данный вопрос, сводится к совершенно недостаточным, устаревшим схемам («внешне стесненное положение», «умение торговать и спекулировать», «беспринципность») — для того чтобы дать ответ на этот весьма деликатный вопрос, надо вообще оставить эти и подобные им общие фразы.

Итак, для начала следовало бы как можно точнее определить, *что* мы, собственно, хотим выяснить, иначе говоря, способность евреев *к чему именно* мы хотим доказать. Только тогда можно было бы заняться исследованием тех возможностей, которые объясняют их конкретную способность быть основателями современного капитализма. Этому исследованию посвящена значительная часть данной книги, и здесь не место подробно описывать резуль-

таты моих изысканий. Я хочу только сказать (дабы сказанное лейтмотивом звучало в ушах читателя), что большое влияние евреев на формирование хозяйственной (и вообще культурной) жизни, далеко превосходящее все прочие влияния, я объясняю совершенно своеобразным сочетанием внешних и внутренних обстоятельств, что я приписываю его (исторически случайному) факту: совершенно самобытный народ (кочевой народ пустыни, народ горячий) растворился среди других (холодных, флегматичных, оседлых) народов и жил и работал опять-таки в совершенно своеобразных внешних условиях. Если бы этот народ целиком остался на Востоке или оказался в каких-либо других жарких странах, его своеобразие сказало бы и там, но влияние не было бы таким динамичным. Он, наверное, играл бы приблизительно такую же роль, какую сегодня играют армяне на Кавказе, кабилы в Алжире, китайцы, афганцы или персы в Индии, однако дело никогда не дошло бы до поразительного результата в истории человеческой культуры — формирования современного капитализма.

Насколько своеобразным является это формирование, показывает хотя бы тот факт (в значительной мере объясняющий его сущность), что лишь чисто «случайное» сочетание столь разных народов и их опять-таки чисто «случайная» судьба, обусловленная множеством различных обстоятельств, определила всю его самобытность. Без рассеяния евреев в северных странах земного шара не было бы никакого современного капитализма, никакой современной культуры!

Я довел свои исследования до современной эпохи и, надеюсь, каждого смог убедить в том, что современная хозяйственная жизнь в значительной мере подчинена еврейскому влиянию. Я не сказал (и потому хочу это сделать здесь), что, по всей видимости, в последнее время это влияние начинает уменьшаться. Не вызывает никакого сомнения тот факт (и он может быть доказан путем простого подсчета), что в перечне важных постов (например, среди директоров или членов наблюдательных советов больших банков) еврейские имена стали встречаться

реже. Кроме того, складывается впечатление, что идет настоящее вытеснение еврейского элемента, и интересно проследить причины этого важного явления. Они могут быть самыми разными. С одной стороны, они могут крыться в изменении личных способностей экономического субъекта: неевреи в большей степени сумели сообразоваться с требованиями мировой капиталистической системы, они, так сказать, «научились», тогда как евреи, напротив, в силу тех перемен, которые претерпел их внешний образ жизни, внешняя судьба (улучшение гражданского положения, ослабление религиозного мироощущения), одним словом, в силу внешних и внутренних причин утратили некоторую долю своей прежней предрасположенности к капитализму; с другой стороны, причины ослабления еврейского влияния на нашу хозяйственную жизнь надо, вероятно, искать и в изменении объективных условий хозяйствования: капиталистические предприятия (вспомним о наших банках!) все больше и больше превращаются в бюрократическую управленческую администрацию, которая уже не требует конкретных навыков торговли в той мере, в какой это требовалось ранее: на смену коммерции приходит бюрократия.

Исследователям еще предстоит выяснить, в какой степени новейшая эра капитализма обнаруживает фактическое ослабление еврейского влияния; пока же я использовал свои собственные наблюдения, а также наблюдения других людей, для того чтобы, следуя единственно возможному обоснованию наблюдаемых мною процессов, найти подтверждение тому, что предпринятое в этой книге объяснение прежнего еврейского влияния проводилось мною в верном направлении. Прекращение этого влияния как бы на экспериментальном уровне показывает, чем же оно, собственно, объяснялось.

Я считаю, что эту часть моей аргументации, в которой объясняется особая предрасположенность евреев к капитализму (то есть второй раздел книги), а также первый раздел, в котором рассматривается их фактический вклад в становление современного народного хозяйства, в основных положениях невозможно опровергнуть. Здесь

можно что-то исправить, что-то (в первую очередь!) добавить, но правильность этих положений оспорить нельзя.

Что касается третьего раздела моей книги, где я пытаюсь объяснить природу и сущность еврейского характера, то тут я не чувствую такой же уверенности. Здесь мы все еще вынуждены в решающие моменты проводимого нами доказательства (и, наверное, будем вынуждены всегда) выдвигать гипотезы, которые, конечно же, не могут не иметь сильно выраженной личностной окраски. Тем не менее в отдельной главе, которую я посвятил обсуждению «расовой проблемы», я постарался сопоставить взгляды, которые на сегодняшний день можно считать в какой-то мере обоснованными, и прежде всего указать на многие шаткие гипотезы. По этой причине данная глава превратилась в настоящего монстра: громоздкая, лишенная единой связи, бесформенная и несбалансированная, она оставляет мучительное чувство неудовлетворенности, которое я попытался умалить написанием последней главы, где в общих чертах описываю «судьбу еврейского народа». Однако все это стало возможным только тогда, когда в плоскости моего личного восприятия были сведены в единую картину все разрозненные, единичные факты, которые научное исследование без каких-либо оговорок и расстановки акцентов предоставляет нашему взору. Вопрос о том, насколько в данном случае оправдано мое субъективное восприятие действительности, будет, наверное, решен только в будущем. Как бы там ни было, я без лишних разговоров допускаю, что кто-то другой будет смотреть на все это по-другому.

Наконец, я хотел бы указать и на некоторые особенности этой книги, надеясь, что тем самым смогу помешать тому, чтобы моя мысль в результате ее недопонимания растворилась, как здание в тумане, и чтобы вместо этого здания перед глазами «критически настроенного» зрителя не появилось бы совершенно иное «строение», непохожее на то, что выстроил я.

1) По своему характеру эта книга является *односторонней* и, собственно, желает быть таковой, поскольку ей и надо таковой оставаться, дабы она смогла самым

радикальным, революционным образом повлиять на умы.

Эта книга призвана к тому, чтобы выявить влияние евреев на процесс становления современной хозяйственной жизни. Для этой цели в ней представлен весь материал, на основании которого можно прийти к признанию этого влияния, в то время как прочие факторы, которые (помимо деятельности евреев) тоже влияли на становление современного капитализма, лишь упоминаются. Естественно, что тем самым влияние последних несколько не отрицается. Можно было бы точно так же написать книгу о влиянии нордических рас на формирование современного капитализма или сказать (как прежде я говорил, что без евреев нет капитализма), что его не было бы без достижений техники или открытия серебряных рудников в Америке.

Однако, хотя моя книга такова, то есть односторонняя, она в то же время:

2) ни в коей мере не является книгой *однозначных тезисов*. Я имею в виду ту мысль, что в ней и через нее не должна проводиться идея некоего правильного «взгляда на историю», она не должна давать «расового» обоснования хозяйственной жизни. Какие-либо «теоретические» или «историко-философские» выводы, которые можно или нужно сделать из нее, целиком принадлежат будущему и не имеют никакого отношения к содержанию самой книги. Она лишь воссоздает то, что я увидел, и призвана к тому, чтобы разъяснить факты, которые я наблюдал. Поэтому и «опровержение» моих положений (если бы кто-нибудь захотел им заняться) всегда должно основываться на историко-эмпирическом фактическом материале, должно выявлять мои заблуждения там, где я утверждал наличие определенной реальности, или указывать на ложные выводы в каждом отдельном случае, когда я предпринимал попытку найти причины существования такой реальности.

Наконец, я самым решительным образом подчеркиваю, что:

3) эта книга является строго *научной*. Говоря об этом, я, разумеется, подчеркиваю не столько ее достоинство,

сколько недостатков. Так как она является научной книгой, она ограничивается констатацией и разъяснением определенных фактов и не дает никаких оценок. Оценки всегда субъективны и не могут быть иными, потому что, в конечном счете, они коренятся в глубоко личном мировоззрении каждого человека. Наука же призвана к тому, чтобы сообщать объективные сведения, она ищет истину, которая, по существу, всегда *одна*, в то время как оценок ровно столько, сколько оценивающих. Однако объективное знание затемняется, смешиваясь с какой-либо субъективной оценкой, и поэтому наука и ее представители должны, как от чумы, бежать от оценки всего того, что они познают. Нигде, однако, субъективная оценка не бесчинствовала так сильно, нигде она так сильно не сдерживала познание объективной действительности, как в области «расового вопроса» и особенно в сфере так называемого «еврейского вопроса».

Своеобразие этой книги заключается в том, что в ней на пятистах страницах говорится о евреях, но лишь иногда здесь можно увидеть нечто похожее на их оценку, оценку их характера и дел.

Можно было бы, конечно, подвергнуть строго научному рассмотрению и саму проблему оценки, в данном случае — проблему значимости или, напротив, малоценности тех или иных групп населения, однако сразу надо понять, что здесь не обойтись без некоего разъяснения или критического предостережения. Все это выглядело бы примерно так: сначала мы говорим, что как целые народы, так и отдельных людей можно оценивать согласно тому, что они собой представляют и делают, а затем показываем, что и в первом, и во втором случае последнее мерило оценки оказывается субъективным и что, следовательно, нельзя говорить о существовании «низших» и «высших» рас, а евреев относить к первым или ко вторым, так как определение какой-либо сущности или какого-либо свершения как значимого или наоборот малоценного и незначимого в высшей степени зависит от того, кто эту оценку выносит.

К такой мысли приводят следующие соображения. Глядя на евреев и их судьбу, можно решить, что они воз-

вышаются над всеми прочими народами и являются народом вечным. «Один народ возникает, второй исчезает, но Израиль стоит вечно», — с гордостью говорится в мидраше на 36 псалом. Но можно ли рассматривать время существования народа (время, которое и сегодня во многих евреях пробуждает возвышенные чувства) как нечто ценное и значимое? *Генрих Гейне*, например, думал на этот счет иначе, когда писал:

«Этот древний бедственный народ издавна проклят и через тысячелетия влачит эту муку проклятия. О эти египтяне! Созданное ими бросает вызов времени, их пирамиды до сих пор стоят несокрушимо, их мумии доньше неразрушимы и так же несокрушимы, как мумия-народ, который бродит по земле, закутанный в свои древние письмены, как в пеленки, — закоснелая частица истории, призрак, который ради пропитания торгует векселями и старыми брюками».

Можно вспомнить о том, что евреи подарили нам Единого Бога и Иисуса Христа, а следовательно, христианство с его дуалистической моралью.

Ценный дар? *Фридрих Ницше*, например, так не думал.

Евреи сделали возможным существование капитализма в его сегодняшней форме. Быть может, это заслуживает благодарности? На данный вопрос тоже можно ответить по-разному, в зависимости от того, как мы относимся к капиталистической культуре.

Кто, как не Бог, должен «объективно» определить, насколько ценно то или иное достижение, кто возьмется решать, насколько один из двоих человек или двух народов «объективно» более ценен? В этом смысле ни одного человека, ни одну расу нельзя ставить выше других, но если серьезные люди все-таки вновь и вновь дают такие оценки, они, конечно, имеют право высказывать свои в высшей степени личные взгляды. Однако как только эти оценки начинают притязать на объективность и всеобщность, мы должны безжалостно разоблачать их мнимую основательность и при этом (учитывая опасность, которая исходит от сопутствующих им уловок) не бояться са-

мого острого оружия, применяемого в борьбе умов, — стремления высмеять.

Поистине смешно наблюдать, как представители какой-либо расы, люди, принадлежащие к тому или иному народу, превозносят эту расу или народ как «избранный», преисполненный какой-то особой значимости, превосходящий другие народы (подобно жениху, восхваляющему свою невесту!). Не так давно две расы (или два народа) особенно много заставили говорить о себе, и это произошло потому, что им, как никаким другим народам, что называется, делают рекламу. Речь идет о немцах и как раз о евреях, которых (с полным на то правом) взялись защищать патриотически настроенные представители этого народа, — защищать от нападков, которые обрушивают на него много о себе возомнившие представители другого народа — немецкого. Конечно, представители обоих народов имеют полное право превозносить свой народ и как таковой любить его (опять-таки как жених невесту), но все-таки довольно смешно навязывать свои предпочтения. Когда кто-то начинает превозносить немецкий народ, хочется напомнить слова *Виктора Гена*, который тоже стоял особняком, — слова, весьма резкие в своей категоричности: «В иерархии, ведущей от самых низших видов к более благородным организмам, итальянец занимает более высокое место, являет собой более духовный, более содержательный образ человека, чем, например, англичанин» (давая такую оценку, *Ген*, конечно, так же мало выражает объективную точку зрения, как и германофилы, говорящие о своем).

Кто станет возражать, если негров я поставлю выше белых граждан Соединенных Штатов? Смогут ли меня опровергнуть, заявив, что янки создали максимально высокую материальную культуру и что в этом и заключается их заслуга? В таком случае моему оппоненту сначала пришлось бы «доказывать», что эта американская культура по своей ценности превосходит негритянскую и т. д.

Однако научный анализ проблемы расовой оценки поставил бы перед нами и другие задачи. Нам пришлось бы выяснять, насколько с течением времени меняются те или иные оценочные критерии, и в ходе этого историче-

ского рассмотрения мы пришли бы к выводу о том, что (применительно к последнему столетию) процесс развития идет от гуманизма через национализм к животному началу (как однажды сказал один умный человек), но что почти в том самом месте, где начинается спуск к звериному, есть ответвление, суть которого можно выразить приблизительно так: от гуманизма (который, впрочем, здесь мыслится не как регулятивная идея человечности, а как уравнивание всех людей на бумаге) через национальную идею (и прославление расы) к конкретному качеству, то есть к оценке человека по характерным для него свойствам (быть может, и обусловленным его расовой принадлежностью) без соотнесения с его родом. Теперь мы как раз и переживаем тот момент, когда вновь образуется понятие расы как некоего идеального требования, а не какого-то исторического факта.

Теперь, когда мало-помалу восприятие всей расы или народа как некоего коллективного целого не выдерживает критики, представляя собой всецело плебейский идеал, мы хотим перейти не к еще более плебейской идее равенства всех, кто имеет человеческий облик, а к «более высокому» (!) представлению, согласно которому принцип крови хоть и имеет какую-то ценность, но, в сущности, совершенно все равно, идет ли речь о немецкой, еврейской или негритянской крови. «Расовым» должен быть сам человек, и согласно данной точке зрения «расовая» в таком конкретном понимании еврейка является более значимой и ценной, чем безвольная немка с «разбавленной» кровью и наоборот.

И наконец, проводя научный анализ оценки целых наций и народов, можно было бы вспомнить и о том, что существуют люди, для которых расы и народы вообще не имеют никакого значения и которые оценивают лишь конкретного человека, считая, что любое скопление людей, идет ли речь о расах или о чем-либо еще, представляет собой лишенную ценности массу, в которой, однако, там и сям проглядывает поистине значимый, благородный сам по себе человек. Эти люди давно перестали делить других людей по принципу вертикали: они прово-

дят деление в горизонтальной плоскости и одинаково часто (или одинаково редко) «над чертой» вполне естественным образом оказываются как евреи, так и христиане, как эскимосы, так и негры (поскольку в *любой* группе встречаются «люди», и этого нельзя оспорить: какому-нибудь немцу или еврею из вполне приличного общества всегда может соответствовать какой-нибудь негр, например, Букер Вашингтон или другой умный, основательно разбирающийся в искусстве и обладающий прекрасными нравственными качествами представитель этой расы, которую обычно воспринимают как некий бросовый материал).

Ясно, что такой способ оценки целиком и полностью основывается на личном жизненном опыте, а о том, сколь многие из нас, современных людей, совсем того не желая, не могут все-таки удержаться от некоторого пиетета по отношению к евреям, раз и навсегда в классической форме сказал всеми нами любимый Фонтане. В стихотворении «На свое семидесятипяtilетие» он, помимо прочего, пишет:

«... Но и другие имена мой юбилей почтили,
На них седая старина торжественно почила...
... Сонм Поллаков ко мне грядет, и Мейеров толпа,
И тех, кто на Востоке жил, мне слышится стопа.
... И дружбы полные, меня влекут к высотам рая
Совсем уж древние мужи — Аврам, Исак, Израиль.
... Они меня читали все и знают испокон,
И это главное... Ну что ж, присаживайтесь, Кон».

Научное исследование оценки той или иной расы должно учитывать и эту игру оценочных предпочтений, тем самым показывая, сколь субъективными, основанным на личном восприятии они являются, показывая их в высшей степени «личный» и потому «ненаучный» характер. Что касается моей книги, то она стремится быть научной, и потому в ней не дается никаких оценок. Частное мнение автора интересно лишь его друзьям, а не всему миру. Друзья его знают.

Вернер Зомбарт

Раздел первый

УЧАСТИЕ ЕВРЕЕВ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Глава первая

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. ХАРАКТЕР И МЕРА УЧАСТИЯ ЕВРЕЕВ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Для того чтобы определить, в какой мере тот или иной народ участвует в экономической жизни, можно воспользоваться двумя методами: назовем их статистическим и генетическим.

С помощью статистического метода (о чем, собственно, говорит и само его название) можно попытаться выяснить число экономических субъектов, которые принимают участие в каком-либо экономическом действии, например составить представление о том, как в тот или иной период времени выглядела торговля с какой-либо страной, каким было производство того или иного товара, а затем подсчитать, какой процент во всем этом составляют представители исследуемой группы населения. Нет сомнения в том, что такой метод имеет большие преимущества. Он, конечно же, дает четкое представление о том, какую роль в развитии той или иной отрасли торговли играли, скажем, иностранцы или евреи, если на цифрах можно показать, что 50 или 75 % людей, принимавших участие в этой деятельности, принадлежали определенному типу. Это тем более так, если статистика, кроме личности экономического субъекта, учитывает и другие экономически важные обстоятельства, например объем вложенного капитала, количество произведенных товаров, уровень товарооборота и так далее. Поэтому в таких исследованиях, как наше, статистический метод исполь-

зуют охотно и эффективно. Тем не менее довольно скоро становится ясно, что с помощью одного лишь статистического метода проблему не решить, и прежде всего потому, что даже самая лучшая статистика говорит далеко не все, а часто не сообщает даже самого важного из того, что требуется узнать. Она, например, никак не учитывает проблему динамического воздействия, которое в экономике (как, впрочем, и везде, где действует человек) могут оказывать отдельные влиятельные лица, воздействие которых простирается далеко за пределы их непосредственной сферы деятельности, а участие в осуществлении какого-либо процесса по этой же причине оказывается неизмеримо выше, чем об этом говорит их чисто статистическое участие в работе какой-либо профессиональной группы или их социальная активность. Если деловая практика какого-либо *одного* банкирского дома оказывается определяющей для десяти других и общая деловая практика определенной эпохи и страны в какой-то мере тоже им определяется, тогда ясно, что такое влияние и, следовательно, участие этого *одного* банкирского дома, задающего направление развитию всего банковского дела, нельзя выразить никакой точной статистикой. Таким образом, в любом случае статистический метод надо дополнить другими методами исследования.

Однако другой недостаток статистического метода ощущается, наверное, еще сильнее: дело в том, что в силу недостатка цифрового материала в подавляющем большинстве случаев он оказывается вообще неприменимым. Если нам повезет, мы, конечно, сможем получить точные цифровые данные о числе лиц, которые в прошлом были заняты в определенной сфере промышленности, в той или иной области торговли, а также об объеме оборота и так далее, в точном процентном соотношении с различными группами населения (в нашем случае — с цифровым выражением доли участия евреев во всем этом процессе). Что касается настоящего и будущего, то, наверное (опять-таки при особенно благоприятных условиях) можно было бы в более полном объеме проводить статистические исследования такого рода.

О некоторых из них мы поговорим в ходе нашего изложения, однако не следует забывать о тех огромных трудностях, которые будут сопутствовать таким исследованиям. Общие цифры, касающиеся профессий и ремесел, приводят нас в тупик. В самом лучшем случае мы можем вывести из них процент участия представителей тех или иных конфессий в различных областях хозяйственной деятельности, но и это даст нам немного. Во-первых, как уже подчеркивалось, одни лишь голые цифры, отражающие число людей без указаний на объем капитала, а также на производственную мощность или объем сбыта продукции, являются недостаточными; во-вторых, в такой ситуации не учитываются все те, кто перешел в иное вероисповедание, но по-прежнему входит в исследуемую группу населения. Если мы хотим получить относительно надежные результаты, необходимо, чтобы упомянутые статистические исследования (с относительно широким использованием различных источников, главным образом торгово-промышленных справочников, торговых и промышленных адресных книг, налоговых документов еврейских общин и так далее) проводили люди, имеющие серьезные специальные знания и прежде всего основательные познания в области человеческой психологии. Лыщу себя надеждой, что моя книга послужит стимулом для проведения таких исследований в более широком масштабе (для которых, помимо всего прочего, необходимы и значительные денежные средства). В настоящее время у нас нет ни одной удовлетворительной работы такого рода (если не считать венского опроса, проведенного Зигмундом Майером). Надо сказать, что и эта книга не была бы написана, если бы для определения степени участия евреев в нашей хозяйственной жизни автору пришлось пользоваться только статистическим методом. Однако я уже упомянул о том, что есть и другой метод, который я назвал генетическим и который является не просто некоей «затычкой», но имеет большие преимущества в сравнении со статистическим, так что его вполне можно поставить рядом с ним как равноценный.

Суть этого метода можно охарактеризовать примерно так: прежде всего мы выясняем, в какой мере та или иная группа населения (в нашем случае евреи) становится определяющей (или уже стала таковой) в том, что касается хода и направления, сущности и характера современной экономической жизни, то есть выясняем степень ее качественного или (как я говорил выше) динамического влияния. Это мы сможем сделать только тогда, когда выясним, не стали ли некоторые, наиболее отличительные особенности нашей хозяйственно жизни такими, какими они являются, именно потому, что изначально были определены еврейским влиянием (как в том смысле, что некоторые ее внешние проявления географического и организационного порядка можно объяснить именно их деятельностью, а также в том, что основные принципы деловой активности, ставшие общими, определяющими нашу хозяйственную жизнь экономическими правилами, родились из специфически еврейского умонастроения). Само собой разумеется, что применение этого метода требует, чтобы мы проследили экономическую цепь развития почти до самых истоков и, кроме того, обратили свой взор на изначальную эпоху становления современного капитализма или хотя бы на то время, когда он впервые стал обретать свои сегодняшние черты. В то же время этот метод ни в коем случае не позволяет нам остановиться на упомянутой «юной поре» развития капитализма, но требует, чтобы мы самым внимательным образом проследили и процесс его созревания, потому что в течение всего этого времени вплоть до сегодняшнего дня непрерывно заявляет о себе «доселе неизвестная и более новая материя», и довольно часто сущностная самобытность экономической системы со всей определенностью проявляется только в позднейших период (причем надо всегда стараться уловить тот момент, когда это новое впервые начинает ощущаться, и попытаться выяснить, кто в этот решающий миг играл главную роль в той особой отрасли экономики, которая положила начало новой тенденции).

Итак, надо выяснить, кто играл главную роль, хотя понятно, что довольно часто точная и бесспорная констата-

ция сопряжена с очень большими трудностями, если вообще возможна: здесь, как и в большинстве других случаев, научный такт не должен подвести. Само собой разумеется, что люди, творчески внедряющие какую-либо ведущую идею в экономику, привносящие в нее нечто новое, далеко не всегда являются «изобретателями» в строгом смысле слова. Часто приходится слышать, что в этом смысле сами евреи — умы не творческие, что не только в технике, но и в экономике «изобретения» совершают представители других национальностей, а евреи лишь умело используют идеи других людей. Я считаю, что в общем и целом этот тезис неверен: и в технике, и тем более в экономике можно найти «изобретателей»-евреев в подлинном, строгом смысле слова (что мы не раз и подтвердим нашими исследованиями). Но даже если бы упомянутое утверждение и было правильным, оно ничего не говорило бы против той точки зрения, согласно которой евреи наложили свой отпечаток на определенную область хозяйственной жизни, так как в мире экономики речь идет не столько об изобретении, сколько о его «разработке», то есть о способности вдохнуть жизнь в какую-либо идею, внедрить какие-либо новые мысли: ход и направление экономического развития определяются не тем, что какой-то гениальный ум, пребывая в творческом расположении духа, однажды разработал теоретические возможности, скажем, купли-продажи товара в рассрочку, а тем, что нашлись люди, сумевшие и захотевшие придать массовый характер этой новой форме торговой операции.

Прежде чем я попытаюсь определить долю участия евреев в формировании нашей современной экономической жизни, я хотел бы в нескольких словах обсудить еще один вопрос, суть которого сводится к следующему: насколько полно мы можем выявить меру их действительного участия в становлении современной экономики, если постараемся с максимальной выгодой использовать оба метода, находящиеся в нашем распоряжении.

Прежде всего не вызывает сомнения тот факт, что влияние евреев на развитие современной экономики

должно казаться даже большим, чем оно на самом деле есть, так как в нашей книге все явления рассматриваются лишь с *одной* точки зрения: каким образом евреи способствовали их возникновению? Чрезмерный акцент на каком-то *одном* факторе во всей сложной картине действительности всегда неизбежен, если этот фактор рассматривается особо. Если бы я писал историю становления современной техники и ее влияния на ход экономической жизни, непременно сложилось бы впечатление, что все рассматриваемое мною обусловлено технически, а если бы я решил рассмотреть значение современного государства в формировании капитализма, стало бы казаться, что все обусловлено государственным управлением и организацией. Все это понятно, но я все-таки хочу заострить на этом внимание, чтобы заранее предотвратить возможный упрек в том, что я, дескать, переоценил влияние евреев на ход нашей экономической жизни. Существуют тысячи других факторов, в равной мере приведших к тому, что наша экономика сегодня имеет именно такой вид, какой имеет. Современный капитализм точно так же не сформировался бы без влияния евреев, как, например, он не сформировался бы без открытия Америки и ее серебряных рудников, без развития современной техники, без тех самобытных черт, которые присущи европейским нациям, а также без свойственной им исторической судьбы. Это влияние составляет *одну* главу в великой книге истории, и в своем новом исследовании становления современного капитализма, построенном по генетическому принципу (которое я, кстати, надеюсь представить в недалеком будущем), я рассмотрю его в более широком контексте, где оно займет подобающее ему место наряду с другими определяющими факторами. Здесь этого сделать нельзя, и потому неискушенный читатель может легко исказить подлинную картину действительности в пользу лишь *одного* фактора. Будем, однако, надеяться, что высказанное предостережение возымеет свое (субъективное) воздействие вкупе с одним (объективным) фактом сможет дать приблизительно правильную перспективу. Факт, о котором я упомянул, заключается

в том, что, с другой стороны, влияние, оказанное евреями на развитие нашей экономической жизни, в действительности гораздо больше, чем принято считать.

Причина довольно проста: наличие этого влияния можно установить лишь в какой-то мере, значительная же его часть (и, быть может, весьма существенная) вообще ускользает от нашего взора. Прежде всего это происходит из-за недостаточного знакомства с существом дела. Мы уже говорили о том, что в статистическом отношении наши познания оставляют желать лучшего, но и при одном только генетико-динамическом подходе мы вполне может задать себе вопрос: кто сегодня располагает точными сведениями о тех людях, которые заложили основы определенных видов промышленности, развили ту или иную отрасль торговли и впервые представили тот или иной принцип деловой активности? Я, считаю, что мы можем узнать гораздо больше по данной проблеме, и даже не сомневаюсь в том, что уже сегодня знаем много больше, чем знал я, когда писал эту книгу. В рассматриваемом нами случае к объективной неполноте наших знаний (обусловленной обстоятельствами) примешивается и субъективная недостаточность сведений о действительной картине (обусловленная недостаточной подготовленностью и немногочисленностью тех, кто эти сведения предоставляет), в результате чего читателю данной книги сообщается лишь какая-то (и, быть может, очень небольшая) часть интересных фактов. В любом случае, он постоянно должен помнить о том, что все, что я говорю о евреях и их участии в формировании современного народного хозяйства, раскрывает перед ним лишь незначительную часть действительности и что в соотнесении с целым эта часть становится еще меньше. Это происходит потому, что, помимо наших совершенно недостаточных знаний о становлении народного хозяйства (когда речь заходит о влиянии на него тех или иных лиц), мы довольно плохо осведомлены в вопросе о том, являются ли на самом деле евреями те люди, влияние которых при самом удачном стечении обстоятельств можно доказать и даже назвать их поименно, собрав о них точные анкетные данные.

Евреи — так называют представителей народа, исповедующего веру Моисея (приводя такое определение, я намеренно уклоняюсь от всякой соотнесенности с расовым своеобразием, которое мы — на какое-то время — хотим оставить в стороне как сомнительное или непринципиальное). Мне не надо говорить о том, что при таком определении еврея (и несмотря на исключение всех расовых признаков) евреем все-таки остается и тот, кто вышел из еврейского религиозного сообщества. Равным образом его потомки тоже останутся евреями, насколько хватит исторической памяти. (Об обоснованности такой точки зрения я еще буду говорить по ходу изложения.)

Стараясь определить степень участия евреев в экономической жизни, мы постоянно сталкиваемся с одной досадной помехой: вновь и вновь обнаруживаются христиане, которые на самом деле являются евреями, — по той простой причине, что когда-то они сами или их предки приняли крещение. Я уже говорил о том, что такое искажение фактического положения дел становится особенно ощутимым при применении статистического метода, так как при статистическом подходе всегда учитывается лишь принадлежность к той или иной конфессии и не более. Но используя другой метод, мы все-таки довольно часто воспринимаем как недостаток тот факт, что действительный статус того или иного человека остается для нас сокрытым, поскольку он поменял свое религиозное облачение.

Нет никакого сомнения в том, что во все времена значительное количество евреев оставляло свою религию. В ранний период истории переход из иудейской веры в христианскую принимал форму принудительного крещения. Принудительное крещение совершалось уже в раннем средневековье, например в Италии и Испании VII и VIII вв., в королевстве Меровингов, хотя такое явление мы наблюдаем во все позднейшие века у всех народов вплоть до новейшего времени, почти до того периода, когда массовым явлением стал добровольный переход в другое вероисповедание. Это происходит в XIX в., прежде всего в его последней трети. Что касается самых по-

следних десятилетий, то здесь мы впервые располагаем достоверными статистическими данными, тогда как в отношении более раннего периода — сведения зачастую достаточно сомнительного свойства. Я, например, не очень доверяю сообщению *Якоба Фромера*, согласно которому в XIX в., в конце второго десятилетия, приблизительно половина берлинского еврейства перешла в христианство (1). Так же мало можно доверять утверждению, которое недавно раввин Вернер-Мюнхен сделал на собрании «Центрального союза немецких граждан иудейской веры» (Zentralverein deutscher Staatsbürger jüdischen Glaubens) (по газетным сообщениям). Он утверждает, что в Берлине доньше было крещено 120 000 евреев. Цифры, которые мы берем из надежных статистических источников, говорят об обратном, а именно о том, что тенденция выхода из иудейского вероисповедания начинает крепнуть только в девяностые годы, но процент вышедших из него в эти годы не превышает 1.28 ‰ (этот максимум приходится на 1905 г.), тогда как среднее число составляет приблизительно 1 ‰ (начиная с 1895 г.). Тем не менее число людей, вышедших в Берлине из еврейского духовного сообщества, довольно внушительно, каждый год оно исчисляется сотнями и в период с 1873 по 1906 г. составляет 1869 человек (2).

Еще сильнее эта тенденция дает о себе знать среди евреев Австрии и прежде всего Вены. В настоящее время каждый год в Вене еврейскую духовную общину покидают от пяти до шестисот человек и за 36 лет (с 1868 по 1903 г.) их число составило 9085 человек. Число вышедших быстро растет. В среднем в период с 1868 по 1879 г. одно крещение приходилось на 1200 евреев в год, в 1880–1889 г. — на 420–430 человек, а в 1890–1903 г. уже на 260–270 человек (3).

Но если бы крещеные евреи были единственной группой, которая ускользает от исследовательского взора, решившего выяснить степень участия этого народа в экономической жизни! Существуют и другие группы, влияние которых трудно или невозможно подтвердить.

Я даже не имею в виду *женское еврейство*, то есть евреек, которые через замужество вошли в христианские се-

мы и там естественным образом раз и навсегда утратили свое прежнее имя, но, по всей вероятности (о чем мы поговорим позднее), не утратили своей сущности (и потому вполне естественно распространяли далее свою еврейскую самобытность). Я скорее имею в виду *тайных евреев*, в историческом плане представлявших собой чрезвычайно важную группу, евреев, которых мы встречаем во все века (о чем мы тоже поговорим подробнее) и которые в определенные периоды времени составляли весьма значительную часть всего еврейства в целом. Тайные евреи могли так искусно выдавать себя за неевреев, что люди считали их христианами (или мусульманами). О евреях португальско-испанского происхождения, проживавших в южной Франции в XV—XVI вв. и позднее мы узнаем, например, что они (как, впрочем, все *марраны*, жившие на Пиренейском полуострове и за его пределами): «подчинялись всем внешним установлениям католической церкви; рождение, брак, кончина — все отмечалось в приходских книгах церкви, которая совершала над ними христианские таинства крещения, брака и соборования. Многие даже вступали в ордена и становились священниками» (4). Поэтому нет ничего удивительного в том, что во всех сообщениях о каких-либо торговых предприятиях, появлении какой-либо отрасли промышленности и так далее они не выступают как евреи, и некоторые историки и сегодня продолжают разглагольствовать о благоприятном влиянии «испанских» или «португальских» переселенцев. Порой мнимые христиане так искусно скрывали свою подлинную национальность, что и ныне специалисты в области иудаики продолжают спорить о том, из евреев ли происходило то или иное семейство или нет (5). Неясность усугубляется, если вспомнить о том, что тайные евреи брали себе христианские имена. По-видимому, особенно много евреев было среди протестантских беженцев XVII в.: к такому выводу можно прийти как из общих соображений, так и на основании многих еврейских имен, которые мы встречаем среди гугенотов (6).

И наконец, учету не поддаются все те евреи, которые принимали участие в хозяйственной жизни в *домартов-*

ский период, но не были известны властям, так как закон запрещал им заниматься их ремеслом. Им приходилось работать под прикрытием какого-либо подставного лица из христиан, искать покровительства привилегированных евреев или прибегать к каким-либо другим уловкам, чтобы осуществлять свою деятельность в обход закона. Весьма сведущие люди говорят, что в некоторых местах эта в тайне процветающая часть еврейства была весьма значительной. Сообщают о том, что, например, в Вене в сороковые годы XIX в. «по скромным подсчетам» число евреев составляло 12 000 человек. Уже тогда в их руках была сосредоточена вся оптовая текстильная торговля, и значительная часть территории внутреннего города была заполнена одними еврейскими магазинами, хотя в приложении к официальному торговому списку от 1845 г. только 63 еврея были представлены как «признанные торговые люди еврейского происхождения», имеющие ограничения на продажу некоторых товаров (7).

Итак, мне думается, что здесь я выполнил свою задачу и сумел показать, что по самым разным причинам число евреев, которым мы располагаем, в действительности меньше того их количества, которое некогда было или есть в действительности. Таким образом и по этой причине (читатель должен об этом помнить) доля участия евреев в созидании нашего народного хозяйства кажется меньшей, чем она есть на самом деле. А теперь попытаемся охарактеризовать само это участие.

Глава вторая

СМЕЩЕНИЕ СРЕДОТОЧИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (С XVI ВЕКА)

Одним из решающих факторов, определивших ход развития современной экономики, является смещение центра тяжести мирового хозяйства, а также экономического энергетического центра от южноевропейских наций (итальянцы, испанцы, португальцы, а также некоторые

южнонемецкие области) к северо-западным европейским народам (сначала к бельгийцам и голландцам, а затем к французам, англичанам и северным немцам). Принципиально важным событием явился внезапный экономический расцвет Голландии, которая дала стимул для интенсивного развития экономических сил прежде всего во Франции и Англии: на протяжении всего XVII в. перед всеми теоретиками и практиками северо-западных европейских народов стояла одна задача — не отставать от Голландии в торговле, промышленности, судоходстве и колониальных владениях.

Для того чтобы объяснить этот хорошо известный факт, «историки» приводят самые смешные доводы. Так, например, считается, что открытие Америки и морского пути в Ост-Индию стало причиной того, что итальянские и южнонемецкие города-государства, а также Испания и Португалия утратили свое экономическое значение: якобы в результате этого торговля с Левантом перестала быть такой важной, какой была прежде, а позиции южногерманских и итальянских городов, которые играли главную роль в этой торговле, были поколеблены. Однако такой аргумент несколько не убеждает. Во-первых, на всем протяжении XVII—XVIII вв. торговля с Левантом имеет приоритетное значение по сравнению с торговлей почти со всеми другими странами, и расцвет южнофранцузских торговых городов, а также Гамбурга, в течение всего этого времени был обусловлен главным образом именно этой торговлей. Во-вторых, различные итальянские города, утратившие свое значение в XVII в., на протяжении всего XVI в. еще принимали деятельное участие в торговле с Левантом, несмотря на пришедшие в запустение торговые пути (например, Венеция). Совершенно непонятно, почему народы, которые вплоть до XV в. играли ведущую роль в экономике (итальянцы, испанцы и португальцы), должны были понести ущерб в результате развития новых морских торговых связей с Америкой и Восточной Азией, почему в силу своего географического положения (по сравнению с положением Франции, Англии, Голландии и Гамбурга) они должны были хоть в

чем-то понести урон. Разве путь из Генуи в Америку или Ост-Индию не тот же самый, который ведет туда из Амстердама, Лондона или Гамбурга? Разве португальские и испанские порты не были самыми ближайшими по отношению ко вновь открытым областям, которые, кстати, были открыты итальянцами и португальцами и которыми впервые завладели как раз португальцы и испанцы?

Столь же малоубедительным представляется и другой довод, который обычно приводят, чтобы объяснить смещение экономической активности в сторону северо-западных европейских стран. Речь идет о якобы более сильной государственной власти, которая позволила этим народам взять верх над раздробленной Германией и Италией. Но разве могущественная повелительница Адриатики имела в XVI в. меньшую государственную власть, чем семь провинций в XVII в.? И разве империя Филиппа II по мощи и авторитету не превосходила все прочие, существовавшие в ту пору? Почему некоторые города в политически истерзанной германской империи (например, Франкфурт-на-Майне или Гамбург) в XVII—XVIII вв. достигают расцвета, которого смогли достичь лишь немногие французские или английские города?

Здесь не место анализировать рассматриваемое нами явление во всей полноте вызвавших его причин. Понятно, что конечный результат был обусловлен целым рядом обстоятельств, но в контексте рассматриваемой нами проблемы необходимо указать на одно обстоятельство, которое, как мне кажется, заслуживает самого серьезного внимания и над которым, насколько я знаю, никто не задумывался. Речь идет о том, что смещение экономического центра тяжести с юга на север Европы (так не совсем точно мы говорим ради краткости) можно связать с переселением евреев. Как только мы уясним эту мысль, события той эпохи, которые доселе казались нам темными, предстанут в ясном свете. Удивительно, что до сих пор никто не проводил даже внешней параллели между переселением евреев и экономической судьбой различных народов и городов. Израиль, как солнце, освещает Европу, и там, куда падают его лучи, дает ростки новая

жизнь, а там, откуда они уходят, загнивает все, что цело прежде. Достаточно вспомнить о хорошо известных переселениях, которые евреи были вынуждены совершать начиная с XV в., чтобы сразу убедиться в правильности данного наблюдения.

Событием всемирно-исторического значения, о котором надо вспомнить в первую очередь, является изгнание евреев из Испании и Португалии (1492 и 1495, а также 1497 г.). Никогда не следует забывать, что прежде чем Колумб отплыл из Палоса открывать Америку (3 августа 1492 г.), по слухам, 300 000 евреев двинулись из Испании в Наварру, Францию, Португалию и на Восток, и что в те годы, когда Васко да Гама открывал морской путь в Ост-Индию, евреи были изгнаны и из других частей Пиренейского полуострова.

Нельзя, однако, дать точных цифр относительно переселения евреев, которое они вынуждены были совершить с конца XV в. Все попытки, предпринимавшиеся в этом направлении до сих пор, в значительной степени ограничиваются предположительными цифровыми данными. Самое лучшее исследование на эту тему, которое я знаю, принадлежит *Лёбу* (Js. Löb) *Le nombre des juifs de Castille et d'Espagne au moyen âge: Revue des études juives* 14 (1887), 161 ff. Хотя очень многие цифры, приводимые этим автором, являются перерасчетом (главным образом на основании данных переписи населения среди евреев, которые *сегодня* живут в различных местах), я все-таки хотел бы сообщить некоторые данные из его основательной работы. Итак, согласно этому исследованию, в 1492 г. в Испании и Португалии проживали приблизительно 235 000 евреев, почти столько же, сколько и двести лет назад, из них в Кастилии — 160 000, включая Андалузию, Гранаду и так далее, в Наварре — 30 000. Число крещеных составляло 50 000 человек, во время переезда умерло 20 000, всего эмигрировало 165 000, из них:

в европейскую и азиатскую Турцию	90 000
в Египет и Триполи	2 000
в Алжир	10 000

в Марокко	20 000
во Францию	3 000
в Италию	9 000
в Голландию, Гамбург, Англию и Скандинавию	25 000
в Америку	5 000
в другие страны	1 000

Странным образом эти два в своем роде одинаково примечательных события (открытие новых земель и массовое переселение евреев) пришлось на один и тот же год, однако всеобщее изгнание евреев с Пиренейского полуострова не приводит к тому, что их история в этом регионе тотчас заканчивается. Там остаются многочисленные мнимые христиане (марраны), которые покидают эти края только в следующем столетии, когда при Филиппе III все сильнее начинает свирепствовать инквизиция (8): немалая часть испанских и португальских евреев переселяется в другие страны только в XVI в., а точнее на его исходе. Надо, однако, сказать, что как раз в это время и завершается судьба испанско-португальского народного хозяйства.

В XV в. евреев изгоняют из самых важных *немецких* торговых городов: из Кельна (1424–1425), Аугсбурга (1439–1440), Страсбурга (1438), Эрфурта (1458), Нюрнберга (1498–1499), Ульма (1499) и Регенсбурга (1519).

В XVI в. такая же судьба постигает евреев, живущих в некоторых *итальянских* городах: в 1492 г. их изгоняют из Сицилии, в 1540–1541 — из Неаполя, в 1550 — из Генуи, а также из Венеции. Надо сказать, что и здесь экономический упадок и переселение евреев во временном отношении совпадают.

С другой стороны, надо отметить, что в тех городах и землях, куда переселились евреи, изгнанные из Испании, наблюдается экономический подъем (в какой-то мере совершенно неожиданный) — наблюдается с того момента, как там появляются еврейские беженцы. Такая картина сложилась в Ливорно (9), в который переселилась основная часть бежавших в Италию евреев и кото-

рый принадлежал к немногочисленным итальянским городам, переживавшим в XVI в. мощный экономический подъем.

Что касается *Германии*, то в XVI—XVII вв. большое количество евреев приняли такие города, как Франкфурт-на-Майне и Гамбург.

Во Франкфурт в первую очередь переехали евреи, к этому времени изгнанные из других южнонемецких городов. Однако в XVII—XVIII вв. в эти города, по-видимому, совершался дополнительный приток евреев из Голландии: такой вывод можно сделать на основании имевшихся в ту пору тесных торговых связей между Франкфуртом и Амстердамом. Согласно *Фридриху Боте* (*Beiträge zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte der Reichsstadt Frankfurt* [1906], 70 ff) число евреев, проживающих во Франкфурте, увеличивается в 12 раз и к 1612 г. составляет 2800 человек; в 1709 г. (согласно официальной переписи населения) число евреев составляло 3019 человек при общей численности приблизительно 18 000 человек. Относительно происхождения франкфуртских евреев довольно хорошие сведения содержатся в добросовестной работе *А. Дица* (*Stammbuch der Frankfurter Juden. Geschichtliche Mitteilungen über die Frankfurter jüdischen Familien von 1549–1849*. 1907). Почти во всех случаях *Диц* смог указать место, из которого те или иные еврейские семьи прибыли во Франкфурт. Однако, располагая этим материалом, мы, к сожалению, не можем с точностью проследить, где эти семьи проживали в более ранние годы: в Восточной ли Германии, Голландии ли, Испании и так далее. Что касается более раннего периода (до 1500 г.), то здесь мы рекомендуем работу *К. Бюхера* (*Bevölkerung von Frankfurt a. M.*, 1886. S. 526–601).

В Гамбурге первые еврейские беженцы появились в 1577 или в 1583 г. (прежде всего под маской правоверных католиков). Они пополняли население Гамбурга, прибывая прямо из Фландрии, Италии, Голландии, а также из Испании и Португалии. В XVII в. начинается приток восточных (немецких) евреев. Согласно запискам графа Га-

леаццо Гвальдо Приорато в 1663 г. в Гамбурге насчитывалось 40–50 домов, где жили немецкие евреи (и в то же время там проживало 120 еврейских семей, прибывших из Португалии) (*Zeitschrift für Hamb. Gesch.* 3, 140 ff). О поселении евреев в Гамбурге и их ранней истории в этом городе рассказывает *А. Фейльхенфельд* (*Die älteste Geschichte der deutschen Juden in Hamburg: Monatschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums*) 43 (1899). Эта работа также была издана отдельно. Кроме того, можно упомянуть еще две работы: *М. Grunwald. Portugiesengräber auf deutscher Erde.* 1902; Его же: *Hamburgs deutsche Juden.* 1904.

С конца XVII в. число евреев, проживающих в Гамбурге, начинает быстро расти. Сообщается о том, что в середине XVIII в. в этом городе насчитывалось «ужасно много евреев», приблизительно 20–30 тысяч человек (причем эти цифры, конечно, были завышены): *Chr. Ludw. v. Griesheim. Die Stadt Hamburg* (1760), 47 f.

Примечателен еще один факт: человек, путешествовавший в XVIII в. по Германии и оглядывавший раскрывающуюся перед ним картину неподвзятым взором, замечал, что все прежние имперские торговые города (Ульм, Нюрнберг, Аугсбург, Майнц, Кельн) находились в упадке, и только о двух имперских городах можно было сказать, что они сохранили свой прежний блеск и хорошеют с каждым днем — о Франкфурте-на-Майне и Гамбурге (10).

Что касается *Франции*, то в XVII—XVIII вв. особенно процветающими в экономическом отношении городами были Марсель, Бордо и Руан, причем интересно, что и они стали теми резервуарами, которые в большом количестве принимали еврейских беженцев (11).

Известно, что в конце XVI в. экономическое развитие *Голландии* внезапно ускоряется (в смысле развития капитализма). Первые португальские марраны селятся в Амстердаме в 1593 г., и скоро к ним прибывает пополнение. В 1598 г. в этом городе открывается первая синагога. К середине XVII в. в некоторых голландских городах уже насчитывается немало еврейских общин, а к концу

XVIII в. число «семей» только в Амстердаме достигает 2400 (12). Уже в середине XVII в. их интеллектуальное влияние оказывается довольно сильным: говоря о государстве древних евреев, специалисты в области государственного права, а также философы, рассуждающие о философии государственного устройства, утверждают, что это государство является образцом в деле составления голландской конституции (13). Что касается самих евреев, то в этот период они называют Амстердам своим новым великим Иерусалимом (14).

Испанские евреи прибывали в Голландию или прямо из Испании, или из тех областей Нидерландов, которые еще оставались под испанским владычеством, и прежде всего из Антверпена, где они обосновались в последние десятилетия XV в., после того, как их изгнали из Испании и Португалии. В 1532 и 1549 гг. были изданы постановления, запрещающие мнимым христианам проживать в Антверпене, однако успеха они не имели. В 1550 г. этот запрет возобновляется, однако касается только тех, кто прожил в этом городе менее шести лет. Надо сказать, что и это постановление осталось без внимания: «Тайные израильтяне множились здесь день ото дня». Они принимают деятельное участие в борьбе за свободу Нидерландов, и ход этой борьбы постепенно заставляет их перебираться в северные провинции (15). Удивительный факт: недолгий расцвет Антверпена, ставшего средоточием мировой торговли и превратившегося в мировую биржу, по времени приходится на период пребывания в нем марранов (16).

Наконец, складывается впечатление, что и в *Англии* так называемый экономический подъем, то есть формирование капиталистического способа хозяйствования (17), идет параллельно притоку еврейского элемента в эту страну, главным образом евреев из Испании и Португалии.

Раньше считалось, что со времени изгнания евреев из Англии (1290 г., период правления Эдуарда I) и до их более или менее официального возвращения, начавшегося в эпоху правления Кромвеля (1654–1656), в этой стране

не было ни одного еврея. Сегодня, однако, самые осведомленные специалисты в области англо-еврейской истории уже не разделяют такой точки зрения. Евреи проживали в Англии во все века, но в XVI столетии их стало особенно много. Уже во время правления королевы Елизаветы их число было немалым. Елизавета сама испытывала определенное пристрастие к изучению еврейской культуры и общению с евреями. Ее врачом был Родриго Лопес, еврей, которого Шекспир изобразил в своем Шейлоке (18).

Известно, что благодаря ходатайству Манассии бен Израйля в середине 50-х годов XVII в. евреи вновь получили официальное разрешение вернуться в Англию и что с тех пор благодаря дополнительному притоку переселенцев (с XVIII в. также из Германии) их число быстро растет. Согласно составителю английской Еврейской энциклопедии (*Anglia Judaica*) около 1738 г. в одном только Лондоне постоянно проживало 6000 евреев (19).

Итак, вполне можно предположить, что переселение евреев и экономическая судьба тех или иных народов в хронологическом смысле представляет собой параллельное движение, однако это еще ни в коем случае не доказывает, что их отъезд из какой-либо страны приводил к ее экономическому упадку, равно как прибытие в какую-либо другую страну *обуславливало* ее экономический подъем. Принимая такую точку зрения, мы делаем ложный вывод по принципу «после этого значит по причине этого» (*post hoc ergo propter hoc*).

Для обоснования такой причинно-следственной связи не являются вполне убедительными и воззрения позднейших историков, хотя их точка зрения, если они к тому же ссылаются на *Монтескье*, имеет определенное значение. Учитывая все это, я не решаюсь приводить доказательства такого рода.

Тем не менее из чувства уважения к одному совершенно неизвестному человеку я хотел бы спасти от забвения сказанные им слова: этот человек, по-видимому, как никто до него с удивительной проницательностью сумел усмотреть не слишком явную взаимосвязь между изгнани-

ем евреев из немецких торговых городов и упадком последних. Итак, в 40-х годах XIX в. *Йозеф Рихтер* написал следующее: «В общем и целом можно документально доказать, что ко времени изгнания евреев из города Нюрнберга его торговля достигла критической точки, так как с этого момента она лишилась по меньшей мере половины необходимых капиталов и ее упадок, который отныне стал ощущаться довольно сильно и который обычно объясняют тем, что португальцы открыли морской путь в Ост-Индию, на самом деле гораздо правильнее объяснять постепенным угасанием смелого дух спекуляции, характерного для евреев» (20).

Мне кажется, что в этой связи никогда не следует забывать о тех *оценках*, которые давали евреям их *современники*; с наиболее характерными из них я хочу познакомить читателя, ибо они в нескольких словах рисуют события эпохи в таком ракурсе, к которому мы пришли бы лишь после утомительных исследований, если бы пошли по другому пути.

Когда в 1550 г. городской совет Венеции решил выслать марранов и полностью запретить торговлю с ними, весь прочий торговый люд этого города, исповедовавший христианство, заявил, что это приведет их к разорению, что они в конце концов сами уедут вместе с марранами, так как *живут от торговли с евреями*. Далее говорилось, что евреи сосредоточили в своих руках:

1) торговлю испанской шерстью;

2) торговлю испанским шелком и кармазином, а также сахаром, перцем, колониальными товарами из Индии и жемчугом;

3) значительную часть экспортной торговли (евреи посылают товары венецианцам на комиссию, «чтобы мы продавали их за их счет, зарабатывая то, что нам обычно причитается»);

4) торговлю векселями (21).

Мы знаем, что в Англии евреям покровительствовал *Кромвель* и что не в последнюю очередь причина его благосклонного к ним отношения заключалась в стремлении укрепить экономику страны: он считал, что для того что-

бы вывести на качественно новый уровень товарную и денежную торговлю и заполучить влиятельных деловых людей, ему придется обратиться к богатым еврейским торговым домам (22).

Такую же симпатию к евреям испытывал и *Кольбер*, великий французский государственный деятель XVII в. Я считаю весьма примечательным тот факт, что оба величайших основателя современного государства признавали за евреями способность содействовать развитию капиталистической экономики своих стран. В одном из своих предписаний Кольбер указывает интенданту провинции Лангедок на то, какую пользу мог бы извлечь город Марсель из торговой предприимчивости евреев (23). Жители больших французских торговых городов, в которых евреи играли определенную роль, уже давно почувствовали эту пользу на себе и потому весьма старались, чтобы евреи из них не уходили. Мы не раз слышим о них благосклонные отзывы, особенно от жителей города Бордо. Когда в 1675 г. наемная армия неистовствовала в стенах этого города, многие зажиточные евреи готовились к отъезду. Это привело в ужас совет общины, и присяжные, преисполнившись страха, сообщали: «Португальцы, заполонившие все улицы и занимающиеся большой торговлей, потребовали свои пропускные свидетельства. Португальцы и прочие иноземцы, заправляющие здесь большими делами, хотят уйти отсюда: Гаспар Гонсалес и Альварес, самые известные из них, с недавних пор покинули нас. *Мы видим, что торговля прекращается*» (24). Два года спустя один субинтендант так высказался о роли евреев в жизни Лангедока: «Без них торговля в Бордо и провинции непременно заглохла бы» (25).

Мы видим, что в XVI в. евреи, бежавшие из Испании и Португалии, предпочитали направляться в *Антверпен*, самый большой торговый город испанских Нидерландов. Когда в середине этого столетия указом от 17 июля 1549 г. император решил лишить евреев привилегий, предоставленных им ранее, бургомистр, судебные заседатели и консул города направились с ходатайством к епископу Арраса, в котором говорилось, что такой указ будет

нелегко воплотить в жизнь. В этом ходатайстве говорилось о том, что «португальцы» являются большими предпринимателями, обладают немалыми богатствами, вывезенными с их родины, и ведут широкую торговлю. «Мы должны вспомнить о том, — говорилось далее, — что Антверпен стал большим городом лишь спустя долгие годы, и понадобилось какое-то время, для того чтобы в нем завелась торговля. Если этот город разорится, то вслед за ним разорится и вся страна, и об этом надо помнить, когда мы помышляем об изгнании португальцев». Бургомистр Николас ван дер Меерен предпринял дальнейшие шаги, и когда королева Мария Венгерская, правившая Нидерландами, находилась в Руппельмонде, он отправился к ней на прием, чтобы обрисовать ей ситуацию новообращенных христиан. Он был готов оправдать поведение магистрата Антверпена, не смогшего опубликовать императорское постановление, поскольку оно шло вразрез в самыми насущными интересами города (26).

Однако все эти усилия не возымели успеха, и мы уже говорили о том, что антверпенские евреи и новообращенные христиане направились в Амстердам.

Итак, когда евреи ушли из Антверпена, город вскоре сильно утратил свой блеск, и в XVII в. окончательно стало ясно, какую роль играли евреи в деле преумножения городского благосостояния. Когда в 1653 г. была создана комиссия для решения вопроса о том, можно ли евреям жить в Антверпене, ее члены пришли к такому выводу: «Что касается прочих неудобств, которых можно было бы опасаться, имея в виду общественную пользу, а именно что они сосредоточат в своих руках всю торговлю, начнут безудержно обманывать и мошенничать и, пустившись в ростовщичество, пожрут все, что причитается законопослушным католикам, то нам, напротив, кажется, что благодаря торговле, которой они будут заниматься как никогда ранее, благодетельствованной окажется вся страна, а золота и серебра для государственных нужд будет в избытке» (27).

Голландцы, жившие в XVII в., достаточно хорошо понимали, какую выгоду они могут получить от евреев, и

когда Манассия бен Израиль направился в Англию со своей хорошо известной миссией, у голландского правительства возникло подозрение, что он собирается переманить в Англию голландских евреев. Обеспокоенные такой ситуацией, они поручили своему английскому послу узнать, какие цели преследует Манассия. В декабре 1655 г. посол сообщил правительству, что никакой опасности нет: «Встретившись со мной, Манассия бен Израиль заверил меня в том, что его беспокоит судьба не голландских евреев, а евреев Испании и Португалии, страдающих от преследования инквизиции» (28).

Примерно такая же картина складывается и в Гамбурге. В XVII в. влияние евреев в этом городе становится столь сильным, что их пребывание начинает восприниматься как совершенно необходимое условие для процветания Гамбурга. Городской совет дает разрешение на постройку синагог, мотивируя это тем, что в противном случае евреи уйдут из города и Гамбург превратится в деревню (29). Что касается гамбургского купечества, то в 1697 г. оно, со своей стороны, обращается в городской совет с настоятельной просьбой оставить евреев в покое (которым грозило изгнание), чтобы не нанести серьезного вреда гамбургской торговле (30). В документах городского собрания от 1733 г. содержится экспертное заключение, в котором говорится о том, что в операциях с векселями, в торговле галантерейными товарами и в изготовлении определенных видов материи евреи «почти достигли совершенства» и «превзошли наших». Раньше присутствие евреев не вызывало беспокойства, но «их число заметно увеличивается, и почти во всех областях большой торговли, а также в сфере фабричного производства и производства товаров повседневного пропитания ощущается их сильное присутствие. Они уже стали для нас необходимым злом (*malum necessarium*)» (31). К тем сферам деловой активности, в которых они играли выдающуюся роль, теперь добавляется и морское страхование (32).

Однако высказывания и оценки современников до конца не убеждают нас в том, что мы правильно представляем истинное положение дел: мы хотим по мере возможно-

сти делать свои собственные выводы, и это станет возможным только в том случае, если мы сумеем благодаря своим собственным исследованиям выявить реально существовавшие взаимосвязи (то есть если мы попытаемся на основании имеющихся у нас источников выяснить, в какой мере евреи действительно участвовали в формировании современной экономики или — чтобы оставаться точным — в какой мере они участвовали в становлении современной капиталистической экономической системы). Этот процесс в основном начинает заявлять о себе с конца XV в., то есть с того момента, когда, как мы это уже видели, еврейская история и история формирования европейской экономики начинают довольно быстро двигаться в направлении их современного развития. Только после этого мы сможем сделать окончательный вывод о том, в какой мере смещение центра деловой активности можно объяснить влиянием евреев.

Сразу хочу отметить, что с моей точки зрения значение евреев в деле формирования и развития современного капитализма обуславливается как их внешним влиянием, так и внутренним духовным воздействием. Если брать внешнюю сторону дела, то здесь надо сказать, что они в значительной мере способствовали тому, чтобы международные экономические отношения приобрели современный вид, а также тому, чтобы современное государство (это вместилище капитализма) формировалось самобытным образом. Впоследствии они сумели придать особый вид самой структуре капитализма, воплотив в жизнь целый ряд установлений, определяющих современную экономическую деятельность, и приняв активное участие в формировании прочих начинаний и организаций.

Что касается внутреннего, духовного влияния евреев на формирование самой сущности капитализма, то оно весьма велико, потому что именно они сумели пронизать современным духом всю экономическую жизнь, потому что именно они довели до полного развития сокровенную идею капитализма.

А теперь рассмотрим некоторые моменты по-порядку, чтобы по крайней мере показать читателю, как правиль-

но ставится проблема. Я уже не раз говорил о том, что в этом исследовании я вовсе не хочу просто задавать какие-то увлекательные вопросы, а затем там и сям давать приблизительные ответы на них. Благодаря систематической обработке постоянно накапливаемого материала будущие исследования окончательно покажут, существовали ли в действительности намеченные здесь взаимосвязи, и если да, то насколько широко.

Глава третья

ОЖИВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

С тех пор как центр деловой активности начинает смещаться, евреи оказывают огромное влияние на торговлю, придавая ей новый облик, и это влияние огромно прежде всего потому, что чисто в количественном отношении они имеют немалую долю в сложившемся товарообороте. В начале этого раздела я уже говорил о том, что нельзя с достаточной точностью выяснить, какое количество движущихся товаров приходится на долю евреев, если, конечно, этому выяснению не способствуют особенно благоприятные обстоятельства. Быть может, со временем удастся прийти к точным цифрам, а пока мне известны лишь немногие из них, которые, впрочем, как бы в парадигматическом отношении оказываются весьма поучительными.

Высказывается точка зрения, согласно которой объем торговли, осуществляемой евреями в Англии еще до разрешения въехать туда, то есть в первой половине XVII в., составлял двенадцатую часть от общего объема (33). К сожалению, мы не знаем, из какого источника взята эта цифра, однако из докладной записки лондонских купцов можно сделать вывод, что она не слишком далека от истины. В этой записке решается вопрос о том, должны ли евреи платить таможенный тариф на ввозимые товары. Авторы записки считают, что если этот тариф упразднить, то английская корона ежегодно будет нести убыток по меньшей мере в 10 000 фунтов стерлингов (34).

Что касается Германии, то здесь мы очень хорошо знаем о том, какое участие евреи принимали, например, в Лейпцигской ярмарке (35), которая на протяжении долгого времени являлась средоточием немецкой торговли, хорошим показателем ее интенсивного и экстенсивного развития, а также играла важную роль в отношениях с некоторыми приграничными странами, а именно с Польшей и Чехией. Начиная с XVII в. число евреев, участвовавших в ярмарке в качестве ярмарочных поставщиков постоянно растет, и люди, работающие с данным цифровым материалом, в общем и целом сходятся в том, что именно евреи сумели придать ярмарке такой блеск (36).

К сожалению, возможность сравнить число евреев с числом христианских купцов, участвующих в ярмарке, появилась только с момента проведения пасхальной ярмарки 1756 г., так как только с той поры в архивах стали хранить статистические данные о числе христиан, участвовавших в ярмарочной торговле. В среднем в год число евреев, участвовавших в пасхальной и осенней ярмарках, составляло:

1675–1680	416	1767–1769	995
1681–1690	489	1770–1779	1652
1691–1700	834	1780–1789	1073
1701–1710	854	1790–1799	1473
1711–1720	769	1800–1809	3370
1721–1730	899	1810–1819	4896
1731–1740	874	1820–1829	3747
1741–1748	708	1830–1839	6444

Следует обратить внимание на быстрый прирост, который мы имеем в конце XVII в. и в XVIII в., а также в начале XIX в.

Рассмотрев период с 1767 по 1839 г., мы увидим, что в среднем ярмарку посещало 3185 еврейских поставщиков, тогда как христиан, участвовавших в ней, насчитывалось 13 005 человек: таким образом, в соответствии с приведенными данными, число евреев составляло 24.49 %, или почти четвертую часть от числа купцов, исповедовавших христианство. В отдельные годы, например в период меж-

ду 1810 и 1820 гг. число евреев по отношению к числу христиан возрастает до $33\frac{1}{3}\%$ (4896 евреев на 14 366 христиан!). (При этом надо иметь в виду, что скорее всего все эти цифры весьма неточны, так как согласно последним, более точным исследованиям в Лейпцигской ярмарке участвовало еще больше евреев, см. прим. 35).

Иногда какие-либо цифры относительно участия евреев в общей торговле какой-либо страны или города удается узнать лишь окольными путями. Так, например, нам известно, что на протяжении всего XVII в. торговля Гамбурга с Испанией и Португалией, а также с Голландией почти целиком находилась в руках евреев (37). В ту пору почти 20 % всех исходящих из Гамбурга корабельных грузов направлялись в Испанию и Португалию, а около 30 % — в Голландию (38).

С другой стороны, мы, например, узнаем, что торговля с Левантом в XVIII в. являлась для Франции самым важным направлением во всей ее торговле («Быть может, самой блестящей (отраслью) в торговле Франции»), и в то же время слышим, что вся она целиком и полностью была сосредоточена в руках евреев: «Продавцы, покупатели, маклеры, специалисты по операциям с векселями, комиссионеры и т. д., все — евреи» (39).

Однако для того чтобы понять, как сильно (прежде всего в чисто количественном отношении) евреи влияли на развитие мировой торговли, достаточно вспомнить, что на протяжении всего XVI и XVII вв., а также довольно долго в XVIII в. торговля с Левантом, Испанией, Португалией и через них все еще являлась самым важным направлением в этой торговле. Дело в том, что на этих торговых путях они господствовали почти полностью. Уже в Испании они сосредоточили в своих руках основную часть левантийской торговли и уже тогда во всех левантийских морских портах они имели свои торговые конторы. Когда евреев изгнали с Пиренейского полуострова, большая часть выходцев из Испании направилась на восток, в то время как другие потянулись на север, в результате чего почти незаметно восточная часть торговли переместилась к северным народам. В результате сложившей-

ся конъюнктуры Голландия впервые превращается в мировую торговую державу. Мировая торговая сеть становилась все обширнее и плотнее по мере того, как евреи открывали свои торговые конторы в отдаленных, но расположенных неподалеку друг от друга местах (40). Именно тогда (опять-таки в значительной степени благодаря евреям) страны Запада были вовлечены в мировую торговлю, однако этапы развития этого процесса мы сможем проследить только тогда, когда определим роль евреев в формировании современной колониальной экономики.

Для того чтобы понять, какую роль играли евреи в формировании современной мировой торговли, необходимо определить те виды товаров, которые были для них приоритетными. Товарным ассортиментом они еще сильнее, чем объемом своих торговых поставок, оказывают влияние на формирование экономической жизни и в какой-то мере самым радикальным образом воздействуют на жизненный уклад торгующих стран.

Здесь мы сразу же сталкиваемся с принципиально важным фактом: довольно продолжительное время евреи сохраняли торговую монополию на предметы роскоши, а мы знаем, что в «аристократические» XVII и XVIII вв. такая торговля считалась самой важной. Предметами роскоши, которыми евреи располагали в первую очередь, были ювелирные изделия, драгоценные камни, жемчуг, шелк и изделия из шелка (41). У них имелись ювелирные изделия из золота и серебра, потому что они издавна владели рынком драгоценных металлов, они торговали драгоценными камнями и жемчугом, потому что раньше других завладели соответствующими месторождениями (находившимися в Бразилии), и, наконец, они торговали шелком и товарами из шелка, потому что имели давно налаженные связи с восточными торговыми регионами.

С другой стороны, мы видим, что в торговле товарами массового потребления евреи не имеют конкурентов или оказывают на такую торговлю самое решительное влияние. На мой взгляд, в какой-то мере можно утверждать, что именно они первыми начали поставлять на рынок большие партии товаров массового спроса. Наряду с не-

которыми товарами местного производства (зерно, шерсть, лен, позднее спирт) в XVII—XVIII вв. на рынок поставляются изделия быстро развивающейся текстильной промышленности (42), а также ранее неизвестные на мировом рынке колониальные товары — сахар и табак. Я несколько не сомневаюсь в том, что человеку, решившему написать историю торговли Нового времени, придется постоянно говорить о еврейских торговцах — как раз там, где речь пойдет о продаже предметов широкого потребления. Уже сейчас те немногие документы, которые совершенно случайно попали мне в руки, позволяют утверждать, что мое предположение правильно (43).

Надо сказать и о том, что развитие экономической жизни довольно сильно стимулировала и преобразовала торговля новыми товарами, меняющими представление о старых методах торговли — и здесь участие евреев, по-видимому, опять-таки было особенно интенсивным. Я имею в виду торговлю хлопком (44), заграничными изделиями из хлопка (ситец), индиго и т. д. (45). Пристрастие к таким товарам, которые в силу тогдашнего менталитета воспринимались как помеха отечественному «пропитанию» (46), оборачивалось тем, что евреев, торговавших ими, иногда упрекали в «непатриотичной» торговле, в «еврейской коммерции, которая с пользой занимает лишь немногие немецкие руки и по большей части предполагает истощение отечественных ресурсов» (47).

Кроме того, «еврейскую коммерцию» отличало и делало образцовой (по отношению ко всей прочей торговле, которая благодаря этому обретала новые пути) еще одна особенность, а именно разнообразие и добротность предлагаемых товаров. Когда в 1740 г. купцы города Монпелье начали жаловаться на конкуренцию со стороны еврейских торговцев, интендант, возражая им, ответил, что если бы на их складах было столько же разных товаров, как у евреев, покупатели шли бы к ним так же охотно, как они идут к их еврейским конкурентам (48). В своем заключительном слове *Р. Маркграф* так описывает деятельность евреев на Лейпцигской торговой ярмарке: «Во-вторых, они [еврейские ярмарочные торговцы] оживляли ярмарку разнообразием

сделанных ими закупок, поскольку тем самым делали самую ярмарочную торговлю все разнообразнее и способствовали тому, чтобы промышленность, особенно отечественная, постоянно расширяла свой товарный ассортимент. Благодаря своим разнообразным и обширным закупкам на многих ярмарках евреи даже играли решающую роль» (49).

Однако, на мой взгляд, влияние «еврейской коммерции» на становление экономики большинства стран в эпоху раннего капитализма прежде всего сказалось в том, что евреи почти безраздельно господствовали в областях торговли, приносивших большие наличные деньги: в данном случае речь идет о странах, в которых были открыты залежи серебра и золота (например, Средняя и Южная Америка) и до которых можно было добраться как напрямую, так и через Испанию и Португалию. Кроме того, довольно часто приходится слышать, что, прибывая в ту или иную страну, евреи привозили с собой наличные деньги (50). Теоретики и практики той эпохи очень хорошо знали, что здесь находился источник всеобщего (капиталистического) «народного благосостояния», и после того, как рассеялся туман, навеянный учением Адама Смита, это, наконец, поняли и мы. В немалой степени формирование современного народного хозяйства основывалось на использовании драгоценных металлов, и здесь никто не был так активен, как еврейские торговцы. Признание этого факта сразу же подводит нас к следующей главе, в которой мы в первую очередь хотим рассмотреть роль евреев в развитии современной колониальной экономики.

Глава четвертая

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Теперь мы ясно понимаем, что не в последнюю очередь современный капитализм достиг своего расцвета благодаря колониальной экспансии. Ниже приводятся мате-

риалы, которые дают основание предполагать, что и в этой экспансии евреи опять-таки играли выдающуюся, если не определяющую роль.

Вполне естественно, что они принимали самое деятельное участие в основании любой колонии (так как по сравнению со старой угрюмой Европой Новый Свет, даже если он и представлял собой преобразованный Старый, все сильнее манил их возможностью обрести там счастье, особенно после того как здесь, в Европе, последнее Эльдorado показало все свое негостеприимство). Речь идет как о восточных, так и о западных и южных регионах земли. В Ост-Индии, по-видимому, уже в средние века проживало немало евреев (51), которые потом (когда после 1498 г. европейцы устремились в страны древней культуры) стали желанной подмогой в установлении европейского господства на континенте и в основном воспринимались как пионеры в сфере колониальной торговли. По всей вероятности, впоследствии (точных данных на этот счет пока нет) вместе с португальцами и голландцами в индийские колониальные владения хлынуло большое количество евреев. Как бы там ни было, мы видим, что и на Востоке евреи принимают активное участие в основании всех голландских колоний. Мы знаем, что значительная часть акционерного капитала Голландско-Ост-Индской компании принадлежала евреям (52), знаем и о том, что главного управляющего этой компании (которого «если и нельзя назвать пионером нидерландского присутствия на Яве, но все-таки с уверенностью можно отнести к тем, кто максимально содействовал укреплению этого присутствия» (53), звали Коэн (Коэн). Внимательно посмотрев на портреты служащих этой компании, мы без труда убедимся в том, что он был не единственным управляющим-евреем в голландских владениях Ост-Индии (54). Кроме того, в Ост-Индской компании (55) евреи работали директорами и, таким образом, можно сказать, что они присутствовали во всех колониальных структурах (56).

Мы еще не знаем, какую роль евреи играли в колониальной экономике *Индии*, когда там к власти пришли англичане, но, с другой стороны, мы относительно хорошо ос-

ведомлены о том, в какой мере они участвовали в основании английских колоний в *Южной Африке* и *Австралии*, и знаем, что здесь (особенно в Капской колонии) все экономическое развитие было обусловлено именно их деятельностью. В 20–30-е годы XIX в. в Южную Африку прибывают Бенджамин Норден и Симеон Маркус, которым «почти вся внутренняя область Капской колонии обязана своим промышленным возрождением»; Юлиус, Адольф и Джеймс Мозентали первыми начали торговать шерстью и кожевенными изделиями, а также заложили основу производства мохера; Аарон и Даниэль де Пас монополизировали китобойный промысел, Джоэл Майерс разводил страусов, Лилиенфельд фон Хоуптаун скупал первые алмазы (57). Такую же роль евреи играли в остальных южноафриканских государствах и особенно в Трансваале, где сегодня, как сообщают, проживает половина из всех 50 000 южноафриканских евреев (58). Что касается *Австралии*, то здесь действовал Монтефиоре, один из первых крупных оптовых торговцев. Таким образом, мне не кажется, преувеличением мысль о том, что «довольно долгое время значительная часть английской колониальной морской торговли находилась в руках евреев» (59).

Действуя в колониальных странах (особенно в долгий период становления экономики раннего капитализма) евреи совершенно преобразуют запад Земли. *Вся Америка — страна евреев*, к такому выводу неизбежно приходишь, изучая источники, и поскольку со дня своего открытия она оказывала огромное влияние на европейскую экономику и всю европейскую культуру, вполне естественно, что активное участие евреев в освоении и созидании американского мира особым образом сказывалось на ходе нашей истории. В этой связи я хотел бы несколько подробнее осветить данную тему, рискуя, правда, утомить читателей излишними деталями. Тем не менее мне кажется, что сама важность рассматриваемой нами проблемы в какой-то мере оправдывает основательный подход к ней (60).

Довольно странным образом евреи приняли самое непосредственное и активное участие в открытии Америки:

складывается впечатление, что Новый Свет был открыт только для них и только благодаря их содействию, как будто все, кто следовал за Колумбом, представляли собой деловые круги Израиля. Как показывают последние архивные исследования (61), сами евреи, преисполнившись гордости, ныне так и рассматривают свою историческую роль. Существует точка зрения (здесь мы упомянем о ней лишь мимоходом), согласно которой именно глубокие познания евреев в области мореплавания и привели к тому, что путешествия через океан вообще стали возможными. В 1473 г. Авраам Цакуто, преподаватель математики и астрономии в университете Саламанки, составляет свои таблицы и диаграммы (*Almanach perpetuum*); в 1484 г. Хосе Векухо, астроном и личный врач Ионна II Португальского, а также математик Моисей, используя упомянутые таблицы и работая в содружестве с двумя коллегами-христианами, изобретают морскую астролябию (инструмент, по положению солнца позволяющий определить удаленность корабля от экватора). Впоследствии Хосе переводит альманах своего учителя Цакуто на латинский и испанский языки.

Существует точка зрения, согласно которой экспедиции, осуществленные Колумбом, были предприняты на еврейские деньги. Именно они дали ему возможность совершить два первых путешествия. Первое он предпринимает, взяв займы у королевского советника Луиса Сантангела. Сантангелу, подлинному вдохновителю экспедиции, предпринятой Колумбом, адресованы первое и второе письмо адмирала: они адресованы ему, а также Габриэлю Санихегу, казначею Арагона и маррану. Вторая экспедиция Колумба тоже снаряжалась на деньги евреев, хотя на сей раз это не было добровольным пожертвованием: экспедиция снаряжалась на деньги, которые остались от изгнанных евреев и которые в 1493 г. Фердинанд Арагонский поместил в свою казну.

Однако пойдем дальше: на корабле Колумба были евреи, и первым европейцем, ступившим на американскую землю, был еврей Луис де Торрес. Об этом говорят самые последние «документальные» исследования (62).

И, наконец, самое интересное: в последнее время говорят о том, что сам Колумб был евреем! Я сообщаю об этом новейшем открытии, не имея возможности проверить, насколько оно достоверно. На заседании Мадридского географического общества ученый Дон Сельсо Гарсиа дела Риега сделал доклад о Колумбе, из которого становится ясно, что Христофор Колон (не Колумб) был испанцем и *по материнской линии имел еврейскую родословную*. Изучив церковные книги, а также документы нотариата города Понтеведра в Галисии, ученый доказал, что там в период между 1428 и 1528 гг. жила семья Колонов и что в этой семье обычными были как раз те имена, которые мы встречаем и у родственников адмирала. Между семьей Колонов и семьей Фонтеросо заключались браки, а семья Фонтеросо, вне всякого сомнения, была еврейского рода или же представляла собой недавно обращенных христиан. Мать Христофора Колона звали Сусанной Фонтеросо. Когда в Галисии начались волнения, родители будущего адмирала покинули Испанию и направились в Италию. Все эти соображения испанский ученый подтверждает дальнейшими изысканиями. В бумагах, написанных Колумбом, он обнаруживает многочисленные отголоски еврейской литературы, и, кроме того, надо отметить, что самые последние портреты этого человека, открывшего Америку, говорят о том, что перед нами типично еврейское лицо.

Как только врата Нового Света открылись для европейцев, туда толпами устремились евреи. Мы уже говорили, что Америка была открыта как раз в том году, когда евреи были изгнаны из Испании, и видели, что последние годы XV столетия и первые десятилетия следующего века являют собой ту эпоху, когда неисчислимому множеству евреев пришлось отправиться в путешествие, когда все европейское еврейство пришло в движение, как муравейник, в который воткнули палку. И потому нет ничего удивительного в том, что немалая часть этого муравейника отправилась в Новый Свет, который много чего обещал. Первыми торговцами по ту сторону океана были евреи, и первые промышленные предприятия, поя-

вившиеся в американских колониях, были организованы ими. Уже в 1492 г. португальские евреи селятся в колонии Святого Фомы и довольно деятельно начинают разводить здесь свои плантации: они закладывают многочисленные сахарные фабрики, на которых вскоре начинают работать 3000 невольников-негров (63). Сразу после открытия американского континента наплыв евреев в Южную Америку стал так велик, что в 1511 г. королева Иоанна сочла необходимым воспрепятствовать этому процессу (64). Однако это решение, по-видимому, не возымело успеха, потому что евреев по ту сторону океана становилось все больше и больше. 21 мая 1577 г. вышел закон, по которому запрет на легальный выезд в испанские колонии был, наконец, формально упразднен.

Для того чтобы по достоинству оценить активную деятельность, которую евреи, как основатели колониальной торговли и колониальной промышленности, развернули в Южной Америке, необходимо проследить судьбу некоторых колоний в отдельности.

История евреев в американских колониях и тем самым их история как таковая вообще распадается на два больших периода, обусловленные изгнанием евреев из Бразилии (1654 г.).

Мы уже говорили, что сразу после открытия Америки в 1492 г., евреи заложили основу сахарной промышленности в колонии *Св. Фомы*. Около 1550 г. она достигла на этом острове полного расцвета: 60 плантаций, на которых были оборудованы сахарные мельницы и выпарные котлы, давали ежегодно (как это можно видеть на примере десятины, посылавшейся королю) 150 000 аррбов сахара (по 25 фунтов за одну аррбу) (65).

Отсюда или из Мадейры (66), где они также с давних пор занимались сахарной промышленностью, евреи перенесли свой промысел в самую большую американскую колонию — *Бразилию*, которая тем самым вступила в первую фазу своего расцвета, определявшуюся преобладанием этой отрасли промышленности. В первое время человеческий материал, необходимый для новых колоний, почти полностью состоял из евреев и преступников,

ежегодно прибывавших из Португалии двумя кораблями (67). Довольно скоро евреи стали господствующей кастой: «немалая часть весьма преуспевающего бразильского купечества состояла из „новых христиан“ (68). Первым генерал-губернатором, наладившим управление в колонии, был также еврей, а в 1549 г., когда туда прислали *Томé де Суза*, человека выдающихся способностей, новое колониальное владение и подавно начало процветать (69). Однако полного блеска колония достигает в 1624 г., когда переходит в руки голландцев и когда туда начинают прибывать богатые голландские евреи. В 1624 г. многие американские евреи, объединившись, основывают в Бразилии колонию, в которую переселяются 600 уважаемых евреев из Голландии (70). В первой половине XVII в. все большие сахарные плантации находились в руках евреев (71), и путешественники сообщали об их всесторонней деятельности и богатстве. Так, например, Ниенхоф, находившийся в Бразилии с 1640 по 1649 г., сообщает, что «среди свободных бразильских поселенцев, не занятых на работе в Голландско-Вест-Индских компаниях, евреи составляли большинство, причем все они прибыли из Голландии. Помимо прочего они неустанно вели обширную торговлю, приобретали сахарные мельницы и строили роскошные дома в *Ресифи*. Все они были торговцами, и это имело бы большие последствия для голландской Бразилии, если бы они оставались в надлежащих границах торговли» (72). В путевых заметках, принадлежавших Ф. Пайрарду, мы читаем: «Барыши, которые они получили после того, как пробыли в этих землях девять—десять лет, просто поражают, потому что все они возвратились домой богатыми».

Определяющей роли евреев в ведении плантационного хозяйства не помешал и период голландского владычества над Бразилией: евреи продолжали главенствовать в этой области вплоть до XVIII в., несмотря на их «изгнание» (73) в 1654 г. Как бы там ни было, но уже в первой половине XVIII в. сообщалось о том, что «когда некоторые из весьма уважаемых торговцев из Рио-де-Жанейро попали в руки Святому Служению [инквизиции!], работа

остановилась на очень многих плантациях, и провинция [Багия] смогла оправиться от этого удара лишь спустя довольно долгое время» (74). Постановлением от 2 марта 1768 г. все реестры, касающиеся «новых христиан», подлежали уничтожению, а 25 марта 1773 г. вышел закон, по которому «новые христиане» полностью уравнивались в гражданских правах со «старыми». Когда в 1654 г. португальцы захватили Бразилию, многочисленные тайные евреи сумели занять там доминирующее положение, и вскоре в этой стране стала процветать не только сахарная промышленность, но и торговля драгоценными камнями, поскольку довольно скоро они занялись и этим.

1654 г. имеет эпохальное значение для еврейско-американской истории, так как тогда немало бразильских евреев стало селиться в других областях Америки, смещая центр экономического развития.

Здесь прежде всего надо назвать некоторые важные регионы Вест-Индского архипелага и прилегающие к нему побережья, которые достигли еще большего экономического расцвета с тех пор, как начиная с XVII в. там стали селиться евреи. Так обстояло дело с островом *Барбадос* (75), заселенным почти одними евреями. В 1627 г. им завладели англичане, в 1641 г. там началось производство сахарного тростника, а в 1648 г. — экспорт сахара. Однако сахарная промышленность развивалась плохо, так как сахар был не самого лучшего качества, и его продажа не могла покрыть расходы на его перевозку в Англию. Только прибывшие из Бразилии «голландцы» смогли наладить правильное производство и научили местных жителей изготавливать добротный сухой сахар, вывоз которого довольно скоро начал быстро расширяться. Уже в 1661 г. Карл II пожаловал титул барона тринадцати промышленникам, которым Барбадос приносил выручку по 10 000 фунтов стерлингов, а около 1676 г. этот остров уже ежегодно снаряжал по 400 кораблей со 180 тоннами сахара, изготовленного из сахарного тростника.

В 1664 г. Томас Модифорд наладил производство сахара на *Ямайке*, которая благодаря этому быстро достигла экономического расцвета (76). В 1656 г. англичане окон-

чательно вытеснили испанцев в этой отрасли промышленности. Если в ту пору на Ямайке насчитывалось только три небольших сахароварни, то в 1670 г. там уже работали 75 мельниц, причем некоторые из них производили до 2000 центнеров сахара, а в 1700 г. сахар стал основным видом товара на Ямайке и источником ее благосостояния. О том, насколько активно этому развитию содействовали евреи, можно судить хотя бы по тому факту, что уже в 1671 г. торговцы-христиане подали правительству прошение, в котором советовали ограничить сферу деятельности еврейских предпринимателей, но которое привело лишь к тому, что правительство стало еще сильнее содействовать евреям в заселении острова. Губернатор отверг поданное прошение, причем интересно, что «он придерживался мнения, согласно которому у Его Величества нет более выгодных подданных, чем евреи и голландцы, имеющие большие капиталы и связи» (77). Кончилось тем, что евреев с Ямайки никто не выслал, и даже, напротив, «они стали первыми торговцами и купцами в этой английской колонии» (78). В XVIII в. они уже платят все налоги и сосредоточивают в своих руках почти всю промышленность и торговлю острова.

Среди других английских колоний они особенно предпочитали *Суринам* (79). Здесь они начинают селиться с 1644 г. и вскоре получают определенные привилегии, которые сохраняют силу «до тех пор, пока мы будем видеть, что еврейская нация ... оказывается полезной и приносит колонии прибыль». Ясно, что такое привилегированное положение сохранялось и тогда, когда в 1677 г. Суринам перестал быть английским и перешел к Голландии. В конце XVII в. на Суринаме на каждые три человека приходился один еврей. К 1730 г. из 344 плантаций, на которых производилось основное количество сахара, евреи владели 115.

В наиболее важных французских колониях (Мартиника, Гваделупа, Санто-Доминго) наблюдается такая же картина, как в английских и голландских (80). Здесь сахарная промышленность тоже является источником «благосостояния», а евреи играют в ней главную роль, равно как торговле сахаром.

В 1655 г. на *Мартинике* первые большие плантации и сахароварни основывает Б. Дакоста, сбежавший на этот остров из Бразилии вместе с девятьюстами единоверцами и тысячей рабов.

Что касается *Санто-Доминго*, то здесь производство сахара началось уже в 1587 г., однако только «голландские» беженцы, прибывшие из Бразилии, привели эту колонию к процветанию.

Необходимо постоянно помнить о том, что в те критические столетия, когда закладывались основы американской колониальной экономики (а через нее и современного капитализма), производство сахара (наряду с добычей серебра, золота и драгоценных камней в Бразилии) являлось стержневым направлением во всей колониальной экономике и косвенным образом в экономике отечественной. Вряд ли можно переоценить ту роль, которую в эти века играли сахарная промышленность и торговля, и, конечно же, ни в коей мере не покажутся преувеличением слова, сказанные в 1701 г. на Парижском совете по делам торговли: «Своим процветанием французское судоходство обязано торговле, которую ведут „сахарные острова“, и лишь благодаря им оно может существовать и расширяться». Остается только добавить, что эту торговлю почти полностью монополизировали евреи (что касается французской торговли, то она в первую очередь была монополизирована богатым домом Гради из Бордо) (81).

Однако главенствующее положение, к которому пришли евреи в Средней и Южной Америке, особым образом усиливается благодаря тесным связям, с конца XVII в. устанавливающимся между английскими колониями Северной Америки и Вест-Индией, связям, которым, как мы позднее увидим, европейская Северная Америка была обязана жизнью и которые, в основном, были установлены еврейскими торговцами. Таким образом, мы подошли к рассмотрению той роли, которую евреи сыграли в развитии североамериканской экономики, точнее говоря, к обсуждению истории возникновения *Соединенных Штатов Америки*. Надо сказать, что экономика Соединенных Штатов окончательно сложилась благодаря

сильному влиянию еврейского элемента. Такая точка зрения требует обстоятельного разъяснения, так как обычно принято считать (по меньшей мере, в Европе), что дела обстояли иначе.

На первый взгляд может показаться, что именно североамериканская экономика в общем и целом развилась без содействия евреев, но часто именно развитие Соединенных Штатов являлось для меня доказательством прямо противоположного, когда я утверждал, что в своей основе современный капитализм представляет собой не что иное, как распространение еврейского менталитета. Сами янки кичатся тем, что их жизнь сложилась без какого-либо участия евреев, и один американский писатель (если не ошибаюсь, Марк Твен) однажды довольно подробно разъяснил, почему за океаном евреи не играли никакой роли. С его точки зрения это происходило потому, что янки оказались такими же «продувными», как и евреи, если не хуже (впрочем, надо отметить, что такого же мнения о себе придерживаются и шотландцы). И действительно, приходится признать, что среди крупных промышленников и торговцев, живущих в Соединенных Штатах, среди так называемых «трестовых магнатов» сегодня мы встречаем не так уж много еврейских имен. С этим, наверное, нельзя спорить, и тем не менее я по-прежнему утверждаю, что именно Соединенные Штаты, как, быть может, никакая другая страна, сверху донизу пропитаны еврейским менталитетом. Впрочем, это очень хорошо сознают в некоторых кругах американского общества и прежде всего в тех, которые хорошо информированы. Когда несколько лет назад довольно пышно праздновалась 250-я годовщина переселения евреев в Соединенные Штаты, президент Рузвельт направил письмо комитету по устройению этого праздника, в котором в весьма своеобразной и почтительной форме приносил еврейскому народу свои поздравления. В письме говорилось о том, что впервые за все время своего президентского правления он по случаю праздничного события пишет приветственное послание и что в данном случае ему пришлось сделать исключение, поскольку повод слишком

значителен и торжественен. Далее в послании говорилось о том, что так как именно сейчас евреи вновь подвергаются преследованиям, президент считает своим особым долгом указать на то, какие выдающиеся гражданские качества сумели развить в себе люди иудейского вероисповедания и еврейской национальности с тех пор, как прибыли в эту страну. Рассказывая о заслугах евреев в создании Соединенных Штатов Америки, он прибегнул к словам, которые как нельзя лучше охарактеризовали суть дела: «Евреи участвовали в созидании этой страны» (82). По этому же случаю экс-президент Гровер Кливленд сказал: «Мне кажется, можно с уверенностью утверждать, что немногие из наций, составной частью вошедших в будущий американский народ, в такой же мере прямо или косвенно содействовали становлению современного американского духа и задавали направление его развитию» (83).

В чем же выражается большая роль евреев в созидании Соединенных Штатов Америки? Прежде всего в том, что в чисто количественном отношении их участие в деловой жизни Америки никогда не было таким малым, как это может показаться на первый взгляд. Хотя среди полудюжины имен известных миллиардеров, которые сегодня у всех на слуху, нет ни одного еврейского, нельзя сказать, что американский капитализм совершенно лишен еврейского элемента. Во-первых, евреи руководят некоторыми довольно большими трестами. Таковым, например, является «*Smelters Trust*», который по состоянию на 1904 г. вместе со всеми контролируруемыми им структурами располагает номинальным капиталом в 201 млн долларов и представляет собой организацию, созданную евреями Гуггенхаймами. Кроме того, евреи находятся на руководящих постах в табачном тресте («*Tobacco-Trust*», 500 млн долларов), а также в асфальтовом («*Asphalt-Trust*»), телеграфном («*Telegraph-Trust*») и прочих трестах (84). Существует целый ряд больших банковских фирм, во главе которых стоят евреи и которые контролируют весьма широкие сферы американской хозяйственной жизни. В качестве примера можно назвать «*Harri-*

man-System», фирму, стремившуюся к тому, чтобы объединить все американские железнодорожные сети и поддерживаемую главным образом Нью-Йоркским банкирским домом Куна, Леба и компании. Довольно много евреев занимает руководящие посты на Западе: так, например, экономика *Калифорнии* в значительной степени определяется их деятельностью. Когда зарождался этот штат, евреи проявили себя как судьи, депутаты, губернаторы, бургомистры и не в последнюю очередь как деловые люди. Братья Зелигманы (Генри, Джесс и Джеймс) действовали в Сан-Франциско, Луис Штосс и Льюис Герстль — в Сакраменто (где они организовали торговую компанию Аляски), а что касается Лос-Анджелеса, то здесь среди наиболее известных фирм осуществляли свою деятельность фирмы, созданные братьями Хелманами и Ньюмарками. В период «золотой лихорадки» именно евреи установили связи с Востоком и Европой. Важнейшие финансовые сделки той эпохи осуществлялись Бенджамином Дэвидсоном, финансовыми агентами Ротшильдов, Альбертом Пристом из Род-Айленда, Альбертом Дайером из Балтимора, тремя братьями Лазарами, основавшими свой международный банкирский дом (в Париже, Лондоне и Сан-Франциско), братьями Зелигманами, Глезьерами и Вормсерами. Морис Фридлендер, например, являлся одним из пшеничных королей, а Адольф Сутро стоял во главе «*Comstock Lodes*». Пожалуй, до сего дня подавляющую часть калифорнийских банков, а также промышленных предприятий контролируют евреи. Достаточно вспомнить о Банке Лондона, Банке Парижа и Банке Америки (Зигмунд Гринбаум, Рич. Альтшульц), Английском банке Калифорнии (Фил. Лилиенталь, И. Стейнхарт), Банке Невады, а также о «*Union Trust Company*», «*Farmers and Merchants Banks of Los Angeles*» и других. Можно вспомнить и об угольных разработках, которыми заправляет Джон Розенфельд, о наследнице Компании Гудзонова залива («*Hudson Bay Co*») — Торговой компании Аляски («*Alasca Commercial Co*»), а также о Северо-Американской компании («*North Americ Comm*») и других (85).

Едва ли можно сомневаться в том, что в силу широкого переселения евреев, осуществляющегося в последние десятилетия, количественная составляющая их влияния на американскую экономическую жизнь приобретет гигантские масштабы. Достаточно вспомнить, что уже сейчас в одном только Нью-Йорке проживает более 1 млн евреев и что из всего числа приехавших основная часть еще вообще не начала своей экономической карьеры. Если ситуация в Америке и далее будет развиваться так, как она развивается в последние десятилетия, если количество вновь прибывших, представляющих собой различные нации, будет оставаться одним и тем же, то тогда лет через пятьдесят или сто Соединенные Штаты предстанут перед нами как страна, населенная одними славянами, неграми и евреями, в которой евреи, конечно же, будут осуществлять экономическую гегемонию.

Однако в контексте нашей проблемы, когда речь идет о том, чтобы адекватно постичь прошлое и настоящее, заглядывать в будущее вряд ли уместно. Что касается прошлого и настоящего, то здесь нельзя не признать, что, хотя чисто количественное участие евреев в американской экономике все еще остается достаточно значительным и ни в коей мере не выглядит таким маловажным, как это может показаться на первый взгляд, из одного только количественного участия нельзя сделать вывод о той решающей роли, которую я (со многими другими компетентными людьми) приписываю еврейской нации. Об их влиянии (прибегая к анализу достаточно запутанных связей и соотношений), по-видимому, надо говорить как о влиянии качественном.

Поэтому сейчас я даже не хотел бы чрезмерно акцентировать внимание на том в принципе немаловажном факте, что в Америке евреи занимают ведущее положение в целом ряде крайне важных отраслей торговли или, по крайней мере, долгое время занимали его. В данном случае я прежде всего имею в виду торговлю зерном (главным образом на Западе), табаком и хлопком. С первого взгляда становится ясно, что эти три отрасли являются тремя китами американской экономики, и сразу понима-

ешь, что люди, в чьих руках находятся эти три мощные экономических сферы, не могут не оказывать самого серьезного влияния на весь экономический процесс. Однако я уже сказал, что не слишком заостряю внимание на этом обстоятельстве, поскольку мне хотелось бы указать на гораздо более глубокие рычаги еврейского влияния на народное хозяйство Соединенных Штатов.

Можно сказать, что евреи являются совершенно особенной золотой нитью в ткани американской экономики, нитью, пронизывающей ее от начала до конца и сразу определяющей ее своеобразный узор. Дело в том, что когда дух капитализма стал только пробуждаться на берегах Атлантического океана, а также в лесах и степях недавно открытых земель, евреи там уже присутствовали. Годом их прибытия считается 1655-й (86), когда корабль с этими пассажирами, приплыв из Бразилии, которая почти вся стала португальской, остановился на реке Гудзон, и прибывшие на американскую землю стали требовать, чтобы их пустили в колонию, основанную Голландско-Вест-Индской компанией. Они уже не просили, но требовали, как люди, принадлежащие к народу, который принимал самое деятельное участие в основании нового поселения и перед авторитетом которого были вынуждены склониться губернаторы колонии. Когда прибыл корабль с еврейскими поселенцами, в Новый Амстердам был введен целый полк. Полководцу евреи не слишком нравились, и он был преисполнен решимости не пускать их, но тогда же, а именно 26 апреля 1655 г., из Амстердама пришло письмо, написанное директорами компании, в котором, в частности, говорилось о том, что евреям необходимо дать право на проживание и допустить к торговле в той области, которая находится в ведомстве Вест-Индской компании («по причине большого капитала, который они вложили в эту компанию») (87). Вскоре из Нового Амстердама они перебрались на Лонг-Айленд, Олбани, Род-Айленд и в Филадельфию.

Отныне начинается их активная деятельность, направленная прежде всего на то, чтобы новые колонии вообще смогли сохраниться в экономическом смысле. Если сего-

дня Соединенные Штаты существуют, они, как мы знаем, существуют лишь потому, что английские колонии Северной Америки благодаря целому ряду благоприятных обстоятельств смогли добиться того могущества, которое в конечном счете позволило им существовать самостоятельно (и как раз в этом созидании колониального величия евреи предстают как первые и самые ревностные работники).

Сейчас я не говорю о той очевидной вещи, что колонии смогли обрести свою государственную самостоятельность благодаря экономической поддержке некоторых сильных в финансовом отношении еврейских домов. Они поддержали их своими военными поставками и прежде всего необходимыми денежными займами, без которых «Соединенные Штаты» никогда бы не смогли обрести независимость. В данном случае такие действия со стороны евреев не представляют собой чего-то специфически американского: это вполне обычное явление, которое почти регулярно повторяется в истории формирования современных, основывающихся на капиталистических взаимоотношениях государств и которое мы должны воспринимать без особой критики.

Я имею в виду другую деятельность евреев в североамериканских колониях, которая положило начало всей американской государственности и к тому же представляет собой сугубо американский феномен. Речь идет о том простом факте, что на всем протяжении XVII—XVIII вв. именно «еврейская коммерция» была тем источником, который не давал угаснуть экономической жизни американских колоний. Дело в том, что только торговые связи, поддерживаемые евреями, позволяли колониям, находившимся в экономической зависимости от метрополий, так или иначе добиваться своего собственного экономического роста и расцвета. Коротче говоря, так как Англия заставляла свои колонии покупать все промышленные продукты только у себя, торговый, а тем самым и платежный баланс колоний всегда оставался пассивным. Если бы они не получали постоянно энергетического заряда со стороны (в виде

драгоценных металлов), их экономика пришла бы в упадок. Этот заряд давала «еврейская коммерция» (из стран Южной и Средней Америки в североамериканские английские колонии). Благодаря тесным связям с вестиндскими островами и Бразилией, которые евреи сохранили после своего прибытия в Северную Америку, они смогли начать оживленную торговлю с теми регионами, которые имели принципиально важное значение для североамериканских колоний, в результате чего драгоценные металлы, добывавшиеся в самих этих регионах или в непосредственной близости от них (с начала XVIII в. это было прежде всего бразильское золото), непрерывным потоком перетекали в предприятия, развивавшие и укреплявшие североамериканское народное хозяйство (88).

Если, оценивая рассмотренную нами ситуацию, в какой-то мере можно сказать, что своим существованием Соединенные Штаты обязаны евреям, то с тем же правом можно заявить, что только благодаря им Соединенные Штаты являются таковыми, каковыми являются, то есть американскими, так как то, что мы называем американским духом, в немалой степени представляет собой не что иное, как концентрированный еврейский дух.

Почему американская культура так сильно пропиталась специфическим еврейским духом? Мне кажется, все дело в том, что уже на ранних этапах формирования американских колоний их население повсеместно содержало в себе еврейский элемент.

Насколько я понимаю, в подавляющем большинстве случаев заселение Северной Америки происходило так: группа крепко сколоченных и храбрых мужчин и женщин (скажем, семей двадцать) прибывает в какую-нибудь дикую глушь в поисках новой жизни. Девятнадцать из этих двадцати семей вооружены плугом и косой и преисполнены стремления, корчюя леса, выжигая степи и вообще всячески обустроивая выбранную ими местность, своим физическим трудом обеспечить себе пропитание. Однако двадцатая семья открывает лавку, чтобы путем торговли (быть может, даже и разъездной торговли) бы-

стро обеспечить своих товарищей самыми необходимыми предметами обихода, которые земля дать не может. Затем эта двадцатая семья довольно скоро начинает заботиться о том, чтобы обеспечить сбыт продуктов, произведенных остальными девятнадцатью семьями, работающими на земле. Эта семья раньше всех прочих начинает располагать наличными деньгами и потому в необходимых случаях может давать займы. Довольно часто такая «лавка», которая почти никогда не закрывается, превращается в некое подобие сельского ссудного банка, в агентство по распродаже и еще во что-нибудь в этом роде. Таким образом, благодаря деятельности упомянутой двадцатой семьи североамериканский земледелец сразу знакомился с денежными и кредитными операциями, характерными для Старого Света, и становился их участником. Все производственные отношения изначально строились на современной основе, и городской дух победоносно проникал в самые отдаленные деревни. С первых дней своего существования та или иная колония, а стало быть, и американское народное хозяйство в целом, пропитывались духом капиталистической организации, так как первые торговые ячейки довольно скоро разрастались до всеохватывающих коммерческих структур. Но кто же (если в данном случае мы говорим о проявлении каких-то личностных качеств и не допускаем, что новую экономическую тенденцию определяла одна лишь ситуация) придал этому «Новому Свету» капиталистические черты? Как раз та двадцатая семья, которая живет в каждой деревне.

Не стоит говорить о том, что каждый раз эта двадцатая семья была еврейской, примкнувшей к поселенцам или отыскавшей их вскоре после своего собственного прибытия.

Пока я вижу эти взаимосвязи лишь в общих чертах и пытаюсь свести в единую картину все те случаи, где их можно обнаружить. Исследователи, которые придут после меня, опишут экономическую историю Соединенных Штатов, вооружившись моей точкой зрения. То, что мне удалось узнать, пока можно рассматривать лишь как

первые шаги в позднейшем обстоятельном изложении, и все-таки единообразие и естественность подмеченной мною тенденции с уверенностью позволяет предположить, что речь идет не о каких-то отдельных случаях, а о типичном явлении.

Мою мысль о том, что евреи действительно оказали влияние на развитие американской экономики, другой человек выразил такими словами: «Он (еврей) является ведущим финансистом множества процветающих сообществ. Он предприимчив и агрессивен» (89).

В качестве доказательства можно в любом порядке привести факты, изложенные ниже.

В 1785 г. в *Алабаме* поселился Абрам Мордехай. «Он открыл торговый пункт в двух милях от Лайн-Крика и начал вести обширную торговлю с индейцами, обменивая свои товары на орехи, ореховое масло, корни гвоздики, а также на всевозможный пушной товар» (90).

В *Олбани* «в 1661 г., когда Олбани представлял собой всего лишь небольшой торговый пункт, еврейский купец по имени Ассер Леви (или Лееви) стал там владельцем поместья...» (91).

С тех пор, как *Чикаго* превращается в железнодорожный узел и средоточие торговли, он становится излюбленным местом еврейских переселенцев. Первый каменный дом там построил еврей Бенджамин Шуберт, открывший в Чикаго первую пошивочную мастерскую. Первым табачным торговцем в Чикаго стал еврей Нойбург (92).

Что касается штата *Кентукки*, то еврейские переселенцы обосновались там уже в первые годы XIX в. Например, еврей Соломон, приехавший туда в 1808 г., в 1816 г. становится кассиром филиала Банка Соединенных Штатов Америки, открывшегося в том же году в Лэсингтоне (93).

Среди первых поселенцев штатов *Мэриленд* (94), *Мичиган* (95), *Огайо* (96) и *Пенсильвания* (97) мы также находим еврейских торговцев, хотя и не знаем, чем именно они занимались.

Довольно точно можно проследить их деятельность (как основоположников капиталистического способа хозяйства) в *Техасе*. Здесь весьма плодотворно действовали Якоб де Кордова, Морис Коппер и Генри Кастро. Кордова «вплоть до 1856 г. был в этом штате самым большим землевладельцем. Вскоре его земельное агентство стало известно не только в Техасе, но и в Нью-Йорке, Филадельфии и Балтиморе, где проживали собственники больших участков тexasской земли». Что касается М. Копера, то в 1863 г. он был назначен управляющим Национального банка Техаса. Генри Кастро занимался делами по приему эмигрантов: «В 1843–1846 гг. в Техас прибыло более пяти тысяч эмигрантов... приплывших на двадцати семи кораблях, в основном из рейнских провинций». По прибытии поселенцев он снабжал их необходимыми орудиями труда, семенами и так далее. «В течение года он кормил поселенцев, давал им коров, снабжал сельскохозяйственными орудиями, лекарствами и вообще всем тем, в чем они нуждались» (98).

По целому ряду штатов расселились и другие еврейские семьи, которые потом, благодаря тому, что не утрачивали связей между собой, развернули еще более кипучую деятельность. В этом отношении особенно показательной является история семьи *Зелигманов*. Восемь братьев (сыновья Давида Зелигмана из Байерсдорфа) организовали свое дело, которое впоследствии распространилось по всем торговым районам Соединенных Штатов. История этой семьи вкратце такова: в 1837 г. в Соединенные Штаты приезжает Иосиф Зелигман, в 1839 г. за ним следуют два его брата, а в 1841 — третий; вскоре они открывают в Ланкастере небольшой магазин по продаже одежды, а затем перебираются в Селма-Алу и открывают свои филиалы в трех других районах. В 1848 г. они еще с двумя братьями отправляются на Север, а в 1850 г. открывают свой магазин в Сан-Франциско, в единственном кирпичном здании, которое там находилось. В 1857 г. они, не переставая заниматься продажей одежды, открывают банковское дело, а в 1862 г. основывают фирму Зелигманов в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лондоне, Пари-

же и Франкфурте-на-Майне. (Во время гражданской войны они особенно проявляют себя в умении достать деньги и распределить займы) (99).

В южных штатах еврей в какой-то мере играет такую же роль, как и во всех остальных: он занимается торговлей среди колонистов, обрабатывающих землю (100). Однако, кроме этого, здесь он довольно скоро заявляет о себе (так же, как в Средней и Южной Америке) как хозяин богатых плантаций. В Южной Каролине, например, какую-либо большую плантацию просто называют «еврейской землей» (101). Здесь, в частности, развернул свою деятельность Моисей Линдо, известный как главный производитель индиго (о чем мы уже говорили).

Хорошую поддержку генетическому методу рассмотрения этих случаев снова оказывают данные, говорящие о том, что на протяжении всей истории возникновения Соединенных Штатов Америки приток евреев в эту страну был сильным и постоянным. Для того чтобы доказать наличие этой тенденции в ранний период, мы не имеем цифр, напрямую говорящих о проценте евреев среди всего населения Соединенных Штатов или среди переселенцев, однако мы все-таки можем на основании многочисленных признаков с определенной уверенностью сказать, что их приток в Америку всегда был довольно большим.

Для того чтобы понять, какой была их чисто статистическая роль, достаточно вспомнить о том, сколь малочисленным было население страны в первые годы. Если, например, мы вспомним о том, что в середине XVII в. в Новом Амстердаме проживало менее 1000 жителей (102), станет ясно, что евреи, в ту пору переехавшие туда на двух кораблях, своим количеством вполне могли оказывать влияние на всю экономическую жизнь этого края (103). Равным образом мы увидим, что присутствие еврейского элемента было довольно сильным, если вспомним, что в самые первые года основания штата Джорджия туда на корабле прибыло 40 евреев, а в городе Саванна, небольшом торговом центре

(в 1733 г., к моменту прибытия туда поселенцев из Зальцбурга) уже проживало 12 семей евреев-колонистов (104).

Многие евреи сразу знали о том, что они поедут в Соединенные Штаты (в частности, немецкие и польские евреи): это общеизвестно и подтверждается сообщениями из соответствующих регионов переселения. «Во второй четверти XIX в. почти в каждой бедной еврейской семье города Позена родители были свидетелями того, как сыновья, обычно самые деловые и предприимчивые, покидали родину, которая давила и стесняла их, и отправлялись за океан» (105).

Учитывая это, мы не удивимся, узнав, что в гражданской войне участвовало огромное количество евреев (7243 человека) (106), и согласимся, что их число, приходившееся на середину XIX в., на самом деле слишком занижено (200 000, из них 30 000 в Нью-Йорке) (107).

Глава пятая

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Формирование современной колониальной экономики и возникновение современного государства представляют собой два взаимообуславливающих друг друга явления. Их нельзя мыслить отдельно, оба в равной мере определяют становление современного капитализма. Если мы захотим оценить влияние какого-либо исторического фактора на процесс формирования капитализма, надо будет выяснить, в какой мере он влиял и влиял ли вообще на оба упомянутых феномена, и поэтому здесь я попытаюсь выяснить, в какой мере евреи влияли на формирование современного государства.

Поначалу кажется, что они участвовали во всем, кроме формирования современного государства, и что они по всей своей сути являются «негосударственным народом», так как никто из государственных мужей, имена

которых мы сразу же вспоминаем, думая о людях, оказавших влияние на формирование современной государственности, не был евреем: Карл V, Людовик XI, Ришелье, Мазарини, Кольбер, Кромвель, Фридрих Вильгельм I, Фридрих II Прусский.

Однако мы, наверное, стали бы думать совсем по-другому, если бы вспомнили, что основные черты современного государства сформировались в Италии и главным образом в Испании уже на исходе «средневековья» и что здесь можно найти много влиятельных государственных деятелей еврейского происхождения. Остается только пожалеть о том, что, насколько мне известно, история современного государства никогда не писалась с такой точки зрения: я считаю, что при таком подходе можно было бы открыть совершенно новые страницы в исследовании вопроса. В то же время надо сказать, что между работами, в которых излагается история евреев Португалии и Испании (например, труды, принадлежащие перу Линдо, де Лос Риоса, Кайзерлинга, Мендеса дос Ремедиоса), и теми исследованиями, в которых прослеживается история возникновения современного государства в упомянутых странах (работы Ранке или Баумгартена), не существует никакой связи.

Однако даже если среди людей, правящих государством, мы не находим евреев, мы тем не менее не можем представить, что эти люди могли обходиться без них (как нельзя представить Фауста без Мефистофеля). И те, и другие идут рука об руку через столетия, которые мы называем эпохой Нового времени, и в союзе еврея и государственного правителя я без каких-либо оговорок усматриваю символ развивающегося капитализма, а вместе с тем и современного государства. Если брать чисто внешнюю сторону дела, то мы видим, что почти во всех странах правители выступают защитниками евреев, спасающими их от гонений со стороны определенных сословий и цехов, и, стало быть, от угнетения докапиталистических сил. Приоткрыв завесу, мы видим, что интересы обеих сторон, умонастроения первых и вторых перекликаются и переплетаются между собой. Еврей олицетво-

ряет собой современный капитализм, и правитель стремится установить связь с этой силой, чтобы занять какое-либо положение или сохранить его. Одним словом, когда я говорю об участии евреев в формировании современного государства, я имею в виду не столько их непосредственную деятельность в лице каких-либо государственно-политических мужей, сколько косвенное попутное влияние на процесс формирования государства, наблюдавшийся в последние века. Я думаю, что, прежде всего, именно евреи предоставляли государству те материальные средства, с помощью которых оно сохранялось и развивалось, именно они двояким образом поддерживали армию, являющуюся оплотом всякой современной государственности. Они поддерживали ее двояким образом: поставляли оружие, обмундирование и пропитание во время войны, а также давали деньги, которые, конечно же, шли не только на нужды армии (даже если в эпоху раннего капитализма это и было главным), но и на покрытие прочих нужд государства и двора. Иными словами, я считаю, что прежде всего в XVI, XVII и XVIII вв. евреи были самыми влиятельными армейскими поставщиками и самыми богатыми кредиторами государственных правителей и что это обстоятельство имеет очень важное значение для формирования современного государства. Оно не нуждается в каких-то особых доказательствах, речь идет только о том, чтобы обосновать правильность высказываемого тезиса соответствующими документами. Я полагаю, что это надо сделать, еще раз вспомнив все те оговорки, которых мы касались в предыдущем разделе, и особым образом подчеркнув, что та незначительная информация, в какой-то мере позволяющая обосновать обсуждаемую здесь точку зрения, является лишь первым шагом в деле основательного и исчерпывающего решения этой проблемы и ни в коей мере не должны притязать на полноту. Здесь я намечаю лишь отправную точку, от которой будут отталкиваться многие исследования, предпринятые в будущем.

І. Евреи-поставщики

Я не буду касаться того периода, который предшествует 1492 г.: это время, в основном, необходимо вывести за пределы нашего рассмотрения; нас оно интересует только как предыстория, ставшая причиной последующих процессов и оказавшая на них влияние. О деятельности евреев-поставщиков в Испании и других странах можно привести многочисленные свидетельства.

В своей новой сфере деятельности они заявляют о себе прежде всего, в Англии в XVII—XVIII вв. Во времена Английской республики действует очень влиятельный армейский поставщик Карвахаль, «великий еврей», который прибывает в Англию в период между 1630 и 1635 гг. и скоро становится одним из ведущих коммерсантов в этой стране. В 1649 г. он становится одним из пяти лондонских торговцев, на которых государственный совет возлагает обязанность поставлять в армию зерно (108). Говорят, что он ежегодно привозил в Англию 100 000 фунтов серебром. В последующий период, а именно во время войн, которые вел Вильгельм III, «великим подрядчиком» стал сэра Соломон Медина, «еврей Медина», впоследствии произведенный в дворянское звание и ставший первым (некрещеным) евреем-дворянином в Англии (109).

Равным образом, в войне Испании за престолонаследие евреи же обеспечивают всем необходимым и вражескую сторону: «Франция во всякое время пользуется их помощью, а в военное время снаряжает свою конницу» (110). В 1716 г. евреи города Страсбурга обеспечивают армию Людовика XIV провиантом и необходимыми сведениями (111). Главным военным поставщиком короля называли еврея Иакова Вормса (112). В XVIII в. евреи усиливают во Франции эту деятельность. В 1727 г. евреи города Меца за 6 недель поставили в этот город 2000 лошадей на пропитание и более 5000 ремонтных лошадей (113). Маршал Мориц Саксонский, одержавший победу при Фонтенуа, говорил о том, что лучше всего его армию всегда снабжали евреи (114). Известным поставщиком, развернувшим

свою деятельность во время царствования двух последних Людовиков, был Серфбер, о котором в бумагах, дававших ему право на гражданство, говорилось, что «во время последней войны и неурожая, случившегося в Эльзасе в 1770–1771 гг., ему представилась возможность засвидетельствовать свое усердие по отношению к нашей и государственной службе» (115). В XVIII в. со знанием дела действовали братья Гради из Бордо: Авраам Гради, например, открыл несколько оптовых складов в Квебеке, обеспечивавших провиантом французские войска, сражавшиеся в Америке (116). Важную роль еврей-поставщики играли во Франции во время революции, в период существования Директории, а также во время наполеоновских войн (117). Очень интересен плакат, в 1795 г. появившийся на улицах Парижа: в нем говорилось о том, что городу угрожает голод и что евреям следовало бы отблагодарить власти за права, обретенные ими в ходе революции, и привезти в город зерно. «Только они, — говорилось в плакате, — могут как следует осуществить это начинание благодаря своим многочисленным связям, которые им надо пустить на пользу своим согражданам» (118).

Примерно такая же картина складывается и в 1720 г., когда придворный еврей Иона Мейер, привезя в Дрезден большое количество зерна (хронист сообщает о 40 000 четвериков), спас город от голодной смерти (119).

Мы обнаруживаем, что и в Германии евреи довольно часто и рано стали заниматься одними лишь поставками в армию. В 1537 г., принимая Исаака Мейера в городе Гальберштадте, кардинал Альбрехт поручил ему, памятуя о тяжелых временах, «обеспечить наш монастырь хорошими пушками, броней и доспехами», а 1548 г. Иосиф фон Росгейм получил охранную грамоту за то, что обеспечил короля во Франции деньгами и провиантом для военной рати. В 1546 г. богемские евреи снабжали воюющую армию одеялами и плащами (120), и, кроме того, известно, что в 1633 г. богемский еврей Лазарь «доставал сведения и передавал сообщения, в которых очень нуждалась императорская армада, или устраивал

это с помощью других на свои деньги, а также постоянно старался снабдить ее всяческой одеждой и боеприпасами» (121). «Во время проведения своих военных операций» Великий курфюрст прибегал к услугам Леймана, Гомперца и Соломона Элиаса, причем «делал это с большой пользой для себя, так как они своими многочисленными поставками удовлетворяли потребности в орудиях, ружьях, порохе, снаряжении и тому подобном» (122). Среди поставщиков можно назвать Самуила Юлиуса, поставлявшего ремонтных лошадей курфюрсту Фридриху Августу Саксонскому, а также семью Моделей, которая занималась придворными и военными поставками в княжестве Ансбах (XVII—XVIII вв.) (123). «Посему все поставщики суть евреи, а все евреи — поставщики», — безоговорочно сообщает Мошерош Иоганн в своих «Диковинных и истинных видениях Филандера фон Зиттевальда» (124).

Первые богатые евреи, которым император Леопольд разрешил вернуться в Вену после их изгнания оттуда в 1670 г., также занимались военными поставками в армию (Оппенгеймер, Вертгеймер, Майер Гершиль и так далее) (125). Многочисленные свидетельства говорят о том, что и в XVIII в. они продолжали заниматься этой деятельностью во всех австрийских землях (126).

Наконец, надо упомянуть о евреях-поставщиках, которые во время революционной войны (а позднее и во время войны гражданской) снабжали провиантом американские войска (127).

II. Еврей-финансисты

На финансовую деятельность евреев историки обращали внимание еще раньше, и поэтому мы отчасти знаем о том, какую роль они играли во всей европейской истории, выступая как финансисты и кредиторы, одалживающие деньги тем или иным правителям. Поэтому здесь я буду краток и ограничусь лишь некоторыми упоминаниями хорошо известных фактов.

Уже в средние века они повсюду арендуют солеварни и земельные участки, а также выступают как казначеи, кредиторы и откупщики налогов, причем чаще всего на Пиренейском полуострове. Поскольку здесь мы не будем углубляться в этот период, я не стану называть конкретные имена и отошлю читателя к обширной общей и специальной литературе (128).

Именно в новое время, когда начинает формироваться современное государство, деятельность евреев как финансовых советников, находящихся на службе у правителей, обретает особую силу.

Довольно быстро они занимают ведущие позиции в *Голландии*, несмотря на то, что здесь им официально запрещено заниматься деятельностью государственных служащих. Можно вспомнить о любимце Вильгельма III Моисее Мачадо, о посланниках Бельмонте (ван Шоненберг), о богатом еврее Суассо, который в 1688 г. предоставил Вильгельму в качестве кредита 2 млн гульденов, а также о других (129).

Однако деятельность голландско-еврейских финансовых магнатов простиралась далеко за пределы Голландии, потому что в XVII—XVIII вв. эта страна представляла собой денежный источник, из которого черпали все европейские правители, нуждавшиеся в деньгах. В ту пору ведущими финансистами Северной Европы вне всякого сомнения были такие люди, как Пинтос, Дельмонте, Буэно де Мескита, Фрэнсис Мелс и другие (130).

Если мы обратимся к *Англии*, то увидим, что и здесь в XVII—XVIII вв. английские финансы в немалой степени находились в руках евреев. Денежная нужда, с которой столкнулся Долгий парламент, впервые дала толчок к привлечению в эту страну богатых евреев (131). Задолго до того, как Кромвель разрешил евреям вернуться в Англию, богатые представители этой нации, скрывая свою принадлежность к ней, переселялись туда главным образом из Испании и Португалии, в основном через Амстердам (особенно большой наплыв был в 1643 г.), и находили прием в доме португальского посла в Лондоне Антонио де Суза, который сам был марраном. Среди богатых пересе-

ленцев особенно выделялся уже известный нам Антонио Фернандес Карвахаль, одинаково преуспевший в роли как кредитора, так и поставщика: по существу, он был самым настоящим финансистом в Английской республике. Новое укрепление своих позиций богатое еврейство переживает во время правления молодых Стюартов и прежде всего Карла II. Как известно, он взял в жены Екатерину Браганскую, в свите которой было много еврейских финансовых магнатов, и в частности братья да Сильва, еврейско-португальские банкиры из Амстердама, которым было поручено перевезти в Англию приданое Екатерины и осуществить финансовое наблюдение за ним. Примерно в это же время в Англию из Испании и Португалии прибывают семья Мендес и семья да Коста, которые здесь организуют свои финансовые дома («Мендес/да Коста»).

«Главными людьми новой волны иммиграции были богатые португальцы-марраны. Некоторые из них прибыли в Лондон для того, чтобы помогать Дуарте да Сильва в наблюдении за приданным королевы. Наверное, это было очень прибыльное дело, и марраны, по-видимому, организовали синдикат, дабы держать его при себе. Королевские свидетельства и удостоверения всегда предваряли поступление приданого, осуществлявшееся по частям, и значительные суммы капитала шли на их счет. Распоряжение этим капиталом было вверено евреям» (132).

В это же время в Англию начинают переселяться среднеевропейские и восточноевропейские евреи (ашкеназы), которые по уровню богатства хотя и не могли равняться с сефардами, но все-таки имели своих финансовых магнатов, например Вениамина Леви.

С Вильгельмом III наблюдается новый приток евреев в Англию, и связи двора (правительства) с богатым еврейством становятся еще крепче. Уже известный нам Соломон Медина следует в Англию за Вильгельмом в качестве советника по финансовым делам, а вместе с ним туда прибывает и другое семейство финансовых магнатов по фамилии Суассо. Во время правления королевы

Анны ведущим финансистом Англии становится Мана-сия Лопес.

Когда на Англию обрушиваются последствия, связанные с Тихоокеанской аферой, английское еврейство достигает максимальной финансовой власти в этой стране: евреи сторонятся дикой спекуляции и спасают свое и без того немалое состояние (в результате чего они оказываются способными обеспечить целую четверть из того займа, к которому прибегает правительство). В это трудное время ведущее положение сохраняет дом Гидеонов, представляемый Сэмпсоном Гидеоном (1699–1762), «полномочным советником правительства», другом Уолпола, «столпом государственного кредита». В 1745 г., в очень трудное для Англии время, он предоставляет кредит в 1 700 000 фунтов стерлингов. После его смерти ведущее положение в финансовом мире Англии занимает фирма Фрэнсиса и Джозефа Сальвадоров, которая сохраняет свое влияние вплоть до начала XIX в., когда здесь начинают заявлять о себе Ротшильды.

Для того чтобы стало ясно, какую роль играли еврей-финансисты в финансовой жизни Франции, достаточно вспомнить о той влиятельной финансовой позиции в последние годы царствования Людовика XIV (а также во время правления Людовика XV), которую занимал Самюэль Бернар. Один из авторов язвительно сообщает о том, как Людовик XIV прогуливался в своем саду с этим богачом, «вся заслуга которого заключалась только в том, что он поддерживал государство, как веревка держит повешенного» (133). Во время испанской войны за престолонаследие он действует как кредитор, поддерживает французского претендента на престол в Польше, а также выступает как финансовый советник регента. Таким образом, когда маркиз де Данго в одном из своих писем называет его «величайшим европейским банкиром современности», это почти не выглядит преувеличением (134). Кроме того, во Франции евреи принимают деятельное участие в восстановлении компании, которая торговала с Индией и стала жертвой Тихоокеанской аферы (135). Однако главную роль на валютном рынке Франции

в качестве финансовых магнатов они, по-видимому, начинают играть только в XIX в., когда открывают свое дело Ротшильды, Гельфены, Фульды, Сервберы, Дюпони, братья Гудшо, Даламберы, семья Перейре и прочие. Вполне возможно, однако, что уже в XVII—XVIII вв. свою финансовую деятельность во Франции развернуло гораздо больше евреев, которые в условиях жестких ограничений скрывали национальную принадлежность, и поэтому их имена (в отличие от уже названных) не удастся установить.

Что касается Германии и Австрии, то здесь нам легче нарисовать картину их деятельности, потому что в этих странах (несмотря на то, что пребывание в них по закону им было запрещено) благодаря хитроумному введению звания «придворного еврея» правители всегда могли прибегнуть к услугам представителей этой нации, наделенных определенными привилегиями.

Грец считает, что звание «придворного еврея» «изобрели» немецкие императоры во время Тридцатилетней войны. Согласно этому автору, «венский двор придумал еще одно средство, позволяющее использовать финансовые источники, которыми располагали евреи, в военных целях. Еврейских дельцов называли придворными евреями, предоставляли им полную свободу торговли, освобождали от ограничений, которым подвергались другие евреи, и так далее» (136). Как бы там ни было, но ясно одно: в XVII—XVIII вв. едва ли существовало какое-либо немецкое государство, не располагавшее одним или несколькими придворными евреями, от финансовой поддержки которых в значительной степени зависело финансовое положение страны.

Так, например, в XVII в. при императорском дворе находились Иосиф Пинкерле из Герца, Моисей и Иаков Марбургеры из Градиски, Вентура Паренте из Триеста и Иаков Шмиелес из Праги (которому Фердинанд за его заслуги даровал дворянское звание под именем Тройенбурга) (137). Во время царствования Леопольда I большим авторитетом пользовался торговый дом Оппенгеймеров, о котором государственный канцлер Людвиг сказал так:

«В 1690 г. среди торговцев и менял, причем не только по всей Европе, но и всюду за ее пределами, процвело знаменитое имя евреев Оппенгеймеров» (138); о живших в Вене евреях он сказал такие слова: «Особенно в Вене от еврейской веры и дел нередко зависят весьма важные дела». Во время царствования императора Леопольда I не меньшей славой пользовался судья и управляющий при дворе Вольф Шлезингер, который вместе с Левелем Зинцгеймом предоставил государственной казне несколько больших займов. Что касается Марии-Терезии, то, кроме них, она прибегает к услугам Вертгеймера, Арнштейнера, Эзелеса и других. На протяжении целого столетия придворными банкирами при венском дворе были одни евреи (139). О том, насколько они были мощными и влиятельными в хозяйственных делах, свидетельствует хотя бы тот факт, что во время еврейского погрома во Франкфурте-на-Майне в имперскую придворную канцелярию из придворной палаты поступило прошение о том, чтобы в интересах получения очередного кредита франкфуртские евреи были ограждены от нападков, так как они поддерживают тесные торговые отношения со своими единоверцами из Вены (140).

Примерно так же обстояли дела в *более мелких немецких княжеских домах*. Уже тот факт, что многочисленные дворы стремились перещеголять друг друга в своем утонченном стремлении к роскоши, касающихся предметов роскоши (в то время как сообщение между городами было нелегким), требовал, чтобы в распоряжении у князей находились искусные посредники, промышляющие в больших торговых центрах. Например, мекленбургские герцоги имели таких посредников в Гамбурге, епископ Иоганн Филипп Вюрцбургский располагал таким посредником в лице Моисея Элкхана, действовавшего около 1700 г. во Франкфурте. Перед такими людьми открывались все двери, и предприимчивый человек, достававший украшения и драгоценности для какой-нибудь княгини, ливрейную ткань для обер-камергеров и деликатесы для придворных шеф-поваров, при случае охотно мог ссудить и деньгами (141). Такие «посредни-

ки», снабжавшие удаленные от торговых центров княжества необходимыми денежными суммами, жили в больших городах с традиционно еврейским населением — Гамбурге и Франкфурте-на-Майне. Кроме уже упомянутых посредников можно вспомнить умершего в 1711 г. в Гамбурге португальского еврея Даниэля Абензура, который был министр-резидентом польского короля в этом городе и предоставлял польской короне значительные денежные суммы (142). Другие посредники со временем начинали жить при дворе того или иного князя, которого они ссужали деньгами, и становились настоящими придворными евреями. Так, например, в Саксонии такими евреями были (начиная с 1694 г., когда на престол взшел Фридрих Август) Лефман Беренц из Ганновера, Мейер из Гамбурга, Беренд Леман из Гальберштадта, дававший деньги на избрание короля в Польше, и другие (143). В Ганновере семейство Берендов выполняло обязанности, связанные с посредническими и представительными функциями при дворе (144); в княжестве Ансбах такие функции выполняло семейство Моделей, Френкелей, Натанов и других, в Пфальце — Лемте Моисей и Михель Май, которым в 1719 г. передают право требования курфюрста к императору в размере 2.5 млн гульденов (145); в маркграфстве Байреит обязанности придворных евреев выполняет семейство Байерсдорфов (146).

Кроме того, в более широких кругах обретают известность придворные евреи бранденбургско-прусских князей: во время правления Иохима II таким евреем был Липпольд, при Фридрихе III — Гомперц и Либман, при Фридрихе Вильгельме I — Фейт, во время правления Фридриха II — Эфраим, Моисей Исаак, Даниэль Итциг.

Однако самым известным из всех немецких придворных евреев, которого, по сути дела, можно считать образцом такого рода деятельности, был Зюсс Оппенгеймер, служивший при дворе Карла Александра Вюртембергского (147).

Наконец, надо вспомнить и о том, что именно в качестве финансовых магнатов евреи проявили себя в XVIII в. в

Соединенных Штатах (особенно во время войны за независимость). Здесь наряду с Хаймом Соломоном (148), а также Минисом, Когеном (штат Джорджия) (149) и многими другими, кто поддерживал правительство деньгами, можно назвать Роберта Морриса, который вообще выступает как финансист американской революции (150).

Мы видим, что происходит нечто странное: на протяжении многих веков и особенно в XVII—XVIII вв., оказавших решающее влияние на становление современной государственности (когда евреи лично оказывают свои услуги тому или иному правителю) происходит медленное преобразование (набравшее силу в основном в последние столетия) в самой структуре кредитно-долговых отношений, когда крупные кредиторы постепенно начинают сдавать свои позиции и на их место приходят займодавцы самых разных уровней и возможностей, число которых постоянно растет. Благодаря развитию денежного займа структура государственно-общественного кредитования «демократизируется», и придворные евреи уходят в прошлое. Здесь надо опять подчеркнуть, что не в последнюю очередь развитию этого процесса способствовали сами евреи и что именно они подорвали свою монопольную услугу на кредитование и тем самым еще сильнее способствовали возникновению больших государств.

Однако развитие общественно-государственной системы кредитования представляет собой лишь один момент в гораздо более широком преобразовании, которое претерпело наше народное хозяйство и в котором, как я считаю, евреи всюду принимали самое широкое участие. Поэтому теперь, как нам кажется, уместно рассмотреть и охарактеризовать это преобразование во всей его полноте.

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Под коммерциализацией экономики я понимаю (пока что описывая это явление довольно общими словами) растворение любых экономических процессов в торговых операциях, их связь с торговлей или подчинение ей, а тем самым (как принято выражаться, причем несколько расплывчато) подчинение «бирже» как центральному органу высокоразвитой капиталистической торговли.

Отсюда следует, что я имею в виду всем известный процесс, который сегодня приближается к своему завершению и который характеризует последнюю стадию развития капитализма — процесс «обиржевления» экономики, если можно так выразиться, прибегнув к насилию над языком. Однако речь идет не столько о наименовании, сколько о глубоком осознании того явления, которое при ближайшем рассмотрении распадается на три составные части (отличающиеся друг от друга как исторически, так и систематически). (Хочу отметить, что здесь я даю лишь предварительное отрывочное изложение основных тенденций развития высокоразвитой капиталистической экономики (в той мере, в какой оно необходимо для решения основного вопроса, поставленного в этой книге); в новом издании моего «Современного капитализма» я надеюсь подробно обсудить все те моменты, которые здесь только намечаю).

Прежде всего, мы видим, что совершается процесс, который можно назвать объективацией кредита (или, говоря в более широком смысле, объективацией обязательственного права) и предметным воплощением этого права в так называемых «ценных бумагах». Этому процессу сопутствует другой, который называют мобилизацией упомянутого права и его носителей. В свою очередь, оба эти процесса дополняются формированием постоянных предприятий для изготовления документов, свидетельствующих о праве требования, то есть для производства ценных бумаг с целью получения прибыли.

Ниже мы постараемся доказать, что во всех этих процессах евреи принимали творческое участие и что, по существу, современная экономика в том ее виде, в каком она сформировалась, своим появлением обязана именно еврейскому влиянию.

І. Появление ценных бумаг

Юристы говорят, что основной особенностью ценной бумаги является ее способность реализовывать гарантированное в ней право (151), то есть речь идет о том, что ее реализация, передача или то и другое вместе являются незаконными без удостоверяющего документа, однако мы (рассматривая эту ситуацию с научно-экономической точки зрения и при этом нисколько не противореча юридическому пониманию природы ценной бумаги, но скорее подчеркивая его правильность) прежде всего хотим обратить внимание на то обстоятельство, что в упомянутой ценной бумаге (когда она во всей полноте являет собой совершенно своеобразный и отличающийся от всех других документ) «воплощается» не какое-то личностное, а «овеществленное», «объективированное» долговое (обязательственное или, в более широком смысле, кредитное) отношение (152). Таким образом, ценная бумага является внешним выражением объективации кредитных отношений, представляющей лишь одно звено в целой цепи объективаций — явлении, которое, как никакое другое, характеризует природу высокоразвитого капитализма. «Объективация» тех отношений, которые изначально носили личностный характер, происходит там, где влияние или взаимовлияние живых людей сменяется деятельностью определенных системных установлений (организаций), созданных человеком. (Нечто подобное мы наблюдаем в мире техники, где объективация выражается в том, что работу, прежде выполнявшуюся живым человеком, начинает выполнять какая-либо неодушевленная система, в основе которой лежит принцип механизации или химизации). Военные действия тоже

«объективируются», когда исход сражения определяется не глубоко личной инициативой полководца, а искусным применением многолетнего опыта, столько же искусным использованием каких-либо тактических и стратегических приемов, применением тех или иных орудий соответствующими методами армейских поставок и так далее. Если взять розничную торговлю, то она объективируется в том случае, когда на смену одному человеку, который когда-то в одном лице осуществлял все торговые операции и, будучи начальником, напрямую общался со своим персоналом и покупателями, приходит совет директоров, в подчинении у которого находится целый штат промежуточных руководителей, в свою очередь управляющих тысячами других служащих: все это совершается лишь благодаря определенному организационному плану, которому подчинен каждый отдельный человек, но при наличии которого даже какая-либо единичная покупка уже не предполагает личного общения между продавцом и покупателем, а напоминает некий автоматический процесс, осуществляющийся по определенным, строго установленным правилам. Если взять отношения труда и заработной платы, то оно в свою очередь «объективируется» коллективным трудовым договором.

На определенном этапе развития капитализма такую объективацию претерпевают и кредитные отношения (я уже говорил о том, что именно эта объективация кредита является характерным признаком современной экономики, а не возникновение или расширение самих кредитных отношений, которые нередко играли важную роль в докапиталистическую или раннекапиталистическую эпоху, выступая по меньшей мере в виде потребительского кредита). Одним словом, кредитные отношения «объективируются» тогда, когда они возникают не в результате личной договоренности двух людей, а при содействии определенной системы установлений, не предполагающих личного знакомства и осуществляющих эти отношения в соответствии с определенными объективированными нормами в схематизированном виде. Центром тяжести в таких установлениях как раз и являются ценные бумаги, в

которых «объективируются» правовые отношения между кредитором и должником (причем личное знакомство между ними не предполагается) и наличие которых позволяет в любое время вступить в кредитные отношения новому кредитору. Таким образом, ценная бумага кладет начало обезличенным кредитным отношениям. Это подтверждает точный анализ кредитных отношений, сформированных известными видами ценных бумаг, среди которых основными являются индоссированный вексель, акция, банкнота, а также облигации государственного и частного займа (публично-правовая и частно-правовая облигация).

Индоссированный вексель (в противоположность неиндоссированному) так же, как и бланковый вексель, предоставляет право требования некоему третьему лицу, которое совершенно незнакомо как должнику (трассату), так и изначальному кредитору (векселедателю или трассанту) и с которым должник обычно не имеет необходимости вступать в какую-либо экономическую связь. Такой вексель превращается во всеобщее платежное средство. Индоссамент дает возможность заинтересованным лицам не появляться лично в дни, предусмотренные для сведения баланса (ярмарочный вексель) (153).

Акция дает любому ее обладателю право на участие в капитале и прибыли того предприятия, о котором он сам может совершенно ничего не знать. Обладатель акции освобождается от необходимости не только лично участвовать в работе предприятия, но и сообщать о своем имущественном положении: его отношение к этому предприятию объективируется в определенной абстрактной денежной сумме, которую могут заплатить люди с совершенно разными уровнями возможностей.

Банкнота дает ее обладателю право требования по отношению к банку, с которым он не имеет никакой необходимости вступать в личные договорные отношения. Его право не предполагает установления личного отношения с должником (как это бывает при депозите).

Облигация тоже устанавливает кредитные отношения между кем-то неизвестным (или, как мы говорим, населением) и третьей величиной, которой могут являться

какая-либо государственная организация, акционерное общество или частное лицо. Государство или какие-либо сообщества, берущие заем у населения, так же мало знают своих заимодавцев, как и какое-либо промышленное предприятие, выпускающее облигации, или земледелец, получающий свободные деньги путем продажи залоговых обязательств. Облигация выражает различные уровни объективации кредитных отношений в зависимости от того, является ли *должник* каким-нибудь конкретным, частным (и в силу этого известным) лицом или нет. Исходя из этого облигации подразделяются на индивидуальные и коллективные: в первом случае должником кредиторов является какой-нибудь конкретный предприниматель (какой-нибудь «владельческий князь»), во втором речь идет о неопределенном количестве должников. Последнее, как мы знаем, имеет место при выпуске залоговых свидетельств, когда все или очень многие землевладельцы какого-либо округа (о существовании которых обладатели этих свидетельств могут ничего не знать) становятся должниками этих обладателей.

Если мы захотим «документально» доказать участие евреев в возникновении такой практики, мы никогда не сможем выполнить нашу задачу до конца. Мы ее не выполним даже в том случае, если начнем еще основательнее выяснять, какое место занимали евреи на ранних этапах развития народного хозяйства, и даже тогда, когда обстоятельно исследуем прежде почти не рассматривавшиеся, но все-таки принципиально важные для нашей проблемы периоды развития экономики, а именно историю развития денежных отношений и банковского дела на Пиренейском полуострове в последние столетия средневековья. Мы не сможем выполнить нашу задачу по той простой причине, что в конечном счете формирование каких-либо хозяйственных организаций и правовых институтов нельзя проследить только по «первоисточникам». Дело в том, что в данном случае речь идет (как довольно часто это подчеркивают сами представители «источниковедческого» подхода в исследовании экономики и права) не о каких-либо находках «или открытиях», которые

можно было бы датировать вполне определенным временем, а о долгом органическом процессе формирования, начало которого теряется во мраке повседневной жизни. В данном случае нам приходится довольствоваться констатацией того факта, что в какой-то момент в традиционном экономическом укладе заявляет о себе та или иная особенность, что, образно говоря, экономическому развитию задается тот или иной тон. Для того чтобы прийти к такому заключению, довольно часто источниковедческих данных оказывается до смешного мало, и поэтому приходится снова и снова корректировать «источниковедческое» исследование истории формирования того или иного института выводами, основывающимися на анализе общей экономической или правовой ситуации, в которой находилось население в определенную эпоху.

Обратимся, например, к *истории возникновения векселей*, которую, конечно, никогда не напишешь, основываясь лишь на двух или трех векселях, случайно дошедших до нас из средневекового периода. Эти векселя всегда будут служить лишь как ценные подтверждения или исправления общих выводов, однако без самих выводов мы узнаем немного. Правы исследователи, которые, принимая во внимание, что «самый старый» вексель (1207 г.) якобы был оформлен евреем Симоном Рубенсом, тем не менее не торопятся делать вывод о том, что «изобретателями» векселя являются евреи (154). Однако столь же мало оснований, полагая, что старые векселя принадлежали не евреям, делать вывод о том, что не они «изобрели» этот документ. Разве нам известно о том, сколько тысяч векселей оформлялось тогда представителями какой-либо группы населения (например, во Флоренции или в Брюгге), о существовании которых мы не имеем никаких сведений? Однако мы очень хорошо знаем, что на протяжении всего периода средних веков евреи активно участвовали в денежном обращении, что они торговали в самых разных уголках Европы и поддерживали между собой тесные связи. Исходя из этого, мы с определенной долей уверенности можем заключить, что «будучи влиятельными посредниками в международной

торговле, евреи широко использовали и развивали практику перевода денежных средств с помощью векселя (ремитирование), которая по традиции заявляла о себе в обычном праве средиземноморских стран» (155).

Вряд ли стоит особо упоминать о том, что, желая получить какие-либо исторические сведения таким дедуктивным путем, мы должны быть крайне осторожными, однако, помня об этом, нам все-таки не следует отказываться от применения такого метода. Мы понимаем, что без его использования вообще не получим никакого результата в решении нашей проблемы. Конечно, есть случаи (и мы это еще увидим), когда участие евреев в формировании какого-либо экономического установления можно со всей определенностью доказать «на основании источников», но в то же время в экономической жизни есть много такого, что нельзя пояснить никакими источниковедческими данными. В таких случаях мы должны радоваться хотя бы тому, что нам в какой-то мере удалось доказать, что там и тогда, где и когда, по всей вероятности, следует искать первые признаки формирования каких-либо новых экономических установлений, евреи играли выдающуюся роль в экономике или проявляли особый интерес к формированию определенного экономического или правового института. Быть может, после того как мы таким образом сфокусировали нашу проблему, позднейшие исследователи смогут найти больше «документального» доказательного материала. Все, что я здесь говорю о применяемом мною методе, годится для всяческих изысканий, но особенно для краткого исторического обзора, который я и хочу сделать, касаясь происхождения новых ценных бумаг, виды которых были вкратце описаны выше.

1. Индосслируемый (переводной) вексель

В данном случае нас интересует не история возникновения векселя как такового, а история возникновения современного, так сказать объективированного, индоссированного векселя.

В общем и целом принято считать, что своего полного развития индоссированный вексель достигает только в XVII в. и самое раннее безусловное признание находит в Голландии (решение Амстердамской общины от 24 января 1651 г.) (156). Однако все, что происходит в XVII в. в Голландии в сфере денежного обращения и кредитных отношений, в большей или меньшей степени объясняется влиянием евреев (о чем мы еще поговорим более подробно). *Гольдшмидт* считает, что впервые вексель с передаточной надписью появился в Венеции, где его хождение было запрещено законом от 14 декабря 1593 г. (в то время, как первые известные ему индоссаменты относятся к 1600 г. и встречаются в одном неаполитанском документе) (157). С немалой долей уверенности можно говорить о том, что возникновение циркуляционной формулы жирооборота восходит к евреям, так как мы знаем, что в XVI в. вексельное обращение в Венеции находилось главным образом в их руках. В уже упомянутом прошении торговцев-христиан Венеции к городским властям (1550 г.) дословно говорится следующее (в том, что касается торговли векселями со стороны евреев):

«Мы также имеем с ними торговые связи и по векселям, ибо они таким образом постоянно оборачивают свои деньги... посылают наличные, чтобы мы совершали торговые операции по обмену применительно к Лиону, Фландрии и другим частям мира, на площади Риальто, или чтобы покупали шелковые ткани, а также прочие товары по их усмотрению, зарабатывая тем самым свое обычное вознаграждение за посредничество».

«Все, что мы говорим об этих жителях Флоренции, относится и к другим выходцам из Испании и Португалии, которые проживают во Фландрии, Лионе, Риме, Неаполе, Сицилии и других краях и которые не только торгуют с нами векселями, но и присылают к нам товары из Фландрии и пшеницу из Сицилии, чтобы, продав все это здесь, закупить других товаров и отправить их в другие страны» (158).

Дальнейшее развитие индоссаментов, по-видимому, совершается в XVI в. на генуэзских ярмарках. Здесь мы по

меньшей мере обнаруживаем первое поручительство в платеже по векселю («жиро-аваль», как его недавно называли), которое можно рассматривать как начальную стадию возникновения собственно передаточного векселя.

Кем были «генуэзцы», которых мы в XVI в. обнаруживаем в самых различных местах и главным образом на знаменитых ярмарках в Безансоне, где они заправляют денежно-кредитными операциями, а также осваивают новые, доселе неизвестные, формы международного платежного оборота? Мы знаем, что древние богатые генуэзские фамилии, обладая большими состояниями, выступали главными кредиторами испанской короны, а также других правителей, нуждавшихся в деньгах, однако мне кажется, что, если мы не допустим существования какого-либо внешнего стимула, нам вряд ли удастся объяснить, почему потомки рода Гримальди, Спинола, Леркара сумели развить упомянутый «гениальный дух предпринимательства», сказавшийся на экономической жизни Генуи XVI в., почему представители старых дворянских родов часто появляются на ярмарке в Безансоне или в каком-либо другом месте или (как сообщают) довольно активно посылают туда своих комиссионеров и посредников (159). Быть может, все дело в том, что в данном случае евреи сумели влить новую кровь в дряхлеющее тело экономической жизни Генуи? Как бы там ни было, мы знаем, что в Геную прибывали беженцы и из Испании и что какая-то часть этих еврейских эмигрантов принимала христианство, в то время как другая обосновалась в небольшом городке Нови неподалеку от Генуи, причем евреи этого городка также наезжали в столицу; знаем мы и о том, что эти переселенцы «в своем большинстве были сметливыми евреями, занимающимися каким-либо ремеслом, предпринимателями, врачами», и что к 1550 г. они уже успели пробудить к себе ненависть местного населения. В то же время мы знаем и о том, что между банкирскими домами города Генуи и еврейскими банкирскими домами некоторых испанских городов (домами, которые в ту пору уже были марранскими) существовали довольно тесные деловые отношения (например,

с ведущим банкирским домом Севильи, домом семейства Эспиносы) (160).

Насколько мне известно, вопрос о том, какую роль евреи играли в генуэзских ярмарках, еще не поднимался. Ответить на него нелегко еще и потому, что осевшим в Генуе евреям приходилось самым тщательным образом скрывать свое происхождение, особенно после их официального изгнания в 1550 г. В большинстве случаев они, по-видимому, меняли свои фамилии и, как часто случалось в таких ситуациях, всем своим видом стремились показать, что они — самые набожные христиане. Тем не менее было бы неплохо попытаться отыскать следы их присутствия. Насколько я знаю, это единственный случай, когда нельзя документально доказать, что в период, последовавший за средневековьем, большие кредитно-денежные операции претерпевали еврейское (марранское) влияние. Быть может, это не удалось только мне, и на самом деле такое доказательство уже приводили. В таком случае я был бы весьма благодарен, если бы меня об этом уведомили.

2. Акция

Если мы считаем, что о существовании акций можно говорить уже тогда, когда капитал делится на несколько частей и устанавливается ограниченная ответственность капиталистов, участвующих в предприятии, в таком случае акционерными обществами можно называть генуэзские маоны XIV в. (161), Банк св. Георгия (Каса ди Санто Джорджо) (1407 г.), а также большие торговые компании XVII в. Если же для нас решающим признаком является «объективация» капиталистических отношений, тогда начало формирования акционерных обществ и появление акций придется отнести лишь к XVIII в. Все более ранние финансовые объединения с ограниченной ответственностью в большей или меньшей степени сохраняли свой личностный характер. Нет никакого сомнения в том, что итальянские банкирские дома были проникну-

ты сильным личностным началом. В маонах личность играла не меньшую роль, чем сам капитал. В банке св. Георгия (Банка ди Санто Джорджо) строго следили за тем, чтобы участие определенных семейств в управлении банком сохранялось и должным образом делилось между ними. Однако даже в больших торговых компаниях XVII в. объективация акционерного права, вероятно, еще не осуществилась. В английской Ост-Индской компании, которая только с 1612 г. начала иметь акционерный капитал (до этого как бы определялись пределы, в которых отдельный ее член мог самостоятельно вести свои дела по образцу управляемой компании), вплоть до 1640 г. участие в распределении фондов предполагало непосредственное членство в самой компании. Таким образом, акционерный пай можно было передать только члену компании, и лишь с 1650 г. такая передача стала возможной по отношению к стороннему человеку, который все равно должен был стать членом компании.

Что касается других обществ, то в них передача акций (которые изначально всегда отражали неравные и нечетные денежные суммы и потому также в этом аспекте сохраняли свое индивидуальное лицо) зависела от разрешения, выносимого общим собранием, или предполагала право преимущественной продажи для самой компании. Таким образом, акция выступает лишь как «членский билет» (еще не как «диспозитивный документ»). На всем протяжении XVIII в. преобладают именные акции (162), и если все-таки какие-то акции поступают в свободную продажу (как это имело место у Ост-Индской компании в Голландии), это все равно предполагает длительный процесс хитроумного переписывания, в результате которого акция, наконец, переходит от одного человека к другому (163).

Итак, если мы хотим проследить историю возникновения акции как современной ценной бумаги, нам надо обратиться к XVIII, а не к XIV в., и тогда на вопрос о том, в какой мере евреи участвовали в формировании современных акционерных отношений, мы, наверное, ответили бы, что на протяжении последних 150–200 лет они дейст-

вительно влияли на процесс объективации этих отношений, поначалу довольно сильно проникнутых личностным духом. Я не могу привести фактов непосредственного влияния такого рода, но косвенным образом евреи, вероятно, в двух аспектах довольно сильно содействовали объективации акций: через их своеобразное отношение к спекуляции и через такое же отношение к предьявительским ценным бумагам, о чем ниже поговорим подробно. Спекуляция ускоряла процесс объективации, а превращение именных акций в предьявительские стало одним из самых действенных средств завершения этого процесса, что, собственно, нетрудно увидеть. В отдельных случаях мы даже можем доказать, что объективация акционерных отношений была напрямую обусловлена спекулятивными интересами. По-видимому, именно спекуляция стала причиной того, что акции голландской Ост-Индской компании, которые изначально выписывались на неравные и нечетные суммы, были заменены единообразными акциями по 3000 гульденов за штуку (164).

3. Банкнота

Вопрос о том, когда появилась на свет первая «банкнота», все еще остается спорным, и, по-видимому, долго будет оставаться таковым, причем не только потому, что постоянно появляются новые «документальные» материалы, но прежде всего потому, что не существует единого мнения о существенных признаках этой ценной бумаги.

Одни исследователи усматривают этот существенный признак в *fedi di deposito* (например, Гольдшмидт), другие — в *fedi di credito* (Нассе), третьи — в английских банковских билетах Гольдсмита (Роджерс), четвертые — в денежных знаках Банка Англии (в частности, Сальвиоли), и наконец пятые — в тех чеках, которые в 1661 г. Стокгольмский Банк выпустил во избежание хождения медных монет и которые, по-видимому, и представляли собой первые банкноты (Рошер).

Если и здесь мы по-прежнему будем считать (как это делаю я) решающим признаком развития тот момент, когда благодаря некоторым банковским документам кредитно-долговые отношения претерпели определенную «объективацию», тогда появление нового вида ценных бумаг можно отнести к тому времени, когда банкир впервые выписал платежное обязательство на предъявителя без какого-либо соотнесения с конкретным лицом и активом. До этого момента уже существовали определенные банковские документы, но они выписывались на уже имеющиеся активы и на определенное имя. Именной держатель ценных бумаг заносился в списки как кредитор банка, и банк обязывался по его указанию платить по предъявленным банковским документам или принимать их в качестве оплаты. Так, например, воспринимались банковские документы Римского Банка Св. Духа, о чем довольно подробно говорит Ансальд в своем «*Discursus generalis*» (N 166 ff) (165). Мы видим, что здесь еще сохраняется довольно четкая связь банковского документа с конкретным человеком, и такая же ситуация наблюдалась, например, в 1422 г. в Палермо (банковские документы на депозит с оговоркой на обороте), а также, по-видимому, даже в 1606 г. (расписки в приеме вкладов в банк города Болоньи, с оговоркой, касающейся вкладчика и держателя ценной бумаги) (166).

Где и когда была перерезана пуповина, соединявшая банковский билет с банковским депо? Судя по имеющимся у нас «документальным материалам», рождение нового банковского документа, никак не связанного с тем или иным лицом, произошло в Венеции в начале XV в., так как именно там приблизительно в это время появляется письменное платежное обязательство со стороны банка, не соотнесенное с его наличными активами, и мы знаем, что уже в 1421 г. городской совет запретил вести торговлю с использованием таких платежных обязательств (167). Можно ли предположить, что оба еврея, которых, как сообщают, в 1400 г. уполномочили основать банк «в подлинном смысле слова» (и успех которых был столь велик, что итальянские дворяне тотчас поспешили по-

следовать их примеру) (168), были основоположниками первых банковских документов, никак не связанных с тем или иным конкретным человеком?

Здесь тоже нельзя считать, что какая-то одна фирма создала новую форму долгового обязательства. Скорее всего, и тут возникновение нового документа происходило в среде, которая к этому располагала. Тем не менее в общем и целом можно определить город и область, которые стали очагом формирования новых банковских бумаг, и здесь многое заставляет нас обратить свой взор туда, где банковское дело вообще впервые обрело свой законченный вид — обратиться к Венеции. Венеция же (и как раз это нас в данном случае и интересует) была подлинно еврейским городом. Согласно переписи 1152 г. в ту пору там уже существовало еврейское поселение численностью в 1300 человек (169). В XVI в. (после «изгнания»?) численность евреев, проживающих в Венеции, по имеющимся данным составляла 6000 человек, и еврейские фабриканты обеспечивали работой 4000 рабочих-христиан (170). Эти цифры, конечно, не обладают «статистической ценностью», но тем не менее они показывают, что в Венеции проживало немало евреев, о деятельности которых мы имеем характерные свидетельства. В XV в. среди ведущих банкирских домов было много еврейских (одним из самых больших был банкирский дом Липманов), а в 1550 г., как мы знаем, венецианские торговцы-христиане заявили о том, что они уйдут вместе с марранами, если им запретят торговлю с ними.

Однако в Испании, по всей вероятности, марраны основали банковское дело еще раньше, и настало время узнать об этом подробнее, так как все, что мы знаем о *taula di cambi* в Барселоне (1401 г.), все, что узнаем из последних экономических исследований о прочих испанских банках, является совершенно недостаточным (171). Вполне вероятно, что, когда в XVI в. на евреев начались гонения, они были ведущими банкирами на Пиренейском полуострове. Но кто занимал их место раньше?

О том, что евреи действовали везде, где в XVII в. основывались «банки», а также о том, что они принимали

деятельное участие в основании трех самых знаменитых банков этого столетия (Амстердамского, Лондонского и Гамбургского), упомянем лишь мимоходом, так как, по всей вероятности, появление этих банков составило эпоху в плане административно-организаторском, но не в плане организации капитала, ибо частный жиробанк с идеальной денежной единицей появился, по-видимому, уже в XV в. в итальянских городах: такой тип банка в законченном виде мы встречаем на генуэзских ярмарках, и поэтому я не включаю его в круг нашего рассмотрения.

Ограничусь лишь краткой констатацией нескольких фактов.

Опыт, накопленный во время создания Амстердамского банка, евреи использовали при создании Гамбургского банка (1619 г.), где, как мы обнаруживаем, принимали участие сорок еврейских семей.

Что касается Банка Англии, то согласно последним исследованиям инициаторами его создания в середине столетия опять-таки стали евреи, переселившиеся из Голландии (см.: *A. Andreades. History of the Bank of England. 1909. P. 28*). К такой точке зрения приходят исследователи, придающие решающее значение в истории создания этого банка прошению, поданному в 1658 г. Самуилом Лэмбом (и напечатанному в *Somers Tracts. Vol. VI*). Андреадес считает, что именно с момента подачи этого прошения и зародилась идея создания данного банка и что с тех пор, как несколько раньше появился документ, в котором тоже выражалась идея его создания (написанный в 1651 г. Бальтазаром Жербье), произошло событие, сыгравшее решающую роль в истории возникновения Банка Англии, а именно официальное разрешение вернуться в эту страну, данное евреям Кромвелем. Я не склонен придавать такого большого значения прошению Лэмба, которое ему придает Андреадес, однако надо сказать, что и другие исследователи говорят об активном участии евреев в создании упомянутого банка.

4. Облигация

Потребовалось немало времени для того, чтобы *государственное долговое обязательство* обрела ту степень объективации, которую оно имеет сегодня. В довольно подробных исследованиях, дающих возможность основательно познакомиться с тем, как обстояли дела с практикой государственного займа в немецких землях в XVIII в., говорится о том, что вплоть до второй половины упомянутого столетия финансы Австрии и Саксонии, например, еще отражали связь с теми или иными конкретными лицами. В Австрии в период, предшествовавший правлению Марии Терезии, вообще ничего не было известно о предъявительских бумагах в государственном займе, и все, что касалось государственного долга, регулировалось нормами частного права, а должником выступал монарх или какое-либо ведомство (172). Только заем 1761 г. представляет собой нечто достаточно усовершенствованное: впервые проценты выплачиваются не по выставленной кредитором квитанции, а при отдаче приложенного к облигации процентного купона (173). Что касается Саксонии, то здесь вплоть до середины XVIII в. займы имели совершенно однозначную личностную окраску: сумма оговоренного долга, гарантия, величина процента, срок его уплаты, срок исполнения обязательства, — все это было индивидуально и разнилось от случая к случаю. Подписанные квитанции назывались «камерными или податными свидетельствами» и указывали на то, какую сумму своих наличных денег тот или иной человек предоставил податному правлению или палате. Такие облигации являлись главными в том смысле, что они отражали всю сумму, отчисленную займодавцем. В соответствии с этим каждое требование соотносилось с индивидуальной суммой, отличной от других (174).

Нет никакого сомнения в том, что приблизительно в этот период времени процесс объективации в западных странах углублялся (хотя, быть может, и не слишком). В Англии в 1660 г. особый порядок оплаты (*ordre of repayment*) устанавливается по отношению к прежде не

передаваемым, так называемым *tallies*, однако займы в современном смысле слова появляются только в 1693–1694 гг. (175). Что касается нидерландских облигаций, то они, вероятно, уже в XVI в. повсеместно содержали в себе предьявительскую оговорку, хотя даже здесь на протяжении всего XVII в. такие документы еще носили личностную окраску: в 1672 г. каждую облигацию еще приходилось выписывать, и ее дословный текст в ту пору еще не был единообразным, равно как и отраженная в ней сумма (176).

Что можно сказать о содействии евреев в формировании нового вида займа? По крайней мере можно доказать, что у Вильгельма III доверенными лицами в его финансовых делах были евреи, и что восточные государства получили стимул для дальнейшего развития из Нидерландов и, по всей вероятности, от голландских евреев, которые в XVIII в. являлись главными финансистами в немецких и австрийских землях, на что я, собственно, уже указывал в другой связи. В общем и целом надо отметить, что, по всей вероятности, в XVIII в. голландские евреи сохраняли разветвленные и весьма безупречные связи с европейским финансовым миром. В этом отношении характерным свидетельством может служить один документ, который в наших кругах, по-видимому, не слишком хорошо известен (даже *Дэбриц*, насколько я знаю, не упоминает о нем в своей основательной и заслуживающей похвалы работе) и на который я хотел бы по крайней мере сослаться. У этого документа довольно длинное название: «Ephraim justifié. Mémoire historique et raisonné sur l'Etat passé, présent et futur des finances de Saxe. Avec le parallèle de l'Oeconomie prussienne et de l'Oeconomie Saxonie. Ouvrage utile aux Créanciers et Correspondants, aux Amis et aux Ennemis de la Prusse et de la Saxe. Adressé par le Juif Ephraim de Berlin à son Cousin Manassés d'Amsterdam. Erlangen. A l'enseigne de „Tout est dit“. 1785».

Что касается *частных облигаций*, то историю их возникновения мы знаем еще меньше, чем историю появления общественно-государственных долговых обяза-

тельств. Складывается впечатление, что первыми облигациями такого рода стали облигации голландской Ост-Индской компании (которые в противоположность акциям с самого начала отражали определенную круглую сумму). Затем в обществах, утвержденных *Джоном Ло*, начинает появляться нечто похожее на облигации, когда держатели акций, не подписываясь на определенное (довольно большое) их количество, довольствовались лишь строго установленным процентом (и, таким образом, не имели права на дивиденды). Однако частные акции скорее всего получили свое развитие только в Новое время, когда довольно быстро стали множиться акционерные общества. Я не могу сказать ничего определенного о том, какую роль в этом начинании играли евреи.

Однако вполне вероятно, что они положили начало частным облигациям «более высокого порядка», а именно тому их виду, который я охарактеризовал как *коллективные облигации* и который в земельном кредитовании получил довольно широкое распространение под видом залогового свидетельства на недвижимое имущество.

Во всех исследованиях истории ипотечного кредитования, попавшихся мне на глаза, говорится о том, что впервые такую форму денежного обращения в Силезии в 1769 г. ввел Фридрих II (1770 г.) («Schlesische Landschaft»), а также о том, что, как известно, «толчок ему дал берлинский купец по имени Бюринг в 1767 г». В этих исследованиях говорится о том, что ипотечные банки выражали собой не что иное, как дух наживы, проникнувший в изначально товарищеские отношения, связанные с залоговыми свидетельствами.

На самом деле такая историческая конструкция оказывается неверной. Залоговое свидетельство, так же как и ипотечный банк, появились в XVIII в. в Голландии, и, по всей вероятности, начало им положили евреи. Мы располагаем свидетельствами о том, что где-то с середины XVIII в. голландские банкиры, стремясь ссудить колониальных плантаторов деньгами, стали выпускать процентные облигации на предъявителя, принимая в залог собственность этих поселенцев. Такие облигации имели

обращение на бирже «как общественные долговые обязательства». Торговцы (банкиры), занимавшиеся такими делами, назывались «correspondentie» или «directeurs van de negotiatie», по-французски «correspondants», «négociants chargés de la correspondance». Залоговые свидетельства назывались «obligatie» или «obligations». Повидимому, это были *частные* банки, занимавшиеся делами, которые сегодня находятся в ведомстве наших ипотечных банков. Таких залоговых свидетельств было выпущено на сумму в 100 млн гульденов, пока, наконец, где-то в семидесятые годы банки, занимавшиеся выпуском таких бумаг, не постиг крах (мимоходом заметим, что это произошло по тем же причинам, по которым и сегодня наши ипотечные банки иногда становятся банкротами, и прежде всего потому, что за те или иные земельные участки давалась слишком большая денежная ссуда). Однако в данном случае это к делу не относится, и наша задача заключалась только в том, чтобы доказать, что залоговые свидетельства и ипотечные банки достигли своего полного расцвета в Голландии уже в XVIII в. Источником, из которого я взял эти важные факты, в данном случае является вполне надежный *Люсак*: в нескольких местах он довольно подробно говорит о крахе ипотечных банков. Здесь я хочу дословно привести одно место, относящееся к нашему разговору:

«Придумали способ собирать деньги для поселенцев посредством общих сделок, в которых мог участвовать каждый. Авансы выдавались по квитанциям или облигациям торговцу, выступавшему в роли управляющего, причем все это совершалось таким же образом и на той же основе, на какой совершаются денежные займы для правителей или государственных организаций. Этот торговец, на которого возлагались обязанности распорядителя, по договору принимал от поселенцев продукты, произведенные на плантациях, а также снабжал их всем необходимым. Поселенцы совершали закладные, которые были сделаны в пользу держателей облигаций и отдавались распорядителю. Для того чтобы повысить доверие к таким сделкам, к ним в качестве уполномоченных

привлекались два или три человека с хорошей репутацией, которые, представляя людей, вносивших авансы, должны были следить за соблюдением их интересов. Кроме того, распорядитель был обязан постоянно оповещать своих уполномоченных о своей работе и о состоянии дел. Нельзя отрицать, что стремление таким путем заинтересовать общественность судьбой колоний, дать возможность зажиточным людям вложить свои деньги, а колонистам — без каких-либо проблем получить необходимые ссуды было очень хорошим начинанием, которому сопутствовал успех. Облигации, выпущенные в помощь поселенцам Суринама, имели обращение, как и прочие государственные ценные бумаги: благодаря им увеличился объем товаров, а все колонии, вместе взятые, способствовали возрастанию денежного обращения до 100 миллионов гульденов, ибо, как говорят, ссуды, выделенные колонии Суринама, возросли до 60 миллионов, а ссуды, предоставленные другим колониям, составили 40 миллионов. Трудно представить, с какой легкостью совершались все эти сделки, однако эта же легкость стала причиной того, что такая ситуация продлилась недолго и привела к злоупотреблениям. Говорят, что владельцы плантаций ухитрялись оценивать эти плантации гораздо выше их реальной стоимости и, выдавая эту оценку за истинную, добивались ссуд, которые были гораздо больше подлинной стоимости плантаций и которые на самом деле не должны были превышать $\frac{5}{8}$ этой стоимости» (177).

Ни в одном из попавшихся мне исследований на эту тему не содержится ясного доказательства того, что описанными здесь спекуляциями заправляли еврейские банкиры, однако у каждого, кто хоть в какой-то мере знаком с кредитно-денежными отношениями, царившими в Голландии в XVIII в., это не вызывает никакого сомнения.

Мы знаем (и в доказательство этого я приведу еще некоторые данные), что в рассматриваемую нами эпоху все, что имело хоть какое-то отношение к денежным займам и, прежде всего, к бирже и спекуляции в Голландии, было проникнуто еврейским началом. К этому и без того

вполне достаточному общему доводу в рассматриваемом нами случае прибавляется одно весьма примечательное обстоятельство: рассмотренные нами сделки ипотечного кредитования главным образом совершались с колонией Суринама (из 100 млн гульденов, проходивших по залоговым свидетельствам, 60 млн были выделены Суринаму), а мы знаем, что Суринам (и в другом месте мы уже говорили об этом) был по преимуществу еврейской колонией. Нет никакого сомнения в том, что кредитные отношения, практиковавшиеся в ту пору между Суринамом и метрополией, поддерживались еврейскими банками.

Это все, что я обнаружил в «документальных» источниках относительно участия евреев в возникновении современных ценных бумаг. Ясно, что в такой картине еще много пробелов, восполнить которые призваны позднейшие изыскания. Тем не менее мне кажется, что уже теперь общее впечатление вполне однозначно: в объективации кредитных отношений довольно большую роль сыграли евреи. Это впечатление лишь усиливается, если вспомнить, что, по всей вероятности, те установления, которые стали причиной данного процесса объективации, сделали его возможным или в конечном счете довольно сильно ускорили восходят к еврейскому началу, и здесь я имею в виду *правовую форму*, которой обладают *предъявительские ценные бумаги*.

Нет никакого сомнения в том, что только в предъявительских ценных бумагах стремление кредитно-долговых отношений к объективации нашло свое чистое выражение. Только в предъявительских документах обязательственное волеизъявление совершенно утрачивает связь с конкретной личностью и только в них благодаря совершенной в них записи полностью упраздняется необходимость напрямую изъяслять свою личную волю. По словам одного остроумного исследователя, предъявительская ценная бумага означает «освобождение человеческого духа от непосредственных природных связей (*oratio, verba*)» (178), и именно поэтому она становится вполне подходящим средством, для того чтобы «обезличить», объективировать обязательственные отношения.

Вполне естественно, что для юристов самой важной в предъявительской ценной бумаге является та доказательственная сила, которой она наделена: обладая такой бумагой, человек обладает совершенно автономным, неуничтожимым правом, которое не может быть упразднено каким-либо возражением со стороны ее первого покупателя или прочих лиц, которые владели ею ранее. Тем самым признается ситуация чисто объективных отношений: бумаги, в которых право документально объективировано, становятся «бумагами общественного доверия» (Бруннер), в которых полностью упраздняется всякая связь с каким-либо конкретным человеком, прежде весьма характерная для кредитно-денежных отношений.

Хорошо известно, что для того, чтобы достичь окончательной формы развития, предъявительским ценным бумагам потребовалось немалое время, но известно также, что сейчас об этом развитии мы располагаем очень немногими достоверными сведениями. Насколько мне известно, результаты прежних исследований в любом случае не оспаривают правильности отстаиваемого здесь тезиса, который, как мне кажется, только подтверждается целым рядом обоснованных аргументов, каковые даже самым отдаленным образом не может представить никакая другая гипотеза.

В европейских странах предъявительские ценные бумаги появляются в раннем средневековье (кроме Англии). Уже в эпоху франков, а затем в период немецкого и французского средневековья имели хождение долговые обязательства (заемные письма) с соответствующей ордерной формулой и формулой квалификации владельца. По-видимому, такая формула применялась довольно часто, так как о ней нередко упоминается в юридических документах, и, кроме того, иногда она встречается в судебной практике (179).

Затем наступает время упадка этого института, начавшееся с рецепции римского права. Римское право и юриспруденция постепенно упраздняют то правовое отношение, которое было выражено в предъявительских ценных бумагах. К концу XVI в. это упразднение заверши-

лось: держателю той или иной предъявительской ценной бумаги приходилось удостоверить свою личность с помощью доверенности или (если он делал заявление от своего собственного имени) путем доказательств, обосновывавших его право на цессию. «Сильный римский сквозняк, не без участия Кюйя и Дюмулена задувший во второй половине XVI в. во время пересмотра кутюмов и сказавшийся на практических делах, выдул из предъявительских ценных бумаг их душу, сведя их к обычным именованным бумагам» (Бруннер).

В ту пору «внезапно» появляется новая форма долгового обязательства, в котором место, где должно стоять имя кредитора, остается незаполненным, то есть появляются бланковые бумаги («*promesses en blanc*», «*billets en blanc*») (180), и в то же время претерпевает дальнейшее развитие индоссамент оборотных документов.

Затем с конца XVI в. и особенно в XVII в. предъявительские ценные бумаги «снова» начинают развиваться и в XVII в., главным образом в Голландии, получают достаточно широкое распространение: они выступают в виде государственных ценных бумаг, появляются как облигации Ост-Индской компании (причем акции, как мы видим, еще остаются именованными), используются в страховании и как закладные в ломбарде (181).

Из Голландии предъявительские ценные бумаги совершают свой путь во всех направлениях: сначала в Германию, где в XVII в. появляются в виде акций Бранденбургской торговой компании, а в XVIII в. — как государственные долговые обязательства Саксонии, затем в Австрию, где их начинают использовать в финансовых делах во время правления Марии Терезии, потом — во Францию, где на протяжении всего XVII в. и в какой-то период XVIII в. их хождение запрещается законом, и, наконец, в Англию.

В каких кругах начали формироваться предъявительские ценные бумаги и в чьих интересах происходило их развитие?

Некоторые исследователи считают, что они возникли в Древней Греции. Такой гипотезы, в частности, придержива-

живался Гольдшмидт (182), однако, насколько я знаю, у него было немного сторонников. Против этой гипотезы говорят результаты последних исследований, особенно исследования в области папирологии. «В папирусах мы не можем найти примеров существования долговых обязательств, которые напоминали бы наши векселя. Равным образом мы не обнаруживаем там какого-либо подобия предъявительских ценных бумаг или ордеров... Сравнение с дошедшими до нас греческими документами эпохи Орхомена или Аморга лишь подтверждают эту точку зрения. Столь же сильно говорит в ее пользу и фрагмент Гортинских законов», — такой вывод содержится в самой последней работе, посвященной истории греческого права (183). Даже если предположить, что вопрос о существовании предъявительских ценных бумаг в греческом праве оказывается «спорным» (отрывки, которые приводит Гольдшмидт, заставляют сильно задуматься на этот счет), нам все-таки придется признать (как это делает *Бруннер*) (184), что между греческими и франкскими документами пролегает период в 800 лет и что в контексте правовой преемственности нельзя доказать существования какой-либо связи между ними.

В противоположность упомянутой точки зрения *Гольдшмидта* представители другого (вероятно, господствующего) направления (особенно после исследований *Бруннера*), не слишком затрудняя себя доказательствами, склоняются к тому, что современные предъявительские ценные бумаги являются прямым продолжением немецких долговых обязательств с предъявительской оговоркой, которых, как мы видели, было немало уже в средневековье. Однако против такой точки зрения тоже можно привести серьезные аргументы. Здесь также едва ли можно доказать, что между средневековыми финансовыми документами и теми, которые появляются в XVII в., существует непрерывная преемственная связь, особенно после того как римское право (о чем мы уже говорили) так основательно разобралось с древними немецкими долговыми обязательствами. Однако самые серьезные сомнения во мне вызывало то обстоятельство, что, между

древними и современными ценными бумагами нет ни малейшей связи по существу. Конечно, фраза «*qui dabit hanc cartam*» является дословным латинским переводом известного оборота «подателю сей банковской бумаги», однако мы будем выглядеть несколько смешно, если станем думать, что XIII в. был полон «предъявительских ценных бумаг» в том смысле, в каком мы сегодня их понимаем. Я еще вернусь к обсуждению принципов немецкого договорного права, которые целиком и полностью противостоят самой сути современных предъявительских бумаг. Здесь мне хотелось бы лишь указать на то, что и так достаточно хорошо известно (и заслуга Бруннера заключается в том, что он установил этот факт, несмотря на всяческие возражения), а именно на то, какой смысл имели оговорки ордерная формула и формула квалификации владельца в финансовых документах в древнем немецком праве: они были призваны к тому, чтобы возместить недостаточную оформленность и реализованность требования и сделать возможным процессуальное замещение кредитора (185). Таким образом, мы видим, что такое стремление не имеет ничего общего с той идеей объективации долговых отношений, которая лежит в основе современных предъявительских ценных бумаг. Итак, перед лицом упомянутой господствующей точки зрения, которая все-таки не может полностью избежать каких-либо возражений в свой адрес, уместно вспомнить о третьей гипотезе, которую до сих пор, насколько я знаю, бегло изложил один лишь *Кунце* и которую *Гольдшмидт* (186), *Сальвиоли* (187) и другие авторы, не слишком распространяясь на этот счет, отвергли как ложную (хотя до сих пор никто не отважился ее как следует обосновать): речь идет о гипотезе, гласящей, что наши современные предъявительские ценные бумаги берут начало в иудейском праве.

Такая точка зрения *вполне имеет право на существование*, особенно если мы вспомним о том, что современные «облигации» прежде всего возникли в контексте обычного права: вполне возможно, что та форма долгового обязательства, которая вошла в практику в торговых

кругах, сильно пронизанных еврейским началом, впоследствии могла найти признание в судопроизводстве, а затем и в уставных положениях нидерландских городов (о важных Антверпенских кутюмах 1582 г. я еще поговорю).

Остается только выяснить, не берут ли начало современные предъявительские ценные бумаги в *талмудическо-раввинском праве*. Ниже я привожу доводы, которые, на мой взгляд, говорят в пользу такой версии.

1. Библии и Талмуду знакомы «предъявительские ценные бумаги», причем такие, которые имеют совершенную, законченную форму.

Приведем пример из библейской Книги пророка Товия: «Теперь я открою тебе, что я отдал десять талантов серебра на сохранение Гаваилу, сыну Гавриеву, в Рагах Мидийских... И сказал Товия в ответ ему: отец мой, я исполню все, что ты завещаешь мне, но как я могу получить серебро, не зная того человека? Тогда отец дал ему расписку и сказал: найди себе человека, который сопутствовал бы тебе, я дам ему плату, пока еще жив, и ступайте за серебром. ...И позвал Товия Рафаила, и сказал ему: брат Азария, возьми с собою раба и двух верблюдов и сходи в Раги Мидийские к Гаваилу; принеси мне серебро и самого его приведи ко мне на брак... И пошел Рафаил, и остановился у Гавайла, и отдал ему расписку, а тот принес мешки за печатями и передал ему» (Тов. 4:20; 5:1–3; 9:1, 5).

А теперь приведем довольно известное место из Талмуда: «Однажды в суде равви Гонасу предъявили свидетельство, в котором говорилось: „Я, такой-то, сын такого-то, взял у тебя одну мину“. Тогда решил равви Гонас: «„У тебя“, значит и у первенствующего в изгнании [эксиларха], „у тебя“, значит также и у царя Сафора» (Baba batra Fo. 172). Замечание, сделанное по этому поводу Гольдшмидтом («то есть обладатель долгового обязательства не может доказать, что он является кредитором, и поэтому ему не причитается никаких денег») совершенно искажает суть дела, и невозможно понять, каким образом Гольдшмидт пришел к такому редкому истолкованию данного отрывка, полностью противоречащему всей

талмудическо-раввинской юриспруденции. Ведь нет никакого сомнения, что на всем протяжении средневековья раввины знали о том, что представляют собой предъявительские ценные бумаги, и говорили о них на основании приведенного нами отрывка из Талмуда. Таким образом, я подхожу ко второму аргументу, подтверждающему правоту моей гипотезы.

2. Речь идет о преемственности в развитии права, которая, вне всякого сомнения, находит выражение в еврейских предъявительских ценных бумагах. Об этом свидетельствует и никогда не прекращавшаяся деловая практика евреев, и непрерывная экзегеза Талмуда. Первое не требует никаких доказательств, а что касается второго, то здесь я сошлюсь на раввинов, которые занимались предъявительскими ценными бумагами и, конечно же, выводили соответствующие правовые отношения из тех или иных мест Талмуда (188).

В этой связи прежде всего надо упомянуть *Ашера* (1250–1327), роль которого в этой области хорошо известна, и сослаться на отрывки, в которых он говорит о ценных бумагах на предъявителя (Resp. 68, 6 и 68, 8). «Если кто-либо обязуется двум и замечает в оговорке: „из этих двух уплатить обладателю долговой расписки“, то следует платить только ему, так как такой „штар“ и есть бумага на предъявителя» (Resp. 68, 6).

Далее следует упомянуть об *Иосифе Каро* (XVI в.), который писал: «Если в письменном обязательстве имя ссудодателя не указывается, но просто пишется „подателю сего“, то это значит, что оплатить надо тому, кто данное обязательство предъявляет» (Choschen Mischpat 61, 10; сравнить с 50; 61:4, 10; 71, 23).

Приблизительно то же самое говорил и *Шабатай Коген* (XVII в.) в своем комментарии на упомянутое произведение Иосифа Каро (Schach 50, 7; 71, 54) (согласно Ауэрбаху).

3. Вероятно, совершенно независимо от талмудическо-раввинского права, на основании собственной деловой практики евреи сформировали ценную бумагу, которая своей безличной природой превзошла все прежние и по-

следующие долговые обязательства: речь идет о так называемом *мамре* (*мамрам*, *мамран*) (189). Говорят, этот документ возник в XVI в. (или ранее) в местах проживания польских евреев и представлял собой нечто похожее на незаполненный бланк чека или векселя: документ поступал в обращение без упоминания в нем имени кредитора (а иногда даже без упоминания суммы долга). Свидетельства правоведов, а также некоторые определения суда не оставляют никакого сомнения в том, что в III в. *мамре* представлял собой очень популярную деловую бумагу, которая имела хождение и в сделках между евреями и христианами. Для нас важно, что в этом документе уже нашли свое выражение те правовые моменты, которые получили окончательное развитие в современной предъявительской ценной бумаге, а именно:

а) владелец такого документа вступает в денежные отношения от своего имени;

б) должник не имеет права каким-то образом влиять на предыдущего владельца этой бумаги, ссылаясь на личные отношения с ними;

в) должник не может требовать какого-либо доказательства совершившейся цессии или индоссамента;

г) если должник уже оплатил положенную сумму без предъявления *мамре*, от долга он не освобождается;

д) уже имеет место современная форма аннулирования (в случае утраты или кражи этого документа его владелец сообщает об этом должнику; объявление о пропаже в течение четырех недель висит в синагоге, и в это время нынешний владелец бумаги может сообщить о себе; по истечении указанного срока объявитель предъявляет претензию);

4. Есть несколько важных документов, в которых можно усмотреть внешнее влияние евреев на развитие правовых денежных отношений. Прежде всего я имею в виду следующее.

1) Мы знаем, что в XVI в. в различных регионах Европы «внезапно» (причем никто не знает, откуда именно) появились бланковые ценные бумаги. Возникает вопрос: не ведет ли след в еврейские деловые круги, где уже до-

вольно длительное время такие бумаги находились в обращении по образцу упомянутого *мамре*? Мы обнаруживаем их в Нидерландах (190), во Франции (191), в Италии (192). В Нидерландах они появляются в начале XVI в. на антверпенских ярмарках, причем в тот самый момент, когда влияние евреев там начинает усиливаться. Из указа Карла V от 1536 г. ясно видно, что выставленные там товары продавались на предъявительские долговые обязательства. До истечения срока действия и без какой-либо особой цессии третьему лицу их можно было давать в уплату в качестве платежного средства. Из текста указа становится ясно, что такая практика утвердилась совсем недавно, и кроме того, в указе говорится о том, что упомянутые предъявительские долговые обязательства надо воспринимать как некие облигации наподобие векселей. Что представляли собой эти странные бумаги? Быть может, это были христианизированные *мамре*? Еще более еврейскими по своему происхождению представляются те бланковые ценные бумаги, которые появились в XVII в. в Италии. Я вспоминаю о первом известном нам бланковом индоссаменте, который совершила в Милане вексельная фирма Джудетти. Эта фирма выставила вексель ценой свыше пятисот скудо, подлежащий оплате неким Й. Б. Германусом на ближайшей рыночной ярмарке (*nundinae Sanctorum in Novi all' ordine senza procura di Marco Studendolo in Venezia*); в валютной оговорке упоминалась названная сумма. Названный Марко Студендо-ло переслал этот вексель братьям Занони в Болонью, причем переслал «*cum subscriptione ipsius Studendoli relicto spario sufficienti in albo ad finem illud replendi pro ea girata et ad favorem illius cui Zagnoni solutionem fieri maluissent*». Автор, сообщающий об этом, добавляет: «Вряд ли бы итальянцы пришли к такому решению, если бы не узнали об этом у кого-нибудь другого. Такой пример им показало французское право, в котором с начала XVII в. бланковые бумаги уже имели самое широкое хождение». Наверное, в своем первом утверждении автор прав, однако в остальном хочется задать вопрос: откуда такая практика пришла во Францию? Быть может, из

Голландии? Хотя, впрочем, и в самой Италии могло ощущаться прямое влияние марранов.

2) Основополагающими для развития современных предъявительских бумаг стали Антверпенские Кутюмы от 1582 г., в которых за обладателем таких бумаг впервые было признано право иска (193). После Антверпена такое правовое осмысление предъявительской ценной бумаги быстро распространяется по всей Голландии: приблизительно так же быстро, как расселяются в этой стране еврейские семьи, переехавшие в нее из Бельгии (194).

3) Мы уже упоминали о том, что в Германии предъявительские ценные бумаги начали свое хождение в связи с управлением государственным долгом герцогства Саксонского. В 1748 г. впервые сумма займа, определенная ландтагом, была проставлена на этих документах. Причина объяснялась просто: «Так как из прошлой практики становится ясно, что благодаря утверждению податных свидетельств на основе бумаг на предъявителя все цессии и трансакции существенно упрощаются в отношении кредитования и кредиторов, решено следовать такому начинанию и в будущем». В 1747 г. авантюрист Бишопфилд предложил министру план «по сделкам, касающимся пожизненной и семейной ренты», причем сообщалось, что «Бишопфилд, по-видимому, был связан с голландскими евреями» (195). 20 сентября 1751 г. объявляется запрет на спекуляцию саксонскими государственными бумагами. С одной стороны, на финансовые дела в Саксонии оказывали влияние голландские евреи, с другой — такое же влияние оказывали польские евреи, так как саксонский княжеский дом имел связи с Польшей. Учитывая это очевидное совместное влияние еврейских финансистов и торговцев на развитие финансов Саксонии, Кунце предполагает, что в использовании предъявительских бумаг «образцом и мерилom служил *мамре*» (196).

4) К первым ценным бумагам, в которых в Новое время стали вносить клаузулу на предъявителя, можно отнести морские страховые полисы («*quas vocant caricamenti*»). Существуют совершенно однозначные сообщения о том,

что еврейские купцы из Александрии первыми стали использовать формулы «o qual si voglia altera persona», «et quaevis alia persona», «sive quamlibet aliam personam» («или на усмотрение другого») (197).

Это сообщение представляется мне важным и по другим причинам, так как именно в этой связи мы, помимо прочего, узнаем, почему «еврейские купцы из Александрии» стремились к тому, чтобы использовать предъявительские бумаги. Здесь мы касаемся крайне важного, на мой взгляд, момента. Гораздо важнее всех доказательств существования внешней связи между евреями и предъявительскими ценными бумагами мне представляется то обстоятельство, что считать евреев родоначальниками предъявительских бумаг нам приходится по бесспорным *внутренним* причинам. Какой бы старомодной ни казалась такая точка зрения, я рискну решительно стать на ее защиту: даже мало-мальское осмысление какого-либо события кажется мне таким же важным, как и «документальные» доказательства, основанные на тысячах источников.

5. Итак, внутренними причинами, объясняющими связь современных предъявительских ценных бумаг с еврейским правом (или с еврейской торговой практикой) является тот факт, что евреи проявляли слишком большой *интерес* к формированию именно предъявительских ценных бумаг (и в некоторых отношениях такой интерес проявляли только евреи).

Что заставило «еврейских купцов из Александрии» включить в свои морские страховые полисы оговорку на предъявителя? *Стракка* (а.а.О.) считает, что они боялись за свой товар. Дело в том, что их товарами вполне могли завладеть морские пираты-христиане или же адмиралы и капитаны королевского католического флота, так как морские грузы евреев или турок они воспринимали как законную добычу. Предвидя такую возможность, «еврейские купцы из Александрии» проставляли в своих страховых полисах какое-либо христианское имя, например, «Павел» или «Сципион», и получали товар благодаря привнесенной оговорке на предъявителя.

Как часто в средние века и даже в Новое время этот прием (позволявший скрыться под чьим-либо именем, но тем не менее самому получить какую-либо партию товара, долг и так далее) оказывался весьма действенным! Предъявительские ценные бумаги стали желанным средством, позволявшим сохранять инкогнито. Благодаря таким бумагам во время гонений можно было вывести из поля зрения властей нажитое имущество и спокойно переждать волну преследований. Предъявительские бумаги давали евреям возможность помещать свои деньги в самых разных местах и в момент опасности прибегать к услугам подставных лиц или переносить свои претензии на третьи лица, не оставляя ни малейшей возможности выйти на след спрятанного имущества. Мимоходом заметим, что почти необъяснимый факт, а именно тот факт, что в средние века евреи в любой момент могли полностью лишиться «всего имущества», но вскоре вновь стать богатыми людьми, в какой-то мере находит свое объяснение в рассматриваемой нами проблеме: дело в том, что евреи никогда не утрачивали своего имущества *полностью*, значительная его часть переводилась на подставных лиц. Уже обращали внимание на то (и мне кажется, с полным основанием), что для таких целей были необходимы чистые предъявительские бумаги и только они, в то время как для достижения прочих целей, тоже требовавших оговорки на предъявителя (прежде всего, для упрощения процедуры представительства в судебных делах) вполне годились (или даже оказывались лучшими) иные формы оговорок (198).

Интерес к ценным бумагам на предъявителя (или, лучше сказать, к их распространению, так как в собственно еврейских кругах они имели хождение издавна) усилился тогда, когда евреи (о чем мы еще поговорим более подробно) стали заниматься биржевыми спекуляциями, связанными с продажей товаров и ценных бумаг.

Из экспертизы, проведенной в Амстердаме в 1670 г. (речь идет об игре на повышение в торговле китовым усом, которую спекулянт пытался вести через подставных лиц), становится ясно, сколь изощренно предъяви-

тельские ценные бумаги использовались в торговле товарами уже в XVII в. (199).

Нет сомнения в том, что появление предьявительских документов весьма благоприятствовало спекулятивной торговле ценными бумагами. Когда евреи начали профессионально заниматься выпуском ценных бумаг, все их внимание сосредоточилось на том, чтобы расширить хождение предьявительских документов. Ясно, что процедура размещения малых денежных сумм большим количеством вкладчиков становилась почти невозможной без тех упрощений, которые представлялись предьявительскими бумагами, особенно когда дело касалось выпуска государственных облигаций. Поэтому нам не кажется необоснованной истинная связь между развитием профессиональной эмиссионной деятельности и развитием предьявительских ценных бумаг (200).

О том, в какой мере деловые интересы евреев, а именно их стремление облегчить биржевую торговлю ценными бумагами и способствовать расширению этой торговли сказались на формировании и обращении предьявительских бумаг, мы узнаем из соответствующих высказываний раввинов. Весьма поучительным нам представляется следующий отрывок из *Шаббатая Когена* (Schach 50, 7): «Покупатель предьявительских ценных бумаг имеет право требовать от должника возмещения ущерба, если тот оплатил под расписку или, не желая огласки, даже без нее, *дабы не ставить под угрозу торговлю такими бумагами*. Если же Ашер и товарищи считают неприменимым к штароту все распоряжения, сделанные раввинами для развития торговли, поскольку торговля долговыми расписками вследствие трудности их передачи не может быть очень широка, то эти авторы стоят на стороне штарот [т. е. рукописных расписок] как подлинных бумаг; что же касается *предьявительских ценных бумаг, обращение которых в настоящее время* [т. е. в XVII в.] *становится гораздо больше, чем обращение движимого имущества, то ко всем упомянутым предписаниям раввинов относительно расширения такой торговли надо относиться с большим вниманием*».

Здесь я затрагиваю еще один момент, который кажется мне очень важным. Я полагаю, что в приведенном отрывке выражен совершенно определенный «дух», вполне ясная и определенная «правовая воля», и, кроме того, считаю, что такие высказывания не единичны.

б) Если мы попытаемся окинуть взором все еврейское право, касающееся предъявительских ценных бумаг, если постараемся постичь все его своеобразие, мы, конечно же, заметим, что сама идея предъявительских ценных бумаг естественным образом берет начало в «духе еврейского права», что такие бумаги настолько отвечают духу еврейского права, насколько они оказываются чуждыми внутренней природе права римского или германского, так как предполагают безличные отношения кредитора и должника.

Мы знаем о том, что римское право трактовало обязательство как некое в высшей степени личностное отношение между двумя людьми: обязательство представляло собой связь между двумя лицами, причем вполне определенными. Условие заключения такого отношения сводилось к тому, что два лица или более «движимые различными мотивами, сходились в одном, то есть приходили к одному решению» (Ulp. L. I, 3 D. De pact. 2, 14). В результате такого понимания займодавец не мог перенести свое требование на третье лицо и если он все-таки хотел это сделать, такая процедура предполагала выполнение некоторых весьма серьезных условий. Даже когда в более позднем римском праве процедура переноса (благодаря учению о делегации, новации и цессии) упростилась, это никак не сказалось на личностном характере обязательственных отношений. Долговое обязательство сохранило свою изначальную природу и явилось лишь еще одним доказательством упомянутых личных отношений. Несмотря на его наличие, допускались всевозможные возражения против уплаты долга, основывавшиеся на личных отношениях должника с первым кредитором или его преемником.

Однако таким же (если не большим) глубоко личностным характером отличалось и немецкое договорное пра-

во. Согласно германскому праву должник платит свой долг только тому, кому он обещал это сделать. Требование нельзя перенести на третье лицо (таким же образом до 1873 г. обстояли дела и в английском договорном праве). Только в ходе рецепции римского права возможность уступки требования стала предусматриваться и в Германии, и как раз по причине глубоко личностного характера германского права люди, желавшие каким-то образом справиться с недостаточно развитой цессией, довольствовались, как мы видели, различными оговорками на предъявителя. Тем не менее я считаю (и это выражено достаточно ясно), что предъявительская ценная бумага как «воплощение» безличных долговых отношений никак не отвечала духу немецкого права, о чем, собственно, свидетельствует появление оговорки на предъявителя.

Основополагающий для современных бланковых и предъявительских документов тезис, согласно которому «даже в руках каждого последующего покупателя ценной бумаги, совершенного незнакомого с первым ее владельцем, эта бумага является документальным носителем права», «не получил своего полного развития ни в древности, ни в средние века» (201).

Такое замечание, конечно же, правильно, но только при одном условии: если мы не принимаем во внимание еврейского права, так как без труда можно доказать, что оно было знакомо с «объективацией» долговых отношений, выраженной в современной предъявительской бумаге (202).

Основная идея еврейского обязательственного права сводится к тому, что обязательства могут существовать даже по отношению к совершенно незнакомым лицам, и, таким образом, сделки можно заключать с кем угодно. Такая мысль находит свое выражение в некоторых учениях. Охарактеризуем ее вкратце.

В еврейском праве нет слова, выражающего идею обязательства: оно знает только «долг» (Chow) и «требование» (Thwia). В еврейском праве требование и долг воспринимаются как два самостоятельных начала. Весьма характерным подтверждением правового отождествле-

ния понятий «требования» и «обязательства» с материальным предметом служит создание искового права посредством символа приобретения. Таким образом, становится ясно, что против перенесения требования и заместительства в момент заключения той или иной сделки не существует никаких законодательных препятствий. Лицо, которому предъявляется требование, по отношению к которому совершается уступка требования или существует определенное обязательство, может не определять себя как такового: оно может определить себя через какое-либо конкретное дело или деловое свойство, и, таким образом, требования или обязательства начинают соотноситься с этим делом или свойством и лишь в том случае — непосредственно с обладателем этих свойств и дел, если возникает необходимость сохранить личностный характер обязательственных отношений.

Несмотря на то, что обязательственное правовое отношение берет начало в субъекте, однажды возникнув, оно превращается (в двух своих ипостасях, а именно как требование и как обязательство) в самостоятельную, абсолютную, отъединенную от всякой индивидуальности субстанцию, силы и свойства которой наглядно могут проявляться в действиях любого человека. Таким образом, отношение обязательства может возникнуть как по отношению к какому-либо конкретному кредитору, так и по отношению к некоей общности людей и вообще по отношению к чему-то всеобщему. В соответствии с этим перенос обязательства совершается через простую передачу ценной бумаги, так как сама сделка одинаково относится как к цеденту, так и к цессионарию. Таким образом, обладатель ценной бумаги является как бы членом некоего абстрактного сообщества кредиторов (такова юридическая конструкция, представленная Ауэрбахом).

Итак, выражая эту же мысль по-другому, можно сказать, что в еврейском праве нет никакой необходимости воспринимать субъектов обязательственного отношения как конкретных личностей, поскольку какие-либо качества или свойства тоже могут через своих естественных представителей устанавливать обязательственное отношение.

Воля господина переносится на конкретную вещь, благодаря чему в бездушном, неживом предмете усматривается некое проявление воли, необходимое правовому субъекту, усматривается некий факт, который своим существованием уже несколько не обязан конкретной природе упомянутого правового субъекта. Владелец предъявительской ценной бумаги может восприниматься как кредитор постольку, поскольку он владеет этой бумагой: все остальное, что он представляет собой как личность, не входит в долговые обязательственные отношения. Таким образом, в момент передачи предъявительской ценной бумаги образ заимодавца несколько не меняется, так как новый владелец этой бумаги вступает в кредитные отношения только как некая абстрактная величина, а именно лишь той малой долей всех своих личностных свойств, которая определяет его как владельца данной ценной бумаги. Субъекты права являются собой определенные свойства конкретных личностей, а эти личности в свою очередь предстают как носители, как представители упомянутых субъектов.

Итак, перед нами несколько смелое построение, которое, к тому же, несет на себе явную печать субъективизма, однако каждый, наверное, подвергнув беспристрастному анализу представленный Ауэрбахом материал, убедится в том, что еврейское право гораздо абстрактнее древнегерманского или римского и что оно расчищает путь безличностному, «объективному», «вещному» пониманию правовых отношений. И мне кажется, мы не поступим слишком дерзновенно, если предположим, что именно из этого «духа» и рождается *современная* предъявительская ценная бумага. Таким образом, ко всем внешним причинам, о которых мы говорили, можно присовокупить и эту глубоко внутреннюю причину, объясняющую смысловую переключку предъявительских бумаг со всем еврейским правосознанием, — присовокупить для того, чтобы лишний раз подтвердить правоту моей гипотезы, согласно которой по своей сути и в своем обращении современные предъявительские ценные бумаги имеют еврейское происхождение (хотя, конечно, дело не обошлось и без прочих привходящих влияний).

II. Торговля ценными бумагами

1. Формирование правил обращения ценных бумаг

В современных ценных бумагах, которые мы называем фондами, коммерциализация экономики находит самое яркое выражение. По самой своей внутренней сути ценная бумага предназначена для того, чтобы находиться «в обращении», и если она не становится предметом торговли, значит она, так сказать, не следует своему «призванию». Можно, конечно, возразить, сказав, что немалая часть ценных бумаг влачит свое существование в сейфе того или иного рантье, который воспринимает их не как предмет купли-продажи, а как инструмент получения ренты, и вовсе не собирается их продавать. Однако когда ценная бумага пребывает в таком покое, она перестает быть фондом и для того, чтобы играть такую роль, ей вовсе не надо быть тем, чем она является, поскольку такую службу вполне могло бы сослужить какое-нибудь именное долговое обязательство. Отличительной особенностью ценной бумаги является именно ее свободная продаваемость, и как раз ради этого и совершался долгий и мучительный процесс «объективации». Все своеобразие нашей экономики, которое ей придали ценные бумаги, заключается только в скором перемещении последних, благодаря чему они быстро меняют своих владельцев. Все это давно и хорошо известно, и об этом я здесь упоминаю лишь ради связности изложения.

Однако если предназначение фондов заключается в том, чтобы быстро и легко переходить из рук в руки, тогда для развития самого института ценных бумаг принципиально важными оказываются все те установления, благодаря которым облегчается процесс смены их владельца. Здесь главную роль играет соответствующее право, и оно оказывается пригодным в том случае, если создает условия для быстрого возникновения новых отношений между двумя людьми или между каким-либо человеком и конкретным делом.

Если условия существования какого-либо общества с необходимостью предполагают, чтобы та или иная вещь оставалась в руках одного и того же владельца (как это, собственно, и происходит в частном хозяйстве), тогда право будет делать все, для того чтобы связь между вещью и человеком была как можно прочнее, однако если какой-либо народ основывает всю свою жизнь на непрерывном приобретении каких-то новых благ, тогда право будет принципиально ориентировано на то, чтобы обеспечить возможность свободного обращения тех или иных ценностей. Это опять-таки банальные вещи, о которых я упоминаю лишь для того, чтобы подойти к самой сути обсуждаемой здесь проблемы.

Итак, наша жизнь, основанная на непрерывном движении, и прежде всего торговля ценными бумагами, требуют создания такого имущественного права, которое позволяло бы как можно легче упразднить старые и устанавливать новые правовые отношения, то есть осуществлять прямо противоположное тому, к чему стремились немецкое и римское право. Эти оба вида права, как известно, стремились к тому, чтобы во всех отношениях затруднить переход собственности из рук в руки и упрочить связь с собственностью, предоставив собственнику широкие полномочия для виндикации. Согласно римскому и древнему немецкому праву собственник мог вернуть незаконно утраченное имущество, никак не компенсируя затрат, которые претерпел новый временный владелец этого имущества. В противоположность этому в современном праве почти везде упоминается о том, что возвращение утраченного имущества возможно только в том случае, если его прежний владелец заплатил нынешнему ту сумму, которую тот затратил на приобретение этого имущества (если у нынешнего владельца нет никаких долговых обязательств перед прежним).

Откуда берет начало этот принцип современного законодательства, чуждый древним видам права? По всей вероятности, из еврейского права, в котором издавна большое внимание уделялось возможности обращения всяческих средств.

На защиту добросовестного покупателя становится уже Талмуд. В Мишне мы читаем: «Если кто-либо узнал свою утварь или книги, ныне находящиеся во владении другого, и если о краже, учиненной в доме первого, стало известно в городе, приобретший названное имущество должен под присягой объявить, сколько денег он потратил на его приобретение и получить эти деньги обратно, если же нет, то он на это не имеет права, ибо в таком случае можно предположить, что была совершена обычная купля-продажа» (В. Q. 114 b, 115 a). Таким образом, в любом случае добросовестный покупатель, ничего не знавший о пропаже имущества у его прежнего владельца и приобретший его за деньги, может требовать возмещения потраченных им денежных средств и при определенных условиях он без каких-либо оговорок может сохранить это имущество за собой. Гемара колеблется на этот счет, но в конечном счете и она приходит к той мысли, что добросовестного покупателя на рынке надо «защитить» и что прежний владелец обнаруженного имущества должен покрыть затраты, понесенные нынешним его владельцем.

Принцип свободы обращения средств, выраженный в Талмуде, евреи сохраняли в своем торговом праве на протяжении всего средневековья и (что в данном случае весьма важно) довольно рано добились того, чтобы этот принцип принимался во внимание во время судебных разбирательств в христианских судах. На протяжении многих веков (когда речь заходила о приобретении движимого имущества евреями) принималось во внимание особое еврейское право. Первое его признание мы обнаруживаем в той привилегии, которой король Генрих IV в 1090 г. наделяет евреев города Шпейера: «Если у какого-либо еврея обнаружат украденное имущество и если он станет утверждать, что купил его, то ему надлежит под присягой, данной согласно его закону, подтвердить сумму, потраченную на его приобретение; после того как прежний владелец имущества заплатит ему эти деньги, он должен вернуть ему имущество». Такую оговорку, касающуюся евреев, мы встречаем не только в Германии, но и в других

странах (во Франции, например, она существовала уже с середины XII в.) (203). Имеется она и в «Саксонском зеркале» (III, 7, 4). Вероятно, впоследствии благодаря новым кодификациям это важное правовое положение обрело всеобщую значимость. Гольдшмидт, считающий, что «недопустимость истребования даже украденного имущества в третьи руки» тоже восходит к еврейскому праву, признает, что еврейское правосознание прежде всего сказалось на торговых *обычаях* (204) (хотя в общем и целом он судорожно старается если не отвергнуть влияние евреев на развитие торговли и торгового права, то по меньшей мере умалить его; евреев, так сказать, вообще нигде не было!).

2. Биржа

Главное, конечно же, заключается в том, что для ценных бумаг был создан особый рынок. Я имею в виду биржу.

Так как предмет, поступающий в продажу, являет собой совокупность объективированных правоотношений, торговля биржевыми ценными бумагами лишается личной окраски. Такова сущность биржи, отличающая ее от прочих рынков. Договора, которые здесь заключаются, в своих деталях не предполагают каких-либо личных оценок и заключений: они осуществляются путем взаимодействия незнакомых друг другу лиц. Делец получает возможность заключать большее количество сделок, однако это происходит не в силу того, что он испытывает личное доверие к своим партнерам: согласно *Эренбергу* абстрактная оценка его кредитоспособности оказывается достаточной для того, чтобы он мог заключать эти договора. В основе таких сделок лежит не какая-то индивидуальная цена, сложившаяся в результате диалога двух или более покупателей и продавцов, а некая средняя абстрактная величина, которая механически возникла на основании множества единичных цен. Таким образом, торговля на бирже представляет собой объективированный и автоматизированный процесс,

лишенный какого бы то ни было личностного вмешательства.

Теперь биржу по праву называют рынком взаимозаменяемых (взаимопредставляемых) товаров, ценностей (Вебер, Эренберг, Бернгард), однако необходимо пояснить, что сама биржевая торговля становится как бы «заменяемой» или, лучше сказать, объективированной, подобно тем предметам, с которыми и она связана (так как стандартизация товаров, являющаяся предпосылкой биржевой товарной торговли, в конечном счете приводит к тому, что эти товары как бы утрачивают свое «лицо», «обезличиваются» и теперь уже оцениваются не в соответствии с их изначальным своеобразием, а согласно тому, что является в них общим).

Вряд ли стоит доказывать, что поступление на рынок ценных бумаг и их продажа по заниженным и завышенным ценам напрямую связаны с существованием биржевой торговли. Я хотел бы лишь сказать несколько слов о той особой роли, которую, на мой взгляд, играет в биржевой торговле так называемая «спекуляция», так как в этом вопросе у каждого автора своя точка зрения и терминология.

Общепризнанного понятия спекуляции, выработанного в контексте вышеупомянутого определения биржи, не существует. Большинство авторов понимают спекуляцию в самом широком смысле («рискуй и выигрывай»), имея в виду или определенный вид деятельности, или определенный вид сделок. Нет сомнения, что при таком подходе никак не определяется то явление, которое в этих широких рамках совершенно отчетливо заявляет о себе как «спекуляция» в более узком смысле слова. Эренберг, например, противопоставляет спекуляцию торговле, считая, что в первом случае речь идет о временной разнице в ценах, а во втором — о пространственной. Однако при таком подходе под понятие спекуляции подпадают многие сделки, которые в торговых кругах никогда не были бы названы спекуляцией. Например, в торговле товарами всегда используется разница цен во времени (торговля какими-либо видами урожая), но никто не назовет

спекулянтом торговца, если он, покупая пшеницу, рассчитывает на то, что весной она поднимется в цене. О спекуляции скорее можно говорить в том случае, если мы (вслед за Максом Вебером) ограничиваем торговлю товарами, котирующимися на бирже. Мне, правда, хотелось бы еще сильнее конкретизировать понятие спекуляции, противопоставив ей реальную сделку: под спекуляцией я понимаю покупки, не предполагающие действительную доставку товара или (в сфере торговли ценными бумагами это практически то же самое) приобретение процентных бумаг, основанных на инвестированном капитале.

В любом случае нам надо понимать спекуляцию именно в этом более узком смысле слова, если речь идет о роли спекуляции в биржевой торговле, так как потом оба понятия начинают противопоставляться. Однако эта противоположность может существовать только как противоположность между реальной сделкой и сделкой на разницу (в описанном выше более широком смысле слова), в масштабе которой важнейшей формой спекуляции снова предстает сделка на разницу, но уже в более узком (подлинном) смысле слова. Сегодня, вероятно, уже все согласятся с тем, что сделка на разницу по отношению к реальной сделке играет роль некоего первопроходца. По крайней мере, когда речь заходит о торговле ценными бумагами, нет никакого сомнения, что «спекуляция» увеличивает рынок спекулятивных бумаг и повышает вероятность заключения реальных, действительных сделок. Причины этого (они не всегда с должной ясностью излагаются сторонниками такой точки зрения, равно как о спекуляции как созидательнице рынка в отношении производимой ею корректировки цен, всегда говорится весьма нелестно, хотя она по меньшей мере и тут так же значима) доходчиво излагает уже *Исаак де Пинто* (205), рассуждение которого я привожу здесь дословно, потому что всегда интересно послушать, как много лет назад осмыслялись и выражались те или иные истины. Итак, он пишет:

«1) Возможность продать свои бумаги на какой-то срок и получить на них же какую-то разницу заставляет мно-

гих вкладывать в это дело свои деньги, с которыми они никогда не расстались бы, если бы не эти выгоды;

2) в Англии и Голландии много богатых людей, которые не хотят вкладывать деньги в какие-то новые бумаги, не желая подвергать себя риску во время войны. Но что они делают? Они вкладывают по десять, пятнадцать или двадцать тысяч фунтов стерлингов в аннуитеты, которые продают на срок биржевым спекулянтам, в результате чего получают большой процент со своих денег, не переживая той неопределенности, которая выпадает на долю этим спекулянтам; они проделывают это годами, и счет идет на миллионы...

Таким образом, английское правительство благодаря такой игре вымело деньги не только тех, кто хотел этих бумаг, но даже все деньги тех, *кто вовсе к этому не стремился*».

И далее:

«...Обращение, которое создает такая игра, огромно, и просто невозможно представить, насколько она облегчает возможность в любой момент сбыть с рук эти ценные бумаги, причем на весьма значительную сумму. Именно той легкости, с которой частные лица избавляются от этих фондов, Англия, например, обязана столь же легкой возможностью делать огромные займы».

Не следует забывать о тенденции нивелирования и унифицирования ценных бумаг, благодаря которым спекуляция, вне всякого сомнения, выступает как фактор образования рынка, так как она, конечно же, облегчает смену владельца той или иной ценной бумаги, действие которой воспринимается в контексте какого-либо конкретного срока: я имею в виду процентные ставки, день уплаты процентов, погашение какой-либо отдельной кассой и т. д. (206).

Наконец, надо обратить внимание на следующий факт: то, что называют «профессиональной спекуляцией», на самом деле заслуживает такого наименования лишь отчасти. Та тысяча или две тысячи человек, которые на больших биржах занимаются, как говорят, профессиональной «спекуляцией», на самом деле (строго говоря)

заняты профессиональной торговлей ценными бумагами, то есть заключают как реальные сделки, так и сделки на разницу, и в каком-то смысле заменяют дилера Лондонской биржи. Таким образом, джоббер заключает оба вида сделок, и в результате можно выделить следующие категории биржевой торговли:

1) реальные сделки, заключенные по случаю (сделки с теми, кто хочет вложить реальные деньги, или с их представителями);

2) спекулятивные сделки, заключенные по случаю (спекуляция «непрофессиональных» спекулянтов, которая является спекуляцией как «инсайдеров» [большая спекуляция], так и «аутсайдеров»);

3) профессиональная торговля, предполагающая реальную сделку;

4) профессиональная спекулятивная торговля (последние два варианта — профессия «джобберов»).

Если мы захотим проследить развитие «биржи», нам придется отметить (не учитывая постепенное образование внешней организации) два момента:

1) развитие профессиональной торговли ценными бумагами (фондами);

2) развитие спекулятивной техники (техники срочных сделок).

С этими двумя направлениями развития соседствуют или вливаются в них все прочие, которые вместе с ними образуют «биржу».

До сих пор у нас не написано основательной истории развития биржи, и этот факт заслуживает большого сожаления. По этой причине (поскольку я, конечно же, не могу даже в какой-то мере заполнить имеющиеся здесь огромные пробелы) мне придется (дабы, так сказать, наложить хотя бы пару заплат) слегка обрисовать тот задний план и смысловой фон, на котором как можно четче обозначаются затрагиваемые мною основные моменты (я имею в виду роль евреев в формировании фондовой

биржи; товарной биржи в силу недостатка материала я пока не касаюсь).

История формирования биржи распадается на два больших периода: с начала XVI в. и приблизительно до начала XIX в. (период внутреннего роста, когда развиваются все слагаемые биржи, хотя она сама еще не представляет собой органической составной части экономики) и с начала XIX в. и до сегодняшнего дня (период, когда постепенно вся экономика проникается духом биржи).

Мы сосредоточим свое внимание главным образом на первом периоде, то есть на периоде интенсивного развития, тихого созревания.

Сегодня, наверное, можно с уверенностью сказать, что *истоки современной фондовой биржи надо искать в торговле векселями* или, говоря более конкретно, в объединении торговцев этими бумагами: те места, где в XVI и особенно в XVII вв. возникают первые известные биржи, прежде являлись средоточиями оживленной торговли векселями (207).

Однако не вызывает сомнения и тот факт, что в эпоху формирования бирж на вексельном рынке почти безраздельно господствовали евреи. В XVI—XVII вв. и в какой-то мере даже позднее во многих регионах сделки по векселям считались сферой их деятельности.

Если, например, обратиться к Венеции XVI в., то, в другой связи, я уже приводил доказательства на этот счет (208).

В Амстердаме евреи занимают ведущие позиции в торговле векселями и золотом и, хотя совершенно однозначные упоминания о них относятся лишь к концу XVII в. (209), вполне можно предположить, что они там появились раньше.

В XVII в. Франкфурт-на-Майне становится как бы филиалом Амстердама. Уже в XVI в. Стефан пишет о евреях, которые «не столько украшали [ярмарку], сколько были ей в пользу, особенно в сделках по векселям» (210). В 1685 г. христианские купцы Франкфурта сетовали на то, что евреи прибрали к рукам все сделки по векселям и

маклерство (211). Мы знаем о том, что друзья *Глюкель фон Гамельн* осуществляли «торговлю векселями и прочими бумагами, как это принято у евреев» (212).

Евреи положили начало банковскому делу и вексельной торговле и в Гамбурге. В 1733 г. в заключении Гамбургского магистрата о роли евреев в торговле векселями говорилось о том, что они «почти все» оказались «умельцами», которые «превзошли наших» (213). Даже к концу XVIII в. в Гамбурге регулярно торговали векселями почти одни евреи.

Что касается других немецких городов, то на этот счет мы имеем недвусмысленное сообщение о том, что, например, в городе Фюрте в течение XVIII в. «почти вся [торговля векселями] находилась в их руках» (214).

О ситуации в Вене, в которой, как известно, к концу XVIII в. начала работать серьезная биржа, государственный канцлер Людвиг (эпохи правления Леопольда I) сообщает следующее: «Особенно в Вене от действий и веры евреев нередко зависят важные дела. Они превзошли всех прочих на рынке как менялы и торговцы» (215).

О евреях из Бордо говорится, что «их основное занятие — покупка векселей и поставка в королевство золота и серебра» (216).

О том, что в начале XIX в. в Стокгольме евреи занимали главенствующее положение на вексельном рынке, мы узнаем из заключения, данного депутатом Вегелином (1815 год) (217).

Занимая ведущие позиции в торговле векселями, евреи стали основателями современной торговли ценными бумагами, и здесь мы должны констатировать еще один, гораздо более важный факт: их своеобразие сказалось на бирже и биржевой торговле, и произошло это потому, что они положили начало «срочным сделкам», выработали правила биржевой торговли и, если угодно, стали зачинателями биржевой спекуляции.

Сейчас мы не можем с полной уверенностью сказать, когда именно началась *спекуляция ценными бумагами*. Представителям «итальянской» школы хотелось бы, чтобы такое явление современной экономической жизни

впервые заявило о себе в Италии. Согласно *Сивекингу* уже в XIII или (самое позднее) в XIV в. в Генуе достигли самого широкого развития все виды биржевой спекуляции. Он пишет о том, что «какие-то доли государственного долга отчуждались... Плавающий курс приводил к оживленной торговле кредитными паями, что можно наблюдать уже в XIII в. в Генуе. На основании постановлений генуэзского коммерческого суда и материалов из Венеции можно говорить о том, что здесь было заключено около тысячи четырехсот сделок, которые по своей форме были похожи на срочные сделки и сделки на разницу» (218). Однако исходя из всего того, что он сам сообщает нам о материалах упомянутых постановлений, такой вывод сделать нельзя (219). В крайнем случае можно отыскать какие-то следы сделок на разницу, которые могли совершаться в Венеции в XV в., так как уже в 1421 г. там запрещают торговлю банкнотами. Однако те примеры, которыми мы располагаем относительно обращения этих бумаг в Генуе и которые наверняка относятся к XIII в., а также, на мой взгляд, и к XV в., не свидетельствуют о «спекулятивном» характере сделок, даже если мы понимаем слово «спекуляция» в самом широком смысле. В данном случае мы имеем дело с действительными сделками, которые заключались частными лицами, а не профессиональными биржевыми маклерами.

Если мы не хотим впасть в полное заблуждение, если не хотим, чтобы случайные явления, возникающие то здесь, то там, сбили нас с толку, мы всегда должны принимать во внимание общий настрой, общее экономическое настроение. Мы видим, что в XVI в. все, что напоминало продажу бланковых векселей, самым решительным образом осуждалось и отвергалось, и на этот счет не было разногласий ни в консервативно настроенных кругах, ни в правительстве, ни среди самых передовых по тому времени людей, каковым был, например *Серавия делла Калле*, который писал, что «самой коварной сделкой оказывается та, когда что-то продают, еще не успев это купить» (220).

Исходя из сказанного, я считаю, что на данный момент нам надо удовольствоваться выводом Эренберга, кото-

рый считает, что хотя сделка на срок появилась уже в XVI в., она нигде не упоминается как основное орудие спекуляции (221).

Итак, не в XIII в. и не в Генуе, а в XVII в. в Амстердаме надо искать начало современной биржевой спекуляции. Есть достаточные основания считать, что биржевая спекуляция начала осуществляться на акциях Ост-Индской компании.

Огромное количество одинаковых бумаг, внезапно появившихся в обращении, широко распространившаяся страсть к игре, высокие проценты, которые с самого начала связывались с этим предприятием, нестабильная прибыль и обусловленные этим колебания в настроении и неопределенность решений, — все это, по всей вероятности, способствовало тому, что на хорошо подготовленной почве Амстердамской биржи спекуляция акциями быстро расцвела буйным цветом (222). За какие-то восемь лет она распространилась так широко, что власти стали воспринимать ее как явное зло, как нарушение общественного порядка, которому надо было положить конец на законодательном уровне: постановлением Генеральных Штатов от 26 февраля 1610 г. запрещалось продавать акций больше, чем их было в реальном наличии (надо сказать, что такие запреты в дальнейшем издавались не раз (в 1621, 1623, 1677, 1700 гг.), но каких-либо существенных последствий не имели).

Задавшись вопросом о том, *кто именно* спекулировал акциями, мы увидим, что это делал каждый, у кого были деньги, и прежде всего богатые посетители биржи без каких-либо вероисповедных различий.

Однако несмотря на это, можно предположить, что в развитии первой биржевой спекуляции главную роль сыграли евреи. Повидимому, самая специфическая их деятельность заключалась в том, что, с одной стороны, они наладили профессиональную торговлю ценными бумагами, а с другой — выработали правила заключения срочной сделки. Мы располагаем некоторыми свидетельствами, однозначно подтверждающими правильность такого предположения. К концу XVIII в. все сходились на

том, что торговлю ценными бумагами «изобрели» евреи (223). Этому, конечно, нет никаких доказательств, однако такую точку зрения, получившую повсеместное распространение (даже если она возникла и в более поздние времена), нельзя сразу же отбрасывать, тем более что в ее пользу говорят и другие свидетельства. Прежде всего данная точка зрения говорит о том, что евреев считали больше всего способными к такому «изобретению». Как бы там ни было, но в ту эпоху они принимали главное участие в такой деятельности, и это подтверждается другими источниками. О том, что это произошло даже гораздо раньше (а именно во второй половине XVII в., что само по себе имеет важное значение), свидетельствует уже упоминавшийся Ник. ван Холи. Мы можем с уверенностью говорить и о том, что евреи принимали самое деятельное участие в скупке акций обеих индийских компаний. Относительно Ост-Индской компании у нас есть достоверные свидетельства де Пинто (224), а что касается Вест-Индской компании, акции которой привели к возникновению еще более дикой биржевой лихорадки, то здесь мы имеем письмо директоров компании, в котором говорится о том, что евреев надо допустить в Новый Амстердам, «так как они располагают большим капиталом, который вложили в акции этой компании» (225). Наконец, относительно обеих компаний вместе говорит послание Манассии бен Израиля к Кромвелю, в котором автор отмечает, что «у евреев немалая доля [в голландской] Ост-Индской и Вест-Индской компании» (226).

Однако особое значение я придаю одной книге, которая появилась в Амстердаме в конце XVII в., принадлежала перу одного португальского еврея и впервые подробно освещала все вопросы биржевой торговли во всех ее областях, причем освещала настолько хорошо, что, как уверяет нас один знаток этого дела, «по сей день по форме и содержанию она представляет собой самое лучшее ознакомление с тем, что происходит на фондовой бирже». Я имею в виду *Иосифа де ла Вега* и его книгу, появившуюся в 1688 г. (227). Эта книга говорит о том, что первым «теоретиком» срочной сделки был еврей. Де ла Вега

сам был торговцем, и в своей книге он описывает атмосферу, в которой жил и действовал. Если мы рассмотрим это художественное произведение в контексте всего того, что нам известно о деятельности евреев на Амстердамской бирже (начиная с торговли векселями), если примем во внимание все, что в XVIII в. повсюду говорилось об их роли в формировании торговли акциями, нам станет ясно, что общий вывод должен звучать в той смысловой тональности, которая была намечена выше, и, по меньшей мере, говорить о том, что в становлении современной биржевой торговли евреи сыграли решающую роль, если вообще не стали ее основоположниками.

Если кто-то усомнится в правильности такого вывода, я присовокуплю к перечисленным косвенным доказательствам прямое свидетельство очевидца, о котором я узнал позднее (благодаря сообщению моего парижского друга Андре Сайю).

Мы располагаем документом 1698 г., который, вероятно, принадлежит одному французскому послу в Гааге и в котором он четко и ясно пишет своему правительству о том, что евреи сосредоточили в своих руках биржевую торговлю ценными бумагами и ведут ее *в соответствии со своими представлениями на этот счет*. Приведем самое важное место из этого послания: «В этом государстве [Голландии] евреи играют большую роль, и благодаря прогнозам этих так называемых политических спекулянтов, которые сами нередко пребывают в неуверенности, цены на акции колеблются так сильно, что сделки заключаются по несколько раз на дню, причем назвать их можно не столько сделками, сколько игрой или заключением пари, тем более что евреи, создающие такую атмосферу, прибегают к уловкам, на которые попадают даже самые порядочные люди».

«... Их еврейские маклеры и агенты являют собой самых искусных в этом роде людей, которые только есть на земле». «Что касается векселей и акций, то у них их всегда в достатке» (228).

Автор, знакомый со всеми тайными биржевыми уловками, очень подробно сообщает о том, почему евреям уда-

лось занять господствующее положение на бирже Амстердама, но об этом я поговорю в другой связи.

Положение на Амстердамской бирже становится еще более понятным, если мы проследим, как развивались в ту эпоху другие биржи.

Прежде всего обратим свой взор на Лондон, который в XVIII в. затмил Амстердам и, как известно, создал одну из первых бирж. В Лондоне влияние евреев на торговлю ценными бумагами ощущалось, вероятно, еще сильнее, чем в Амстердаме, и, кроме того, можно с некоторой уверенностью предположить, что благоприятные условия для биржевых спекуляций, сложившиеся в Лондоне к концу XVII в., возникли в результате деятельности амстердамских евреев, которые в ту пору переселялись в столицу Великобритании. Таким образом, история становления Лондонской биржи является еще одним подтверждением того, что начало профессиональной торговли на бирже в Амстердаме, в основном, было положено евреями. К той поре они, очевидно, настолько преуспели в таких делах, что вполне могли стать наставниками в этой весьма важной сфере торговой деятельности.

Рассмотрим некоторые этапы развития Лондонской биржи, в ходе которых евреям удалось занять ведущее положение на ней.

В 1657 г. Соломон Дормидо еще был вынужден ходатайствовать о том, чтобы попасть на Королевскую Лондонскую биржу, так как официально доступ туда евреям был закрыт. Тем не менее закон о недопущении, по-видимому, бы целиком и полностью предан забвению, во всяком случае, мы видим, что к концу XVII в. биржа (которую с 1698 г. называют *Change Alley*) уже полна евреями. Их число так велико, что определенную часть здания прямо называют «еврейской галереей». Как пишет один современник, «биржа кишит евреями» (229). Можем ли мы сказать, что переход на фондовую биржу был связан с тем, что число евреев на товарной бирже постоянно росло и отношение к ним было самое неприязненное? Как бы там ни было, но именно с этим «исходом» связано начало фондовой спекуляции в Англии (230).

Но откуда взялся такой неожиданный преизбыток евреев? Мы точно знаем, откуда он взялся. Все началось с тех пор, когда в свите Вильгельма II множество евреев переехало из Амстердама в Англию. Мы уже упоминали о том, что вместе с собой они принесли в Лондон хорошо отлаженную технику биржевой торговли. Об этом пишет *Джон Френсис*, и его повествование подтверждается многочисленными свидетельствами, которые в Новое время были представлены иудаистами.

Биржа появляется как Минерва, то есть уже в почти законченном виде. Главными посредниками в деле оформления первых английских кредитов были евреи. Они помогали советами Вильгельму III, а один из них, богатый банкир Медина, ежегодно платил ему 6000 фунтов стерлингов, получая взамен свежую информацию о ходе военной кампании. Для Медины день победы английской армии стал днем получения прибыли, для английского оружия — днем славы. Приемы игры на повышение и понижение, ложные сообщения с поля битвы, мнимые курьеры, тайные биржевые котировки, тайный механизм работы золотого тельца, — все это было хорошо известно пионерам биржи и сполна ими использовалось.

Кроме сэра Соломона Медины (или «еврея Медины», как его называли), которого можно считать основателем фондовой биржевой спекуляции в Англии, мы можем назвать целый ряд имен других еврейских дельцов эпохи королевы Анны, которые мощно спекулировали на бирже. Нам, например, известно, что Манасия Лопес приобрел целое состояние благодаря тому, что умело использовал панику (возникшую в связи с ложными слухами о смерти королевы) и скупил все правительственные бумаги, быстро упавшие в цене. Кроме того, мы знаем о том, что в более позднее время на бирже действовал Самсон Гидеон, звавшийся «великим брокером-евреем» среди «язычников» (231). Для того чтобы представить, сколь сильными в финансовом отношении были евреи тогдашнего Лондона, вспомним о том, что в начале XVIII в. около ста еврейских семей имели годовой доход 1000–2000 фунтов стерлингов, около тысячи — 300 фунтов

стерлингов (Пичотто). Некоторые евреи (Мендес да Коста, Моисей Харт, Аарон Франкс, барон Дагиляр, Моисей Лопес Перейра, Моисей или Антон да Коста, в конце XVII в. занимавший пост главы Банка Англии) принадлежали к числу богатейших лондонских торговцев.

Однако событием, которое, на мой взгляд, по своему значению превосходит создание крупной биржевой спекуляции, заправлявшейся крупными финансовыми дельцами, я считаю тот факт, что на Лондонской бирже евреи положили начало профессиональной торговле ценными бумагами и так называемой «профессиональной спекуляции». Оба эти явления впервые заявляют о себе в первой половине XVIII в. и, по всей вероятности, их зачинателями стали брокеры. Таким образом, брокер породил своего яростного противника — джоббера.

До сих пор, насколько я знаю, на этот процесс не обращали внимания, однако его можно прекрасно проследить по материалам, написанным в ту эпоху.

Мы располагаем свидетельствами весьма надежного автора, который в частности пишет: «Биржевой джоббинг... поначалу представлял собой простую сделку, возникшую по случаю передачи процентов и акций от одного человека к другому по мере того, как кто-то из них отчуждал то, чем он располагал, *однако благодаря ревнию биржевых брокеров, которые взяли это дело в свои руки, оно превратилось в торговлю*, причем в такую, которая велась с максимальной интригой, хитростью и уловками, скрывавшимися под личиной добропорядочности; брокеры постоянно меняли участников, понижали и повышали стоимость акций так, как им было это угодно, и всегда имели под рукой продавцов и покупателей, которые были готовы отдать свои деньги, поверив их корыстным разговорам» (232).

Из других источников мы знаем о том, что среди брокеров было немало евреев. Уже в 1697 г. на Лондонской бирже из общего числа брокеров, насчитывавших сто человек, двадцать человек приходилось на чужаков и евреев. Можно предположить, что в последующие десятилетия их число только увеличилось. Согласно Джону Френсису

«евреи стекались на биржу со всех уголков земли». От одного весьма добросовестного наблюдателя, оказавшегося там в тридцатые годы (то есть после того, как со времени вторжения евреев на биржу истек срок, равный человеческой жизни), мы узнаем о том, что брокеров-евреев оказалось слишком много, работы на всех не хватало, и такая ситуация привела к тому, что более половины из них поневоле начали заниматься профессиональной торговлей ценными бумагами, то есть из брокеров превратились в джобберов. Согласно нашему автору переизбыток брокеров привел к тому, что «почти половина евреев-брокеров стала джобберами» (233). Он же сообщает о том, что в тогдашнем Лондоне проживало уже 6000 евреев.

Превращение маклеров в джобберов, которое применительно к Лондонской бирже можно довольно основательно проследить по имеющимся свидетельствам современников, не ограничивалось одним только Лондоном. Такой же процесс совершался и во Франкфурте-на-Майне, во всяком случае мы знаем о том, что там к концу XVII в. евреи сначала сосредоточили в своих руках всю маклерскую деятельность (234), а потом, используя сложившееся положение, по всей вероятности, начали играть главную роль в профессиональной торговле ценными бумагами (и тем самым связанной с нею «профессиональной спекуляцией»).

Что касается Гамбурга, то там уже в 1617 г. действовали четыре еврея из Португалии, а позднее — двадцать (235).

Если мы вспомним о том, что согласно общему мнению евреи положили начало арбитражным сделкам на Лондонской бирже (236), что с конца XVIII в. они, прежде всего в Лондоне, принимали самое деятельное участие в обсуждаемом здесь грандиозном развитии биржевой спекуляции ценными бумагами, нам придется согласиться с тем выводом, к которому на основании обстоятельных изысканий пришел один известный исследователь: став сегодня средоточием мирового денежного обращения, Лондон прежде всего добился этого благодаря евреям (237).

Все прочие фондовые биржи эпохи раннего капитализма сильно уступают биржам Амстердама и Лондона. Даже в Париже оживленная финансовая жизнь начинается только в конце XVIII в., а первые следы спекуляции ценными бумагами, или ажиотажа, как это называется во Франции, мы обнаруживаем лишь в начале этого столетия. Ранке считает, что слово *agioteur* впервые было употреблено в письме Э. Шарлотты от 18 января 1711 г. (238). Автор письма считает, что появление этого слова связано с *billets de monnaie*, поскольку раньше об этом совершенно ничего не знали. Период, связанный с деятельностью *Джона Ло*, вероятно, не оставил никаких серьезных последствий, так как еще в тридцатых годах чувствовалось, сколь сильно Франция отстает от своих капиталистически развитых или, по меньшей мере, уже довольно сильно занятых биржевой торговлей соседей: Голландии и Англии. Мелон говорит по этому поводу следующее: «Обращение ценных бумаг составляет одно из главных богатств наших соседей; банки, аннуитеты, акции, — все у них обращено к торговле» (239). Следовательно, можно предположить, что во Франции до этого еще не дошло. В указе от 7 августа 1785 г. читаем: «Король уведомлен о том, что уже какое-то время в столице действует некий рынок...» и так далее. Речь в данном случае идет о срочных сделках с ценными бумагами.

Низкое развитие биржевой торговли во Франции XVIII в. ясно свидетельствует о том, что в ту эпоху евреи играли сравнительно незначительную роль во французской экономической жизни и прежде всего в экономике Парижа. Это происходило потому, что те места, где они все-таки играли какую-то роль (например, Лион и Бордо), не были приспособлены для того, чтобы стать очагом возникновения фондовой торговли. Лион, правда, в XVI в. пережил период короткого расцвета, причины которого еще недостаточно выяснены, во время которого он стал средоточием оживленного обращения ценных бумаг, но все это не имело никаких существенных последствий (240).

Однако и тем немногим, что в XVIII в. в Париже напоминало биржевую спекуляцию и профессиональную тор-

говлю ценными бумагами, он обязан евреям. Местом этой спекуляции, где разыгрался первый ажиотаж, связанный с упомянутыми *billets de monnaie*, была (и еще долгое время оставалась) *Rue Quincampoix*, позднее ставшая весьма известной через аферу Джона Ло. На этой улице, как сообщает один автор, жило «много евреев» (241). Человеком, с именем которого по праву связывают первую спекуляцию ценными бумагами, великим мастером ажиотажа (до Джона Ло) был *Самуил Бернард*, известный финансист Людовика XIV. По его имени («бернардинки») называли обесценившиеся впоследствии банкноты (242). Что касается уже упомянутого Джона Ло, то, помимо своих бредовых идей, все свои познания в области ведения биржевых дел он приобрел в Амстердаме (243). Говорят, что он был евреем (Ло = Леви) (244), однако я не берусь это утверждать. Быть может, это и так, по крайней мере, его отец, как известно, был ювелиром и банкиром. Он принадлежал к протестантскому исповеданию, однако это еще ни о чем не говорит. Внешне он был похож на еврея, что можно видеть на его портрете (например, на портрете немецкого издания его книги «Мысли о товарно-денежной торговле», вышедшей в 1720 г.). Он отличался редким сочетанием авантюризма и властолюбия.

В Германии XVII—XVIII вв. какое-то развитие получили только биржи *Франкфурта-на-Майне* и *Гамбурга*, то есть те места, которые по преимуществу были наводнены евреями. В другой связи мы уже показали, насколько ясно прослеживается здесь их влияние.

Надо сказать, что и *Берлинская биржа* с самого начала предстает как еврейское учреждение. Уже в начале XIX в., до того, как евреи получили свободу в 1812 г., они начали заявлять о себе в числовом отношении: из четырех «биржевых старшин» два (!) были евреями. Что касается биржевого комитета, то он выглядел так:

- а) биржевые старшины — 4;
- б) старшины обеих гильдий — 10;
- в) представитель корабельщиков Эльбы — 1;
- г) представители еврейских торговых кругов — 8;

Итак, мы видим, что из двадцати трех членов биржевого комитета десять — евреи, признанные таковыми, так сказать, официально. Можно только догадываться о том, сколько человек были крещеными или тайными евреями.

На Берлинской бирже евреи тоже занимали сильные позиции в маклерстве: из шести официально признанных биржевых маклеров трое были евреями (из двоих маклеров, занимавшихся поставками сукна и шелка, один был евреем, каковым являлся и его заместитель, и, таким образом, из общего числа, равного трем, двое принадлежали к иудейскому исповеданию) (245).

В XVIII в. в Германии торговля ценными бумагами и спекуляция ими совершались только в Гамбурге и во Франкфурте-на-Майне. Мы знаем, что уже в начале этого столетия в Гамбурге торговля акциями была запрещена. В постановлении Гамбургского совета от 19 июля 1720 г. мы читаем: «И посему совет глубоко озабочен и встревожен тем, как некоторые частные лица под прикрытием страховых компаний начали самовольно создавать условия для торговли акциями и торговать ими; из этого могут произтечь весьма опасные и в высшей степени вредные последствия как для всего общества, так и для упомянутых частных лиц...». В Гамбургском каталоге монет и медалей (1753 г.), на странице 143 (№ 4) представлена памятная медаль, выбитая в честь торговли акциями. В предисловии к своей «*Justitia selecta Gent. Eur. in Cambiis*» *Раумбургер* сетует на «весьма скверную и пагубную торговлю ценными бумагами и акциями».

Можем ли мы сказать, что начало этой торговле было положено евреями? По меньшей мере на основании упомянутого указа можно предположить, что толчок торговле акциями давали страховые компании, а в Гамбурге, например, морскими страховками заправляли в основном евреи (246). В остальном упомянутые нами свидетельства о биржевой торговле в Гамбурге дают не слишком много материала и не сообщают ничего однозначного и конкретного; что касается Франкфурта, то здесь нам тоже остается довольствоваться одними предположениями.

ми. На первый совершенно надежный след такой торговли мы наталкиваемся в Аугсбурге (1817 г.). Перед нами заключение тамошнего вексельного суда от 14 февраля 1817 г., который отклонил жалобу по поводу оплаты сделки на разницу, мотивировав свое решение тем, что такие сделки представляют собой «азартную игру». Речь шла о курсовой разнице в 17 630 флоринов, которая получилась в результате покупки лотерейных билетов на сумму в 90 000 флоринов. Интересно, что истцом выступил некто Гейман, а в качестве ответчика предстал некто Ульман! Этот случай можно назвать первым официально засвидетельствованным случаем спекуляции ценными бумагами в Германии (247).

Таким образом, мы оказываемся в той эпохе, которую я по сравнению с предыдущей называю *новым периодом биржевой спекуляции*. Чем он характеризуется? Что наделяет его тем своеобразием, которое мы связываем с пугающим словом «современность»?

Сегодня биржа воспринимается совсем по-иному, чем сто лет назад, и это очень хорошо видно из различия в оценках, которые мы обнаруживаем в авторитетных кругах той эпохи и настоящего времени.

До середины XVIII в. и далее даже в кругах, заинтересованных в капиталистическом развитии экономики, ничего не хотели знать о спекуляции на фондовом рынке. В больших английских, французских, итальянских и немецких торговых словарях и терминологических справочниках, посвященных торговле и изданных во второй половине XVIII в., о торговле и спекуляции фондами или вообще ничего не упоминается, или (если уж об это заходит речь) выражается крайнее возмущение такой неслыханной практикой. В XVIII в. даже солидные торговцы отзывались о спекуляции на бирже так, как сегодня о ней отзываются мелкий буржуа или аграрий. Когда в 1733 г. в английском парламенте обсуждался законопроект, предложенный Джоном Бернардом, все были возмущены «бесчестной практикой биржевых джобберов». Спустя какое-то время к таким же сильным выражениям прибегает один автор, рассуждающий о «тех об-

манщиках, которых мы называем биржевыми брокерами». Он говорит о том, что деятельность биржевых джобберов вызывает «общественное недовольство» и «позорит нацию» (248).

Неудивительно, что при таком всеобщем осуждении фондовой спекуляции на протяжении всего XVIII в. все законодательства запрещали ее самым строжайшим образом.

Однако недовольство «биржей» было более глубоким и простиралось до самих основ, на которых она держалась: недовольство вызывали сами фондовые бумаги как таковые. Здесь, конечно, государственная власть становилась на сторону тех, кто их защищал, однако власть и джобберы чувствовали себя в полном одиночестве по отношению к той сплоченной массе всех остальных людей, которая и выносила такое отрицательное суждение (за исключением некоторых частных лиц, охотно скупавших долговые обязательства). Государственный долг воспринимался как нечто постыдное, на что государству не следует идти. Лучшие умы воспринимали непрерывную государственную задолженность как тяжелейшее зло, которое надо устранить всеми имеющимися средствами. В этом отношении практики и теоретики были едины. В торговых кругах самым серьезным образом размышляли о том, как можно кассировать государственный долг, и задавались вопросом, не следует ли стремиться к добровольному банкротству государства как к его последнему спасению. И все это происходит в Англии во второй половине XVIII в.! (249). *Давид Юм* называет государственные займы «безусловно губительной практикой» (250), а *Адам Смит*, как известно, употребляет самые сильные слова, выражая свое недовольство тем, что задолженность государства постоянно растет. У него мы читаем о «губительной практике финансирования», о «пагубном средстве постоянного финансирования», которое «постепенно ослабляет всякое государство, к нему прибегающее», об увеличении и без того «огромных долгов, которые уже сейчас подавляют и в перспективе, наверное, погубят все большие европейские государства» (251).

Будучи зеркалом складывающейся ситуации во всех прочих отношениях, Адам Смит и здесь дает точное отображение того, как складывалась экономическая жизнь его эпохи. Ничто так не характеризует все своеобразие тогдашнего народного хозяйства (хозяйства эпохи раннего капитализма в противоположность нашему), как тот факт, что в величественном здании, каковым явилось экономическое учение Адама Смита, для ценных бумаг, биржи и биржевой торговли не нашлось, так сказать, даже каморки. Он построил целую систему национальной государственной экономики, в которой о бирже не было упомянуто ни единым словом!

Почти в то же самое время появляется книга (о которой, впрочем, знал и Адам Смит, не пожелавший упомянуть имени автора и просто по случаю сказавший, что, дескать, «один автор» дерзнул выразить свою сумасшедшую точку зрения), в которой речь идет только о кредите и его выгодных сторонах, о бирже и ее роли в экономике, книга, которую по праву можно назвать славословием государственной кредитной политики и торговли ценными бумагами, книга, которая настолько была обращена в будущее, насколько трактат Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» был (как теория) обращен в прошлое. Я, конечно же, имею в виду «Трактат о кредите и обращении» португальского еврея *Иосифа де Пинто*. В этой книге содержится и подробно разбирается все то, что потом, в XIX в. будет сказано в защиту государственного кредита (и вообще «объективации» кредитных отношений), а также в оправдание профессиональной торговли ценными бумагами, фондовой спекуляции и так далее. Подобно тому как Адам Смит своей системой завершает эпоху экономического развития, в которой биржа представлена слабо, Пинто своей теорией кредитования знаменует наступление новой эпохи, в которой спекуляция фондовыми бумагами становится средоточием экономики, а биржа — «сердцем экономического тела».

По мере того, как кредитование и биржа расширяют и углубляют свою деятельность, общественное мнение мед-

ленно, но неудержимо начинает склоняться в их пользу. Постепенно начинают появляться соответствующие законы, и когда наполеоновские войны подходят к концу, когда воцаряется долгожданный мир, биржа, уже не сдерживаемая тягостными оковами враждебного ей законодательства, быстро набирает силу.

Что реально изменилось в самой сути ценных бумаг и спекуляции ими? Что изменилось в действительном положении вещей (а не только в его «идеологическом» отображении) и каковы эти отличия, на основании которых мы можем говорить о наступлении новой эпохи в жизни биржи? И наконец (это, естественно, наш главный вопрос), как всему этому содействовали евреи?

Надо сказать, что сама технология заключения биржевых сделок не претерпела в Новое время каких-либо существенных изменений. Она обрела свою законченную форму уже в 1688 г., когда появилась книга, вышедшая из-под пера *de la Vexa*. Само собой разумеется, что со временем сложились какие-то дополнительные формы сделок, но и здесь, стремясь отыскать их зачинателей, мы встречаем евреев. Например, страховым сделкам во Франкфурте-на-Майне начало положил В. Вертхеймер, зачинателями сделок при фрахтовании судна и найме матросов тоже были евреи (в начале XIX в. для осуществления таких сделок в составе фирмы «*Promessen — Komité*» было организовано целое общество) (252).

Однако центр тяжести в происходящем развитии приходился не на увеличение числа каких-то новых сделок, а скорее на экстенсивное и интенсивное увеличение фондового обращения.

Мы знаем о том, как быстро с середины XVIII в. и еще быстрее — с начала XIX столетия, начало расти число государственных долговых обязательств, которое тем самым способствовало прямо пропорциональному (или даже большему) увеличению объема фондовой спекуляции. Во второй половине XVIII в. даже в Амстердаме и Лондоне спекуляция, так сказать, делала лишь пробные выстрелы, причем предпочтение отдавалось спекуляции акциями. Согласно достоверному свидетельству одного

из современников применительно к Амстердаму (и тем самым ко всей тогдашней бирже вообще) первый серьезный «удар» по государственным займам датируется 1763 г.: он сообщает о том, что до сих пор в основном спекулировали акциями, «но после последней войны все ринулись в бескрайний океан аннуитетов» (253). Еще в середине XVIII в. на Амстердамской бирже котировались лишь сорок четыре ценные бумаги, из них двадцать пять представляли собой государственные и местные облигации внутреннего займа и шесть — немецкие займы. К концу столетия число внутренних бумаг уже составляло восемьдесят, а немецких — тридцать (254). Но как быстро вырос фондовый рынок во время и после наполеоновских войн! Если к 1770 г. на Амстердамской бирже со времени ее открытия было заявлено заемов на сумму 250 млн гульденов, то за четырнадцать лет (1818–1832 гг.) один-единственный лондонский банкирский дом выпустил государственных долговых обязательств на сумму в 440 млн марок. Об этом знают все, но знают также и о том, что представлял собой этот «один-единственный» банкирский дом, который почти за десятилетие смог выбросить на рынок ценных бумаг на сумму в полмиллиарда марок. Упомянув об этом банке и четырех его филиалах, я провожу связь между нашим общим рассмотрением фондового развития и тем специальным вопросом, который мы подняли.

Расширение рынка ценных бумаг с 1800 по 1850 г. означает *расширение сферы влияния дома Ротшильдов* и всего, что с ним связано, так как это имя означает нечто большее, чем ту фирму, которая его носит. Оно означает все еврейство, занятое на бирже, поскольку именно с его помощью Ротшильды смогли превзойти всех остальных или, точнее говоря, занять главенствующую позицию на фондовой бирже, которую они, как мы видим, удерживают все это время. Когда в обществе ходили слухи о том, что министру финансов, отошедшему от этого всемирного банкирского дома и не пожелавшему более иметь с ним дела, непременно придется подать в отставку, то в этом не было никакого преувеличения. В середине XIX в. говори-

ли, что «в Европе существует только одна власть и эта власть — Ротшильд; его приспешники — дюжина других банкирских домов, его солдаты и оруженосцы — все честные торговцы и работники, его меч — спекуляция» (А. Вейль). Хорошо известны многие остроумные замечания Генриха Гейне о Ротшильдах, и в них лучше, чем в бесконечных цифрах отражается вся своеобразная значимость этого редкостного феномена. «По сути, господин Ротшильд являет собой самый лучший политический барометр, не хочу сказать „флюгер“, поскольку это слово звучит не слишком уважительно». «Этот частный кабинет на самом деле является диковинным местом, пробуждающим возвышенные мысли и чувства, как при созерцании мирового океана или звездного неба: ясно видишь, сколь мал человек и сколь велик Бог».

Я вовсе не собираюсь писать здесь историю Ротшильдов, пусть даже в общих чертах: каждый может легко узнать о всемирно-историческом значении этого дома из литературы о нем, отчасти довольно хорошей и в любом случае весьма обширной (255). Я бы просто хотел обратить внимание на пару весьма характерных особенностей, которыми Ротшильды наделили биржу и обращение ценных бумаг на ней, обратить внимание для того, чтобы лишний раз показать, что не только в количественном, но и в качественном отношении современная биржа — это биржа Ротшильда, то есть еврейская.

Первой отличительной особенностью, характеризующей биржу со времен появления на ней Ротшильдов, является ее международный характер. Ее интернационализм (и это не требует каких-либо особых доказательств) представляет собой необходимое условие значительного расширения сферы обращения ценных бумаг, которые нуждаются в централизованном учреждении, в мировой бирже, куда стекались бы «капиталы» со всех уголков земли. То, что сегодня нам кажется вполне естественным, а именно интернациональный характер кредитного обращения, в начале XIX в. вызывало крайнее изумление, если такое на самом деле случалось. Когда в 1808 г. во время войны Англии с Испанией Ротшильд оплатил

расходы на содержание британской армии в самой Испании, это было воспринято как нечто неслыханное и весьма способствовало упрочению и росту его авторитета и влияния. До 1798 г. существовал один дочерний банкирский дом во Франкфурте, однако, как известно, в 1798 г. сын старого Майера Амшеля основал филиал в Лондоне, в 1812 г. — в Париже, в 1816 — в Вене, в 1820 г. — в Неаполе. Таким образом, появилась возможность размещать займы других стран как внутренние, и население привыкло вкладывать свои деньги и в чужие ценные бумаги, так как проценты и дивиденды оно получало у себя дома в своей валюте. Один писатель начала XIX в. как о чем-то крайне важном и имеющем далеко идущие последствия сообщает о том, что «каждый обладатель государственного ценных бумаг может... без каких-либо затруднений получать проценты там, где это ему удобно: банкирский дом Ротшильда во Франкфурте выплачивает проценты применительно к нескольким правительствам, парижский банкирский дом Ротшильда платит проценты австрийских металлургических предприятий, неаполитанскую ренту, а также проценты по англо-неаполитанским облигациям в Лондоне, Неаполе или Париже — по желанию клиента» (256).

Круг заимодавцев расширяется, и Ротшильды стремятся к тому, чтобы выкачать из населения последние деньги, где бы таковые ни находились. Они добиваются этого благодаря искусному использованию биржи в эмиссионных целях.

На основании всего того, что мы узнаем из воспоминаний современников (257), можно предположить, что выпуск австрийских билетов Ротшильдами в 1820–1821 гг. явил собой целую эпоху как в практике кредитования, так и в обращении ценных бумаг на бирже. Впервые были пущены в ход все пружины самой дикой фондовой спекуляции, призванные к тому, чтобы создать «настроение» в пользу этих бумаг, и этим займом датируется (по крайней мере на материке) начало спекуляции ценными бумагами; «их появление можно рассматривать как сигнал к началу оживленной и широ-

кой торговли государственными ценными бумагами» (Бендер).

Итак, «создать настроение». Отныне это станет лозунгом, который завладеет всей биржей. Для того чтобы создать это настроение, постоянно (путем систематической купли—продажи) менялись котировки, менялись курсы ценных бумаг, к чему Ротшильды прибегали с самого начала своей эмиссии. «Для того чтобы осуществить эти манипуляции на бирже и вообще денежном рынке, они прибегали ко всевозможным средствам, пролагали всевозможные пути, прибегали ко всевозможным биржевым и прочим махинациям, приводили в действие всевозможные рычаги, жертвовали большими и малыми суммами денег» (258). Таким образом, Ротшильды создавали «ажитаж» в том конкретном смысле этого слова, как его понимают французы, и такого до сих пор не происходило ни с одним большим банком, тем более если дело касалось государственных займов. Итак, мы видим, что Ротшильды использовали средства, придуманные амстердамскими евреями, и путем создания определенного настроения оказывали искусственное воздействие на рынок, стремясь к новой цели: популяризации и удачному размещению ценных бумаг.

Однако мы только тогда поймем столь сильно изменившееся отношение банкира к бирже и общественности, когда вспомним, что в те времена, о которых идет речь (то есть в эпоху Ротшильдов), в коммерческой жизни произошла новая кристаллизация, возникла новая форма деятельности, новая форма сделки, утверждавшая самостоятельную форму экономической жизни и выдвигавшая новые, самостоятельные требования — эмиссия.

III. Возникновение ценных бумаг

Эмиссионная деятельность, которую мы здесь рассматриваем, ставила своей целью посредством выпуска ценных бумаг общественного займа, то есть путем самостоятельного производства этих бумаг добиться получения

прибыли, и поэтому она имеет крайне важное значение для дальнейшего развития экономики, так как в ней сокрыты мощные источники капиталистических сил. Отныне ценные бумаги (фонды) появляются не потому, что ощущается острая потребность в деньгах и кредитах: их выпуск становится содержанием собственно капиталистического предприятия, интересы которого, следовательно, теснейшим образом связаны с максимально широким производством этого товара. Если раньше просто ждали, когда же наконец появится человек, нуждающийся в деньгах, то теперь понуждают к тому, чтобы он появился. Посредник в предоставлении займа становится агрессивным, и в значительной мере именно он определяет, насколько интенсивно будут развиваться события. Это обстоятельство лишь в редких случаях проявляется отчетливо (например, в частных ссудных сделках). О том, как в своей основе выглядит внутренний механизм современной кредитной политики, мы узнаем тогда, когда речь заходит о том, чтобы обременить долгами малые государства. Мы знаем, что здесь проводятся прямо-таки розыскные мероприятия: «Теперь у нас есть богатые фирмы с широким организационным аппаратом, сотрудники которых не жалеют времени на то, чтобы рыскать по всему свету в поисках государств, нуждающихся в иностранных кредитах» (259).

Понятно, что с появлением такого новшества меняется отношение кредитного посредника и к бирже, и к населению. По отношению к ним он становится агрессивным совсем по-другому, уяснив, что теперь его деятельность в гораздо большей степени, чем раньше, заключается в размещении ценных бумаг, — раньше, когда такое проводилось лишь от случая к случаю.

У нас пока еще никто не написал хорошую, основательную *историю эмиссионной политики банков* и эмиссии как своего рода профессиональной деятельности. Когда такая деятельность началась, можно только догадываться, и, наверное, мы никогда не сможем с точностью это установить, так как она развивалась постепенно из случайного кредитного посредничества, которое само по себе

долгое время представляло собой нечто среднее между комиссионной деятельностью и самостоятельным торговым начинанием. По существу, развитие самостоятельной эмиссионной деятельности начинается в XVIII в., и здесь мы в любом случае можем выделить три этапа, которые понадобились для того, чтобы переход из одной формы в другую окончательно совершился.

На первом этапе этого развития какому-нибудь богатому банкирскому дому (или просто какому-нибудь авторитетному финансисту) доверяют размещение займа за определенную ставку комиссионных, доверяют тому банкирскому дому, который раньше, еще до биржевого способа помещения займа, сам непосредственно покрывал его (независимо от того, владел ли заимодавец необходимыми для этого средствами или частично доставал их у других; в последнем случае перед нами нечто похожее на заем в депозитном банке, но в то же время значительно отличающееся от современной формы заема). Такое мы наблюдаем в Австрии на протяжении всего XVIII в. «Большие займы, в основном зарубежные, осуществлялись по большей части через посредство какого-либо авторитетного банкирского дома или консорциума банков. Соответствующая фирма обеспечивала мобилизацию капитала путем государственной подписки, а также его доставку в финансовое управление, выплачивало причитающиеся проценты и соразмерные доли отдельным участникам, в случае необходимости с помощью собственных авансов на ассигнованные фонды, и выступала посредницей в разнице, касающейся заинтересованных лиц, — все это, разумеется, за соответствующие комиссионные» (260). Мы видим, что еще в шестидесятые годы XVIII в. на Венской бирже частные банки выступают по отношению к правительству только как комиссионеры: во время конвертации им «доверялось использование амортизационного фонда», из которого они должны были выкупить старые ценные бумаги, по возможности, на 1–1.5 % выше, чем тут же предлагавшиеся частные.

Однако приблизительно в это же время появляются и те, кто «торгует именно займами». В 1769 г. «итальян-

ские и нидерландские банкирские дома охотно взялись за мобилизацию займов» (261), и известное описание природы эмиссионного процесса, которое дает Адам Смит (В. V. Ch. 3), позволяет лучше понять суть этого явления. «В Англии... торговцы обычно представляют собой тех людей, которые дают деньги правительству, однако, поступая таким образом, они имеют в виду не уменьшение, а, напротив, увеличение своих торговых капиталов, и если бы они не надеялись с какой-то выгодой продать свои бумаги в подписке на новый заем, они никогда не подписались бы на него» (в то время как во Франции, по его мнению, богатые финансисты, как правило, напрямую выступают займодавцами). «*Несколько лет назад* в экономически важных регионах Европы образовались союзы главных банкиров, которые принимают участие в торгах на получение желанных для них займов» (262).

По-видимому, эмиссионные банки как таковые, то есть такие предприятия, основной деятельностью которых является эмиссия ценных бумаг общественного займа, образуются не из той массы банкиров, которые, как мы видим, в XVIII в. занимаются эмиссией, но как чем-то побочным. Скорее всего эмиссионные банки организуют люди, которые профессионально занимаются торговлей ценными бумагами, то есть дилеры. В конце XVIII в. монополия лондонских банкиров на эмиссию бумаг государственного займа нарушается вторжением конкурентов, пришедших с биржи. Здесь снова первый шаг делает *еврейский банк*, который тем самым кладет начало чисто биржевой эмиссии. Я имею в виду «Ротшильдов» XVIII в., которые в ту пору были властителями 'Change Alley, — Абрахама и Бенджамина Гольдсмидов. В 1792 г. они, будучи первыми членами биржи (Stock Exchange) (263), начинают конкурировать с банкирами в размещении нового займа и до самой смерти одного из братьев, а именно Абрахама, наступившей в 1810 г., безраздельно господствуют на рынке ссудного капитала. В данном случае мы, вероятно, имеем дело с первым настоящим эмиссионным домом, которому потом на смену пришел дом

Ротшильда. Наверное, это был первый дом, который осуществлял самостоятельную эмиссионную политику.

Однако мы знаем, что существовать за счет профессиональной эмиссии бумаг общественного займа могли только очень немногие большие фирмы. Операции с ценными бумагами, осмысляемыми как профессия, не получили бы широкого распространения, если бы ограничивались только изготовлением государственных долговых обязательств. Совершенно новое и притом довольно широкое поле деятельности открылось тогда, когда нашли средство и способ изготовлять ценные бумаги и для частных нужд. Здесь надеялись на то, что благодаря должному напору можно будет заполучить просто безмерное количество покупателей. Из этого стремления изготовителей ценных бумаг расширить рынок сбыта и возникают два принципиально важных для всей современной экономики начинания: грюндерские сделки и ипотека.

Грюндерская деятельность сводится к изготовлению акций и облигаций, предназначенных для продажи; такую деятельность осуществляют фирмы, «в открытую зарабатывающие деньги изготовлением в массовом порядке акций и прочих ценных бумаг, которые они потом навязывают населению» (Крамп). Вряд ли стоит говорить о том, какой натиск претерпевает экономическая жизнь. Отныне многочисленные и в какой-то мере важные предприятия вновь и вновь стремятся к тому, чтобы вливать новые капиталистические силы в новые и более масштабные начинания, нисколько не считаясь с таким стабилизирующим понятием, как потребность, и другими категориями. «Заявляет о себе та сила, которая с чрезмерной ростовщической плодотворностью порождает большие акционерные общества» (Книс).

Вряд ли стоит сомневаться в том, что в придании капитализму динамики, а именно в развитии грюндерства выдающуюся роль сыграли евреи, которые, быть может, вообще стали основоположниками этого начинания.

Первый этап грюндерской деятельности просматривается не совсем ясно. Насколько я знаю, первый четко обозначившийся момент в ее истории опять-таки связан с до-

мом Ротшильдов. По-видимому, всеобъемлющая грюндерская деятельность, приведшая к профессиональному «учредительству» и вообще сделавшая его возможным, впервые разворачивается в связи с началом строительства железных дорог, то есть с тридцатых годов XIX в., и здесь Ротшильды действительно оказались первыми (наряду с некоторыми другими еврейскими домами, например, Эйхталя, Фульда и др.), кто осуществлял это новое начинание и способствовал его расцвету.

Насколько я знаю, точные статистические данные, касающиеся этих начинаний, мы получаем только в той мере, в какой нам удастся проследить весь масштаб предполагаемых концессий или, в крайнем случае, величину инвестированного капитала, а не долю участия каких-либо грюндерских компаний. Тем не менее мы знаем, что Ротшильды «проложили» немало железнодорожных линий (французская и австрийская северные железные дороги, итальянско-австрийские дороги и многие другие).

На основании свидетельств, оставленных сведущими в этом деле современниками, мы приходим к выводу, что Ротшильды действительно были первыми «железнодорожными королями». В статье, вышедшей в 1843 г. в аугсбургской *Allgemeine Zeitung* (статье, на которую не раз обращали внимание и потом часто ссылались), мы читаем: «Когда в последние годы [то есть до 1843 г.] дух спекуляции объял промышленные предприятия и континент ощутил потребность в железных дорогах, Ротшильды захватили инициативу и оказались на высоте положения». Как бы там ни было, именно дом Ротшильда начал задавать тон в строительстве железных дорог, как раньше он это делал в эмиссии займов. «Почти каждое общество возникало только с его согласия и хотя они возникают, хотя он предоставляет им свободу действий, они, конечно же, не много от этого выигрывают» (имеется в виду в Германии). «В том, что касается железных дорог, то здесь дом Ротшильда не организует никаких обществ, и если речь заходит о концессии на строительство какой-нибудь дороги, то всякое участие в этом начинании, которое этот дом позволяет отдельным лицам, яв-

ляется лишь уступкой, своеобразным денежным подарком, которым он одаривает своих друзей... Так называемые промессы уже имеют несколько франков сверх номинала... Таким образом, во всех его начинаниях превосходство и сила Ротшильда очевидны, и счастливый итог (за весьма редкими исключениями) приходится только на его долю» (речь идет о Франции). «Ротшильд — глава железных дорог, и там, где некогда правил сильный кулак, теперь господствует общество... и все такие общества непроизвольно подчиняются этому главе, потому что, если он захочет, он может уничтожить всех остальных. Этот глава — Ротшильд. — Так говорил А. Вейль в своей брошюре о Ротшильде, написанной в 1844 г., и сегодня, в 1857, почти ничего не изменилось» (264). Такие оценки современников могут быть для нас очень полезными, так как, во-первых, они содержат много фактического материала, а во-вторых, мы видим, что как враги Ротшильдов, так и те, кто восторгается ими, высказываются о них одинаково.

Итак, со времен появления Ротшильдов и на протяжении многих десятилетий грюндерство оставалось сугубо еврейским занятием. Такие известные имена, как барон Гирш или Д. Струсберг, принадлежали евреям (определенный тип, который мы не можем назвать профессиональными грюндерами наподобие Струсберга, представляют американские трастовые магнаты). Надо отметить, что мелкие и средние грюндеры в основном тоже были евреями. Ниже мы представляем небольшой обзор грюндерской деятельности в период с 1871 по 1873 г. в Германии, который показывает, что в ту пору удивительно много евреев принимало участие в самых различных грюндерских начинаниях (265). Надо отметить, что в приводимых цифрах доля их участия в этой деятельности отражена далеко не полно, так как, во-первых, предлагаемый обзор ограничивается лишь некоторыми грюндерскими предприятиями (причем «самыми сомнительными», от которых осторожные евреи, наверное, с самого начала предпочитали держаться подальше), и, во-вторых, потому что именно тогда во многих случаях евреи

действовали через подставных лиц, которые в свою очередь нанимали других подставных лиц.

Итак, из двадцати пяти больших частных грюндерских домов первого разряда шестнадцать носили еврейские имена.

— Королевские металлургические заводы — 13 учредителей, из них 5 евреев;

— Континентальное железнодорожное общество (с капиталом в 10 миллионов талеров) — 6 учредителей, из них 4 еврея;

— в 12 берлинских земельных обществах из 80 членов наблюдательных советов 27 евреев;

— Строительный союз «Unter den Linden» — 8 учредителей, из них 4 еврея;

— в девяти банках из 104 учредителей 37 евреев;

— в девяти берлинских пивоваренных заводах — 54 учредителя, из них 27 евреев;

— в 20 северо-немецких машиностроительных фабриках — 148 учредителей, из них 47 евреев;

— в 10 северо-немецких горнопромышленных обществах — 49 учредителей, из них 18 евреев;

— в 20 бумажных фабриках — 89 учредителей, из них 22 еврея;

— в 12 северо-немецких химических фабриках — 67 учредителей, из них 22 еврея;

— в 12 северо-немецких текстильных фабриках — 65 учредителей, из них 27 евреев.

Если говорить о сегодняшнем дне, то процент участия евреев в «учредительских обществах» можно установить только там, где частные банки по-прежнему играют большую роль, например, в Англии. Здесь согласно банковскому альманаху за 1904 г/ из 63 торговых банков 33 являются еврейскими или имеют еврейское участие и из этих 33 банков 13 принадлежат к ведущим (по данным моего коллеги Яффе).

В то же время в тех странах, где частные банки были вытеснены акционерными банками (прежде всего в Германии), крайне трудно точно определить процентное участие евреев. Здесь нам может пригодиться применяемый

в этих изысканиях «генетический» метод, который позволяет проследить, каким образом благодаря еврейскому влиянию акционерный банк заправлял учредительскими делами.

Использование принципа работы акций для производства ценных бумаг вообще или, согласно моей терминологии, «объективация», «овеществление» эмиссионных и учредительских обществ в свое время представляло собой определенный этап в развитии капитализма, роль которого мы опять-таки не можем достаточно полно осмыслить, потому что благодаря этому новшеству динамический принцип капиталистической организации снова стал проявляться максимально широко, благодаря нему интерес к новым формам экономической жизни усилился.

Великую грюндерскую эпоху невозможно представить без существования *спекулятивных банков*, идет ли речь о пятидесятых годах, когда они только появились, о семидесятых и тем более о девяностых. Строительство железных дорог, требовавшее максимальных затрат, могло совершаться только благодаря посреднической деятельности больших учредительских банков и несмотря на то, что в тридцатые и сороковые годы частные банкирские дома совершили немало, им все-таки не удалось достичь того уровня, на который вышли большие банки. Во Франции на железнодорожное строительство с 1842 по 1847 г. было выделено 144 млн франков, а с 1848 по 1851 — 130 млн, однако в одном только 1855 г. на это дело пошло 500 млн франков, а в 1856—520 млн (266). Такую же картину мы наблюдаем и в других странах. «Вся огромная работа по строительству наших [немецких] железнодорожных сетей, пришедшаяся на этот период [1848—1870 г.], была совершена... только благодаря посреднической деятельности банков» (267). Мы прекрасно понимаем, в чем крылись причины столь явного превосходства банков над частными банкирскими домами.

С одной стороны, благодаря скоплению больших масс капитала в огромных акционерных банках значительно расширились возможности учреждения новых предпри-

ятий. Их становилось безмерно больше, когда (как, например, у нас) учредительские банки строились на депозитных. С другой стороны, страсть к непрестанному «учредительству» возрастала в той мере, в какой вообще акционерное общество могло сильнее понуждать к этой деятельности по сравнению с частным предприятием. Необходимость получения высоких дивидендов всякий раз оказывается сильнее, чем простая жажда прибыли, характерная для какого-либо отдельного предпринимателя.

Современники прекрасно понимали, что если речь идет о создании акционерных обществ через акционерные же общества, значит они являются свидетелями крайне важных событий, и это подтверждает уже упоминавшийся *Кунце*, который, преисполнившись наивного преклонения перед капитализмом, характерного для той эпохи, поет дифирамбы этому новому явлению: «Эта идея, а именно социальная централизация сил, в создании предъявительских ценных бумаг как бы обрела свою художественную форму, а в только что сложившемся образе кредитных организаций... она стала доступной самому широкому воплощению в жизнь, какое только может представить себе человеческое разумение. В этих новых централизованных кредитных союзах, благодаря которым в обращение было пущено бесчисленное количество предъявительских спекулятивных и наделенных капиталом ценных бумаг, наиболее полно и ярко выразилась характерная для нашего времени устремленность к организации и единению социально-экономических ценностей и сил: централизованный кредитный союз по преимуществу является просто акционерным обществом, единым банкирским домом, капиталистом *en gros*, самим принципом социального единения, в который вдохнули жизнь» (268).

Однако таким «централизованным кредитным союзом», который воспевают *Кунце*, и стал основанный в 1852 г. *Crédit mobilier*, а также прочие учредительские банки, в последующие годы созданные в других странах. Я намеренно говорю об «учредительских» банках, пото-

му что в банковском управлении каким-либо учредительским обществом заключалось принципиально важное новшество, с которым впоследствии связалось другое, а именно биржевая спекуляция ценными бумагами.

Для новой (и в то же время достаточно старой) структуры, заявившей о себе в связи с созданием *Crédit mobilier*, не нашли подходящего обозначения, которое бы ясно и точно ее характеризовало. Такие структуры можно назвать фондовыми банками, потому что они имеют дело с ценными бумагами, однако в таком обозначении слишком акцентируется внешняя сторона дела. В конце концов банк, который занимается ссудными операциями с привлечением ценных бумаг, тоже «имеет дело с ценными бумагами». Быть может, лучшим наименованием стал бы «спекулятивный банк», так как эти банки на самом деле занимаются спекуляцией, но «учреждать» — это все-таки не спекулировать, а они как раз и стремятся к тому, чтобы заниматься учредительской деятельностью. Если *Crédit mobilier* мы переведем как «банк, который занимается выдачей денежных ссуд под залог недвижимого имущества», то в таком случае почти никакого отражения не найдет спекулятивно-учредительская деятельность такой структуры. Такие банки можно назвать «инвестиционными», но для *Crédit mobilier* как раз не свойственно участие в создании производственных или торговых предприятий.

«Инвестиционные банки» существовали задолго до 1852 г.: таким банком был банк, основанный Джоном Ло. Кроме того, таким банком был и основанный в 1761 г. Австрийский торговый банк, располагавший капиталом от 10 до 15 (позднее до 60) миллионов и предназначенный для того, чтобы вести морскую торговлю с Левантом, осуществлять военные поставки, проводить табачную монополию, вести денежную торговлю, а также осуществлять мелочную торговлю, основывать новые фабрики и поддерживать уже существующие (269). Инвестиционным банком являлось основанное в 1822 г. в Брюсселе *Société générale des Pays Bas pour favoriser l'industrie nationale*, которое уже в 1849 г. имело в своем

портфеле 90 836 1/2 акций сорока шести различных акционерных обществ номинальной стоимостью в 68 729 202 франка. В качестве инвестиционного банка можно назвать и основанный в 1848 г. банковский союз, чье «участие в промышленных предприятиях» в 1851 г. в денежном отношении уже составляло 434 706 талеров. В его отчете о состоянии дел за 1852 год (S. 3) читаем: «Правление банка считает, что задача большого банковского образования заключается не только в том, чтобы через собственное широкое участие в делах производить новые промышленные ценные бумаги, но и в том, чтобы, пользуясь своей рекомендацией, прошедшей основательную проверку, призывать деловые круги вкладывать неиспользованные капиталы в такие предприятия». Что касается рассматриваемой нами новой идеи, то она не такова: речь идет не о том, чтобы «принимать участие» в создании промышленных предприятий и получать какую-то прибыль в виде дивидендов, а о том, чтобы получать ее в результате ажиотажа, возникавшего в момент выпуска акций. В грюндерской деятельности просматривается явная параллель со спекулятивной торговлей: не какое-то действительное создание того или иного предприятия, а прибыль, получаемая от сделки на разницу, — вот цель, к которой надо стремиться. В этом смысле наименование «спекулятивного банка» с самого начала как нельзя лучше характеризовало специфическую деятельность уже упомянутого *Crédit mobilier*, которую, впрочем, нельзя охарактеризовать однозначно, коль скоро речь заходит о не совсем свойственных для него операциях, каковыми могли быть инвестиционные, эмиссионные сделки, затем «собственно банковские» сделки и так далее. Сегодня во Франции банки, похожие на упомянутый *Credit mobilier*, называют *Banques d'affaires* (270), и надо сказать, что это самое точное наименование: беда только в том, что его нельзя перевести.

Однако в данном случае речь идет не только о названиях, но и о делах, и здесь нет никакого сомнения: с приходом на рынок *Crédit mobilier* «учредительскими» сделка-

ми (а также и фондовой спекуляцией) начинает заправлять банк, и по своему происхождению (что, собственно, и вызывает наш столь оживленный интерес) это новшество — еврейское.

История *Crédit mobilier* хорошо известна (271). Здесь для нас прежде всего важно, что его, так сказать, духовными и финансовыми основателями явились два португальских еврея, Исаак и Эмиль Перейре, равно как еврейскими были и прочие основные участники этого начинания. Список держателей акций показывает, что упомянутые Исаак и Эмиль Перейре вместе владели 11 446 акциями, Фульд-Оппенгейм — 11 445 акциями, что среди прочих серьезных акционеров были М. Фрер, Б. Фульд, Торлония (Рим), Соломон Гейне (Гамбург), Оппенгеймер (Кельн), то есть главные представители европейского еврейства (Ротшильдов среди них не было, так как все это начинание было направлено *против* них).

В ближайшие годы *Crédit mobilier* породил целый ряд своих законных и незаконных отпрысков, причем все они были еврейской крови.

В Австрии первое предприятие, созданное по такому типу, называлось «Привилегированным австрийским кредитным учреждением». Оно было создано в 1855 г. С. М. Ротшильдом.

Первым учреждением, которое воплощало принципы *Crédit mobilier* в Германии, стал Промышленно-торговый банк (Дармштадтский банк), основанный в 1853 г. по инициативе кельнских Оппенгеймеров. «Вполне возможно, что основание Дармштадтского банка было не только инспирировано, но и осуществлено обоими французскими финансовыми гениями, так как „основная совершенно необходимая помощь иностранных капиталов“, о которой говорится в отчетном докладе 1853 г., по всей вероятности, была предоставлена со стороны *Crédit mobilier*» (272). Один из первых директоров Дармштадтского банка, носивший фамилию Гесс, являлся высокопоставленным служащим *Crédit mobilier*.

Первоначально христианским было Берлинское дисконтное (учетное) общество, основанное Давидом Гансе-

маном, однако то, что он по своей инициативе создал в 1851 г., представляло собой чистый оборотный банк, который первоначально не имел ничего общего с грюндерством и спекуляцией. Только в письме, которое Гансеман 22 апреля 1855 г. направил членам общества, содержится призыв к расширению этого общества, причем все сказанное в этом письме смутно напоминает устав, действовавший в *Crédit mobilier*.

Третьим большим спекулятивным банком, созданным в пятидесятые годы, стало Берлинское торговое общество. Среди основателей мы вновь обнаруживаем некоторые кельнские дома, в свое время основавшие Дармштадтский банк. На этот раз вместе с ними в создании принимают участие самые известные берлинские банки (Мендельсон и компания, С. Блейхредер и компания, Р. Варшауэр и компания, Г. Шиклер и другие).

Наконец, отметим, что в создании Немецкого банка (1870 г.), в основном, тоже принимали участие евреи.

IV. Коммерциализация промышленности

Итак, в создании спекулятивных банков капитализм на какой-то момент достигает высшей точки своего развития. С их помощью коммерциализация экономической жизни достигает предела, и организация по принципу биржи завершается.

Рожденные биржей спекулятивные банки впервые приводят эту биржу, то есть спекуляцию, к полному расцвету. Через них торговля ценными бумагами приобретает неслыханные ранее масштабы (273). По своей внутренней сущности такие банки постоянно тяготеют к непрерывному увеличению ценных бумаг ради получения прибыли, получаемой в условиях ажиотажа. Однако даже их собственные акции нередко дают мощный стимул для спекуляции, и они сами в не меньшей степени принимают в ней участие как напрямую, так и окольными путями (через *репортные* сделки, которые сегодня, как известно, стали «мощнейшим и важнейшим рыча-

гом спекуляции»). Благодаря спекулятивным ценным бумагам банки получили возможность, играя на низких ставках, создавать видимость наличия большой денежной массы, что обычно сопровождалось оживлением спроса. Появлялся стимул играть на повышение. С другой стороны, используя большие запасы ценных бумаг, они легко могли понижать курс. Репортные сделки они целиком и полностью соразмеряли со своими спекулятивными планами и прочими замыслами. Таким образом, теперь большие банки фактически завладевают паровым клапаном той машины, которая называется биржей, и учитывая тот факт, что теперь они занимают главенствующее положение (особенно в Германии), а также то, что, имея широкую клиентуру, они могут в значительной мере следить за обращением ценных бумаг и осуществлять их продажу путем покрытия прямо у себя, можно сделать вывод о том, что в ходе капиталистического развития биржа упраздняется некоторыми мощными финансовыми структурами, находящими свое воплощение в больших банках (274). Однако такую точку зрения можно признать правильной только с одной оговоркой: финансовые магнаты действительно упраздняют биржу, вбирая ее в себя. Как общественный рынок биржа претерпевает издержки современного развития, но как форма и принцип экономических отношений она приобретает все большее значение, поскольку все большие сферы экономической жизни подчиняются ее законам.

Таким образом, постоянно расширяется тот самый процесс, который я называю процессом коммерциализации.

Если мы захотим в нескольких словах определить направление, в котором движется современная экономика, нам надо будет сказать, что в экономической жизни все большее влияние получают биржевые диспозиты банков.

Любое экономическое действие все больше и больше определяется финансами. Возникнет ли новое промышленное предприятие, расширится ли уже существующее, получит ли владелец магазина средства, необходимые

ему для расширения своего дела, — все это решается банкирами в своих банках. Равным образом поиск рынка сбыта все больше и больше становится той проблемой, которую решает искусство ведения финансами. Сегодня самые большие промышленные предприятия одновременно являются финансовыми обществами, но и всякие прочие отрасли ради обретения рынка сбыта все больше обращаются к биржевым финансовым сделкам. Биржа влияет на ценообразование большинства изделий и сырья, и тот, кто хочет победить в конкурентной борьбе, должен сначала овладеть биржей. Наши большие транспортные предприятия уже давно представляют собой не что иное, как большие финансово-торговые общества, и можно с уверенностью сказать, что все экономические процессы все больше растворяются в торговых сделках, после того как сугубо техническая сторона дела вверяется специально предназначенным для этого силам.

Самым ярким примером коммерциализации промышленности является, как известно, *электрическая промышленность*. Характеризуя ее как новый вид промышленной организации, можно в общем и целом сказать, что руководители электрических компаний первыми осознали, что важнейшая задача промышленности заключается в том, чтобы самой искать себе рынок сбыта. До этого большая капиталистическая промышленность в основном довольствовалась пассивным ожиданием заказов. Обычно представлять какую-либо фабрику в каком-либо большом городе поручали агенту, который, помимо этой фабрики, довольно часто представлял и многие другие предприятия и не очень сильно старался отыскать новых покупателей. Теперь же за ними начали охотиться, причем к делу подошли с двух сторон. Прежде всего начали напрямую оказывать давление (через скупку акций и прочие действия) на тех, от кого предположительно следовало ожидать заказов (например, на транспортные конюшенные общества, которые, как предполагалось, должны перейти на электрическую тягу), а затем просто принимали участие в создании таких новых предприятий или создавали их сами. Благодаря такой деятельно-

сти сегодня крупные электрические компании все больше становятся похожими на большие учредительские или спекулятивные банки.

Далее рынок сбыта расширяли путем создания целой сети филиалов по всей стране, которая привлекала все новых клиентов. Поиск новых клиентов, который ранее препоручался так называемым «агентам», теперь непосредственно брали на себя представители общества, действовавшие по его поручению: их становилось все больше, и таким образом потребности и особые пожелания клиентуры учитывались все лучше и лучше.

Известно, что в такой организации рынка сбыта преуспела Электрическая компания (Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft) и что в первую очередь созданию такого нового вида промышленно-коммерческих предприятий во многом способствовал Феликс Дойч. В то же время руководители более старых предприятий лишь постепенно приходили к той мысли, что надо искать какие-то новые пути. Например, в компании Сименс долгое время считалось, что «не пристало бегать за клиентами» (как там говорили), и так продолжалось до тех пор, пока директор компании Берлинер не взял на вооружение новые деловые подходы и тем самым добился превосходства над уже упомянутой электрической компанией (Allgemeine Elektrizitäts Gesellschaft).

Приведенный пример далеко не единичен, и таким образом, в общем и целом с уверенностью можно сказать, что с началом коммерциализации промышленности пробила час, когда евреи вторглись в широкую сферу производства и сбыта товаров (как ранее они вторглись в сферу биржевой торговли и кредитования).

Нельзя, конечно, говорить о том, что теперь началась *история евреев как «промышленников»*. Это было бы довольно странно, так как мы знаем о том, что с самого начала капиталистического производства евреи заявили о себе и в этой области, поскольку по своей сущности капитализм представляет собой не что иное, как распадение экономического процесса на две составные части, технику и коммерцию, с превосходством последнего над пер-

вым. Таким образом, с самого начала формирования капиталистической промышленности у евреев появилась возможность заявить о себе во всем своем своеобразии (даже если поначалу эта возможность была не такой благоприятной, какой стала впоследствии). Итак, мы обнаруживаем, что на стадии формирования раннего капитализма евреи всюду выступают как «промышленники» и очень часто заявляют о себе как первые капиталистические предприниматели в какой-либо отрасли промышленности.

Здесь они выступают как основатели табачной промышленности (например, Мекленбург, Австрия), там — как зачинатели винокуренного дела (Польша, Богемия), здесь — основывают кожевенные фабрики (Франция, Австрия), там — фабрики по производству шелка (Пруссия, Италия, Австрия), здесь они изготавливают чулки (Гамбург), там — зеркальное стекло (Фюрт), здесь — крахмал (Франция), там — хлопок (Моравия), наконец, почти везде они являются основателями швейной промышленности и т. д. (275). Из собранного мною материала я мог бы привести еще множество доказательств того, что на всем протяжении XVIII в. и в начале XIX в. евреи занимались капиталистической промышленностью, однако мне кажется, что подробно освещать эту сторону их экономической деятельности бессмысленно, потому что, насколько я знаю, в ней нет ничего специфически еврейского. Евреи занялись промышленностью в силу какой-то исторической случайности, и без них, как мне кажется, эта промышленность развивалась бы точно так же. Здесь они были управляющими у землевладельцев (в Польше, Австрии), и это дало им возможность заняться винокуренной промышленностью, там они исполняли должность придворных евреев, в результате чего получили возможность стать табачными монополистами. В большинстве случаев их торговая деятельность позволяла им заниматься кустарным промыслом (текстильная промышленность), но из торговцев пряжей в текстильные промышленники выходили не только евреи, причем выходили так же часто, а может быть, и еще

чаще. Таким образом, в этой области мы тоже не обнаруживаем ничего специфически еврейского. Еврейской «специализацией» была торговля подержанной одеждой, которая затем привела их к торговле новыми пошивочными изделиями, а та в свою очередь породила швейную промышленность. Однако установившиеся таким образом взаимосвязи являются или слишком внешними по своей природе, чтобы на их основании делать какие-то выводы о конкретно еврейских линиях влияния, или поглощаются наметившимися позднее направлениями экономического развития. Эти направления обретают все свое своеобразие только тогда, когда мы осознаем, что евреи только с того момента начали играть роль как промышленники, когда процесс коммерциализации охватил производство и сбыт товаров. С этого момента дух капитализма врывается и в эту область, и отличительной чертой предпринимателя становится его неопределенность, «бесцветность». Эта тенденция становится все более характерной для нашей промышленности: промышленники могут менять сферу своей занятости, и от этой перемены их деловые качества нисколько не умалются, потому что весь «шлак», характерный для конкретного производства в той или иной области, отпадает и остается только чистое «золото» общезначимых торгово-капиталистических отношений. Только с этого времени уже перестает удивлять тот факт, что какой-нибудь «предприниматель», постигнув кое-какие тайны спирта и серной кислоты, начинает с производства кожи, а кончает производством железа. Если раньше предприниматель, так сказать, носил на себе печать своей сферы деятельности, то новый предприниматель совершенно бесцветен. Мы не можем представить, чтобы Альфред Крупп занимался не литьем стали, а чем-то другим, чтобы Борзиг производил что-то другое, а не машины, чтобы Вернер фон Сименс изготовлял не электротовары, а опять-таки что-то иное, чтобы, наконец, Х. Мейер представлял какое-либо иное предприятие, а не Северо-немецкое отделение страховой компании Ллойда. Но если бы Ратенау, Дойч, Берлинер, Арнольд, Фридлендер или Баллин зав-

тра поменялись местами, мне кажется, их деловая производительность не пошла бы на убыль, так как все они — торговцы, все одинаково хорошо могут действовать в разных областях.

Можно сказать так: христианин устремляется на вершину техники, еврей — на вершину торговли.

Было бы неплохо получить точные сведения относительно того, каково участие евреев в современной промышленности, однако для этого мы не располагаем хорошими вспомогательными средствами. Придется удовольствоваться приблизительными данными, и это возможно в том случае, если мы узнаем, сколько *директоров* и *членов наблюдательного совета* того или иного промышленного предприятия являются евреями и затем сравним это число с числом христиан, занимающих такие же должности. Ясно, что такой подсчет не отражает реальной картины. Помимо того, что в некоторых случаях довольно трудно установить, кто является евреем, а кто не является (многие, например, не знают, что член многих наблюдательных советов Хаген-Кельн в прошлом звался Леви), на основании одних только цифр (о чем я уже говорил в первой главе) никогда нельзя судить о *степени какого-либо влияния*. Кроме того, известно что в наблюдательный совет принимают со всяческими оговорками (но только не по деловым качествам) и что в очень многих обществах стремятся к тому, чтобы не брать евреев на руководящие должности. Таким образом, одни только цифры, о которых сообщается, говорят только о каком-то минимуме еврейского влияния в промышленности.

Несмотря на все эти соображения, я хочу сообщить те данные, которые мне любезно предоставил Артур Левенштейн, в свою очередь позаимствовавший их из последнего ежегодника немецких акционерных обществ. Я привожу цифры по основным отраслям промышленности: в первой таблице речь идет о числе директоров, во второй — о числе членов наблюдательного совета. В электрической промышленности приводятся общества с капиталом в 6 миллионов марок, в горно-металлургиче-

I. Число директоров

Отрасли	В целом	Из них евреев	Процент директоров — евреев
1. Кожевенная, каучуковая	19	6	31.5
2. Metallургическая	52	13	25.0
3. Электрическая	95	22	23.1
4. Пивоварение	71	11	15.7
5. Текстильная	59	8	13.5
6. Химическая	46	6	13.0
7. Горная	183	23	12.8
8. Машиностроительная	90	11	12.2
9. Калийные заводы	36	4	11.1
10. Производство цемента, древесины, стекла, фарфора	57	4	7.0
1-10	808	108	13.3

II. Число членов наблюдательного совета

Отрасли	В целом	Из них евреев	Процент членов — евреев
1. Пивоварение	165	52	31.5
2. Metallургическая	130	40	30.7
3. Производство цемента, древесины, стекла, фарфора	137	41	29.9
4. Калийные заводы	156	46	29.4

Продолжение таблицы II

Отрасли	В целом	Из них евреев	Процент членов—евреев
5. Кожевенная, каучуковая	42	12	28.6
6. Горная	640	153	23.9
7. Электрическая	339	91	26.8
8. Химическая	127	29	22.8
9. Машиностроительная	215	48	21.4
10. Текстильная	141	19	13.5
1–10	2092	511	24.4

ской, калийной, химической промышленности — с капиталом в 5 млн марок, в машинной и текстильной промышленности — с капиталом в 4 млн и, наконец, в прочих отраслях — с капиталом в 3 млн и более.

Итак, зададимся вопросом, рассматривая ситуацию в чисто цифровом отношении: велико или незначительно участие евреев в перечисленных промышленных предприятиях? Я считаю, что оно огромно, даже если мы принимаем во внимание только количественную сторону дела и анализируем названные (как мы видели, небольшие) цифры. Дело в том, что эта группа населения, представители которой на директорских постах составляют седьмую часть от всего количества, а в наблюдательных советах — четвертую часть, по отношению ко всему населению Германии составляют лишь сотую долю!

**ФОРМИРОВАНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО
ВЗГЛЯДА НА ЭКОНОМИКУ**

Все то, что было сказано о роли евреев в «объективации» современной экономической жизни, уже позволяет понять, что их влияние простирается далеко за пределы образования одних лишь внешних форм того или иного экономического начинания, у истоков которого они стояли, так как биржевая деятельность (в том ее виде, который сформировался за последние десятилетия) не представляет собой лишь некую внешнюю упорядоченность, внешнюю организацию экономических процессов: постичь ее во всем ее своеобразии можно только в том случае, если мы сумеем правильно оценить господствующий в ней дух. Новые формы промышленной организации также рождаются из совершенного особого «духа», и их можно понять только как его проявление. Именно на это я и хочу теперь обратить внимание читателя: наша экономика обретает все свою самобытность не столько потому, что важные составляющие ее внешней структуры своим существованием обязаны евреям, а скорее потому, что внутренние механизмы современной экономической жизни, сами принципы ведения хозяйства, все то, что можно назвать духом экономической жизни или, точнее, экономическим умонастроением, в основном проникнуто еврейским влиянием.

Однако для того, чтобы доказать правильность такого положения, мы должны в какой-то мере пойти иным путем, не тем, которым следовали раньше.

Доказать факт такого влияния «документально», конечно же, невозможно, а если и возможно, то только в очень незначительной степени. В данном случае отправной точкой скорее должно служить «настроение», время от времени господствовавшее в тех кругах, где своеобразный еврейский дух поначалу воспринимался как нечто совершенно чуждое. В эти круги входили деловые люди нееврейского происхождения или же их представители.

Их высказывания при всей их односторонности или (довольно часто) неприязни тем не менее являются вполне достоверными источниками, позволяющими понять, что мы на самом деле таим в тайниках нашей души, потому что они свидетельствуют о совершенно наивной реакции на совсем иной, еврейских склад характера, который предстает перед нами как в зеркале (хотя оно, впрочем, нередко оказывается кривым). Если мы хотим использовать оценки пристрастных современников (которые, надо полагать, воспринимали евреев как своих злейших врагов) в качестве источников, помогающих нам постичь еврейских способ ведения дел, мы прежде всего должны научиться читать между строк и делать правильные выводы из суждений, в которых предполагалось нечто совсем иное. Наша задача облегчается тем, что упомянутые оценки и суждения в основном весьма однообразны, и их однородность можно объяснить однообразием тех обстоятельств, которые их породили и благодаря которым убедительная сила этих высказываний значительно повышается (даже если нередко это происходит косвенным образом).

Прежде всего надо отметить, что везде, где евреи появляются как конкуренты, раздаются жалобы на то, что они вредно влияют на деловых людей из христианских кругов: в докладных записках и ходатайствах говорится о том, что евреи создают угрозу их существованию, лишают их «заработка» и «пропитания», потому что покупатели переходят к ним, евреям. Об этом свидетельствуют несколько выдержек из документов XVII—XVIII вв., как раз того времени, которое нас интересует в первую очередь.

Германия. В 1672 г. представители различных сословий Бранденбурга сетовали на то, что евреи «лишают пропитания... других жителей этой земли» (276). Эта жалоба почти дословно повторяется в ходатайстве купечества города Данцига от 19 марта 1717 г., где говорится о том, что «через этих вредителей» купечество «лишается куска хлеба» (277). В 1712 и 1717 г. жители Магдебурга противились допуску евреев в этот город, «ибо благопо-

лучие города и успех в торговых делах основываются на том, что... здесь не терпят никакой еврейской торговли» (278).

В представлении Эттенгейма (1740 г.) князю-архиепископу отмечается, что «как известно, евреи по своей низкой природе предназначены только к причинению величайшего ущерба и гибели». Такая точка зрения находит свое обобщенное выражение в поговорке, которая гласит, что:

«Непременно захиреет
Город, где полно евреев» (279).

Во вступлении к одному прусскому указу от 1750 г. говорится: «Так называемый торговый люд наших городов... то есть те, кто, в отличие от торгующих оптом, держится лишь мелочной торговли, сетует на то, что... евреи, торгующие таким же мелочным товаром, причиняют им большой ущерб». Равным образом христианские купцы города Нюрнберга считали, что их покупатели ходят за товаром к евреям, и когда в 1469 г. евреев выгнали из этого города и они в основном переселились в город Фюрт, жители Нюрнберга (которые, как покупатели, конечно же, искали своей выгоды) решили, что впредь выгоднее покупать в этом самом Фюрте. В результате на всем протяжении XVII—XVIII вв. издавались бесчисленные постановления, запрещающие или по крайней мере ограничивавшие покупки у евреев Фюрта (280).

Известно, что еще в XVIII в. все купеческие гильдии, равно как и ремесленные цеха не принимали евреев (281).

Англия. Здесь в XVII—XVIII вв. царил такая же неприязнь христианского купечества к евреям. «Евреи — хитрый народ... лишающий английского торговца той выгоды, которую он мог бы получать». Евреи ведут свои дела в ущерб английскому торговому люду («во вред английским торговцам») (282). Как известно, в 1753 г. вышел закон, разрешавший евреям селиться в Англии, однако недовольство ими было так велико, что в следующем году закон пришлось отменить. Одна из причин за-

ключалась в страхе перед тем, что евреи заполонят эту страну и сгонят англичан с их мест («лишат местных жителей их занятий») (283).

Франция. Здесь те же самые сетования разносятся от Марселя до Нанта. В прошении нантских купцов от 1752 г. мы читаем: «Торговля, не дозволенная этим иноземцам... причинила большой ущерб купцам сего города, ущерб столь великий, что если им не удастся заручиться поддержкой этих господ, они не смогут прокормить свои семьи и уплатить налоги» (284).

«Все бегут к еврейским торговцам», — жалуются представители христианских деловых кругов Тулузы в 1745 г. (285). «Мы настоятельно просим Вас задержать продвижение этого народа, который, вне всякого сомнения, разрушит всю торговлю Лангедока», — говорится в прошении торговой палаты города Монпелье (286).

Парижские купцы сравнивают евреев с осами, которые врываются в пчелиные ульи, убивают пчел и высасывают из них мед: «Допускать таких людей [к торговле] крайне опасно. Их можно сравнить с осами, которые врываются в пчелиные ульи только для того, чтобы умертвить пчел и высосать из них мед — таковы евреи» (287).

«Пусть, учитывая это единое мнение, увидят, сколь серьезен вопрос еврейской торговли» (288).

Что касается *Швеции* (289) и *Польши* (290), то там мы наблюдаем такую же картину. В 1619 г. магистрат города Позена в своем послании королю Сигизмунду III жалуется на то, что «торговый люд и ремесленники претерпевают трудности и препятствия, чинимые соперничающими с ними евреями».

Однако мы не можем довольствоваться одной лишь констатацией того факта, что евреи «мешают пропитанию». Нам надо отыскать причины, по которым они могли составлять христианским торговцам такую сокрушительную конкуренцию, так как если мы их отыщем, мы приоткроем завесу еврейского делового своеобразия, в котором, собственно, эти причины и кроются. Мы, таким образом, раскроем «тайны торговли», о которых говорит Савари в приводимом ниже отрывке.

Итак, продолжая читать свидетельства современников, которых такое положение дел задевало напрямую, а также тех людей, кто был достаточно глубоко погружен в повседневную жизнь, чтобы видеть, что в ней происходит, мы обнаруживаем, что все они говорят одно и то же: евреи так сильно превосходят других торговцев только потому, что свои дела они ведут *обманным* путем. «Когда дело заходит о прибыли, у евреев и их представителей лишь один закон — ложь и обман», — сообщается в уже упомянутых нами «*Диковинных и истинных видениях*» (291). Это же всеобщее мнение звучит и в шутовском «*Обманном словаре*», составленном «тайным советником и должностным лицом» Георгом Паулем Хенном (292). В разделе «Евреи» (единожды во всем словаре) говорится: «Евреи обманывают вообще и в частности...». Примерно так же говорится и в статье «Евреи» во «*Всеобщей сокровищнице торгового дела*» (293). Кроме того, один «бытописатель» прямо говорит о том, что берлинские евреи «кормятся грабежом и обманом, что, по их понятиям, преступлением не является» (294).

А вот что говорит уже упоминавшийся *Савари*: «Евреи считаются весьма способными к торговле, но их также подозревают в том, что они делают это не слишком честно и правильно» (295).

Это единое мнение находит свое подтверждение почти в каждом прошении представителей христианских деловых кругов, о каком бы месте и отрасли ни заходила речь.

Однако если мы внимательно рассмотрим особенности той деловой практики, за которую евреев упрекали, мы довольно скоро увидим, что многое в ней почти никак не связано с обманом, даже если вкладывать в это слово самый широкий смысл, например, намеренное искажение, замалчивание истины или введение в заблуждение, направленное на причинение ущерба. Когда говорят об «обмане», то скорее имеют в виду тот факт, что, ведя свои торговые дела, евреи не всегда считаются с принятыми правовыми и нравственными нормами. Таким образом, еврейские деловые круги отличались нарушением определенных традиций, принятых в христианском деловом

мире, нарушением закона (в редких случаях), и прежде всего поправлением «добрых нравов» купечества. Если мы присмотримся к этой ситуации повнимательнее, если попытаемся выяснить, что же на самом деле значили те нарушения, в которых обвиняли евреев, мы скоро обнаружим, что борьба между еврейскими и христианскими торговцами по существу представляет собой борьбу двух мировоззрений или по меньшей мере двух принципиально различных или же противоречащих друг другу представлений об экономической деятельности. Для того чтобы это понять, мы должны вспомнить о том, какой дух царил в экономической жизни, в которую начиная с XVI в. все сильнее вторгались евреи, так резко противоречившие этой жизни, что повсюду их стали воспринимать как «помеху» достойному пропитанию.

На протяжении всего того времени, которое я называю эпохой раннекапиталистического развития, то есть включая века, когда еврейское начало сумело заявить о себе и утвердиться, еще господствует тот *принцип ведения хозяйства*, который имел силу в эпоху средневековья: речь идет о феодально-ремесленном хозяйствовании, которое находит свое внешнее выражение в сословном делении общества.

Итак, в соответствии с таким взглядом на экономику (и это предстает как основная идея, определяющая все прочие мысли и действия) средоточием экономической деятельности являются экономические интересы человека. Как производитель товаров или как их потребитель, человек своими интересами определяет как поведение индивида, так и поведение общества, определяет внешний порядок экономического развития, равно как практическое оформление экономической жизни. Все действия общества и индивида, направленные на упорядочение и регулирование экономических процессов, обращены к личности. Настроение всех, кто занят экономической деятельностью, проникнуто личностным началом, хотя это не надо понимать в том смысле, что какой-то отдельный экономический субъект совершенно свободен в своих действиях. Речь скорее идет о том, что свое

поведение индивид соотносит с устоявшимися, объективными нормами, хотя сами эти нормы (и это играет решающую роль) рождаются из сугубо личного начала. Товары производят и продают, для того чтобы потребитель смог в полной мере удовлетворить свою потребность в них, однако в этой деятельности производители и торговцы тоже удовлетворяют свою потребность в получении дохода, и, таким образом, все происходит согласно традиции. Можно сказать, что экономический процесс в основном рассматривается с естественной, природной точки зрения, то есть главным в оценке пока что является категория качественно определяемого потребления.

По мере сил осуществляя свою деятельность, производитель и торговец должны получать доход в соответствии со своим сословным положением: такая идея пропитания господствует в умах почти всех экономических субъектов на протяжении всего периода раннего капитализма (причем даже там, где уже складываются капиталистические формы хозяйствования), и свое внешнее признание она находит в письменных уложениях, а теоретическое обоснование — в трактатах о правилах ведения торговли. Мы читаем о том, что «снижение уровня пропитания или вообще его прекращение наступают тогда, когда человек попадает в условия, при которых он получает меньше, чем предполагает его честный заработок, или меньше того, что требуется для удовлетворения его кредитора» (296).

На протяжении всего этого периода безграничное, безудержное стремление к наживе большинство хозяйственных субъектов еще воспринимает как недолжное, как «нехристианское», и дух старой томистской философии хозяйства является по крайней мере официальной установкой. «Итак, если ты... располагаешь каким-либо товаром, ты можешь стремиться к получению честного дохода с этого товара, но так, чтобы этот доход был христианским и не нанес никакого ущерба твоей совести и *никакого вреда душе твоей*» (297). Мы видим, что здесь, как и во всех прочих превратностях хозяйственной жизни, высшим мерилom все-таки остается религиозная или

нравственная заповедь: о выпадении экономики из религиозно-нравственного контекста еще нет и речи. Каждый поступок все еще напрямую соотносится с высшей нравственной инстанцией — Божьей волей, а она, как известно (доколе еще царит дух средневековья), противится наживе и, таким образом, уже по этой причине старая предпринимательская деятельность, тоже предполагавшая получение прибыли, всегда ощущала нравственную узду.

Итак, производитель и торговец должны иметь свой доход: эта руководящая мысль прежде всего приводила к ограничению круга хозяйственной деятельности (как для торговли в масштабе целой страны или какого-либо региона, так и для деятельности отдельного экономического субъекта, занятого на своем месте). Сказанное по отношению к средневековью (298), на пороге XIX в. сохраняет свою силу для всего экономического сознания в целом: какая-либо сфера полномочий постоянно соотносится с правом и положение индивида определяется не указанием на какие-то всеобщие правомочия, а причастностью к определенной сфере деятельности.

Поэтому общество (которое все еще чувствует ответственность за судьбу индивида) прежде всего заботится о том, чтобы все производители и торговцы имели достаточно широкую экономическую область для своей плодотворной деятельности: такова основная мысль всякой меркантилистской политики, которая являлась прямым продолжением средневековой городской экономической политики (хотя здесь это нельзя проследить во всех деталях). Сферу деятельности, в которой нуждаются подданные того или иного государства, в случае необходимости надо завоевывать и отстаивать силой. Как известно, вся меркантилистская торговая и колониальная политика по-прежнему покоится на этом основоположении. Расширение торговых связей и тем самым расширение рынка сбыта для отечественного производителя представляет собой исключительно военную проблему, проблему высшего проявления власти. Везде, где царит конкуренция, успеха можно добиться лишь с помощью макси-

мальной военной, а не коммерческой сноровки (что, впрочем, верно только в том случае, если речь идет о международной торговле).

В противоположность этому внутри страны всякая конкуренция отдельных видов экономики между собой принципиально исключена.

Итак, индивид обретает сферу деятельности, в которой он может действовать так, как это предписывают сложившиеся нравы и традиция, и ему не следует коситься на богатство соседа, который, как и он сам, занят этой деятельностью, не испытывая никаких посягательств извне. Владелец крестьянского двора получает надел земли, то есть земельный участок, а также пастбище и лес, необходимые для того, чтобы он мог заниматься земледелием и содержать свою семью. Впоследствии от этих крестьянских установлений проистекут все позднейшие начинания, в том числе и те, которые легли в основу ремесла и торговли. Идеалом всегда служило крестьянское представление о принципах добывания пищи и осуществления хозяйственной деятельности: подобно крестьянину ремесленник и торговец должны иметь свою, никем не нарушаемую сферу деятельности, в которой они могут следовать своему предназначению. Крестьянин жил со своего земельного надела, городские ремесленники и торговцы — с покупателей. Подобно тому клочку земли, который для крестьянина являлся основой его благополучия, для ремесленника и торговца такой основой были покупатели, платившие деньги за изделия и товары. Покупатели должны были составлять необходимое количество, достаточное для того, чтобы то или иное дело в его традиционном масштабе могло существовать и развиваться за счет рынка сбыта. Число этих покупателей должно быть относительно постоянным для конкретного экономического субъекта, чтобы он мог иметь свой постоянный доход. Это было целью многочисленных экономических и политических мероприятий и установлений. Как и в средние века, в течение всего этого периода право и определенные нравственные нормы в равной мере преследовали одну цель: оградить индивидуального произ-

водителя или торговца от посягательств со стороны его соседей, то есть не лишать его необходимой клиентуры.

Если существованию какой-либо отрасли промышленности или торговли создавалась угроза, возникавшая вследствие злоупотреблений со стороны представителей другой отрасли, цеховой устав обеспечивал сохранение имущества, и во многих случаях это осуществлялось через закрытие цеха, в котором наличность имущества в целом стояла под вопросом. Торговая мораль в первую очередь была призвана к тому, чтобы защитить отдельного предпринимателя от его коллег (и как раз она здесь вызывает у нас особый интерес, потому что в ней взгляды на ведение хозяйства находят свое самое подлинное выражение).

Деловая мораль решительно призывала к тому, чтобы ремесленник или торговец спокойно ожидал покупателей в своей лавке, которые, как предполагалось, должны прийти сами. В русле этой идеи *Д. Дефо* (если не его продолжатель), который в первой половине XVIII в. написал знаменитую книгу о торговле, приходит к следующему выводу: «И тогда по Божьему благословию и своему собственному попечению он может надеяться на свою долю в торговле со своими соседями» (299). Все это целиком и полностью воспринималось в «ремесленном» контексте: торговец может спокойно ждать, когда в общей торговле ему выпадет его доля.

Что касается ярмарочного торговца XVIII в., то он должен «денно и ночью поджидать у своей лавки» (300).

Решительно возбранялась всякая «охота за покупателями», всякое привлечение покупателей каким-либо обманным путем: отбивать покупателей от соседа считалось делом «нехристианским» и безнравственным (301). Среди «*Правил для торгового люда, живущего сбытом товаров*» мы обнаруживаем следующее: «Ни устно, ни письменно не отвращай от другого его покупателя или торговца и не делай другому ничего такого, чего не желал бы себе самому» (302). Это основное правило вновь и вновь и с еще большей силой заявляет о себе в различных торговых уложениях. В полицейском постановлении го-

рода Майнца (XVIII в.) мы читаем о том, что «никто не должен отбивать от покупки или более широким предложением своего товара как бы поднимать цену на чужой уже купленный товар; никто не должен вторгаться в чужую торговлю или *вести свою так сильно, чтобы разорались другие граждане*» (303). В 18 статье Саксонских уложений о мелочной торговле от 1672, 1682 и 1692 гг. говорится о том, что «ни один лавочник не должен отбивать покупателей у другого, какими-либо намеками, жестами и прочими знаками удерживать покупателей от покупки и тем более переманивать к другим лавкам и складам, даже если они ему чем-то обязаны» (304).

Вполне естественно возбуждались всякие действия, направленные на то, чтобы увеличить число своих покупателей.

Еще в первой половине XVIII в. даже в Лондоне считалось неприличным, когда какой-нибудь торговец слишком роскошно обставлял свою лавку и, стремясь привлечь покупателей, со вкусом раскладывал свой товар или прибегал к каким-либо другим уловкам. Не только уже упоминавшийся Дефо, но и позднейшие издатели его произведений (например, те, кто осуществлял пятое издание, вышедшее в 1745 г.) возмущались такой неблагоприятной конкуренцией, в которой прежде были повинны (о чем они и сообщают с некоторым удовлетворением) только некоторые кондитеры и торговцы игрушками (305).

Довольно долгое время на раннем этапе развития капитализма недопустимыми считались объявления о каких-либо предприятиях и торговых домах, особенно в форме восхваления (насколько я знаю, такая картина наблюдалась до самой середины XVIII в., за исключением, вероятно, Голландии, относительно которой у меня нет точных сведений: здесь, вероятно, лед тронулся уже в XVII в.).

Итак, впервые *объявления о торговых предприятиях* в Голландии появляются во второй половине XVII в., в Англии — в конце XVII в., во Франции гораздо позднее. В своем номере от 3 октября 1667 г. газета, основанная в Генте в этом же году, помещает первое объявление такого

рода (306). Лондонские рекламные бюллетени, выходявшие в шестидесятые годы этого же столетия, еще не содержат таких объявлений, и даже после большого пожара ни одна фирма или магазин не сочли возможным указать свой новый адрес. Однако деловой мир, уже привыкший к тому, что на улицах появляются различные вывески, начинает воспринимать газету как печатное издание для объявлений, и начало этому было положено в 1682 г., когда Джон Хоугтон основал «Collection for the Improvement of Husbandry and trade» (307).

Около восьмидесяти лет спустя Постлетвейт пишет о том, что теперь анонсы в газетах стали появляться чаще. Он пишет, что еще несколько лет назад деловые люди, имевшие хорошую репутацию и дорожившие ею, считали не порядочным и позорным обращаться к населению с публичными объявлениями; теперь (то есть в 1751 г.) ситуация изменилась: даже вполне кредитоспособные деловые люди считают, что объявление в газете — самый простой и дешевый способ дать знать всей стране, что ты предлагаешь (308).

Что касается Франции, то приблизительно в это же время дело там продвинулось не так далеко. В своем словаре, вышедшем в 1726 г., Савари в статье «Реклама» пишет, что это «типографский термин», «предречие» и т. д., а в статье «Афиша» пишет, что это «рыболовецкий термин» (колья для растягивания невода), в то время как глагол «afficher» он относит к сапожному делу («обрезать края у подошвы») и т. д. (309). Только в «Приложении», появившемся в 1732 г. в статье «Афиша» (по всей вероятности, еще малоупотребительное слово, которое не нашло отражения в специальных словарях) говорится о том, что это «объявление, вывешенное в общественном, месте для того чтобы сделать что-либо общеизвестным». Однако среди всего того, что с помощью таких публичных объявлений делается «общеизвестным», можно назвать лишь объявления о продаже кораблей, об их отправке, объявления о поступлении корабельных грузов, делаемые большими компаниями в том случае, если предполагается их публичная распродажа, объявления о

создании новых фабрик, а также объявления о смене жилья. Объявления о каких-либо фирмах и торговых домах отсутствуют. Они не появляются в газетах вплоть до второй половины XVIII в.: например, в первом номере популярного информационного бюллетеня «*Les Petites Affiches*», появившемся 13 мая 1751 г., нет ни одного объявления, касающегося какого-либо коммерческого предприятия (310). Даже совсем простое объявление такого типа: «Продаю (произвожу) так-то и там-то такие-то и такие-то товары» в Англии начинают появляться только в первой половине XVIII в., во Франции — еще позднее, а что касается Германии, то здесь такие объявления начинают появляться в начале XVIII столетия в таких городах, как Берлин и Гамбург; гораздо раньше появляются объявления только о продаже книг, хотя это можно легко объяснить самой природой такого предпринимательства.

Долгое время считалась совершенно неприемлемой (хотя обычные деловые объявления уже существовали) *торговая реклама*, то есть восхваление какого-либо предприятия, указание на некие особые преимущества, которые оно якобы имеет по сравнению с другими. Крайним проявлением торговой нечистоплотности считалось объявление о более низких ценах в сравнении с ценами конкурентов.

«Сбивание цен», продажа товаров по пониженным ценам в любом случае воспринималась как нечто неприличное: «Не приносит удачи стремление продать во вред своему соседу и слишком понизить цену» (311).

Однако совершенно недопустимой практикой считалось публичное уведомление о продаже товаров по пониженным ценам. В пятом издании «*Complete English Trademan*», вышедшем в 1745 г., редактор делает такое примечание: «С тех пор, как умер наш автор [Дефо, как известно, умер в 1731 г.], продажа по пониженным ценам вознеслась на такую бесстыдную высоту, что некоторые торговцы во всеуслышание объявляют о том, что они продают свой товар дешевле товара прочих торговцев» (312). Тут же дается вполне логичное объяснение тому возму-

щению, с которым упоминают о такой безнравственной практике: нам, мол, известны торговцы, которые предлагают свои товары по таким сниженным ценам, по которым честный торговец не может продавать и на которые не может существовать (то есть речь идет о старом идеале честного пропитания). Если можно рассчитывать на обычный доход, если можно рассчитывать на четко определенный рынок сбыта, тогда и цены, по которым продаются отдельные виды товаров, не должны опускаться ниже определенного минимума.

Особо ценным свидетельством мы располагаем по отношению к Франции: речь идет о постановлении, которое датировано второй половиной XVIII в. и из которого со всей очевидностью явствует, сколь неслыханными «сбивание» цен и публичное об этом оповещение были в ту пору даже в Париже. В этом постановлении, вышедшем в 1761 г., говорится о том, что такие козни должно воспринимать лишь как акт отчаяния со стороны какого-либо несолидного торговца. В постановлении строжайшим образом запрещается всем оптовым и розничным торговцам Парижа и пригородов «бегать друг за другом», ища рынка сбыта для своих товаров, и особенно расклеивать объявления с указанием их местонахождения. Причина такого постановления настолько ярко характеризует настроение, царившее в ту пору во влиятельных кругах, что я опять-таки должен дословно привести один отрывок из данного документа. Итак, мы читаем: «Некоторые торговцы этого города [Парижа] уже в течение какого-то времени распространяют от своего имени уведомления, где сообщают о продаже своих тканей и прочих товаров *по ценам, которые ниже цен, обычно взимаемых за эти же товары другими торговцами*, и посему нельзя считать, что такой поступок, почти всегда являющийся *последним прибежищем нечестного торговца*, пресекается слишком сурово» (313).

Надо сказать, что за производителем и торговцем не забывали и о потребителе. В каком-то смысле он оставался главной персоной, так как из этого мира еще не окончательно исчезло наивное представление о том, что произ-

водство товаров и торговля ими в конечном счете призваны к тому, чтобы наладить их хорошее потребление.

Установка на естество, на качество и природу (так я называю такую практику) в данном случае продолжает господствовать: целью любой хозяйственной деятельности все еще остается производство потребительских товаров, а не одно лишь товаропроизводство и только. Поэтому на всем протяжении раннекапиталистического этапа развития экономики по-прежнему отчетливо просматривается стремление производить *хорошие товары*, то есть такие, которые на самом деле представляют собой то, чем они кажутся, то есть настоящие, подлинные товары. Такого стремления преисполнены бесчисленные правила товарного производства, появившиеся в XVII—XVIII вв. как никогда ранее. Своеобразие заключается только в том, что теперь государство берет в свои руки контроль за качеством и обращает на товары свой верховный взор.

Можно, конечно, возразить, сказав, что государственная забота о выпуске хороших товаров как раз и является доказательством того, что экономическое сознание эпохи уже не было направлено на производство качественных товаров широкого потребления. Однако такое возражение было бы необоснованным. Государственный контроль был призван только к тому, чтобы предотвратить нарушения со стороны некоторых не слишком добросовестных производителей, в остальном же по-прежнему чувствовалось стремление поставлять хорошие, настоящие товары, стремление, характерное для всякого подлинного ремесла и в значительной мере усвоенное и раннекапиталистической промышленностью.

О том, как долго пробивал себе дорогу чисто капиталистический принцип, согласно которому только меновая стоимость товара имеет для предпринимателя решающее значение, и, следовательно, капиталисту не важно, каково на самом деле качество товаров потребления, мы можем увидеть на примере той борьбы, которая в этой связи разгорелась в Англии уже в XVIII в. По-видимому, *Дж. Чайльд* разошелся с большинством своих современников и, наверное, даже с коллегами, когда заявил, что пред-

приниматель сам должен решать, какой товар и какого качества ему продавать на рынке. Сегодня мы почти не удивляемся тому, что Чайльд отстаивает право фабриканта на производство некачественного товара. «Если мы на самом деле хотим завоевать мировой рынок, — восклицает он, — нам надо поступать так, как поступают голландцы, которые производят как самые хорошие, так и самые плохие товары, и тогда мы сможем удовлетворить любой рынок и всяческие вкусы» (314).

С упомянутыми ранее представлениями совершенно органично сочетается идея *справедливой цены*, которая, вероятно, не утрачивает своей силы почти на всем этапе раннего капитализма. Цена не представляет собой чего-то такого, что может произвольно определяться тем или иным экономическим субъектом. Ценообразование так же определяется высшими религиозными и нравственными законами, как всякий другой хозяйственный процесс. Она должна удовлетворять как производителя и торговца, так и потребителя, и это определяется не произвольным решением того или иного субъекта, а объективными нормами. Правда, вопрос о том, откуда эти нормы берутся, в каждую эпоху решался по-своему. Согласно средневековому мировоззрению, которое во всей своей чистоте представлено Лютером, цена должна определяться в соответствии с трудовыми затратами производителя (торговца): можно сказать, что цена должна соответствовать производственным расходам. Однако под влиянием растущего товарооборота, который, наверное, становится особенно заметным с XVI в., во взглядах на справедливую цену происходят перемены, которые заставляют все больше и больше соглашаться с тем, что ее все-таки определяет рынок. Уже *Серавия делла Калле*, который, на мой взгляд, сыграл решающую роль в учении о ценообразовании, определяет *justum pretium* (справедливую цену) из соотношения спроса и предложения (говоря сегодняшним языком) (315). Однако как бы там ни было, самое важное заключается в том, что цена всегда остается величиной, которая не подвластна произвольному вмешательству какого-либо отдельного челове-

ка и формируется в соответствии с объективными нормами, являясь чем-то таким, с чем приходится считаться каждому экономическому субъекту. Такого мнения целиком и полностью придерживаются писатели XVII в.: *Скачча, Стракка, Турри* и прочие, считающие, что в процессе ценообразования объективным фактором является этическое начало (а не некие «законы природы», о которых заговорят потом): индивид *не должен* произвольно определять цену (в то время как позднее в лучшем случае говорили о том, что он *не может* ее произвольно определять).

Общее настроение, формировавшееся в результате следования всем этим правилам, характеризовалось тем, что в течение всего раннего этапа развития капитализма человек жил спокойно, проявляя всю свою самобытность и неповторимость. Основной чертой такого уклада была стабильность, следование сложившимся традициям. Даже занимаясь каким-либо хозяйственным делом, человек не утрачивал себя самого в сутолоке всех своих экономических начинаний. Он еще был сам себе хозяин и сохранял достоинство самостоятельного человека, который ради прибыли не позабудет о себе. Повсюду в торговом мире еще сохраняется ощущение собственного достоинства. Одним словом, у торговца еще сохраняется осанка, которая в провинции, конечно же, заметнее, чем в больших городах, являющихся средоточием развивающегося капитализма. Один проникательный современник особо подчеркивает «гордость и достоинство провинциальных купцов» (316). Мы ясно видим торговца «старых добрых времен», видим, как он шествует, преисполненный достоинства, несколько чопорный и неловкий, в бриджах и долгополом сюртуке, привыкший вести дела без излишних раздумий и чрезмерного рвения. Он вращается в привычном кругу, у него привычные покупатели, которых он обслуживает в привычной для него манере: без суеты и спешки.

То, что сегодня воспринимается как вернейший признак экономического процветания, то есть поголовная беготня и спешка, еще в конце XVIII в. воспринималось

как проявление праздности, так как человек, который действительно занят делом, не торопится и ходит размеренно. Когда уже упоминавшийся нами *Мерсье* в 1788 г. попытался узнать у Гримольда де ла Рейньера, что тот думает о торговцах и промышленниках Лиона, последний в таких словах высказал свою бесконечно ценную точку зрения, как нельзя лучше выразившую весь дух эпохи: «В Париже бегают, все куда-то торопятся, потому что ничего не делают, а здесь [в Лионе, процветающем торговом городе, центре шелковой индустрии] ходят спокойно, потому что [!] заняты делом» (317).

Такой картине как нельзя лучше соответствует благочестивый нонконформист, квакер, методист, которого мы обычно воспринимаем как самого раннего носителя идей капитализма. Полный достоинства, с горделивой осанкой шествует он по своему пути. Как внутренняя жизнь, так и внешнее поведение должны быть достойными, выверенными и степенными. «Ходи чинно, не гремя ногами», — говорится в одном пуританском наставлении (318). «Верующий ходит или по крайней мере, должен ходить или же, если он отвечает себе самому, будет ходить чинно и размеренно, и в делах своих будет величествен и благороден» (319).

И вот на этот устоявшийся мир обрушиваются евреи. Мы видим, как они на каждом шагу нарушают сложившийся хозяйственный уклад и посягают на устоявшуюся систему взглядов на экономику. В основе жалоб, которые исходят из христианского торгового мира и которые являются для нас важнейшими источниками, лежат вполне конкретные факты, однако (как мы об этом уже говорили в другом месте) это явствует не только из единого духа рассматриваемых нами свидетельств, но и из того, как эти жалобы подаются.

Можем ли мы сказать, что евреи были единственными, кто нарушал сложившееся право и обычай? Правомерно ли проводить принципиальное различие между «еврейской коммерцией» и прочими видами торговли на том основании, что, мол, первую считали «несолидной», почти что изначально предрасположенной ко всяческому обма-

ну и нарушению законов и порядка, тогда как все прочие якобы избегали каких бы то ни было противоправных действий? Совершенно ясно, что и христианские производители и торговцы в своих делах тоже не были свободны от нарушений каких-либо норм права или «старого доброго» обычая. Тяга к такому нарушению лежит в самой природе человека, и, в какой-то мере зная реальное положение вещей, мы не можем утверждать, что эпоха, которую мы здесь рассматриваем, в целом порождала более законопослушных и верных своему долгу людей, чем все прочие. Уже на основании самого обилия всевозможных заповедей и запретов, определявших экономическую жизнь той эпохи, можно сделать вывод о том, что стремление к каким-либо противоправным действиям у тогдашних деловых людей было немалым. Кроме того, мы имеем множество свидетельств, из которых следует, что деловая мораль того времени ни в коей мере не была слишком высокой.

Поистине приходишь в ужас, полистав уже упоминавшийся «Обманный словарь», который появился в начале XVIII в. и в свое время был весьма читаемой книгой (за несколько лет он выдержал несколько изданий). Кажется, что весь мир являет собой одно лишь вместилище обмана, и даже учитывая, что в такой небольшой книге перечень столь многочисленных возможностей мошенничества производит особенно сильное впечатление, все равно, читая эту редкую книгу, не можешь избавиться от мысли, что в ту пору могли со знанием дела обмануть в любом месте. Такое впечатление подтверждается некоторыми другими свидетельствами. Например, автор «*Всеобщей сокровищницы торгового дела*», вышедшей в 1742 г., пишет о том, что «сегодня почти не отыщешь товаров, которые не были бы поддельными» (320). Мы обнаруживаем различные государственные постановления (например, от 1479 г.), полицейские предписания (например, Аугсбургское от 1548 г.), а также торговые постановления (например, города Любека от 1607 г.), которые категорически запрещают фальсификацию товаров, и подобно тому как их производство не всегда было нала-

жено должным образом, мошенничество в ведении тех или иных торговых дел тоже не было редкостью. Для людей, живших в XVII—XVIII вв., ложное банкротство, например, представляло собой весьма актуальную и трудноразрешимую проблему. Непрестанно раздаются жалобы на то, что это происходит на каждом шагу (321). Об английских торговцах, например, на протяжении всего XVII в. ходила дурная слава как о людях, деловая этика которых оставляет желать лучшего (322). Говорилось о том, что «английские купцы просто одержимы грехом» фальсификации и мошенничества. «Наши земляки, — пишет один автор XVII в., — непомерно вздувая цены на товары, дают понять всему миру, что они обманули бы каждого, будь на то их воля» (323).

Но есть ли во всем этом что-либо специфически еврейское? И можно ли вообще говорить о каком-то особом еврейском отношении к существующим порядкам? Я считаю, что можно и, кроме того, я полагаю, что это специфически еврейское начало проявляется прежде всего в том, что, когда мы говорим о нарушении евреями каких-то правовых норм или обычаев, речь идет не об отдельных проступках каких-то отдельных «грешников», а о том, что такие нарушения являются результатом всей еврейской деловой этики, что в таких нарушениях находит свое отражение тот подход к ведению дел, который одобряется всем еврейским деловым миром. На основании такой всеобщей и непрекращающейся практики мы можем сделать вывод, что такой противоправный подход к ведению торговых и хозяйственных дел евреи не расценивают как нечто безнравственное и, следовательно, недозволенное, но, напротив, считают, что являются представителями некоей «правильной» морали, «правильного права» в противовес нелепым правовым нормам и сложившимся обычаям. Это, конечно же, не относится к тем случаям, когда речь заходит о каком-либо особо тяжком преступлении против собственности. Нет нужды заострять внимание на том, что следует проводить различие между заповедями и запретами, которые рождаются из самого факта существования института собственности

как такового (сказанное, естественно, в равной мере относится ко всем областям права) и теми, которые возникают из определенных форм и практики существования права собственности. Посягательство на первое везде считалось противоправным и наказуемым с тех пор, как вообще сложился институт собственности, в то время как нарушение норм и правил второго порядка оценивались по-разному, в соответствии с тем, как в ту или иную эпоху считалось возможным этой собственностью распоряжаться (например, запрет на ростовщичество, на какие-либо привилегии и т. д.).

В своеобразной деловой практике евреев оба вида нарушений переплетались между собой. Поначалу они, вероятно, нередко промышляли тем, что считалось незаконным в более широком смысле, когда, например, укрывали краденое и торговали заведомо крадеными вещами (в чем их, собственно, постоянно упрекали повсюду) (324). Такой вид преступной деятельности ни в коей мере не находил всеобщего признания даже в самом еврействе. Здесь, как и в христианском мире, надо проводить различие между людьми «приличными» и «бессовестными». Кроме того, тяготение к таким проступкам могло наблюдаться в тех слоях еврейского народа, которые потом все целиком или частично стали восприниматься с подозрением и представление которых о законном и незаконном так же противоречили морали остального еврейства, как и морали христианской. О наличии такой противоположности между различными слоями еврейского народа свидетельствует одно интересное событие из истории евреев Гамбурга. Здесь в XVII в. община евреев, переселившихся в свое время из Португалии, взяла на себя определенную ответственность перед властями за тех немецких евреев (*tedescos*), которые прибыли сюда впервые. Как только эти евреи прибыли в город, они дали обещание португальским евреям *не покупать ничего краденого* и не вести никаких нечестных дел. Уже на следующий год по прибытии их представители были вынуждены предстать перед махамадом (правлением сефардской общины), где им было поставлено на вид, потому что некото-

рые из вновь прибывших уже успели нарушить данное ими обещание; потом такое случилось и во второй раз, когда они покупали у солдат награбленное и т. д. (325).

Если нарушение евреями определенных правовых норм и обычаев (за которые их упрекали на протяжении всей эпохи раннего капитализма и которые, несомненно, имели место) можно рассматривать как проявление деловой морали, вообще одобряемой всем еврейством, то есть как специфически еврейский способ ведения дел, то серьезные нарушения уголовного законодательства, которые не приветствовались многими евреями, мы должны выделять особо (или в любом случае оценивать их по-другому) и ограничиваться выявлением тех правонарушений и попрания нравственных норм, которые, как мы предполагаем, совершались с общего согласия еврейского делового мира и на основании которых можно говорить о существовании специфически еврейского взгляда на экономику.

И что же мы здесь видим?

Прежде всего перед нами четко вырисовывается образ еврея как чистого дельца, как только делового человека, то есть такого, который, следуя духу подлинного капиталистического хозяйствования, ставит *достижение прибыли* выше всяких прочих целей, соотносимых с природным укладом жизни.

Я считаю, что самым лучшим доказательством этого являются мемуары *Глюкель фон Гамельн*. Эта книга, недавно вышедшая в немецком переводе, во многих отношениях представляет собой чрезвычайно ценный источник для адекватной оценки еврейства, его сущности и роли в становлении раннего капитализма. Глюкель фон Гамельн была женщиной-торговцем и жила в эпоху первого мощного экономического подъема евреев Гамбурга и, в частности, евреев Альтоны (1654–1724 г.). Эта необычная женщина являет нам подлинно живой образ тогдашнего еврея. Ее повествование (особенно первые книги, ибо потом уже начинает сказываться возраст) увлекает своей искренностью, бодрящей свежестью и самобытностью. Мне вновь и вновь приходилось думать о гос-

поже Рат, когда я читал эти мемуары, в которых по-своему цельный человек рассказывал нам о поистине богатой жизни. Когда, стремясь показать, что интерес к деньгам превалировал в умонастроении евреев той эпохи, я ссылаюсь на эту роскошную книгу, я делаю это потому, что, на мой взгляд, эта особенность наверняка имела самое широкое распространение, раз уж она стала основной в личности такого далеко незаурядного человека, каким была Глюкель фон Гамельн. Ведь по существу все думы и чаяния, все помыслы и чувства этой женщины вращаются вокруг денег (равно как и всех прочих людей, о ком она считает нужным что-то сообщить). Несмотря на то, что собственно деловые сообщения занимают в мемуарах совсем немного места, в них шестьсот девять раз на трехсот тринадцати страницах упоминается о деньгах, богатстве, прибыли и т. д. О каких-либо персонажах и их поступках упоминается только в связи с упоминанием о денежных делах, и средоточием всех интересов является выгодная женитьба. Стремление выгодно женить или выдать замуж своих детей составляет основное содержание деловой активности Глюкель. «Он тоже видел моего сына, — пишет она, — и они почти сошлись в этом вопросе, но только не смогли договориться о тысяче марок» (S. 238). Такие реплики встречаются на каждом шагу. О своем собственном повторном браке она говорит так: «После обеда мой муж в знак нашего бракосочетания преподнес мне роскошное обручальное кольцо весом в целую унцию».

Это своеобразное отношение к браку, которое раньше у евреев было вполне обычным делом, я хотел бы вообще рассматривать как признак их особого отношения к деньгам и прежде всего как стремление рассматривать в контексте деловых соображений даже такие вещи, которые не поддаются никакой оценке. Даже дети имеют определенную цену, и такое отношение к ним в те времена было для евреев чем-то само собой разумеющимся. «Все они — мои любимые дети, — пишет Глюкель, — все без исключения, как те, которые стоили мне немалых денег, так и те, которые не стоили ничего». Дети (особенно как предмет

будущего бракосочетания) имеют цену, они как бы котируются по определенному курсу в зависимости от ситуации на рынке, от конъюнктуры. Особенным спросом пользуются ученые и дети ученых. Отец может спекулировать детьми. Хорошо известен часто приводимый пример Соломона Маймона, о котором *Грец* сообщает следующее: «К одиннадцати годам он так овладел Талмудом как с содержательной, так и с формальной стороны, что стал... желанным женихом. Его отец, живший бедно, из спекулятивных соображений нашел ему сразу двух невест, не дав юному жениху возможности... даже увидеть их». Таких примеров немало, и потому они совершенно типичны.

Могут возразить, сказав, что среди неевреев тяга к деньгам так же сильна, но только те не хотят с этим согласиться, предпочитая лицемерить. Наверное, в какой-то мере это действительно так, но в качестве специфически еврейской черты я хотел бы отметить ту непосредственность и откровенность, с которыми тяга к деньгам делается средоточием всех жизненных интересов.

Такого же мнения о евреях были и их современники (XVII—XVIII вв.), и это единство взглядов можно, наверное, рассматривать как еще одно доказательство правильности представленной здесь точки зрения. В эпоху капиталистической экономики, еще не достигшей своего полного развития, еврей выступал как представитель того экономического сознания, которое целиком и полностью обращено к денежной наживе. От христианина его отличает не то, что он «дает в рост», не его стремление к накоплению богатств, а то, что он все это делает совершенно открыто, считая, что он и призван к этому, а также то, что, преследуя свои деловые интересы, он не знает жалости и пощады. О христианских «ростовщиках» Себастьян Брандт и Гейлер фон Кайзерсберг сообщают немало еще более скверного, говоря, что они «злее евреев», и самое отвратительное, что и заставляет «считать их гораздо злее евреев», заключается в том, что они обделяют свои грязные делишки с лицемерным выражением христианского благочестия на лице. «Если еврей совер-

шает это с открытой душой и не прячется, то сии лихоимцы проделывают такие дела под христианской личиной» (326).

В сообщении Иоанна Мегалополиса от 18 марта 1655 г. говорится о том, что «у этих людей [евреев] нет иного бога, кроме несправедливого маммоны, и только одна цель — завладеть собственностью христиан... они на все смотрят лишь с одной целью — поживиться» (327). Другой столь же проникательный современник высказывается о евреях еще резче: «Нисколько нельзя верить обещаниям, которые там [в Бразилии] дают евреи, этот вероломный и малодушный род, враги всему миру и особенно всем христианам, проявляющие интерес к горящему дому ближнего только до тех пор, пока можно согреться от его углей, и готовые скорее смириться с гибелью сотен тысяч христиан, чем с потерей сотни крон» (328).

«Торговца, который занимается ростовщичеством или запрашивает слишком высокую цену, который обдирает тех, с кем имеет дело, называют „настоящим евреем“, — пишет благоволящий этому народу Савари и затем добавляет: — Если те, с кем ты имеешь дело, ведут себя жестоко, цепко и привередливо, то говорят, что ты „попал в руки к евреям“» (329). Хотя выражение, гласящее, что «в денежных делах нет места добродушию», принадлежит весьма почтенному христианскому купцу, впервые со всей решимостью и открытостью его, вне всякого сомнения, стали воплощать в жизнь еврейские деловые круги.

Не забудем и о том, что в *пословицах и поговорках* всех народов издавна говорится о том, что евреи страстно стремятся к наживе и с особой любовью относятся к деньгам. «Когда Мария на дукатах, она и для еврея свята», — гласит венгерская пословица (имеет в виду изображение Девы Марии на деньгах). «У еврея кожа желтая», — говорится в русской пословице, которой вторит немецкая, утверждающая, что «желтый цвет еврею всех других дороже» (имеется в виду цвет золотых монет).

Из этого сильного стремления к наживе, уже не сдерживаемого никаким этическим началом, совершенно са-

мостоятельно рождаются *определенные деловые правила и подходы*, за которые и упрекают евреев. Их особенностью или проявлением грубой невоспитанности (как сказали бы представители старого, сословного экономического уклада) является стремление не обращать никакого внимания на те разграничения между различными профессиями и отраслями деятельности, которые были намечены каким-либо законом или установлением. Всюду, где производители и торговцы христианского исповедания ведут свои дела рядом с евреями, они постоянно жалуется на то, что последние не довольствуются каким-либо одним видом деятельности, непрерывно вторгаются во все прочие отрасли хозяйствования и тем самым нарушают цеховые правила; они вообще хотят прибрать к рукам всю торговлю и все производство, они просто одержимы несносной тягой к экономической экспансии. «Прибирая всю торговлю к своим рукам, евреи стремятся уничтожить всех английских торговцев», — говорится в одном сообщении, датированном 1655 г. (330). «Евреи — остроумный народ, вникающий во все виды торговли» (331). Уже упоминавшаяся Глюкель фон Гамельн пишет: «Мой отец торговал драгоценными камнями и прочим, как еврей, который умеет полакомиться всем».

От представителей немецких цехов слышатся многочисленные жалобы на то, что евреи не обращают никакого внимания на цеховые правила, согласно которым нельзя вмешиваться в чужие виды торговли и ремесла. В 1865 г. совет города Франкфурта-на-Майне сетовал на то, что евреи вторгаются во всякую торговлю: холстом, шелком, книгами и т. д. (332). В то же время во Франкфурте-на-Одере сетовали на то, что евреи торгуют чужими бордюрами, нанося ущерб местным позументщикам (333). Поначалу стремление евреев охватить все отрасли проявлялось в том, что они торговали в своих лавках всевозможными просроченными закладами (наряду с уже упоминавшимся награбленным имуществом), никак не связанными между собой каким-либо единым признаком и имевшими отношение к самым разным производителям и торговцам. Такие лавки (прообраз современных

универмагов) как бы бросали вызов любому цеховому разделению и самим фактом своего существования протестовали против сложившихся порядков в торговле и ремесле. В одной регенбургской песне очень выразительно описывается такая «лавка старьевщика» — вместилище еврейской коммерции (причем дело относится к XV в. и можно сказать, что с годами развитие таких отношений лишь усугублялось, двигалось в том же направлении и становилось еще самобытнее):

«Нужда и голод, тяготы, заботы —
Мастеровому от его работы.
На свете нет такого ремесла,
Где от еврея он не претерпел бы зла.
Едва захочет кто купить себе одежду,
К еврею старому свой путь поспешно держит:
Посуда, олово, холсты, тесьма, береты
И все, чего на случай дома нету,
Все у еврея есть: когда дела не шли на лад,
Ему все это отдали *в заклад*.
Все, что разбойник или вор отыщет,
То у него найдет свое жилище.
.....
Плащи и брюки — все, что ни попросят,
Еврей с готовностью всегда выносит.
Мастеровому ж нечего продать:
К еврею все торопятся бежать» (334).

Можем ли мы сказать, что такое пренебрежение словными и цеховыми различиями и преследование одних лишь коммерческих целей вопреки всяким ограничениям связано с тем, что евреи протестуют против старого государственного уклада? Можем ли сказать, что и здесь они стремятся к тому, чтобы осуществить идеал свободной торговли, без какой-либо оглядки на национально-экономическую идею, лежащую в основе старой торговой политики? В XVIII в., например, торговлю, которая велась во Франкфурте, называли «еврейской коммерцией», потому что она в основном представляла собой ввозную торговлю, торговлю импортным товаром, «которая немецким рукам не дает почти никакой полез-

ной работы и по большей части основывается на истощении внутренних ресурсов» (335). Когда в начале XIX в. Германию заполнили дешевые *английские* товары, которые в основном продавались с аукциона, евреи воспринимались как пособники такого импорта: «Евреи, которые в немецких торговых городах сумели сосредоточить в своих руках так много торговли, завладели почти всеми вышеназванными аукционами». «Так как торговля мануфактурными товарами сосредоточилась в руках евреев, британцы, в основном, имеют дело только с ними». «Всеобщая и чрезвычайно важная розничная торговля, состоящая из несметного, бесконечного числа всевозможных так называемых мануфактурных товаров, связана с их внешней торговлей». Евреи «наполнили свои лавки иностранными шляпами, обувью, чулками, кожаными перчатками, изделиями из железа и меди, всевозможными лакированными поделками, мебелью и домашней утварью, а также готовым платьем всевозможным фасонов, которое доставляют английские корабли» (336). Такие же голоса доносятся и с той стороны Рейна, то есть из Франции: «Почти все товары, которые они привозят, иностранного происхождения» (337).

Взамен они предпочитают вывозить из страны сырье, что в любом случае является прегрешением против самой сути старого уклада (о чем, к примеру, говорится в жалобе ганноверских ремесленников XVIII в.) (337а).

Не обращая внимания на границы, установленные между отдельными государствами, не принимая во внимание установленный законом водораздел между различными ремеслами, евреи тем более не замечали тех ограничений, которые главным образом традиция или законодательные акты налагали на экономическую деятельность тех или иных производителей и торговцев. Мы видели, что высший принцип средневекового экономического сознания и в значительной степени сознания раннекапиталистического заключался в том, чтобы не отбивать покупателя от своего соседа, но именно против этого принципа, как мы видим, евреи и продолжают высту-

пать. Они повсюду выслеживают покупателей или продавцов, вместо того чтобы (как предполагалось торговыми «правилами приличия») спокойно ждать их в своих лавках (этот факт подтверждается многочисленными свидетельствами отовсюду).

Например, в 1703 г. скорняки Кенигсберга жаловались на то, что «евреи по имени Гирш и Моисей вместе с товарищами» превзошли их в скупке и продаже сырых и выделанных меховых изделий, нанеся им тем самым большой ущерб (338).

С другой стороны, в 1685 г. ювелиры, золотых и серебряных дел мастера Франкфурта-на-Майне сетовали на то, что весь золотой и серебряный лом им приходится покупать у евреев, потому что те с помощью своих бесчисленных соглядатаев всегда умудряются утащить из-под самого носа все, что необходимо христианам (339). Несколько лет назад все купечество того же города в жалобе городскому совету говорило о том, что евреи «вызнают о сделках христианских купцов».

Еще несколькими годами ранее, а именно в 1647 г., теперь уже гамбургские портные стали хлопотать о том, чтобы власти запретили евреям торговать новыми видами одежды: «Остается только горько сожалеть о том, что евреи имеют возможность на всех улицах, нагрузившись всевозможными товарами, как верблюды и ослы, бежать навстречу чужеземцам высокого и низкого сословия, прибывающим во Франкфурт, и тем самым лишать нас повседневного пропитания» (340).

В 1635 г. совершенно в том же духе торговцы шелком и готовым платьем в своем прошении говорили о том, что «помимо еврейского квартала они бродят по всему городу, по *постоялым дворам* и там, где придется, *тайно и в открытую бегают по всем переулкам за солдатами, офицерами, полковниками, когда те входят в город*. Некоторые мастера пошивочного дела взяли их в свое товарищество, и они во время прохода войск [когда еврейский квартал должен был быть закрытым] наполняют их дома различной одеждой, которой позволяют торговать».

В 1672 г. представители различных сословий маркграфства Брандербургского жаловались на то, что «евреи бегают по деревням и городам и навязывают жителям свои товары».

Это же время жители Франкфурта-на-Одере довольно тщательно обосновывают свою жалобу, в которой опять речь идет о евреях. В ней говорится о том, что евреи не дают покоя путешественникам, приходя в гостиницы, докучают дворянам в их замках, а также студентам в их каморках, «ибо они не довольствуются тем, что открыто выставляют на продажу всевозможные товары в своих лавках: каждый из них имеет посланцев, которые не только ходят от дома к дому в городе и особенно по тем домам, где останавливаются приезжие, не только приходят в жилища студентов и предлагают им всевозможные товары из шелка, белый набивной ситец, изделия из сукна, кружева, холст и прочую галантерею, но и бродят по деревням, где есть дворяне»; кроме того, «во время ярмарок они привыкли ежедневно обходить постоялые дворы, *заманивая покупателей*» (341).

Мы читаем о том, что в австрийском городе Николсбурге «еврей прибрал к своим рукам всю торговлю, все деньги и материалы. Он сидит у городских ворот, пристаёт к путешественникам на дороге, стремясь вступить с ними в разговор и тем самым отбить их от николсбургских торговцев-христиан» (342).

О том, как евреи отыскивают новых покупателей, рассказывает один хорошо осведомленный автор начала XIX в., подчеркивающий, что евреи взяли за правило «постоянно, не прерывая связи со своими людьми, наделенными нужными сведениями и не боясь показаться назойливыми, обходить все без исключения общественные места, чтобы, читая многочисленные общедоступные газеты и прочие листки, тем самым добратся до каждого покупателя и особенно до приезжих, чтобы, подслушав тот или иной разговор, прийти к тем, кому грозят неприятности, и заключить с ними какой-либо торговый контракт, заключить какую-либо сделку о какой-либо передаче или уступке и т. д». (343).

Итак, то, что в данном случае должно было привести к возникновению изоцированной системы выведывания той или иной информации с единственной целью — *заполучить как можно больше покупателей* — совершалось прямо на улице (где еврейские старьевщики вели свои дела) изначальным, наивным способом: почти физическим принуждением к покупке (точно так, как это каждый день совершается в наших больших городах, где не перестает процветать торговля по принципу «хватай за руку и держи», как говорят жители Бреслау. Об этом расцвете самой последней формы капитализма я уже как-то говорил и (для того, чтобы картина стала более наглядной) даже нарисовал картину лавочной торговли, где лавочники носят еврейские имена. Эту художественную вольность, к которой я прибегнул, потом злонамеренно истолковали как проявление антисемитизма. В ответ на это обвинение сегодня я могу указать на исторический факт, который гласит, что упомянутая торговля, осуществляемая по принципу «хватай и держи», действительно была порождением еврейского торгового духа. Такую торговлю в XVIII в. во Франции вели старьевщики, которые, по свидетельству одного современника, в основном были евреями (344). Картина такой торговли, которую нам рисует *Мерсье*, столь занимательна, что его описание стоит привести дословно. Итак, он пишет: «Коротышки, слоняющиеся вокруг лавок, зазывают вас туда довольно неучтивым образом, и стоит войти в лавку, как все, кто там находится, начинают навязывать вам какой-нибудь товар. Жена, дочь, служанка, собака, — все лают вам в уши... Порой эти пройдохи хватают какого-нибудь приличного человека за руки или за плечи и просто силком втаскивают его в лавку, и вот за такой недостойной игрой они коротают время...» (345).

Один путешественник, приблизительно в это же время проезжавший по западной части Германии, писал так: «Там, где проживает много евреев, порой тяжело идти по улице: каждый миг на каждом шагу вам пытаются всучить какой-нибудь товар. Постоянно слышишь один и тот же вопрос: „Не хотите ли что-нибудь приобрести? Не

желаете ли купить это или вот это, а может быть, то?“» (346).

Порой они превращаются в «летучих купцов» ради того, чтобы получше «подобраться» к своим покупателям. «Еврей широко раскладывает свой мелочной товар на ступенях дома, там и сям расширяя ряды с помощью всевозможных подставок, или сооружает прилавок, устанавливает стол у тех домов, куда он может подойти, или превращает в лавку подъезд какого-нибудь дома, или, наконец, делает из своей тележки походный магазин, причем у них хватает смелости располагаться перед лавками, где продаются такие же товары» (347).

Девиз прост: «Вперед, к покупателям!» Мы видим, как сегодня такой дух царит даже в большой промышленности, что гениальная организация Всеобщей электрической компании предполагает именно такую цель.

Известно, что в некую систему «завоевание» покупателей оформилось только в рекламе. Сегодня так называемое «назойливое увещание» (*assomante invitation*), которое, как мы видели, берет свое начало в стиле торговли, отличающем мелкого старьевщика, характерно для самой разнообразной деловой рекламы. Если мы считаем, что основоположниками такого привлечения покупателей были евреи, нам, следовательно, надо считать их и отцами современной рекламы, хотя я не могу предоставить достаточных доказательств для подтверждения этой связи. Для того чтобы составить какое-то мнение по этому вопросу, достаточно просмотреть самые старые газеты, обращая внимание на имена тех, кто подавал объявления. Вообще в настоящее время, насколько я знаю, у нас еще нет никаких наработок, которые могли бы лечь в основу *истории рекламы*, и более или менее сносно у нас представлена лишь история *объявления* (то есть простого газетного уведомления), которое, по всей вероятности, только позднее (и в общем и целом, наверное, не ранее XIX в.) разрастается до уровня коммерческого восхваления товара или услуги (т. е. до уровня рекламы). Приведу несколько примеров, на основании которых можно говорить о том, что у истоков рекламы стояли евреи.

1) Самая первая реклама, которую я знаю, находится в 63 номере «Vossischen Zeitung» от 28 мая 1711 г. Вот что там написано: «Доводится до сведения, что у адвоката Большена в еврейском переулке остановился голландский [еврейский?] купец, торгующий всевозможными изысканными сортами чая по доступным ценам. Пусть не задерживается каждый желающий что-либо приобрести, ибо через восемь дней он отбывает».

2) Первая реклама в тексте газеты, которая в 1753 г. была отправлена в Голландию, сообщает о глазном целителе по имени Лаазер (348).

3) В Соединенных Штатах очень старая реклама (насколько я знаю, самая старая) появилась 17 августа 1761 г. в «New York Mercury». Вот что в ней сообщалось: «Хейман Леви, что на Байярд Стрит, продает всяческое военное снаряжение, лучшую английскую солдатскую обувь... а также все, что напоминает о великолепных днях славной войны» (349).

4) Евреи являются основоположниками современного газетного дела, т. е. подлинного органа рекламы; особую роль они сыграли в основании дешевой «желтой» прессы (350). Как известно, Полидор Милло основал «*Petit Journal*», который, стоя недорого, стал, как известно, прообразом всех позднейших газет.

Однако сообщать адрес, подталкивать к покупке путешественников, расхваливать свой товар, — все это лишь одна сторона «ловли» покупателей. Все эти приемы можно отнести к внешней стороне такой «ловли», которой противостоит ловля «внутренняя», представляющая собой всю совокупность приемов и уловок, призванных к тому, чтобы сделать привлекательным само предложение товара. Когда-то я назвал такую политику, нацеленную на удовлетворение и завоевание покупателей, предупредительностью в самом широком смысле, и мы снова видим, что в формировании этой стороны нашей экономической жизни весьма выдающуюся роль сыграли евреи. Можно почти в деталях, «документально» доказать, что они впервые решительно выступили против господствовавшего порядка вещей, заявив, что отдельный ком-

мерсант может (и должен) так предлагать свой товар, чтобы привлечь как можно больше покупателей или путем создания новых потребностей увеличить их число.

В контексте того понимания экономики, которое ставит во главу угла получение конкретных хороших результатов, единственным действенным средством достижения этой цели является *предложение товаров по сниженным ценам*, и мы видим, что еврей с удовольствием прибегает к этому средству (и именно это и делает его столь ненавистным в тех христианских деловых кругах, где принято, в соответствии со своими взглядами на экономику, «держаться цену». Еврей продает товар по бросовой цене, он сбивает цены — такова песня, которую в XVII—XVIII вв. на все лады поют там, где евреи ведут свои торговые дела.

Доказательств тому много, но я ограничусь лишь несколькими.

Когда (как мы уже упоминали) в 1753 г. в Англии евреи вызвали взрыв негодования, один из самых существенных доводов против наделения их правом гражданства сводился к тому, что они, пользуясь полной свободой, продают товары по заниженным ценам и тем самым наносят ущерб местным торговцам (351).

Что касается Франции, то здесь интендант Лангедока, например, отвечая на жалобу купцов из Монпелье, говорит, что «ткани... которые евреи привозят на ярмарку... выигрывают из-за низкой цены, по которой они продаются, в сравнении с тканями, имеющимися в лавках [местных] торговцев» (31.5.1740) (352). Купцы Нанта (продавцы галантереи и скобяного товара) считают, что «население, клюнув на дешевизну, всегда оказывается в дураках», покупая еврейские товары, но в то же время однозначно подчеркивают, что эти товары продаются дешевле (353). По этой же причине парижские купцы в своей жалобе сетуют на то, что евреи продают все свои товары «по цене гораздо ниже фабричной» (354).

В прошении парижских торговцев бронзовыми изделиями говорится о том, что еврей из города Фюрта по имени Авраам Ульман «продает ту же самую бронзу дешевле, чем она обычно здесь продается» (355).

В своем постановлении от 22 октября 1760 г. лионские производители шелка объясняли свою неблагоприятную конъюнктуру тем, что евреи продают свой товар по бросовым ценам и *благодаря этому господствуют во всех провинциях* («Эти люди... продавая [ткани] по низкой цене, овладевают торговлей по всех провинциях» (356).

Когда в 1815 г. в *шведском* риксдаге разгорелись дебаты о том, надо ли евреям предоставлять свободу во всех видах торговли, одним из основных доводов против этого (как и ранее в Англии) стал тот факт, что евреи сбивают цены (357).

На жалобу христианских купцов Польши евреи отвечали в том смысле, что если бы христиане продавали товары так же дешево, как они, евреи, то и у тех было бы так же много покупателей (358).

В таком же духе выдержаны и нередкие жалобы купцов и фабрикантов Германии, о чем я уже не раз говорил.

Можно вспомнить о жалобе сословий маркграфства Бранденбургского в 1672 г. (359), о жалобе цехов города Франкфурта-на-Майне (в том же XVII в.) (360), о сообщении военной палаты, а также палаты земледелия и государственных имуществ о причинах экономического упадка герцогства Магдебургского (1710 г.) (361). «Также хорошо известно, что здесь и в других местах этого герцогства к проживанию евреев относятся терпимо, в результате чего население в немалой степени терпит различный ущерб, видя, как эти люди... кормятся покупкой и продажей и нередко... *продают товары дешевле*, отчего впоследствии купцам приходится страдать». Один путешественник, проезжавший приблизительно в то же время по Германии, сообщает о «горьких сетованиях против еврейской торговли». «Купцы говорят, — пишет он далее, — что они губят всяческую торговлю, сбивают цены, и если [купцы] хотят отыскать какой-то иной рынок сбыта для своих товаров, они все равно заставляют их, насколько возможно, следовать за ними» (362).

Такое наблюдение подтверждается общим (прусским) указом от 1750 г., в котором говорится о том, что «торговый люд наших городов жалуется на то... что торгующие

евреи, которые сбывают такой же мелочной товар, причиняют им большой ущерб, *ибо обычно продают свой товар дешевле*».

Такие жалобы раздаются вплоть до XIX в. Например, в «*Прошении оптовых негоциантов города Аугсбурга о недопущении евреев*» (1803 г.) мы читаем, о том, что евреи умеют извлечь для себя выгоду из общей нужды, что человека, нуждающегося в деньгах, они заставляют продавать свой товар за бесценок и, перепродавая товары по низким ценам, приводят в упадок честную торговлю (363).

(Ни для кого не секрет, что и сегодня во многих промышленных отраслях фабриканты и торговцы христианского вероисповедания воспринимают «продажу за бесценок», предпочитаемую евреями, как большой ущерб для своей экономической деятельности и довольно часто говорят об этом в открытую. К этому я еще вернусь).

Итак, повсюду считалось, что евреи могут сделать то или иное дело дешевле, чем все остальные, и об этом есть свидетельства и из истории финансового капитала. Когда, например, в начале XVIII в. австрийское правительство снова решило взять заем (почти всегда его брали в Голландии), указом от 9 декабря 1701 г. советнику дворцового управления барону Пехману было поручено тайком узнать, нельзя ли под залог выработки от венгерского медного рудника, получить более значительную сумму. Ему пришлось обратиться к *португальским евреям в Голландии*, потому что прочие представители генеральных штатов помимо общих гарантий всегда требовали какой-либо особой действенной ипотеки (364). В результате дворцовая канцелярия Вены в своем представлении от 12 мая 1762 г. среди прочего высказала такое соображение: «Нам представляется целесообразным заключать договора на военные поставки с евреями, ибо они... соглашаются на гораздо более низкие цены на эти поставки».

И не раз, наверное, так называемые «сведущие» люди, усевшись в своих мастерских и кладовых, прогуливаясь в воскресенье пополудни у городских ворот, сидя вечером за кружкой пива и приглядываясь к проезжему купцу, снова и снова задавали себе один и тот же вопрос, не дававший им покоя: «Как это получается, как вообще еврей умудряется проводить свою „грязную“ политику сбивания цен? Почему он может продавать по более низким ценам? *В чем причина?*»

В зависимости от компетентности, от умения судить объективно, ответы, конечно же, были самыми разными, и у нас налицо много объяснений, которые (вместо того, чтобы совершенно безоговорочно воспринимать их как утверждение того факта, что евреи сбивали цену, ибо при наличии самых разных и совершенно независимых друга от друга непротиворечивых свидетельств в этом нет никакого сомнения) сначала необходимо основательно проверить на предмет их достоверности. При этом всегда надо иметь в виду, что причины, по которым еврейские товары продавались по более низким ценам, нас пока что интересуют лишь настолько, насколько на их основании мы можем сделать выводы о совершенно своеобразной практике ведения дел или самобытной деловой этике.

Объяснение, которое нам, наверное, приходится слышать чаще всего, основывается на «явной» нечестности евреев. Рассуждают так: поскольку евреи несут такие же расходы, поскольку затраты на изготовление тех или иных товаров оказываются такими же, более низкая цена свидетельствует о том, что что-то нечисто. Наверное, евреи завладевают продаваемыми товарами каким-то незаконным способом: скупают краденое или награбленное. Плохая слава, которая, как мы видели, всячески следовала за евреями, лишь усиливала такое объяснение, и наоборот, сбивание цен, к которому евреи прибегали, довольно часто воспринималось как подтверждение того, что они скрывают краденое.

Я не стану приводить какие-либо доказательства в пользу такого, как мы уже говорили, довольно часто встречающегося объяснения (поскольку почти каждая из упоминавшихся жалоб на нем и основывается), тем более что оно совсем не интересно. Нет никакого сомнения в том, что во многих случаях оно оказывается верным (происходившее в Гамбурге в XVII в. его подтверждает без каких-либо оттенков предположительности), но если мы не можем никак иначе объяснить, почему евреям удавалось снижать цены (кроме указания на то, что они пускали в продажу краденое и награбленное), тогда вообще не стоит и распространяться на эту тему. В таком случае с течением времени практика снижения цен вообще не приобрела бы такого большого значения, которое она все-таки имеет.

Пришлось отыскивать другие причины, которые объяснили бы существование низких цен, устанавливаемых евреями (причины, о которых знали даже в самых озлобленных цеховых кругах). Их обнаружили в непосредственном соседстве от первой группы причин: речь шла не о противозаконной, преступной торговле, а о той практике, которую все-таки нельзя было назвать безупречной.

К такой деятельности, например, принадлежала:

— торговля запрещенными товарами (военной контрабандой и т. д.);

— торговля заложенными товарами;

— торговля конфискованными товарами (таможенная контрабанда);

— торговля товарами, которые были приобретены у «обремененного долгами, который эти же товары был вынужден продать за бесценок» (365) или у «нуждающегося в деньгах, которого заставили продать свое по дешевке» (366);

— торговля старыми, залежалыми товарами, которые по низким ценам приобретались «на судебных аукционах» (367);

— торговля товарами, которые тот или иной банкрот сбывал по пониженным ценам («благодетельствуя бан-

кротам, которые продают им эти товары за полцены») (368);

— торговля с тайным умыслом объявить себя банкротом (369);

— торговля товарами, изготовленными с нарушениями регламента (370);

Трудно установить, в какой мере при использовании этих и других приемов (которые в одном заявлении мясных торговцев называются «жалкими еврейскими уловками») речь шла о тех или иных случаях, слишком быстро ставших всеобщим явлением, трудно установить, в какой мере здесь можно говорить о широко распространенной привычке еврейских дельцов, однако применительно к тому, что нас интересует, это имеет лишь второстепенное значение. Глупо говорить, что все эти обвинения были надуманными, и важно прежде всего то, что использование таких приемов и средств приписывалось евреям и рассматривалось как нечто, им свойственное. Даже если мы предположим, что из всех перечисленных обвинений реальному положению вещей соответствует лишь самая незначительная часть, все равно сохраняется некая симптоматическая значимость сказанного, о которой можно вспомнить, когда речь пойдет о другой точке зрения, полученной иным путем. Позднее я воспользуюсь этими соображениями, а пока продолжим перечисление тех причин, которыми пытались объяснить умение евреев продавать товары по сниженным ценам.

Очень часто мы сталкиваемся с утверждением, что товары, которые изготовляли и которыми торговали евреи были *низкого качества*. Такое обвинение (которое, конечно же, отражало господствовавшее в ту пору представление об экономике) так часто заявляет о себе при самых разных обстоятельствах, что у нас не возникает никакого сомнения в том, что в значительной степени оно было обоснованным.

В уже упоминавшемся сообщении военной палаты и палаты управления государственными имуществами о причинах экономического упадка герцогства Магдебург-

ского говорилось о «зачастую краденых или обычно испорченных вещах», которые евреи приобретали для того, чтобы потом продать их по низким ценам. Кроме того, в так же упоминавшейся жалобе сословных представителей маркграфства Брандербургского говорится о том, что товары, которыми торгуют евреи, «по большей части старые и залежалые». Позументщики Франкфурта-на-Майне жаловались на то, что евреи скупают и распродают не только «добротные и качественные» товары их профиля, но и «бракованные и поддельные» (371). В торговом словаре, на который я часто ссылаюсь как на вполне достоверный источник, тоже высказывается точка зрения, согласно которой евреи торгуют испорченными, некачественными товарами, «на которые они умеют наводить такой лоск, умеют их так перекрашивать, придавать внешне настолько хорошее качество или вид, такую красивую отделку и изящество, такой новый запах и вкус, что нередко обманываются даже истые ценители».

Все это почти дословно повторяется в уже упоминавшейся памятной записке купцов из Нанта. В ней говорится о том, что, несмотря на кажущуюся дешевизну товаров, продаваемых евреями, они на самом деле оказываются дороже, поскольку представляют собой кучу старых, вышедших из употребления предметов и всего прочего, что уже никуда не годится. Шелковые чулки, например, они перекрашивают, пропускают через каландр, чтобы продать как новые, но в действительности их можно надеть только раз и не больше.

Лионские производители шелка (XVIII в.) сетуют на то, что евреи привели шелковую промышленность к упадку, потому что, стремясь продавать дешевле, они заведомо производили недоброкачественные товары («эти люди производят ткани только плохого качества» (372).

В 1705 г. в докладе наместника Богемии сообщалось о том, что «евреи сосредоточивают в своих руках ремесло и торговлю и по причине своей мануфактуры, которая по большей части никуда не годна, а также испорченные товары не дают возможности вести выгодную торговлю с заграницей» (373).

Согласно уже не раз упоминавшемуся заключению Вегелина, в 1815 г. представленному в шведский риксдаг, производством ситца занимались только евреи, и они же по причине плохих товаров (так называемый «еврейский ситец») привели к упадку эту отрасль промышленности.

Процесс, который начался в эпоху раннего капитализма (как явствует из упомянутых жалоб) сегодня еще весьма далек от завершения. Жалобам фабрикантов-христиан на то, что евреи занижают цены, естественным образом сопутствуют другие жалобы: стремясь любой ценой произвести дешевый товар, евреи снижают его качество.

Мы не будем далеки от истины, если на основании всех этих наблюдений скажем, что евреи являются *родоначальниками суррогата* в самом широком смысле.

Итак, они являются родоначальниками суррогата, поскольку нередко специфически новым в этой области является не плохой товар в строгом смысле этого слова, т. е. не те же самые товары, но только худшего качества, а плохой товар в несколько ином понимании: товар, который изготовляют для тех же потребительских целей, но только из более дешевого материала и более дешевым способом, т. е. по существу нечто иное, а именно суррогат в строгом, специальном смысле слова. В серьезных случаях зачинателями такого суррогата в собственном смысле как раз и являются евреи. Особенно часто суррогатный материал встречается в текстильной промышленности, хотя его не лишены и другие отрасли, например суррогатный кофе и т. д. В каком-то смысле о суррогатах можно говорить и по отношению к промышленности красителей, которая достигла успехов только на второй стадии развития, отмеченной еврейским влиянием (когда дорогие вспомогательные материалы, впервые использованные изобретателями искусственного ализарина, были заменены более дешевыми).

Наконец, в этой связи можно вспомнить еще об одном обвинении, которое часто встречается то здесь, то там: евреи продают свой товар по более низким ценам по сравнению с христианами, однако они это делают потому, что у них тот или иной вид товара меньше по весу или по разме-

ру. Например, в Авиньон они поставляют более дешевые шерстяные товары, но только потому, что эти товары не отвечают весовым нормам (374). О немецких евреях говорят так: «Кю всему прочему евреи падки на любой, даже самый малый выигрыш. Если еврею надо отмерить десять аршин, он отмерит девять и семь восьмых. Христианин знает об этом, но говорит, что еврей мерит в обрез: в десяти аршинах всегда недостает самой малости, но зато еврей продает отмерянное гораздо дешевле» (375).

В данном случае, однако, нас интересует следующее (почему, собственно, я и привел все эти факты): можно ли (и если да, то в какой мере) на основании всех этих практических приемов, посредством которых евреи пытаются снизить цены, сделать вывод о существовании определенных общих принципов ведения дел, которые, быть может, находятся в прямой связи с тем предположительно сугубо еврейским взглядом на экономику, который мы стремимся выявить. На данный момент мне кажется, что характерной особенностью всех перечисленных приемов, к которым прибегают евреи, сбивая цену, является определенная неразборчивость в средствах, которые применяются для достижения конечных экономических целей. Утрачивается внимание к чужим личностным ценностям, угасает уважение к законному, утвержденному обществом укладу и, наконец, при производстве товаров потребления утрачивается ориентация на какие-то природные, естественные величины, и в понимании природы деловой активности верх берет чисто схематическое ее осмысление, ориентированное только на принцип обмена товара на деньги.

Здесь мы видим начатки той характерной для капитализма тенденции к *безоглядной наживе*, о которой говорили в другом месте, но только здесь она еще находится на стадии своих единичных, случайных проявлений.

Перечисляя использовавшиеся евреями приемы и средства удешевления цены на продаваемые ими товары, мы ни в коей мере не исчерпали всего перечня этих приемов и средств. Некоторые, имеющие такое же принципиально важное значение, еще предстоит назвать, хотя они

лежат в принципиально иной плоскости по сравнению с уже названными. От последних их, главным образом, отличает то обстоятельство, что они способствуют действительному удешевлению товара, в то время как уже перечисленные приемы или вообще не могли привести к такому удешевлению, или приводили к нему за счет нанесения ущерба каким-либо другим лицам.

Иначе обстоят дела с теми приемами удешевления цены на товар, которые теперь предстоит назвать. Для всех их характерно то, что они способствуют реальному снижению затрат на производство товара: или благодаря снижению собственных запросов производителя или торговца (так называемые субъективные «расходы»), или благодаря снижению издержек, с которыми приходится считаться как производителю, так и торговцу, занятыми продажей (или они не доплачивают деньги тем, кто принимает участие в создании продукта (рабочим), или находят более эффективные и, следовательно, более дешевые методы производства и сбыта продукции).

Мы располагаем многими доказательствами того, что все эти методы, приводящие к удешевлению цены на товар, были использованы евреями (по крайней мере впервые именно ими).

Еврей может поставлять более дешевые товары, потому что по сравнению с купцом или ремесленником-христианином у него *не такие высокие запросы* (об этом нередко говорят беспристрастные сторонние наблюдатели, но также время от времени вынуждены признавать и сами деловые люди).

Еврей продают свои товары дешевле, «и от этого впоследствии приходится страдать купцам, *потому что они потребляют больше еврея и, следовательно, продавая свой товар, вынуждены соотносываться с собственными запросами*» (перед нами старый идеал достойного пропитания во всей своей чванливости) (376). «По сравнению с христианином еврей довольствуется меньшей прибылью» (377). Возражая христианам, польские еврей говорили, что если бы христианские купцы не жили так расточительно, они тоже могли бы продавать свои товары

так же дешево (378). К такому же выводу приходит один проникательный автор, в конце XVIII в. путешествовавший по Германии: «Посему хорошо видно, в чем кроется причина такого сетования. Не что иное, как расточительная гордыня высокомерного торговца, так много при своей торговле тратящего на роскошь, не позволяет ему понизить цены на свой товар. И народ благодарит еврея, который, ведя более скромный образ жизни, получает ту же прибыль и заставляет торговца, делающего ненужные траты, или вести свое хозяйство лучше, или вскоре оказаться ни с чем» (379).

В заявлении Венской дворцовой канцелярии от 12 мая 1762 г. говорится о том, что евреи «благодаря своей рачительности и скромному образу жизни» осуществляют поставки по более дешевым ценам, чем христиане. В памятной записке Венгерской и Трансильванской дворцовой канцелярии от 9 января 1786 г., представленной в связи с решением Иосифа II ввести ограничения на еврейскую торговлю спиртными напитками, также говорится о том, что «гораздо более скромный и плохой образ жизни, ведомый евреями», позволяет им дороже платить за аренду (380).

«Это народ, привыкший к лишениям, народ, живущий в нужде, и потому в сравнении с англичанами он умеет довольствоваться меньшей прибылью», — пишет Чайльд (381). В середине XVIII в. в Англии говорили о том, что в силу своей крайней непритязательности евреи умеют снижать цены (382).

«Я убежден, — говорит интендант Лангедока, обращаясь к вечно жалующимся купцам города Монпелье, — что ярмарочная торговля евреев... причиняет торговцам Монпелье меньше ущерба, чем их не слишком большое внимание к общественному служению и *твердое стремление добиться больших барышей*» (383).

Однако, говорят нам очередные сведущие люди (и они, наверное, были какими-то ясновидящими), евреи придумали уловку, с помощью которой им удастся, несмотря на невысокие цены на товары, получать такую же высокую прибыль, как у их конкурентов-христиан (или даже

больше): дело в том, что они ускоряют процесс оборота. Уже в начале XIX в. воспринимается как сугубо еврейское, «не исполняемое противоположной партией торговое правило, согласно которому более частый оборот с меньшими процентами оказывается куда более доходным, чем оборот долгий, хотя и с высокой прибылью» (384). «Куда более... евреям в их торговле помогло возвыситься следующее правило: более частый оборот с незначительной выгодой (процентами) несравненно ценнее, чем редкий оборот с высокой прибылью». Далее автор говорит о том, что христиане никогда не могли усвоить это правило (385).

Итак, евреи предстают как основоположники этого экономического принципа, решительно восстающего против того понимания экономики, в основе которого лежит идеал достойного пропитания. Пусть меньше сиюминутная выгода, зато больше оборот — таков их девиз.

Наценка, прибыль (как до этого сама цена) выводится из сумерек традиционного понимания природы хозяйствования и превращается в нечто, целиком и полностью определяемое самим торговцем и полностью сообразуемое с его экономическими целями. Это было большим, озадачивающим новшеством, у истоков которого опять-таки стояли евреи; собственно еврейское здесь заключалось в умении самостоятельно решить, надо ли в данной ситуации вообще стремиться к прибыли или лучше какое-то время работать без нее, но зато потом получить еще больше. Еще в начале XIX в. один проникательный современник, описывая определенное деловое решение, связанное с получением прибыли, называет его презренной еврейской практикой (ссылаясь, правда, на Германию, которая, конечно же, в ту пору отставала в экономическом развитии от других западных стран). Он пишет: «Собирается определенный капитал [средство, которое тем легче образуется, чем сильнее растет уровень зажиточности, поддерживаемый единым меркантилистским духом]; *поначалу торговля идет с небольшими процентами, нередко даже в убыток*, и только после того, как то или иное дело получает достаточное основание, после

того, как достигается надежная монополия, начинается произвольное повышение цен» и т. д. (386).

Наконец, надо упомянуть еще об одной часто встречающейся у евреев особенности: они стремятся к тому, чтобы при производстве товаров обходиться как можно более дешевыми средствами, будь то поиск самой дешевой рабочей силы или использование более совершенных способов производства.

Часто обращали внимание на то, что более дешевые цены на товары, продаваемые евреями, обусловлены более низкой заработной платой, которую они выплачивают (об этом говорили производители шерсти в Авиньоне (387), купцы из Монпелье (388), городской совет Франкфурта-на-Одере (389), представители портняжного цеха Франкфурта-на-Майне). Общее, что отличает все эти напоследок названные экономические уловки (и чего не могли увидеть современники) заключается, конечно же, в том, что евреи на самых ранних этапах капиталистического развития завладели важной отраслью капиталистической промышленности главным образом там, где она как кустарная промышленность развивалась по образцу торговли. Например (и главным образом), участие евреев в становлении капиталистической текстильной промышленности оказывается гораздо большим, чем полагали ранее, однако здесь я не собираюсь проследить дальше эту связь, так как в этой деятельности евреев я не усматриваю ничего специфически еврейского, разве что они сознательно, исходя из сугубо рациональных соображений, первыми стали прибегать не только к новым формам торговли, но и к новым формам производства.

В этой связи можно вспомнить и о других особенностях еврейской манеры ведения дел, о которых мы не находим никаких свидетельств, относящихся к эпохе раннего капитализма (быть может, потому, что явственно они проступили только впоследствии), но которые берут начало в том же умонастроении (как и все уже рассмотренные нами черты, отличавшие евреев в их экономической деятельности). Я имею в виду сознательный настрой на все новые уловки и приемы, с помощью которых завоевыва-

ются покупатели: здесь можно говорить о какой-либо новой группировке товаров, о новых способах оплаты, о новых сочетаниях тех или иных отраслей, о новых формах предложения каких-либо услуг, — одним словом, о новой форме деловой жизни, которая привлекает покупателей. Было бы очень интересно как-нибудь собрать и сопоставить все те «новшества», за которые торговля обязана евреям (технические нововведения почти не принимаются в рассмотрение). Я хочу указать лишь на пару таких, так сказать, *коммерческих изобретений*, о которых теперь можно сказать, что их авторы — евреи (я не сомневаюсь, что их число можно легко увеличить), причем остается нерешенным, *сами ли* эти творческие идеи были рождены евреями или евреи только сумели их как следует использовать.

Уже упоминавшиеся разнообразные способы дешево покупать «залежалые» или старые товары и затем так же дешево их продавать, конечно же, являли собой «толковую идею», к которой кто-то впервые должен был прийти; кроме того, можно упомянуть о торговле остатками и тому подобным, затем о столь часто прославляемой способности евреев «там и сям из самых негодных вещей получать помощь и прибыль» (390), а также о связанном с этим искусстве превращать в полноценные товары «самое обычное, что прежде не имело никакой ценности: тряпье, заячьи шкурки, чернильные орешки». Вероятно, их можно назвать и родоначальниками промышленности по переработке вторичного сырья.

В XVIII в. в Берлине евреи первыми начали торговать перьями вразнос, морить крыс и насекомых, а также первыми изобрели светлое пиво (391).

Еще предстоит «документально» установить, насколько идея создания «универсального магазина» своим рождением обязана евреям. Во всяком случае, как мы уже видели, евреи—залогодержатели были первыми, у кого в лавках появились предметы самого разного свойства, и в этом ярком разнообразии товаров, которые принадлежали к самым разным отраслям промышленности и были призваны служить самым разным потребностям, прояв-

ляется, наверное, характерная черта современного «универмага». Таким образом, полное равнодушие дельца к содержательной стороне своей деятельности, которая тем самым целиком и полностью превращается в чисто коммерческую, является характерной чертой владельца универмага и представляет собой явление, отвечающее еврейской сущности (как это явствует уже из своеобразного отношения евреев к промышленности). Хорошо известно, что сегодня в Соединенных Штатах (392) и Германии (393) универмаги почти целиком сосредоточены в руках евреев.

В свое время важным нововведением в организации розничной торговли стала оплата в рассрочку при покупке большой партии товара или каких-либо дорогостоящих предметов. По меньшей мере по отношению к Германии можно с уверенностью говорить о том, что основоположниками «договора купли-продажи с рассрочкой платежа» были евреи. В одном документе начала XIX в. мы читаем: «Среди евреев есть такие розничные торговцы, которые просто необходимы обычному человеку, а самой торговле крайне полезны. Продавая одежду или ткани, они постепенно взимают плату малыми долями» (394).

Кроме того, надо отметить, что евреи ввели много нового и в организацию «гостиничного и трактирного хозяйства».

В Англии (в Оксфорде) первая кофейня (быть может, первая вообще?) была открыта в 1650 или 1651 г. евреем Джейкобом (в Лондоне первая кофейня появилась только в 1652 г.) (395).

Известно, что в ресторанном деле совершенно новая эра была открыта евреями Кемпинскими: новой, основной идеей в данном случае стала стандартизация потребления и ценообразования.

Важнейший институт профессионального посреднического кредитования (по крайней мере в Германии) был создан деловыми людьми из еврейских кругов.

Однако в данном случае во всех этих нововведениях нас интересуют не какие-то заявляющие о себе специфические дарования (о них я уже говорил ранее и в другой свя-

зи поговорю потом), а отражающееся в них своеобразное понимание экономики — воля к новым выдумкам и уловкам. Поэтому в данной главе я говорил о том, что касается еврейского духа, еврейского деловой морали, специфически еврейского понимания экономики.

Итак, завершая этот раздел, оглянемся на мгновение на пройденный путь. Мы ясно увидели, сколь резко во всю эпоху раннего капитализма противостоят друг другу еврейское и нееврейское понимание природы экономики. Господствующее понимание природы хозяйствования я попытался проследить в его основных моментах: традиционализм, идеал достойного пропитания, представление о сословной иерархии общества и стабильность, непреложность — вот основные его слагаемые. Что принципиально новое заключается в тех взглядах на экономику, которые мы называем специфически еврейскими? Мы можем это резюмировать в одном-единственном емком слове: «современный» дух — вот что сегодня целиком и полностью овладевает экономическим субъектом. Оглядывая «перечень грехов», совершенных евреями в XVII—XVIII вв., мы довольно скоро обнаруживаем (не принимая во внимание принципиально не рассматриваемые нами преступные манипуляции), что в этом перечне нет ничего, что современный деловой человек не воспринимал бы как нечто само собой разумеющееся и вполне законное, как нечто такое, что в любом современном ведении дел является повседневной практикой. На протяжении всех веков еврей, противостоявший господствовавшим воззрениям на экономику, олицетворял собой принципиально индивидуалистический подход к хозяйствованию: сфера действия отдельного экономического субъекта ни снизу, ни сверху никак не ограничивается какой-либо объективной нормой, ни объемом сбыта, ни проведением границ между различными профессиями; каждый экономический субъект во всякое время заново определяет и завоевывает свое место и во всякое время защищается от посягательств извне; он имеет право завоевывать за счет другого экономического субъекта такое экономическое пространство, какое только может; сред-

ства борьбы, в основном, сосредоточены в интеллектуальной сфере (хитрость, проницательность, изворотливость); все экономические процессы индивид по своему усмотрению, насколько это возможно, соотносит со своими целями. Таким образом, мы видим, что здесь победоносно шествует идея «свободной торговли», «свободной конкуренции», торжествует экономический рационализм, дух сугубо капиталистического предпринимательства и как раз то современное понимание экономики, в становлении которого евреи сыграли очень большую и, быть может, определяющую роль, поскольку именно они привнесли все эти воззрения в иной круг идей.

Однако такой вывод ставит нас перед новой проблемой, перед новым вопросом: как объяснить эту предрасположенность евреев к капитализму, которая имела у них еще до его наступления? Вопрос можно расширить и спросить так: что вообще сделало евреев способными оказать решающее влияние (в чем мы, собственно, и убедимся в наших предстоящих исследованиях) на ход современной экономической жизни?

Раздел второй

ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ ЕВРЕЕВ К КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ФОРМЕ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Глава восьмая

СУТЬ ПРОБЛЕМЫ

Итак, перед нами непростая задача: проанализировать ту своеобразную роль, которую, как мы видели, евреи играли в экономической жизни недавнего прошлого. Наличие этой проблемы отрицается только несколькими чудачками, которые вообще не склонны считать, что евреи занимают особое место в современной экономической жизни (и не занимают потому, что, с их точки зрения, вообще нет никаких евреев, или же потому (мне встречается и такая разновидность людей), что евреи якобы настолько мало одаренны в экономике, что они никак не могли повлиять на формирование нашего экономического уклада). На таких людей нам не стоит обращать внимания. Моя книга предназначена для тех, кто, как и я, считает, что евреи вне всякого сомнения (в большей или меньшей степени) проявили активное участие в формировании современной экономики.

Поскольку наше исследование должно привести к какому-то результату, нам необходимо со всей ясностью и четкостью ответить на вопрос, к чему предрасположены евреи и благодаря чему они к этому предрасположены?

Итак, *к чему?* Ко всему тому, что, как мы видели, они делали и к чему стремились, когда мы рассматривали их экономическую деятельность в первой части этой книги: к тому, чтобы заложить основы современной мировой торговли, чтобы способствовать ее развитию, чтобы заложить основы современного финансового хозяйства, биржевой деятельности, а также вообще коммерциализации

всей экономической жизни, к тому, чтобы стать основоположниками свободной торговли и свободной конкуренции, чтобы стать распространителями нового современного духа в экономике. Однако мы видели, что заголовок этой части книги говорит лишь о предрасположенности евреев к капиталистической форме хозяйствования, к капитализму, и, следовательно, все перечисленные моменты должны сойтись воедино в одном этом слове — «капитализм». Отдельную (9-ю) главу мы посвятили тому, чтобы во всех подробностях показать, каким образом все перечисленные моменты проникнуты единой внутренней связью, и как они образуют единое целое в структуре капиталистической организации. Таким образом, нам по меньшей мере надо хотя бы в общих чертах охарактеризовать все эти явления, и поэтому здесь возникает второй момент (который как раз и позволяет понять, какую именно предрасположенность мы имеем в виду): необходимо ответить на вопрос, какие функции должен выполнять тот или иной экономический субъект, чтобы сложилась та своеобразная картина, которую мы наблюдали. Следовательно, обсуждая еврейскую проблему, мы должны окончательно расстаться с такими туманными представлениями, как «предрасположенность к хозяйствованию», «к торговле», «к махинациям», «к обделыванию делишек». Такие дилетантские выражения уже и так привели к бесконечной путанице.

Благодаря чему тот или иной человек может совершить то или иное действие? Когда кто-нибудь спасает утопающего, ему это удается потому, что в нужный момент он оказался на берегу, где стояла лодка, или на мосту, где висел спасательный круг: благодаря своему «случайному» присутствию в нужном месте он смог воспользоваться лодкой или бросить утопающему упомянутый спасательный круг. Однако он мог его спасти еще и потому, что среди сотен людей, находившихся на берегу, он один набрался мужества прыгнуть в воду и к тому же так хорошо умел плавать, что успел доплыть до тонущего и вытащить его. В первом случае спасение произошло благодаря «объективным обстоятельствам», во втором — благо-

даря «субъективным качествам» человека. Именно это различие и надо иметь в виду, когда мы говорим о предрасположенности евреев к капитализму. Эта предрасположенность может быть как объективно, так и субъективно обусловленной.

Моя задача заключается в том, чтобы *в первую очередь* рассмотреть первый момент (анализ которого стал бы толкованием еврейской проблемы с объективной стороны), и я собираюсь сделать это по тем причинам, которые излагаю ниже.

Приступая к какому бы то ни было объяснению, надо самым тщательным образом проверить, не основывается ли оно на недоказанных гипотезах и не получается ли так, что объясняемое с самого начала предстает как догма, в которую просто верят. Мне нет необходимости распространяться на тот счет, сколь опасными как раз в нашем случае могут оказаться расовые или конфессиональные предрассудки и сколь роковую роль они сыграли в рассуждениях подавляющего большинства моих предшественников. Я приложу все силы, чтобы избежать таких ошибок. Я прежде всего стремлюсь к тому, чтобы, с точки зрения методологии, мое исследование было свободно от каких бы то ни было упреков, и поэтому убедительно прошу указать мне на ошибки, которые я, быть может, совершаю. Как бы там ни было, я стремлюсь к тому, чтобы непредвзято и объективно рассмотреть всю картину фактических взаимосвязей в нашей проблеме и построить доказательства таким образом, чтобы их мог признать каждый: еврей, растворившийся в другой национальности, и еврей, сохранивший свою национальную самобытность, человек, верящий в расовую чистоту, и сторонник решающего влияния среды, антисемит и борец с антисемитизмом. Именно поэтому я должен исходить из бесспорных фактов и делать из них выводы настолько, насколько это возможно. Исходя из этого, я считаю недопустимым сразу, без каких-либо объяснений, говорить о «расовой предрасположенности» или о «еврейской самобытности»: в ответ на такой подход можно было бы с полным правом возразить, что он сугубо догма-

тичный. Ведь в конечном счете откуда берутся такие предположения, как не из одной лишь веры?

Каждый, кто не признает никакой еврейской самобытности, может потребовать, говоря о своеобразной роли евреев в современной экономической жизни, чтобы мы не ссылались на эту самобытность, то есть (что тогда и следовало бы сделать) может потребовать, чтобы ему показали, что определенные внешние обстоятельства, в которых евреи с исторической точки зрения оказались «случайно», и помогли им занять то особое место, которое они занимают. Как раз это мы и стараемся показать в 10 главе.

Только после того, как мы выясним, что все, совершенное евреями, нельзя вывести из одного лишь их внешнего положения, можно будет (и придется) приступить к разъяснению некоторых субъективных моментов. Только тогда и настанет время обсудить проблему «еврейской самобытности». Этому посвящена 12 глава.

Глава девятая

ФУНКЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Капитализмом (396) мы называем такой экономический уклад, в котором между собой взаимодействуют представители двух различных социальных слоев: собственники на средства производства, которые в то же время выполняют руководящую работу, и не имеющие собственности рабочие, причем «представители капитала» (то есть той собственности, которая необходима, для того чтобы начать экономический процесс и затем руководить им) являются экономическими субъектами, определяющими характер развития экономики и несущими ответственность за успех всего начинания.

Самобытной движущей силой любого экономического действия, характерной для капиталистической экономической системы, является стремление каким-то образом использовать накопленный капитал, и это стремление

отдельные капиталистические предприниматели ощущают как объективную принудительную силу, которая заставляет их двигаться во вполне определенном направлении. Можно сказать, что определяющей идеей капиталистической системы экономики является идея прибыли, дохода.

Эта первостепенная цель капиталистической экономики, а также внешние условия, в которых она развивается, определяют и особый характер этой экономики, развивающейся в рамках капиталистического предпринимательства, а также особую сущность самого этого предпринимательства.

Поскольку ведение этого капиталистического хозяйства систематически направлено на достижение прибыли и поскольку тем самым создается стимул для постоянного расширения тех или иных предприятий, все действия сразу же начинают оцениваться с точки зрения их максимальной разумности, в контексте экономического поведения. На смену всем докапиталистическим формам хозяйствования, основанным на принципе покоя и характерным для традиционной экономики (говоря вслед за Максом Вебером), приходит та экономическая форма хозяйствования, которая предполагает рационализацию экономики, соответствующую капиталистической экономической системе, основанной на принципе движения. Экономический рационализм (так я характеризую всю совокупность явлений, сопутствующих этому феномену, причем характеризую в той терминологии, которая несколько отличается от предыдущей) представляет собой вторую основную идею в системе современного капитализма (наряду с идеей прибыли).

Рационализация осуществляется в трех различных направлениях и, следовательно, выражается в тройном способе ведения дел, характерном для развитого капиталистического предприятия. Экономический рационализм выражается:

1) в *планомерном* ведении хозяйства; любая подлинно капиталистическая экономика основывается на экономическом планировании, максимально обращенном в бу-

дущее; здесь заявляют о себе методы долговременного производства, впервые проявившиеся в современной экономике;

2) в *целесообразности*; широкомасштабному экономическому планированию соответствует тщательный выбор средств для осуществления этих планов, причем каждое из этих средств проходит тщательную проверку на его эффективность (в противоположность традиционному методу их непродуманного применения);

3) в *отчетности и расчетливости*; поскольку внутри капиталистической системы все экономические процессы постоянно проверяются на их себестоимость и поскольку (говоря точнее) всякое капиталистическое ведение хозяйства в конечном счете направлено на получение прибыли, капиталистическое предприятие вынуждено фиксировать и давать точную цифровую оценку всем отдельным экономическим явлениям, развивающимся в экономической системе, и выявлять, что они представляют в числовом отношении применительно ко всей рационально упорядоченной системе отчета.

Всем известно, что деятельность «современного» предприятия не ограничивается производством железнодорожных рельсов, пряжи или электромоторов, а также перевозкой каких-либо камней или людей: мы знаем, что все это является лишь составной частью производственного процесса в целом. Мы знаем также и то, что специфически предпринимательская деятельность заключается вовсе не в осуществлении этих технических процессов, а в чем-то совершенно ином. Это иное (о чем нам также известно и что мы пока охарактеризуем лишь в общих чертах, чтобы потом рассмотреть подробно) представляет собой постоянную покупку и продажу (средств производства, рабочей силы, товаров) или, как я это еще называю, договоренность сторон о взаимном выполнении обязанностей, измеряемых деньгами.

Что представляет собой удачное ведение дела в капиталистическом смысле слова? Наверное, об этом можно говорить тогда, когда упомянутая договорная деятельность идет успешно. Но чем измеряется этот успех? Разумеет-

ся, не качеством проделанной работы, равно как и не естественным количеством. Скорее всего, он измеряется только тем, удалось ли в конце того или иного периода хозяйствования вернуть затраченную на развитие дела сумму (без которой, согласно нашему определению капиталистической формы хозяйствования, вообще невозможно никакое производственное действие) и вдобавок приобрести излишек, который мы называем «прибылью». В конечном счете, искусство ведения дел сводится к умелому согласованию и осуществлению измеряемых деньгами договорных услуг, и их содержание определяет, удалось ли предприятию достичь своих целей. Идет ли речь о сравнительном соотношении выполненной работы и произведенного продукта или отношении одних продуктов к другим, вопрос всегда сводится к тому, что в конечном счете излишек остается в руках предпринимателя-капиталиста. «Когда речь заходит о всеобщем товарном эквиваленте, о воплощении меновой стоимости в деньгах, любое конкретное содержание договоров, касающееся каких-либо товарных поставок или выполненной работы, утрачивает все свои качественные различия, и на первый план выходит количественная сторона дела, когда с цифрами в руках подсчитывается дебет и кредит. Сделать так, чтобы в главной бухгалтерской книге остаток шел в пользу капиталистического предприятия, — в этом заключается весь успех и все содержание тех начинаний, которые осуществляются в капиталистической системе».

В данном случае речь идет прежде всего о том, чтобы выяснить, какую функцию внутри данной капиталистической системы призваны выполнять экономические субъекты, то есть капиталистические предприниматели (так как, наверное, каждому понятно, что мы хотим говорить о предрасположенности евреев именно к выполнению этой функции, а не к чему-либо другому в капиталистической экономике); необходимо выяснить, какие навыки отличают наиболее успешного предпринимателя, который побеждает в конкурентной борьбе, и таким образом определяют тип этого предпринимателя. Мне кажется

ся, что прежде всего понять все своеобразие капиталистического предпринимательства нам поможет мысль о том, что здесь два принципиально разных жизненных начала пребывают в неразрывном единстве, что в предпринимателе-капиталисте как бы живут две души, которые не только не желают расставаться, но, напротив, там, где капиталистическое предпринимательство заявляет о себе в наиболее чистом и законченном виде, во внутренней гармонии между собой совершают общее дело. Я считаю, что здесь в одном лице объединяются *предприниматель* и *торговец* (назовем их пока так), которые вне капиталистической системы существуют раздельно, но только в капиталистическом экономическом субъекте они сливаются воедино, образуя совершенно новую и самобытную индивидуальность.

Предприниматель. Предприниматель — это человек, который должен выполнить определенную задачу и который жертвует на это свою жизнь. Для того, чтобы эту задачу выполнить, ему нужна помощь других людей, потому что всегда речь идет о каком-то деле, направленном вовне. Эта потребность в осуществлении отличает его от художника и пророка, с которыми его роднит увлеченность своим делом и осознание своей задачи. Если говорить о предпринимателе в чистом виде, без капиталистического отпечатка, то в качестве примера можно привести какого-нибудь путешественника, совершающего грандиозную поездку в Африку, или полярного исследователя. Просто предприниматель становится капиталистическим предпринимателем тогда, когда с ним соединяется торговец.

Торговец. Торговец — это человек, который хочет заниматься прибыльными делами. Это человек, чувства и представления которого целиком направлены на то, чтобы узнать, какова стоимость тех или иных состояний и действий, и, таким образом, все, что его окружает, он пересчитывает на деньги. Мир для него — большой рынок, в котором царствуют спрос и предложение, конъюнктура, а также прибыли и убытки. Торговец постоянно спрашивает: «Сколько это стоит?», «Насколько это потя-

нет?». В этом смысле все вопросы, которые он непрестанно себе задает в конечном счете сводятся к одному: «Сколько стоит весь этот мир?» Все мысли торговца направлены только на его дело, и он сосредоточивает все свои силы на том, чтобы выгодно его завершить, и, таким образом, всю совокупность рыночных отношений он рассматривает и оценивает с точки зрения этого успешного завершения.

В капиталистической экономике предприниматель представляет собой постоянную величину, торговец — переменную.

Постоянство является самой сущностью предпринимателя, потому что воля, направленная на достижение четко определенной, но далекой цели, требует неукоснительного соблюдения определенной программы, а также неуклонного продвижения по однажды выбранному пути. Предприниматель не любит менять цель, потому что с переменной целью постоянно связан и выбор каких-то других средств, которые воспринимаются как помеха. Основная черта характера предпринимателя — *целеустремленность*. Что касается торговца, то мы уже говорили о том, что он представляет собой переменную величину, потому что его задача заключается в том, чтобы приспособить свою торговлю к той рыночной ситуации, которую надо изучить во всем ее своеобразии. Таким образом, время от времени ему приходится менять направление и характер своей экономической деятельности, насколько этого требует меняющаяся конъюнктура. От него прежде всего требуется *деловитость*.

Итак, говоря более образным языком, предприниматель представляет собой ритм, а торговец — мелодию в капиталистической музыкальной пьесе. Предприниматель — это общий рисунок, а торговец — конкретная раскраска и набивка в ткани капитализма.

Эта «теория двух начал», конечно, служит лишь тому, чтобы нагляднее представить отдельные функции, характерные для деловой практики. Теперь же нам прежде всего надо их понять и охарактеризовать во всем их своеобразии.

В *предпринимателе* соединяются следующие типы человеческого характера.

1) *Изобретатель*. Речь идет не столько об изобретении каких-то технических новинок (хотя и такое не исключено, и в действительности, как мы знаем, встречается довольно часто), сколько в выработке новых форм производства, транспортировки и сбыта продукции. Будучи изобретателем, предприниматель не чувствует себя удовлетворенным (в отличие от «чистого» изобретателя), просто сделав то или иное изобретение: ему непременно хочется на тысячи ладов воплотить его в жизнь.

2) *Первооткрыватель*. Предприниматель становится первооткрывателем каких-либо новых возможностей сбыта как в интенсивном, так и в экстенсивном плане. Во втором случае это происходит тогда, когда он обнаруживает новые сферы деятельности, например начинает поставлять эскимосам купальники, неграм — музыкальные инструменты, а в первом случае — когда он «обнаруживает» какие-либо потребности в уже освоенных областях.

3) Настоящий предприниматель является *завоевателем*. Он должен обладать решимостью и силой, чтобы преодолеть все препятствия, которые появляются на его пути. До тех пор, пока он выполняет какие-либо специфические предпринимательские функции, он не перестает быть конкистадором, завоевывающим новое экономическое пространство.

Однако он должен быть завоевателем и как человек, у которого есть силы отважиться на многое, который готов пожертвовать всем, чтобы его начинание обрело величественные масштабы (в рассматриваемом нами случае речь в первую очередь идет о его имуществе, состоянии, однако, если понадобится, дело может коснуться его гражданской чести или даже самой жизни), речь может идти об освоении каких-либо новых методов, об открытии новых отраслей производства, о расширении дела на более гибкой кредитной основе и т. д.

4) И, наконец, самой важной предпринимательской функцией является, наверное, функция *организатора*.

Быть организатором — значит уметь объединить многих людей в радостной, плодотворной и успешной работе, а также распределить людей и материальные ценности таким образом, чтобы желанная польза достигалась в почти неограниченном масштабе, а это предполагает наличие самых разнообразных возможностей и осуществление различных действий.

Тому, кто хочет заняться организаторской деятельностью, прежде всего надо уметь оценивать людей с точки зрения их работоспособности, а также во множестве самых разнообразных работников находить тех, кто подходит для достижения определенной цели.

Затем он должен уметь давать этим людям работать вместо себя самого, то есть главным образом назначать на руководящие посты тех людей, которые (по мере того, как предприятие будет расширяться) смогут одну за другой брать на себя обязанности, раньше выполнявшиеся их начальником.

С этой задачей связана другая, не менее важная: найти каждому работнику его настоящее место, где он сможет работать максимально плодотворно, и всегда стимулировать его таким образом, чтобы он добивался максимальных результатов, соответствующих его работоспособности (после того, как его вообще удастся заполнить).

И, наконец, предпринимателю надо позаботиться о том, чтобы собранные для совместной деятельности люди были рассредоточены как в количественном, так и в качественном отношении, и чтобы между собой у них была самая лучшая связь (если речь заходит об увеличении числа таких сплоченных групп). Таким образом, я касаюсь проблемы целесообразной организации предприятия, которая является самой трудной из всех стоящих перед предпринимателем.

Организация предприятия предполагает не только правильное определение тех материальных (то есть технических) условий, в которых начинает формироваться та или иная группа работников, но и счастливого сочетания географических, этнических и конъюнктурных особенностей. Можно говорить не только о той организации

предприятия, которая является абсолютно хорошей в своем роде, но и о той (и на практике это важнее), в которой учитывается соотносительный момент. Например, с точки зрения организации, американская электрическая компания *Westinghouse* представляет собой гениальное достижение организаторского искусства. Когда эта компания решила завоевать английский рынок и с этой целью организовала в Англии свое предприятие, она организовала его по американскому образцу, в результате чего через несколько лет это предприятие постиг финансовый крах. Причина заключалась в недостаточном учете сугубо английской специфики.

Таким образом, мы подошли к обсуждению тех функций капиталистического предпринимателя, которые достигают своего максимального проявления в умелом использовании сложившейся конъюнктуры, в разумном приспособлении к рыночным отношениям и которые, как я считаю, я должен рассматривать как функции, присущие торговцу. О них нам надо поговорить подробнее. В этой связи *торговцем* я называю не того, кто принадлежит к вполне определенной профессии, а того, кто выполняет определенную функцию в капиталистическом экономическом процессе. Таким образом, торговец — это не тот, кто профессионально занимается оборотом товаров, то есть не тот, кого обычно называют «купцом». Купцы, которые профессионально занимаются посредничеством в продаже товаров, представляют собой нечто совсем иное, не похожее на то, что я здесь имею в виду, говоря о торговцах. Все те люди, которые отправляются «на поиски товаров», о которых слагаются и поются героические песни, о которых, наконец, наши добрые «историки» могут рассказать так много поучительного, по большей части не принадлежат к категории «торговцев». Они не принадлежат к ним потому, что та специфическая деятельность, которую они разворачивают, следуя своей профессии, не имеет ничего общего с той деятельностью, которую я имею в виду, когда говорю о торговцах.

Наконец, надо не забывать, что само понятие «торговли» может означать совершенно разные вещи. Можно,

например, снаряжать корабли, вооружать команду, нанимать солдат, завоевывать какие-либо земли, огнем и мечом усмирять туземцев, грабить их, грузить награбленное на корабли, везти его в свою страну и там продавать на аукционе тем, кто предлагает наибольшую цену.

Можно, например, разнюхать о том, что какой-то кавалер нуждается в деньгах, не постесняться зайти к нему раз пять, наконец, выторговать пару старых брюк и, пустившись на всяческие уговоры, всучить их какому-нибудь крестьянину. Можно, наконец, играя на бирже, заключать сделки на разницу.

Ясно, что во всех случаях действия этих людей сильно отличались друг от друга. Для того чтобы широко «заниматься торговлей» в докапиталистическую эпоху, как, например, это делали «королевские купцы» в итальянских и немецких торговых городах, нужно было в первую очередь быть «торговцем» в вышеуказанном мною смысле, то есть в первую очередь завоевателем и первооткрывателем. «Каждый (гражданин Генуи) строил в своем доме башню, и если между ними вспыхивала война, эти башни превращались в поле битвы. Они господствуют на море, строят корабли, которые называются галерами, и отправляются на разбой в самые отдаленные места. Добычу они привозят в Геную, а с Пизой живут в постоянном раздоре». Таковы «королевские купцы», однако я имею в виду не их, когда здесь говорю о торговцах.

Выполнять функцию торговца, быть торговцем (не профессиональным, а в чисто функциональном смысле) — значит (как я уже говорил об этом, когда в общих чертах описывал это понятие) совершать выгодные сделки и во имя достижения одной цели объединять в себе два вида деятельности: учет, счетоводство и торговое посредничество. Если мы захотим охарактеризовать торговца с точки зрения его личностных качеств (как мы это сделали в отношении предпринимателя), нам надо будет сказать (хотя здесь, в отличие от первого случая, мы не располагаем какими-то привычными выражениями), что торговец должен являться, во-первых, хорошим счетоводом, своего рода «калькулятором», умеющим хорошо спекулиро-

вать, а во-вторых — дельцом, торговым посредником. Постараемся подробнее объяснить, что это означает.

В своем первом качестве торговец должен уметь совершать *выгодные* сделки, то есть, попросту говоря, он должен дешево покупать и дорого продавать, о чем бы ни шла речь.

Таким образом (в рамках законченного предприятия), он должен уметь по максимально низким ценам приобретать как материальные средства производства, так и людей, которые будут это производство осуществлять. Во время производственного процесса он должен постоянно следить за тем, чтобы этот процесс протекал максимально экономично. В торговце должен глубоко сидеть «отец семейства». «Бороться с расточительством даже в самом малом — это не мелочь, так как расточительство — это болезнь, которая пожирает все вокруг. Существуют большие предприятия, процветание которых зависит от того, полностью ли самосвалы разгрузили землю, которой они были загружены, или на дне осталась хотя бы какая-то горсть» (В. Ратенау).

Затем ему прежде всего надо выгодно продать изготовленную продукцию (или что-либо еще, что ему надо сбыть): самому платежеспособному в самый разгар спроса на рынке, который готов принять максимальное число предлагаемого товара.

Для того, чтобы справиться с такой задачей, он помимо прочего должен знать толк в «спекуляции» и обладать хорошей «вычислительной» способностью. Спекуляцией (в этом особом понимании) я называю умение делать правильные выводы по отношению к какому-либо единичному случаю, основываясь на анализе общего положения на рынке. Иначе это называется экономическим диагнозом. Речь идет о том, чтобы проанализировать то, что происходит на рынке, уловить взаимосвязь всех отдельных явлений, правильно оценить определенные симптомы, правильно оценить возможность будущего развития и затем, в первую очередь, из всего множества этих возможностей с безошибочной точностью определить наиболее благоприятную.

Для этого торговец должен весь превратиться в зрение, слух и осязание. Здесь надо отыскать людей, нуждающихся в денежных кредитах, разузнать, какие государства жаждут вступить в войну, и в нужный момент дать им деньги, там — отыскать работников, которые готовы получать за свой труд на две копейки дешевле. Здесь надо правильно оценить, как покупатели отнесутся к появлению того или иного нового товара, там — правильно определить, как то или иное политическое событие повлияет на рынок ценных бумаг и так далее. Свои наблюдения торговец должен тотчас перевести в цифры, из всего множества этих цифр он должен представить общую картину возможных прибылей и убытков, и если он все это умеет, тогда он на самом деле «калькулятор», расчетливый делец. Если он действительно в один миг может превосходно перевести на цифры любое явление и занести это в главную бухгалтерскую книгу, в Соединенных Штатах его назовут «чертовски ловким математиком».

Однако торговцу нужен не только верный взгляд, чтобы узнать, где, когда и каким образом он может заключить выгодную сделку, он должен знать, как это делать. Здесь функция, которую он выполняет, начинает иметь нечто общее с функцией посредника, который пытается помочь двум спорящим сторонам. В немецком языке родство этих двух видов деятельности в какой-то мере все-таки находит выражение (*Händler, Unterhändler*). В греческом языке ведение торговли и ведение государственных переговоров выражается одним и тем же словом *χρηματίξειν*. В общем и целом оно означает «делать дела», и только в отдельных случаях означает заключение каких-либо торговых или денежных сделок, а также употребляется в смысле обсуждения каких-либо государственных дел, когда речь идет об их завершении. О *χρηματιστής* — это человек, который заправляет делами, особенно торговыми и денежными, «предприимчивый человек, хороший хозяин, который хорошо знает, как получить прибыль, сделать приобретение». Платон в «Государстве» говорит: «*δημιούργος ὢν ἢ τις ἄλλος χρηματιστής φύσει*» (434 a); *χρηματιστικός* означает челове-

ка, способного $\chi\rho\epsilon\mu\alpha\tau\acute{\iota}\zeta\epsilon\upsilon\nu$. Во-первых, это значит быть способным к совершению торгово-денежных операций, к достижению прибыли, к приобретению имущества, а во-вторых — к умелому, надлежащему отпращиванию государственных дел» (Pape, Griechisch-deutsches Lexikon). Наше немецкое слово «дело» мы также употребляем в обозначенном здесь двойном значении, когда говорим о денежных делах и делах государственных, о деловом человеке и поверенном в делах (*Geschäftsmann* и *Geschäftsträger*). Однако в чем заключается эта деловая активность, это конкретное «хрематическое» поведение?

Мне кажется, что мы сразу же найдем правильный ответ, если представим, что означает это слово: «торговые переговоры» являются содержанием деятельности как торговца, так и посредника — торговец ведет диалог с каким-то человеком, чтобы, приводя свои доводы и опровергая доводы собеседника, склонить его к совершению определенного действия. Таким образом, совершение торговых переговоров — это борьба умов.

Когда мы говорим о ведении торговых переговоров в этом особом смысле, мы имеем в виду торговые переговоры, которые ведутся ради покупки или продажи какого-либо товара (акции, предприятия, займа). Торговлю ведет (всегда в этом конкретном понимании) уличный торговец вразнос, который «готов недорого уступить» заячью шкурку какой-нибудь домохозяйке, торговлю ведет еврей-старьевщик, который битый час уговаривает извозчика купить брюки, но в то же время торговлю ведет и Натан Ротшильд, который за четыре дня переговоров с прусским «посредником» на особо сложных условиях заключает сделку на миллионный заем. В данном случае различия чисто количественные, в то время как суть дела остается одной и той же: суть любой (современной) торговли — это переговоры, которые, конечно, не всегда совершаются с глазу на глаз и устно. Они могут совершаться и в полном молчании, когда, например, какой-нибудь продавец, пускаясь на всяческие уловки, так убедительно превозносит качество своего товара, что люди просто чувствуют необходимость его купить. Такие ухищрения называются рекла-

мой, и здесь, наверное, можно говорить о «безмолвной меновой торговле», если расхваливание товара с помощью слов и изображений мы захотим назвать «безмолвным».

Речь всегда идет о том, чтобы убедить покупателя или продавца в том, что заключенный договор будет для него выгодным. Продавец полностью выполняет свою задачу тогда, когда все окружающие считают самым важным для себя непременно купить расхваливаемый им товар, когда людей охватывает паника от одной только мысли о том, что они не успеют это сделать (как это было во времена лихорадочной скупки ценных бумаг).

Когда речь идет о большом сбыте товара, то это означает, что интересы покупателей, которые возбуждает торговец и обращает себе на пользу, должны быть или очень сильными, или охватывать большое количество человек. «Если вы захотели заработать миллион, вам надо отыскать тысячу человек и заставить их принять серьезное решение, а именно заставить каждого заплатить по тысяче марок за предлагаемый товар, или же оказать такое сильное влияние на толпу, чтобы нашлось сто тысяч человек, готовых заплатить вам по десять марок. Добровольно или, лучше сказать, по своей доброй воле ни упомянутая тысяча человек, ни сто тысяч не станут вас искать, поскольку все они уже давным-давно хотят приобрести что-то другое, но новому дельцу надо подавить в них эти желания, если он на самом деле хочет преуспеть» (Ратенау).

Пробуждать интерес, завоевывать доверие, пробуждать страсть к покупкам — в такой атмосфере разворачивается деятельность удачливого торговца, и неважно, как он этого добивается. Достаточно того, что он добивается не какими-то *внешними* принудительными средствами, а одним лишь *убеждением*, в результате чего противоположная сторона идет на сделку не против воли, а в силу своего собственного решения. Торговец должен уметь внушать, и приемов, позволяющих убедить противоположную сторону, немало.

Один из самых действенных заключается в том, чтобы заставить поверить, что *немедленное* заключение сделки

принесет *особые* выгоды. «Похоже, что скоро пойдет снег, дети,— говорили финны,— потому что им надо было продать лыжи»,— так сказано в саге о великом Бэрфорде, написанной в 1006 г. новой эры. Тот, кто это говорит, является образцом для всех торговцев, а его призыв покупать лыжи, обращенный к норвежским детям,— прообраз рекламы, оружия, с помощью которого сражается современный торговец, уже не имеющий возможности восседать в укрепленном замке, как это делали его предшественники в Генуе во времена Вениамина бен Ионы Тудельского, и больше не могущий обстреливать из пушек хижины туземцев, как это в XVII в. делал один путешественник в Ост-Индии, когда туземцы не захотели «вести торговлю» с ним.

Глава десятая

ОБЪЕКТИВНАЯ ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ ЕВРЕЕВ К КАПИТАЛИЗМУ

Итак, после того как мы узнали, что при капитализме надо делать экономическому субъекту, чтобы утвердить себя и добиться признания, нам надо ответить на вопрос, какие внешние обстоятельства содействовали тому, что евреи сыграли такую выдающуюся роль в формировании экономической системы капитализма. Кроме того, нам надо рассмотреть ту своеобразную ситуацию, в которую с конца XV в. попали евреи Западной Европы и Америки, и в которой они находились на протяжении последующих трех или четырех столетий, то есть все то время, когда формировался современный капитализм.

Итак, чем характеризовалась эта ситуация?

В общих чертах, на этот вопрос довольно точно ответил губернатор Ямайки, когда 17 декабря 1671 г. в своем письме к государственному секретарю он писал, что, по его мнению, «у Его Величества, наверное, нет более полезных подданных, чем евреи, поскольку у тех *большие капиталы и обширные связи*» (397). Эти две особенности

на самом деле в значительной степени объясняют то преимущество, которое евреи имели перед другими. Остается только добавить, что они занимали своеобразное положение в тех сообществах, в которых действовали. Это положение характеризовалось отчужденностью и тем, что они были гражданами той или иной страны лишь наполовину. Итак, здесь я хочу обратить внимание на четыре обстоятельства, которые дали и дают евреям особые возможности для совершения чего-то значительного:

- 1) их рассеяние, распространение по всему миру;
- 2) их отчужденность;
- 3) их половинчатое гражданство;
- 4) их богатство.

I. Распространение евреев по всему миру

Нет сомнения в том, что на образе действий евреев прежде всего и в первую очередь сказалось их *рассеяние по всем странам*, как это началось со времен их первого изгнания и как в еще большей степени продолжилось после их изгнания из Испании и Португалии и оттока из Польши. Проследившая их пути за последние столетия, мы видим, что они осели в Германии и Франции, в Италии и Англии, на Востоке и в Америке, в Голландии и Австрии, а также в Южной Африке и Восточной Азии.

Естественным следствием таких неоднократных перемещений внутри высокоразвитых в культурном отношении стран было то, что члены одной и той же фамилии проявляли себя в самых различных аспектах экономической жизни и образовывали большие торговые дома, имевшие многочисленные филиалы. Назовем лишь некоторые из них (398).

Семейство Лопес имеет резиденцию в Бордо, а филиалы в Испании, Англии, Антверпене, Тулузе; семейство Мендес, представляющее банкирский дом, также имеет резиденцию в Бордо, а филиалы — в Португалии, Франции и Фландрии; ветвью этого семейства является семейство Гради, имеющее многочисленных отпрысков; пред-

ставители семейства Карсерес проживают в Гамбурге, Англии, Австрии, Западной Индии, а также на Барбадосе и Суринаме; среди других известных фамилий, имеющих всемирную сеть филиалов, можно назвать семейство Коста (Акоста или Дакоста), Конельяно, Альхадиб, Сасун, Перейре и Ротшильдов. Однако нет никакого смысла продолжать этот список: еврейские торговые дома представлены по меньшей мере на двух мировых рынках и исчисляются сотнями и тысячами. Вряд ли можно назвать какой-нибудь значительный торговый дом, который не имел бы своего представительства по крайней мере в двух различных странах.

Вряд ли стоит подробно говорить о том, какое большое значение для преуспевания евреев имело их рассеяние по всему миру: это и так ясно, и в первой части нашей книги мы не раз показывали это на примерах. То, что христианским торговым домам удавалось создавать только ценой больших усилий, то, чего они в таком же совершенстве достигали только в самых редких случаях, евреям сопутствовало в самом начале их деятельности: речь идет об опорных пунктах, необходимых для всякой международной торговли и кредитных операций, о «большой переписке», которая являлась основным условием для заключения успешных международных сделок.

Я вспоминаю все, что я говорил относительно участия в испано-португальской торговле, в торговле с Левантом, а также в развитии Америки: принципиально важное значение имело то обстоятельство, что многие из них были выходцами из Испании и благодаря этому могли управлять потоком колониальной торговли и прежде всего направлять потоки серебра в страны, которые находились на подъеме — Голландию и Англию, Францию и Германию.

Важно также и то, что они предпочитали именно эти страны, в которых намечался большой экономический подъем, и потому именно им были готовы предоставить экономические выгоды, проистекавшие из их международных связей. Известно, что изгнанные евреи умышленно препятствовали потоку товаров в те страны, кото-

рые их изгнали, и направляли этот поток туда, где их гостеприимно приняли.

Важное значение имеет и тот факт, что они экономически господствовали в Ливорно и тем самым владели воротами, открывавшими путь к Леванту: в XVIII в. Ливорно называли «одной из больших европейских кладовых, предназначенных для торговли со Средиземноморьем» (399).

Важно также и то, что евреи установили связь между Южной и Северной Америкой, ту связь, которая, как мы видели, впервые позволила североамериканским колониям утвердиться в экономическом плане.

Важное значение, естественно, в первую очередь (как мы это уже показали) имеет и тот факт, что благодаря своему господствующему положению на основных европейских биржах они были призваны к тому, чтобы подготовить почву для интернационализации кредитных отношений. Все это в первую очередь стало возможным лишь благодаря их рассеянию по всему миру.

Самобытную роль еврейского интернационализма в деле развития экономической жизни очень хорошо иллюстрирует картина, которую один проникательный наблюдатель нарисовал двести лет назад и которая до сих пор не утратила своей свежести. В своем письме от 27 сентября 1712 г., направленном в одно английское периодическое издание, он пишет так: «Они ... так сильно распространились по всему торгующему миру, что стали своего рода орудием, с помощью которого самые отдаленные друг от друга народы общаются между собой и благодаря которому все человечество соединено единой связью: они как стержни и гвозди в большом здании, которые, будучи не очень значимыми сами по себе, тем не менее совершенно необходимы для поддержания всего каркаса в целом» (400).

О том, каким образом евреи систематически пользовались тем большим преимуществом, которое им давало их повсеместное присутствие, пользовались для того, чтобы быстро и надежно войти в курс дела в самых различных уголках Земли и потом, обладая самой подробной инфор-

мацией и сообразуясь с положением дел на бирже, выстроить свое экономическое поведение с пользой для себя, нам (со всеми необходимыми подробностями) рассказывает уже упоминавшийся французский посланник в Гааге, писавший об этом в 1698 г. Этот авторитетный человек считает, что в значительной степени ведущее положение, которое евреи заняли на Амстердамской бирже, основывалось на их хорошей осведомленности, так как он уже говорил о том, что они, в основном, на ней и господствовали.

Учитывая всю важность этого объективного свидетельства, ниже я хочу привести из него основные моменты:

«О том и другом (то есть о новостях и торговле) они беседуют с теми, кого называют своими братьями, составляющими различные общины, из которых венецианская община (несмотря на то, что она не так богата и многочисленна) считается первой среди главных, потому что она связывает Запад с Востоком и Югом через общину в Салониках, которая правит этим народом в двух других частях мира и ручается за венецианскую общину, в то время как та вместе с амстердамской общиной управляет всеми северными районами рассеяния (к которым они причисляют лондонскую общину, находящуюся в сложных отношениях с властями, а также тайные общины во Франции), так что во всем, что касается этих двух моментов, а именно торговли и новостей, они первыми и наилучшим образом узнают обо всем том, что происходит в мире, и затем каждую неделю выстраивают свою систему на собраниях, которые очень разумно проводят после субботы, то есть в воскресенье, когда все христиане исполняют свой религиозный долг. Такие системы, состоящие из всего самого тонкого и важного, что они успели узнать за неделю, и тщательно просмотренные и продуманные их раввинами и законниками, уже в воскресенье пополудни доводятся до сведения еврейских биржевых маклеров и агентов, опытнее которых просто невозможно себе представить. Обсудив между собой полученные сведения, они в тот же день начинают распространять сообразованные с их замыслами сообщения и на следующий день (в поне-

дельник утром) тотчас берутся за дело, согласуясь с тем, что лучше всего осуществлять: продавать, покупать, обменивать векселя или заключать сделки с акциями. Так как для всего этого у них всегда приготовлены большие суммы и накопления, они всегда могут определить самый подходящий момент, когда надо играть на повышение, понижение или в обоих направлениях одновременно» (401).

Обширные взаимные связи, которыми пользовались евреи, оказывали им большую услугу и там, где было необходимо заручиться доверием сильных мира сего. Нередко их путь в финансовые тузы был таким: сначала они оказывались нужными правителям как переводчики, потому что владели этим искусством, затем их посылали к чужому двору для того, чтобы они оказали те или иные посреднические услуги, а заодно узнали какие-либо новости, потом какой-либо князь доверял им управление своим имуществом (и в то же время удостаивал их чести быть их должником), и в результате этого они, наконец, начинали распоряжаться финансами (а позднее и биржей).

Надо признать, что их знакомство с иностранными языками, а также умение войти в чужую культуру, уже в древности давало им возможность становиться доверенными лицами царей: от Иосифа, который был доверенным у египетского фараона, и далее до алабарха Александра, который тоже был доверенным лицом царя Агриппы и матери императора Клавдия (о нем нам сообщает Иосиф Флавий), а также до еврейского казначея царицы Кандакии Эфиопской, о котором мы читаем в Деяниях апостолов (Деян. 8, 27).

Что касается знаменитых придворных евреев средневековья, то здесь нам довольно хорошо известно, что они получили признание своих заслуг как переводчики или посредники: мы знаем, например, о еврее Исааке, которого Карл Великий послал ко двору Гаруна аль Рашида, знаем о еврее Калониме, друге и фаворите императора Оттона II, а также о тех евреях, которые в эту же эпоху достигли на Пиренейском полуострове славы и признания;

знаменитый Хасдай ибн Шапрут (915–970) был дипломатическим представителем халифа Абдул-Рахмана III во время его переговоров с христианскими дворами Северной Испании (402). С другой стороны, евреи сделали себя незаменимыми людьми при дворах христианских королей в Испании. Когда Альфонс VI Кастильский (XI в.) захотел столкнуть между собой маленькие мусульманские королевства, он не придумал ничего лучше, как послать в Толедо, Севилью и Гранаду евреев, знакомых с чужими языками и обычаями. Мы видим, что в последующий период еврейские посланники находились при всех христианских дворах Испании, где они выступали или как знатоки стран и народов (которых, например, Жоао II посылал в Азию, чтобы передать те или иные сведения своим лазутчикам и в свою очередь что-либо узнать от них самих, которые, кроме этого, исследовали сказочную землю священника Иоанна) (403), или же становились многочисленными переводчиками или доверенными лицами, которые принимали деятельное участие в открытии Нового Света (404). Учитывая то большое значение, которое блестящий испанский период в жизни евреев имеет для дальнейшего общего развития еврейства и главным образом для формирования их экономической судьбы, мы считаем, что было бы особенно интересно проследить, каким образом именно здесь они достигли большого признания. Однако мы видим, что и в послеиспанский период многие евреи играли роль дипломатов в отношении с властями и другими государствами, например, семейство Бельмонте, Мескита (405) и другие. Мы знаем, например, о «господине еврее», как Ришелье называл богатого Ильдефонсо Лопеса, который по его поручению выполнял тайную политическую миссию в Голландии, и которого он по его возвращении произвел в звание «ординарного государственного советника» (406).

«Повсеместное присутствие евреев» важно не только в том смысле, что оно обеспечило им широкий международные связи: некоторые явления можно объяснить только тем, что они имели широкое присутствие и *внутри* той или иной страны. Мы, например, видим, что до-

вольно часть евреи являются поставщиками продовольствия и военного снаряжения в армии (они занимались этим с древних времен, и когда, например, Велитарий осадил Неаполь, находившиеся в этом городе евреи заявили, что они могут обеспечить его необходимым продовольствием) (407), и такая их деятельность в значительной мере объясняется тем фактом, что, в отличие от христиан, они благодаря своим междугородним связям могли быстрее и легче собрать большое количество товаров, главным образом продуктов питания. «Подрядчику-еврею нечего бояться всех этих трудностей. Ему достаточно только в нужном месте поднять на ноги остальных евреев, и у него в один миг окажется столько помощников и помощников этих помощников, сколько ему было необходимо» (408). Дело в том, что раньше еврей «никогда не действовал в одиночку, но всегда выступал как член обширной мировой торговой компании» (409). «Речь идет о частицах живых денег, которые возвращаются, появляются там и сям, и которые при малейшем толчке сливаются воедино», — так писали парижские торговцы во второй половине XVIII в. в одном своем прошении (410).

II. Отчужденность

На протяжении последних столетий в большинстве стран евреи оставались чужаками прежде всего по той чисто внешней причине, что в этих странах они были *пришельцами*. Как раз в тех местах, где они разворачивали свою самую плодотворную деятельность, они не являлись коренными жителями и в большинстве случаев прибывали туда не из каких-то близлежащих краев, а из далеких стран, где царили другие нравы и обычаи и где нередко даже климат был другим. В Голландию, Францию и Англию они пришли из Испании и Португалии, а затем из Германии, в Гамбург и Франкфурт — из других немецких городов, а во всю Германию — из России и Польши.

То, что объединяло их в Новом Свете с представителями других национальностей, переселившихся туда, в то

же время, давало им преимущество в странах старой европейской культуры: они *везде были переселенцами*, и поэтому жизнь сразу же заставляла их торговать и вести себя совершенно определенным образом.

Переселенцам приходится, как говорится, держать нос по ветру, чтобы быстро ориентироваться в своем новом положении, им приходится внимательно продумывать свои действия, чтобы в новых условиях заработать себе на жизнь. В отличие от коренных жителей, которые могут спокойно спать в своих теплых постелях, они стоят на холодном утреннем ветру и думают о том, как бы им свить свое гнездо. Они стоят в стороне, потому что все коренные жители воспринимают их как непрошенных гостей, и эта неприветливая ситуация еще сильнее заставляет их напрягать свои силы в деле своего экономического обустройства.

Они должны думать о том, как обрести почву под ногами в новых условиях, и эта установка играет решающую роль во всем их хозяйствовании, которое целиком и полностью пронизано соображениями целесообразности. Они размышляют о том, как наилучшим образом, наиболее целесообразно обустроить свое хозяйство: какие отрасли производства и торговли предпочесть, с какими людьми завязать знакомство, каким деловым принципам следовать, чтобы как можно скорее утвердиться — все это означает, что на смену традиционализму приходит экономический рационализм. Мы видели, что евреи так и поступали, и мы обнаруживаем, что первая очень серьезная причина такого поведения заключалась в том, что они были чужими в тех странах, где им приходилось вести свое хозяйство: они были переселенцами, вновь прибывшими.

Однако Израиль всегда был чужим и в другом смысле, так сказать психологическо-социальном, в смысле его внутреннего противостояния тем народам, которые его окружали, в смысле почти кастовой замкнутости по отношению к тем народам, у которых он находил прием. Евреи ощущали себя как нечто особенное, и таким же образом их воспринимали эти народы. В результате этого в

евреях укрепились такая линия поведения и образ мыслей, которые с неизбежностью должны были заявить о себе в общении с «чужими», особенно в ту пору, когда о космополитизме, о мировом гражданстве еще не имели никакого представления.

Простая мысль о том, что тебе приходится иметь дело с «чужим», во все времена не отягощенная какими-либо гуманистическими соображениями, являлась достаточной для того, чтобы не мучить себя угрызениями совести и не слишком соблюдать те или иные нравственные обязательства. Общение с чужаками всегда было «бесцеремонным», а евреям постоянно приходилось иметь дело с «чужаками», «недругами», особенно если они принимали участие в больших экономических предприятиях, потому что они, в придачу ко всему прочему, постоянно находились в меньшинстве. Если представителю коренной нации приходилось общаться с «чужаком» только при заключении каждой десятой или сотой сделки, то евреи, наоборот, в девяти из десяти случаев или в девяноста девяти из ста общались с чужими и, таким образом, им приходилось снова и снова использовать «двойную мораль» (если я, конечно, могу употребить это выражение в надежде быть правильно понятым), на которую как бы настраивались все деловые отношения. Если для других общение с чужаками являлось исключением, то для евреев это было «нормой».

С их отчужденностью самым тесным образом было связано их своеобразное и странное правовое положение, в котором они находились повсюду. Однако это положение играет особую роль в разъяснении рассматриваемой нами ситуации, и поэтому мы рассмотрим его отдельно.

III. Половинчатое гражданство

На первый взгляд кажется, что гражданское положение евреев потому имело большое значение для их экономической деятельности, что в силу определенных ограничений они не могли быть свободными в выборе своей

профессии и вообще во всей своей хозяйственной деятельности. Однако я считаю, что в данном случае роль правового положения евреев переоценивается. Я даже хотел бы сказать, что постановления, касающиеся промыслового права, имели очень малое значение, а точнее говоря, вообще не имели никакого значения для общего развития экономики, которой занималось еврейство. Как бы там ни было, но при всем моем желании я не могу сказать, что где-то евреи действительно повлияли на развитие современной экономической жизни именно в силу каких-то ограничений в промысловом праве.

Эти ограничения не имели продолжительного и глубокого влияния, и это подтверждается хотя бы тем фактом, что на протяжении всего того периода, который нас здесь интересует, *профессионально-правовое* положение евреев было очень различным и, несмотря на это, мы видим, что их влияние на капиталистическую культуру в основном было одинаковым.

В то же время надо сказать о том, что лишь в очень редких случаях можно с достаточной ясностью видеть, в чем именно заключалась вся специфика правового положения евреев в данном контексте.

Это положение сильно менялось от одной страны к другой. Если, например, в Голландии и Англии евреи обладали почти полным равноправием с христианами во всем, что касалось их ремесел и промыслов, то в других странах они подвергались более или менее серьезным ограничениям, не говоря опять-таки о некоторых областях и городах, где им была предоставлена полная свобода в торговле и промышленности, как, например, в папских владениях во Франции (411).

Однако в разных странах эти ограничения по своей силе и характеру были различными и нередко даже в одной и той же стране принципиально отличались друг от друга от места к месту, причем некоторые постановления казались совершенно произвольными. О том, чтобы различные постановления были пронизаны какой-то общей идеей, не может быть и речи. Здесь им запрещается розничная торговля, там — содержание постоянных лавок,

здесь они могут заниматься своими ремеслами, там — не могут, здесь они могут заниматься каким-то одним ремеслом, а там — другим, здесь они могут торговать шерстью, там им это запрещено, здесь им можно торговать кожей, там запрещается, здесь они могут брать в аренду винные лавки, там это делать нельзя, здесь их поощряют к тому, чтобы они открывали мануфактурные фабрики, там им, напротив, запрещено участие в капиталистической промышленности, и так далее.

Достаточно вспомнить о том, какое правовое положение занимали евреи в том правовом контексте, который сложился в Пруссии на рубеже XVIII в. В различных частях этого государства было принято более дюжины законов, которые в какой-то мере прямо противоречили друг другу.

Если в некоторых местах ремесленная деятельность была запрещена (см. *Revidiertes Generalprivilegium von 1750 art. XI.*, *Schwedisches Gesetz von 1777 für Neuvorrommern and Rügen*), то постановлением княжеского указа от 21 мая 1790 г. евреям города Бреслау разрешалось «заниматься всеми механическим искусствами» и свидетельствовалось, что «для нас будет милосерднейшим благоволением, если ремесленники-христиане добровольно возьмут в обучение еврейских юношей, а затем примут их в свою корпорацию». О том же самом говорилось и в Общем регламенте о евреях для Южной и Восточной Пруссии от 17 апреля 1797 г. (параграф 10).

Если, например, берлинским евреям запрещалось продавать неевреям в розлив водку, пиво и мясо (*General-Privileg vom 17. April 1750 art. XV. XIII*), то евреям Силезии было разрешено арендовать пивные, водочные кабаки, мясные лавки, хлебопекарни и булочные, пивные и вино-водочные трактиры, а также управлять ими (согласно постановлению от 13 февраля 1769 г.).

Нередко складывается впечатление, что разрешенные к продаже или запрещенные товары выбирались совершенно произвольно: мы читаем, например, что можно торговать «иностранной и отечественной некрашеной сыромятной кожей», но в то же время нельзя «сырой или

крашеной», можно торговать «необработанными телячьими и овечьими шкурами», но нельзя «сырой воловьей и лошадиной кожей», можно вести торговлю «всеми здесь производящимися шерстяными, полушерстяными и хлопчатобумажными товарами», но нельзя «необработанной шерстью и шерстяной пряжей, а также чужими шерстяными товарами», и так далее (все это взято из уже упомянутого постановления от 1750 г.).

Картина станет еще красочнее, если мы вспомним о том, что евреи подпадали под различные правовые категории. Так, например, еврейские общины, находившиеся в Бреслау, до постановления от 21 мая 1790 г. разделялись на 4 группы:

1) *наделенные привилегиями в полном объеме*, то есть те, кто имел все христианские права в торговле и прочих делах, как в суде, так и вне суда, и чьи привилегии были наследственными;

2) *имевшие частичные привилегии*, то есть те, кто имел право торговать товарами, которыми им было разрешено торговать; такая привилегия не была наследственной, однако при раздаче привилегий потомки таких евреев принимались во внимание;

3) *признанные*, то есть такие, которые получили право на пожизненное проживание в Бреслау, но которые в своих занятиях были более ограничены, чем предыдущие;

4) так называемые *временно признанные*, получившие право проживания на определенный или неопределенный срок.

И, наконец, не следует забывать, что все эти права, так сильно разнившиеся между собой в зависимости от места или конкретного человека, в любой момент могли претерпеть какие-то изменения. Например, в 1769 г., как мы видели, сельским евреям, проживавшим в Силезии, было разрешено арендовать пивные и водочные трактиры, мясные лавки и так далее, однако в 1780 г. такая аренда была запрещена, хотя через семь лет, в 1787 г., ее снова разрешили.

Каждый, кто хоть в какой-то мере познакомился с развитием экономики последних столетий во всем его свое-

образии, хорошо знает о том, что в значительной мере профессионально-правовые ограничения существовали только на бумаге, и что любые капиталистические интересы все-таки можно было очень хорошо отстаивать. Для этого существовало немало средств, и в данном случае речь идет не только о простом нарушении закона, которому бюрократическое государство противостояло все слабее: существовало много законных возможностей и путей, позволявших освободиться от тягостных ограничений, куда, в частности, входили концессии, наделение какими-либо временными привилегиями и так называемые охранные грамоты, которые князья выдавали очень охотно, если имели от этого какую-то побочную выгоду, и конечно же, находились евреи, которые знали, как добиться таких льгот. Во всех профессионально-правовых ограничениях, которые касались евреев, молчаливо подразумевалось то, что было сказано в прусском постановлении от 1737 и 1750 гг., а сказано там было о том, что евреям категорически запрещается торговать тем-то и тем-то («без нашего на то особого согласия, которое надо получить и ради которого в известных случаях необходимо обратиться в наше генеральное управление»). Однако если из такой ситуации нельзя было найти никакого выхода, то как же тогда можно объяснить тот факт, что в некоторых отраслях торговли (и как раз именно в тех, где евреям по закону было самым решительным образом запрещено разворачивать какую-либо деятельность, например торговать кожей или табаком), они с давних пор занимали ведущее положение?

И все-таки существует одна область, где можно видеть, что старые законы, касающиеся ремесленной деятельности, оказали свое влияние на евреев. Это наблюдается там, где на экономическую жизнь воздействовали корпоративные союзы или (что будет правильнее) где экономические процессы протекали в рамках профессиональных товариществ. Они не имели доступа в цеха или гильдии: от вхождения туда их удерживало распятие, которое висело во всех помещениях таких союзов и вокруг которого собирались все члены этих союзов. Таким образом, если

евреи хотели заняться каким-либо ремеслом, они могли это делать только вне того круга, который находился под влиянием христианских товариществ, причем независимо от того, шла ли речь о промышленности или торговле. Поэтому (опять-таки по внешним причинам) они становились контрабандистами, ремесленниками-одиночками, соперниками цеховых организаций, «свободными торговцами», и в таком качестве мы их встречаем повсюду.

По-видимому, гораздо решительнее судьба евреев определялась теми нормами права, которые регулировали их отношение к государственной власти и особенно их *положение в общественной жизни*. Во всех государствах эти правовые нормы были на удивление едиными, так как в конечном счете они исходили из одного: запретить евреям участие в общественной жизни и, следовательно, закрыть им доступ на государственную и общинную службу, в суды и парламент, в армию и университеты. Это относится как к западным государствам (Франции, Голландии и Англии), так и к Америке. Вряд ли стоит подробно останавливаться на рассмотрении гражданского статуса евреев перед «освобождением», так как все это в общих чертах известно. Можно только вспомнить о том, что такое половинчатое гражданство евреев наблюдалось в большинстве государств вплоть до XIX в. Только Соединенные Штаты уже в 1783 г. провозгласили политическое равноправие всех граждан без исключения и без различия в их вероисповедании. Что касается Франции, то ее знаменитый закон об освобождении датируется 27 сентября 1791 г., а в Голландии полную гражданскую свободу евреям принесло постановление Батавского национального собрания в 1796 г. Даже в Англии евреи боролись за право быть избранными в парламент еще в сороковые годы XIX в. (первым избранным депутатом еще в 1848 г. стал барон Лайонел Ротшильд), и только в 1859 г. евреи получили полное равноправие с остальными гражданами. В немецких государствах движение за равноправие начинается только с 1848 г. и только законом Северонемецкого Союза от 3 июля 1869 г., а равно-

праве становится окончательной и всеобщей нормой. Австрия последовала этому примеру в 1867 г., Италия — в 1870 и так далее.

Для того чтобы убедиться, что буква закона еще долгое время не обеспечивала полного равноправия (и не обеспечивает его до сего дня), достаточно заглянуть в любую либеральную газету, в которой день за днем появляются жалобы на то, что какой-то вольноопределяющийся еврей снова не смог стать гусарским офицером, или что в судах и нотариальных конторах процент еврейских служащих недостаточен.

Я уже не раз говорил о том, какие последствия имел запрет на участие в общественной жизни: экономика только выигрывала от того, что все творческие силы, накопившиеся в еврейском народе, направлялись в ее русло. Если лучшие представители других слоев населения состязались между собой в том, чтобы занять те или иные государственные посты, самые одаренные евреи были вынуждены заниматься экономикой (если, конечно, все их силы не уходило на то, чтобы заниматься схоластическими исследованиями в еврейских школах). Однако даже погружаясь в экономическую жизнь, им приходилось (чем больше эта жизнь строилась на добывании денег и чем сильнее обладание ими становилось источником власти) определять для себя те области деятельности, в которых они могли обрести то, что им на прямом пути было запрещено достигать законом — авторитет и влияние в государстве. Тем самым здесь мы опять усматриваем одну из причин, объясняющих, почему евреи так сильно ценили деньги.

Однако невозможность принимать участие в общественной жизни и по-другому улучшала положение евреев в жизни экономической, в результате чего они снова получали преимущество перед своими христианскими конкурентами.

Дело в том, что упомянутая невозможность приводила, так сказать, к некоей политической бесцветности, к определенному равнодушию по отношению к государству, в котором евреи жили, и к еще большему равнодушию по

отношению к правительству, которое в этом государстве правило. Благодаря этому равнодушию они, как никто другой, превращались в представителей капиталистической мировой экономики, поскольку предоставляли в распоряжение различных государств «капиталистические силы этой экономики». Межнациональные конфликты становились для евреев прямо-таки основным источником дохода.

Лишь благодаря уже названной политической неопределенности и бесцветности евреям также удавалось в таких, например, странах, как Франция, часто переживавших смену политического режима, служить различным династиям и правительствам, и история семейства Ротшильдов является ярким тому подтверждением. Таким образом, в силу того, что евреи были отодвинуты в государстве на второй план, они способствовали развитию того равнодушия по отношению ко всем ценностям, не служащим интересам наживы, которое в конце концов как таковое свойственно капитализму и, следовательно, и в этом аспекте они содействовали укреплению духа капитализма и всячески преумножали его.

IV. Богатство

К объективным условиям, при которых евреи выполняли свою экономическую миссию на протяжении последних трех или четырех столетий, и своеобразие которых сделало своеобразной и саму их деятельность, мы можем присовокупить и тот факт, что везде, где они играли не последнюю роль в экономической жизни, они всегда имели большие деньги (и если мы захотим вплоть до сегодняшнего дня проследить результаты их деятельности, сопряженной с этой своеобразной обусловленностью, мы скажем, что они имеют их и сегодня). Однако, говоря об этом, мы вовсе не хотим сказать, что богатыми являются вообще все евреи, и вряд ли можно каким-то образом опровергнуть тот факт, что во все времена жили очень бедные евреи, которых к тому же было очень много. Не надо

слишком стараться, чтобы доказать правильность такого утверждения: кому хоть однажды довелось побывать на Востоке, кто заглядывал в еврейские квартиры в Нью-Йорке, достаточно знает о том, что такое еврейская бедность. В данном случае речь идет о том, что представляет собой гораздо более узкое явление: я утверждаю, что среди евреев, которые начиная с XVII в. играли такую активную роль в экономическом развитии стран Западной и Центральной Европы, было и остается много богатых людей, и, заостряя эту мысль, можно сказать, что повсюду евреи были богаче окружавших их христиан (речь, конечно же, всегда идет о среднестатистическом исчислении, и поэтому не стоит принимать во внимание глупое возражение, что мол в Германии есть один очень богатый человек, а в Соединенных Штатах целых три самых богатейших, и все они — неевреи).

Вероятно, очень богатыми были многие беженцы, которые начиная с XVI в. стали покидать *Пиренейский полуостров*. Мы слышим об «*exodo de capitaes*», исходе капитала, который они, как сообщается, увезли с собой. Кроме того, мы знаем о том, что во время изгнания они продавали свои многочисленные владения и оплачивали свое пребывание в чужом месте (412).

Самые богатые, вероятно, направились в *Голландию*, по крайней мере мы знаем, что первые переселенцы, которые обосновались в этой стране (Мануэль Лопес Хомен, Мария Нунес, Мигель Лопес и другие) обладали большим богатством (413). Что касается XVII в., то в целом трудно установить, продолжали ли прибывать в Голландию богатые испанские евреи, или к той поре коренные жители становились все богаче: достаточно знать о том, что в XVII—XVIII в. голландские евреи славились своим богатством. Хотя мы не располагаем имущественной статистикой той эпохи, мы все-таки имеем достаточно других свидетельств, говорящих о том, что евреи были богаты. Прежде всего об этом свидетельствует богатое убранство их жилищ, которому не переставали удивляться путешественники, роскошная обстановка великолепнейших дворцов. Полистав собрание гравюр той эпохи, можно

тотчас же убедиться, что блестящие дворцы где-нибудь в Амстердаме или Гааге были построены евреями или куплены ими, например, дворцы барона Бельмонте, де Пинто, Дакоста и других (в конце XVII в. состояние де Пинто оценивалось в восемь миллионов гульденов). О княжеской роскоши, которая царила на одной богатой еврейской свадьбе в Амстердаме, в своих мемуарах живо рассказывает *Глюкель фон Гамельн*, выдававшая замуж свою дочь (414).

Однако и в других странах евреи тоже выделялись своим богатством. Применительно к Франции XVII—начала XVIII в. это подтверждает умный Савари, в двух словах выражая общее суждение такого рода: «Когда о каком-нибудь купце ходит слава, что он накопил много богатств, о нем говорят, что он *богат, как еврей*» (415).

Что касается Англии, то здесь у нас есть даже цифровые данные об имущественном состоянии богатых испанских евреев на тот период, когда им было официально разрешено жить в этой стране. Мы уже знаем о том, что в Англию вслед за Екатериной Браганской, невестой Карла II, потянулся шлейф богатых евреев. Если в 1661 г. в общине сефардов насчитывалось только тридцать пять отцов семейства, то в одном только 1663 г. к ним прибавляется пятьдесят семь новых имен. Из книг муниципального советника Беквела мы узнаем о том, что в этом же году полугодовой оборот богатых еврейских домов выглядел следующим образом:

Иаков Абоаб	— 13 085 фунтов
Самуил де Вега	— 18 309
Дуарте да Сильва	— 41 441
Франсиско да Сильва	— 14 646
Фернандо Мендес да Коста	— 30 490
Исаак Дасеведо	— 13 605
Георг и Доминго Франсиа	— 35 759
Гомес Родригес	— 13 124 (416).

Что касается Германии, то мы уже видели, что в XVII—XVIII вв. средоточием жизни евреев были Гамбург

и Франкфурт. Мы можем с цифрами в руках проследить, каким имущественным состоянием обладали евреи обоих городов, и результаты полностью подтвердят нашу точку зрения.

В *Гамбурге* в первую очередь обосновались евреи из Испании и Португалии. Мы обнаруживаем, что уже в 1619 г. сорок еврейских семей принимали участие в основании Гамбургского банка и, следовательно, их имущественное положение было достаточно хорошим. Вскоре начинают раздаваться жалобы на растущее богатство и возрастающий авторитет евреев: в 1649 г. поступает жалоба на то, что евреи устраивают слишком роскошные похороны своих единоверцев и в каретах совершают прогулки по Гамбургу. В 1650 г. появляется жалоба на то, что евреи строят свои дома как дворцы, и вскоре появляется закон о роскоши, который запрещает им роскошествовать чрез меру (417). Таких примеров можно привести много. Повидимому, к концу XVII в. богатство сефардов начинают ограничивать, однако приблизительно в это время начинают быстро богатеть ашкеназы, и самое надежное подтверждение этому дает уже упомянутая *Глюкель фон Гамельн*. Она рассказывает о том, как в ее детстве многие еврейско-немецкие семьи жили в стесненных условиях и только потом стали довольно зажиточными. Ее наблюдения полностью подтверждаются теми статистическими данными, которые касаются первой четверти XVIII в.: в 1729 г. еврейская община Альтоны состояла из 297 податных лиц, из них 145 были состоятельными людьми, доход которых превышал 1500 марок ассигнациями; их имущество оценивалось в 5 434 300 марок, то есть в среднем более 37 000 марок на человека; община собственно Гамбурга состояла из 160 податных, среди которых 16 человек располагали доходом свыше 1000 марок и имуществом на общую сумму в 501 500 марок (418). Однако эти цифры покажутся слишком заниженными, если мы сравним их с точными имущественными данными, касающимися некоторых богатых евреев. Так, например, в 1725 г. в Гамбурге, Альтоне и Вандсбеке проживали следующие зажиточные евреи:

Иоэль Соломон	— 210 000
Сейнен Швигерсон	— 50 000
Элиас Оппенгеймер	— 300 000
Моисей Гольдшмидт	— 60 000
Алекс Папенгейм	— 60 000
Элиас Саломон	— 200 000
Филипп Элиас	— 50 000
Самуил Шиссер	— 60 000
Беренд Гейман	— 75 000
Самсон Натан	— 100 000
Моисей Гамм	— 75 000
Самуил Абрахам Уве	— 60 000
Александр Исаак	— 60 000
Мейер Беренд	— 400 000
Саломон Беренс	— 1 600 000
Исаак Герц	— 150 000
Мангель Гейман	— 200 000
Натан Бендикс	— 100 000
Филипп Мангель	— 100 000
Исаак Филипп	— 50 000
Абрахам Оппенгеймер	— 60 000
Захария Даниэль Уве с дочерьми	— 150 000
Симон дель Банко	— 150 000
Маркс Кастен	— 200 000
Карстен Маркс	— 60 000
Абрахам Лазар	— 150 000
Беренд Саломон	— 400 000
Мейер Беренс	— 400 000
Абрахам фон Галле	— 150 000
Абрахам Натан	— 150 000

Таким образом, перечисленные 31 или 32 человека вместе обладали суммой, превышающей 6 миллионов. В любом случае нам не приходится сомневаться, что начиная с XVII в. в Гамбурге проживали богатые и очень богатые евреи.

Таковую же, а быть может даже более красочную картину мы видим, когда переходим к евреям города Франк-

фурта. Их богатство начинает расти с конца XVI в., причем довольно быстро.

В 1593 г. во Франкфурте проживали только 4 еврея (на 54 христианина, то есть 7.4 %), которые со своего имущества платили в казну более 15000 гульденов, однако к 1607 г. их было уже 16 человек (на 90 христиан, то есть 17.7 %) (419). В 1618 г. самый бедный еврей платил со своего наличного имущества 1000 гульденов, а самый бедный христианин 50 гульденов; в этом году евреи заплатили в казну 3 627 085 гульденов, в то время как весь доход города составлял лишь 20 872 225 гульденов. В 1634–1650 гг. около трехсот еврейских семей заплатили за постоя солдат и земляные работы 100 900 гульденов, в 1643–14 400 гульденов, в 1635–14 800, в 1636–11 200 и так далее (420).

К концу XVIII в. число франкфуртских евреев-налогоплательщиков увеличилось до 753 человек, которые вместе обладали суммой по меньшей мере в 6 миллионов гульденов. Больше половины этой суммы приходилось на двенадцать самых богатых еврейских семей:

Шпейер	— 604 000 гульденов
Рейс-Элиссен	— 299 916
Гаас, Канн, Штерн	— 256 500
Шустер, Гец, Амшель	— 253 075
Гольдшмидт	— 235 000
Май	— 211 000
Оппенгеймер	— 171 500
Вертгеймер	— 138 600
Флерсгейм	— 166 666
Риндскопф	— 115 600
Ротшильд	— 109 375
Зихель	— 107 000 (421).

В начале XVIII в. даже берлинские евреи уже не представляют собой бедных прихлебателей. Из 120 еврейских семей, которые в 1737 г. проживали в Берлине, лишь 10 имели имущественный доход менее 1000 талеров, тогда как у всех остальных он составлял от 2000 талеров до 20 000 и больше (422).

Евреи всегда были очень богатыми людьми, и этот интересный факт веками оставался неизменным, и сегодня остается таким же, как и 200–300 лет назад, быть может, с той лишь разницей, что сегодня он стал более явным и приобрел более широкие масштабы, чем в прежние времена. Учитывая чрезвычайно важное значение этого факта, характеризующего своеобразное состояние нашей экономики и объясняющего природу этого своеобразия, здесь я хотел бы привести более подробные данные о доходах налогоплательщиков-христиан и налогоплательщиков-евреев в *современной Германии*, которые я беру из достоверных источников. Эти данные максимально точно свидетельствуют об огромной разнице в доходах еврейского и нееврейского населения и представляют собой тот материал, который по своей важности не уступает другим статистическим данным. Когда говорят, что евреи намного богаче христиан, довольно часто приходится слышать возражение, что такое впечатление создается от богатства лишь нескольких евреев и что основная их масса нисколько не богаче остального населения. Из приводимых мной цифр становится ясно, что такое возражение голословно: эти цифры показывают, что в общем и целом евреи в несколько раз богаче своего окружения, а во многих местах — даже во много раз. Достаточно сравнить цифры по Берлину и Мангейму! Они показывают, что в сравнении с христианским населением евреи в целом оказываются богаче в шесть—семь раз. Особенно показательными являются цифры, касающиеся городов Верхней Силезии, а также города Позена, где богатство местного населения не уступает богатству евреев: эти цифры поучительны потому, что в данном случае речь идет о так называемом «бедном» еврействе. (В России и Галиции всегда находились очень бедные еврейские общины, однако и там евреи были во много раз богаче местного христианского населения, о чем свидетельствует немногочисленная, весьма недостаточная статистика, в которой однако тоже не приходится сомневаться.)

Ниже мы приводим таблицы, где *численность населения* представлена согласно переписи от 1 декабря 1905 г.

Для сравнения с той ситуацией, которую мы наблюдаем в Великом герцогстве Баденском, приводятся цифры, взятые из тех округов, где число жителей превышает 30 000 человек (за исключением Вальдсгута, Синсгейма, Гейдельберга и Мосбаха, так как позднейших данных по этим округам получить не удалось).

Что касается прусских городов, то здесь цифры, отражающие общие суммы налогов, основаны на статистических исследованиях Прусского королевского министерства финансов, а предварительные сметы общих церковных налогов, собранных в Бадене в 1908 г., взяты из статистического ежегодника.

Однако, каким образом можно было узнать о налогах, которые заплатили евреи? Дело в том, что общая налоговая статистика никак не обособляет эту сумму. Здесь ценным источником оказался «*Справочник еврейского общинного управления*»: я воспользовался изданием за 1907 г., чтобы как можно полнее соотнести статистические данные этого года с теми данными, которые касались численности населения в 1905 г. В этом справочнике указывается, какой подоходный налог заплатила та или иная община, причем применительно ко многим из них даются абсолютные цифры с указанием на то, какой процент составляет эта сумма от дохода или от государственного налога. Во втором случае можно было узнать, какой подоходный налог платили евреи и сравнить его с налогами, которые заплатило все население округа. Результаты таких подсчетов представлены в табл. 1 и 2 (для всех тех городов и округов, по отношению к которым можно было раздобыть сравнительные данные).

Во всех случаях, когда суммы культовых налогов, заплаченных еврейскими общинами, давались в процентном отношении к доходу, его можно было сопоставить с общим доходом всех жителей. Это было сделано для Бреслау и Франкфурта-на-Майне (табл. 3).

Что касается статистических данных по городу Берлину, то способ их получения и сопоставления был несколько иной. Эти данные Берлинскому статистическому ведомству предоставил служащий городского синаода еван-

гелической церкви; он сообщил, что, просмотрев налоговые списки католиков, иудеев и представителей других вероисповеданий, вывел соответствующие статистические данные для каждой конфессии. Однако эти цифры относились (что не было отражено в берлинском ежегоднике и также не было известно соответствующему ведомству) собственно к Берлину, Шарлоттенбургу, Шенебергу и части Вильмерсдорфа. Поэтому, для того чтобы выяснить процент еврейского населения, в основу было положено число всех жителей малого Большого Берлина (весь Вильмерсдорф).

Все подсчеты по моему поручению были произведены доктором Рудольфом Меервартом.

Таблица I

Город	Число жителей	Из них евреев	Процент евреев	Сумма налога от общего числа жителей	От евреев	Процентное соотношение
Аахен	144095	1665	1.16	1672641	130357.14	7.79
Бармен	156080	584	0.37	1502439	26333.33	1.75
Берлин	2484285	125723	5.06	34182931	10517535	30.77
Бойтен	60076	2425	4.04	327402	88086.42	26.90
Билефельд	71796	833	1.16	622935	44873.24	7.20
Бохум	118464	1043	0.88	760951	40000	5.26
Бонн	81996	1202	1.47	1430565	53802.40	3.76
Бранденбург	51239	273	0.53	353394	8125	2.30
Бромберг	54231	1513	2.79	455059	62500	13.73
Грефельд	110344	1834	1.66	1121652	73638.50	6.57
Дортмунд	175577	2104	1.20	1503532	78471.67	5.22
Дюссельдорф	253274	2877	1.14	3546139	125723.08	3.55
Дуйсбург	192346	1035	0.54	1503379	31.111	2.07

Продолжение таблицы I

Город	Число жителей	Из них евреев	Процент евреев	Сумма налога от общего числа жителей	От евреев	Процентное соотношение
Эльбефельд	162853	1754	1.08	1841053	70000	3.80
Ессен	231360	2411	1.04	2250853	104888.89	4.66
Франкфурт-на-Одере	64304	755	1.77	440289	30224	6.86
Гельзенкирхен	147005	1171	0.80	735067	22000	2.99
Глейвиц	61326	1962	3.20	288256	68894.31	23.90
Киль	163772	470	0.29	1428488	11272.73	0.79
Кабленц	53897	638	1.18	623019	2692.31	0.43
Кёнигсхютте	66042	990	1.50	172165	25000	14.52
Магдебург	240633	1935	0.80	2581680	102500	3.58
Мюльгейм-на-Рейне	50811	263	0.52	349034	7666.67	2.20
Мюльгельм-на-Дуре	93599	747	0.80	687254	18533.33	2.70
Мюнхен-Гладбах	60709	784	1.29	579441	40000	6.90
Мюнстер	81468	510	0.63	873328	23000	2.63
Оберхаузен	52166	330	0.63	292768	4571.43	1.56
Оснабрюк	59580	474	0.80	420051	11428.57	2.72
Позен	136808	5761	4.21	1017173	244521	24.02
Висбаден	100953	2651	2.63	2437644	200000	8.20

Если мы еще раз зададимся вопросом о том, как такое большое количество денег, которыми располагали евреи, сказалось на их экономической судьбе, мы увидим, что их влияние, вне всякого сомнения, имело общий харак-

Округ с числом жителей свыше 30 000	Население (1 дек. 1905)			Налог с имущества трех конфессий (1908)
	в целом	евреев	процентное соотношение	
Констанц	59912	1178	1.97	190465900
Виллинген	30263	61	0.20	62563600
Эммендинген	52393	642	1.23	122239100
Фрайбург	104951	1124	1.07	615656600
Лёррах	46420	287	0.62	114386600
Лар	43445	373	0.86	123282000
Оффенбург	62826	461	0.73	146046700
Даштат	65996	411	0.62	104087800
Брухзаль	68196	1088	1.60	120169500
Дурлах	43274	471	1.09	67422900
Карлсруэ	151222	2891	1.91	648721500
Пфоругейм	94161	664	0.71	316393900
Маннгейм	195723	6273	3.21	880576800
Шветцинген	35674	235	0.66	48702200
Баден	32858	228	0.68	229542100
Бюль	32227	212	0.66	73619300
Герцогство Баденское	2010728	25893	1.29	6091568350

тер, что и становится ясным при ближайшем рассмотрении этой ситуации.

Однако следует упомянуть и о той особой роли, которую еврейские деньги играли в государствах, принимавших поток еврейских беженцев. В контексте общего развития капитализма (а именно этому общему развитию мы в данном случае и уделяем наше внимание) упомянутую особую роль следует учитывать постольку, поскольку народы, экономическому подъему которых евреи способствовали, сами могли ускорять капиталистическое развитие. Поэтому мы должны особо отметить тот факт, что переселение

Таблица II

Налоги евреев	Процентное соотношение	Доход трех конфессий	Доход евреев	Процентное соотношение доходов
17916700	9.41	12022370	999875	8.32
352500	0.56	3462385	30575	0.88
3987500	3.26	6149025	235400	3.83
32246200	5.24	31776190	1549925	4.88
1523300	1.33	6975295	105755	1.52
2062500	1.57	6125375	130900	2.14
3344700	2.29	8519845	270450	3.17
3254000	3.13	6979410	225100	3.22
21097300	17.56	7552155	1294700	17.14
3891500	5.77	4956610	186800	3.77
75675300	11.67	48908525	5413900	11.07
16535100	5.23	30088870	1670435	5.55
252393000	28.66	77667915	17377975	22.37
3384100	6.95	4115375	112450	2.73
7596900	3.40	10409020	400725	3.85
2951300	4.01	3101070	168050	5.42
512800650	8.42	379078795	34328370	9.06

богатых евреев привело к неожиданному перемещению запаса благородных металлов (которое постепенно совершалось в результате установления новых торговых связей), что самым решительным образом повлияло на ход экономической жизни: Испания и Португалия потеряли эти благородные металлы и оказались опустошенными, в то время как Голландия и Англия наполнились ими.

Можно довольно подробно проследить, каким образом в немалой степени именно еврейские деньги способствовали тем великим начинаниям XVII в., которые требовали капиталовложений.

Таблица III

Город	Общее число жителей	Число евреев	Процентное соотношение	Общий доход всех налогоплательщиков	Доход евреев	Процентное соотношение
Бреслау	470904	20356	4.3	213635475	43347482	20.3
Франкфурт-на-Майне	334978	23476	7.0	461114500	96000000	20.8

Если бы путешествие Колумба стало невозможным, если бы богатые евреи покинули Испанию на одно поколение раньше, тогда, вероятно, большие индийские компании, а также большие банки, возникшие в XVII в., не стали бы такими могущественными, большие деньги беглых евреев не пришли бы на помощь голландцам, англичанам или жителям Гамбурга, да и оставшиеся евреи были бы изгнаны из Испании и Португалии столетием позже.

Таким образом, сейчас как никогда мы понимаем, сколь широкое влияние имело еврейское богатство, которое было потому таким важным и нужным, что существенным образом облегчило все капиталистические начинания, а может быть, вообще сделало их возможными: банки, издательская деятельность, биржевые спекуляции, — все это им было осуществлять легче, чем другим, поскольку в их карманах было больше денег. Все это ясно без каких-либо особых обоснований.

Кроме того, их богатство позволило им стать банкирами королей, и для того чтобы прийти к такому выводу, не надо обладать особой проницательностью.

В то же время существует одно обстоятельство, которое тоже связано с большими еврейскими деньгами и которое заслуживает того, чтобы его упомянуть особо. Я имею в виду тот факт, что евреи стали очень широко использовать свои деньги в качестве денежных займов. Такое своеобразное использование денег (в том, что оно приобрело всеобщий характер, не стоит сомневаться), по-види-

тому, является одним из важнейших подготовительных этапов в возникновении капитализма. Если евреи везде зарекомендовали себя как люди, вполне пригодные для того, чтобы способствовать капиталистическому развитию, то не в последнюю очередь это объясняется их умением быть займодавцами (как в большом, так и в малом).

Итак, капитализм рождается из денежной ссуды.

Его основная идея уже содержится в денежной ссуде как в зародыше, а свои самые важные признаки проистекают из той же денежной ссуды.

В денежной ссуде исчезают всякие качественные различия, и экономический процесс определяется только количественно.

В денежной ссуде самым важным является договорная сторона всякого дела: содержанием этого дела становятся переговоры о взаимных услугах и взаимном исполнении обязанностей, гарантии на будущее, а также договоренность о поставках и предоставлении услуг.

В денежной ссуде исчезает все, напрямую связанное с пропитанием.

В денежной ссуде упраздняется, так сказать, все телесное, плоское (все «техническое»): экономическое действие становится чисто умственным, отвлеченным.

В денежной ссуде экономическая деятельность как таковая утрачивает весь свой смысл: сама практика денежной ссуды перестает быть осмысленной деятельностью тела и духа, и тем самым ее значимость определяется ее же успехом. Только успех еще имеет какой-то смысл.

В денежной ссуде впервые появляется возможность, не проливая собственного пота и прибегая к определенному экономическому действию, заработать деньги; вполне определенно очерчивается возможность, не прибегая к насилию, заставить чужих людей работать на себя.

Таким образом, мы видим, что по существу все эти своеобразные признаки денежной ссуды являются такими же своеобразными признаками любой капиталистической экономической организации.

Получается, что современный капитализм *исторически* в значительной мере вырос из денежной ссуды (из

аванса, займа). Это происходит именно там, где форма денежных перемещений предстает как изначальная форма любого капиталистического предпринимательства. Кроме того, это наблюдается и в том случае, когда упомянутая форма вырастает из иных залоговых денежных отношений, и, наконец, тогда, когда она впервые принимает обличие какой-либо акции, поскольку в своем законченном виде акционерное общество представляет собой не что иное, как предприятие, основанное на денежной ссуде, и предполагающее то или иное непосредственное продуктивное содержание.

Итак, в практике денежных ссуд мы еще раз усматриваем обстоятельство, которое дало евреям объективную возможность создавать капиталистическую форму хозяйствования, а также способствовать ее развитию и распространению. Однако, наши последние рассуждения заставляют нас сделать еще один шаг вперед и выйти за пределы чисто объективного истолкования рассматриваемой нами проблемы. Не получается ли в конечном счете так, что предрасположенность к капиталистической форме хозяйствования, приводящая к практике денежных ссуд, уже дает основания говорить о том психологическом элементе, который определяет своеобразие кредитора?

Этот вопрос можно расширить, и тогда он будет выглядеть так: являются ли изложенные здесь «объективные» обстоятельства достаточными для того, чтобы в полной мере объяснить экономическую роль евреев, является ли чисто объективное истолкование их деятельности достаточным, или в данном случае необходимо, чтобы в причинно-следственную цепь было включено нечто такое, что, например, можно было бы назвать еврейским своеобразием? Однако прежде чем мы приступим к более основательному рассмотрению этого вопроса (в 12 главе), нам (по причинам, которые излагаются во вступлении к следующей главе), надо обратить внимание на одно совершенно своеобразное явление, а именно на религию евреев.

**ВЛИЯНИЕ ИУДЕЙСКОЙ РЕЛИГИИ
НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ**

Предуведомление

Если здесь я посвящаю рассмотрению религии еврейского народа целую главу, если я пытаюсь доказать, что она сыграла исключительно большую роль во всем том, что сделали евреи для формирования капитализма, то прежде всего я это делаю потому, что наряду с другими «объективными» обстоятельствами важность этого момента лишь тогда признается на должном уровне, когда данный аспект еврейской проблемы рассматривается относительно подробно и в характерном для него контексте.

Во-вторых, мне кажется, что особого разговора о религии требует и совершенно своеобразный метод, который необходимо использовать в данном изложении.

И, наконец, в пользу такого расположения материала говорит и то обстоятельство, что влияние религии на экономическое поведение верующих больше нельзя рассматривать в ракурсе тех или иных чисто объективных обстоятельств, поскольку сама религия как таковая довольно четко заявляет о себе как выражение своеобразного и довольно четкого умонастроения и, следовательно, как выражение того или иного субъективного своеобразия (хотя в данном случае мы пока не будем говорить об этом детально). С другой стороны, система религиозных воззрений, в которой рождается тот или иной человек, все-таки противостоит ему как нечто вполне устоявшееся и «объективное». Таким образом, в каком-то смысле влияние религиозных обязанностей на экономическую деятельность можно также причислить к объективным причинам, как и влияние того правового положения, в котором находится тот или иной субъект. Наконец, довольно часто сама религиозная система выступает как

причина, причем не только тех или иных внешних превратностей, которые окружали еврейский народ (именно как причина описанных нами «объективных обстоятельств»), но и как причина своеобразных особенностей еврейского характера. Итак, религия как бы занимает промежуточное положение между объективными и (возможными) субъективными причинами возникновения тех или иных способностей, и поэтому также заслуживает того, чтобы занять особое место в структуре этой книги, каковое я ей и уделяю в данной главе.

I. Роль религии в жизни еврейского народа

Мы можем несколько не сомневаться в том, что религия какого-либо народа или какой-либо группы населения в этом народе имеет большое значение для формирования его экономического уклада. Не так давно Макс Вебер показал нам взаимосвязь, которая существует между пуританством и капитализмом. Именно его исследования в значительной мере и стали причинами возникновения этой книги; любого проникательного человека они должны были поставить перед вопросом: не получается ли так, что все, что Вебер приписывал пуританству, гораздо раньше, а позднее и в более высокой степени было совершено иудаизмом, и нельзя ли в таком случае говорить о том, что явление, называемое пуританством, в своих основных чертах и представляет собой уже упомянутый иудаизм. Об этом внутреннем родстве между обеими религиями мы еще поговорим в ходе наших дальнейших исследований.

Если предположить, что наряду с пуританством существует какая-либо другая религиозная система, оказавшая влияние на формирование экономической жизни, то сразу же надо признать, что этой системой является иудаизм, потому что ни у какого другого цивилизованного народа религия не играла такой огромной роли, как у евреев.

Их религия была для них не просто чем-то таким, что совершалось в выходные дни и по праздникам, она напол-

няла всю их повседневную жизнь вплоть до самых малых установлений. Все в их жизни получало свое религиозное освящение. Мы знаем (и об этом мы еще поговорим подробно), что любому поступку предшествовала мысль о том, признается ли этим поступком божественное величие, или же оно, напротив, отрицается. Еврейский «закон» регулирует не только отношения между человеком и Богом, и религиозные положения отвечают не только одним лишь метафизическим потребностям: в еврейских религиозных книгах предусматривается обязательная норма для всех прочих возможных отношений между людьми, а также между человеком и природой. Еврейское право, как и еврейская этика, в равной мере являются составной частью религиозного учения: право дано Богом, оно в нравственном смысле хорошо и угодно ему; нравственный закон и Божественное постановление в иудаизме представляет собой единое целое (423). При последовательном подходе к иудейской религии нельзя даже говорить о том, что в ней существует какая-то самостоятельная «этика иудаизма». «Иудейское учение о нравственности является внутренним источником, а точнее говоря, объективным принципом иудейского вероучения. Иудейская этика является первоначалом иудейской религии. Она представляет собой причину, а не следствие, и может выводиться из иудейской религии лишь в том смысле, в каком аксиома выводится из математических теорем ... Между иудейским учением о нравственности и учением о Боге существует неразрывное, нерасторжимое единство ... Иудейское учение о нравственности есть не что иное, как иудейское же вероучение» (424).

Кроме того, надо отметить, что никакой другой народ так сильно не заботится о том, чтобы религиозные предписания были известны даже самому незначительному из его представителей. Даже Иосиф говорил о том, что среди евреев о религиозных законах можно спросить первого попавшегося, и он, быть может, не сразу вспомнит, как его зовут, но зато сразу перечислит все религиозные постановления. Причина такого хорошего знания заключается в систематическом образовании, которое каждый

молодой еврей получает в религиозных вопросах; эта причина также кроется в том, что само еврейское богослужение в значительной степени используется для того, чтобы читать вслух и разъяснять те или иные места из Священного Писания (в результате чего на протяжении одного года вслух прочитывается вся Тора; и, наконец, причина такой хорошей осведомленности заключается в том, что любого еврея настоятельнее всего призывают к изучению упомянутой Торы. «Относительно божественных заповедей и предписаний в Священном Писании говорится: „И внушай их детям твоим, и говори о них, сидя в доме твоём, и идя дорогою, и ложась, и вставая“» (425).

Наверное, никакой другой народ не стремился так старательно следовать теми путями, которые ему указал Бог, и не старался так тщательно соблюдать религиозные установления, как евреи.

Иногда приходится слышать о том, что евреи — «самый безбожный народ». Здесь я не хочу выяснять, на каком основании о них так говорится: для меня нет никакого сомнения в том, что одновременно они являются «самым богобоязненным» народом, который когда-либо существовал на земле. Они постоянно жили в страхе и трепете перед Божьим гневом: «Трепещет от страха твоего плоть моя, и судов твоих я боюсь» (Пс. 118, 120). Во все времена эти слова, сказанные псалмопевцем, сохраняли свою силу для еврейского народа. «Блажен человек, который всегда пребывает в благоговении (страхе пред Богом)» (Притч. 28, 14). В другой книге (Tanchuma Chukkat 24) говорится о том, что «благочестивые никогда не забывают страха» (426). Какой же это страшный Бог, какое ужасное и вселяющее трепет существо, и к тому же умеющее проклинать так, как это делает только он, Яхве! Наверное, никогда во всей мировой литературе человеку не угрожали таким множеством бед (и, наверное, никогда не будут угрожать), как в знаменитой 28-й главе Второзакония, где Яхве обрушивается на того, кто не следует его заповедям.

В ходе мировой истории к этой мощной силе (а именно к Божьему страху в строгом смысле слова) присовокупля-

лись и другие, которые так же, как и она, заставляли евреев самым тщательным образом соблюдать духовные предписания. Когда я говорю об этом, я прежде всего имею в виду судьбу евреев как народа или нации. Уничтожение еврейского государства способствовало тому, что фарисеи и книжники (то есть те самые люди, которые следовали по стопам Ездры и хотели сделать исполнение религиозного закона краеугольным камнем всей жизни), что эти люди, которые до сих пор обладали высочайшим нравственным авторитетом, отныне вообще вознеслись на вершину во всей еврейской иерархии и получили возможность целиком и полностью управлять еврейством. Евреи, утратившие свою государственность и увидевшие, что их национальные святыни превратились в развалины, под руководством фарисеев собираются вокруг Торы (этого «переносного отечества», как ее назвал Генрих Гейне) и становятся своего рода религиозной сектой, которой управляет толпа набожных книжников (ситуация примерно такова, как если бы ученики Игнатия Лойолы собрали вокруг себя разрозненных сторонников какого-нибудь современного государства). Фарисеи приходят на смену прежним низверженным властителям. Наиболее представительные раввины образуют совет, который считался продолжением древнего синедриона, и действительно был таковым, и который отныне стал высшей инстанцией во всех духовных и мирских делах для всех евреев земли (427). Таким образом, утверждается господство раввинов, которое лишь укрепляется (по причине превратностей и напастей, выпавших на долю евреев в средние века) и которое становится столь тяжким, что иногда сами евреи начинают жаловаться на несносное иго, возложенное на них их духовными наставниками. Чем сильнее евреи были вынуждены обособляться от народа, в стране которого они жили (или обособлялись сами), тем сильнее становилось влияние раввинов, и тем проще последние могли добиться сохранения верности закону. Жизнь в постоянном соблюдении закона, к которому раввины призывали евреев, и по внутренним причинам, по причинам, крившимся в глубине их сердец, должна была казаться им самой значимой

и ценной жизнью, потому что она была тем единственным, что давало им возможность посреди гонений и унижений, обрушившихся на них со всех сторон, сохранять человеческое достоинство, а тем самым и саму возможность существования. Довольно долгое время вся иудейская религиозная система заключалась в Талмуде, и таким образом в нем заключалось все то, в чем, во имя чего и благодаря чему евреи только и могли существовать на протяжении многих веков. Талмуд стал «главным достоянием еврейского народа, самим его дыханием, его душой». Для многих поколений он превратился в своеобразное «семейное предание», в котором они чувствовали себя как дома, потому что целиком «жили и творили в нем: мыслитель — в его рассуждениях, человек чувства — в его просветленных идеальных образах. На протяжении целого тысячелетия для поколений, живших в нем, внешний мир, природа и люди, а также все значительные и прочие события становились чем-то неважным, случайным, каким-то мимолетным призраком, тогда как подлинной реальностью оставался Талмуд» (428). В свое время эту книгу (на которую, как мне кажется, совершенно особым образом распространяется все то, что в общем и целом можно сказать по отношению к другим религиозным книгам, господствовавшим в ту или иную эпоху) довольно едко сравнили с корой, которой евреи как бы покрывали себя во время изгнания: он делал их нечувствительными ко всякому внешнему раздражению и сохранял их внутреннюю жизненную силу (429).

Пока что нам надо уяснить одно: ряд внешних обстоятельств способствует тому, что вплоть до Нового времени евреи, как никакой другой народ, сумели сохранить свой страх перед Господом, что их религиозность проникла в них до мозга костей, или (если к слову «религиозность» испытывать определенный пиетет) что они сумели сохранить живое чувство всеобщего и строгого исполнения религиозных предписаний как в большом, так и в малом, как у знатного человека, так и у незнатного.

Для полноты нашего исследования нам прежде всего надо уяснить, что такое строгое следование своему веро-

исповеданию свойственно не только основной массе еврейского народа, но и тем евреям, которые, как мы видели, оказали решающее влияние на становление экономики. Даже марранов, живших в XV—XVIII в., мы должны воспринимать как вполне ортодоксальных евреев. «В своем подавляющем большинстве марраны, или тайные евреи (так их определяет один их лучших знатоков еврейской истории той эпохи), (430) принадлежали иудаизму в гораздо более сокровенном смысле, чем это принято считать. Они подчинялись принуждению (Ануссим) и по виду становились христианами, хотя при этом продолжали жить как евреи, соблюдая законы и предписания иудейской религии...». Они никогда не зажигали огня в субботу, у них был свой собственный человек, совершавший ритуальное жертвоприношение, а также другой, совершавший обрезание над их детьми, и так далее. «Эту достойную удивления верность, — сообщает наш авторитетный исследователь, — можно лишь тогда в полной мере постичь и оценить, когда мы просмотрим и обработаем чрезвычайно богатый документальный материал, скопившийся в государственных архивах городов Алкала де Хенарес и Симанкас, а также в некоторых архивах Португалии».

Кроме того, нам известно, что среди самих евреев самые авторитетные и самые богатые были также самыми лучшими знатоками Талмуда. В течение многих веков его изучение пролагало путь к тому, чтобы человек мог добиться почестей, богатства и хорошей репутации среди своих единоверцев. В большинстве случаев самые известные талмудисты в то же время являлись самыми преуспевающими финансистами, врачами, ювелирами и торговцами. Например, о многих испанских министрах финансов, банкирах и личных врачах высокопоставленных особ мы знаем, что они, будучи людьми весьма благочестивыми, не только в субботу, но еще две ночи в неделю, посвящали себя одному лишь исследованию Священного Писания. То же самое рассказывают о старом Амшеле Ротшильде, который умер в 1855 г. Он жил, строго соблюдая еврейский закон, и никогда не съел ни одного

куска за чужим столом, даже если сидел рядом с императором. Один очевидец, живший рядом с бароном Ротшильдом, рассказывает о том, как он праздновал субботу: «Он считается самым набожным евреем во всем Франкфурте. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь так мучил себя, ударял в грудь, возносил свой голос к небу и со слезами взывал к Отцу всего сущего, как это делал барон Ротшильд во весь долгий день своего пребывания в синагоге. Совершенно измучив себя непрерывными молитвами и непрекращающимся участием в песнопениях, он довольно часто падал в обморок, и чтобы привести его в чувство у него перед носом держали сильно пахнущее наркотическое растение из его сада» (431). Что касается его племянника Вильгельма Карла, последнего франкфуртского Ротшильда, умершего в 1901 г., то он соблюдал все еврейские ритуалы до самых последних мелочей: поскольку, как известно, набожному и благочестивому еврею нельзя при определенных обстоятельствах прикасаться к тем или иным предметам, которые стали «нечистыми» в результате чьих-то предыдущих прикосновений, этот Ротшильд всегда посылал впереди себя своего слугу, вытиравшего дверные ручки; бумажные деньги, которые он брал в руки, должны были быть свеженапечатанными — он не прикасался ни к какому денежному знаку, уже побывавшему в других руках.

Поскольку мы знаем, что Ротшильд вел себя так, нам не приходится удивляться, если сегодня мы еще встречаем какого-нибудь еврея-коммивояжера, который в течение полугода не может полакомиться куском мяса, поскольку, даже находясь в чужих городах в тех или иных ресторанах, отрекомендованных ему как кошерные, он все-таки не уверен, что пища была приготовлена в строгом следовании ритуалу.

Сегодня компактное проживание евреев, строго следующих правилам и нормам иудаизма, можно обнаружить лишь в восточной Европе, где и следует изучать их религию и образ жизни воочию или прибегая ко многим хорошим исследованиям, рассказывающим об иудаизме или даже написанным его представителями. Что касает-

ся Западной Европы, то сегодня ортодоксальные евреи составляют там лишь меньшинство. Однако, если мы хотим определить степень влияния иудейской религии на экономическую жизнь, нам, конечно же, надо обратиться к рассмотрению подлинной, неискаженной еврейской веры, которая и на Западе была распространена несколько поколений назад, и под знаменами которой еврейство смогло одержать так много побед.

II. Источники иудейской религии

Известно, что Магомет назвал евреев «народом книги», и нельзя сказать, что в этом он был не прав. Вряд ли найдется еще какой-нибудь народ, который так полно жил бы в соответствии с книгой, как евреи. Их религия всегда воплощалась в какой-нибудь книге, и, следовательно, эти книги можно рассматривать и как «источники» иудейской религии. Окидывая взором минувшие века, можно назвать следующие книги, которые (как мы позднее увидим) в определенные эпохи дополнились другими книгами или еще дополняются:

1) до разрушения Второго Храма — «Библия», или то, что мы называем Ветхим Заветом (в Палестине эту книгу читали на еврейском языке, в диаспоре она в основном читалась на греческом и называлась *Септуагинтой*);

2) начиная со II—VI в. новой эры — *Талмуд* (особенно Вавилонский Талмуд, *Бавли*), который, как известно, стал средоточием еврейской духовной жизни;

3) кодекс Маймонида, сформировавшийся в XII в.;

4) кодекс Иакова бен Ашера (1248—1340) («*Турим*»);

5) кодекс Иосифа Каро: *Шулхан Арух* (XVI в.).

Эти «источники», из которых возникла иудейская религия, могут выглядеть совершенно по-разному в зависимости от того, в чьих руках они находятся: ученого-исследователя или верующего еврея.

Первый смотрит на эти источники так, как они выглядят «в действительности», тогда как взору второго они предстают в преображенном свете.

В данном случае *реалистический взгляд*, характерный для ученого, интересует нас лишь в прикладном смысле. Согласно этому взгляду, мы имеем следующую картину.

Библия, или то, что мы называем Ветхим Заветом, является основой, на которой сформировался иудаизм, и представляет собой как бы разноцветную мозаику, составленную самыми разными людьми (432).

Тора, или Пятикнижие Моисея, являющееся важнейшей составной частью иудейской религиозной системы, в своем сегодняшнем виде возникло после Ездры в результате согласования и взаимопроникновения двух уже законченных произведений: старого законодательства, связанного с новым Второзаконием (около 650 г.), и законодательства скинии завета, связанного с именем Ездры (440 г.). Таким образом, смысловым ядром Торы являются два законодательства: закон, изложенный в Книге Второзакония (Втор. 5, 45–26, 69) (обрел письменный вид около 650 г.), и закон Ездры и Неемии (Исх. 12, 25–31; 35 до Лев. 15; Чис. 1–10; 15–19; 26–36 (получил письменную форму около 445 г.), причем их объемлет довольно подробное повествование исторического плана. Свой характер Тора, а тем самым и вся иудейская религия, обрели (и это самое важное) благодаря деятельности двух наместников персидского царя, посланных в Палестину по ходатайству Вавилонского еврейства: речь идет о Ездры и Неемии, благодаря которым возник так называемый священнический или жреческий кодекс, а вместе с ним и установка на строгое соблюдение закона.

Начиная с Ездры и основанного им книжничества (соферим), иудаизм постепенно обретает ту форму, которую имеет и по сей день. Со времен установления закона Ездрой и Неемией (445 г. до н. э.) иудаизм до сегодняшнего дня остается почти без изменений.

Кроме Торы, из ветхозаветных Писаний нас интересуют те, которые современная наука объединяет под названием «литературы мудрости». К ней принадлежат Псалмы, Книга Иова, Книга Екклесиаста, Книга Иисуса, сына Сирахова, а также Притчи царя Соломона. Литература мудрости целиком принадлежит к послевавилон-

скому периоду, так как только в это время возникли исторические условия, необходимые для ее возникновения; предпосылкой возникновения такой литературы является Закон с характерным для него учением (благодаря конкретному опыту Вавилонского пленения, приобретшим качества несокрушимой истины), согласно которому Бог дарует жизнь за исполнение его заповедей и наказывает смертью за их нарушение. В противоположность пророческой и апокалиптической литературе, литература мудрости связана с конкретными нуждами практической жизни. Отдельные произведения в основном представляют собой результат длительного развития, и в какой-то мере берут свое начало из более ранних времен: например, Притчи, являющиеся для нашего исследования важнейшим сочинением, возникли приблизительно в 180 г. до н. э. (433).

В Библии берут начало два направления: первое, источником которого в основном является греческая Септуагинта, частично завершается эллинистической философией, и отчасти — христианством апостола Павла (причем к нему мы больше обращаться не будем), второе (связанное с Библией, которая в Палестине читалась на еврейском языке) завершалось иудейским «Законом» и представляет собой то направление, развитие которого мы должны проследить.

Специфически иудейское развитие Священных Писаний начинается уже во времена Ездры и в значительной степени представляет собой творчество древних книжников, по отношению к которому эпоха великих школ *Гиллеля* и *Шаммая* предстает лишь как нечто, привносящее определенное развитие и некоторую самобытность. Дальнейшее развитие заключается в нескольких отстраненных толкованиях, разъяснениях и дополнениях Священных Писаний, предпринятых книжниками (все это в основном дается в форме диспута, принятого в эллинистическом мире). С точки зрения содержания, здесь мы имеем дело с усилением законнического формализма древних Писаний, которое было обусловлено тем, чтобы защитить иудаизм от натиска эллинистической философии.

Впрочем, необходимо отметить, что на всех этапах своего развития иудейская религия представляла собой реакцию на некоторые разлагающие тенденции, существовавшие вне ее. Так, например, Второзаконие протестовало против служения Ваалу, Священнический Кодекс — против влияния Вавилона, а позднейшие кодексы Маймонида, Ашера и Каро — против влияния испанской культуры. Таким образом, на протяжении многих веков до и после Рождества Христова учения еврейских законоучителей (*таннаев*) как бы воздвигали оградительную стену, препятствовавшую разрушительному влиянию эллинизма (434).

Предание «мудрецов», которое первоначально существовало в устной форме, около 200 г. было кодифицировано Иегудой ха-Насси (которого в основном просто называли равви), трудом его деятельности стала Мишна. Потом к ней снова были прибавлены толкования, пояснения и дополнения, которым в VI в. *саборей* придали законченный вид (500–550 г.). Позднейшие ученые рассуждения, относящиеся к Мишне, называются Гемарой, составителями которой являются *аморей*. Вместе Мишна и Гемара образуют Талмуд, который встречается в двух видах — Вавилонском и Палестинском, причем первый важнее. *Саборей* отредактировали Талмуд и в таком виде передали его потомкам. После них, по-видимому, к Талмуду уже не было сделано никаких дополнений.

Тому, кто хочет познакомиться с духом Талмуда, надо почитать сам текст. Теперь он, в основном, существует в немецком переводе, автором которого является Лазарь Гольдшмидт. Талмуд имеет характерную особенность: его части расположены в определенной последовательности, хотя и не всегда связаны между собой; тем не менее надо отметить, что каждый трактат, какого бы он ни был объема, связан почти со всем Талмудом и связывает между собой его различные части. Таким образом, если кто-нибудь всерьез изучит один или несколько из шестидесяти трех трактатов, он тем самым получит довольно хорошее представление о содержании всего произведения и по крайней мере, обретет возможность легко ориентиро-

ваться во всем материале (435). Прежде всего, следует основательно изучить трактат *Бава Мециа* вместе с двумя другими *Бавами* (*Бава Камма* и *Бава Батра*). Особую область талмудической литературы представляют так называемые «малые трактаты», которые в изданиях Талмуда даются в приложении, но которые появляются и отдельно. Речь идет о следующих трактатах: Дерех Эрец Равва (приблизительно III в.), Авот, Авот деравви Натан и Дерех Эрец Сутта (IX век, согласно *Леопольду Цунцу*). Цунц называет эти трактаты нравственной Агадой, потому что они стремятся сообщить какую-то житейскую мудрость. Они оказали большое влияние на еврейский народный быт, и поэтому представляют для нас особый интерес. Вместе с Библией они распространялись во всех слоях еврейского населения и составляли главный круг чтения для всех простых евреев, кому Талмуд был недоступен. Их довольно часто включали в молитвенные книги и назидательную литературу. В настоящее время они в какой-то мере представлены в отдельных немецких изданиях в переводе на немецкий язык.

Вероучительные положения, которые не включены в Мишну и в которых рассуждения о законе отходят на второй план, образуют Тосефту, которая также берет свое начало в эпохе таннаев и так же разделяется, как и Мишна, то есть по систематическому принципу.

Существует еще один вид раввинской литературы, который тесно связан с текстом Писания, поясняя его отрывок за отрывком. Эти комментарии называются мидрашами, и по своему содержанию они отчасти напоминают Галаху и отчасти Агаду. Более древние тексты, по содержанию напоминающие преимущественно Галаху — *Мехилта* (об Исходе), *Сифра* (о Книге Левит), *Сифре* или *Сифри* (о Книге Чисел и Второзаконии).

Кроме того, существуют так называемые таргумы, которые представляют собой так называемые арамейские переводы Ветхого Завета.

Известно, что с момента своего возникновения Талмуд становится средоточием иудейской религиозной жизни. Своим повсеместным распространением он обязан глав-

ным образом мусульманским завоеваниям. Прежде всего, он становится законодательной книгой и основополагающим уставом для еврейско-вавилонской общины, во главе которой стояли находившиеся в изгнании сановное лицо и оба наставника талмудических академий (*гаоны*).

Благодаря распространению ислама господство Талмуда выходило за пределы его первоначального влияния, поскольку самые отдаленные общины поддерживали связь с *гаонатом*, советуясь с ним в религиозных, нравственных и гражданско-правовых вопросах, а также с верою принимая решения, которые давались на основании Талмуда. Все это происходило потому, что в вавилонских общинах привыкли усматривать (псевдогосударственное) средоточие иудаизма (436).

С появлением фиксированного варианта Гемары развитие иудаизма завершается. Тем не менее надо упомянуть еще три кодекса, которые после Талмуда излагали религиозные проблемы, поскольку они доносили до читателя то же самое содержание в несколько измененной форме и поскольку в них, по крайней мере в какой-то степени, духовные предписания соотносились с изменившимися обстоятельствами эпохи. Поэтому наряду с Талмудом они поочередно получили признание среди евреев, и последний из них (*Шулхан Арух*) является той духовной книгой, которая на сегодняшний день в кругу правоверных евреев считается последней, содержащей официально признанное учение.

В кодексах Маймонида, Ашера и Каро нас прежде всего интересует то обстоятельство, что благодаря их влиянию религиозная жизнь евреев приобрела еще более застывшие формы и незыблемые очертания. Сам Грец говорит о Маймониде, что он наложил на раввинский иудаизм прочные оковы. «Многое, что в Талмуде еще было подвижным и понятным, он низвел до уровня закосневшего и непререкаемого закона ... Своими отточенными кодификациями тех или иных положений он лишил иудаизм движения... Не обращая внимания на ту ситуацию, в какой возникли определения Талмуда, он

утвердил их на все времена и сделал обязательными даже в изменившихся обстоятельствах».

Кодекс Ашера («*Турим*») еще более усиливает тягостное законничество кодексом Маймонида, а кодекс Каро доводит такую установку до предела. Своей чрезмерной набожностью и благочестием *Шулхан Арух* превосходит кодекс Ашера, а также не знает себе равных во множестве самых тщательных предписаний, которыми неутомимая казуистика охватывала все «случаи» из жизни, которые только можно представить. Под влиянием *Шулхан Арух* духовная жизнь евреев «достигает завершения и единства, но достигает их ценой утраты сокровенной жизни и свободомыслия. Под влиянием этого кодекса иудаизм принимает тот неизменный вид, который характерен для него и сегодня» (436).

Таково основное течение еврейской духовной жизни, и таковы источники, из которых иудаизм черпает материал для своих духовных представлений и предписаний. Существовали, конечно, и побочные течения (например, апокалиптические, сформировавшиеся в дописьменный период и представлявшие собой иудаизм, ориентированный на нечто неземное, вселенское и индивидуалистическое (437), или же направление Каббалы (которое неправильно называют «мистикой»), которая, как мы знаем, стремилась низвести религию до уровня мелочных рассуждений о числах и знаках): однако всех их вряд ли стоит принимать во внимание, если мы хотим иметь дело с историческим иудаизмом в его религиозном своеобразии, поскольку все они никогда не оказывали никакого влияния на практическую жизнь. Кроме того, официальный «иудаизм» тоже никогда не признавал их «источниками» иудейской религии, как об этом свидетельствует традиционный взгляд на природу этих сочинений, распространенный в ортодоксальных еврейских кругах. Этому взгляду мы должны уделить наше внимание, поскольку ясно, что действительность тех или иных предписаний определялась не столько действительным происхождением религиозного материала, сколько тем представлением о его возникнове-

нии и значимости, которое бытовало среди благочестивых евреев.

Согласно *традиционному представлению* благочестивых евреев, материал, который кладется в основу формирования религии, имеет двойное происхождение: он или является богооткровенным, или сообщается мудрецами. Откровение в свою очередь распадается на письменное и устное. Письменное откровение вбирает в себя Священные Книги, собранные в Библии — Канон, составленный мужами Великой Синагоги. Он состоит из трех частей: *Торы* (Пятикнижие), *Небиим* (Пророки), и *Кетубим* (прочие Писания) (438). Тора, как известно, была явлена Моисею на горе Синай. «Явленную ему Тору Моисей постепенно открывал народу во время сорокалетнего странствования по пустыне, некоторые места при удобном случае, первоначально изустно, и все разъясняя до мельчайших подробностей. Только к концу своей жизни он придал Торе письменный вид, которая стала состоять из пяти его книг, и передал ее Израилю, а что касается нас, то мы должны считать каждую букву, каждое слово письменной Торы явленными Богом». При более обстоятельном исследовании «мы постигаем глубокую, подлинно божественную мудрость Торы, в которой каждый значок, каждая буква и слово, а также порядок слов и предложений имеют важное значение» (439). Что касается других библейских книг, то их тоже считают богооткровенными, или, по меньшей мере, вдохновенными Богом. Тем не менее, отношение к Пророкам и Гагиографам более свободное, чем к Торе. Особое место занимает так называемая литература мудрости, о которой я еще буду говорить в соответствующем месте.

Устное предание, или устная Тора, представляет собой разъяснения письменные. Она тоже была открыта Моисею на горе Синай, но в силу сложившихся обстоятельств в ту пору не могла быть записана. Эта запись стала возможной только после разрушения второго храма — в Мишне и Гемаре. Таким образом, Мишна и Гемара в какой-то степени содержат единственно правильное, явленное на Синае толкование Торы, и в этом отношении

они тоже представляют собой богодухновенные творения. Однако помимо всего прочего Талмуд содержит и прочие очень важные сочинения, а именно раввинские предписания и Агаду: истолкование той части Священного Писания, которая не относится к закону. Им обычно противопоставляется *Галаха*, в которую включены все нормативные постановления Талмуда независимо от того, принадлежат ли они устной Торе или предписаниям раввинов.

Позднее к *Галахе* и *Агаде*, которые не являются богооткровенными, в качестве других «назидательных сочинений» примыкают уже названные нами три кодекса, появившиеся в средневековье.

Итак, что же представляют собой для *религиозной жизни* евреев эти различные сочинения, ставшие их духовной пищей? Какие из них содержали в себе вероучительные положения, требовавшие веры, а какие — религиозные предписания, которым надо было следовать?

Прежде всего, надо сразу сказать, что, насколько мне известно, в иудейском богословии нет систематического вероучения или догматики (в «школьном» смысле этого слова) (440). Любое стремление представить такую «школьную» догматику, заслуживающее внимания, почти всегда восходит к богословам-нееврейцам, например, к *Фердинанду Веберу*, представившему самое лучшее из известных мне изложений такой догматики: см. Weber Ferdinand, System der altsynagogalen palästinansischen Theologie aus Targum, Midrasch und Talmud, 1880; после смерти автора переиздана Францем Деличем и Георгом Шнедерманом в 1897 г.). По своей природе иудейская религия, и особенно Талмуд, который отличается принципиальной несистематичностью, противится догматическо-систематическим формулировкам. Тем не менее «основные идеи» иудейской религии все-таки просматриваются, и ее «дух» запечатлевается в определенных явлениях. Принимая во внимание относительно постоянное присутствие в этой религии некоторых ее элементов, определить ее основные черты — не такая уж трудная задача. По существу, то, что в свое время назвали «Иезеки-

илевым» духом, продолжает господствовать со времен Ездры и до наших дней, и только с течением времени приобретает все более законченные очертания и большую чистоту. Постижению этого «духа», этой сокровенной сущности иудейской религии, в качестве источника, практически оставшегося неизменным, служит весь материал еврейских духовных книг: Библия, Талмуд, а также раввинская литература вплоть до наших дней.

Ситуация оказывается более трудной, когда речь заходит об обоснованности и действительности каких-либо отдельных положений. Сохраняют ли, например, сегодня свою силу слова Талмуда «даже лучшего из гоев — убей», а также все те ужасные выражения, которые *Пфедферкорн*, *Эйзенменгер*, *Роллинг*, *Юстус* и прочие отыскивают в еврейских духовных книгах, все то, что раввины «с негодованием» отвергают как совершенно устаревшее? Ясно, что на протяжении столь долгих веков такие изречения звучали совершенно по-разному, и если мы начнем искать их в этих духовных книгах и главным образом в Талмуде, мы скоро убедимся в том, что на каждое высказывание можно найти противоположное, что все «спорно», или что (если угодно) на основании любого сочинения (и особенно на основании Талмуда) можно доказать все, что захочешь. В дальнейшем я еще вернусь к этому факту, который послужил поводом для поистине мелочной игры, затеянной антисемитами, а также их христианскими или иудейскими противниками, с незапамятных времен: одно и то же на основании Талмуда и с привлечением взятых из него «документальных подтверждений» называлось черным или белым. Нет ничего проще, особенно если не забывать о том, насколько Талмуд своеобразен, и представляет собой не что иное, как собрание разногласий между различными раввинами.

Я считаю, что если мы на самом деле хотим отыскать какие-либо духовные положения, которые действительно оказывали влияние на повседневную жизнь, нам следовало бы придерживаться следующих правил.

Прежде всего надо учитывать, идет ли речь о самостоятельном изучении каких-либо духовных книг или о са-

мом духовном учении. Если простые евреи сами читают или читали те или иные духовные сочинения, существенным в данном случае мне представляется тот факт, что в этих книгах они просто встречаются *с каким-либо мнением по какому-либо вопросу*. При этом совершенно не важно, что рядом может быть представлена прямо противоположная точка зрения, поскольку для набожного человека, который в данный момент испытывает радость от чтения, достаточно какого-либо одного взгляда на вещи, чтобы им оправдать свои собственные интересы, если они этому взгляду созвучны. В одном случае чтение какого-либо отрывка может вдохновить его на определенный поступок, в другом этот отрывок может послужить ему оправданием, если он действовал или хочет действовать в его духе, исходя из каких-либо иных причин. Авторитета писания достаточно, чтобы такое действие совершилось, особенно если речь идет о всей Библии или даже Торе. Поскольку здесь все написанное является Божьим откровением, какой-либо один отрывок оказывается таким же ценным и значимым, как другой. Так как Талмуд и другие произведения раввинской литературы простые евреи тоже читают, то все сказанное относится и к этим книгам.

Однако, ситуация сразу же меняется, когда верующий не сам читает какие-либо источники (или поскольку он этого не делает), а полагается на своего духовного наставника или на соответствующую одобренную им назидательную литературу. В этом случае верующий, конечно же, оказывается перед лицом однозначного единого мнения, которое раввин вывел из противоречащих друг другу отрывков с помощью своего истолкования, кажущегося ему правильным. Это господствующее ученое мнение время от времени *меняется* и представляет собой раввинскую традицию, соотносящуюся с обстоятельствами этой или иной эпохи. Если мы хотим определить какие-либо обязательные нормы, соответствующие этой традиции, нам надо определить, что она собой представляла в тот или иной период времени. По существу, с тех пор как появились эти «определяющие писания», можно было

придерживаться их: с XI по XIV в. такую «традицию», то есть некую «среднюю» устоявшуюся точку зрения (по крайней мере, если речь идет о Галахе), представляет Ядахасага, затем, с XIV по XVI в. на смену приходит кодекс Ашера, и потом, с XVI в. — *Шулхан Арух*. Таким образом, на протяжении трех столетий *Шулхан Арух* имеет определяющее значение в случае возникновения каких-либо разногласий в истолковании закона (который, конечно же, всегда остается укорененным в Торе). Об этом коротко и ясно говорится в уже упомянутом мною учебнике *Штерна*, снискавшем одобрение раввинов. Там мы читаем: «Во всем Израиле в первую очередь имеет силу *Шулхан Арух* Иосифа Каро, с примечаниями Моисея Иссерлина и комментариями, которые прилагаются к изданию: он воспринимается как та Книга Закона, в соответствии с которой мы должны строить свою обрядовую жизнь» (S. 5; в оригинале все это предложение напечатано в разрядку). Весь закон как бы распадается на 613 предписаний, которые Маймонид извлек из Торы и которые имеют силу и по сей день. «По традиции наших мудрецов Бог через Моисея дал народу Израиля 613 таких предписаний, а именно 248 заповедей и 365 запретов. Все они имеют вечную силу с той оговоркой, что предписания, касающиеся государственной жизни и земледелия в Палестине, а также храмового служения в Иерусалиме, остаются невыполнимыми для тех израильтян, которые проживают в рассеянии. Мы можем выполнять 369 предписаний, 126 заповедей и 243 запрета, с присовокуплением семи заповедей раввинов» (441).

По этим книгам жили правоверные евреи последних столетий и продолжают жить до сих пор: они всегда руководствовались учением раввинов, и если им приходилось читать эти источники самим, они не спешили составлять своего мнения. Используя эти документы, мы можем получить представление о тех установлениях, которые в тех или иных случаях оказывались определяющими для религиозного человека. Что касается так называемого «реформированного иудаизма», то мы вообще не принимаем его во внимание: книги, которые заигрывают с со-

временностью (а именно таковыми и являются большинство новых «этик иудаизма») для нашего исследования не имеют совершенно никакого значения.

Выявить взаимосвязи между подлинным иудейским учением и капитализмом, определить роль этого учения в формировании современной экономики — такова задача, которую мы ставим перед собой в дальнейших разделах.

III. Основные идеи иудейской религии

Сразу оговорюсь: в иудейской религии я нахожу те же самые идеи, которые характеризуют капитализм, и считаю, что они проникнуты единым духом.

Если мы хотим получить правильное представление о том, что такое иудейская религия (не будем ее путать с религией израильтян, которая в определенном смысле является ее противоположностью), никогда нельзя забывать, кто стоял у ее истоков. Это был *софер*, закоснелый книжник, за которым последовала толпа других книжников, чтобы завершить начатое им дело. Не пророк, не провидец, не некто, преисполненный божественного вдохновения, не могущественный царь, а именно книжник! Не следует забывать и о том, как эта религия возникла: не из какого-то непреодолимого стремления, не из глубинного сердечного жара сокрушенной души и не из блаженного упоения духа, пребывающего в молитвенном поклонении. Нет, она возникла из тщательно выношенного замысла и как-будто представляла собой хитроумное осуществление какой-то дипломатической задачи. Цель была ясна: у народа должна сохраниться его религия! Необходимо помнить и о том, что во все последующие века все тщательно продумывалось и сообразовывалось с тем, чтобы постоянно прибавлять к старым вероучительным положениям новые (поскольку даже все те аспекты религиозной жизни, которые существовали до Ездры и возникли после него, все равно были подчинены тем начинаниям, которые вынашивались и осуществлялись книжниками).

Нет никакого сомнения в том, что иудейская религия носит на себе яркие черты своего самобытного возникновения: во всем она предстает перед нами как нечто, созданное разумом, как некая мысль и цель, ввергнутые в органическую плоть мира, созданные искусно-механически и направленные на то, чтобы разрушить весь мир природы, подчинить его себе и воцариться вместо него. Таков и капитализм, который, как и иудейская религия, является чужим в творческом царстве природы и представляет собой нечто надуманное, неестественное в царстве жизни, проникнутом инстинктом. Рационализм (именно это слово вбирает в себя все названные особенности) является характерной чертой как иудаизма, так и капитализма. Рационализм или интеллектуализм — вот два основных направления, которые одинаково противостоят как иррациональной тайне, так и чувственному художественно-творческому началу.

Иудейская религия не знает мистерии! Наверное, это одна религия на всем земном шаре, которая ее не знает. Ей неведомо то упоение, в котором верующий соединяется с божеством, она не знает того состояния, которое во всех прочих религиях считается наивысшим и прославляется как самое святое. Вспомним о жертвенном возлиянии у индусов, о самом Индре, пребывающем в радостном упоении, о жертвоприношениях персов: «Сок, оказывавший такое блаженное действие, казался им благороднейшей жизненной силой природы, пребывающим в них божественным началом, и таким образом Ома, сок становился самой жертвой, принесенной духу или богу». Вспомним о дионисийских празднествах, о греческих оракулах, вспомним о Сивиллиных книгах, к которым за советом обращались даже трезвые и уравновешенные римляне, поскольку эти книги были созданы женщинами, которые, находясь в состоянии Аполлонова воодушевления, предрекали будущее.

Даже в поздней Римской империи мы обнаруживаем одну особенность духовной жизни, которая всегда сохранялась в язычестве: широко распространенное и почти заразительное стремление приводить себя в состояние те-

лесного и духовного возбуждения, которое перерастало в вакхическое неистовство и воспринималось теми, кто его переживал, а также, кто на все это смотрел, как нечто, посланное божеством и представляющее необходимый элемент служения этому божеству. Повсюду считалось, что то или иное внезапное возбуждение, страстный порыв и неожиданно приятное решение в душе человека порождает Бог: человек всегда был склонен считать, что поступок, которого он стыдился или в котором раскаивался, был вызван Богом (442). «Бог заставил меня сделать это», — так в комедии Плавта сын, соблазнивший девицу, говорит своему отцу.

Примерно такое же состояние зависимости от божества переживал и больной пророк Магомет, когда, охваченный экстагическим припадком, он повергался на землю: кое-что из такого мистического опыта нашло свое отражение в исламе (который, впрочем, тоже остается достаточно трезвым). По меньшей мере нечто подобное можно наблюдать в неистовствующих дервишах.

Что касается христианства, то если оно не проникнуто иудаизмом, в нем тоже остается место для иррациональных чувств и переживаний, которые проявляют себя в учении о Троиединстве, в очаровательном культе поклонения Деве Марии, в каждении и причащении. Все это восторженно-мистическое иудаизм отвергает с гордостью и презрением. Если представитель какой-либо другой религии обычно стремится к тому, чтобы в своем блаженном восторге войти в общение с божеством, то в еврейских молитвенных домах, которые не случайно называются школами, как правило, вслух читается Тора — так постановил Ездра! Такое постановление соблюдается со всей строгостью: «С той поры, как евреи утратили государственную самостоятельность, вероучение стало душой иудаизма, и какой-либо духовный поступок, совершенный без знания конкретного вероучительного материала, воспринимался как ничего не значащий. Средоточием субботних и праздничных богослужений стало чтение Закона и Пророков, перевод прочитанного и его разъяснение знатоками Агады (гомилетиками)».

«Radix stultitiae, cui frigida sabbata cordi
Sed cor frigidius religione sua
Septima quaeque dies turpi damnata veterno
Tanquam lassati mollis imago dei».

Так их воспринимали уже римляне (443).

Итак, иудейская религия чужда мистерии, но она также чужда воодушевлению при созерцании всего божественного, что можно наблюдать в чувственном мире. Она ничего не знает и не хочет знать об Астарте и Дафне, об Изиде и Осирисе, об Афродите и Фрике и, наконец, Деве Марии. Поэтому она изгоняет из своего культа все наглядно-чувственное. «И говорил Господь к вам из среды огня; глас слов его вы слышали, но образа не видели, а только глас» (Втор. 4, 12). «Проклят, кто сделает изваянный или литый кумир, мерзость пред Господом, произведение рук художника...» (Втор. 27, 15). Запрет на всякое изображение и сегодня строго соблюдается, причем в том смысле, что набожному еврею возбраняется создавать или держать у себя изображения людей «в осязаемом полном скульптурном виде или другой рельефной работе», изображения какой-либо «человеческой фигуры или человеческого лица в рельефной или полурельефной работе» (444).

Можно назвать еще одну особенность, которая полностью роднит иудейскую религию и капитализм: я имею в виду *договорную основу* (я сказал бы, *формально-деловую основу*, если бы это словосочетание не звучало так отвратительно) всех отношений между Яхве и Израилем. Вся иудейская религиозная система по сути своей представляет не что иное, как договор между Яхве и народом, который он избрал, договор, который предполагает обязательные условия, характерные для такого вида отношений. Бог что-то обещает и что-то дает, а праведники оказывают ему взаимную услугу.

Всякое общение между Богом и человеком предполагает, что человек совершает нечто соответствующее Торе и взамен получает от Бога то, что и предполагалось. Поэтому человек может обращаться к Богу с молитвой только в

том случае, если у него самого есть (или было у предков) что-либо такое, что он может предложить взамен просимого (Sifre 12 b, Wajjikra Rabba с. 31) (445).

Договорные отношения строятся таким образом, что за исполненные обязанности человек получает награду, за неисполненные — наказывается (это же касается и добрых дел): награда и наказание осуществляются частично в этом мире и частично в потустороннем. Такая ситуация с необходимостью предполагает два момента: постоянный учет выгод или убытков, которые может принести то или иное действие или бездействие, и очень запутанный бухгалтерский учет, необходимый для того, чтобы привести в порядок долговые обязательства того или иного верующего.

Своеобразное бухгалтерское умонастроение, которое должен иметь верующий, выражается словами одного раввина, которые можно предпослать как девиз всем прочим предписаниям: «Какой путь избрать человеку? Тот, который подобает страннику. Одинаково добросовестно соблюдай как большое, так и малое, ибо ты не знаешь, какова награда за соблюдение той или иной заповеди. Соизмеряй „телесный убыток“ от исполнения долга с его «духовной» наградой, а выигрыш, полученный от проступка, — с его убытком. Всегда помни о трех вещах, чтобы не совершить никакого проступка: глаз видит, ухо слышит, и все твои дела записываются в книгу“ (446). Таким образом, независимо от того, являешься ли ты «праведником» или грешником, всегда идет сопоставление твоих доброделаний (*мицвот*) с твоими же проступками, и для того, чтобы это сопоставление можно было провести, необходимо записывать сказанные слова и совершенные проступки. У каждого человека есть свой счет, и все слова, сказанные человеком даже в шутку, на этот счет записываются: их записывает Илия (см. Ruth rabba), ангел (см. Esther rabba 86) или кто-либо еще.

У каждого человека есть свой счет на небе, у Израиля, например, он особенно большой (Sifra 224 b). Готовясь к смерти, человеку необходимо привести этот счет в порядок (Kohelet rabba 77 с). Иногда (по желанию) из такого

счета делаются извлечения. Когда, например, ангелы начали жаловаться на Измаила, Бог спросил: «Каково его теперешнее положение? Кто он в этот миг: праведник или грешник? Что в нем преобладает: *мицвот* или прегрешения?» Ангелы ответили, что в настоящее время он праведник и т. д. Еще один пример: умирая, Мар Укба, попросил свой счет, в котором была проставлена сумма всей поданной им милостыни. Она составила 7000, и, не будучи уверенным, что эта сумма сможет его оправдать, т. е. изгладить все его прегрешения, он, ради пущей уверенности, раздарил половину своего имущества (Kethubot 25. Ср. В. bathra 7). Однако окончательно вопрос о том, является ли человек праведником или грешником, решается только после его смерти, когда речь идет о его вечной участи. Тогда счет закрывается и выводится остаток (сальдо). Из сопоставления общего количества благодеяний и прегрешений умерший оправдывается или осуждается. Помимо счета человеку зачитывается и выдается документ, содержащий все его *мицвот* и *аберот* (447).

Понятно, что такой учет оказывается далеко не простым. В библейские времена, когда за все добрые и злые дела воздаяние совершалось на земле, ситуация была более-менее сносной, однако позднее, когда награда и наказание отчасти совершались во времени, а отчасти в вечности, такая бухгалтерия стала крайне запутанной, и в богословии Талмуда и Мидрашей она превратилась в довольно искусное счетоводство. Проводится различие между капиталом или основной суммой заслуг и плодами или процентами с этого капитала: первое хранится для будущей жизни, а вторым можно воспользоваться уже здесь. Для того, чтобы награда, приготовленная праведником на небесах, сохранилась в будущей жизни в полном виде, Бог, совершая по отношению к ним какие-либо обычные благодеяния, не требует, чтобы из этой небесной награды был сделан какой-то вычет: только тогда, когда он оказывает им какое-то необычное, чудесное благодеяние, их небесная награда уменьшается. Кроме того, для того, чтобы не претерпеть на небе какого-либо убытка, праведник уже здесь, на земле, принимает на себя на-

казание за те злые дела, которых, конечно же, не так много по сравнению с добрыми, и равным образом безбожник обретает награду за свое незначительное доброе дело тоже здесь, на земле, чтобы тем самым на небесах он полностью претерпел предназначенное для него наказание (448).

По такому же принципу, по какому иудейская теология предполагает наличие контокоррентного счета в отношениях с Богом, проявляется еще один ракурс видения, имеющий редкое родство с одной из основных идей капитализма, а именно с *идеей наживы*. Короче говоря, я имею в виду неорганическое понимание природы греха (и доброго дела). Согласно богословию раввинов, каждый грех рассматривается отдельно как нечто, поддающееся исчислению и взвешиванию. «Наказание расценивается в соответствии с объектом, а не субъектом прегрешения» (449). Нравственная ценность или никчемность человека измеряются по числу и характеру проступков. Отдельная «сумма задолженности» определяется чисто количественно: она никак не связывается с самой личностью, которая постигается только на качественном уровне, никак не связывается с общим нравственным состоянием, в котором находится согрешивший человек. Такая «сумма задолженности» похожа на обыкновенную денежную сумму, которая никак не связывается с какими-либо личными целями и качеством товара, и вполне годится для того, чтобы быть прибавленной к какой-либо другой такой же абстрактной денежной сумме. Стремление праведника к благополучию в этой и будущей жизни с необходимостью выражается в бесконечном стремлении к преумножению своих заслуг, благодаря которым его активы растут. Так как, находясь в тех или иных отношениях со своей совестью, он никогда не может быть уверенным в том, что приобщился к Богу, и поскольку он никогда не знает, активное или пассивное сальдо на его счете, он должен накапливать награды, совершая одно доброе дело за другим, — и так до конца жизни. Из круга его религиозных представлений изгоняется мысль о том, что всякий человек оценивается как конкретное и конечное,

и ей на смену приходит безграничность чисто количественного рассмотрения.

Параллельно с этим превращением личностных отношений в абстрактную совокупность отдельных поступков (что, собственно, и происходит в иудейском богословии), параллельно с возникающим в силу этого бесконечным стремлением к высокой статье актива, родственным стремлению к наживе, в нравственном богословии иудеев совершается весьма своеобразное прославление именно денежной наживы как преумножения некоей ценности, которая не имеет никакого качества, никак не соотносится с целями, сокрытыми в том или ином товаре, определяется чисто количественно и поэтому может использоваться как «абсолютное средство». Такой взгляд часто можно встретить у авторов назидательной иудейской литературы, причем часто или почти всегда они полностью не осознают, что прославляют денежную наживу как таковую, не советуя верующим накапливать слишком много каких-либо природных материальных благ. Такие рассуждения, как правило, ведутся в контексте размышлений о «вождедении», когда обсуждается, например, заповедь «не прелюбодействуй» («не вожделей») (Втор. 15, 18) и другие отрывки. Они предостерегают от «вождедения», но в то же время пытаются преодолеть его акцентированием внимания на иной ценности — денежной наживе. «Ты есть истинный Израиль, — говорится в одном из самых известных назидательных произведений наших дней (450), — и потому ты не будешь знать вождедения, ты ничем не будешь обладать и во всем будешь стремиться лишь к *средству* богоугодного дела» (из контекста становится ясно, что упомянутое средство может быть и материальным). «Ведь вся твоя жизнь — лишь задача, а все, что ты имеешь и чем пользуешься — лишь *средство* для ее выполнения... и для выполнения этой задачи там, где есть силы и духовная возможность, необходимо стремиться к обретению *имущества и благ*, однако видеть в этом не только цель, но и *средство* для исполнения тех обязанностей, о которых тебе сказал Бог».

Если кому-то здесь покажется, что в данном случае религиозное мирозерцание никак не связано с принци-

пом приобретения (здесь я вспомню и том, что пришлось сказать Гейне о «национальном богатстве евреев!»), то ему все равно придется согласиться, когда мы начнем рассматривать своеобразное еврейское богослужение, которое, как известно, в своих наиболее важных частях довольно сильно напоминает аукцион. Я имею в виду тот торг, который начинается вокруг различных служений Торы и предполагает, что цена будет возрастать. Прежде чем вынуть свиток закона, находящийся в священном ковчеге, один из служащих в синагоге, ходя вокруг кафедры, призывает купить те служения и установления, которые совершаются, когда Тору извлекают из ковчег и возвращают обратно. «Кто купит Хоцоа ве ха-кеноса (извлечение Торы и полагание ее обратно)? — восклицает он. — Кто купит Эц ха-кайим (держание свитка в руках во время его сворачивания)? Кто купит Хагбоа (вознесение Торы)? Кто купит Гелила (развертывание и свертывание свитка Торы)?». Эти служения при третьем восклицании продаются тому, кто предложил наибольшую цену, а вырученные деньги идут на нужды бедных единоверцев. Сегодня такой аукцион почти исчез из иудейского богослужения, но даже в берлинском гетто можно видеть, как он совершается во всей своей полноте. Раньше он, вероятно, представлял собой неотъемлемую часть богослужения (451).

Нам кажутся странными и высказывания очень многих раввинов, порой рассуждающих о самых непростых экономических проблемах как искушенные дельцы и очень часто отстаивающих принципы, которые можно понять только как призыв к ревностному стяжанию земных благ. Можно, например, привести некоторые места из одного лишь Талмуда, в которых тот или иной раввин (который, помимо прочего, очень часто сам был большим деловым человеком) отстаивает современные принципы приобретательства. Вспомним, например, такое высказывание: «Еще сказал равви Ицхак: „Человек всегда должен пускать в дело свои деньги“. Далее этот раввин дает добрый совет, согласно которому надо всегда делить свое состояние на три части: одну треть пускать на приобрете-

ние земельных участков, вторую — на приобретение товаров, а третью хранить наличными. Затем он присовокупляет, что благословение почиет лишь там, где вещи спрячутся от взора. «Предвечный пошлет тебе благословение в твои амбары» (Baba mezia 42 a).

В другом месте читаем: «И говорил он своему сыну: „Подойди, я научу тебя мирской мудрости. Продавай свой товар, не отрясая пыли с ног своих [т. е. речь идет о максимально быстром обороте]... Сначала открывай суму с деньгами и лишь потом — мешок с зерном... Если у тебя в ящичке финики, беги к виноделу“ (Pesahim 113 a).

Что означает эта явная параллель между основными идеями иудейской религии и капитализма? Быть может, это случайность, злая шутка судьбы? Может быть, одно стало причиной другого? Или и то, и другое вызвано чем-то одним? Таковы вопросы, встающие перед нами, и в дальнейшем я попытаюсь дать на них ответ, а пока нам придется удовольствоваться выявлением этого родства, чтобы решить гораздо более простую задачу, а именно показать, каким образом отдельные установления, представления, вероучительные мнения, предписания и правила иудейской религиозной системы сказались на экономическом поведении евреев и почему именно они способствовали (и способствовали ли вообще) продвижению еврейства по капиталистическому поприщу. Нам придется спуститься в низины изначальной психологической мотивации, обходя стороной всевозможные затруднения спекулятивного толка. Прежде всего речь идет о том, чтобы дать оценку основным устремлениям, характерным для иудейской религии, и их влиянию на экономическую жизнь. Этому и посвящен следующий раздел.

IV. Идея испытания и воздаяния

Согласно рассматриваемой нами идее, которая является одной из основных идей иудейской религиозной системы, человеку, который исполняет договор, полагается награда, того же, кто его нарушает (не исполняет), ждет

убыток. Это означает, что во все времена иудейской религии было свойственно юридическо-нравственное представление о том, что «праведник» благоденствует, а «безбожник» претерпевает невзгоды. С течением времени изменились только взгляд на природу и сущность такого «воздаяния».

Как известно, древний иудаизм не знает никакого потустороннего мира. Радости и печали, которые претерпевает человек, выпадают на его долю только в этом мире. Наказывает ли Бог или награждает, он может все это делать, только пока человек живет на земле. Только *здесь* праведник благоденствует, только *здесь* безбожник страдает. Исполняй заповеди мои, говорит Господь, и долговечен будешь на земле и будешь благоденствовать в той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

Именно поэтому Иов, взывая к небу, восклицает: «Почему беззаконные живут, достигая старости, да и силами крепки? Дети их с ними перед лицом их, и внуки их перед глазами их. Дома их безопасны от страха, и нет жезла Божия на них. Вол их оплодотворяет и не извергает, корова их зачинает и не выкидывает... Он преградил мне дорогу, и не могу пройти, и на стези мои положил тьму... Воспылал на меня гневом своим и считает меня между врагами своими. ... Братьев моих он удалил от меня... Кости мои прилипли к коже моей и плоти моей. ... Не видел ли Он путей моих и не считал ли всех моих шагов?» (Иов 21, 7–10; 19, 8–9, 11, 13, 20; 31, 4).

Вскоре после Ездры в иудаизм проникает вера в некий надземный мир (*Olam ha-ba*), в существование души после смерти, а также вера в воскресение тела. Она приходит из чужой религии, вероятно, от парсов, но, как и все прочие слагаемые чужого вероисповедания, сообразуется с духом иудейской веры и конкретизируется в соответствии с этикой иудаизма: воскреснут только благочестивые и праведные. Таким образом, веру в вечную жизнь книжники включают в контекст старого учения о воздаянии и искусно используют для того, чтобы и далее обострять «чувство нравственной ответственности», то есть чувство страха перед Божьими судами (452).

Итак, благодаря всему этому «благоденствие на земле» естественным образом приобретает во всей религиозной системе (и в представлениях верующего еврея) несколько иное значение: теперь воздаяние не ограничивается им одним, некая награда ожидает праведника и в потустороннем мире, хотя вместе с вечной жизнью в загробном мире Господне благословение, полученное *здесь*, на земле, по-прежнему *остается* значимой частью общего воздаяния. И наряду с этим земное счастье приобретает иной смысл: «благоденствие на земле» рассматривается как признак того, что тот или иной человек ведет жизнь, *удобную Богу* (и может рассчитывать на награду в потустороннем мире). В земном счастье о себе заявляет праведность: проходит проверку подлинное благочестие, хотя в то же время, оказавшись во власти неблагоприятной судьбы, человек больше не ощущает полного непонимания ситуации: такую судьбу пытаются толковать как наказание, которому Бог подвергает праведника, чтобы покарать его за те или иные прегрешения, не умаляя при этом его «наградного капитала», ожидающего его на небесах. Тем не менее праведнику радостнее, когда счастье уже даровано ему, то есть когда Божье благословение уже здесь, на земле, почиет на нем, ибо в таком случае вечное блаженство в еще большей степени предуготовано его душе.

В соответствии с этим «учение о благах» (если вообще говорить о нем в рамках иудейской религиозной системы) приобретает (особенно благодаря литературе мудрости, которая в этом отношении задавала тон всей талмудическо-раввинской теологии и которая максимально влияла на повседневную жизнь в силу того, что сказанное в ней напрямую усваивалось простыми евреями) следующий четко очерченный вид: высшей жизненной целью остается исполнение Божьих заповедей, и не существует никакого земного счастья, которое было бы отделено от Божьей воли. Следовательно, глупо стремиться к обретению земных благ ради них самих, но мудро поступает тот, кто стяжает их как благо, соотношенное с Божьим замыслом, в результате чего они выступают как знамение и залог божественного благоволения, как Божье благосло-

вание, связанное с праведностью как наградой. Но согласно такой точке зрения к благам этой земли, вне всякого сомнения, принадлежит зажиточный дом, материальное благосостояние, *богатство*.

Просматривая духовные источники иудейской религии (и прежде всего Священные Писания и Талмуд), можно обнаружить несколько (причем совсем немного) мест, в которых *бедность* в противоположность богатству *прославляется* как высшее благо, однако им противостоит множество других отрывков, прославляющих богатство, считающих его Божьим благословением и весьма настойчиво предостерегающих от злоупотребления им или от тех последствий, к которым это злоупотребление приводит. Иногда говорится о том, что одно только богатство не приносит счастья, что вдобавок к нему необходимо иметь и прочие блага (например, здоровье) или что другие блага тоже много значат (или даже оказываются значимее, чем богатство), но при этом ничего не говорится *против* богатства и прежде всего не говорится о том, что оно может раздражать Бога.

Когда я публично высказал такую точку зрения, многие стали мне возражать, и, наверное, ничто в моих рассуждениях не нашло столь многих противников, как мысль о том, что иудейская религия прославляет богатство (и приобретение земных ценностей) как весьма существенное благо. Самые разные критики (среди которых было и несколько почтенных раввинов) самым любезным образом постарались в письменном и печатном виде напомнить мне о тех отрывках из Библии и Талмуда, которые, как они считали, опровергали мою точку зрения. В ответ я говорю то, что уже говорил: спору нет, в Библии и Талмуде можно отыскать места, в которых богатство, по меньшей мере, считается опасностью для верующих, а бедность, напротив, прославляется. В Библии таких отрывков, наверное, полдюжины, в Талмуде чуть больше, но главное, однако, заключается в том, что против каждого такого отрывка можно поставить десяток других, проникнутых совсем иным духом, а в такой ситуации число действительно играет свою роль. Я всегда рассуждал примерно

так: представим, что в пятницу вечером, вернувшись с биржи, где он «заработал» очередной миллион, старый Амшель Ротшильд раскрывает Священное Писание и начинает искать в нем какого-либо назидания. Что он там увидит? Как скажется воспоминание о только что заработанном миллионе на стремлении ко внутреннему очищению, которого старый набожный еврей хотел бы пережить в канун субботы? Быть может, заработанные деньги станут жечь его душу? Или, может быть, он с чистой совестью скажет себе так: «Божье благословение почило на мне и на этой неделе, благодарю тебя, Господи, за то, что снова просветил своего раба светом своим, а выводы, которые следуют из этого заработка я (чтобы угодить тебе) уже сделал — подавать богатую милостыню и строже прежнего исполнять твои заповеди». Так он и скажет, если хорошо знает Библию, а уж он-то знает ее хорошо!

Его взор с удовлетворением остановится на вполне определенных отрывках из Священных Писаний.

В своей любимой Торе он снова и снова прочитает о Господних благословениях, например, отрывок из Книги Второзакония, где сказано: «И возлюбит тебя, и благословит тебя, и размножит тебя, и благословит плод чрева твоего, и хлеб твой, и вино твое, и елей твой, рождаемое от крупного скота твоего и от стада овец твоих, на той земле... Благословен ты будешь больше всех народов...» (Втор. 7, 13–14). Но прежде всего его сердце возрадуется, когда он прочитает: «Ибо Господь, Бог твой, благословит тебя, как он говорил тебе, *и ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы*» (Втор. 16, 6; ср. 28, 43–44; Пс. 108, 11).

Обратившись к Псалмам, он прежде всего увидит следующие строки:

«Бойтесь Господа, святые его, ибо нет скудости у боящихся его» (Пс. 33, 10);

«Господь знает дни непорочных, и достояние их пребудет вовек. Не будут они постыжены во время лютое и во дни голода будут сыты» (Пс. 36, 18–19);

«Ты посещаешь землю и утоляешь жажду ее, обильно обогащаешь ее. Поток Божий полон воды... Венчаешь

лето благодати твоей, и стези твои источают тук» (Пс. 64, 10, 12);

«Блажен муж, боящийся Господа и крепко любящий заповеди Его... Обилие и богатство в доме его» (Пс. 111, 1–3);

«Да будут житницы наши полны, обильны всяким хлебом; да плодятся овцы наши тысячами и тьмами на пажитях наших» (Пс. 143, 13).

Он возрадуется вместе с Иовом, когда прочитает конец истории страданий этого человека, подвергнувшегося столь тяжким испытаниям: «И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние; у него было четырнадцать тысяч мелкого скота, шесть тысяч верблюдов, тысяча пар волов и тысяча ослиц» и т. д. К счастью, старина Амшель еще ничего не слышал о современной «библейской критике» и поэтому не знает о том, что приведенный отрывок является позднейшей вставкой.

Что касается *пророков*, то они тоже говорили о том, что народ Израилев обретет многие блага на земле, если вновь возвратится к Господу. Старина Амшель откроет Книгу пророка Исаии и в 60 главе прочитает о том, что народы сами принесут Израилю свое золото и серебро.

Однако больше всего старому Амшелю понравятся наидания из Притчей Соломоновых (453) («в которых точнее всего выражается мировоззрение еврейского народа» — так пишет мне один раввин, вознамерившийся как раз на примере Притчей показать, сколь ошибочна моя точка зрения и «как мало призывает Библия к стяжанию богатства», при этом он ссылается на Притч. 22, 1, 2; 23, 4; 28, 20, 21; 30, 8, о которых я только что вспоминал). В приведенных стихах он видит напоминание о том, что *одно только* богатство не делает человека счастливым (20, 1, 2), что, обладая Божьим богатством, нельзя пренебрегать его заповедями (30, 8), что, «гонясь за богатством», легко пасть, ибо «спешащий обогатиться не остается безнаказанным». (Ротшильд в утешение себе скажет, что он вовсе «не спешит».) Быть может, на какой-то миг его заставят задуматься такие слова: «Не заботься о том, чтобы нажить богатство, оставь такие мысли твои»

(Притч. 23, 4), но он тотчас же прогонит от себя тягостное ощущение, связав эти слова с другими: «Когда сядешь вкушать пищу с властелином, то тщательно наблюдай, что перед тобою, и поставь преграду в гортани твоей, если ты алчен. Не прельщайся лакомыми яствами его, это — обманчивая пища...» (Притч. 32, 1–3). Быть может, он просто отгонит от себя те несколько слов, единственных слов во всех «речениях», недвусмысленно призывающих не становиться богатым, и вместо них обратиться к другим назидательным отрывкам, прославляющим богатство в тех же самых «речениях», (отрывкам, о которых мой почтенный раввин не сказал ни слова!). Их очень много, и можно сказать, что именно они задают тон, на который настраиваются Притчи (как вообще вся литература мудрости). «Притчи просто неисчерпаемы в описаниях тех благословений, которые берут начало в истинной мудрости» (454). Приведем лишь некоторые примеры:

«Долгоденствие в правой руке ее, а в левой у нее богатство и слава» (3, 16);

«Проклятие Господне на доме нечестивого, а жилище благочестивых он благословляет» (3, 33);

«Богатство и слава у меня, сокровище непогибающее и правда» (8, 18);

«Имущество богатого — крепкий город его, беда для бедных — скудость их» (10, 15);

«Венец мудрых — богатство их, а глупость невежд глупость и есть» (14, 24);

«В доме праведника — обилие сокровищ, а в прибытке нечестивого — расстройство» (15, 6);

«За смирением следует страх Господень, богатство, и слава, и жизнь» (22, 4).

Мы видели, что к литературе мудрости относятся также Книга Екклесиаста и Книга Премудрости Соломона.

Что касается Книги Екклесиаста, или Проповедника (455), то в ней нет единой тональности и в силу многочисленных позднейших вставок она содержит много противоречий. Тем не менее в ней благочестивый еврей не найдет ни одного места, где богатство проклиналось бы, и самое большее, что он сможет отыскать, — один-единствен-

ный отрывок, в котором проповедуется нечто похожее на презрение к нему. Зато прославление богатства встречается там довольно часто.

«И если какому человеку Бог дал богатство и имущество и дал ему власть пользоваться от них и брать свою долю и наслаждаться от трудов своих, то это — дар Божий» (5, 18).

«Бог дает человеку богатство, и имущество, и славу... но не дает ему Бог пользоваться этим, а пользуется тем чужой человек: это — суета и тяжкий недуг!» (6, 2).

«Пиры устраиваются для удовольствия, и вино веселит жизнь, а за все отвечает серебро» (10, 19).

«Утром сей семя твое и вечером не давай отдыха руке твоей» (11, 6).

В Книге Премудрости Соломона богатство тоже восхваляется:

«А вместе с нею [Премудростью] пришли ко мне все блага и несметное богатство через руки ее» (7:11).

«Праведного... она наставляла на правые пути... помогла ему в огорчениях и обильно вознаградила труды его. Когда из корыстолюбия обижали его, она предстала и обогатила его» (10:10–11).

По-видимому, именно самобытно еврейская мудрость жизни привносит в эти эклектические сочинения, несущие на себе печать поздней античности, идею прославления земных благ, довольно часто напрямую заставляя ее соседствовать с пессимистическими взглядами греческих философов.

«Полна мудрых изречений» и Книга Иисуса, сына Сирахова, которая, как пишет мне мой раввин, «еще сильнее коренится в народных воззрениях» и которую старый Амшель Ротшильд наверняка охотно брал в руки. Если бы мой раввин, столь враждебно настроенный к обретению богатства, захотел бы доказать ему, сколь оно губительно, и показать, ссылаясь на 10–13 главы, что «там богач почти приравнивается к преступнику, а богатство считается источником греха», Ротшильд ответил бы ему так: «Ты ошибаешься, равви. В этих отрывках говорится лишь об *опасностях*, которые таит в себе богатство, на-

пример в том отрывке, который ты мне не указал, а именно в 31 главе, в стихах начиная с третьего. Но там также сказано, что если богатый избегает этих опасностей, он обретает еще большую заслугу по сравнению с бедняком, которому эти опасности вообще были неведомы. Ибо там сказано: „Счастлив богач, который оказался безукоризненным и который не гонялся за золотом. Кто он? И мы прославим его, ибо он сделал чудо в народе своем. Кто был искушаем золотом — и остался непорочным? Да будет это в похвалу ему. Кто мог погрешить — и не погрешил, сделать зло — и не сделал? Прочно будет богатство его, и о милостынях его будет возвещать собрание“» (Сир. 31, 8–12). «И почему, равви, — продолжил бы Амшель Ротшильд, — почему ты называешь мне одни отрывки и молчишь о других, в которых, наверное, говорится о человеке, весьма приумножившем свое богатство, почему ты не приводишь следующие места:

«...Милосердие к отцу не забыто; несмотря на грехи твои, благосостояние твое умножится» (Сир. 3, 14).

«Богат ли кто и славен или беден, похвала их — страх Господень» (Сир. 10, 25).

«Лучше тот, кто трудится и имеет во всем достаток, нежели кто праздно ходит и хвалится, но нуждается в хлебе» (Сир. 10, 30).

«Бедного почитают за познания его, а богатого — за его богатство», которое, добавим от себя, как раз и свидетельствует о его познаниях и уме (Сир. 10, 33).

«Уважаемый же в бедности, насколько больше будет уважаем в богатстве? А бесславный в богатстве насколько будет бесславнее в бедности?» (Сир. 10, 34).

«Доброе и худое, жизнь и смерть, бедность и богатство — от Господа» (Сир. 11, 14).

«Благословение Господа — награда благочестивого, и в скором времени процветает он благословением его» (Сир. 11, 22).

«Хорошо богатство, в котором нет греха...» (Сир. 13, 30).

«Приобретай доверенность ближнего в нищете его, чтобы радоваться вместе с ним при богатстве его; оста-

вайся с ним во время скорби, чтобы иметь участие в его наследии» (Сир. 22, 26–27).

«Будь доволен малым, как и многим» (Сир. 29, 26).

«Золото и серебро утверждают стопы...» (Сир. 40, 25).

«Богатство и сила возвышают сердце...» (Сир. 40, 26).

«Лучше умереть, нежели просить милостыню» (Сир. 40, 29).

«Наследие детей грешников погибнет» (Сир. 41, 9).

«Не стыдись вот чего... много ли, мало ли приобретаешь... беспристрастия в купле и продаже» (42, 1, 4–5).

«И разве я должен стыдиться своих миллионов, — так закончил бы свою речь Амшель Ротшильд, — разве не следует мне, напротив, с гордостью воспринимать их как Божье благословенье, если мудрый Иисус, сын Сираха, так говорит о великом царе Соломоне: „Во имя Господа Бога, наименованного Богом Израиля, ты собрал золото, как медь, и умножил серебро, как свинец“? (47, 19–20). И я, равви, пойду и тоже во имя Господа стану собирать золото, как медь, и серебро, как свинец!» При наличии таких жизнеутверждающих и приемлющих этот мир воззрений, которые благочестивые иудеи черпали из этих и других важных библейских источников, было, конечно же, просто невозможно когда-либо развить учение, отвергающее земного богатство, какой бы повод для этого не возникал в позднейшие времена. Тем не менее и в Талмуде можно найти много отрывков, выдержанных в библейской смысловой тональности: если богатый ходит Божьими путями, то богатство — это благословение, тогда как бедность — проклятие. Пожалуй, нигде в Талмуде богатство не осуждается. Приведем несколько примеров:

«Рав Ягада... учил (Втор. 15:4): „Разве только не будет у тебя нищего“. Твое превосходит то, что есть у всех прочих» (В. Меz. 30 b).

«Кто соблюдает Тору в бедности, тот со временем будет соблюдать ее в богатстве» (Abot IV, 9).

«Семь свойств украшают благочестивого и мир», и одно из них — богатство (Ab. VI, 8/9).

«О человек, в молитве своей обратись к тому, в чьей власти богатство и всяческое достояние... Поистине и богатство, и труд приходят не от дела, но все воздается по заслугам» (Kidd. 82 a).

«Сказано в Книге Исхода (Исх. 2:3): „Взяла [мать Моисея] корзинку из тростника“. Почему именно из тростника? Равви Елеазар сказал: «Отсюда следует, что праведники (благочестивые) любят свои деньги больше, чем тела» (Sota 12 a).

«Равва почитал богатых, и Акиба почитал их» (Erub. 86 a).

«Раввины учили так: „Кто богат? Тот, кто обретает довольство в своем богатстве“ (равви Меир). Равви Трифон говорит: „Тот, кому надо распорядиться сотней виноградников, сотней полей и сотней работников“. Равви Акиба говорит: „Тот, у кого отхожее место неподалеку от стола“» (Sabb. 25 b).

«Кто в гневе без счета сорит деньгами, того надо отозвать только после оказания ему общественной поддержки» (R. Nathans Ethik a. a. O. S. 27).

«... Во времена нужды человек лучше всего научается ценить богатство» (ibid., S. 28).

«Тот, кто видит во сне равви Елеазара бен Азарию, тот ждет богатства» (ibid., S. 137).

«Тот, кто видит во сне царей, ждет богатства» (ibid., S. 138).

Согласно вести о богатстве и благоденствии как Божьем благословении праведников, возвещенной как в письменной, так и в устной традиции, во все времена, насколько нам известно, мировоззрение евреев оставалось глубоко земным, и мессианизм только усилил обращенность именно к этой жизни (несмотря на все потусторонние упования!). Аскетизм, не признающий этого мира, проклятие мира заявляли о себе и в иудаизме: в IX в., например, к монашеской жизни призывали караимы, в XIX в. об этом в Испании проповедовал Бахья ибн Пакуда. Однако такое направление никогда не находило среди евреев широкого признания, и благодаря своей религии они всегда, несмотря на претерпеваемые тяготы и нуж-

ды, принимали этот мир и радовались богатству. Таким образом, евреи резко противостоят христианам, которым их религия не дает радостно принимать этот мир. Насколько в Ветхом Завете богатство прославляется, настолько в Новом Завете оно проклиняется, а бедность превозносится. Бегство от мира и презрение к нему, характерное для ессеев, было воспринято и усвоено Евангелиями. Достаточно вспомнить о таких отрывках, как Мф. 6, 24; 10, 9–10; 19, 23–24, и затем сравнить их с многочисленными параллельными местами. Слова о том, что легче верблюду пройти через иголье ушко, чем богатому войти в Царство небесное, слова, с которыми многие готовы согласиться, создают всю религиозную систему на фундаменте, принципиально отличном от иудаизма. Этим словам нельзя найти ни единого соответствия во всем Ветхом Завете и, конечно же, во всей талмудическо-раввинской теологии.

Не надо быть многословным, чтобы показать, сколь разнятся между собой взгляды благочестивого еврея и благочестивого христианина на стяжание материальных благ. Последнему постоянно приходится прибегать к самым разнообразным уловкам, чтобы «не заметить» в своих Священных Писаниях характерный для *ессеев* дух неприятия богатства и стяжания. Какой душевный страх должен испытывать богатый христианин, зная, что ему нет доступа в небесное Царство, по сравнению с богатым евреем, который, как мы видели, наоборот, «во имя Божие» собирает золото, как медь, и серебро, как свинец.

Хорошо известно, что религия христиан, проповедующая уход от этого мира, веками препятствовала им заниматься стяжанием земных благ. «О нас говорят, что мы не преуспеваем в делах торговых», — признает Тертуллиан.

В то же время хорошо известно и то, что евреи никогда не знали таких препятствий. Чем набожнее был тот или иной еврей, чем лучше он знал духовные Писания, тем сильнее его вера вдохновляла его на стяжание материальных благ. Ярким и трогательным примером того, как в сердцах истинно набожных евреев интерес к приобретательству теснейшим образом переплетается с духовными

запросами, являются мемуары уже упоминавшейся нами Глюкель фон Гамельн, которая, в частности, пишет: «Благословен Бог, дающий и берущий, Бог неизменный, который всегда богато восполняет понесенные нами убытки» (S. 173). «Итак.. (мой муж) написал мне... большое письмо, тщетное утешение, которым я, однако, должна удовольствоваться. Бог, да будет благословенно его имя, в другой раз восполнит нам все утраченное, что бы ни случилось» (S. 155). Мой муж «на этой ярмарке снова заработал тысячи, слава Всевышнему, который не оставил нас своей милостью и состраданием» (ibid). Далее она пишет о том, что путешествие обошлось им в четыреста имперских талеров, «но мы не слишком этим озаботились, потому что, слава Богу, участвуем в большом начинаниях. Благословен Бог, не оставляющий нас своей милостью и истиной» (S. 146) — и так далее во многих других местах.

V. Рационализация жизни

Так как иудейская религия основывается на договоре Яхве со своим народом и представляет собой как бы юридическую сделку, услуге, оказанной Богом, должно соответствовать встречное исполнение, взаимная услуга.

«Что я должен сделать тебе за это?» — спрашивает благочестивый еврей, и на этот вопрос Господь часто и вполне определенно давал ответ устами раба своего Моисея. Снова и снова он призывает сынов Израилевых к двум вещам: обрести святость и исполнять его заповеди.

«А вы будете у меня царством священников и народом святым» (Исх. 19, 6; см. также Втор. 7, 6; 14, 2).

«Вот, я научил вас постановлениям и законам, как повелел мне Господь, Бог мой, дабы вы так поступали в той земле, в которую вы вступаете, чтобы овладеть ею. Итак, храните и исполняйте их, ибо в этом мудрость ваша и разум ваш пред глазами народов, которые, услышав о всех сих постановлениях, скажут: только этот великий народ есть народ мудрый и разумный» (Втор. 4, 5–6 и далее многократно).

Яхве требует не жертвы, не преданности, а послушания: «Ибо отцам вашим я не говорил и не давал им заповеди в тот день, в который я вывел их из земли Египетской, о всесожжении и жертве; но такую заповедь дал им: слушайтесь гласа моего, и я буду вашим Богом, а вы будете моим народом, и ходите по всякому пути, который я заповедаю вам, чтобы вам было хорошо» (Иер. 7, 22–23).

Нам известно, что препятствия, чинимые еврейскому народу, все больше и больше заставляли его усматривать «праведность» в строгом соблюдении Божьих заповедей, и на смену изначальной устремленности к обретению внутренней святости, которая постепенно отходит на второй план и утрачивает свое значение, приходит тягостное, формальное соблюдение закона. Святость и верность закону воспринимаются как синонимы. Кроме того, мы знаем, что эта привязанность к закону являлась своеобразной защитной мерой, к которой прибегали раввины, чтобы сначала оградить еврейский народ от посягательств эллинизма, потом — христианства, а позднее (после разрушения Второго храма) для того, чтобы этот народ сумел сохранить свою национальную самобытность. Борьба с эллинизмом породила фарисейство, борьба с христианством (как его представлял апостол Павел и как оно выглядело в послеапостольскую эпоху, стремясь упразднить нормообразующий закон и заменить его верой) преобразовало фарисейство в талмудический иудаизм. Старая установка книжников на то, чтобы «вся жизнь была проникнута святым установлением», усиливается все больше и больше. Находясь в политической изоляции, иудейские общины полностью подчинялись новой иерархии, подчинялись номократии книжников: они стремились к достижению намеченной цели (сохранению иудаизма) и ради этого подчинялись имевшимся средствам. Школа и Закон пережили Храм и государство, и теперь фарисейский раввинат пришел к неограниченному господству. Отныне «праведность» означает жизнь в строгом соблюдении закона. Под влиянием книжников, которые превратились в юристов, понятие благочестия наполнилось юридическим, а точнее говоря, граждан-

ско-правовым содержанием. Религия превратилась в гражданское и духовное право. В Мишне эта строго законническая, юридическая установка находит свое полное выражение. Заповеди и запреты, определения, данные в Пятикнижии и вытекающие из него, она воспринимает как повеления и указы Бога, которые нельзя придирчиво анализировать и, так сказать, проверять на крепость: им надо неуклонно следовать. Внешняя сторона дела становится все более важной, различие между большим и малым в законе становится все более незаметным. «Обязательному закону доверяли больше, чем своей собственной добросовестности, определявшей норму поведения для себя самой» (Гретц) (456).

Прошло две тысячи лет, но положение несколько не изменилось: и сегодня правоверный иудаизм строго следует косному формализму и законничеству. Основы иудейской веры не претерпели никаких изменений: и сегодня Тора остается незыблемой и обязательной в каждом своем слове, как и тогда, когда ее возвестил Моисей. «Для Израиля Тора является как бы классической высшей школой во всем, что касается морали и нравственности. Ее наставления и учение актуальны всегда. Она не подвержена сиюминутным модным веяниям, никак не пытается сообразоваться с эпохой» (457).

Благочестивый еврей должен строжайшим образом соблюдать содержащиеся в ней Божьи заповеди и запреты, независимо от того, велики они или малы по своему значению, наполнены смыслом или кажутся ему бессмысленными — их надо исполнять самым тщательным образом по одной-единственной причине: они — Божьи установления. Налицо явная гетерономная этика. «Ты должен соблюдать заповеди и законодательные постановления не потому, что и ты считаешь их справедливыми, а потому, что они — Божьи, и равным образом заповеди, причина которых тебе смутно ясна, ты должен исполнять не в силу этой ясности (так как в таком случае ты проявляешь послушание только по отношению к себе самому, но должен быть послушен Богу), а потому, что их тебе заповедал Бог, и как все прочие создания, ты должен быть рабом Божь-

им. Таково твое предназначение» (458). Именно это бездумное исполнение закона и делает человека «праведником», делает его «святым». «Святым в том смысле, как это слово понимает Тора, является тот, кто научился исполнять явленную нам Божью волю с готовностью и без борьбы, а также с радостью, как будто это его собственная воля. Эта святость, это полное растворение своей собственной воли в воле Божьей является той возвышенной целью, которой во всей ее полноте достигли и когда-либо достигнут лишь немногие. Поэтому заповедь освящения прежде всего относится к стремлению обрести такую святость. Это стремление может родиться в каждом, оно заключается в непрестанном духовном бодрствовании и работе над собой, в постоянной борьбе с низким и подлым, чувственным и животным. Исполнение предписаний, данных Торой, — самый надежный проводник, полагаясь на которого мы сможем возрасть в нашей святости».

В этих словах просматривается связь, существующая между двумя основными требованиями: святости и законничества. Мы начинаем понимать, что высшая цель, к достижению которой Израиль постоянно стремится, остается одной и той же: стать священством, святым народом, и самый надежный путь к достижению этой цели — строгое соблюдение Божьих заповедей. Только ясно уразумев эту внутреннюю взаимосвязь, мы сможем понять, какую роль иудейская религия играет в деле формирования общей картины жизни. В конечном счете, «внешнее» законничество не остается внешним: оно постоянно и сильно влияет на внутреннюю жизнь, которая приобретает своеобразные очертания как раз в силу соблюдения косного закона.

Таким образом, психологический процесс, приведший к позднему этапу в развитии иудаизма, мне представляется таким: сначала человек находится перед лицом Божьих заповедей и не заботится об их содержании, однако потом это содержание постепенно раскрывается перед ним во всей своей конкретике: Божье слово довольно четко рисует ему его жизненный идеал. Он начинает жаждать достижения этого идеала, жаждет стать «правед-

ным», «святым». Исполнение закона предстает перед ним в тройном смысле:

1) потому что Бог сделал это исполнение высшим требованием;

2) потому что в законе содержатся требования, исполнение которых осуществляет идеал жизненного поведения;

3) потому что строгое соблюдение самого закона постигается как надежное средство, приближающее к этому идеалу.

Итак, если мы хотим понять суть иудейского духовного делания, нам надо, не вдаваясь в излишнее рассмотрение формально-законнической природы иудейской религии, уяснить, что набожные евреи понимали и понимают под «святостью». Только после того как мы это поймем, мы сможем ощутить влияние, оказываемое теми или иными религиозными установлениями на повседневную жизнь (которую мы хотим постичь в первую очередь).

Мы можем в общих чертах определить, что представляет собой святая жизнь с точки зрения иудейского благочестия, если вспомним о выявленной нами в предыдущем разделе обращенности к земному, которой, вне всякого сомнения, преисполнена иудейская религия. Нам станет ясно, что, в отличие от других религий, святость ни в коем случае не предполагает отвержение жизни и умерщвление ее, как, например, это имеет место в буддизме или исконном христианстве. Мы уже видели, что всякая аскеза, направленная на уход от этого мира, в общем и целом никогда не была свойственна иудаизму. «Душу, дарованную тебе, храни и не умерщвляй», — таково основное положение Талмуда, которое он объявляет нормой поведения (459) и которое сохраняло свою значимость во все времена.

Итак, отвержение жизни не означает святости, но равным образом не следует предаваться естественной жизни, исполненной различных порывов, ибо в таком случае святая жизнь не представляла бы собой той задачи, которую надо осилить праведнику. Остается лишь одно понимание святой жизни — это жизнь, которая проживается

рядом с обычной, естественной жизнью или вопреки ей в соответствии с нормами и идеалами, которые берут начало не в природе. Одним словом, *святость означает рационализацию жизни*, она означает замещение природного, проникнутого инстинктами, творческого бытия продуманной, целесообразной жизнью, основанной на определенных нравственных устоях. Нравственный закон привносится в жизнь, принципиально не имея никакой связи с мотивацией, восходящей к природе. «Дело не в природных склонностях человека (даже к добру), а в законе, освобождающем от природного инстинкта, в нравственном начале, которое превосходит всякую природу, — вот в чем дело». Стать «святым» значит «очиститься», а очищение как раз и заключается в том, чтобы через формальный элемент нравственного послушания преодолеть всякую природную тягу к действию. Значение чисто формального соблюдения закона заключается в том, «что люди все больше и больше освобождаются от пут природного и привычного, освобождаются от одних лишь инстинктов полезного и приятного, возносятся над повседневными пошлыми или изысканными удовольствиями и при совершении всякого действия окружены тем, что способствует лишь идеальным устремлениям» (460).

Таким образом, для иудейского понимания нравственных ценностей характерен резкий дуализм, тот страшный дуализм, который сидит у всех нас в крови: природа не является не святой, но в то же время нельзя сказать, что она свята, она еще не такова и должна стать святой только через нас. В ней дремлют всяческие возможности «греха», змий продолжает подстергать в траве, как некогда он подстергал в райском саду. «Бог создал злой порыв, но создал и Тору, создал нравственное учение как некую пряность (целебное средство) против него» (461). Вся человеческая жизнь — великая борьба против злых сил природы: такова основная мысль, которая пронизывает иудейское нравственное богословие и которой отвечает система предписаний и мер, рационализирующих жизнь, очищающих ее, лишаящих ее природного начала и тем самым освящающих ее, не умерщвляя ее и не упраздняя.

Здесь мы видим принципиальное различие между христианско-ессейской и иудейско-фарисейской моралью: первая последовательно уводит из жизни в уединение, в монастырь (если не в смерть), вторая налагает множество цепей на физическую жизнь верующего, на его гражданскую жизнь и требует, чтобы она распрощалась со своим изначальным, природным обликом. Христианское верование превращает «святого» в монаха, иудейское — в рационалиста. Первое кончает тем, что уводит человека из этого мира, второе (как об этом говорилось) заставляет его предаваться аскезе в миру, если под аскезой понимать преодоление творческого начала в человеке.

Мы еще лучше поймем все своеобразие иудейского «нравственного закона» (который в то же время всегда выступает и как закон духовный, религиозный, о чем надо повторять снова и снова), если мы обстоятельно изучим его предписания.

Влияние закона воспринимается двояко: он должен воздействовать самим фактом своего наличия, а также своим содержанием.

Одно только наличие закона или законов, обязанность добросовестно их исполнять заставляет постоянно осознавать свое поведение, поскольку человек вынужден непрестанно осмыслять и рационально выстраивать все свои действия. Каждое чувственное устремление оговорено в своей допустимости, любое инстинктивное, импульсивное проявление жизни возбраняется бесчисленными оговорками и наставлениями, предупреждениями и указаниями, которые тесной толпой окружают верующего. «Благодаря закону в естественные устремления человека вводятся порядок, правило и мера. Формальное законопослушание приводит к тому, что человек начинает воспринимать жизнь как нечто целостное, единое, укорененное в себе самом посредством великой жизненной цели: совершения действия, угодного Богу». «Если все помыслы человека во всякое время направлены на исполнение закона, тогда его жизнь, хотя и не упорядочивается систематически и не выстраивается искусно, но пронизывается нравственной идеей». Поскольку испол-

нение бесчисленных законодательных предписаний невозможно без основательного знания самих источников (как известно, Маймонид, например, перечисляет 365 заповедей (из которых сегодня в силе остаются 243) и 248 заповедей!), то исполнение закона предполагает ревностное изучение Священных Писаний и особенно Торы, причем в самом этом изучении опять-таки усматривается средство «освящения». «Когда тебя одолевает злое влечение, влеки его в ешиву», — говорится в Талмуде (Kidd. 30 b).

Во все времена широко бытовало мнение (которое и сегодня разделяется всеми ортодоксальными евреями) о том, что вся полнота заповедей и запретов призвана к тому, чтобы очистить жизнь верующего.

«Бог пожелал очистить Израиль и потому умножил заповеди» (Makkoth 23 b) (462).

«Заповеди даны Богом, дабы с их помощью человек очистился» (Wajikra Rabba Kap. 13).

«Наверное, для человека лучше было бы вовсе не родиться, но коль скоро он пришел в этот мир, то нередко ему надо исследовать свои поступки» (Erubin 13 b).

«Каждую ночь надо продумывать все свои поступки, совершенные в истекший день» (Magen Abraham zu O. Ch. 239, Sch. 7) (463).

«В одном высказывании возвещаются и помыслы и наблюдения» (464).

Для того, чтобы узнать, как сегодня в благочестивых иудейских кругах оценивают нравственное значение закона, приведем следующие высказывания известных людей:

«Чтобы страх Божий... наполнил все наши помышления, чувства и ощущения, чтобы он пронизал всю нашу жизнь, религия облекла свои вероучительные истины и положения в форму законодательных предписаний, выразила их в обрядах и обычаях, которые пронизывают все помыслы и чувства израильтянина, дабы не оставалось места для зла» (465).

«Жизнь, посвященная исполнению духовного закона, становится источником нравственного научения и воспитания. Прежде всего речь идет о наполнении всего челове-

ческого бытия законодательными установлениями, различными предписаниями, которые сопутствуют всякой работе и всякому удовольствию в жизни. Так как раввины... окружают жизнь отдельного человека и всей общины различными религиозно-законодательными обрядами и действиями, так как во всякое время дня и года явления природы, а также превратности и переживания человека окружаются законодательными установлениями, так как все и всяческое в работе и удовольствии *освящается* благословением, символическим действием или свершением какого-либо обряда, вся жизнь и деятельность человека обретает цельное и нерасторжимое единство» (466).

Слова о том, что «все и всяческое в работе и удовольствии» объемлется духовно-законодательным предписанием, не кажутся преувеличением, и в этом можно убедиться, обратившись к какой-либо из распространенных сегодня еврейских духовных книг, которые в основном состоят из перечисления заповедей и запретов. И сегодня для благочестивого еврея на всех его путях остается в силе заповедь, гласящая, что надо взирать на Бога и чтить его (*deum respice et cura*). Встретит ли он на своем пути негра или карлика, будет ли он во время путешествия проезжать мимо каких-либо развалин, станет ли принимать лекарство или ванну, услышит ли, как надвигается гроза или бушуют ураганы, станет ли он вставать с кровати и одеваться, будет ли справлять естественные надобности или принимать пищу, войдет ли в дом или выйдет из него, станет ли приветствовать своего друга или повстречает врага, — на каждое событие предусмотрено определенное предписание, которое необходимо соблюсти.

«Точное и добросовестное соблюдение всех *запретов*, содержащихся в Торе (из которых, как мы видели, двести сорок три и сегодня остаются в силе), оказывают на нас совершенно особенное освящающее воздействие. Благодаря им мы при каждой нашей мысли и чувстве, при всяком слове и всяческом действии спрашиваем себя, согласуется ли с Божьей волей все, что мы думаем и чувствуем, говорим и делаем. Однако мы все-таки не удовлетворяем заповеди освящения, если только следуем

указанным предписаниям и не более того: Тора повелевает, чтобы и в области дозволенного мы упражнялись в умении быть умеренными и сдержанными».

Последние слова уже подводят нас к самому *содержанию закона*, к тому, что то или иное предписание требует от верующего в содержательном смысле. Сообразуясь со всем тем, что мы успели узнать о духе иудейского нравственного богословия, мы без особого труда можем определить и упомянутое *содержание закона*. Законодательные предписания, по-видимому, направлены на то, чтобы подавить в человеке всякое творческое начало, усмирить его живую жизнь, полную инстинктивных порывов, вытеснить мотивацию, идущую от природы, осознанной целесообразностью, одним словом, «смягчить нрав человека».

Нельзя думать, говорить и делать ничего такого, что прежде не было бы проверено буквой закона и в соответствии с этой проверкой не признано полезным в деле освящения. Таким образом, упраздняется всякая деятельность ради нее самой, всякие «спонтанные» действия, всякий поступок, мотивированный естественным порывом.

Никакой непосредственной радости от созерцания природы! Ею можно наслаждаться только в том случае, если при этом мы помышляем о Божьей мудрости и его благах. Весной, когда зацветают цветы, благочестивый еврей говорит: «Благословен Ты, Господи... позаботившийся в мире своем о самом малом, Ты, сотворивший в нем прекрасные деревья и прочие создания, которым могут радоваться люди». Увидев радугу, он вспоминает о завете, заключенном с Яхве, а поднявшись на высокую гору, оказавшись в глухом и пустынном месте, увидев бурные потоки, одним словом, всегда, когда его сердце начинает ликовать от увиденного, он должен собрать все эти чувство воедино для благодарственной молитвы и сказать: «Благословен Ты, Господи... положивший начало творению» и т. д.

Никакой возможности непосредственно предаться какому-либо произведению искусства! Изобразительного искусства надо избегать уже потому, что они могут легко

привести к нарушению второй заповеди, однако даже поэзия не слишком почитается благочестивым евреем, если в ней нет какого-либо упоминания о Боге, и всякое чтение стихов благотворно только тогда, когда в них по меньшей мере есть хоть какая-то практическая польза. «Лучше всего читать Писания Торы или то, что упоминает о ней. Если мы хотим для отдохновения почитать что-либо другое, нам надо выбрать такие книги, *которые обогащают нас полезными знаниями*. Среди книг, которые написаны для развлечения, для препровождения и без того быстротекущего времени, много таких, которые могут пробудить в нас греховные желания, — их читать не надо» (467).

Никакого невинного, светского удовольствия! «Где восседают празднословы? На языческих зрелищах и игралищах». Песни, танцы, застолье, которое не связано с обрядовыми празднествами, — все это возбраняется. Вот что говорит раввин Доса бен Гиркан: «утренний сон, вино за обедом, шалости с детьми, пребывание на различных собраниях, куда приходят простолюдины, быстро уводят человека из этого мира» (468). «Кто любит веселье, обеднеет, а кто любит вино и тук, не разбогатеет» (Притч. 21, 17).

Таким образом, для благочестивого человека не имеют никакого значения или даже мешают ему такие переживания, которые приводят людей к «необдуманной» деятельности: необоснованный энтузиазм, воодушевление, во время которых совершается что-либо нецелесообразное (469); добросердечие или мягкость (так как ты должен быть добрым не просто так, а лишь потому, что тобой руководит «идея доброжелательности», ибо «всякий нездоровый привкус, всякое смягчение твоего нрава, которое возникает при виде какого-либо страдающего человека, должны быть далеки от тебя, а ты должен думать о благородстве и достоинстве идеального закона» (470); просто чувствительный темперамент, ибо «чувствительность — источник страдания (а тем самым и греха) (471); наконец, естественность и искренность, — одним словом, все, что отличает человека, живущего по природе, то есть человека неосвященного.

В сравнении со всем перечисленным основными добродетелями благочестивого человека являются самообладание и рассудительность, любовь к порядку и трудолюбие, умеренность и сдержанность, целомудрие и трезвение.

Самообладание и рассудительность прежде всего выражаются в сдержанных речах, о чем говорится снова и снова: «При многословии не миновать греха, а сдерживающий уста свои — разумен» (такие изречения и увещания чаще прочих встречаются в литературе мудрости). Приведу лишь некоторые отрывки: Еккл. 1, 8; Притч. 10, 10; 10, 10; 10, 19; 10, 31; 14, 23; 17, 27–28; 18, 7; 18, 21; 21, 23. Сир. 4, 34 (29); 5, 15 (13); 9, 25 (18), а также главы 19–20, 22.

Этому же учит и позднейшая традиция, например: «Учитель сказал: Кто ведет бесполезный разговор, нарушает заповедь... Аба бен Иаков сказал: Он не соблюдает запрета» (Йома 19b).

В одной современной назидательной книге говорится о том, что «дело нашего освящения в значительной мере зависит от того, как мы владеем языком, зависит от нашего умения молчать... Способность говорить... дарована (человеку) для достижения святых и полезных целей... Но всякий никчемный разговор, не служащий достижению ни первой, ни второй цели, наши мудрецы возбраняют, ссылаясь на Писания» (472).

Благочестивый человек должен непременно владеть собой: «Усмиривший свою страсть могущественнее самых сильных» (R. Nathan XXIII, 1).

«Что город разрушенный, без стен, то человек, не владеющий духом своим» (Притч. 25, 28).

А вот что говорится о рассудительности: «Помышления прилежного стремятся к изобилию, а всякий торопливый терпит лишение» (Притч. 21, 5).

«Нехорошо душе без знания, и торопливый ногами оступится» (Притч. 19, 2).

Похвальны также прилежание и бережливость. Еврей должен пробуждать день, а не день еврея, говорят раввины ссылаясь на 56 Псалом (Пс. 56, 9). Он должен прово-

дить этот день в трудах, ибо праздность возбраняется. «Ленивый не жарит своей дичи, а имущество человека прилежного многоценно» (Притч. 12, 27) (473).

«Богатство от суетности истощается, а собирающий трудами умножает его» (Притч. 13, 11).

«Нерадивый в работе своей — брат расточителю» (Притч. 18, 9).

«Вожденное сокровище и тук — в доме мудрого, а глупый человек расточает их» (Притч. 12, 20).

Самые сильные порывы в человеке как раз и надо обуздать, направлять их по проторенному пути, выявлять их исконную причину, соотносить с хорошо продуманной целесообразностью, рационализировать их.

Так же обстоит дело и с *насыщением*. Голод надо утолять не себе в усладу, а только ради запросов тела. Когда мудрец ест и пьет, он должен делать это в соответствии с божественными предписаниями и в угоду Богу. Отсюда берет начало бесчисленное множество предписаний, касающихся пищи, отсюда возникают призывы к благодарности и рассудительности во время трапезы, которая начинается, сопровождается и завершается молитвой, отсюда — призыв к умеренности и, наконец, предупреждение о том, что еду и питье надо воспринимать только в контексте их полезности для достижения намеченной цели и не радоваться им ради их самих. Слова Екклесиаста («Благо тебе, земля, когда... князя твои едят вовремя, для подкрепления, а не для пресыщения» (Еккл. 10, 17) часто приводятся в поучительной литературе, чтобы «рационализировать» процесс принятия пищи (см., например, В. R. Nathan XX, 3). И сегодня в назидательных сочинениях к благочестивому еврею обращаются так, как некогда это делал Екклесиаст: «Итак... только благодаря Богу твоему ты можешь использовать в пищу себе создания этого мира: ему одному, если ты не ешь, как скот, посвящены твои еда и питье, потребные для накопления сил, необходимых для служения ему» (474).

«Если ты вкушаешь пищу лишь ради довольства, потворствуя своему вкусу, тогда ее потребление не является человеческим... если же ты вкушаешь ее лишь в той мере и

для того, чтобы во имя Божие укрепить и оздоровить жизнь и тело, тогда ты потребляешь ее как человек, и твое дело становится богослужением... и поэтому к своей трапезе ты должен приступать как к священнодействию» (475).

«Израильтянин должен... превращать процесс принятия пищи в священнодействие, должен взирать на свой стол как на алтарь, а на еду как на жертву, которую он вкушает для того, чтобы обрести новые силы для исполнения своего долга» (476) (впрочем, как известно, предпочтение отдается только еврейской кухне).

И наконец (самое главное!) подобно голоду *любовь* тоже подвергается «рационализации», то есть лишается своего природного начала.

Нигде так сильно не проявляется косный дуализм, как в эротике, и его еврейский народ если и не принес в мир как таковой, то по крайней мере возвысил до всеобщего признания в мире культуры, заразив своими идеями христианство. Все более ранние религии усматривали в половом начале нечто божественное и с благоговейным ужасом взирали на половой акт как на некое божественное откровение. Все они в грубой или утонченной форме поклонялись фаллосу, и ни в одной из них чувственное влечение не проклиналось как грех, ни в одной женщина не воспринималась как носитель этого греха. В иудаизме это началось со времен Ездры.

Моисей не подходил к своей жене, чтобы достойно предстать перед Богом: он так освящал себя.

«Завет положил я с глазами моими, чтобы не помышлять мне о девице», — говорит Иов (Иов. 31, 1).

Литература мудрости полна призывов держаться подальше от женщины: «Ибо мед источают уста чужой жены и мягче елея речь ее, но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый» (Притч. 5, 3–4).

В Талмуде и раввинской литературе царит такой же дух — дух страха перед женщиной. «Да подлежит изгнанию всякий, помыслами пробуждающий в себе вожделевание» (Nidda 13 b). «Лучше ему умереть, чем совершить грех прелюбодеяния» (Sanhedrin 75 a). (К трем грехам, которые нельзя искупить даже смертью, принадлежат

убийство, идолопоклонство и разврат.) «Пусть имеющий дело с женщинами не находится с ними наедине» (Kidd. 82 a). Этот страх продолжает существовать во всех кодексах. Согласно Эбен-ха-эсер (раздел XIX) надлежит побить камнями мужчину, который вступил в половую связь с распутной женщиной. Запрещается даже смотреть на ее одежды или пальцы, «дабы не испытывать от этого наслаждения», нельзя допускать, чтобы тебе прислуживала женщина, нельзя обнимать за шею и целовать своих взрослых сестер или тетюшек (раздел XXI), нельзя оставаться наедине с женщиной сомнительного поведения (раздел XXII) и т. д.

Наставления, которые сегодня раввины делают верующим, остаются такими же строгими:

«Всякий раз бойся приближаться к распутству... Не смотри, не слушай, не читай, не думай того, что может сделать твоё воображение нечистым и довериться нечистому... Не ходи на улицу мимо женских покоев, а если не можешь иначе, не смотри в ту сторону и не разжигайся. Пусть твои глаза не смотрят на женщину с вожделением, не взирают вожделенно на ее волосы, пусть твои уши с вожделением не прислушиваются к звукам ее голоса, пусть твой взор не останавливается на ее облике, ты не должен рассматривать никакой одежды, если ты знаешь, что ее носила женщина. Избегай всякого повода сделать это! Никогда мужчина и женщина не должны оставаться в одном месте, закрытом от взоров других людей. Мужчина и женщина не должны шутить между собой, ибо и в шутке греховно всякое рукопожатие, подмигивание, объятие и поцелуй» (477).

Такие предостережения не пропадали втуне, и об этом свидетельствует признания благочестивых евреев, например, *Якоба Фромера*, который так рассказывает о своих страданиях: «До сих пор я воспринимал женщину только как воплощенный грех. Прикоснуться к ней, посмотреть на нее, послушать ее пение для меня значило совершить прегрешение, и даже мысль о ней оскверняла мою душу. Когда мне было всего пять лет, я не мог переступить порога, на котором сидели женщины, из страха, что нечаянно могу прикоснуться к ним... Если на улице

тебе встретится искушитель (сатана), заключи его в Бетамидраш... Но и там он не находит покоя... Потом я узнал, как мне ограждать себя от таких грехов. Если мысли о женщине не покидают тебя, вообрази, как она была бы отвратительна, если бы с нее содрали кожу. Чтобы на улице не встретиться с похотливым взглядом, надо непрестанно и живо представлять себе сказанное Иеговой» (478).

А теперь мы подходим к самому главному. Такие эротико-неврастенические страхи встречаются и в других религиях. С тех пор, как «грех» вошел в этот мир в образе женщины, во всех дуалистических религиях находились психопаты, тратившие свою жизнь на то, чтобы возбуждать себя сладострастными картинками, но в то же время бежать от женщин. Однако если в других религиях такое умонастроение заставляло его носителей уходить в пустыню или запирались в монастырской келье, то есть в любом случае хранить «целомудрие» в смысле воздержания от половых связей или опускаться до половых извращений, то в иудаизме благочестивый еврей (мужчина с пятнадцати лет, а женщина с двенадцати) с такими помыслами восходит на брачное ложе. Что отсюда получается, легко представить, и мы можем охарактеризовать такую ситуацию несколькими словами: происходит *рационализация половых отношений в браке*. Эти отношения не запрещены, но в принципе они остаются греховными, и тут ничего не поделаешь. Для того чтобы хоть в какой-то мере лишить их греховности, надо сделать так, чтобы они перестали быть стихийными, спонтанными, надо растворить их в духовном начале, освятить их. Это происходит тогда, когда акт любви совершается во славу Божию по всем правилам благочестия, которые указаны мудрецами.

«Мужчина не может без женщины, женщина — без мужчины, но в их союзе должен царствовать божественный дух».

Уже в Талмуде содержатся многочисленные предписания, которым должны следовать муж и жена, дабы угодить Богу.

В средние века эта ветвь нравственного богословия выросла особенно сильно, и уже у Маймонида мы находим

довольно точные наставления о том, как вести себя в таких делах. В XI в. раввин Елиезер бен Натан (сокращенно Раббан) составил свод брачно-правовых отношений (Эбен ха-эсер), в котором (впервые?) были систематизированы и кодифицированы различные определения по этому вопросу. В XIII в. раввин Нахман пишет труд об освящении брака, основная мысль которого сводится к тому, что супружеская пара каждый раз должна «освящать» себя, то есть «преисполняться возвышенными мыслями о Божием величии и нравственно священной мировой цели» (479).

Эбен ха-эсер, «семейное право», которое вбирало в себя все правовые определения, касающиеся семейной жизни, входит составной частью в кодекс Иакова Ашера и в *Шулхан Арух*. В той форме, в которой оно там было воспринято, оно и доныне (с добавлением соответствующих комментариев) является обязательным законом для благочестивых евреев. Постановления 25 раздела, которые (наряду с постановлениями 76 раздела) рассматриваются здесь в первую очередь, почти дословно перешли в современные иудейские духовные книги (*Фассель*, *Гирш* и другие). Основные идеи остались теми же: в общении с женой муж не должен допускать никакого легкомыслия и осквернять свои уста безрассудными речами, когда остается с нею наедине, и во время самого полового сношения он не должен болтать с нею: даже во время этого он не должен думать о своем удовольствии, но должен считать, что оплачивает свой долг, так как он призван к этому для того, чтобы исполнить заповедь Творца, а именно умножить человеческий род, родив детей. «Всякий союз мужчины и женщины, не преследующий этой цели, есть злоупотребление дарованными силами, нисхождение до уровня животного и даже ниже его, есть распутство» (Гирш). «Даже в браке должно наслаждаться целомудренно, зная меру, не питая похотливых мыслей, не преисполняясь сладострастия, но сохраняя человечность для достижения цели, а именно для сохранения рода» (Фассель).

Эта основная мысль далее подкрепляется богатой казуистикой. В рукописи я основательно рассмотрел эту

тому, но, проглядывая печатные материалы, почувствовал такое отвращение, что, подумав о читателе, решил исключить эти места. Специалист легко сможет восполнить пропущенное, обратившись к источникам. Отметим лишь то, что в данном случае раввинская литература теснейшим образом смыкается, с одной стороны, с похотливой эротикой исповедальни, которую мы находим у Альфонса Лигуорийского и его собратьев, а с другой — с моралью пуритан.

Согласно благочестивому представлению сама Ааронова печать является предостережением о том, чтобы в минуты высшего наслаждения сын Иакова сознавал свой долг и обязанности:

«Чтобы ты в святости сохранял силы твоего тела, чтобы не растрчивал их в гнусном чувственном влечении, не расходовал вопреки Божье воле, а тратил на то, для чего Он даровал их тебе и тратил как должно, чтобы ты во всем был человеком, был всецело Божьим слугой и даже в животном действии усматривал священный мир, сообразуясь со священной целью мирозидания, чтобы в соответствии с этой целью святил свои силы и во имя этой священной цели ограничивал животное влечение и знал, что Бог потребует отчета за каждую кроху сил, которую ты потратил не на служение ему или использовал против его воли, — к этому да призовет тебя Авраамова печать и да воспрепятствует твоему желанию превратиться в животное» (480).

Все эти мысли, в которых на протяжении двух тысячелетий отражается иудейское представление о сущности половых отношений и необходимости их освящения, на мой взгляд, предвосхищаются в чудесном отрывке из Книги Товита (Тов. 8, 4–9), которым я хотел бы завершить эту, быть может, несколько странную главу: «Когда они остались в комнате вдвоем, Товия встал с постели и сказал: встань, сестра, и помолимся, чтобы Господь помянул нас. И начал Товия говорить: благословен ты, Боже отцов наших, и благословенно имя твое святое и славное вовеки! Да благословляют тебя небеса и все творения твои! Ты сотворил Адама и дал ему помощницу»

Еву, подпорою — жену его. Он них произошел род человеческий. Ты сказал: нехорошо быть человеку одному, сотворим помощника, подобного ему. И ныне, Господи, я беру сию сестру мою не для удовлетворения похоти, но поистине как жену: благоволи же помиловать меня и дай мне состариться с нею! И она сказала с ним: аминь. И оба спокойно спали в эту ночь» (Тов. 8, 4–9).

* * *

Почему я так подробно рассмотрел именно этот аспект иудейской религии? Потому что я полагаю, что почти невозможно переоценить значение рационализации жизни, обусловленной этой религией, и прежде всего рационализации половой жизни для *жизни экономической*. Если мы вообще склонны полагать, что религия оказывала и оказывает влияние на экономическое поведение евреев, мы должны со всей определенностью признать, что рационализация жизненного уклада является самым действенным средством такого влияния.

Прежде всего можно было бы вспомнить о том, что такой рационализации своим существованием обязаны многие качества, многие «добродетели», без которых невозможно представить упорядоченное ведение хозяйства: трудолюбие, любовь к порядку, бережливость и прочие. Весь уклад жизни (как его предписывают мудрецы) таков. Что экономия, хозяйственность вполне обретает права на существование. Нет сомнения в том, что трезвение, умеренность, набожность — полезные качества для делового человека. Все, что Священные Писания и главным образом талмудическо-раввинская литература превозносят как жизненный идеал, можно с уверенностью назвать моралью добродетельного хозяина бакалейной лавки: довольствоваться своей женой, аккуратно платить долги, по воскресеньям (субботам) ходить в церковь (синагогу) и с безграничным презрением взирать на раскинувшийся вокруг тебя греховный мир.

Но надо сказать, что «разведением» такого вида (добродетельного бакалейщика) иудейская мораль не исчерпывается, и вообще это не главное ее предназначение, а в деле становления экономической жизни — не слишком важное свершение. Буржуазная благопристойность, по видимому, вполне самостоятельно пускала ростки в цеховой мастерской и за прилавком. В другом месте я покажу, что в действительности все добродетели, которые мы сегодня считаем добродетелями благовоспитанного гражданина и которые превозносим, с необходимостью развились в тесном существовании мелкого буржуа — именно там они, по существу, и сохраняют свою значимость. Хотя формированию капитализма способствовали и такие, так сказать, «бакалейные» добродетели, как прилежание и бережливость (особенно в эпоху его зарождения), основой капиталистической экономики надо считать любовь к порядку и домовитость. Однако сам капитализм вырос не из вышеуказанных качеств, и нам еще предстоит узнать, в чем евреи способствовали специфически капиталистическому развитию экономики.

Прежде всего не мешало бы вспомнить о том, какое значение играет семья для развития экономических сил (в чем нет никакого сомнения), а также о том, что культ семьи и совершенствование семейной жизни можно с полным основанием рассматривать как результат деятельности иудейских мудрецов (и в то же время как результат внешних условий существования евреев). Дело в том, что именно в иудаизме женщина впервые окружается тем уважением, которое закладывает основу внутренней семейной жизни, которая оказывает непрерывное влияние на поведение мужчины. Все, что могут сделать внешние постановления и увещевания (чтобы способствовать благоустроенному семейному счастью), все это по силе возможности постарались сделать талмудисты и раввины своими наставлениями относительно заключения брака, совместной жизни супружеских пар, воспитания детей и так далее. Супружеская жизнь и сегодня у благочестивых евреев считается гораздо более «священной», чем у представителей других конфессий, и об этом

свидетельствует (внешняя) статистика рождаемости внебрачных детей. У евреев эти цифры гораздо ниже, чем у христиан, и в тех местах, где проживают ортодоксальные иудеи, они достигают совершенно малых величин.

Приведем некоторые примеры (481).

На 1000 человек внебрачных детей приходится:

— у населения в целом:

Пруссия (1904)	— 2.51
Вюртемберг (1905)	— 2.83
Гессен (1907)	— 2.18
Бавария (1908)	— 4.25
Россия (1901)	— 1.29

— у еврейского населения:

Пруссия (1904)	— 0.66
Вюртемберг (1905)	— 0.16
Гессен (1907)	— 0.32
Бавария (1908)	— 0.56
Россия (1901)	— 0.14

Если брать Россию, то здесь мы видим, что разрыв между евреями и представителями различных христианских конфессий оказывается еще большим (хотя в то же время надо признать, что и там наблюдается скрытое ослабление половой морали, ставшее заметным в последнее время). В России на каждые 100 детей внебрачными оказываются:

— у греко-православных

1868	— 2.96
1878	— 3.13
1898	— 2.66
1901	— 2.49

— у католиков за те же годы

1868	— 3.45
1878	— 3.29
1898	— 3.53
1901	— 3.57

— у протестантов за те же годы

1868 — 3.49

1878 — 3.85

1898 — 3.86

1901 — 3.76

— у евреев за те же годы

1868 — 0.19

1878 — 0.25

1898 — 0.37

1901 — 0.46

Именно семейная жизнь, как ее вели и утверждали евреи, семейная жизнь, в которую мужчина привносит свои высшие жизненные ценности, в которой черпает силы, бодрость, мужество и замыслы, для того чтобы поддерживать, отстаивать и оформлять свое жизненное пространство, именно такая семейная жизнь, как мы считаем, образует то средоточие сил, необходимых для его деятельности, которое оказывается вполне достаточным, чтобы привести в действие капиталистическую экономическую систему, требующую огромных сил. Невозможно представить, чтобы высвобождение такой огромной энергии, которой требует эта экономическая система, происходило без участия тех психологических импульсов, которые в мужчине порождаются его запросами не только в общесоциальном плане, но и прежде всего в плане его конкретной семьи, понимаемой как некое индивидуальное начало, проникнутое духовностью и уютом.

Однако нам, наверное, надо идти дальше, оставляя позади чисто психологические мотивы и переходя к рассмотрению определенных психологически-соматических процессов, происходящих в мужчине. Я имею в виду, что нам надо подумать о том, каким совершенно самобытным образом на мужской организм оказывает влияние рационализация супружеской и в данном случае половой жизни. В целом ситуация такова: народ, который по своей крови предрасположен к тому, чтобы вести половую

жизнь, превышающую некую среднюю норму («*projectisima ad libidinem gens*», «до крайности преданы разврату», как говорит о евреях Тацит), вынужден довольно сильно ограничивать эту жизнь, соблюдая установления своей религии. Внебрачные половые связи полностью запрещены, каждый на протяжении всей своей жизни должен довольствоваться только женой, да и общение с ней тоже сведено почти до минимума; вдобавок ко всему, что я уже говорил, вспомним, что каждый месяц 5+7 дней к женщине приближаться нельзя и что после рождения сына с ней нельзя вступать в половую связь 7+33 дня, а после рождения дочери — 14+66 дней, так как все это время она остается «нечистой». Таким образом, в году к ней нельзя прикасаться от сорока до восьмидесяти дней (так как каждый год рождается сын или дочь), и сюда же надо прибавить двенадцать дней каждого месяца.

И человеку неискушенному сразу становится ясно, что такая своеобразная ситуация, приводящая к накоплению сил, должна повлечь за собой вполне определенные последствия (что можно подтвердить более точными научными исследованиями). Я имею в виду тот факт, что энергия, накопленная за счет ограничений в половой жизни, находит иное русло, иную сферу деятельности, которая в силу известной нам ситуации, выпавшей на долю евреев во все века христианского летосчисления, стала сферой хозяйственного предпринимательства. Но надо сделать еще один шаг вперед и выявить не только довольно общую связь между ограничением полового влечения и экономической активностью, но и совершенно особую связь между упомянутой частичной половой аскезой и страстью к приобретательству. Здесь мы пока не располагаем необходимыми научными данными и, насколько я знаю, единственным исследователем, затронувшим эту основополагающую для всей социологии проблему, является венский психиатр *Зигмунд Фрейд* (482). В своем учении о «вытесненном влечении» он по меньшей мере намекает на то, что угнетение полового влечения может привести к возникновению влечения к денежной наживе. Здесь еще предстоит сказать свое слово специальным исследовани-

ям в этой области, так как, располагая житейскими наблюдениями (согласно которым человек широкой натуры легко сочетает обильные любовные похождения с денежным расточительством, тогда как скупость, жадность, корыстолюбие, повышенная любовь к деньгам вообще идут рука об руку со слабой или жалкой половой жизнью), располагая такими повседневными наблюдениями, мы не отважимся решать эту глубокую проблему. Тем не менее я считаю, что имею право включить этот аргумент (пусть даже пока что в форме гипотезы) в систему всей моей аргументации, то есть сказать, что в значительной степени самобытная предрасположенность еврейского народа к капиталистической форме хозяйствования восходит к уже упомянутой частичной сексуальной аскезе, к которой еврейские мужчины принуждены учением своей религии.

Как бы там ни было, позднейшим научным изысканиям, главным образом, в области гигиены и антропологии, еще предстоит узнать, в какой мере общая рационализация жизненного уклада сказалась на телесных и духовных способностях евреев, как подействовали в указанном направлении очень продуманные правила полового общения (уже давно в иудейском праве существует ограничение на вступление в брак лиц с телесной или духовной увечностью), всеобъемлющая рационализация питания (законы о пище, предписания, касающиеся умеренности) и прочие установления. Кое-что уже делается в этом направлении (483), и я надеюсь, что скоро эти начинания разовьются в большие, систематические исследования.

Завершая этот раздел, я хотел бы лишь отметить, что рационализация жизненного уклада очень сильно сказывается на экономической деятельности евреев и в том смысле, что, привыкая жить вопреки жизни (или рядом с нею), они с формальной стороны оказывались более подготовленными для того, чтобы развивать такую экономическую систему (или содействовать ее развитию), которая сама создается вопреки природе (или рядом с нею). В конечном счете идея приобретательства и экономический рационализм, по существу, означают не что иное, как применение в экономике тех жизненных правил, которые евреям в общем и це-

лом дала их религия. Для того чтобы капитализм смог начать свое развитие, потребовалось переломать кости естественному человеку, исполненному естественных порывов, потребовалось заменить самобытную, стихийную жизнь совершенно особым механизмом души, сформированным на сугубо рациональной основе, понадобилось произвести как бы переоценку всех жизненных ценностей и воззрений. Человек капиталистический (*homo capitalisticus*) представляет собой искусственное и искусное порождение, возникшее в конечном счете из упомянутой переоценки. Понятно, что этот процесс в значительной степени стимулировался самим капитализмом, но, вероятно, изначально он был вызван и впоследствии стимулировался тем обновлением, которое благодаря влиянию религии каждый еврей переживал в своей жизни. Человек иудейский (*homo judaeus*) и человек капиталистический (*homo capitalisticus*) в той мере принадлежат к одному и тому же виду, в какой оба они оказываются *homines rationalistici artificiales* (искусственным порождением разума).

Но поскольку это так, рационализация еврейской жизни через религию должна была, если не напрямую породить предрасположенность евреев к капитализму, то, по крайней мере, усилить ее и умножить.

VI. Израиль и чужие

Перебирая в памяти те внешние обстоятельства, которые способствовали продвижению еврея на экономическом поприще, мы должны вспомнить о таком принципиально важном факторе, как отчуждение, в котором еврейскому народу приходилось жить веками: отчуждение, понимаемое в социально-психологическом смысле. Здесь надо уяснить, что корни этого отчуждения надо искать в религиозных установлениях, надо понять, что сама религия во все времена обостряла и усиливала чувство отчуждения, переживаемое евреем.

Мы проследили, как иудейская религия развилась до уровня номократии, и надо сказать, что именно это раз-

вите естественным образом способствовало обособлению евреев. «Закон вселил в них кастовый дух», — метко заметил *Леруа-Болье*, который вообще довольно удачно описал эту сторону еврейской истории. Самого наличия *такого* закона уже достаточно для того, чтобы лишить его приверженцев всякого общения с окружающим миром. Евреи *должны были* жить отдельно от гоев, если действительно хотели строго соблюдать свой закон: они сами создали гетто, которое с точки зрения нееврея изначально представляло собой уступку, привилегию, а не какое-то враждебное к евреям отношение.

Кроме того, они *хотели* жить обособленно, потому что считали себя выше своего окружения, ощущая себя богоизбранным народом священников. Впоследствии раввины сделали свое дело, чтобы взрастить в них эту гордость, и она живет в них со времен Ездры, который запретил смешанные браки как осквернение благородной еврейской крови, и до сегодняшнего дня, когда благочестивый еврей, молясь, говорит: «Благословен Ты, Господи, за то, что не создал меня гоем!»

Они жили обособленно на протяжении всех веков со времен рассеяния, несмотря на рассеяние и (благодаря тем прочным узам, которые наложил на них их закон) по причине рассеяния. Они жили обособленно и поэтому жили сплоченно или, лучше сказать, жили сплоченно и потому обособленно.

Тяга к *сплоченности* началась со времен вавилонского плена, который, по существу, заложил основы позитивного еврейского интернационализма. Многие, в основном зажиточные, евреи остались в Вавилоне (добровольно!), но не расстались со своей религией и единоверцами, а напротив, ревностно утверждали эту связь. Они поддерживали тесные отношения с возвратившимися в Палестину братьями, принимали деятельное участие в их судьбе, всячески поддерживали их и время от времени присылали им пополнение (484).

После образования греческой диаспоры их связи не ослабли. «Они держались очень сплоченно в различных городах и во всем мире. Где бы они ни находились, ногой

они стояли на Сионе. Их родиной была пустыня, в которой они были как дома... Диаспора рассеяла их по всему миру. В эллинистических городах они усвоили греческий уклад и язык, который был лишь облачением их еврейской сущности...» (Веллхаузен).

Так продолжалось на протяжении всех веков, когда они жили в изгнании, и связи, соединявшие их воедино, становились, наверное, даже крепче. «Ты знаешь, как они единокорны», — восклицает Цицерон (485), а из времен Римской империи мы знаем о том, что во время восстания 130 г. «все еврейство как внутри страны, так и за ее пределами пришло... в волнение и более или менее открыто помогало иорданским мятежникам» (486). И сегодня все происходит точно так же, когда какого-нибудь еврея высылают из какого-нибудь русского города.

Они жили сплоченно и потому обособленно: их отчужденность, тяга к обособлению своими корнями уходят в глубокую древность. Все народы замечали их «мизоксению», в которой их, как известно по источникам, впервые упрекнул *Гекатей* из Абдер (около 300 г. до н. э.). Потом о ней упоминали многие древние авторы и почти всегда одними и теми же словами (487). Самым известным является отрывок из *Тацита*, который гласит: «Иудеи охотно помогают друг другу, зато ко всем прочим людям относятся враждебно и с ненавистью. Они ни с кем не делят ни пищу, ни ложе, избегают чужих женщин, хотя до крайности преданы разврату...» (Корнелий Тацит. История. Соч. в 2-х т. / Пер. Г. Кнабе. Л., 1969. Т. 2. С. 191).

Иудейские апологеты, писавшие для евреев, никогда не пытались опровергнуть такие обвинения, слово говоря, что да, мол, мы таковы (488).

Они, конечно, держались (и держатся) так сплоченно и часто замыкаются в себе еще и потому, что народы, среди которых они живут, своими законами и враждебным поведением заставляют их так себя вести, но изначально это происходит потому, что они сами так захотели и стали так жить, подчиняясь своей судьбе, которой была их религия. Связь действительно такова, и это ясно видно, когда мы смотрим на поведение евреев там, где им жи-

лось неплохо и где народы, среди которых они жили, относились к ним вполне сочувственно. Так было в определенные периоды античности, о которых я специально собирал документальные материалы, так было и в эпоху средневековья. Так, например, обстояли дела в I в. н. э. в Аравии. В ту пору аравийские евреи, унаследовавшие иудейское вероучение в том виде, какой ему придали *таннаи* (законоучители) и *амораи* (разъяснители), воспринимали его как нечто в высшей степени святое. Они строго соблюдали законы о пище, праздниках и посте (Киппур), а также строго чтити субботу. «Хотя в тех гостеприимных странах, где они жили, им было не на что жаловаться, они жаждали возвращения в Святую землю своих отцов и каждый день ожидали прихода Мессии... Они поддерживали тесные связи с евреями Палестины» (489). Такая же картина складывается и в мавританской Испании: если музарабы, то есть христиане, жившие среди мусульман, настолько растворялись в арабском мире, что забывали родной язык (готическую латынь), переставали понимать свой символ веры и стыдились христианства, то испанские евреи по мере получения более основательного образования начинали еще трепетнее и любовнее относиться к своему языку, Священным Писаниям и унаследованной религии (490). Об этом свидетельствует творчество их мыслителей и поэтов: самые известные еврейские поэты, которых породило средневековье (в арabo-испанском мире, где к ним довольно долго относились с почтением) ориентированы строго «национально», все они глубоко религиозны, черпают творческие силы в мессианских упованиях и преисполнены неодолимой тяги в «Сион, град, изобилующий благодатью» (491). Вспомним о самом известном из них, Иегуде Галеви, «*Сиониды*» которого, являясь высшим проявлением новоеврейской поэзии, насквозь проникнуты национальным духом.

Как нерассеянное облако плывет иудейство по голубому небу истории, во всякое время подкрепляя себя яркими воспоминаниями о древних, священных временах как глотком свежего воздуха. И сегодня благочестивый еврей

благословляет детей словами: «Да поможет тебе Бог стать таким, как Ефрем и Манассия».

Важным результатом такой сплоченности и обособленности еврейского народа, обусловленной их религией, стало уже отмеченное и оцененное нами отчуждение, сильно сказавшееся на характере экономической жизни: как только еврей покидал гетто, всякое общение с другими людьми становилось общением с чужаками. Я уже говорил, почему здесь я еще раз подчеркиваю этот момент: я делаю это для того чтобы показать, что весьма своеобразные отношения, естественным образом проистекающие из состояния отчужденности, в котором находился еврей, сознательно оправдывались иудейской религией и доводились до предела, что и здесь инстинктивное поведение еврея как чужака среди представителей другого народа воспринималось как исполнение божественной заповеди; его особое поведение получало освящение как сохранение заповеданной верности закону и одобрялось (если не требовалось) в искусно разработанном праве, содержащем правила пребывания на чужой земле.

Самой важной и наиболее часто обсуждаемой статьей этого права является положение о запрете на *взимание процента* (подати) или, точнее говоря, разрешение на это взимание. В древнем иудействе (492), как и во всех других сообществах, где начинала зарождаться культура, беспроцентный заем (насколько мы знаем) представлял собой единственно допустимую или скорее само собой разумеющуюся форму взаимовыручки. Однако уже в самом древнем законе можно найти постановления, говорящие о том, что процент можно брать «с чужака» (то есть не с собрата, что обычно и наблюдалось почти повсюду).

Основным отрывком, в котором об этом говорится, является отрывок из Книги Второзакония (Втор. 23, 20). Можно назвать и другие места в Торе, где говорится о взимании процента: Исх. 22, 25; Лев. 25, 37. С этими отрывками связана довольно оживленная дискуссия, начавшаяся во времена таннаев и не прекращающаяся по сей день: ее средоточием является знаменитое толкование, данное в Талмуде (Baba mezia fol. 70b). У меня складыва-

ется впечатление, что немалая доля этой полемики служит лишь тому, чтобы всевозможными софизмами затемнить совершенно ясную картину, как она представлена в Торе (которая к тому же остается почти неизменной и в Мишне). В упомянутом отрывке из Второзакония ясно сказано: «Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Господь, Бог твой, благословил тебя во всем, что делается руками твоими...» (Втор. 23, 20). Надо, однако, отметить, что в этом древнем тексте сокрыта некоторая двусмысленность: дело в том, что в еврейском языке будущее время и повелительное наклонение не отличаются друг от друга и поэтому данный отрывок можно понимать как в том смысле, что ты «можешь» отдать («отдашь») в рост иноземцу, так и в том, что ты «должен» отдавать ему «в рост» (что всегда означает одно: брать проценты).

Для нас вполне достаточно одного: в Священном Писании верующий находил отрывки, в которых ему *по меньшей мере* дозволялось взимать проценты (в общении с гоями), и таким образом, на протяжении всего периода средних веков он не знал того ужасного бремени запрета на проценты, под которым тяжело вздыхали христиане. Однако, насколько я знаю, раввины никогда всерьез не обсуждали это *право* (493). Вне всякого сомнения, бывали времена, когда разрешение брать процент переистолковывалось в обязанность делать это в общении с иноземцами, то есть чаша весов склонялась в пользу более категоричного прочтения упомянутого отрывка из Книги Второзакония.

Это были как раз те времена, когда практическая жизнь значило много: времена позднего средневековья. Кажется, что современные авторы, занимающиеся этой проблемой, не обращают внимания на тот факт, что данный отрывок находится среди заповедей, среди повелений, которыми израильтяне руководствовались в жизни: *традиция* учило, что иноземцу *должно* отдавать в рост.

В таком виде данная заповедь (а именно заповедь 198) перешла и в *Шулхан Арух*. Нынешние раввины (494), которым (что, конечно же, вполне понятно!) такие предпри-

сания еврейского права, касающиеся иноземцев, кажутся не совсем удобными (хотя почему, собственно?), стремятся ослабить радикальный смысл таких постановлений, утверждая, что под «чужаками», «чужеземцами» понимаются не все неевреи, а только «язычники», «идолопоклонники». Однако всегда оставалось весьма неясным, кто же именно относится к первой или второй категории, и верующий, запечатлевший в своей памяти ту же 198-ю заповедь, не проводил тех тонких различий, которые делали ученые раввины: ему было достаточно и того, что человек, которому он дал деньги под проценты, не был евреем, не был товарищем, не был его ближним, а оставался гоем.

А теперь подумаем о том, в каком совершенно ином положении (по сравнению с благочестивым христианином) оказался благочестивый еврей, когда практика денежных займов начала распространяться в Европе и постепенно стал зарождаться капитализм. Если набожный христианин, «занимавшийся мздоимством», на смертном одре начинал испытывать муки совести и в раскаянии был готов отринуть от себя все нажитое, потому что оно жгло ему душу как нажитое неправедным путем, набожный еврей на закате жизни с довольной усмешкой окидывал взором сундуки и ларцы, набитые цехинами, которые он за свою долгую жизнь нажил, мало-помалу обирая впавших в нужду христиан (или мусульман): когда он взирал на них, его благочестивое сердце преисполнялось радости, потому что всякий грош, полученный в качестве процентов, воспринимался им почти как жертва, которую он принес своему Богу.

Тот факт, что положение «чужака» в еврейском (божественном) праве было особенным, что соблюдение обязательств по отношению к нему никогда не было таким строгим, какими оно было по отношению к «ближнему», то есть еврею, можно отрицать только по незнанию или преисполнившись злонамеренности. Само собой разумеется, что на протяжении веков правовые понятия (и прежде всего, наверное, устоявшиеся бытовые представления) о том, как надо относиться к чужакам, менялись, но

основная мысль, согласно которой к чужаку еврей мог относиться не с таким тщанием, как к своему соплеменнику, оставалась неизменной со времен Торы. Такое впечатление остается от любого непредвзятого исследования Священных Писаний (прежде всего Торы, а также Талмуда, различных кодексов и наставлений). И сегодня раввины в своих апологетических сочинениях в первую очередь акцентируют внимание на известных отрывках из Торы (Исх. 12, 49; 23, 9; Лев. 19, 33–34; 25, 44–46; Втор. 10, 18–19), чтобы доказать, что еврейский закон «дружелюбно» относился к иноземцам, однако, во-первых, не следует оставлять без внимания «устную» традицию Галахи (о которой, собственно, здесь прежде всего и идет речь), а во-вторых, даже в упомянутых местах из самой Торы хотя и содержится увещание хорошо относиться к «иноземцу» (причем надо отметить, что в древней Палестине под этим словом понималось нечто совсем иное, чем позднее в рассеянии: «гер» и «гой» — принципиально разные понятия), итак, даже если там и содержится призыв хорошо относиться к «иноземцу» («пришельца не обижай... потому что сами были пришельцами в земле Египетской» (Исх. 23, 9), рядом все равно появляется указание (или разрешение) не наделять его всей полнотой права, которое положено еврею: «Прощение же состоит в том, чтобы всякий заимодавец, который дал взаймы ближнему своему, простил долг и не взыскивал с ближнего своего или с брата своего: ибо провозглашено прощение ради Господа. С иноземца взыскивай, а что будет у брата твоего, прости» (Втор. 15, 2–3). Здесь мы снова имеем ту же самую картину, какую наблюдали в ситуации с взиманием процентов, а именно различное отношение к еврею и нееврею. Само собой разумеется, что с течением времени правовые ситуации, в которых нееврей пользовался меньшими правами, чем еврей, постоянно увеличивались, и в последнем кодексе их уже довольно много. Приведем следующие разделы из *Кошен Хамишпат* (которые, конечно же, не являются единственными, где отмечаются иные правовые возможности чужеземца): 188, 194, 227, 231, 259, 272, 283, 348, 398 и т. д.

На мой взгляд, на экономической жизни правовое положение «иноземцев» и «чужаков» серьезно сказалось двояким образом.

Прежде всего дискриминационное отношение к неевреям, выраженное в еврейском промышленном и торговом праве, привело не только к более небрежному обращению с «чужими» (и тем самым обострилась тенденция, лежащая в основе всякого общения с «чужаками»), но и способствовало ослаблению деловой морали, если можно так выразиться. Я, конечно же, согласен с тем, что все это не возникло с какой-то непреложной необходимостью, но тем не менее такая ситуация вполне могла возникать и наверняка во многих случаях возникала главным образом в кругах восточных евреев. Если, например, одно из положений гласило (и, кстати, оно довольно часто обсуждалось), что ошибку в расчетах, совершенную язычником («чужаком»), израильтянин может использовать себе во благо, не делая это предметом обсуждения (такое положение появилось в Кодексе Иакова Ашера, а что касается Кодекса Иосифа Каро (*Шулхан Арух*), то поначалу его там не было, но потом оно было привнесено туда благодаря комментарию Иссерлина, то такое понимание права (а им проникнуты многие другие места в Законе) почти наверняка должно было пробуждать в сердце благочестивого еврея уверенность в том, что в общении с «чужими» он вообще может быть не слишком щепетильным. Поэтому с субъективной точки зрения он мог вообще не чувствовать себя виноватым в каком-либо безнравственном умонастроении или поступке (оставаясь в общении с товарищами вполне пунктуальным и очень тщательно соблюдая чрезвычайно строгие предписания Закона) (495): он мог действовать с полной уверенностью в своей правоте, когда несколько «обсчитывал» «чужого». Иногда, правда, ему напрямую говорилось о том, что он должен быть честным *и по отношению к «чужому»* (например, Ch. A. 231), но это действительно надо было сказать напрямую, тогда как там же (Ch. h. 227. 26) вполне ясно говорилось и о том, что «на нееврее можно нажать, ибо сказано в Писании (Лев.

25, 14), что „если будешь продавать что ближнему твоему или будешь покупать что у ближнего твоего, не обижайте друг друга“» (в данном случае речь идет не о каком-либо обмане, а просто о несколько завышенной цене, которая взимается с чужака).

По-видимому, совершенное размытое представление о том, что «чужого» можно в какой-то мере обмануть, что в общении с ним можно на некоторые вещи смотреть сквозь пальцы (зная, что при этом ты не совершаешь никакого греха), начало обретать четкие очертания там, где в изучение Талмуда вкрадывается формальное крючкотворство, например во многих еврейских общинах Восточной Европы. О том, как все это разлагающим образом влияло на деловую этику евреев, свидетельствует *Грети*, отрывок из которого я хотел бы привести здесь без сокращений (так как в данном случае он является безупречным свидетелем и кое-что проясняет в экономической деятельности ашкеназов). Итак, вот что он пишет: «Хитрость и изворотливость, адвокатское лукавство, шутовское остроумничанье и поспешное неприятие всего того, что не вмещается в их кругозор, — все это стало... характерной чертой польского еврейства... Честность и чуткое восприятие прав другого стали в них редкостью, равно как искренняя простота и чувство правды. Эта шайка училась высшей хитрости, и все для того чтобы перехитрить менее хитрого. В обмане и умении перехитрить она находила усладу и некую радость победителя. Правда, по отношению к соплеменникам хитрость не очень удавалась, потому что они тоже были не лыком шиты, но нееврейский мир, с которым она общалась, себе во вред признавал превосходство талмудического духа польских евреев... Беспринципность польских евреев жестоко сказалась на них самих и привела к тому, что прочее европейское еврейство на какое-то время заразилось польским духом. Когда (в результате казацких преследований) евреи начали покидать Польшу, остальное еврейство словно ополчилось» (496).

Второе, быть может, более важное следствие особого отношения к чужакам, выраженное в еврейском праве,

заклучалось в том, что почти повсюду поменялось представление о сущности торговой и промышленной деятельности, а именно довольно рано она начала осмысляться в ракурсе, так сказать, свободной торговли и свободного предпринимательства. Увидев в евреях основоположников упомянутой свободной торговли (а тем самым и зачинателей капиталистической формы хозяйствования), мы приходим к выводу, что не в последнюю очередь они были подготовлены к этому рано усвоенным и развившимся духом свободного предпринимательства (который всегда имел значение божественной заповеди), и кроме этого хотим сказать, что это свободное осмысление права, по-видимому, в немалой степени претерпело влияние тех правовых норм, которыми в иудейском праве регулировалось отношение к «иноземцам». В конце концов можно довольно четко проследить, что именно в общении с «чужими» в первую очередь происходит размывание принципов лично ориентированного права и замена его идеями безличной свободной экономической деятельности.

Отмечу некоторые моменты.

В Талмуде и упомянутых кодексах политика установления цен в общении с единоверцами еще целиком и полностью определяется идеей «справедливой цены» (*justum pretium*) (что характерно вообще для всего средневековья), хотя в то же время в соответствии с идеей пропитания предполагается и «регулировка» цен: по отношению к нееврею «справедливая цена» может не иметь места и «современное» ценообразование рассматривается как естественное (Ch. h. 227, 26; ср. В. т. 49b и след.).

Однако откуда бы ни возникло такое представление, важен сам факт, согласно которому уже в Талмуде, а в еще более четком виде в кодексе *Шулхан Арух* заявляют о себе идеи свободного предпринимательства и свободной торговли, которые были совершенно чужды всему христианскому праву средневековья. Обоснованное и доскональное подтверждение этой мысли путем глубокого и систематического исследования источников снова стало бы благодарной задачей для проницательного историка

права и экономики. Здесь я снова вынужден удовольствоваться лишь некоторым отрывками, которые, на мой взгляд, вполне подтверждают правильность моего утверждения, поскольку прежде всего именно в Талмуде и названных кодексах мы встречаем места, в которых содержится принципиальное признание идеи *свободной конкуренции* между всеми, кто занимается торговлей (и, следовательно, признание того делового поведения, которое, как мы это уже видели в другой связи, противоречило всякому докапиталистическому и раннекапиталистическому представлению о том, как должен себя вести порядочный торговец). «Равви Йехуда учит: „Торговец не должен угощать детей колосьями и орехами, ибо таким образом он приучает их ходить к нему, однако мудрецы это позволяют. Также не должно снижать цену, однако мудрецы полагают, что памятование о нем будет во благо. Не должно собирать раскрытые бобы. Так считает Авва Саул; мудрецы же, напротив, позволяют это“» (В. m. Fol. 60 ab).

«В чем причина такого мнения?» — спрашивает Гемара и отвечает: «*Ибо можно сказать так: я раздаю орехи, а ты раздавай сливы*».

В Мишне говорится: «Также не должно сбивать цену, однако мудрецы говорят, что памятование будет во благо и т. д. В чем причина? В том, что он расширяет [понижает] цену».

Когда мы переходим к кодексу *Шулхан Арух*, мы видим, что все рассуждения, порицающие свободное предпринимательство, полностью исчезают и остается только «прогрессивное» представление на этот счет: «*Торговцу дозволяется дарить детям, которые приходят к нему за покупками, орехи и прочее в этом же роде, дабы привлечь их к себе, и кроме этого он может осуществлять продажу по ценам, которые ниже установленных на рынке, причем рыночные торговцы не должны против этого возражать*» (Ch. H. 228, 18).

Примерно так же звучит и другое определение из этого же кодекса: торговцы, приезжающие в какой-либо город для сбыта своих товаров, подвергаются различным

ограничениям, однако если «чужие продают свои товары дешевле и если эти товары лучшего качества, чем у городских торговцев, последние не должны им препятствовать, так как еврейское население имеет от этого пользу» (Ch. h. 156, 7). В другом месте говорится о том, что если какой-либо еврей дает нееврею деньги под заниженные проценты, прочие не должны ему в этом препятствовать.

Кроме того, анализируя еврейское право, мы видим, что в нем косный принцип монополии на промышленное предпринимательство теснится идеей «свободы промысла» (по меньшей мере так говорится в *Шулхан Арух*, где, в частности, сказано, что если среди жителей какого-либо города был человек, занимавшийся определенным ремеслом, и прочие жители не возражали против его занятия, и если кто-либо другой из этих жителей захотел заняться тем же ремеслом, то первому не надо ему мешать и говорить, что вот, мол, он отбирает у меня хлеб, даже если второй будет жить совсем рядом с первым (Ch. h. 156, 5).

Итак, не подлежит никакому сомнению: Бог желает свободной торговли, Бог хочет свободного предпринимательства! Какой мощный стимул для того, чтобы на самом деле осуществить эту идею в экономической жизни!

VII. Иудаизм и пуританство

Я уже говорил по разным поводам о том, что заняться иудаизмом меня в немалой степени побудили исследования *Макса Вебера*, посвященные влиянию пуританства на развитие капитализма, и прежде всего потому, что у меня начало складываться впечатление, что основные идеи пуританства, имевшие принципиально важное значение для капиталистического развития, гораздо ярче и, конечно же, гораздо раньше заявили о себе в иудейской религии. Здесь я не могу подробно обосновать, насколько такое предположение является правильным: для того чтобы сделать это, мне пришлось бы сравнить

выводы, к которым я пришел в этой главе, с основными идеями пуританства, очерченными Максом Вебером. Тем не менее мне кажется, что такое сравнение в действительности выявило бы полное совпадение иудейских и пуританских воззрений, по крайней мере в том, что касается исследуемых здесь связей, а именно превалирование религиозных интересов, идея испытания и воздаяния и (прежде всего!) рационализация жизни, а также аскетический жизненный уклад, связь религиозных представлений с интересами приобретательства, своего рода бухгалтерское отношение к проблеме греха и некоторые другие моменты, в обоих случаях оказывающиеся идентичными.

Кроме того, еще раз обратим внимание на один особенно важный момент, а именно на своеобразное отношение к проблеме пола, на то, что в иудаизме и пуританстве рационализация половых отношений совпадает до мельчайших подробностей. В одном из первых отелей Филадельфии я обнаружил такое объявление: «Уважаемые гости, покорнейше просим вас во время деловых переговоров с женщинами оставлять открытой дверь в ваш номер». В Талмуде мы тоже читаем о том, что если кто-либо имеет дела с женщинами, ему не следует оставаться с ними наедине (Kidd. 82 a).

Достаточно сравнить английское воскресенье с еврейской субботой, чтобы сразу же понять, что первое по сути дела является вторым. Отметим, что внутренние отношения между иудаизмом и пуританством стали предметом исследования *Джона Доу*, хотя в его работе и нельзя найти достаточно удовлетворительных результатов (см.: *John G. Dow. Hebrew and Puritan // Jew. Quarterly Review. 1891. Vol. 3. P. 52 ff.*). Кроме того, мне хотелось бы вспомнить и о том, что проницательный Генрих Гейне уже давным-давно усмотрел родство между пуританством и иудаизмом: «Разве шотландские протестанты, — спрашивает он, — не те же евреи — ведь их имена сплошь библейские, в языке слышится что-то иерусалимско-фарисейское, а религия — сплошной иудаизм, только пожирающий свинину?»

Итак, *пуританство — это иудаизм*, и я полагаю, что, основываясь на исследованиях Макса Вебера и моих, теперь нетрудно усмотреть эту духовную связь, даже духовное родство.

Труднее ответить на другой вопрос: *можно ли объяснить внешнее влияние пуританства иудейской религией и какого рода это влияние?* Все знают о том, какие тесные связи возникли между иудаизмом и некоторыми христианскими сектами во время Реформации, все знают о моде на изучение еврейского языка и культуры. Кроме того, хорошо известно и о том, что в XVII в. в Англии перед евреями почти преклонялись, особенно пуритане. Дело не только в том, что религиозные убеждения таких известных деятелей, как *Оливер Кромвель*, были целиком укоренены в Ветхом Завете: известно, что Кромвель мечтал о том, чтобы примирить Ветхий Завет с Новым, мечтал об установлении тесных внутренних связей между еврейским богоизбранным народом и английской пуританской духовной общиной. Пуританский проповедник *Натанаэль Холм (Гомезий)* ничего так страстно не желал, как исполнения некоторых пророческих библейских стихов, по которым он мог бы стать рабом Израиля и коленопреклоненно служить ему. Вся общественная жизнь и церковные проповеди были прямо-таки проникнуты еврейской тональностью, и если бы вдобавок ко всему парламентарии начали выступать на еврейском языке, можно было бы подумать, что ты оказался в Палестине. Левеллеры, называвшие себя «иудеями», требовали, чтобы Тора на законодательном уровне была объявлена нормой жизни английского общества, а офицеры Кромвеля предложили ему сформировать государственный совет из семидесяти членов по числу участников синедриона. В парламенте 1653 г. заседает генерал Томас Гаррисон, анабаптист, который вместе со своей партией желает сделать Моисеев закон нравственной нормой английской жизни, а в 1649 г. в парламент вносится законопроект, предусматривающий перенос воскресенья на субботу. «Иудейский лев», — такая надпись была начертана на знаменах победоносных пуритан (497). Известно также,

что в ту эпоху христианское духовенство и миряне основательно изучали не только Ветхий Завет, но и раввинскую литературу. Вполне можно предположить, что учение пуритан было напрямую связано с теми или иными положениями иудаизма, и внести ясность в этот вопрос еще предстоит церковным историкам, а пока мы ограничились лишь некоторыми указаниями.

В завершение я хотел бы вспомнить об одной забавной книжице, которая была опубликована в 1608 г. и содержание которой, по всей видимости, говорит о распространенной в ту пору точке зрения, усматривавшей довольно тесную духовную связь между пуританством (кальвинизмом) и иудаизмом. Она называется «Кальвинистское еврейское зеркало», и в ней на тридцать третьей странице следующим забавным образом обсуждается связь между обоими религиозными сообществами: «Ежели бы мне довелось под клятвою поведать об истинной причине того, почему я стал кальвинистом, я должен был бы признать, что к этому меня подвигло лишь то, что нигде, кроме кальвинизма, я не обнаружил такого сходства с иудейством как в вере, так и в образе жизни...». Далее следуют причины, отчасти вполне серьезные, отчасти подающиеся как сатира. «8) Евреям ненавистно имя Марии, и они терпят ее лишь тогда, когда она изображена золотом и серебром или начеканена на деньгах, и мы также не слишком это имя чтим, но охотно принимаем и почитаем гроши и кроны, на коих Мария запечатлена, равно как ее изображения на серебре и золоте, полезные в наших делах; 9) Евреи расползлись по всем землям в своем стремлении обманывать народ, и мы также покидаем свое отечество и устремляемся в иные земли, где нас еще не знают и посему ценят и где мы, прибегнув ко лжи и хитрости, уподобляемся лукавым бродягам... которые соблазняют неразумных и приводят к нам...».

Вот так!

Глава двенадцатая

ЕВРЕЙСКАЯ САМОБИТНОСТЬ

І. Суть проблемы

Поистине немало усилий требуется, для того чтобы рассмотреть в научной книге ту проблему, которая обозначена в заголовке данной главы. Дело в том, что в последнее время во всем, что хоть как-то ориентировано на изучение психологии различных народов, по своему усмотрению заправляют дилетанты, а проблему еврейского своеобразия косные умы, наделенные грубыми инстинктами, превратили в политическое игрище, которое вызывает лишь отвращение и скуку у всех тех, кто в наше хамское время еще не утратил вкус и беспристрастность. Безответственное и непрерывное злоупотребление понятиями, взятыми из области исследования психологии различных народов, уже привело к тому, что сформировался целый сонм всевозможных причин, призванных к тому, чтобы доказать, что с научной точки зрения вообще нельзя ничего сказать о коллективной психологии того или иного народа. Когда читаешь книги *Фридриха Герца*, *Жана Фино* и прочих авторов (498), складывается впечатление, что отыскивать в какой-либо совокупности людей какие-либо психологические соответствия — дело безнадежное, что все, кто до сих пор стремился заложить основы психологии народов как науки, гонялись за призраком. Прекрасное строение лежит в развалинах и кажется, что теперь его уже не удастся восстановить.

И все-таки, какими бы убедительными ни были доводы различных критических исследований, как бы мы ни стремились, просиживая над ними целыми днями или неделями, к тому, чтобы изгнать химерические представления о сущности какого-либо народа или человеческого сообщества, навязанные нам прежними авторами, занимавшимися этой проблемой, как бы ни восторгались изысканным стилем того же *Жана Фино*, который, эле-

гантно изгоняя в мир сказок старый миф о каком-то французском «духе», обстоятельно и остроумно доказывает нам, что никаких французов вообще не существует, как бы ни убеждал нас Фридрих Герц, что евреев как таковых тоже нет, стоит нам выйти на улицу и посмотреть по сторонам, как мы тотчас, охваченные удивлением, восклицаем: «Да вот же тот человек, которого мы только что похоронили!» Читая книгу или разглядывая картину, мы неожиданно ловим себя на таких мыслях: «Вот подлинный немец, а вот человек явно провинциального склада, а это француз», — и перед нашим духовным взором как живые предстают все эти вполне самобытные люди, которым мы, прибегая ко множеству доводов, отказали в праве на существование в этом мире.

Так что же, быть может, это лишь игра нашего воображения?

Когда мы такое встречаем, нас охватывает не только какое-то инстинктивное чувство: трезвое размышление тоже заставляет нас включить в причинно-следственную цепь нашего анализа человеческих судеб такое звено, которое мы назвали бы своеобразием, самобытностью того или иного народа. Я хотел бы сказать, что все социальные науки чувствуют необходимость в построении таких вспомогательных конструкций, как психология того или иного народа, дабы как-то упорядочить пестрое многообразие отдельных фактов; мы должны принять понятие коллективной души (пусть пока меня извинят за это слово, смысл которого я вскоре объясню) как некую субстанцию социального мира, чтобы связать с ним все разнообразие витающих в воздухе общественных импульсов, все массовые явления, ставшие предметом нашего исследования. Таким образом, гипостазирование коллективной души — логическая необходимость для социального исследователя.

Пояснить сказанное поможет само содержание нашей книги: когда мы говорим об иудейской религии, кого мы имеем в виду в качестве ее носителя, как не еврейский народ, который во всем его своеобразии до последних мелочей как нельзя лучше отвечает своеобразному же явле-

нию, а именно формированию его религиозных представлений? Связь очевидна, причем ее может заметить даже неискушенный взор.

Однако даже тогда, когда мы стремимся объяснить влияние евреев на развитие экономики «объективными» обстоятельствами, не грешат ли эти объяснения самыми настоящими пробелами, если мы не признаем совершенно явного еврейского своеобразия? Я считаю, что даже беглый обзор результатов наших исследований заставит нас без колебаний согласиться с этой мыслью. Ведь, в конце концов, не абсурдно бы было предположить, что развитие экономики не претерпело бы никаких изменений, если бы вместо евреев на исходе средних веков в западноевропейских странах появились эскимосы или гориллы?!

Рассмотрим по-порядку все «объективные» обстоятельства. *Присутствие евреев во многих странах мира:* здесь надо сказать, что ни возникновение диаспоры, ни ее своеобразное влияние на хозяйственную жизнь других народов нельзя в полной мере объяснить без учета чисто субъективного фактора. Надо хорошо понимать, что рассеяние по миру того или иного народа еще ничего не решает, что такое рассеяние вовсе не обязательно приводит к экономическому или какому-либо культурному влиянию на прочие народы, что, наконец, оно вполне может привести к уничтожению рассеянного народа, к его исчезновению.

Обычно говорят (и вполне основательно), что рассеяние евреев по всему миру сделало из евреев знатоков чужих языков. Но разве из этих переводчиков давным-давно не выросли торговые посредники и доверенные лица правителей? И разве для этого также не требовалось какого-то особого, своеобразного дарования?

Мы сразу же объяснили немалую долю их успеха в международной торгово-кредитной системе их рассеянием. Да, это действительно так, но не является ли предпосылкой такого успеха тот факт, что, даже рассеявшись по всем странам, евреи *продолжали держаться вместе?* Если бы они не поддерживали на должном уровне все

свои внешние и внутренние связи, разве бы они не уподобились другим народам, разбросанным по всему миру и не сохранившим единства?

Я сам говорил, что рассеяние евреев по всем миру в последние несколько веков стало значимым благодаря тому, что они селились среди народов, созревших для развития капитализма. Однако, с другой стороны, сильное влияние, которое евреи оказали (и продолжают оказывать) на экономику Голландии, Англии, Австро-Венгрии (влияние, которое, конечно же, гораздо сильнее, чем то, которое они имели в Испании, Италии, Греции или среди арабов), в немалой степени можно объяснить различием между ними и новыми народами, среди которых они оказались. Чем тяжелее, тягостнее оказывается их окружение, чем враждебнее настроен тот или иной народ к различным промышленным и торговым начинаниям, тем большее влияние оказывают евреи на развитие экономической жизни, и это, вероятно, опять-таки объясняется их вполне конкретной самобытностью.

В чем бы ни крылась причина *внутренней отчужденности* евреев, ее особое влияние на экономическую жизнь снова нельзя в полной мере объяснить без признания еврейского своеобразия. Если какой-либо народ или часть народа окружают ненавистью и преследуют, это еще не является достаточным основанием для того, чтобы такой народ удваивал свою напряженную деятельность: в большинстве случаев пренебрежительное и грубое отношение морально угнетает и подавляет, и только тогда, когда человек обладает совершенно особыми качествами, помогающими преодолеть уныние и поношение, тогда они становятся источником растущей энергии.

С другой стороны, когда мы говорим о том своеобразном влиянии евреев на буржуазную жизнь, которое стало возможным благодаря их *дискриминации* (или, напротив, предоставлению каких-то *льгот*), когда мы говорим о том, что такие условия заставляли их еще сильнее стремиться к достижению каких-либо экономических успехов, можем ли мы не принимать во внимание как предпосылку их национальную самобытность? Разве не ясно,

что, если благодаря каким-то внешним обстоятельствам энергия, наконец, получает возможность вылиться наружу, необходимо, чтобы для начала она как таковая просто имелась в наличии? Разве не понятно, что там, где какие-либо внешние события заставляют человека добиваться осуществления честолюбивых желаний, этот человек должен обладать особым душевным складом? Одни и те же условия одного человека превращают в люмпена и тунеядца, а другого делают героем, способным преодолеть все на свете. Банальные истины.

И наоборот: мы видели, что правовое положение евреев в различных государствах и в разные времена было *различным*, например, менялись правила допуска к той или иной профессии. В некоторых странах, например в Англии, они сразу, как только им было разрешено туда вернуться, стали пользоваться полным равноправием с остальными гражданами, но, *несмотря на это*, они, как мы видели, стремились к освоению примерно одних и тех же профессий. В той же Англии они начинали как торговцы драгоценными металлами или лавочники и тем же самым занимались в Америке, чтобы потом распространить свою торговую миссию на весь мир. Учитывая все это, мы снова должны прийти к выводу о наличии определенного своеобразия в их характере.

Если далее мы коснемся вопроса о *богатстве*, то стоит ли «доказывать», что одного его наличия недостаточно, для того чтобы осуществить большие экономические начинания, что обладающий им, помимо прочего, должен иметь и определенные интеллектуальные качества, чтобы суметь использовать это богатство именно как капиталист?

Интересно, как будут судить о нашем времени потомки, о том времени, когда самым серьезным образом сомневались в том, что евреи устроены не так, как зулусы, когда надо было прежде извиниться, если ты вообще решил заговорить о своеобразии того или иного народа? И тем не менее нас заставляют это делать многочисленные недалёковидные толкователи истории, которые всюду откладывают свои яйца.

Хочу также сказать, что научная потребность в исследовании психологии различных народов становится все более ощутимой и в другом аспекте, а именно там, где работают «расовые теоретики», антропологи и краниологи. Можно с чувством облегчения сказать, что после последних исследований антропологическая краниология, так и не вышедшая из переходного возраста, приказала долго жить. Сегодня ни одному серьезному антропологу не придет на ум на основании изучения строения черепа или других соматических особенностей всерьез говорить о той или иной психологической конституции человека. По-видимому, прекрасная мечта о благородных носителях удлинённых черепов, противоборствующих своим круглоголовым заурядными противникам, мечта о том, что целые культуры можно как-то увязать с типологическим перечнем различных черепов, окончательно умерла. Сегодня едва ли можно представить, что кто-то дойдет до такой наглости, что, нисколько не утруждая себя хотя бы малой долей доказательств, заявит о том, что упомянутый перечень определяет строй души того или иного человека.

В то же время сегодня как никогда мы стремимся к тому, чтобы установить связи между соматическими и психологическими особенностями человека, ищем доказательства существования таких связей и чувствуем необходимость вернуться к тем знаниям, которые что-то говорят об этнической психологии. Скоро станет ясно, что надо идти по проложенному пути в обратную сторону, то есть сначала попытаться выявить психологические особенности той или иной группы людей, а потом установить параллели между ними и ее соматическими признаками и посредством постоянного сравнительного анализа обоих рядов попытаться выйти к закономерным соотносительным связям. Предпосылкой такого метода, в научном смысле совершенно безупречного, являются, конечно же, хорошо обоснованные и научно подтвержденные данные коллективной психологии.

Возможна ли такая психология? Я думаю, да. Если мы как следует изучим все те возражения, которые против

нее выдвигаются, то скоро обнаружим, что сомнения вызывает лишь неправильное применение ее данных, но не она сама как таковая. Хотя здесь и не место детально обосновывать возможность существования коллективной психологии, я все-таки хотел бы высказать несколько соображений о том, как надо понимать эту науку.

Мы хотели бы заняться исследованием психологического своеобразия какой-либо группы людей, и поэтому я говорю о коллективной психологии в противоположность психологии индивида, а также в противоположность тому, что недавно стали называть социальной психологией, с которой не следует смешивать психологию коллектива. Социальная психология, которая в последнее время дала целый ряд заслуживающих внимания разработок (вспомним об *Эйленбурге*, *Зиммеле*, а также о *Вундте*, хотя он и пользуется другой терминологией), стремится к тому, чтобы выявить и проанализировать те психологические явления, которые берут начало в факте обобщения, тогда как коллективная психология стремится к постижению психологического своеобразия какой-либо группы. Здесь возникает первый важный вопрос: что мы понимаем под определенными психологическими свойствами какой-либо группы? Что мы имеем в виду, когда говорим, что немцы задушевные, славяне музыкальны, пролетариат рационалистичен, большие города такие-то, германская нация такая-то, профессора вот такие, а евреи такие, и так далее? Мы должны всегда быть готовы к тому возражению, которое выдвинет против нас наш хороший приятель, заявляя, что его умершая тетушка или канцелярский служащий Мюллер, или кто-нибудь еще, были «совсем не такими», какими мы представили людей, входящих в ту группу, к которой принадлежали они. Наш приятель знал этих людей очень хорошо, и он наверняка прав.

Так в чем же дело? Старые представители «этнической психологии» знали, как тут быть. Они изучали народы (или то, что, с их точки зрения, являлось таковым), наделяли эти народы какой-то особенной «душой», которую называли «душой народа», а потом описывали ее свойст-

ва, как описывают свойства какой-либо индивидуальной души. Сегодня эта таинственная «народная душа» всплывает под названием «психического диапазона» и парит перед глазами большинства современных «народных психологов», когда они, как, например, остроумный *Леруа-Болье*, говоря о еврейском своеобразии (499), противопоставляют «еврея и еврейскую расу», «национальную самобытность и индивидуальные способности», «Израиль как народ и еврея как индивида».

Мы не хотим, чтобы эта сфера психологических исследований занималась только «народами»: мы хотим заняться исследованием психологического состояния любой группы людей и потому говорим не об этнической психологии, не о психологии народов, а о психологии того или иного коллектива, о коллективной психологии (или, лучше сказать, о психологии масс, которая, вероятно, образует определенную область социальной психологии).

Тем не менее нас неким мистическим образом влечет к себе и понятие «души народа». Оно появляется как обманчивый туманный образ, от которого при ближайшем рассмотрении ничего не остается, который в любом случае не представляет собой ничего реального, но в мире наших представлений вполне явно занимает определенное место как вспомогательное средство в нашем логическом анализе.

Единственной реальностью являются скорее живые люди, образующие определенные группы (или же люди, которые их образовали или, при определенных условиях, еще будут образовывать). Наряду с ними существует вторая реальность: дела отдельных, конкретных людей, в той или иной мере обретшие материальность, то есть какие-либо архитектурные сооружения, плоды поэтического творчества, музыкальные произведения, те или иные технические достижения какого-либо народа и так далее. Нет сомнения в том, что такие произведения (даже потеряв связь со своими создателями или с теми, кто к ним когда-то обращался) живут самостоятельной жизнью, и мы можем постигать их сущность в их самобыт-

ном существовании, постигать внешним образом, но в то же время в соответствии с их «духом»: недаром о греческой архитектуре говорят, что она преисполнена гармонии, в то время как о египетской или вавилонской, напротив, говорят, что она предстает как воплощение идеи величия, громадности или как-либо еще. Однако если мы хотим почувствовать «душу» этих произведений, нам остается только искать их связей с живыми людьми и попытаться представить их как выражение душевных устремлений этих людей, как конкретное воплощение их деятельности, причем в данном случае мы не говорим только о конкретных создателях того или иного произведения, но имеем в виду некую личность, созданную в нашем воображении, некий идеальный персонаж. Таким образом, *психология коллектива* снова и снова отсылает нас к тем или иным индивидам как к единственной реальности, сущность которой она и стремится постичь.

Однако все эти индивиды различны, и поэтому возникает вопрос: как я прихожу к установлению того или иного свойства, отличающего всю исследуемую мной группу? Я прихожу к этому (если хочу действовать «научно») путем очень разрозненных, сложных и запутанных наблюдений и абстрагирований, слагаемые которых я сейчас вкратце охарактеризую.

Прежде всего необходимо собрать как можно больше достоверного материала, причем для коллективной психологии таким материалом являются отдельные, конкретные психологические факты). Для достижения этой цели можно использовать различные методы, хотя в общем и целом существуют два вида исследования: непосредственный и опосредованный (в данном случае, когда речь идет о психологии индивида, я имею в виду лишь психологию в расхожем смысле этого слова: так называемая «научная» психология совершенно не годится для нашей цели, так как до сих пор она так и не сумела добраться до живой человеческой души).

Непосредственное познание основывается на конкретном наблюдении за живыми людьми и всеми их проявлениями в жизни. Оно может пользоваться индуктивным

или статистическим методом изыскания. Индукция основывается на наблюдении единичного явления, и это наблюдение в свою очередь может быть двояким, а именно прямым или косвенным. Оно осуществляется напрямую в том случае, когда мы стремимся охватить своим постигающим взором самого человека и его действия (что опять-таки может происходить или путем прямого общения с ним и наблюдения за своими собственными переживаний, или путем анализа переживаний других людей, которые были с ним связаны, или, наконец, путем исследования биографий). Косвенное наблюдение и исследование имеет место тогда, когда мы от изучения обретенного материальную плоть произведения идем к душе человека, создавшего это произведение: от «Дневника» Гете — к самому Гете, от «Волшебной флейты» Моцарта — к Моцарту и так далее.

Статистика предоставляет материал наблюдений за психологическими явлениями, происходящими в массовом порядке, или (в основном) материал наблюдений за определенными симптомами, на основании которых можно составить представление о тех или иных психологических особенностях: речь идет о народных движениях, совершаемых преступлениях, круге чтения и так далее.

В результате таких исследований мы получаем целый ряд (желательно максимально длинный) определенным образом характеризуемых лиц, которых мы можем знать лично или можем пометить определенным номером как неизвестных нам. Мы определили, что эти индивиды обладают определенными свойствами, которые мы точно охарактеризовали как свойства $a, b, c, d, e, f, g, h, i, k$. Сравнивая между собой наблюдаемых нами индивидов, мы получаем такую схематическую картину:

- индивид A обладает свойствами a, b, c, d, e, f, g ;
- индивид B обладает свойствами a, b, c, d, h, i, k ;
- индивид C обладает свойствами a, b, c, e, f, g ;
- индивид D обладает свойствами a, b, f, g, h ;
- индивид E обладает свойствами d, e, f, g .

Затем начинаем подсчет: исследовав 5 (500 или 5 000 000) человек, мы обнаруживаем, что:

- свойства *a, b, f, g* встречались по четыре раза = 80 %;
- свойства *c, d, e* — по три раза = 60 %;
- свойства *h, k* — по одному разу = 20 %.

Затем эти непосредственные наблюдения за живыми людьми дополняются опосредованным исследованием произведений, которые уже утратили связь со своими создателями. Я уже говорил, что такие произведения могут быть как сугубо материальными, предметными, так и обладать духовной природой, причем самые важные, исследуя которые можно в первую очередь составить определенное представление о «душе народа», таковы:

- в горизонтальном плане: язык, право (обычаи), религия (мифы), экономика, традиционная техника;
- в плане устремленности вверх: философия, поэтическое искусство, изобразительное искусства, музыка, архитектура, рациональная техника;
- в плане устремленности вглубь: народное искусство, народные песни, пословицы и поговорки и так далее.

Исследуя эти феномены, мы тоже стремимся узнать, какие свойства и особенности встречаются в них чаще всего, какие постоянно повторяются, и на основании полученных свойств выявляем определенные душевные качества. Понятно, что удачный анализ таких явлений представляет собой чрезвычайно важный вклад в дело разрешения нашей задачи.

(Мимоходом отмечу, что, на мой взгляд, совершенно нежелательно и неверно брать в качестве источников для анализа произведения известных людей. Такие люди в основном не принадлежат к какой-либо конкретной группе (народу, расе, классу), а сами являют собой какое-либо совершенно неповторимое свойство или являются выражением целой эпохи. Если мы захотим составить какое-то представление о немецкой поэзии, нам надо будет обратиться не к Гете, а к Уланду, в качестве еврейских философов лучше брать не Спинозу, а Маймонида, Мендельсона или Зиммеля, в качестве итальянского художника, наверное, лучше рассматривать Тициана, а не

Микеланджело, в качестве образца английского писателя лучше взять Диккенса, а не Шекспира, и так далее).

В результате я получаю множество свойств и особенностей, находящихся в определенном количественном соотношении, например, 80а, 60с (как ранее это имело место при личном наблюдении).

Затем наступает момент синтеза. Все эти разнообразные свойства я свожу в единое целое, причем так, что (в каком-то смысле по принципу химического строения атома) в этом целом (которое представляет собой единство) все свойства находятся в том же количественном соотношении, в каком я обнаружил их прежде путем наблюдения отдельных индивидов. Быть может, в процессе этого сведения воедино я пренебрегу теми свойствами, которые были представлены в ничтожном количестве (в нашей схеме это *h* и *k*), образуя единство из свойств *a, b, f, g, c, d, e* в том отношении, что все вместе они равны единице. В это самобытное творение, *которое не соответствует ни одному живому человеку и, во всяком случае, вовсе не должно соответствовать*), я вдыхаю жизнь своей творческой силой, *воображая* человека, который наделен всеми этими свойствами в определенном их сочетании, и затем этому мысленному созданию я даю наименование той группе, внутри которой веду свои исследования: я говорю, что это такой-то немец, такой-то профессор, такой-то еврей, хотя возможно, что в действительности такого немца, профессора или еврея никогда не было.

Такое создание нового человеческого типа — вполне законное дело в рамках нашей научной творческой деятельности, нам надо только не забывать о чисто духовной природе этого нового «существа» и во всякое время помнить (я повторяю это еще раз, поскольку считаю этот момент принципиально важным), что ему нет аналога в реальности, что ни один человек в рассматриваемой группе в точности не соответствует нашему гомункулусу, что, наконец, в этой группе есть целый ряд людей, которые, наверное, не имеют ни одной общей черты с нашим воображаемым человеком. Нам надо помнить, что такое порождение нашего творческого воображения должно быть

не чем иным, как вспомогательным средством в нашем мыслительном процессе, тем средством, с помощью которого мы хотим постичь действия той или другой социальной группы. Там, где наши предшественники усматривали «душу народа», мы должны видеть вспомогательную конструкцию.

(Если мы хотим говорить только о конкретных лицах, то тогда мы можем сказать лишь то, что в этой группе те или иные личностные черты встречаются у большего числа индивидов, чем в той группе, а другие черты, напротив, встречаются реже, однако, как известно, существуют и рассеянные офицеры, равно как существуют и стройные и молодцеватые профессора).

Чисто абстрактная природа такого вымышленного человека, предположительно принадлежащего к какой-то определенной группе, становится еще более явной, если его свойства мы воспринимаем не как свойства какого-то члена определенной группы, а как черты характера любого индивида, который встречается нам на пути. Тогда может получиться так, что «дух», сущность, которая поначалу выводилась только на основании наблюдения за какой-либо группой, переносится на другую группу, и тогда в высшей степени странным образом евреи, например, становятся христианами, а те в свою очередь превращаются в евреев, что явствует из следующих слов *Чемберлена* (500): «Не надо непременно обладать настоящим хеттским носом, чтобы быть евреем: это слово, скорее, обозначает особый способ мысли и чувства, и, таким образом, какой-либо человек может очень быстро стать евреем, не будучи израильтянином. Кто-то предпочитает общаться только с евреями, читать еврейские газеты и приобщаться к еврейскому мировосприятию, литературе и искусству. С другой стороны, глупо называть „евреем“ самого настоящего израильтянина, которому, однако, удалось разорвать оковы, наложенные на него Ездрой и Неемией, и в голове которого больше нет места закону Моисея, а в сердце нет презрения к другим законам... Еврей, подлинно вобравший в себя гуманитарные ценности... перестает быть евреем, поскольку он (!) отказыва-

ясь от идеи иудаизма, тем самым расстается с национальностью, связь с которой осуществляется через целый комплекс представлений, через так называемую «веру». Вслед за апостолом Павлом нам надо понять, что не тот еврей, кто кажется таковым снаружи, а тот, кто является таковым по своей сокровенной сути». Воистину не понять, где здесь правая сторона, а где левая!

Все, что я здесь вкратце обрисовал, годилось бы как строго «научный» подход в разработке этнической психологии. Ясно, что такой подход связан с очень большими трудностями, и нам, вероятно, придется еще долго ждать, пока, двигаясь по этому пути, мы не придем к первым ощутимым результатам. Поэтому остается только порадоваться, что помимо упомянутого научного подхода существует еще один, который при определенных обстоятельствах дает блестящие результаты. Такой подход можно назвать «упрощенным» или даже «художественным». С помощью такого подхода человек, предрасположенный к такой работе, *рассматривает* мысленные образы, возникающие в ходе научных изысканий, как некие живые существа, имеющие свое вполне определенное лицо, он как бы создает их с помощью своей интуиции, как принято говорить. Таким внутренним прозрениям какого-либо гениального человека мы обязаны очень ценными соображениями по поводу сущностной природы той или иной социальной группы, и, говоря о чьей-либо самобытности, мы охотно будем использовать их открытия, чтобы (насколько это возможно) положить их в основу всего нашего материала, который потом с помощью трезвого научного метода мы только упорядочим и усовершенствуем. Если мы хотим понять, что такое «еврей», нам придется так же ревностно, как историю возникновения банков и статистику душевных заболеваний, изучить речи Шейлока (и при этом не соглашаться с тем, что мы — «современные обскуранты», как это утверждают слишком светлые головы).

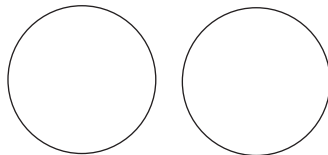
Те типологические образы, которые мы создаем с помощью идей, полученных благодаря интуиции, опять-таки не принадлежат действительности, то есть не являются

живыми (хотя, быть может, они и живее их, но только в метафизическом смысле, которого мы не касаемся), и в данном случае это видно еще яснее, чем тогда, когда мы обсуждали возникновение таких образов в сугубо научном контексте.

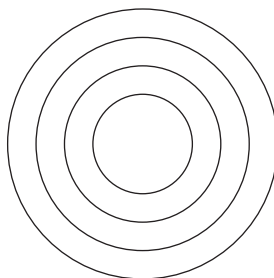
* * *

Надо сказать, что проблемы, с которыми сталкивается коллективная психология, оказываются более сложными еще и потому, что социальные группы (своеобразие которых надо определить) подобно индивидам, в которых мы усматриваем своеобразную душу (или навязываем в качестве этой души все, что успели придумать) очень многочисленны. Эти коллективные индивидуальные образования являются не только «народами», как думали раньше (об ошибочности такой точки зрения мы уже говорили): скорее надо признать, что мы можем искать психологическое своеобразие у всех тех социальных групп, которым свойственны некие общие и единые черты. При таком подходе мы получаем целую систему коллективных образований, являющихся предметом исследования коллективной психологии. Схематически это выглядит так:

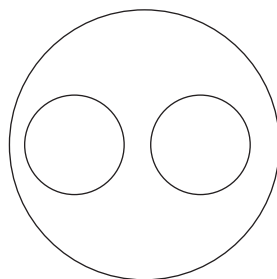
1. Группы (круги), находящиеся рядом друг с другом: французы — немцы, сапожники — портные.

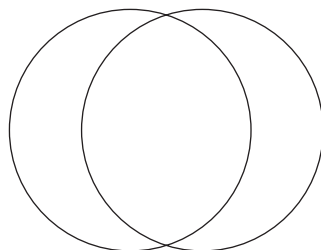
2. Круги, концентрически вписывающиеся один в другой: международный пролетариат — немецкий пролетариат — немецкий промышленный пролетариат — немецкие рабочие берлинской машинной индустрии — немецкие рабочие заводов Сименса-Шукерта.

3. Круги, находящиеся рядом друг с другом и друг в друге: французские художники — французские ученые.

4. Пересекающиеся круги: международный пролетариат — немцы.

5. Все перечисленные варианты могут комбинироваться простым или сложным образом.

То, что образует какая-либо группа, которая как будто обладает самостоятельной «душой», может иметь чрезвычайно разнообразную природу. Среди всех факторов, образующих ту или иную группу, есть такие, которых нельзя определить заранее, так как ни о каком из них нельзя заранее сказать, что он тоже обладает силой, способной кристаллизовать какую-либо устойчивую психологическую структуру.

О формировании социальных групп и их взаимоотношениях Г. Зиммель уже сказал так много превосходного и верного, что здесь я просто не решаюсь особенно вдаваться в этот предмет. Хочу лишь отметить (поскольку это важно для той особой темы, которую мы должны обсудить), что своеобразие той или иной группы, ее неповторимую коллективную психологию формируют как реальные (объективные), так и идеальные (субъективные) факторы: к первым принадлежат единство этнического происхождения, единство крови, общая профессия, еди-

ный язык, единый политический союз и так далее, ко вторым — так или иначе сформировавшееся чувство сплоченности, воля к единству (такие факторы не определяются какими-либо объективными обстоятельствами). На формирование общей картины нередко влияют как те, так и другие факторы.

Затем я хотел бы обратить внимание на то, что социальные группы, обладающие единой, общей психологической структурой, не только сосуществуют в данный момент в пространстве и во времени, но и отстоят друг от друга хронологически. Так называемый «немецкий народ» представляет собой вполне определенную группу не только в противоположность, например, «французскому народу» в какую-либо конкретную эпоху, но и себе самому, существовавшему в какой-либо другой период времени (определить границы которого порой тоже нелегко).

Для того чтобы постичь *«евреев» как единство*, нам надо в первую очередь вспомнить о религии, которая их объединяет.

Применительно к задачам нашего исследования я хотел бы, с одной стороны, несколько ограничить ту группу, которая возникает благодаря исповеданию Моисеевой религии, а с другой — в какой-то мере ее расширить. Ограничить в том смысле, что предметом моего рассмотрения являются евреи только с момента их изгнания из Испании и Португалии, то есть с конца средних веков, а расширить в том смысле, что я включаю в свое исследование и потомков, даже если они больше не принадлежат к еврейской общине. Исходя из того, что было сказано выше, сразу нельзя сказать, обладает ли таким образом определенная группа каким-либо характерным психологическим своеобразием: отмечу лишь то, что доводы, отвергающие существование единого еврейского начала, не выдерживают критики.

1. Часто указывают на то, что евреи Восточной Европы и Америки широко усвоили национальные особенности, характерные для народов, в которых они теперь живут. Мы этого не отрицаем, хотя при всем этом еврейское своеобразие все-таки сохраняется. Вполне возможна, как мы

видели, такая ситуация, когда люди и целые группы людей принадлежат различным, соприкасающимся между собой кругам, и здесь помимо уже приведенных примеров можно вспомнить о швейцарских немцах, которые вполне однозначно остаются как немцами, так и швейцарцами.

2. Утверждают, что евреи диаспоры не образуют «народа» или «нации» в обычном смысле этого слова (501), так как их жизнь не свидетельствует о том, что они обладают каким-либо политическим, культурным и языковым единством. На это можно возразить в том смысле, что существуют и другие факторы, образующие единство (я имею в виду общность происхождения или какие-либо идеальные факторы, образующие группу); кроме того, нельзя переоценивать значение какого-либо определения.

3. Утверждают, что внутри еврейства (в том описании, которое я дал) нет никакой однородности, что скорее можно говорить о существовании разнородных кругов, которые даже сами по себе воспринимают друг друга враждебно, например восточные и западные евреи, ашкеназы и сефарды (ашкеназим и сефардим), правоверные евреи и либералы, «повседневные» и «субботные» евреи (согласно определению Маркса). С таким утверждением тоже нельзя не согласиться, и тем не менее не существует доказательств, отвергающих *возможность* существования единого еврейского своеобразия. В этой связи я снова вспоминаю о тех кругах, которые я нарисовал выше: внутри большого круга может существовать несколько маленьких, которые или концентрически вписываются друг в друга, или пересекаются. Вспомним о том, какую бесконечно сложную картину являет собой принадлежность немца к различным группам: католик или протестант, крестьянин или профессор, северный немец или южный, германских или славянских кровей и так далее, и все-таки он как был, так и остается немцем. Равным образом, вполне возможно, что единое еврейское своеобразие продолжает существовать, несмотря на наличие многочисленных противоположностей, существующих между отдельными группами.

Прежде чем я попытаюсь дать определение общему еврейскому своеобразию, я еще раз хочу самым настоящим образом подчеркнуть, что в рамках нашего исследования мы стремимся дать не полное описание этого своеобразия, а только те моменты, которые необходимы для объяснения некоторых экономических процессов. При этом я не хочу довольствоваться такими выражениями, которые были приняты раньше, и говорить о еврейском «торговом духе», «духе барышничества», «умении торговать» и так далее.

Я считаю, что глупо говорить, будто такие качества, как, например, «страсть к наживе» являются специфическими особенностями какой-либо конкретной группы людей: такие качества присущи всем людям (и даже являются слишком человеческими).

Весь предыдущий анализ еврейского склада души (в той мере, в какой он касается экономической жизни) я не признаю по следующим соображениям.

1) До сих пор остается совершенно неясным, *к чему именно* считают особо предрасположенным человека еврейской национальности: «к экономике», «к торговле»? Это совершенно расплывчатые понятия, которые ровным счетом ни о чем не говорят, и поэтому отдельную главу я посвятил тому, чтобы обстоятельно выяснить, к каким совершенно конкретным видам экономической деятельности мы считаем предрасположенными евреев (а теперь можно сказать, что и субъективно предрасположенными): к той деятельности и начинаниям, которые заявляют о себе в контексте капиталистической системы хозяйствования.

2) Надо хорошо понимать, что описания — это не объяснения. Если мы хотим показать, что какой-то человек совершенно особым образом предрасположен к игре на бирже, мы не можем удовлетвориться словами о том, что этот человек имеет выдающиеся способности к осуществлению биржевых спекуляций. Так вел себя небезызвестный дядя Брэзиг, говоривший о том, что бедность возникает из большой нищеты, и почти всегда так же ведут себя все те, кто пытается давать оценку экономическим

талантам евреев. Нам, скорее, надо выяснить, какими специфическими способностями обладает человек, удачно работающий в капиталистической системе хозяйствования, какой у него склад ума и характера и почему именно такому складу как нельзя лучше соответствует определенная система ценностей и целеполаганий, определенные виды деятельности, а также вполне определенная система представлений и волевых установок.

Выявить такие способности в евреях — такова задача нашего дальнейшего изложения, и я надеюсь, что благодаря всем тем сомнениям, всем вопросительным знакам, которыми полны предыдущие страницы, наша научная совесть будет достаточно чуткой и объективной.

II. Попытка решения проблемы

В принципе, когда речь заходит об оценке характера евреев и их своеобразия, мы наблюдаем большее единство, чем можно было бы предположить, учитывая всю трудность и запутанность этой проблемы. Как в литературе, так и в самой жизни, все те, кто лишь в какой-то мере оказывается свободным от предрассудков в том или ином важном моменте, высказывают единое мнение. Чей бы анализ еврейского характера ни попадался нам на глаза (Еллинека или Фромера, Чемберлена или Маркса, Гейне или Гете, Леруа Болье или Пичотто, Дюринга или Ратенау, то есть как благочестивых, так и неблагочестивых евреев, а также антисемитов и людей, настроенных к евреям весьма благожелательно), у нас всегда остается одно и то же впечатление: все эти люди в той или иной мере признавали, что в евреях есть нечто своеобразное. Все это в какой-то мере смягчает те опасения, с которыми никак не можешь справиться, когда сам начинаешь описывать психологию еврейской души. В принципе, не говоришь ничего такого, чего не видели бы другие, о чем уже не было сказано, даже если твой собственный анализ преподносится в несколько ином свете и выражается несколько иными словами. От себя хочется лишь добавить,

что существуют определенные связи между общей одаренностью евреев, а также их отдельными способностями, а также теми требованиями, которые предъявляет капиталистическая система хозяйствования. Однако, говоря об этом, мне прежде всего хотелось бы попытаться дать общую связную картину еврейского своеобразия и только потом выявить те связи, которые существуют между этим своеобразием и его капиталистической природой.

Расходясь с прочими авторами, я хотел бы начать с рассмотрения того своеобразного момента, который раньше, хотя и подчеркивался довольно часто, но не наделялся первостепенным значением, на мой взгляд, характерным для него: я имею в виду чрезвычайный акцент на *умственных способностях*, на том, о чем предпочитают говорить, прибегая к не совсем однозначному термину из чужого языка, одним словом, речь идет о характерном для еврейского народа *интеллектуализме*. Под этим я прежде всего понимаю преобладание интеллектуальных интересов и способностей над физическими (предполагающими ручной труд). Евреи считают, что «ум превосходит тело», и мы снова и снова можем наблюдать, как такое утверждение проявляется в повседневной жизни и каким образом оно подтверждается различными признаками. Никто во все времена не ценил так высоко «ученых», как это делали евреи. «Мудрец превосходит царя, и если мудрым оказался незаконнорожденный, то он все равно превосходит несведущего первосвященника», — говорится в Талмуде. Такую чрезвычайно высокую оценку «знания» и «науки», мы и сегодня обнаруживаем у наших еврейских студентов. Кто не смог стать «мудрецом», должен хотя бы стать «образованным»: в Израиле во все времена учение было делом обязательным. Само исповедание религии означало научение, и на Востоке синагогу и сегодня называют «школой». У этого народа обучение и богослужение представляют собой нечто единое, а невежество равносильно смертному греху: тот, кто не умеет читать, на Земле оказывается нечестивцем, а на том свете — проклятым. Народная мудрость ничто так не пори-

цает, как глупость. «Несправедливость лучше, чем неразумие», «глупец — это погибель», — таковы поговорки, сложившиеся в гетто (502).

Достойный человек — это человек умный, и высшее проявление человечности — максимальный интеллектуализм. Такую мысль в настоящее время снова выражает без сомнения довольно умный еврей, хотя и делает это с просто шокирующей наивностью, когда рисует следующий образ идеального сверхчеловека или человека будущего (образ, который для других одаренных натур выглядит просто ужасно): «Место слепых инстинктов... у культурного человека занимает самосознающий интеллект. Его задача как раз и заключается в том, чтобы угадать инстинкты (!), заменить порывы волей, которая предполагает определенную цель, а простое восприятие — размышлением. Индивид только тогда становится совершенным человеком, когда его разумная деятельность упраздняет всякую имеющуюся в наличии предрасположенность к чему-либо и угадывает инстинкты. Если освобождение от инстинктов сохраняется до самого конца, мы имеем перед собой абсолютного гения, который обладает полной внутренней свободой от закона природы (!). цель культурной жизни заключается в том, чтобы освободиться от всякой мистики, от всего темного и импульсивного, что характерно для жизни, исполненной инстинктов, и способствовать развитию чистой рациональной формы интеллекта» (!) (503). Таким образом, гений (то есть как раз то самое существо, которое еще наделено определенными инстинктами), в данном случае воспринимается как высшее выражение рационального и интеллектуального начала!

С превознесением интеллекта связан и тот факт, что во все времена евреи придавали большее или меньшее значение той или иной профессии в зависимости от того, какие требования она предъявляла к интеллектуальной деятельности (предполагала ли она больше умственных затрат или физических). Наверное, существовали и существуют до сих пор евреи, которые охотно выполняют тяжелую физическую работу, однако к нашему европей-

скому еврейству это никак не относится. Кроме того, надо отметить, что и в эпоху Талмуда предпочтение отдавалось тем профессиям, которые не требовали больших физических способностей. «Миру нужен как бакалейщик, так и кожевник. Благо тому, кто может быть бакалейщиком». «Равви Меир говорит: „Всегда учи своего сына чистому и легкому ремеслу“» (Kidd. 82 b). Евреи всегда чувствовали, что умом они превосходят других, и всегда противопоставляли эту свою особенность грубой силе гоев. Об этом остроумно сказано в двух поговорках польских евреев: «Да хранит Бог руку гоя и голову еврея»; «Да хранит Бог ум еврея и силу гоя». Итак, ум и сила: в общем и целом в этих словах выражается весь еврейский вопрос, и их можно было бы вынести в заголовок данной книги.

Понятно, что у такого одаренного народа все получилось так, как только и могло получиться: превосходство интеллектуальных интересов должно было привести к превосходству интеллектуальных способностей. „Говорят, среди евреев не сыскать глупца“; «грека не найти учтивого, не сыскать цыгана честного, а еврея — дурака», — так говорят в Румынии по ту и эту сторону гетто. Испанцы в свою очередь говорят о том, что «как зайца нет ленивого, так нет еврея глупого» (504). Разве станет кто-нибудь, кому пришлось долгое время общаться с евреями, отрицать, что в целом своей остротой ума они превосходят других людей? Я намеренно говорю об остроте ума, хотя мог бы вместо этого сказать и о проницательности: два столетия назад один из лучших знатоков еврейства говорил о том, что они обладают очень проницательным, острым умом, что они (очень верная характеристика!) «наделены большим острым умом для всего, что нужно в этом веке», хотя в то же время уже гораздо сдержаннее отмечал, что «поистине, сегодня уже нет таких остроумных и хитрых, какие были тысячу назад» (505).

Леруа-Болье говорит о том, что «еврейский ум — это точный измерительный прибор, похожий на весы», и мы, конечно же, без каких-либо оговорок можем согласиться с таким утверждением. Когда же Чемберлен в свою оче-

редь говорит о том, что именно «ум» развит у евреев не особенно сильно, он, конечно же, имеет в виду не то обычное понимание ума, которое заключается в способности быстро думать, проводит четкие различия, разлагать и комбинировать, находить средоточие чего-либо, проводить аналогии, различать синонимы и делать последние выводы. Вполне обоснованно подчеркивая именно эту сторону еврейского склада характера, *Еллинек* обращает внимание на один весьма поучительный факт, а именно на то, что в самом еврейском языке существует очень много слов для обозначения той деятельности, которую предпочитает живой ум. Так, например, для обозначения поисков и расследований существует 11 слов, для разъединения и разделения — 34 слова, а для связывания, соединения и комбинирования — 15 слов и выражений (506).

Такое интеллектуальное превосходство, вне всякого сомнения, является одной из причин тех успехов, которых евреи добиваются в шахматах, а также в математике и других счетных науках (507). Такие виды деятельности предполагают сильную способность к абстрактному мышлению, а также тот особый вид фантазии (принципиально связанный с интеллектом), которую Вунд в противоположность интуитивной фантазии художников метко называет комбинаторной. В какой-то мере этой способностью разделять, просчитывать и комбинировать объясняется и их нередко довольно знаменитый врачебный талант (способность ставить правильный диагноз), когда таким образом устроенный разум «подобно зарнице в одно мгновение освещает тьму» (508).

Известно, что еврейское остроумие довольно часто выражается в софистику и крючкотворство (когда у мельницы нет зерна, и она вынуждена крутить свои жернова впустую), однако для оценки еврейского склада души более важным оказывается то обстоятельство, что разум склонен развиваться в каком-то одном направлении, в то время как другие важные стороны духовной жизни начинают чахнуть и хиреть от его избытка. В этом в не меньшей степени выражается тот чрезмерный интеллектуа-

лизм еврея, на который я обращал внимание как на чрезвычайно характерную для него особенность.

Мы часто обнаруживаем, что инстинктивное миропонимание у еврея развито слабо и все чувственные связи с миром не слишком ему близки. Нам трудно представить какого-нибудь еврейского «мистика», который был бы похож на Якоба Бёме, и мы особенно сильно воспринимаем все еврейское своеобразие тогда, когда вспоминаем, насколько иной «мистикой» проникнута еврейская Каббала. Любая романтика также оказывается чуждой этому чисто дискурсивному мировосприятию, которое не знает никакого непосредственного пребывания в мире, а также никакого непосредственного погружения в природу и человека. Реакция «*Молодой Германии*» на романтиков представляет собой лишь художественное выражение более глубокой противоположности между непосредственным мировосприятием и рассудочным, между интуитивным и дискурсивным взглядом на мир. В ином ракурсе эта противоположность выступает как противоположность между возвышенной мечтательностью и рассудочностью.

С такой особенностью тесно связан и определенный недостаток в образном мировосприятии, в той творческой чувственной силе, которая способна воспринимать что-либо иное. Однажды ко мне в Бреслау из Восточной Сибири приехал один еврейский студент, решивший «изучить Маркса». Почти три недели он потратил на этот долгий путь, но уже на следующий день после прибытия отыскал меня и попросил дать ему какое-либо сочинение Маркса. Через несколько дней он снова пришел ко мне, поговорил о прочитанном, вернул книгу и взял новую. Так прошло два месяца, а потом он снова три недели находился в пути, возвращаясь в свое сибирское гнездо. Находясь в Бреслау, он не обращал никакого внимания на местные достопримечательности, ни с кем не знакомился и не ходил гулять: ему вообще ни до чего не было дела. Он прошел через окружавший его мир, совершенно его не заметив, как это бывало с ним и прежде и как будет потом, когда он снова окажется в каком-нибудь мире, который по-

кинет, совершенно не ощутив его дыхания и думая об одном только Марксе. Можем ли мы сказать, что это типичный случай? Я думаю, да. С такой ситуацией мы сталкиваемся каждый день. Встречаясь с евреями, мы снова и снова замечаем, насколько им свойствен этот лишенный конкретности образ мыслей, сухое и безжизненное направление ума и погруженность в мир абстракций. Можем ли мы назвать случайным тот факт, что еврейских художников гораздо меньше, чем писателей и даже профессоров (несмотря на то, что дальнейшее продвижение на этом поприще сопряжено с определенными трудностями)? И разве мы не видим, что в лучших произведениях больших еврейских художников присутствует немалая доля интеллектуализма? Однажды, сравнив Макса Либермана со Спинозой, Фридрих Науман очень метко заметил, что он рисует мозгом.

У еврея очень острое пронизательное зрение, но видит он немного. Прежде всего надо отметить, что свое окружение он не воспринимает как нечто живое и поэтому не воспринимает всего своеобразия этого живого, его цельности и нерасчлененности, его органической завершенности и природной сформированности. Вместо всего этого можно сказать, что ему недостает способности воспринимать личностное начало. Самым верным подтверждением этому (если мы не хотим довольствоваться своим собственным опытом) является самобытное еврейское право, о котором мы уже говорили в другой связи: мы видим, что, в отличие от всякого другого права, в нем личность как бы растворяется в абстрактных свойствах, видах деятельности или целеполаганиях.

Среди евреев много превосходных «знатоков человеческих душ»: их острый ум позволяет им проникать, как говорится, во все поры, и словно рентгеновскими лучами высвечивать ту или иную ситуацию, обращая внимание на любую особенность. Они улавливают все преимущества или слабости того или иного человека и видят, насколько он подходит к исполнению тех или иных обязанностей, насколько годится для выполнения какой-либо задачи или должности. Однако довольно часто они не ви-

дят самого человека, не усматривают его в его непостижимом своеобразии и цельности и поэтому часто требуют от него выполнения таких действий, которые противоречат его сокровенной природе. Кроме того, они оценивают человека не столько по его личностному обаянию, сколько по определенным свойствам и способностям, которые так или иначе в нем замечают.

Поэтому они никак не могут понять тех отношений подчинения и зависимости, которые строятся на личном начале: они не понимают, как одна личность господствует, а вторая служит ей, не понимают личной преданности. В своей самой сокровенной глубине еврей чужд всякому рыцарскому началу, всякому непосредственному проявлению чувств, осознанию рыцарского достоинства, а также любому феодальному или патриархальному укладу жизни. Он не понимает того сообщества, которое строится на таких отношениях, и ему противоречит все, что зиждется на сословных и корпоративных началах. Еврей предстает как политический индивидуалист, и по своему складу ума он готов принять «конституционное государство», в котором все отношения между людьми сводятся к четко формулируемым правовым отношениям. Он является прирожденным представителем «либерального» мировоззрения, признающего не живых, отличающихся друг от друга людей, наделенных плотью и кровью, а лишь абстрактных граждан, имеющих определенные права и обязанности, граждан, которые уже не образуют того или иного народа, а составляют одно великое человечество, представляющее собой всего лишь некую сумму лишенных какого-либо качества единиц. Подобно тому, как очень многие еврей не видят самих себя (отрицая свое столь явное своеобразие и утверждая, например, что между ними и немцами или англичанами нет никакого различия), они также не видят и других людей, и воспринимают их не как живые существа, а лишь как субъекты права, как граждан государства или еще каким-либо абстрактным образом. Они постигают мир не кровью, а разумом, и потому легко приходят к той мысли, что все, что с помощью разума можно упорядочить на

бумаге, должно точно также упорядочиться и в жизни. До сих пор еще находятся евреи, которые рассматривают «еврейский вопрос» лишь как политическую проблему, связанную с конституцией, и которые искренне убеждены в том, что «либеральный» строй сгладит все различия между евреями и теми народами, среди которых они живут. Остается только удивляться, когда хорошо известный ученый и автор самого последнего сочинения, посвященного еврейскому вопросу, со всей серьезностью говорит о том, что причиной всего антисемитского движения, сложившегося в течение трех последних десятилетий, стали книги Марра и Дюринга, и что жертвами «необоснованной теории» стали тысячи человеческих жизней. «Тысячи жертв, которые случились в результате погромов, а также около миллиона человек, покинувших свою бывшую родину и представляющих собой квалифицированную рабочую силу, — все это является непрекращающимся свидетельством того воздействия, которое оказал Евгений Дюринг» (509). В данном случае мы видим, как бумага противоборствует крови, как разум выступает против инстинкта, понятие — против образного представления, а абстракция — против чувственного восприятия.

Картина мира, которую рисуют себе эти люди, ориентированные только на интеллект, напоминает хорошо сконструированное умозрительное построение, и не более того, а категории, с помощью которых они пытаются понять мир, предполагают рациональное толкование. Такое мировосприятие мы называем рационализмом, употребляя это слово в более отвлеченном, теоретическом смысле.

Однако евреи — не только теоретически, но и практически рационалисты в той мере, в какой обе стороны рационализма могут максимально объединяться в одном человеке.

Как только острое сознание своего собственного «я» сочетается с чрезмерным акцентом на интеллекте, мыслящий человек без каких-либо особых усилий делает себя естественным средоточием мира, который он истолковы-

ваает в соответствии с установками разума и который он как бы располагает вокруг этого «я»: таким образом он воспринимает все явления этого мира в ракурсе своих собственных интересов, то есть воспринимает мир с точки зрения определенной цели и в контексте определенной целесообразности. В результате этого характер такого человека приобретает новую черту, которую можно охарактеризовать как целеустремленность, как постоянную соотнесенность своего сознания с какой-либо целью, как телеологизм или практический рационализм. Надо сказать, что в еврейском характере никакая черта не выражена так ярко, как именно эта *соотнесенность с определенной целью, этот телеологический образ мыслей*, и здесь все исследователи на редкость едины. Если я, в отличие от большинства других авторов, не говорил об этой черте с самого начала и не делал ее отправной точкой в моем анализе (как, впрочем, я это делал в моих более ранних исследованиях), так это только потому, что телеологизм я считаю неизбежным следствием чрезмерного интеллектуализма, в котором (как мне теперь кажется) коренятся все прочие своеобразные черты еврейского характера. Однако, прибегая к этой оговорке, я ни в коем случае не хочу преуменьшить ту огромную роль, которую и с моей точки зрения играет в еврейской душе установка на строго выверенную целесообразность, на последовательный телеологизм.

Какие бы проявления еврейского характера мы ни принимали во внимание, мы всегда сталкиваемся с этой особенностью, которую можно охарактеризовать и как ярко выраженный субъективизм. Наверное, тем исследователем, который в первую очередь проводил различия между семитами и индоевропейцами по принципу субъективного или объективного направления ума, был Лассен (510). Еще не ясно, насколько правомерным оказывается такое «расовое» деление, однако нет никакого сомнения в том, что еврей принадлежит к самому субъективному из всех субъективно настроенных народов. Еврей не предается безоглядно внешнему миру, не погружается, позабыв о себе, в глубины космоса, не блуждает в

безмерных пространствах, раскачиваясь на волнах собственной мысли, а ныряет, чтобы (согласно удачному выражению *Еллинека*) искать жемчуг. Все, что его окружает, он соотносит с самим собой. «Почему?», «Для чего?», «Что это дает?», «Какая от этого польза?», — такие вопросы волнуют его больше всего. В своей жизни о прежде всего ориентирован на успех, что противоречит другой установке, в первую очередь предполагающей интересы дела. Еврей не станет рассматривать какую-либо деятельность (какой бы она ни была) как «самоцель». Он не станет жить, не стремясь к достижению какой-либо цели, просто жить в соответствии с какой-либо предначертанностью, еврей не станет простодушно радоваться природе: ее предметы, явления и законы он воспринимает как «разрозненные листы учебника нравственности, призванные к тому, чтобы способствовать достижению более высоконравственной жизни». Мы уже видели, что еврейская религия насквозь пронизана целесообразностью, что в ней, как и во всех прочих проявлениях еврейского духа, этика занимает главенствующее место. Еврей считает, что весь мир представляет собой результат свободного целеполагания. В этом смысле Гейне очень верно подметил разницу между иудейской и языческой религиями: «Все они (язычники) исповедуют бесконечное и вечное изначальное существо, которое, однако, пребывает в этом мире, тождественно с ним, и развивается вместе с ним по закону необходимости; что касается Бога евреев, то он пребывает вне этого мира, который созидает действием своей свободной воли». Никакое слово не звучит для еврея так доверительно, как слово *тахлис*, означающее цель, конечный результат. *Тахлис* должен представлять собой нечто, предполагающее определенное действие, это смысл жизни еврея как в общем и целом, так и во всех его конкретных видах деятельности, это содержание мира, и еврей почитет безрассудным мечтателем всякого, кто скажет ему, что не *тахлис*, а трагизм — вот что наполняет мир и является содержанием жизни.

О том, сколь сильно соотношенность сознания с какой-либо целью укоренилась в еврейском характере, можно

довольно наглядно говорить на примере тех евреев, в которых как раз всякая обращенность к каким-либо практическим жизненным задачам и целям уже угасла, например, имея в виду хасидов, которые, считая, что все равно «нет никакого смысла и цели», не заботятся о добывании насущного хлеба на каждый день, обрекают свои семьи на голод, предпочитая заниматься изучением священных книг. Однако то же самое можно наблюдать и у всех тех, кому свойственна некая усталость души, кто с кроткой и мягкой улыбкой может понимать и прощать, кто смотрит на жизнь как бы со стороны, умудренный опытом. Я имею в виду наших современных писателей и думаю о таких тонких умах, как *Георг Гирифельд*, *Артур Шницлер* и *Георг Германн*. В их сочинениях больше всего привлекает мягкий просветленный взгляд на жизнь, все их произведения проникнуты мягкой меланхолической тональностью, в них привлекает сентиментальное начало в хорошем смысле этого слова. Однако и тут воля и соотносительность с какой-то целью тоже заявляют о себе: они оборачиваются чем-то безвольным и бесцельным, но пусть даже с обратным знаком, овладевают всем существом. На все лады повторяется один и тот же совершенно тихий и скорбный мотив, преисполненный боли: как бесцелен этот мир, и потому как он печален! Сама природа пронизана этой печалью, даже тогда, когда в садах и лесах расцветают первые цветы, настроение, по существу, всегда остается осенним; ветер гонит сухие листья, и солнце рассыпает по спокойному ясному небу свое золотое великолепие, рассыпает «как бы торопясь, ведь скоро ему идти на закат». Соотносительность с какой-либо целью и субъективизм (что в конечном счете одно и то же) лишают еврейские художественные произведения искренности, непосредственности, возможности забыться, поскольку их создатели не могут бескорыстно наслаждаться или без оглядки воспринимать все, что происходит в этом мире, будь то человеческая судьба или какое-нибудь явление природы: они всегда над этим раздумывают, всегда размышляют, прикидывают и соотносят. У них нигде не пахнет примулами и фиалками, нигде

нельзя встретить описание того, как свежий лесной ручей рассыпает водяную пыль (сравним юношескую лирику Гете и «Книгу песен» Гейне), зато в таких произведениях ощущается чудесный аромат, напоминающий аромат старого вина, в них есть бесконечное очарование, которое пробуждают в нас милые, прекрасные и печальные глаза, подернутые поволокой.

Если упомянутая соотнесенность сознания с какой-либо целью сочетается с непреклонной волей и большими силами (что, как правило, доньше можно наблюдать в характере еврея), тогда есть основания говорить о проявлении *целеустремленности*. Если какой-либо человек четко ставит перед собой определенную цель, если он ни на минуту не забывает о ней, если никакие обстоятельства не могут сбить его с избранного пути, это происходит благодаря тому, что такой человек достаточно целеустремлен, настойчив, упорен и даже упрям, или «жестоковывен», по словам Генриха Гейне, так характеризовавшего свой народ. «Еврейская сущность: энергия, получаемая от всего. Непосредственные цели» (Гете).

Переходя к четвертой основной особенности еврейского характера, а именно к *подвижности*, я не могу однозначно решить, присуще ли это свойство всем евреям или оно свойственно только ашкеназам. Все, кто с похвалой отзывается о сефардах, с уважением отмечают у них такие достоинства, как некоторую степенность и торжественность внешних жестов и сдержанный аристократизм поведения: «Отличительной особенностью этой нации является некоторая горделивая степенность и возвышенное благородство» (511). В то же время в польско-немецких евреях издавна отмечался «живой дух, постоянно находящийся в состоянии возбуждения» (512). Поньше среди выходцев из Испании (главным образом на Востоке) можно встретить много исполненных достоинства степенных и сдержанных евреев, которые как во внешнем поведении, так и в своих нравственных установках лишены той своеобразной «подвижности», которую мы так часто наблюдаем в евреях, живущих в Европе. Что касается третьего вида «подвижности», а именно живо-

сти ума, то есть умения быстро схватывать и ориентироваться в той или иной ситуации, то такой часто прославляемой оборотливостью нрава, по-видимому, обладают все евреи.

На основании этих четырех основных особенностей, которые я описал и которые мы можем назвать интеллектуализмом, теологизмом, волюнтаризмом (энергизмом) и мобильностью, и выстраивается вся структура нередко довольно сложного еврейского характера. Я считаю, что все еврейское своеобразие без каких-либо особых усилий можно свести к одной из этих основных черт или к сочетанию нескольких. Теперь я хочу коснуться двух других особенностей, имеющих принципиально важное значение для экономической деятельности евреев — их *непоседливости* (предприимчивости) и *приспособляемости*.

Неуемность, непоседливость — отличительная черта еврея. Ее можно было бы назвать и предприимчивостью. «В любом еврее, даже в самом мелком и ничтожном, живет преисполненная решимости устремленность, причем устремленность к земному, временному, преходящему» (Гете). Такое беспокойство духа часто ведет к непоседливости, всегда заставляя чем-то заниматься, что-то «предпринимать», содействовать возникновению и осуществлению чего-то нового. Такой еврей всегда находится в движении и приводит в беспокойство даже тех, кто с удовольствием предпочел бы оставаться в покое. Зачинщиками любых художественных или общественных мероприятий в наших больших городах оказываются евреи, еврей — урожденный провозвестник «прогресса» и его благословенного воздействия на все стороны культурной жизни.

К такой деятельности еврея влечет его целеустремленность в сочетании с его непоседливостью и, главным образом, с его интеллектуальными способностями. Об этих способностях надо сказать особо, потому что они никогда не имели под собой никакой глубокой основы, и, в конце концов, любой интеллектуализм оказывается поверхностным: он нигде не проникает в самую суть дела, нигде не постигает самой глубины души, нигде не погружается до

мировых глубин. Поэтому человеку, который находится в его власти, он легко дает возможность переходить от одного дела к другому, когда дух беспокойства принуждает его это делать. По этой же причине фанатическое правоверие в иудаизме тесно соседствует с «просвещенным скептицизмом: и то, и другое нисходит к одному и тому же корню». С таким поверхностным интеллектуализмом частично связана, быть может, самая важная особенность еврейского характера, которая отчасти обусловлена другими основными чертами его поведения: речь идет о единственной в своем роде приспособляемости этого народа, не имеющей параллелей в истории.

Можно сказать, что своему упорству еврейский народ обязан тем, что он сохранил свою национальную самобытность и обрел высокую степень *приспособляемости*, которая давала ему возможность проявлять кажущееся подчинение законам необходимости (когда того требовали обстоятельства), чтобы потом, когда ситуация улучшалась, снова жить и развиваться в соответствии со своими правилами и обычаями. Отличительная черта еврейского характера издавна — сопротивление и податливость в одно и то же время: этими чертами, которые противоречат друг другу только на первый взгляд, евреи обладали в избытке. Об этом очень точно говорит Леруа Больё (I. с. р. 224): «Из всех людей еврей одновременно самый непокорный и самый податливый, самый упрямый и самый гибкий».

Во все времена еврейские наставники и мудрецы хорошо понимали, насколько важна и даже необходима эта податливость и гибкость для того, чтобы Израиль смог сохраниться как самобытный народ — понимали и проповедовали об этом. Еврейская литература полна таких предостережений и наставлений.

«Будь гибок как тростник, который ветер клонит во все стороны, ибо Тору хранит только тот, кто смиренен духом. Почему Тору уподобляют воде? Чтобы показать, что подобно тому, как вода никогда не устремляется ввысь, но всегда ищет низин, Тора сохраняется лишь у того, кто смиренен духом своим» (513).

«Если властвует лисица, надо преклониться и перед нею» (514). «Когда уступишь волне, она пройдет, и ты останешься, когда же начнешь противоборствовать ей, она унесет тебя», (515). В конце восемнадцатой молитвы мы читаем: «Да будет душа моя для всех, как пыль» (которую попирают ногами).

Исходя из всего этого, раввины вполне логично призвали своих единоверцев *делать вид*, что они переходят в вероисповедание, характерное для страны их проживания, если от этого зависит их существование в данной стране. Как известно, этому совету широко следовали: благодаря такому «временному засыханию» (Фромер) еврейское древо пыталось существовать, и это ему удавалось.

Сегодня почти нет мнимых христиан или мусульман (или по крайней мере встречаются лишь единичные случаи), однако удивительная способность евреев приспособляться к внешним условиям, наверное, проявляется даже ярче, чем прежде. Сегодня еврей, живущий в Восточной Европе или Америке, больше не хочет хранить свою веру или поддерживать национальную самобытность: он, напротив, желает того, чтобы все его своеобразие (до тех пор, пока национальное самосознание вновь в нем не проснется) как можно быстрее полностью исчезло, и чтобы он смог раствориться в культуре того народа, в котором живет. Надо сказать, что это ему неплохо удается. Наверное, самым ярким подтверждением еврейского своеобразия является тот факт, что в Англии еврейю удается стать англичанином, во Франции — французом, и так далее: удается стать или по крайней мере сделать вид, что он стал таковым. Всем известно, что Феликс Мендельсон пишет немецкую музыку, Жак Оффенбах — французскую, что лорд Бэконсфильд ведет себя как англичанин, Гамбетта — как француз, Лассаль — как немец, одним словом, всем известно, что еврейский талант довольно часто проявляется не в том, чтобы сохранять свою самобытность, а в том, чтобы растворяться в своем окружении, однако это обстоятельство странным образом пытаются использовать как доказательство того, что

специфически еврейского своеобразия якобы вообще не существует, в то время как оно самым ярким образом как раз и проявляется в их чрезвычайной приспособляемости.

Совершенно правильно говорят о том, что если бы еврей переселился на другую планету, он бы и там вскоре стал своим. Он способен ужиться везде, может приспособиться к чему бы то ни было. Он становится немцем там, где ему это выгодно, становится итальянцем, если ему это больше по вкусу. Он «обделывает» все, проникает повсюду, и все, что его интересует, он проделывает с успехом: в Венгрии он становится венгерским националистом, в Италии — сторонником ирредентизма, во Франции становится на позиции антисемитизма (Дрюмон). Ему мастерски удастся проникнуть в то, что еще находится в зародыше, и быстро создать ему условия для расцвета: он умеет «развить то, что находится в зародыше, усовершенствовать уже существующее и выразить все содержание той мысли, до которой сам он не додумался бы» (516), то есть сделать все то, что он может сделать благодаря своему умению хорошо приспособляться.

Я уже говорил о том, что такая редкая приспособляемость основывается на четырех особенностях еврейского характера, о которых мы говорили выше. Свойственный еврею рационализм является важнейшей предпосылкой в глубокой изменчивости его натуры. Благодаря этой изменчивости он подходит ко всему как бы со стороны, и то, чем он является, обусловлено не его этнической принадлежностью, а его *рациональным решением* стать именно тем, чем он решил стать. Его мировоззрение *не вырастает* из его сокровенной внутренней сущности, но *рождается в его голове*. Он не стоит на гладкой ровной земле, а живет в оторванном от нее искусственно созданном мире. У него нет укорененности в непосредственном восприятии, в инстинкте, и поэтому он может быть таким, каким он на данный момент является, однако может быть и совершенно иным. Принадлежность лорда Беконсфилда или Фридриха Шталя к «консерваторам» в какой-то мере обусловлена внешними обстоятельствами, политической

конъюнктурой, в то время как Штейн, Бисмарк и Карлейль являются «консерваторами» по своей крови. Если бы Маркс или Лассаль родились в другое время и жили в другом окружении, они вполне могли бы стать консерваторами, как сейчас являются радикалами, и к тому же Лассаль, как известно, уже намеревался стать «реакционером»: роль прусского феодала он сыграл бы так же хорошо, как роль агитатора-социалиста.

Целеустремленность еврея является той движущей силой, которая дает ему возможность терпеливо и настойчиво добиваться намеченной цели, а именно приспособление к каким-либо условиям, которые оказываются благоприятными для осуществления намеченных замыслов.

В конце концов его переменчивость наделяет его теми внешними средствами, которые необходимы для достижения намеченной цели.

Остается только удивляться тому, каким подвижным может оказаться еврей, наметивший определенную цель. Ему даже удастся изменить свой характерный внешний вид и придать себе такое обличье, какое он считает наиболее подходящим. Если раньше ему приходилось оберегать себя посредством временного «засыхания», то теперь он это делает, «меняя окраску» или прибегая к каким-либо другим видам мимикрии. Это особенно хорошо заметно в Соединенных Штатах, где еврея во втором или третьем поколении нередко трудно отличить от нееврея. Если немца, ирландца, шведа или славянина можно легко выделить из толпы даже в том случае, если его предки давно переселились в Америку, еврей (насколько ему позволяют внешние признаки его этнической принадлежности) раньше всех сумел принять вид типичного янки, разумеется, в общих чертах и в той мере, в какой ему позволили это сделать внешние вспомогательные средства: одежда, прическа, осанка и так далее.

Понятно, что еврею гораздо легче в силу своей интеллектуальной и нравственной мобильности раствориться в своем окружении. Характерная для него живость ума и интеллектуальная подвижность позволяют ему легко на-

страиваться на ту тональность, которая задается его окружением, и поэтому он, как говорится, быстро понимает, что к чему, умеет быстро ориентироваться в сложившейся ситуации, быстро «вживается» в нее. Что касается его нравственной мобильности, то она в его стремлении приспособиться создает ему все условия для того, чтобы у него не возникало никаких тягостных помех, которые могут быть вызваны всевозможными нравственными или эстетическими соображениями: эта мобильность как бы освобождает ему путь для достижения намеченной цели. Здесь ему на помощь приходит не слишком сильно развитое чувство того, что называют достоинством личности, и ему легче других во имя достижения намеченной цели позабыть о самом себе.

Такая характеристика вполне соответствует действительности, и та картина приспособления к изменяющимся условиям жизни, которая открывается перед нашими глазами, в полной мере подтверждает сказанное. Правильность нашего вывода подтверждается и некоторыми особенно характерными способностями евреев: прежде всего я имею в виду их ярко выраженный талант журналиста, адвоката и актера. Все эти способности в конечном счете объясняются высокой степенью приспособляемости евреев и ясно показывают, как в процессе приспособления отмеченные нами четыре основные особенности сливаются воедино и превращаются в единое действие. Эти взаимосвязи очень точно подметил Еллинек в своей книжечке, которая уже не раз прославилась: «Журналист должен быть полон жизни, быть подвижным, быстрым, преисполненным энтузиазма, он должен уметь расчленять, комбинировать, подводить итог, находить решение, он должен вникать в самую суть вопроса, постоянно помнить о том, в чем заключается актуальность той или иной проблемы, какова суть разгоревшегося спора, должен широкими и яркими мазками обрисовать предмет изложения, должен колко и язвительно, учитывая различные точки зрения, лапидарно, короткими резкими фразами охарактеризовать его суть, вдохнуть в него жизнь, прибегнув к определенному пафосу, наделить его

теми или иными красками благодаря своему остроумию и привнести в него изюминку за счет остроты слога», одним словом, прибегнуть ко всему арсеналу еврейского образа мыслей.

Еще яснее мы видим, каким образом таланты актера или юриста связаны со способностью быстро вживаться в мир чужих представлений, без каких-либо особых усилий обзирать, оценивать и использовать того или иного человека или обстоятельства. Здесь на помощь еврею приходит прежде всего его ярко выраженная субъективность, благодаря которой он входит во внутренний мир другого человека, делает своими его идеи и представления, ставит себя на его место, начинает думать, как он, и оправдывает и защищает как бы себя самого. Неспорная подавляющая часть еврейской литературы — это литература юридическая.

III. Еврейская самобытность на службе капитализма

Из всего сказанного возникает вопрос: как и почему хорошо известные особенности характера еврея позволяют ему быть не только математиком, статистиком, врачом, журналистом, актером и адвокатом, но и с успехом осуществлять деятельность финансиста, биржевика и вообще экономического субъекта в рамках капиталистической системы хозяйствования? В какой мере его особая предрасположенность к капитализму, а также другие способности и таланты зиждутся на основных особенностях еврейского характера?

Здесь в общем и целом можно было бы сказать то же самое, что мы считали нужным сказать, когда речь шла о внутренних взаимоотношениях между иудейской религией и капитализмом: основные идеи капиталистического хозяйствования так сильно совпадают с основными идеями еврейского менталитета, что мы можем провести важные параллели между своеобразием еврейского характера, иудейской религией и капитализмом. Мы гово-

рили о том, что основополагающей особенностью еврейского народа является его чрезмерный интеллектуализм, и равным образом мы видели, что именно интеллектуализм является своеобразной особенностью капиталистической системы хозяйствования, отличающей ее от всех остальных: в этой системе организующая и направляющая деятельность раз и навсегда отъединяется от исполнительских функций, умственная работа отделяется от физической, и одновременно утверждается приоритет интеллектуального труда и руководящей работы («Чтобы свершить великий труд, достаточно одной головы для тысячи рук»).

Чем свободнее претворяется в жизнь капиталистическая система хозяйствования, тем заметнее становится ее абстрактная природа, и здесь она выступает точным отображением еврейского менталитета, в абстрактном характере которого мы уже убедились. Капитализм абстрактен по своей сокровенной сущности, потому что в нем в силу господства чисто количественной меновой стоимости упраздняются все качественные различия, а также потому, что на смену яркой и разнообразной ремесленно-технической деятельности приходит лишь одна купеческо-торговая деятельность, и разнообразные отношения между различными отраслями хозяйства заменяются чисто торговыми отношениями. Хорошо известно, что капитализм стремится лишить всякое культурное явление его самобытности, что он лишает нравы и обычаи их неповторимости, уничтожает самобытность того или иного народа и заменяет их одной-единственной космополитической городской культурой, не знающей никаких различий: в этом стремлении к унификации всего прежнего многообразия проявляется внутреннее родство капитализма с либерализмом, который, как мы в этом уже убедились, находится в одной когорте с иудаизмом (капитализм, либерализм и иудаизм тесно связаны между собой).

Если ко всему сказанному мы прибавим самое важное, а именно то, что лишить мир всего его многообразия капитализму удастся прежде всего благодаря тому, что все

явления этого мира он сводит к абстрактным деньгам, мы попадем в само средоточие всей капиталистической экономики и еврейской сущности. Именно в деньгах глубочайшее своеобразие того и другого находит свое максимальное выражение.

Деньги для капитализма — это возможность проникнуть в чисто количественный мир экономической жизни, и в то же время начальная и конечная точка всего происходящего. Мы видели, что использование капитала лежит в основе капиталистической экономики, которая, таким образом, проникнута идеей наживы. Важной особенностью такой системы хозяйствования является восприятие всей системы ценностей в ракурсе успеха, когда какое-либо дело оценивается не само по себе, а с точки зрения того, насколько успешным оно может быть. Вы спросите меня, как все это связано со своеобразием еврейского характера? Я считаю, что связано очень сильно.

Так же, как и для капитализма, для евреев деньги и преумножение их количества являются самым главным, причем не только потому, что абстрактная природа денег родственна такой же абстрактной природе еврейского народа, но и прежде всего потому, что трепетное отношение к деньгам соответствует одной из основных упомянутых особенностей еврейского характера, а именно телеологизму. Деньги — это *абсолютное средство*, они вообще имеют смысл только по отношению к какой-либо цели, которую можно достичь с их помощью. Вполне естественно, что человек, который постоянно имеет в голове какую-то цель, и вся жизнь которого рассматривается с точки зрения достижения этой цели, должен воспринимать деньги как нечто весьма значимое лишь в плане осуществления своих замыслов, но и в то же время как некую высшую цель своих устремлений.

Подобно капитализму, телеологизм акцентирует внимание не на осуществлении дела, а на успехе, тем самым не на сегодняшнем дне, а на завтрашнем. Если мы вспомним о том, что одной из черт еврейского характера является непоседливость, мы увидим, что этот характер еще лучше соответствует сути капитализма, который с необ-

ходимостью предполагает постоянную устремленность к чему-то новому, к постоянному расширению своих пределов, к постоянному принесению в жертву сегодняшнего дня во имя выгод дня грядущего. Нигде это стремление к успеху, эта чрезмерная оценка завтрашнего и послезавтрашнего дня не проявляется так ярко и самобытно, как в кредитных отношениях, где евреи чувствуют себя вполне уверенно. В этих отношениях все те свершения, которые должны или смогут заявить о себе только в будущем, уже проявляют свою силу в настоящем. Человеческий разум сможет предвосхищать в настоящем все потребности и переживания будущего, и кредит дает возможность благодаря нынешним экономическим действиям обусловливать возникновение будущих экономических реалий. Всеобщее распространение и усиление кредитных отношений свидетельствует о широком упрочении такого способа ведения хозяйства, который предполагает обращенность в будущее с целью достижения определенных выгод. Однако в силу этого нам приходится отказываться от того счастья, которое мы могли бы иметь, «полностью предавшись настоящему» (517). Мы видели, что с постоянной устремленностью к какой-либо цели тесно связан практический рационализм, оправдывающий только целесообразные действия. Здесь я хочу указать на то, что он в равной мере является важной составляющей как капиталистической экономики, так и еврейского склада характера, что капиталистическая экономика целиком и полностью основывается на рациональном оформлении любых экономических действий. Здесь опять бросаются в глаза разительные параллели между еврейством и капитализмом.

Однако обычному уму наверное будет легче понять все, о чем я говорю, если вместо метафизического и идеологического сравнения двух упомянутых феноменов я просто спрошу: почему все свойства характера, которыми обладает еврей, вполне подходят для того, чтобы он стал преуспевающим капиталистическим предпринимателем? Отвечая на этот вопрос, мы приходим к тому же выводу, который сделали из наших прежних рассуждений (вни-

мательный читатель, наверное, заметил, что между этими двумя способами рассмотрения нашей проблемы и двояким обоснованием связи между иудейской религией и капитализмом существует определенная параллель).

Хорошим «*предпринимателем*» еврея делает прежде всего его целеустремленность и сила воли. Постоянному поиску новых способов производства и сбыта товаров способствует острота и подвижность его ума. Хорошим организатором его делает более или менее хорошее знание природы человека, благодаря которому он быстро улавливает, какой человек на что годится. Слабо развитое чувство «органического», природного, вырастающего из глубин несколько ему не мешает, так как в капиталистическом мире царствует не органическое, природное, цельноразвившееся, а механическое, искусственное, сделанное. Даже самое большое капиталистическое начинание всегда остается неким искусственным механизмом, который можно как угодно увеличивать, разлагать на части, видоизменять в соответствии с поставленными на данный момент целями. Такое начинание всегда пронизано определенной целью, оно никогда не возникает в результате интуитивного созерцания как некое законченное целое (в чем пытаются нас уверить слишком «проницательные» истолкователи природы капитализма), но всегда является сочетанием различных частей, связанных между собой посредством отдельных целесообразных действий с учетом требований данного момента. В этом смысле создатели больших капиталистических предприятий являются также гениальными «организаторами».

Свойственные им качества наделяют их преимуществами как специфически капиталистических организаторов, поскольку они дают им возможность легче устанавливать те сугубо деловые отношения, на которых должна строиться подлинно капиталистическая система. Поскольку в евреях, как мы видели, не слишком развито восприятие личностного начала и склонность к личностным взаимоотношениям, построенным на принципе зависимости, они готовы расстаться с любой формой «пат-

риархальности»; кроме того, в трудовых отношениях они не допускают проявления чувств, которые только мешают делу, и стремятся к тому, чтобы построить отношения с покупателями и работниками на чисто правовой и деловой основе. Поэтому, когда рабочие начинают бороться за принятие трудового договора, основанного на сугубо правовых началах конституции, евреи очень часто становятся на их сторону.

Однако в еще большей степени, чем «предпринимателем», еврей может быть «*торговцем*». Еврей просто насквозь пропитан теми отменными способностями, которые позволяют ему торговать.

Мы уже видели, что торговец постоянно живет в цифрах, но в то же время цифры издавна составляли неотъемлемую часть жизни еврея. Благодаря своей склонности к отвлеченному мышлению счет ему дается легко, и поэтому «калькулирование», составление смет — его сильная сторона. Соединение выдающихся бухгалтерских способностей с трезвым осознанием поставленной цели представляет собой значительную часть тех деловых качеств, которые необходимы хорошему торговцу. Поиск выгоды предполагает внимательное и осторожное рассмотрение всех вариантов, перспектив и преимуществ и отметание всех рискованных начинаний, всех «бесполезных» действий, в то время как склонность к подсчетам наделяет весь этот поиск и все соображения арифметической точностью. Если наделить этого трезво мыслящего, четко взвешивающего и точно считающего человека немалой способностью к построению различных комбинаций (которой, как мы видели, евреи наделены очень хорошо), перед нами появится идеальный биржевой спекулянт. Быстро оценивать ситуацию, взвешивать и анализировать множество возможностей, точно выбирать одну, как наиболее благоприятную, и, исходя из этого, решительно идти на заключение сделки, — все это должен уметь торговец, и мы видели, что как раз для этого у еврея есть все способности. Я хотел бы обратить самое пристальное внимание на то внутреннее родство, которое существует между искусным врачом-диагности-

ком и ловким биржевым спекулянтом: мы обнаруживаем, что евреи вполне справляются с тем и другим видом деятельности, потому что они сходны и находят в еврейском характере благоприятную почву для своего развития.

Однако тому, кто хочет быть хорошим «торговцем», надо в первую очередь уметь не менее хорошо вести торговые переговоры, а кто для этого лучше всего годится, как не еврей? Евреи всегда были хорошо известны как умелые посредники в таких делах. Умение приспособиться, учесть все потребности рынка, а также все особенности спроса — единственное, что для этого требуется, и здесь народ, прошедший долгий путь приспособления, вне всякого сомнения, делает это так же хорошо, как и что-либо другое. Сила убеждения — еще одно условие, соблюдение которого оборачивается выгодой для торговца, и евреи опять-таки в значительной мере обладают этой силой благодаря их непоседливости и подвижности, благодаря их умению вжиться в конкретную ситуацию.

Итак, снова и снова мы приходим к одному и тому же выводу: для достижения максимальных результатов в капиталистической экономике никакие другие особенности характера не подходят так, как те, которыми обладает еврей. Я считаю, что у меня нет необходимости увеличивать число доказательств и в деталях конкретизировать их: если читателю кажется, что их немного, он легко может увеличить их количество, сопоставив между собой данные, полученные в результате предпринятого мною анализа капитализма, капиталистического предпринимателя и природы еврейского характера. (Можно было бы, например, провести интересные параллели между беспокойством, которое царит на бирже и которое по своей природе тяготеет к изменению уже существующего состояния, и беспокойной неутомимой природой еврея, однако я считаю, что сказанного достаточно).

В другом месте я попытался охарактеризовать идеальную природу предпринимателя, то есть того человека, который успешно осуществляет свои дела в капиталистической системе хозяйствования следующими ключевы-

ми словами: смысленный, пронизательный, интеллектуальный.

Он должен быть смысленным, то есть быстро схватывать ситуацию, давать острую и верную оценку, постоянно анализировать и обладать тем надежным «умением улавливать суть», которое дает ему возможность ловить тот благоприятный момент, который греки называли кайрос и который они отождествляли с удачей.

Он должен быть пронизательным, то есть, что называется, «знать людей и мир», давать верную оценку, быть надежным в общении с людьми, давать достоверную оценку того или иного положения дел и прежде всего хорошо знать все слабости и недостатки своего окружения.

Он должен быть интеллектуальным, то есть должен быть полон разных «идей» и «фантазий».

Кроме того, он должен быть трезво мыслящим человеком, то есть свободным от неожиданных порывов, чрезмерной чувствительности, сентиментализма и непрактического идеализма (и даже лучше, если такая свобода является не чем-то врожденным, а сформировавшимся в результате осознанных усилий).

И наконец, он должен быть деловым человеком в хорошем смысле этого слова, то есть надежным, умеющим исполнять обещанное, любящим порядок и экономным.

Мне кажется, что эти основные черты в равной мере характеризуют как хорошего предпринимателя-капиталиста, так и еврея.

Раздел третий

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО ЭТНОСА

Глава тринадцатая

РАСОВАЯ ПРОБЛЕМА

Некоторые предварительные замечания

Задача, которую я перед собой поставил во введении к этой книге, теперь, строго говоря, решена. Я постарался показать, какую роль играли евреи в формировании современной экономической жизни, во всех ее аспектах, и проследил связи между иудаизмом и капитализмом во всех областях экономики, то есть показал, почему евреи играли и продолжают играть эту важную роль и как они добились больших успехов отчасти благодаря объективным обстоятельствам, и отчасти в силу особенностей их характера.

Однако нет никакого сомнения в том, что вслед за этими ответами возникнет множество новых вопросов, мимо которых я не могу пройти, если не хочу, чтобы проницательный читатель, дочитав эту книгу, отложил ее с досадным чувством неудовлетворения. Ведь в конце концов каждый, кто следовал за мной до сих пор, то есть до того момента, когда глубокое влияние евреев на нашу экономическую жизнь я постарался объяснить особенностями еврейского характера, итак, каждый, следовавший за мной, должен теперь с нетерпением спросить: «Ну а куда отнести само это еврейское своеобразие? Откуда оно взялось и в какую сторону развивается?» Ведь при ближайшем рассмотрении скоро становится ясно, что оно может быть совершенно различной природы.

Итак, еврейское своеобразие может представлять собой не что иное, как некую функцию, с которой не связан

никакой орган, функцию, которая существует только до тех пор, пока ее тренируют, которая не может овладеть человеком, ее поддерживающим, и которая, наконец, похожа на одежду, исчезающую вместе с человеком, ее носящим.

С другой стороны, своеобразие, которым обладает человек, или, точнее говоря, которое как бы поддерживает его, может укрепиться в нем и перерасти в «задатки», которые продолжают существовать хотя бы какое-то время после прекращения упражнений, как, например, мозоли на руках сохраняются и после прекращения работы с топором или веслом. Однако такие задатки нельзя передать детям, и они умирают вместе с тем, кто их приобрел.

Однако бывают случаи, когда эти задатки так глубоко укореняются в самой сущности человека, что он все-таки может передать их потомству, и они, таким образом, становятся «наследственными».

Далее надо сказать о том, что наследуемые способности (или «задатки»: в данном случае оба термина можно воспринимать как синонимы, ибо, насколько я знаю, в биологической науке, которая пытается решить проблему наследственности, не существует какой-либо выверенной терминологии), могут «наследоваться» в самые разные периоды времени, например в так называемые исторически времена или ранее того. Таким образом, то, что мы называем еврейским своеобразием, может сформироваться в самом начале истории или по мере ее развития, в древние времена или позднее.

Необходимо подчеркнуть и тот момент, что унаследованное своеобразие опять-таки может сохраняться «всегда» или в какой-нибудь относительно короткий или долгий промежуток времени и, следовательно, оно может быть преходящим, исчезающим или не быть таковым.

Поскольку в нашем случае речь всегда идет о своеобразии целого народа, стоящие перед нами вопросы предполагают проблему «расовой» определенности этого народа, то есть возникает вопрос о том, не являются ли евреи особой разновидностью человечества, отличающейся от тех народов, среди которых евреи живут. Далее возника-

ет вопрос о том, каким образом происходит это отличие, можно ли здесь говорить (пользуясь терминологией *Штейнмеца*) об элементарных дистрибутивных или смешанных различиях.

Когда речь заходит о своеобразии целого народа, надо, наконец, иметь в виду и тот факт, что яркое своеобразие каких-либо его представителей может возникнуть не благодаря наследованию каких-либо новых свойств и способностей, а в результате брака с представителями других народов или же благодаря отбору в самом этом народе. Мы видели, что коллективная психология всегда стремится к выявлению тех свойств, которые одинаково воспроизводятся довольно большим числом индивидов, принадлежащих к определенной социальной группе. Однако такая группа, как правило, включает в себя индивидов, которые резко отличаются от других представителей этой группы, и которые представляют собой определенный «вариант». По различным причинам числовое соотношение различных вариантов внутри группы может меняться (благодаря отбору), и если эта группа в какое-то время состояла из индивидов, отражающих одни особенности, то теперь она состоит из участников с другими особенностями. Таким образом, социально-психологический облик группы меняется (я считаю, что это происходит под влиянием «среды»), и возможность «заново наследовать» какие-либо качества утрачивается.

Итак, мы видим, сколь разнообразны возможности объяснения того или иного конкретного своеобразия, и один только обзор этой проблемы показывает, насколько она сложна и как неадекватно ее токует большинство авторов.

Не надо приводить никаких особенных доводов, чтобы стало ясно, что ответы на эти вопросы имеют решающее значение, однако, если мы хотим быть честными, нам надо сразу же признать, что сегодняшний уровень наших знаний не позволяет нам дать полный и исчерпывающий ответ на эти принципиально важные вопросы. Тенденциозная литература здесь, как и везде, уже дает свое решение, однако каждый, кто хоть немного вник в эту пробле-

му, видит, что в ней на данный момент гораздо больше вопросов и загадок, чем ответов.

Однако мне кажется, что сейчас единственное, что мы должны сделать и что может лишить еврейскую проблему той неопределенности, в которой она на данный момент пребывает, это четко осознать все спорные проблемы, ясно и недвусмысленно сформулировать вопрос и подвергнуть критическому рассмотрению все обилие накопившегося материала. Складывается впечатление, что, когда мы начинаем обсуждать именно «еврейский вопрос», причем в аспекте общей «расовой проблемы», все темные силы собираются воедино и стараются сбить нас с толку.

То, что *Фридрих Мартиус* недавно объявил особенно необходимым для решения проблемы наследственности, а именно «более точное определение понятий» (518), необходимо также и для решения всей расовой проблемы в целом и крайне важно для решения еврейского вопроса. И здесь, наверное, помимо прочих может помочь и тот человек (а, быть может, именно он?), который не занимается специальными исследованиями и, следовательно, может дать лучший обзор всех тех результатов, которые были получены в отдельных научных областях. Эта мысль вселяет в меня отвагу, и я надеюсь, что ниже смогу дать общее представление о том, на каком уровне сегодня находится решение еврейской расовой проблемы: каков объем достоверных знаний, каковы возможности в деле решения этого вопроса и с какими несомненно ложными гипотезами мы встречаемся, когда речь заходит о широко распространенных заблуждениях.

I. Антропологическое своеобразие евреев

На сегодняшний день можно сказать, что по крайней мере в самых решающих моментах вопрос о происхождении евреев и их антропологическо-этнологической истории разъяснен.

Существует почти единое мнение о том, что как Израильское царство, так и Иудейское возникли в результате

смешения различных восточных народов (519). Когда в XV в. «евреи», которые в ту пору представляли собой племя бедуинов, решили «осесть» в Палестине, они встретились там с народом, который жил в этих краях уже довольно давно, а именно с хананеями, которые, наверное, занимали там господствующее положение и населяли эту землю вместе с хеттами, фересеями, евеями и иевусеями. С представителями всех этих народов израильское и иудейское племена вступали в брачные отношения (таковы данные новейших исследований, в отличие от более ранней точки зрения, которая была обратной).

Когда определенная часть народа (позднее мы увидим, какая именно) была уведена в вавилонский плен, смешанные браки продолжались и в Вавилоне. О судьбе евреев периода вавилонского плена (которая нас, собственно, и интересует) мы имеем достаточно точные сведения, по крайней мере в том, что касается их половой жизни: эти данные были получены благодаря новейшим расшифровкам клинописи, и некоторые надписи не оставляют сомнения в том, что постепенно между еврейскими пленниками и жителями Вавилона стали заключаться браки. Мы видим, что первые начали давать своим детям вавилонские имена, тогда как вторые, напротив, называли своих детей персидскими, еврейскими и арамейскими именами (520).

Не столь ясным остается вопрос о том, в каких родственных отношениях находились между собой отдельные племена и народы, из которых сформировались евреи, а также о том, где проходила линия отличия от других народов и как эти племена следует называть. Мы знаем, что особенно оживленная полемика, разгоревшаяся по поводу термина «семиты», окончилась тем, что сегодня антропологи вообще не слишком охотно употребляют это слово.

Спор о семитах является одним из тех примеров (другим известным примером является спор об арийцах), когда вопрос излишне усложняется, поскольку мнения лингвистов и антропологов об определении границ между различными племенами взаимопроникают друг в друга. Сегодня мы знаем о том, что «семиты» — чисто лингвистическое понятие.

тическое понятие, что им можно определять все те народы, в языке которых есть нечто семитское, и, кроме того, мы знаем, что с антропологической точки зрения эти народы сформировались из самых разных элементов (521).

Мне кажется, что спор о том, на каких основаниях проводить различия между восточными народами (к которым принадлежат как египтяне, вавилоняне, ассирийцы, так и финикийцы и евреи, одним словом, все культурные народы Древнего Востока) и как их называть, довольно-таки бессмысленный. Станем ли мы вслед за *Фридрихом Мюллером* говорить о хамитах и семитах, будем ли вслед за *Лушаном* говорить о семитах, амореях, хеттах и кушитах, или же присоединимся к точке зрения *Гексли* и *Штраца* и начнем рассуждать о меланохромных народах, боюсь, что в любом случае в силу полного отсутствия необходимого материала для исследования мы никогда не сможем с безукоризненной точностью определить их антропологическое своеобразие. С другой стороны, эти пробелы в наших познаниях вовсе не являются такими уж существенными, если мы вспомним о гораздо более важном и бесспорном факте, согласно которому во всех этих случаях речь вне всякого сомнения идет о тех народах, которые, учитывая их происхождение и доисторический образ жизни, можно было бы назвать (и об этом мы еще будем говорить) народами пустыни. Мысль о том, что в этих жарких землях каким-то образом оказалось светловолосое и голубоглазое нордическое племя, сегодня специалисты единогласно признают несостоятельной. Во всяком случае, к этой германофильской гипотезе (522) можно относиться весьма настороженно до тех пор, пока приводятся не менее убедительные доводы о том, что светловолосым был и царь Саул, а также о том, что Рамсес II был длинноголовым (долихоцефалия).

Каким же образом сложилась этническая судьба этой смешанной группы, из которой появились евреи? Раньше обычно говорили о том, что в последующие века еврейский народ все больше и больше смешивался с другими народами, как это было до вавилонского плена и в первые годы пребывания в Вавилоне. *Ренан*, *Леб*, *Нойбауэр* счи-

тали, что сегодняшние евреи в значительной степени являются потомками языческих прозелитов эпохи эллинизма или отпрысками смешанных браков между евреями и народами, среди которых они проживали в эпоху распространения христианства. Однако тот факт, что среди евреев встречаются светловолосые (до 13 %), причем главным образом в восточноевропейских странах, наводит на несколько рискованное предположение, а именно на мысль о том, что в данном случае мы имеем дело с метисами, возникшими в результате смешения еврейского и древнегерманского (или славянского) начал. На сегодняшний день широкое хождение получила противоположная точка зрения (которая разделяется почти всеми ведущими исследователями): со времен Ездры и до наших дней евреи в основном сохранили чистоту расы и, таким образом, более двух тысяч лет они являют собой этнически самобытный народ, почти не затронутый другими народами. Никто, конечно, не отрицает, что за столь долгий период диаспоры какие-то капли чужой крови все-таки попали в еврейскую, однако считается, что эта доля была весьма незначительной, чтобы говорить о серьезном влиянии на этнический характер еврейского народа.

Как бы там ни было, сегодня со значительной долей уверенности можно сказать, что раньше число прозелитов очень сильно завышалось. Никто не станет спорить, что в эпоху эллинизма и во времена первоначального христианства (более поздние века мы до особого случая вообще не рассматриваем) среди языческих народов были последователи иудаизма (им уделяет внимание как иудейское, так и, например, римское законодательство), однако сегодня есть основания предполагать, что в таких случаях всегда имелись в виду так называемые *прозелиты врат*, то есть те, кто, обратившись в иудейскую веру и совершая иудейское богослужение, все-таки не имел права на обрезание и вступление в брак с евреями (почти все они, кстати сказать, подпали под влияние христианства). Со времен Пия евреям и их детям снова было разрешено обрезание, однако прозелитизм строго воспрещался. В результате этого формальный переход в иудаизм

стал наказуемым преступлением, и «вероятно, именно в этом смысле запрет не отменялся, но, напротив, строго соблюдался» (523). «*Judaeos fieri sub gravi poena vetuit*» («Переход в иудаизм возбраняется и тяжко наказуется»).

Можно, конечно, предположить, что (особенно в дохристианскую эпоху) совершался и полный переход в иудаизм, и тем самым происходило и смешение чужой крови с еврейской, однако, если мы вспомним о том, что уже в эпоху эллинизма количество евреев исчислялось миллионами, нам придется признать, что доля этой крови была совершенно незначительной, и к тому же, в какой-то мере это была кровь родственных народов (в Малой Азии, Египте и так далее).

Когда евреи появились в Европе, с их прозелитизмом практически было покончено, и даже неожиданное принятие иудаизма хазарами в VIII веке никак не повлияло на тот факт, что в средние века еврейский этнос почти не был затронут привнесением какого-либо чужеродного элемента. Мы выдадим свое полное непонимание масштабов того или иного исторического события, если станем говорить о том, что в результате принятия иудаизма хазарским каганатом произошло сильное смешение восточных евреев со славянами. «Хазарское царство» никогда не было настолько большим, чтобы его можно было воспринимать всерьез. Уже в X веке оно сузилось до совершенно незначительной области, которая в основном ограничивалась Крымом, а в XI веке крохотное иудейское государство хазар просто исчезает. Совсем малая оставшаяся часть хазарских евреев продолжает жить в Киеве. Даже если бы мы предположили, что весь хазарский «народ» принял иудаизм (и к тому же долгое время признавал себя приверженцем этой религии), все равно смешение с евреями было бы самым незначительным, и оно никак не смогло бы повлиять на этнический характер еврейского народа. Кроме того, вполне вероятно, что в иудаизм переходили только представители господствующего класса (524).

Смешанные браки по-прежнему остаются источником смешения рас, и мы можем считать несомненным тот

факт, что это происходило и в некоторые периоды еврейской истории. В какой-то мере такой вывод можно сделать на основании анализа общего положения евреев. можно предполагать, что смешанные браки между евреями и неевреями были особенно частыми тогда, когда начинала ослабляться еврейская община, то есть в последние века предшествовавшие наступлению христианской веры, или же в XII—XIII в. в Испании. Однако мы знаем и то, что упомянутое ослабление было лишь временным, что еврейская ортодоксия довольно скоро принимала необходимые меры, направленные на укрепление единства и недопущение в свои ряды иноверцев. То, что фарисеи совершали в эпоху эллинизма, в XIII в. в Испании отозвалось многочисленными диспутами, в результате которых расторгались браки, заключенные евреями с христианками и мусульманками (525).

С другой стороны, категорические запреты на браки между евреями и христианами, которые в первые века провозглашались на различных испанских соборах, указывают на то, что такие браки все-таки совершались. Например, согласно шестнадцатому канону Эльвирского Собора 304 г. женщинам-католичкам воспрещалось жениться на еретиках, это было возможно только в том случае, если еретики принимали католицизм (то же самое касалось евреев и схизматиков). Согласно четырнадцатому канону Третьего Толедского Собора (589 г.), евреям воспрещалось брать христианок в жены или любовницы, а дети, родившиеся в результате таких связей, должны были обязательно принимать крещение. Согласно шестьдесят третьему канону Четвертого Толедского Собора (633 г.), евреи, женившиеся на христианках, должны были принимать христианство, если они и впредь собирались жить со своими женами (526). Вряд ли можно предполагать, что браки, совершавшиеся в нарушение этих запретов, были слишком частыми. Разбавление еврейской крови испанской было тем более незначительным, что определенная часть евреев, действительно вступивших в смешанный брак, или по крайней мере их детей, утрачивала всякую связь с иудаизмом.

Мысль о том, что смешение евреев с северными народами было в какой-то мере значительным, вообще не выдерживает никакой критики, так как теперь мы знаем, что предположение, согласно которому в Германии, например, евреи до Крестовых походов проживали среди местного христианского населения и общались с ним, оказывается несостоятельным. *Бранн*, один из лучших знатоков германско-еврейской истории, считает, что предположение, согласно которому в раннем средневековье наблюдалась относительно успешная ассимиляция евреев, можно считать «парящим в воздухе призраком, который исчезает в лучах подлинного знания о внутренней жизни немецких евреев той эпохи» (527).

Всегда существовали светловолосые евреи, которые как будто служили расхожим доказательством довольно значительного их смешения со светловолосыми народами, среди которых они проживали, особенно если учесть, что их число в северных странах (особенно в Германии и России) действительно оказывается большим по сравнению с южными странами, где проживает темнокожее население. Сегодня, насколько я знаю, все исследователи говорят лишь о вероятности того, что светловолосые евреи могли появиться в результате дозволенного законом смешения со светловолосыми северными народами.

Недавно появилась и другая гипотеза (528), согласно которой светловолосые евреи появились в результате незаконного сожительства с русскими, когда, например, жены возвращались к своим мужьям или когда происходило насилие над еврейками во время погромов. Сразу видно, что такая гипотеза оказывается несостоятельной: если в какой-то мере ею можно объяснить появление светловолосых евреев в России, то по отношению к другим странам она показывает свою полную необоснованность, например по отношению к Германии, где светловолосые евреи и светловолосые немцы четко различаются по другим соматическим признакам (короткоголовые и длинноголовые). По отношению к южным странам эта теория тоже оказывается несостоятельной, поскольку здесь нельзя наблюдать широкого светловолосого окру-

жения, и тем не менее светловолосых евреев мы встречаем даже в Северной Африке и современной Палестине.

Их появление можно объяснить без каких-либо натяжек и разговоров о том, что они появились в результате смешения с другими народами в более позднюю эпоху: дело в том, что во всех темнокожих расах время от времени стихийно возникают светлокожие разновидности, которые впоследствии, находясь в особо благоприятном окружении (северные страны), увеличиваются в своем численном составе быстрее, чем где-либо еще. Лучшую приспособляемость можно объяснить климатическими условиями или искусственным отбором, когда среди светловолосых народов светловолосый тип женщин в большей мере отвечал идеалу женской красоты (529).

Мысль о том, что более двух тысячелетий евреи смогли сохраниться как особая этническая группа, находит свое полное подтверждение в том, что сегодня евреи, живущие на все земле, весьма едины по своим антропологическим признакам, что они никак не походят на те народы, среди которых живут, и что на протяжении всего этого времени они сумели сохранить бросающееся в глаза единообразие своих этнических черт. «Различные обстоятельства, а также чужеродное окружение смогли уничтожить общий почти неизменный тип, и именно евреи как никакая другая раса показывают, насколько влияние наследственности может превосходить тягу к приспособлению в судьбе народа» (Ауэрбах). «Еврейский аллотип всегда рассматривается среди окружающего населения, и это служит бесспорным доказательством стабильности и своеобразия антропологического типа еврея. Вряд ли кто-либо теперь сомневается в бесспорности этого факта» (Элькинд).

Антропологическая однородность еврейского типа в достаточной мере подтверждается многочисленными исследованиями и измерениями (преобладание короткоголовых, брюнетов) (530). Невыясненным остается лишь вопрос о том, можно ли антропологически обосновать давно существующую противоположность между ашкеназами и сефардами (на которую мы обращали внимание

в разное время). На данный момент в обсуждении этого вопроса наблюдаются две прямо противоположные точки зрения (531), и мне кажется, что для того чтобы выносить окончательное решение, мы располагаем слишком незначительным материалом, на основании которого ведется полемика за и против «расового различия» между обеими группами. Основываясь на личных наблюдениях, испытываешь немалую склонность к тому, чтобы в некотором отношении признать вполне вероятным различие между ашкеназами и сефардами: глядя на стройного, элегантного выходца из Испании, у которого тонкие ноги и руки и крючковатый костистый нос, и сравнивая его с неуклюжим коротконогим ашкеназом, наделенным широким мясистым носом, непосвященный человек может воспринять их как два совершенно разных типа. Однако мы уже сказали о том, что пока нет никакой возможности научно обосновать это субъективное «впечатление».

В настоящее время также спорным остается вопрос о том, все ли сегодняшние евреи обладают той или иной физиологической предрасположенностью, отличающей их от окружающих народов. Некоторые физиологические и патологические особенности, вне всякого сомнения, им присущи: ранняя менструация, не сильно выраженная предрасположенность к раку (особенно к онкологическим заболеваниям, связанным с материнством), и напротив, сильно выраженная предрасположенность к диабету, к психическим заболеваниям и так далее. Те же, кто отрицает физиологическое своеобразие евреев и их склонность к определенным патологиям, считают, что все эти особенности можно объяснить социальным положением евреев, их религиозными обычаями и прочими моментами (532). В любом случае надо признать, что и здесь для обоснованного решения недостает материала, и что пока нам приходится довольствоваться картиной, которая не совсем ясна.

Однако в противоположность этому никакого сомнения не вызывает физиономическое родство современных евреев. Как известно, физиогномика является результатом взаимодействия двух факторов: определенных форм

лица и определенных способов выражения в этих формах и с помощью этих форм. Она не предполагает измерений и вычислений, которым поддаются другие соматические свойства, и потому должна восприниматься наглядно. Подобно тому, как для дальтоника не существует красок в этом мире, для человека, не способного воспринимать все своеобразие человеческих лиц, не существует никакой физиогномики. Когда, например, *Фридрих Герц* говорит о том, что он «не мог бы у доброй половины образованных и благосостоятельных евреев... с полной уверенностью определить внешние признаки их происхождения» (533), против этого, конечно же, нечего возразить: такое, конечно же, не под силу хорошему наблюдателю. Однако в данном случае он не прав, и даже обычный человек может вполне уверенно опознать еврейские черты. Сегодня «еврейская физиогномика» все еще остается реальностью, и лишь очень немногие могут в этом сомневаться. Надо, однако, помнить о том, что среди евреев, конечно же, есть много таких, кто совершенно не похож на еврея, и что, напротив, среди неевреев встречаются «еврейские» физиономии. Я не хотел бы вслед за *Штрацем* (534) говорить о том, что Габсбурги похожи на евреев, поскольку у них отвислая нижняя губа, а французские Людовики — поскольку у них большие носы, но тем не менее надо отметить, что даже среди некоторых восточных народов (и быть может, даже среди японцев), вне всякого сомнения, встречаются еврейские типы, которые по своему вероисповеданию евреями не являются. Мне кажется, что это нисколько не говорит против антропологического своеобразия евреев и свидетельствует только о том, что у этих народов и евреев, вероятно, были общие предки. Как известно, существует точка зрения, согласно которой десять затерянных Израилевых колен избрали Японию как, впрочем, и другие регионы Земли, конечной целью своего странствования: во всяком случае, удивительное сходство японского и еврейского типа лица могло бы как нельзя лучше подтвердить эту гипотезу, которая, впрочем, остается совершенно фантастической. Мы не можем вслед за Штрацем воспринимать ев-

рейскую физиономию как некое вполне заурядное проявление упадка или объяснять ее черты (как это делает *Рупли*) условиями жизни в гетто: мы не можем этого делать, принимая во внимание тот несомненный факт, что подлинно еврейский тип лица встречается уже на египетских и вавилонских памятниках. Достаточно взглянуть на изображения еврейских пленников эпохи завоеваний фараона Шешонка (973 г. до новой эры) или на посланников ко двору Салманасара (884 г. до новой эры) (535), чтобы понять, что с тех времен и до сегодняшнего дня, то есть на протяжении почти трех тысячелетий еврейское лицо не претерпело никаких существенных изменений. Это является подтверждением той мысли, что в антропологическом отношении еврейский народ весьма своеобразен, и что это своеобразие удивительно постоянно.

II. Еврейская «раса»

Можем ли мы, учитывая все сказанное, говорить о существовании еврейской «расы»? Ответ на такой вопрос предполагает, что понятие «расы» достаточно четко определено, однако мы знаем, что на самом деле это не так. Определений «расы» существует почти столько же, сколько ученых этой проблемой занимаются. Каждый, вне всякого сомнения, может сказать: «Вот это я называю расой, и если то, что я охарактеризовал так-то и так-то, действительно является расой, то в таком случае евреи являются ею или же наоборот». Не приходится сомневаться, что такой подход в большей или меньшей степени является бесхитростной игрой, в зависимости от того, насколько зол или глуп человек, который так поступает. Такой подход приобретает хоть какое-то значение для науки только в том случае, если человек ясно понимает и доходчиво разъясняет другим, чего он собственно хочет, то есть достижению каких целей должно служить данное им определение этого понятия. Теперь это наконец-то начинают понимать и «теоретики расы», и сегодня те из них, кто настроен по-научному, пытаются под-

вести под это понятие научно-критический фундамент. Прежде всего становится ясно, что со словом «раса» или «порода» связывают *самые разные значения* и что речь идет о чем-то принципиально различном, если в одном случае я говорю: «Эта женщина породиста», а в другом: «Этот мужчина принадлежит к монголоидной расе». Таким образом, становится ясно, что в первом случае определяется какой-то идеал, а во втором в слово «раса» вкладывается лишь классификационное значение. В последнее время слово «раса» решительно продолжают употреблять в значении выведения, культивирования и все больше и больше приходят к тому, чтобы употреблять его лишь в смысле какого-то упорядочения той или иной группы людей. Это означает лишь одно: мы отказываемся от стремления классифицировать всех людей, которые сегодня живут на Земле, в соответствии с теми или иными антропологическими признаками, иначе говоря, провести между ними различия в соответствии с их «разновидностями» (видами). «При сегодняшнем уровне исследований все попытки разделить человечество на резко отличающиеся друг от друга группы (расы или разновидности) согласно их физическим различиям имеют лишь преходящую ценность. Здесь никто не видит ясной картины, да и не может ее видеть» (Ранке).

По существу, такому негативному выводу не приходится удивляться, если мы вспомним о том, сколь грубыми оказываются те «признаки» человеческого вида, которые действительно можно определить, и сколь далеки мы оказываемся, вооружившись всеми этими «признаками» от реального человека в его органической целостности. К современной антропологии, как к никакой другой науке, подходят роковые слова о том, что в ее руках находятся составные части, но, к сожалению, не хватает единой связующей нити. Форма черепа, прогнатизм, форма лица и угол зрения, форма носа, ушей, величина головы, цвет кожи и волос, стеатопигия и форма женской груди, — вот признаки, которыми мы располагаем. Но какое значение тот или иной из них имеет для всего организма, какое значение они имеют друг для друга, как

друг от друга зависят, об этом мы можем только догадываться и, наверное, никогда не сможем прийти к чему-то определенному. Поэтому нет ничего удивительного в том, что различные признаки, определяемые у различных человеческих групп, совершенно не представляют собой какой-либо единой картины, но всегда предстают острое многообразие черт того или иного типа.

Какое-то время надеялись с помощью точных измерений упорядочить весь этот хаос, и самые большие ожидания связывались в основном с измерениями черепа. Однако и такой подход (причем именно он) оказался совершенно недостаточным для разделения людей на различные группы: оказалось, что долихокефалы встречаются у самых разных народностей, также как и брахикефалы. Бушмены и негры, эфиопы и дравиды, семиты и северные европейцы имеют одинаковую длину черепа, в то время как остальные анатомические признаки оказываются различными.

Теперь приступают к исследованиям физиологических и патологических особенностей, надеясь с их помощью получить более обоснованную классификацию, однако еще не ясно, увенчается ли это начинание успехом.

Однако решение может лежать в совершенно иной плоскости, и от результатов биологических исследований, коль скоро они начались, быть может, целесообразно заняться изучением химического состава крови. Народная мудрость, которая довольно часто верно улавливает суть дела, уже давно подметила, что «кровь — совсем особая жидкость», и потому о глубоко укоренившихся привычках какого-либо человека говорили, что «это у него в крови» (кроме того, всегда говорят именно о «кровном родстве», а не о родстве, основанном на сходстве волос, голоса или носа). В последние годы целый ряд исследователей занялся вопросом о том, как охарактеризовать кровь какого-либо вида животных, и чем она отличается от крови другого вида, то есть в какой мере анализ крови можно использовать для определения и систематизации этих видов. Исследования *Бордэ*, *Нуталы*, *Угленгута*, *Вассермана*, *Фриденталя* и других ученых (536)

показали, что теперь путем биологического анализа можно определить качественное различие белка даже двух близкородственных видов и выявить некоторые белковые различия внутри организма (536). Остается узнать, можно ли с помощью этого метода выявить качественные различия внутри какого-либо вида, и, следовательно, можно ли использовать анализ крови для классификации человеческих «рас». Исследования, предпринятые школой Нейссера, и прежде всего *Карлом Бруком*, позволяют утвердительно ответить на этот вопрос (537). Исследования голландцев, китайцев и малайцев показали, что, вводя иммунную сыворотку представителям белой расы, можно определить их биологическое отличие от представителей монголоидной расы, и в то же время на основании полученных значений титра сделать вывод о степени родства между отдельными расами.

Говоря о таких исследованиях, мы, конечно, понимаем, что речь идет только о первых шагах, и что даже с помощью биологических методов мы еще не скоро придем к полной и окончательной классификации человеческих рас.

Однако мы были бы в высшей степени неправы, если, глядя на неудачи в области классификации, решили, что вообще не существует никаких антропологически обособленных человеческих групп; если до сих пор не смогли обнаружить никакого основополагающего отличительного признака, то это вовсе не значит, что сама действительность лишена каких-либо различий, и мы можем уловить их, не дожидаясь, когда этнологи, антропологи, биологи или физиологи предоставят нам классификационную таблицу человечества. Мы всегда сумеем найти средства и подходы, с помощью которых можно объяснить разнообразие отдельных признаков и рассказать об этом другим. Мы поступили бы неправильно, если, увидев, что эскимос отличается от негра, а выходец из Южной Италии от норвежца, стали бы ждать, пока антропологи не разработают годную к использованию классификационную таблицу. Когда речь заходит о классификации различных человеческих групп по соматическим

признакам, мы с еще большим основанием, чем при анализе различных психологических типов того или иного народа, можем воспользоваться правом проницательного наблюдателя, которого не смогут убедить, что птица является кошкой по той простой причине, что естествоиспытатели еще не поняли, почему и в чем именно они отличаются друг от друга. Главное — не впасть в панику! Когда видишь, какими скудными средствами располагает, например, антропология (вынужденным образом), то при всем уважении к ее достижениям все-таки не слишком склоняешься к тому, чтобы считать сферу ее компетенции достаточно обширной.

Возвращаясь к нашей теме, скажем, что, даже если мы и не можем по всем правилам академического подхода классифицировать евреев как особую «разновидность» человечества, это все-таки не дает оснований говорить о том, что они не обладают никаким антропологическим своеобразием. Когда Лушан с досадой говорит о том, что «для меня существует только еврейское религиозное сообщество и никакой еврейской расы» (538), я воспринимаю эти слова как импульсивную (и вполне понятную!) реплику раздраженного человека, которая не отражает истинной картины, поскольку находится в полном противоречии с его собственными научными исследованиями и полученными результатами. Когда он говорит о том, что не знает никакой еврейской расы, я считаю, что здесь могут предполагаться два момента: во-первых, ее не существует в смысле какой-то особой «разновидности» человечества (по приведенным выше причинам), и во-вторых, она не существует в смысле какой-то «чистой» расы (в противоположность смешанной), о которой совершенно произвольно начинают говорить, смешивая классификационное значение слова «раса» с ее идеализированным телеологическим значением. Именно об этом прежде всего и хотел сказать Лушан в приведенных выше словах, что и подтверждается следующей его фразой: «Практическое значение имеет и постоянный акцент на той смешанной общности, из которой и состоят сегодняшние евреи». Однако если не существует никакой еврейской

расы в двух упомянутых смыслах, то почему в таком случае можно говорить о существовании «только одного еврейского религиозного сообщества?» Здесь с полным правом можно было бы возразить, сказав, что наверняка существует и нечто напоминающее еврейский народ как некое единство, заявляющее о себе в истории и вне рамок религиозного сообщества. Кроме того, на том же основании можно предположить, что евреи все-таки обладают какой-то антропологической самобытностью, отличающей их от народов, среди которых они живут. Даже если бы мы не смогли привести ни одного соматического признака, отличающего еврея от других людей, я все равно настаивал бы на том, что евреи, где бы я их ни находил, представляют собой антропологически своеобразную общность и отличаются, например, от шведов или негров. Таким образом, мы не можем говорить о существовании одного только «религиозного сообщества».

Мы видим, что вопрос сводится к спору о словах. Предположим, что не существует никакой еврейской «расы», но все-таки нельзя не согласиться с тем, что существует антропологическое еврейское своеобразие, и очень жаль, что для его обозначения мы не нашли подходящего слова. Можно говорить о «народности» или о чем-либо еще, однако в данном случае наименование — пустой звук. Если мы договоримся о том, какой смысл мы вкладываем в слово «раса», которым так часто злоупотребляют, мы без каких-либо колебаний сможем употреблять его и по отношению к евреям. Я хочу завершить эти рассуждения очень доходчивой выдержкой из превосходного иудаиста *А. Руппина*, которая, как мне кажется, принадлежит к лучшим образцам всего того, что было написано о «еврейской расе»: «Не следует злоупотреблять понятием „расы“ [в данном случае Руппин имеет в виду лишь одно значение, которое придавали этому слову]. Если под этим словом мы понимаем лишь такое сообщество, которое сформировало свои антропологические признаки в доисторическую эпоху и сумело оградить себя от смешения с другими сообществами в ходе развития истории, то в таком случае между людьми с белым цветом кожи вообще нет

никаких расовых различий, так как все они на протяжении веков перемешались друг с другом. Мы сильно сомневаемся, что с момента своего появления в истории евреи образовали некую единую расу и всегда сохраняли ее самобытность.

Однако не вызывает никакого сомнения тот факт, что к концу XVIII в. люди, исповедующие религию Моисея, после многих веков следования самым строгим правилам сохранения чистоты крови, смогли сформировать внутри относительно и пространственно ограниченного круга то единство, которое по своим антропологическим признакам резко отличалось от христианского окружения.

Совокупность людей, генеалогически восходящих к этому единству, можно (за неимением более подходящего слова, обозначающего антропологическое единство какой-либо группы людей) назвать *расой*, а именно еврейской расой» (539).

III. Неизменность еврейского характера

В контексте всех этих антропологических выводов нас интересует только одно: какова взаимосвязь между некоторыми соматическими особенностями еврейского народа и его духовным своеобразием, поскольку нам хотелось бы узнать, находится ли это своеобразие у них в крови, является ли оно (согласно излюбленному выражению) «расово обусловленным» или нет. Для того чтобы приблизиться к решению этого вопроса, нам в первую очередь надо (как в случае с физическим своеобразием, так и с духовным) проследить, как в этом отношении обстояли дела в истории еврейского народа, то есть проследить, не наблюдались ли те особенности, которые мы замечаем в настоящем и недавнем прошлом, и в более ранние времена, не восходят ли они к самому началу истории или же, напротив, возникли позднее (и когда именно).

Вывод, к которому мы в данном случае приходим, таков: еврейский характер оказывается весьма постоянным, а некоторые особенности, некоторые своеобразные

черты еврейского склада души восходят приблизительно к тем временам, когда в общем и целом сформировалась этническая группа, которую мы называем евреями. Вполне понятно, что мы не можем все это подтвердить непосредственно или можем сделать это только с очень большими допущениями, поскольку достоверных описаний еврейского характера в раннюю эпоху очень немного, и к тому же они совершенно афористичны. Тем не менее очень интересно узнать, что Пятикнижие (Исх. 32: 9; 34: 9; Втор. 9: 13, 27) говорит то же самое, что и Тацит (об упорстве и упрямстве, «жестоковости» еврейского народа), интересно узнать, что Цицерон сообщает нам о братской сплоченности евреев, Марк Аврелий — об их непоседливости («О маркоманы, квады и сарматы, наконец-то я нашел других, которые беспокойнее вас»), а Хуан де ла Гуарте — об их остроумии, о мирской сметливости, о хитрости, проникательности и так далее.

Однако на основании всех этих характеристик, данных по какому-либо случаю, мы не можем получить правильного представления о том, каким характером обладали евреи в прошлом. Поэтому нам приходится идти окольными путями, исследуя внешнюю канву жизни этого народа, внешние проявления его жизнедеятельности, чтобы с их помощью (как с помощью выявленной симптоматики) прийти к заключению о внутренней сущности и психологическом своеобразии евреев.

Здесь в первую очередь надо обратить внимание на два момента.

1) Необходимо проанализировать, как со времен своего нахождения в диаспоре евреи относились к тем народам, *среди которых им приходилось жить*, и как сами народы относились к ним. Мы видели, что в последние века отношение к евреям было подавляюще враждебным: простые люди воспринимали их как чужаков, правительство — как людей, наполовину лишенных гражданства, и все это продолжалось до тех пор, пока с формированием капиталистических отношений ситуация не изменилась. Их ненавидели и преследовали во всех странах, но везде они умели держаться и выживать.

Обратившись в прошлое, мы видим, что, как только евреи вступали в отношения с представителями других народов, наблюдалась примерно такая же картина: народы, среди которых жили евреи, всегда относились к ним с неприязнью, независимо от своей расы, культуры или религии. Рано или поздно всюду дело доходило до внутреннего противостояния, всюду начинались гонения и жестокое обращение с народом-пришельцем.

Начало такому отношению положили египтяне: «Но чем более изнуряли его, тем более он умножался и тем более возрастал, так что опасались сынов Израилевых» (Исх. 1: 12).

Согласно апостолу Павлу «евреи всем человекам противятся» (1 Фес. 2: 15).

Такую же картину можно наблюдать и в эпоху эллинизма, во времена Римской империи: лютая ненависть, возникающая по малейшему поводу и перерастающая в гонения, грабеж, убийства и увечья, влекущие к смерти. Можно вспомнить об ужасных погромах в Александрии в I веке нашей эры, о которых сообщают Иосиф и Филон. Моммзен пишет о том, что «ненависть к евреям и их травля начались вместе с самой диаспорой». Можно вспомнить о преследованиях и во времена римских императоров (Марк Аврелий: «нередко вызывавшие ненависть зловонные и суетные евреи»), о грабежах и массовых убийствах во время правления Теодориха и владычества лангобардов в VII в. Надо отметить, что уже в VI в. в Вавилоне гонения устраивали и персидские цари, поклонявшиеся огню.

Даже на Пиренейском полуострове, где обстоятельства для евреев складывались весьма благоприятно, в конце концов их стали ненавидеть и преследовать, причем как мусульмане, так и христиане. Здесь можно вспомнить о притеснениях, которые начались в XI в. в Гранаде во время правления Иосифа ибн Нагрелы и которые в конце концов завершились изгнанием евреев из этой земли.

Все это (число примеров можно легко увеличить) свидетельствует о ненависти к евреям, распространившейся в нехристианских культурных кругах, на смену которой

в христианскую эпоху пришли многочисленные преследования.

Все это невозможно понять, не признав, что евреи обладали каким-то (причем постоянным) своеобразием: такое отношение не могло быть результатом одного лишь дурного расположения духа, в которое почему-то впали очень многие и непохожие друг на друга народы, пустившие на свою землю евреев.

Кроме того, мы видим, что снова и снова, во все времена и во всех странах (хотя и не всегда) власти не наделяли евреев всей полнотой гражданских прав. Евреи были гражданами *«наполовину»*, но не потому, что их не воспринимали всерьез и хотели растворить в окружающей среде. В древности они нередко даже наоборот наделялись некоторыми привилегиями, дававшими им право не выполнять те или иные государственные обязанности (например, не служить в армии) и не распространявшимися на них некоторые законы (например, законы о союзах и собраниях). Однако это все-таки не давало им возможности активно и во всей полноте принимать участие в жизни того государства, которое их приняло. Так, например, греки, жившие в Кесарии (то есть в городе, который был создан на еврейской земле и управлялся евреями!), выразили свой протест, не желая, чтобы евреи получили права гражданства, и тогда Бурнус, служивший при Нероне, пошел им навстречу (540). Что касается средних веков, то и тогда такое положение почти что не менялось.

Я считаю, что такая политика, в равной мере проводившаяся самыми разными государствами, опять-таки должна объясняться своеобразием еврейского народа (быть может, строгим религиозным законодательством, на что мы уже обращали внимание в некоторых случаях).

Однако евреи с давних пор умели выживать назло всякому насилию. На всем протяжении истории существования этого народа удивительная смесь упрямства и податливости, которую мы видим в сегодняшних евреях, являет собой основную черту в их поведении. Еврей предстает как неисправимый оптимист, как некий неунывающий *«ванька-встанька»*. Поверженный на землю, он

вскоре вновь становится на ноги. Достаточно вспомнить о том сопротивлении, которое еврейский народ оказал римским императорам, испробовавшим все средства ради того, чтобы лишить этот народ самостоятельности: несмотря на всяческие правительственные меры в III в. в Иерусалиме снова обосновался патриарх, который, по крайней мере *de facto* имел свою юрисдикцию и чьим властям приходилось терпеть. Со времен античности, на протяжении всего средневековья и вплоть до новейшего времени все прочие народы, оценивая какого-либо несговорчивого человека, говорили: «Упрямый, как еврей».

Удивительнее всего способность евреев быть податливыми и в то же время упрямыми проявлялась в их отношении к властям, когда дело касалось религии. За это они, в основном, и подвергались многочисленным нападкам и гонениям, ни за что не желая отказаться от горячо любимых религиозных идеалов. В итоге многие из них нашли выход: жить так, как будто они действительно отреклись от своей религии, но втайне продолжать исповедовать ее. Мы знаем, что так вели себя марраны, но здесь хотим подчеркнуть, что такая хитрость практиковалась со времен пребывания евреев в диаспоре.

Массовое появление мнимых язычников, мусульман и христиан — настолько удивительное, настолько неповторимое явление в истории человечества, что не перестаешь изумляться, когда слышишь об этом или читаешь, особенно когда узнаешь, при каких обстоятельствах осуществлялся этот мнимый переход в другое исповедание, узнаешь, что довольно часто ради сохранения собственной жизни такой уловкой пользовались весьма набожные евреи, являвшиеся официальными представителями иудаизма.

Сначала Елиезер бен Парта, который во время правления Адриана слыл мнимым язычником (541), затем известный Исмаил ибн Нагрела, который под именем раввина Самуила читал лекции о Талмуде, разработал методологию его изучения, давал свои заключения по тем или иным религиозным вопросам и, будучи визирем при мусульманском царе Габусе писал указы, начиная их слова-

ми «Хамду-ль-Иллахи» и заканчивая призывом жить по заповедям ислама (542), потом великий Маймуни, считавший, что вполне убедительно может обосновать причины, по которым он якобы стал мусульманином (543), затем лжемессия Шаббатай, исповедовавший Магомета и при этом ничуть не утративший своего авторитета в глазах верующих, далее — неаполитанский еврей Базилий, для видимости крестивший своих детей, чтобы под прикрытием их торговой фирмы продолжать торговлю рабами (что было запрещено евреям) (544), и, наконец, бесчисленное множество марранов, которые с начала гонений на евреев на Пиренейском полуострове стали переходить в христианство, но при всяком удобном случае возвращались к своей древней вере — какой удивительный калейдоскоп лиц, умевших сочетать в себе высочайшее упорство с глубочайшей податливостью!

2) Мы видели, что только в диаспоре многие своеобразные еврейские черты достигли своего полного развития. Возникает вопрос: можно ли *сам феномен рассеяния* целиком и полностью объяснить внешними обстоятельствами, сложившейся судьбой, которую оставалось только терпеть? Иначе говоря, смог ли бы какой-либо другой народ таким же образом рассеяться по всему миру? Так как к началу нашей эры рассеяние уже завершилось, на этот вопрос можно ответить, имея в виду одних лишь евреев древней Палестины. Мы знаем, что значительная их часть была силой изгнана с насиженных мест и уведена на чужбину или (говоря в более мягких выражениях) переселена в чужие страны. Мы знаем, что Тиглатпаласар устраивал еврейские поселения в Мидии и Ассирии, знаем также, что немало евреев силой увели в Вавилон, кроме того, нам известно, что Птолемей Лагид переселил тысячи евреев из Палестины в Египет и что, по всей вероятности, какую-то часть египетских евреев переселил в Кирену, где они создали колонию, мы знаем, что Антиох Великий вывел две тысячи еврейских семей из Вавилонии, дабы они селились во внутренних областях Малой Азии, Фригии и Лидии. Еврейские поселения вне Палестины Моммзен прямо называет «творением рук Александра или его маршалов».

Можно (по крайней мере, в тех случаях, когда евреев куда-либо переселяли силой) предположить, что речь идет о чисто внешнем принуждении без учета каких-либо своеобразных черт еврейского народа, но такое предположение слишком поспешно. Если бы этого своеобразия не было, евреев, по всей вероятности, никто бы не трогал. Устраивая еврейские поселения, власти стремились лишь к одному: чтобы какую-то выгоду получила земля, из которой их выселяли, или (по-видимому, в большинстве случаев) страна или город, где они селились. Их или боялись как зачинщиков беспорядков в их же собственных землях, или видели в них богатых и предприимчивых сограждан, с помощью которых можно добиться быстрого процветания какого-нибудь нового поселения (если, конечно, не было каких-либо других причин депортации, как, например, в случае с Птолемеем Лагидом, пославшим евреев на поселение в Кирену (о чем мы уже говорили), чтобы тем самым, зная их преданность, упрочить над Киреной свое господство).

Такое соображение дает нам возможность говорить о субъективном моменте народного своеобразия и в том случае, когда палестинские евреи покидали родину по экономическим причинам: слишком мало места для того, чтобы мог прокормиться быстро увеличивающийся в своей численности народ (очень часто встречавшаяся причина ухода и возникновения диаспоры, если вспомнить о природных условиях Палестины). Предпосылкой стесненного положения была одна своеобразная черта, а именно быстрый прирост населения (который, как известно, тоже в немалой степени объясняется как физиологическими, так и психологическими причинами). С другой стороны, тот факт, что стесненное положение приводило к переселению, еще больше говорит в пользу своеобразной предрасположенности народа к таким решениям. Евреев часто сравнивают со швейцарцами. Швейцарцы тоже много странствуют, потому что Швейцария не может прокормить большое население, но они странствуют прежде всего потому, что они — швейцарцы, потому, что у них хватает энергии своими силами

создать для себя лучшие условия. Мне кажется, что, когда население увеличится, индус, например, станет довольствоваться меньшей порцией риса вместо того, чтобы отправиться в неведомый путь.

Наш подход был бы слишком односторонним, если бы мы решили, что во всех случаях, как в древности, так и ныне, переселение палестинских евреев (а позднее и тех, которые проживали вне Палестины) является вынужденным. Такое всеобщее явление, сохраняющее свое постоянство на протяжении многих веков, никак нельзя объяснить, не предполагая, что наряду с вынужденным переселением было и добровольное. Идет ли здесь речь о своеобразной «тяге к путешествиям» или о слабой привязанности к родной земле, в данном случае не важно. В любом случае надо признать, что народ, который с такой легкостью переселяется из страны в страну, в чем-то своеобразен. Равным образом, не предполагая такого своеобразия, нельзя понять, почему места переселения почти всегда были одними и теми же, почему всегда это были большие города, в которые, как мы видим, евреи тянулись уже в древности. *Герцфельд*, дающий, наверное, самый полный список таких мест в эпоху эллинизма, вполне оправданно обращает внимание на тот удивительный факт, что из всего перечисленного встречается пятьдесят два города, а среди них, в свою очередь, тридцать девять процветающих торговых городов (545).

Последние соображения показывают нам, что еврейская самобытность, конечно же, не представляют собой чего-то такого, что сформировалось в диаспоре (и к тому же только в средние века, как в этом нас пытается уверить официальная еврейская историография): сама диаспора является порождением этой самобытности, которая должна была существовать изначально, по крайней мере в зародыше.

3) То же самое относится и к другому важному комплексу симптомов, по которому можно изучать своеобразие еврейского характера, а именно к *религии*.

Когда говорят, что еврей (каким он сегодня предстает перед нами) является порождением своей религии, что он

в очень сильной степени, так сказать, искусственно сформирован как «еврей» сознательной, полностью просчитанными и выверенными действиями отдельных кругов и людей (в противоположность всякому «органическому развитию»), я, конечно же, соглашаюсь, и надо сказать, что в своем собственном анализе, в той главе, которая была посвящена иудейской религии, я стремился показать, какое сильное влияние иудейская религия оказала прежде всего на поведение еврея в экономике. Тем не менее здесь я хотел бы, памятуя о точке зрения *Чемберлена*, со всей решительностью подчеркнуть: сама иудейская религия во всей своей самобытности не была бы возможной, если бы уже не носила на себе печать своеобразия. Тот факт, что какие-то люди и отдельные круги смогли построить такую удивительную смысловую структуру, уже предполагает в них определенное интеллектуальное своеобразие, и никак нельзя объяснить, почему целый народ дал увлечь себя их учением и признал его не только внешним образом, но, как говорится, принял глубоко в сердце, — это никак нельзя объяснить, не предположив, что в этом народе уже дремали те задатки и способности, которые, правда, лишь позднее развились в ярко выраженное своеобразие. Сегодня мы уже не можем отделаться от той мысли, что каждый народ придерживается только той религии, которая соответствует его внутренней сущности (и что какая-либо другая религия преобразуется до тех пор, пока не начинает сообразовываться с этой сущностью).

Таким образом, я считаю, что можно без каких-либо опасений перекинуть мост от самобытной иудейской религии к своеобразию еврейского народа, и целый ряд особенностей, которые мы видим сегодня, можно отнести к гораздо более древней эпохе, по крайней мере к тому периоду, который последовал вскоре после вавилонского плена. Надеюсь, от меня не будут ждать, чтобы я вдавался в содержание легенд и, уподобившись составителю каких-нибудь антисемитских катехизисов, из повествования об Исааке, Исаве и Иакове (которое в какой-то мере действительно щекотливо) и различных надувательст-

вах, которые они устраивали, выводил мысль о том, что «еврейский народ склонен к обману». Мне кажется, что повествование о различных проделках являются неотъемлемой частью любой мифологии. Если мы обратим свой взор на Олимп или Валгаллу, мы увидим, что там даже боги пускаются на такое низкое взаимное мошенничество, до которого еврейским патриархам было бы и не додуматься. Я размышляю об основных особенностях иудейской религиозной системы и обнаруживаю, что они тоже отражают основные черты еврейского характера, что в обоих случаях речь идет об интеллектуализме, рационализме, телеологизме, что, наконец, в них можно усмотреть то своеобразие еврейского народа, которое должно было наличествовать до формирования религиозной системы (я повторяю: по крайней мере, в зародыше).

4) Когда я отваживаюсь показать, что признаком неизменности еврейского характера является *бросающееся в глаза единообразие их экономической деятельности*, я вступаю в противоречие с распространенными взглядами, причем не только с той точкой зрения, согласно которой перемена в этой деятельности произошла с течением времени, но и с той, представители которой так же, как и я, говорят о единообразии, — вступаю потому, что в отличие от них имею в виду другую экономическую деятельность, которая постоянно присутствует в истории евреев. Я полагаю, что мои взгляды отражают современный уровень науки (и веры!) в том, что касается развития еврейской экономической истории.

Теория, которую можно назвать официозной еврейской теорией ассимиляции, которую также отстаивают многие патриотически настроенные евреи и которая, наконец, насколько мне известно, восходит к *Генриху Гейне*, вкратце такова: изначально евреи были земледельцами, и также в диаспоре (даже после разрушения Храма) они работают на земле, избегая любой другой хозяйственной деятельности. Однако в VI—VII веках н. э. они были вынуждены распродать свои земельные владения. Теперь им волей-неволей приходится искать другие средства к существованию, и они выбирают торговлю товара-

ми как некую замену сельскохозяйственной деятельности, которая стала невозможной. Где-то около пяти веков они занимаются торговлей, но потом на них снова обрушивается роковая напасть: движение против евреев, вызванное крестовыми походами, приводит к тому, что в торговых кругах к ним начинают относиться неприязненно. Национальное купечество, успевшее окрепнуть и объединиться в союзы, изгоняет евреев с рынка, устанавливая на нем монополию своих корпораций. Евреи, опять утратившие источник к существованию, снова вынуждены искать новый или, точнее говоря, находят единственный, который еще остался доступен: они становятся кредиторами и скоро даже получают определенные привилегии в силу законов, поощряющих взимание процентов.

Согласно другой точке зрения, которая главным образом распространена среди нееврейских историков, но которую также поддерживают некоторые еврейские историографы (например, *Б. Герцфельд*), евреи изначально представляли собой народ, предрасположенный и преданный торговле, то есть это были не земледельцы, а некий «торговый народ», который при первой возможности принимался торговать: так было со времен Соломона во все века палестинского существования и через все перипетии диаспоры так продолжалось до сегодняшнего дня.

Я уже говорил, что с моей точки зрения оба взгляда неверны, по крайней мере, они односторонни, что и попытаюсь доказать, *сделав краткий обзор развития экономической истории евреев.*

Экономическая система еврейского народа начиная с эпохи царей и до утраты национальной независимости и, быть может, до кодификации Талмуда — это прежде всего самодостаточное народное хозяйство, поставляющее излишки соседям, тогда как его отдельные земледельческие образования или сами целиком обеспечивают себя, или находятся между собой в отношениях простого товарообмена. Типы хозяйствования, которые мы встречаем, таковы: индивидуальное хозяйство с наемным трудом,

расширенное индивидуальное хозяйство с обработкой барщины и ремесло. Там, где эти формы хозяйствования занимают господствующее положение, мы наблюдаем оживленную торговую деятельность, профессиональную торговлю, которая, однако, жестко ограничена определенными рамками. Когда во времена царей (позднее, как сообщают, торговля снова заглохла) Палестину заполнили торговцы самого разного толка, это, вероятно, было вызвано неприятием Соломоновой формы хозяйствования, которое совершенно четко являло собой тип большого барщинного хозяйства (чем-то напоминая виллы Карла Великого) и, естественно, обусловило большое передвижение товаров, которое, однако, не имело ничего общего с «торговлей товарами». «...Управлявших народом, который производил работы, было пятьсот пятьдесят ... Царь Соломон также сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Елафе, на берегу Чермного моря, в земле Иудейской. И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир, и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов, и привезли царю Соломону» (3 Цар. 9, 23, 26–28). «Конец же царю Соломону приводили из Египта и из Кувы; царские купцы покупали их из Кувы за деньги» (3 Цар. 10, 28). Эти и подобные им отрывки, на основании которых начинают говорить о том, что Израиль вел оживленную «международную торговлю» и даже «монополизировал» ее, без труда поддаются объяснению, если вспомнить о том, что царское хозяйство представляло собой своего рода роскошную усадьбу, существовавшую за счет земельной ренты, откуда управляющие на кораблях (в сопровождении других крупных землевладельцев) отправлялись в другие земли за товарами для царских нужд, которые они получали путем покупки, обмена, принуждения или как подарок). Тот факт, что царское хозяйство является частным (индивидуальным), становится особенно очевидным, если мы посмотрим, как описывается строительство храма. Соломон просит тирского царя Хирама послать ему людей, искусных в этом деле. «Итак, пришли мне человека, умеющего

делать изделия из золота и из серебра, и из меди, и из железа, и из пряжи пурпурового, багряного и яхонтового цвета, и знающего вырезать резную работу, вместе с художниками, какие есть у меня в Иудее и в Иерусалиме, которых приготовил Давид, отец мой. И пришли мне кедровых деревьев, и кипарису, и певгового дерева с Ливана, ибо я знаю, что рабы твои умеют рубить деревья Ливанские. И вот, рабы мои пойдут с рабами твоими, чтобы мне приготовить множество дерев, потому что дом, который я строю, великий и чудный. И вот, дровосекам, рубящим деревья, рабам твоим, я даю в пищу: пшеницы двадцать тысяч ко́ров, и ячменю двадцать тысяч ко́ров, и вина двадцать тысяч батов, и оливкового масла двадцать тысяч батов» (2 Пар. 2: 7–10). Равным образом, в общую картину большого барщинного хозяйства вписывается и сообщение о том, что Соломон строил «города для запасов»: «И построил он Фадмор в пустыне, и все города для запасов, которые основал в Емафе» (2 Пар. 8: 4).

Нет ни одного отрывка, на основании которого можно было бы заключить (как это позднее делалось) о том, что Израиль вел «широкую торговлю» (Герцфельд, самым обстоятельным образом исследовавший эти вопросы, делает не только экзегетические ошибки, но и сильно ошибается в датировке источников: он, в основном, придерживается докритической хронологии некоторых библейских книг и поэтому почти все источники относит к периоду, предшествовавшему вавилонскому плену).

Все, что мы знаем из Библии о богатых пленниках и изгнанниках (Ездра 1: 4–6; Зах. 6: 10–11), оставляет нас в полном неведении относительно их профессиональных занятий и никак не оправдывает того вывода (Гретц), согласно которому они разбогатели благодаря «торговым делам» (скорее, на основании клинописи из Ниппура можно говорить о том, что в Вавилонии жили крупные еврейские торговцы). Кроме того, мне кажется, что слишком рискованно на основании отрывка из Книги пророка Иезекииля (Иез. 26: 2) делать вывод о том, что финикийцы ревновали к торговле и что до вавилонского пленения «торговля широко процветала».

О том, насколько надо быть осторожным и не торопиться на основании какой-то одной фразы делать вывод о существовании профессиональной торговли, свидетельствует часто цитируемое место из Книги Притчей, где говорится о коварстве неверной жены, которая обращается к неразумному юноше с такими словами: «Зайди, будем упиваться нежностями до утра, насладимся любовью, потому что мужа нет дома, он отправился в дальнюю дорогу; кошелек серебра взял с собою, придет домой ко дню полнолуния» (Притч. 7: 18–20). Итак, был ли ее муж купцом? Возможно, но так же возможно и то, что он был земледельцем, который решил отвезти землевладельцу плату за аренду земли, а заодно и купить пару волов.

В отличие от этого неясного отрывка другие места вполне однозначно свидетельствуют о том, что даже в более позднее время продолжало существовать барщинное, арендное хозяйство. Например, в Книге Неемии говорится о том, как Неемия просит царя уполномочить его на поездку к Асафу, который заведовал царскими лесами (был, как переводит де Ветте, «надзирающим за царскими лесами»): «И сказал я царю: если царю благоугодно, то дал бы мне письма к заречным областеначальникам, чтобы они давали мне пропуск, доколе я не дойду до Иудеи, и письмо к Асафу, хранителю царских лесов, чтобы он дал мне дерев для ворот крепости, которая при доме Божиим, и для городской стены, и для дома, в котором бы мне жить» (Неем. 2: 7–8). В других отрывках, например в отрывке из Книги Левит (Лев. 19: 35–36), где содержится часто приводимое предписание о правильном взвешивании, мере и весе, также нет ничего такого, что говорило бы против широко распространенной частной формы хозяйствования.

Конечно, обмен товарами существовал всегда, и уже, вероятно, в эпоху царей действовали профессиональные «купцы», а точнее «мелкие лавочники». О таком сословии мы узнаем тогда, когда читаем, что побежденный царь Венадад предлагает царю Ахаву иметь в Дамаске «площади» для мелочной торговли, как отец Венадада имел их в Самарии (3 Цар. 20: 34, см. также 3 Цар. 10: 14,

25), а также когда обращаем внимание на настойчивое упоминание о том, что в отстроенном Иерусалиме «между угольным жильем до ворот Овечьих чинили серебряники и (мелкие) торговцы» (Неем. 3: 32). Нельзя понять, каким образом из этого сообщения можно сделать вывод, что «в Иерусалиме существовала уважаемая купеческая гильдия» (Бертоле): скорее всего речь идет о мелких лавочниках, выполнявших какие-то ручные работы.

Но тем не менее можно предположить, что уже в раннюю эпоху совершался международный обмен товарами на торговых путях и что посредниками такого товарообмена выступали профессиональные «оптовые торговцы»: из Палестины везли сельскохозяйственные продуктивные излишки, а взамен, наверное, получали товары роскоши (546). «Иуда и земля Израилева торговали с тобою; за товар твой платили пшеницею Миннифскою, и сладостями, и медом, и деревянным маслом, и бальзамом» (Иез. 27: 17). Однако здесь мы сталкиваемся с тем примечательным фактом, что *такая незначительная торговля находилась в руках чужеземных, а не еврейских купцов*, то есть евреи воспринимали ее как «пассивную торговлю». Читаем в другом месте: «И тиряне жили в Иудее, и привозили рыбу и всякий товар» (Неем. 13:16). Мы видим, что через Палестину тянутся груженные караваны, но ведут их не евреи, а мидяне, савейяне, жители Дедана, наватеи, кедаряне и представители других народов (547). В Книге пророка Иезекииля Иерусалим называется «вратами народов», как его, вероятно, именовали южные народы после Тира и Сидона. В эпоху Книги Притчей даже развозная торговля находилась в руках хананеев, и если даже у себя дома евреи не могли сосредоточить торговлю в своих руках, вполне понятно, что на «мировом рынке», в странах древнего мира они (как представители международных торговых отношений) не могли играть заметной роли. В древности «торговым людом международного значения» были финикийцы, сирийцы, греки, но не евреи (548). «Нет почти никаких свидетельств тому, что еврейская эмиграция была преимущественно торговой» (549).

Учитывая столь многие согласующиеся между собой свидетельства, я не вижу никакого основания воспринимать хорошо известный отрывок из Иосифа Флавия («Мы не населяем страны прибрежной и не питаем склонности ни к торговле, ни к вызываемому ею общению с другими народами») (Против Апиона 1, 12) как тенденциозное преувеличение, которое якобы не соответствует умонастроению евреев той эпохи (по крайней мере, тем из них, которые еще вели оседлый образ жизни в Палестине). Это высказывание вполне соответствует действительности.

Последующие века не внесли существенных изменений в такое положение дел. В Талмуде, например, тоже основное место занимают изречения, читая которые можно сделать вывод о том, что по крайней мере на Востоке ремесленная и индивидуально-частная форма хозяйствования продолжают существовать без изменений и что вообще нельзя говорить ни о каком преобладании «торговой деятельности». Хотя мы и читаем о том, как восхваляют человека, который может «торговать пряностями» (550) и который тем самым избавил себя от тяжелого физического труда, речь все-таки идет о мелком лавочнике, а не о «купце». «Торговле», особенно заморской, раввины не благоволят, а некоторые из них в открытую проклинают любое «рыночное» устройство и прославляют простое и чистое индивидуальное земельное хозяйство. «И сказал Ахай бен Йосия: „Кому подобен покупающий плод на рынке? Он подобен ребенку, у которого умерла мать: вместе с ним ищешь двери, за которыми другие матери кормят своих детей, а этот остается голодным. Покупающий хлеб на рынке подобен тому, кто роет себе могилу, в коей его и погребут“» (551). Раввин наставляет своего сына, говоря ему: «Лучше иметь малый участок земли, чем большой склад товаров» (552). На четырех делах, согласно раввинам, никогда не почиет благословение: «на службе писца, на должности толмача, на деньгах от сирот и *на полученном от заморской торговли*». По отношению к последнему дается такое объяснение: «Ибо не всякий день совершается чудо» (553).

А как обстояли дела на Западе? И здесь мы не видим, чтобы «торговая деятельность» евреев широко развивалась. В эпоху римских императоров, а также в раннем средневековье, где он предстает как торговец, еврей скорее (вместе с «сирийцами») является все-таки очень скромным, незначительным лавочником, который, так сказать, мешается под ногами у «императорских торговых людей» императорского же Рима, как в XVII–XVIII в. точно так же купечеству наших земель мешал мелкий польский лотошник. Все, что мы знаем о еврейской торговле в раннем средневековье, вполне сводится к образу мелкого разносчика, и ничто не дает оснований говорить, что в этот период евреи являлись «торговым народом», каковым они, собственно, не были в ту эпоху, когда «торговля» (по меньшей мере внутренняя и международная) наполовину выглядела как разбойничье, наполовину — как авантюрное предприятие, то есть вплоть до самого последнего времени.

Итак, можно предположить, что если евреи не были «торговым народом», то, следовательно, правы представители другой точки зрения, правы по меньшей мере в том, что называют этот народ «земледельческим». Да, это так, но только в том смысле (как мы уже говорили об этом выше), что на протяжении всего периода античности и почти до середины средневековья еврейское народное хозяйство носило на себе отпечаток частного землевладения (таких выражений, как «торговый народ» или «земледельческий народ» и так далее, следует избегать по причине их неопределенности, и к этому я еще вернусь). Именно в этом смысле я согласен с таким предположением, но совершенно не согласен с тем, что тот вид экономической деятельности, который позднее стал для них почти единственным и к которому они якобы были просто приневолены (согласно официозной еврейской теории ассимиляции) в ту пору был им чужд. Напротив (и этому факту я придаю решающее значение), с самого начала развития еврейской экономики и на протяжении всех последующих веков *всегда денежная ссуда практиковалась в народном хозяйстве удивительно широко*. Она сопутствует

развитию еврейского этноса на всех его этапах: как в эпоху национальной независимости, так и в годы рассеяния. Она легко (и, вероятно, с большой охотой) практикуется как в земледельческом индивидуальном хозяйстве, так и во всех прочих формах хозяйствования. Именно в еврейях мы находим кредиторов, по меньшей мере со времени их исхода из Египта. Во время их пребывания в этой стране они, вероятно, были должниками египтян: как известно, покидая Египет, они взяли с собой ссуду, которую им одолжили египтяне («И дам народу сему милость в глазах египтян, и когда пойдете, то пойдете не с пустыми руками») (Исх. 3: 21). «Господь же дал милость народу своему в глазах египтян, и они давали ему, и обобрал он египтян» (Исх. 12: 36). Однако потом положение радикальным образом изменилось: Израиль стал кредитором, а другие народы — его должником, так что исполнилось чудесное благословение, ставшее своего рода девизом всей еврейской экономической истории и лапидарно выразившее в себе всю судьбу еврейского народа: «Ибо Господь, Бог твой, благословит тебя, как Он говорил тебе, *и ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы*» (Втор. 15: 6). В своем комментарии на Книгу Второзакония Бертоле так поясняет этот отрывок: «Он указывает на подоснову того периода, когда Израиль как торговый народ распространился по всему миру и благодаря своим денежным ссудам фактически обрел власть над всей землей» (554). Бертоле считает, что приведенный отрывок из Книги Второзакония (Втор. 15: 4–6) представляет собой позднейшую интерполяцию (о чем он сообщил мне в частном письме), которая, «как раз по той причине, что в ней говорится о грядущем весьма великом рассеянии Израиля по всему миру, восходит, наверное, самое раннее — к греческой эпохе (то есть последовавшей за эпохой Александра Великого)» (эту точку зрения разделяет и Марти, см.: Kautzschs Bibelübersetzung 3. S. 266).

Я уже говорил о том, что, с моей точки зрения, в эту пору еврейский народ еще не представлял собой распространившегося по всему миру *торгового народа*, и для того чтобы удостовериться, что я не пропустил никаких

важных источников, я спросил профессора Бертоле, на чем он основывает свои взгляды. Он привел следующие отрывки: Притч. 7: 19–20; 12: 11; 13: 11; 20: 21; 23: 4–5; 24: 27; 28: 19–20, 22; Сир. 26: 2, 27–29.

Все эти отрывки, в которых говорится об опасностях, с которыми сопряжено богатство, я уже рассматривал в другой связи и после более тщательного исследования обнаружил, что ни один из них не указывает на какую-либо широкую торговую деятельность. Например, я уже говорил о том, что в отрывке Притч. 7: 19–20 можно усмотреть упоминание о странствующем купце, но это вовсе не обязательно. Когда мы узнаем, что Товит был «закупщиком» (αγοραστής) при дворе ассирийского царя Енемессара и в этом звании получал хороший доход, это лишний раз позволяет сделать вывод о существовании хозяйства, основанного на принципе земельной ренты и не знающего никаких профессиональных торговцев. Еврейский придворный купец Анания, о котором упоминает Иосиф Флавий, мог быть торговцем, однако мог быть и так называемым придворным евреем. Я, конечно же, не стану оспаривать, что во все времена, и особенно в диаспоре, евреи умели торговать и, в частности, вести международную торговлю; я просто хочу сказать, что, на мой взгляд, это не было их характерной особенностью, каковой, скорее, являлось одалживание денег. И именно это имеет в виду Бертоле когда он, говоря о той эпохе, к которой можно отнести упомянутый отрывок из Книги Второзакония, подчеркивает, что в ту пору Израиль благодаря денежным ссудам обрел власть над всей землей. В таком же смысле он толкует и слова Страбона, приводимые Иосифом Флавием: «Этот народ проник уже во все города, и нелегко найти место на земле, где бы он не встречался и не господствовал» (Jos. Ant. XIV. 7, 2), и мне кажется, что здесь он совершенно прав, ибо трудно сказать, к чему еще можно отнести слово ἐλκράτειτα, как не к финансовой власти евреев, так как, говоря о них, нельзя представить никакого другого способа обретения власти.

Самым ранним доказательством того, что в древнем Израиле кредитные отношения находились на высоком

уровне развития, является, наверное, обличительная речь Неемии (которую лучше читать в переводе на немецкий, сделанном де Ветте, поскольку перевод Лютера полон неточностей и в главном моменте просто лишен смысла): «И сделался большой ропот в народе и у жен его на братьев своих, иудеев. Были такие, которые говорили: нас, сыновей наших и дочерей наших много, и мы желали бы доставать хлеб, и кормиться, и жить. Были и такие, которые говорили: поля свои, и виноградники свои, и дома свои мы закладываем, чтобы достать хлеба от голода. Были и такие, которые говорили: мы занимаем серебро на подать царю под залог полей наших и виноградников наших; у нас такие же тела, какие тела у братьев наших, и сыновья наши такие же, как их сыновья, а вот, мы должны отдавать сыновей наших и дочерей наших рабы и некоторые из дочерей наших уже находятся в порабощении. Нет никаких средств для выкупа в руках наших, и поля наши, и виноградники наши у других. Когда я услышал ропот их и такие слова, я очень рассердился. Сердце мое возмутилось, и я строго выговорил знатнейшим и начальствующим, и сказал им: вы берете лихву с братьев своих. И созвал я против их большое собрание. И сказал им: мы выкупали братьев своих, иудеев, проданных народам, сколько было сил у нас, а вы продаете братьев своих, и они продаются нам? Они молчали и не находили ответа. И сказал я: нехорошо вы делаете. Не в страхе ли Бога нашего должны ходить вы, дабы избежать поношения от народов, врагов наших? И я также, братья мои, и служащие при мне давали им в заем и серебро, и хлеб: оставим им долг сей. Возвратите им ныне же поля их, виноградные и масличные сады их, и дома их, и рост с серебра и хлеба, и вина и масла, за который вы ссудили их» (Неем. 5: 1–10).

Картина, которую нарисовал Неемия, не оставляет никаких сомнений в том, что еврейский народ был разделен на богатых, которые давали деньги в заем, и толпу земледельцев. «Народы», о которых упоминается в этом отрывке, по-видимому, представляли собой иноплеменных друзей евреев в их земле.

Вероятно, одалживание денег соотечественникам за всю историю существования евреев в Палестине и Вавилонии не умалялось (несмотря на действия Неемии и прочие реформы!), и ярким тому доказательством являются трактаты из Талмуда, так как в них (главным образом, естественное, в *Бавах*) наряду с изучением Торы ничто по степени значимости не играет такой роли, какую играет практика денежной ссуды. Рассуждения еврейских законоучителей (которые, вероятно, сами очень часто выступали главными кредиторами), решение Рабины (488–556) в вопросе взимания процента с чужаков (V. m. fol. 70 b), — все это звучит как обоснование монополии на кредитование для раввинов. Очень часто встречаются примеры одалживания денежной ссуды, рассуждение о различных формах процента и так далее. Кроме того, много места занимают разговоры о деньгах и проблеме даяния в долг. У всякого непредвзятого читателя, не лишённого экономических познаний, после чтения Талмуда сложится впечатление, что в этом мире много денег дается займы.

В диаспоре практика одалживания денег тем более начинает усиливаться. Насколько широко и обстоятельно хождение еврейских денег регулировалось в Египте уже в IV или V в. до н. э., показывает Оксфордских папирус Ms. Aram с 1 [P], в котором читаем: «Сын Ятмы... Ты дал мне деньги /... 1000 сегелей серебром. И я в месяц буду платить два галлура серебром лихвы за каждый сегель до того дня, когда верну тебе твои деньги. Лихва за твои деньги составит 2000 галлуров в месяц. Если в какой-то месяц я не заплачу положенной лихвы, то ее надлежит приложить к общей сумме и тоже определить с нее лихву. Я буду платить каждый месяц от своего содержания, исчисляемого мне из казны, а ты напишешь мне расписку (?) на все деньги и лихву, которые я тебе выплачу. Если я не верну тебе всех денег к месяцу Рот, то удвоится их сумма и лихва (?), оставшаяся за мной, и каждый месяц она должна мне начисляться до того дня, когда я тебе выплачу. Свидетели...» и т. д. (555).

В эпоху эллинизма, а также во времена правления римских императоров мы видим, что богатые евреи выступа-

ют кредиторами императоров и царей, а евреи победнее одалживают деньги простолюдинам. В ту пору в римском мире уже начинают говорить о еврейских «проделках» (556).

Равным образом, уже в доисламскую эпоху арабы, которым евреи давали деньги под проценты, говорят о том, что у евреев в крови стремление к «махинациям и получению лихвы» (557).

Наконец, мы видим, что в западно-европейских культурных кругах многие евреи, вероятно, изначально занимались заключением ссудных сделок: уже в эпоху правления Меровингов они выступают поверенными в делах и финансовыми управляющими (то есть, по существу, кредиторами) (558).

Что касается Испании, где они чувствовали себя свободнее всего, то местные жители издавна были их должниками. Задолго до того, как в других государствах дало о себе знать нечто подобное «еврейскому вопросу» (то есть проблеме ростовщичества), в Кастилии появилось законодательство, предусматривавшее решение проблемы еврейских долгов, причем в такой тональности, что не оставалось никаких сомнений: эта проблема уже успела приобрести большое практическое значение (559).

Никто не станет оспаривать тот факт, что «со времен крестовых походов» заключение ссудных сделок стало главным занятием евреев, и с момента получения самых первых сведений о еврейской экономической жизни мы видим, что исключительно важную роль в ней играли ссудные сделки.

Наверное, настала пора покончить со старым мифом о том, что в Европе в эпоху средневековья (и в основном «с начала крестовых походов») евреи были просто вынуждены заниматься заключением ссудных сделок, так как все прочие сферы экономической деятельности были для них закрыты. История хождения еврейских ссудных денег, насчитывающая две тысячи лет до наступления средневековья, со всей ясностью показывает, что такой вывод неверен, и даже по отношению к средним векам и Новому времени далеко не всегда оказывается правиль-

ным то, что утверждает официозная историография. Даже тогда евреям вовсе не был бы закрыт путь во все прочие профессии, кроме ростовщичества, и тем не менее они предпочитали давать деньги под залог. *Бюхер* доказал это по отношению к Франкфурту-на-Майне, но такая же картина складывалась и в других местах и землях. Мы видим (и это еще больше свидетельствует о природной склонности евреев к заключению ссудных сделок), что в средние века и позднее правительства разных стран просто стремятся к тому, чтобы евреи имели возможность заниматься другими видами деятельности, но усилия оказываются напрасными. Так обстоят дела в Англии во время царствования Эдуарда I (560), а также в Позене, где власти, прибегая к вознаграждениям и другим средствам, еще в XVIII в. стремились настроить евреев на перемену вида деятельности (561). Несмотря на то, что, подобно многим другим, они могли стать ремесленниками или крестьянами, евреи не стремились к этому: в 1797 г. в городах Южной Пруссии на 4164 ремесленника-еврея приходится 11 000–12 000 тысяч евреев-торговцев (с учетом того, что торговцев-христиан было 17 000–18 000 тысяч, в то время как еврейское население составляло 5–6 % от общего числа).

Наверное, можно было бы возразить, сказав, что тягу к «ростовщичеству» («денежной ссуде»), даже если оно осуществляется совершенно добровольно, не следует выводить из какой-то особенной предрасположенности к этому какого-либо народа, поскольку для него вполне хватает «общечеловеческих» причин.

Везде, где богатые живут рядом с бедными или менее богатыми, которые по тем или иным причинам нуждаются в деньгах (для пропитания или вкладывания в какое-то дело), оба слоя населения находятся во взаимоотношениях кредиторов и должников, если только самые необходимые условия для развития кредитно-долговых отношений хоть как-то отрегулированы с точки зрения права.

Всюду, где бедные жили рядом с богатыми, они занимали у богатых, и если наличия денег не предполагалось,

тогда заем происходил натурой. Поначалу взимания процентов не происходило до тех пор, пока обе группы населения еще воспринимали себя как слагаемые единого целого, но потом (а именно с момента общения с чужеземцами) одалживание под проценты денег или обычных продуктов питания (зерно, мясо, масло) становится постоянной практикой в любом хозяйстве, где предполагается хоть какое-то имущественное неравенство.

Древность, средние века и Новое время одинаково широко практикуют денежные ссуды и взимание процентов, и в этом деле принимают участие представители самых разных народов и религий. Что касается древности, то здесь достаточно вспомнить аграрные реформы в Греции и Риме, которые ясно показывают, что в определенные времена они выглядели совершенно так же, как Палестина во времена Неемии. Средоточием совершения ссудных сделок в древности были храмы, в которых накапливались наличные деньги. Если в Иерусалимском храме выдавались денежные ссуды (были ли это на самом деле, нельзя сказать с полной уверенностью, поскольку в одном из трактатов Талмуда, где речь идет о храме (Sekalim), категорически запрещается пускать в какое-либо дело излишки, оставшиеся от того или иного жертвоприношения), итак, если в Иерусалимском храме и выдавались денежные ссуды, то такая практика несколько не отличалась от того, что происходило во всех больших храмах древности. Мы знаем, что храмы Вавилонии напоминали большие торговые дома: храм Мардука в самом Вавилоне или храм солнца в Ниппуре. «Если от потоков пищи, устремлявшихся в храм в качестве десятины и предназначавшихся для жертвоприношений, а также питания и оплаты многочисленного жречества, оставались какие-то излишки, то они употреблялись с пользой, то есть или с их помощью приобретались дома и земельные участки, которые потом сдавались в аренду, или они продавались (например, зерно и финики), но прежде всего заключались ссудные сделки, так что храмы в конце концов превращались в банковские дома» (562).

Такая же практика осуществлялась в храмах Дельф (563), Делоса, Эфеса и Самоса.

Равным образом в средние века церкви, монастыри, ордена, богадельни становятся средоточием оживленного совершения ссудных сделок (несмотря на запрет взимать проценты!).

Наконец, если сегодня у какого-нибудь крестьянина оказывается в свободном распоряжении сотня или тысяча талеров, он, конечно же, отдает их «в рост» своему нуждающемуся соседу.

Получить проценты с данных займы денег — слишком привлекательный и легкий способ преумножения собственных доходов, и потому каждый, кто в состоянии это сделать, наверняка охотно этим воспользуется. Для этого не надо быть настоящим евреем. Обычно количество ссудных сделок возрастает тогда, когда до сих пор спокойно существовавшее индивидуальное хозяйство по каким-либо внешним причинам начинает перерастать в хозяйство, предполагающее обмен, и главным образом тогда, когда крестьяне, прежде вполне довольствовавшиеся тем, что они производили, в силу быстрого роста процентов и налогов начинают нуждаться в больших денежных суммах, в то время как продают они еще не очень много. Такая же ситуация складывается и тогда, когда дворяне-землевладельцы решают начать городскую жизнь, но у них недостает наличных средств, которые можно получить через денежную ссуду. Затем наступают времена, когда «кризис кредитных взаимоотношений», а в истории Европы Нового времени и преследования евреев, становятся обычным явлением.

Итак, каждый, если он может, с радостью отдает свои деньги в рост, но если такое желание довольно широко распространено, так ли широко распространены и возможности сделать это?

5) Здесь я прихожу к новому соображению, а именно к мысли о том, что неизменность еврейского характера особенно хорошо прослеживается в их непрестанном умении *успешно совершать денежные сделки*.

Известно, что довольно часто в средние века городские власти прямо просили евреев поселиться в их городе и

спокойно заниматься ростовщичеством. Евреи пользовались всевозможными льготами. Начиная с епископа города Шпейера, который считал вполне уместным пригласить в свой город определенное число деловых евреев, дабы придать ему своеобразный отпечаток, и кончая заключением самых настоящих соглашений (какие, например, итальянские города в XV—XVI в. подписывали с самыми влиятельными еврейскими ростовщиками, дабы те создали ссудно-кредитный банк или давали деньги под залог) мы наблюдаем приблизительно одну и ту же установку.

В 1436–1437 гг. городские власти Флоренции пригласили в город евреев-ростовщиков, дававших деньги под залог, чтобы те помогли бедным слоям населения (Avv. M. Ciardemi. *Banchieri ebrei in Firenze nel secolo XV e XVI*. 1907).

Когда в XV в. Равенна решила войти в состав Венецианской республики и выдвигала определенные условия, среди прочих было условие, согласно которому в Равенну должны прибыть богатые евреи, чтобы справиться с бедностью, царившей в городе (Graetz G. d. J. 8, 235).

«Если уже в предыдущий период (до 1420 г.) у римских евреев наблюдалось значительное увеличение сделок, то в этот промежуток времени (1420–1550) при сложившихся благоприятных условиях их число резко возросло. В Италии даже появился обычай, когда отдельные коммуны ради получения денежных ссуд заключали самые настоящие договоры и сделки с евреями» (Theiner, *Cod. dipl.* 3, 335; Paul Rieger, *Gesch. d. J. i. R.*, 1895, 114).

Льготы, которые в эпоху средневековья давались еврейским ростовщикам, наводят на мысль о том, что в евреях было нечто особенное, благодаря чему именно их, а не кого-либо другого, хотели иметь в качестве кредиторов по закладной. Конечно, можно предположить, что христиане просто не хотели брать на свою душу грех ростовщичества, но только ли в этом кроется причина? Быть может, евреи были «более искусными» дельцами? Можно ли вообще хоть как-то объяснить тот факт, что веками они *весьма удачно* занимались денежными ссудами и по-

стоянно богатели, не допустив при этом, что в данном случае мы имеем дело с какой-то особенной предрасположенностью, которая им помогала?

Мысль о том, что денежная ссуда была для евреев чем-то большим, чем просто даяние денег и взимание процентов, что кредитование они превратили в искусство и, вероятно, на протяжении многих веков являлись если не основателями, то по крайней мере хранителями высоко-развитой технологии ссудных операций, совершенно однозначно подтверждается теми трактатами из Талмуда, в которых говорится об этих мирских делах.

Наверное, пришла пора (и я надеюсь, что эта книга послужит тому лишним поводом) какому-нибудь светлому уму, умеющему мыслить в ракурсе развития национальной экономики, обстоятельно проанализировать важные в экономическом отношении разделы Талмуда и всей раввинской литературы. Здесь мы, разумеется, не можем и не должны осуществлять эту работу, и я удовольствуюсь только кратким указанием на некоторые места, важные для постановки вопроса в целом, чтобы другой исследователь мог впоследствии без труда их отыскать (то есть я просто обозначу те моменты, которые, как мне кажется, свидетельствуют об удивительно высокой осведомленности евреев в экономических и особенно кредитно-хозяйственных вопросах). Когда вспомнишь о том, в какое время возник Талмуд (200 г. до н. э.— 500 г. н. э.) и сравнишь то, что в нем написано, со всем тем экономическим наследием, которое досталось нам от античности и средневековья, остается только удивляться: многие раввины рассуждают так, словно они прочитали по крайней мере Рикардо и Маркса или проработали несколько лет брокерами на бирже, были доверенными в большом банке или, наконец, адвокатами, специализировавшимися в области заключения ссудных сделок.

Приведем несколько примеров.

а) Некоторые отрывки свидетельствуют о хорошем знании *драгоценных металлов* и их свойств: «Равви Хизда сказал: „Существует семь видов золота: просто золото,

хорошее золото, золото из Офира (3 Цар. 10: 11), тонкое золото (3 Цар. 15: 18), тянутое, чистое и золото из Парваима“» (Йома 45 а) (L. G. 2, 881).

б) Прекрасно развито представление о *сущности денег* как «универсальном товарном эквиваленте». Кроме того, проводится различие между драгоценными металлами по тому принципу, являлись ли они в какое-либо время полноценной ходячей монетой или нет. Здесь надо указать на весь четвертый раздел трактата *Бава Мециа* (понятие о деньгах как универсальном товарном эквиваленте развивается до уровня определенного правового положения и сделка считается совершенной, когда в ней участвуют не только товары, но и деньги).

в) Проводится четкое различие между *потребительским* и *производственным* кредитами (взимание процентов со ссуды, предназначенной для производственных целей, разрешено, взимание процентов с потребительского кредита среди товарищей возбраняется). «Если кто-либо арендует поле у другого за десять мер пшеницы в год [арендная плата] и при этом говорит ему [арендодателю]: „Дай мне двести монет, я смогу лучше обработать это поле и потом буду отдавать тебе двенадцать мер пшеницы в год“, то это дозволяется. Но можно ли так поступать при найме лавки или корабля? От имени равви бар Абуха рав Нахман [235–320] замечает: „Нередко при найме лавки можно давать больше, чтобы там расставить картины, и при найме корабля — чтобы воздвигнуть мачту. Расставить картины, ибо тогда придет много народу и прибыль возрастет; воздвигнуть мачту, ибо когда снасти хороши, они лучше служат и корабль возрастает в цене“» (В. т. 69 б. Ср. также В. т. 73 а).

г) Наблюдается невероятно высокий уровень осознания правового и чисто технического аспекта ссудных сделок. Прочитав четвертый и пятый разделы трактата *Бава Мециа*, никак не можешь отделаться от впечатления, что речь идет о каком-то анкетировании на тему ростовщичества, проведенном в Гессене двадцать или тридцать лет тому назад: столь велико число различных оговорок и де-

талей, которые учитываются при заключении ссудной сделки.

д) Наконец, мне хотелось бы обратить внимание на сильные *математические способности*, которые ясно просматриваются у талмудистов, но которые существовали у евреев и ранее.

Любой обратит внимание на точные цифры, которые приводятся уже в древней литературе, начиная с Библии. *Моро де Жонне*, говоря о выдающихся достижениях древнееврейской статистики, подчеркивает, что еврейская «раса... обладала редкой способностью, а именно вычислительным умом и, так сказать, *числовой гениальностью*» (Al. Moreau de Jonnès, Stat. Des oeuples de l'antiquité 1 (1851), 98). Обоснованную оценку статистическим данным, приведенным в Библии, дает Макс Вальдштейн (см. Waldstein M.: Statist. Monatsschrift, Wien 1881).

Когда я говорю о специфически еврейской одаренности в сфере денежных операций и кредитования, я убеждаюсь в этом не только в результате анализа весьма основательных и глубоких рассуждений раввинов на эту тему, но и (быть может, даже в большей степени) потому, что во все времена евреям в их деловых начинаниях сопутствовал *успех*.

б) Этот успех находит свое впечатляющее выражение в *богатстве* евреев.

Можно без труда заметить, что с самого начала существования еврейского народа некоторые из евреев накапливали большие богатства, что вообще еврейское население в среднем отличалось большей зажиточностью по сравнению с другими народами и что, наконец, во все времена и во всех цивилизованных странах еврейское богатство вошло в поговорку.

Начало этому положил царь Саломон, который славился своим богатством даже среди весьма богатых восточных правителей, хотя, наверное, он нажил свое богатство не в результате удачных сделок (впрочем, кто знает?). Ситуация остается такой же и во времена вавилонского плена, и вскоре после него. Из Библии мы узнаем о том,

что некоторые изгнанники спустя недолгое время уже могли отсылать в Иерусалим золото и серебро (Зах. 6: 10–11). Из торговых договоров, найденных на раскопках Ниппура, мы узнаем, что во время своего пребывания в Вавилонии евреи играли большую роль в экономической жизни этой страны (564). Мы знаем, что те, кто вернулся из плена домой, привезли в Палестину немалое имущество (Ездра 1: 6–11). Позднее своим богатством начинают славиться священники (565), и, кроме того, бросается в глаза большое количество богатых и очень богатых людей среди талмудистов. Можно было бы без особого труда перечислить несколько дюжин раввинов, которые прославились своим богатством, и если бы мы сравнили число богатых законоучителей с количеством бедных, мы увидели бы, что явный перевес находится на стороне первых (566).

Что касается евреев эллинистической диаспоры, то и здесь мы видим, что многие из них были людьми зажиточными и богатыми. В тех местах, где евреи проживали вместе с греками (например, в Кесарее), они превосходили последних своим богатством (567). Особенно много богатых евреев мы встречаем среди тех, кто жил в Александрии: мы не раз слышим об очень богатых алабархах и видим, что александрийские евреи ссужали деньгами правителей.

Равным образом по отношению к средним векам у нас есть целый ряд свидетельств, на основании которых можно с немалой уверенностью сказать, что и тогда евреи не знали недостатка в земных благах. Мы видим, что в Испании они ссужают деньгами Реккареда с той целью, чтобы он аннулировал законы, принятые против евреев (568), видим, что в домусульманскую эпоху арабы завидовали их богатству (569). В IX в. в Кордове насчитывалось «несколько тысяч (!) зажиточных» еврейских семей (570). Перечень таких сведений можно было бы без труда продолжить (571).

Что касается позднего средневековья, то здесь богатство евреев становится чем-то настолько общепризнанным, что не нуждается ни в каких особых обоснованиях (572),

а по отношению к эпохе, простирающейся от конца средних веков и до нашего времени, я сам привел множество статистических данных в этой книге.

Можно сказать, что от царя Саломона и до Блейхродера и Барнато еврейское богатство золотой нитью тянется через всю историю человечества, нигде не прерываясь. Случайно ли это? И если нет, то какими объективными и субъективными факторами можно объяснить этот феномен?

Объясняя еврейское богатство объективными (внешними) обстоятельствами, надо не забывать о том, что евреев издавна учили видеть в деньгах высшее благо и что издавна они были вынуждены (в силу неопределенности своего положения) придавать своему богатству подвижную форму, то есть переводить его в золото и драгоценные вещи, дабы всегда иметь его при себе и в нужную минуту спрятать или куда-либо взять. Хотя внешние обстоятельства в значительной мере объясняют феномен еврейского богатства, они, конечно же, не являются достаточными, чтобы объяснить его в полной мере. Я не принимаю во внимание соображение, согласно которому для того, чтобы названный феномен заявил о себе, необходимо, чтобы в такие внешние обстоятельства попали люди с совершенно определенной предрасположенностью к деньгам; я не принимаю во внимание и ту мысль, что все это стало происходить только в диаспоре, и самый существенный довод против таких взглядов заключается в том, что то или иное своеобразное положение и необычная ситуация могут объяснить лишь *желание* евреев стать богатыми, а также их предпочтение к какой-то одной форме богатства. Однако к сожалению, слишком хорошо известно, что в данном случае (даже в большей степени, чем во многих других) одного желания недостаточно.

Следовательно, если мы хотим понять феномен еврейского богатства, нам надо выяснить не то, почему евреи захотели стать богатыми (да и кто на земле не хотел этого с тех пор, как Альберих заполучил золото Рейна?), а в силу каких причин им удалось это сделать (или сохранить свое богатство). Часто вполне обоснованно указыва-

ли на то своеобразное положение, в котором евреи находились тысячелетиями, на то, что в силу своего отчуждения от гражданской жизни у них было гораздо меньше поводов тратить деньги, чем у христиан, имевших такое же состояние. Евреям всегда было чуждо стремление жить в соответствии с правилами, предписываемыми тем или иным сословием, и, следовательно, их не обступали со всех сторон «самые разные потребности и сословные нужды». «Совершенно ясно, — пишет один автор, тонко проследивший эту связь, — что в сравнении с христианином, обладавшим таким же состоянием, что и еврей, последний все-таки всегда оказывался богаче, так как у христианина было множество средств и способов промотать какую-то часть своих денег, чего не было у еврея — как раз потому, что христианин принадлежал к господствующему классу, а еврей — к той прослойке, которую просто терпели. Кроме того, еврей, родившийся в богатой еврейской семье, еще в одном отношении находился в другой ситуации: именно в силу того, что в общественной жизни он не занимал такого положения, какое занимал христианин, роскошь, которой он предавался, не была сословной роскошью» (573).

Здесь, вне всякого сомнения, показана одна из причин еврейского богатства, а также выявлен тот факт, что «внесословная» жизнь еврея давала ему повод заниматься некоторыми другими не менее важными видами экономической деятельности. Отсюда берет начало и взгляд евреев на ведение хозяйства как свободную конкуренцию (о чем мы уже говорили), то есть современное буржуазное представление об экономической деятельности, а также мысль о том, что расходы надо согласовывать с доходами, — представление, которое было чуждым любому феодальному обществу. С этим связано и стремление к экономии, о котором издавна упоминают как о характерной привычке евреев. Старая немецкая поговорка гласит:

«Семь вещей редки на свете:
Чтоб монахиня не пела,
Дева от любви не млела,
Чтоб на рынке — без воров,

Без бород чтоб у козлов,
Чтоб еврей был без грошей,
Чтоб амбар был без мышей,
А лихой казак без вшей».

В конечном счете, к этой экономии, наверное, и восходит феномен капиталистического накопления (как к одной из многих его причин): умение преумножать состояние за счет нерастраченных частей дохода при одновременном поддержании капиталистического предприятия на должном уровне. В повседневном языке это выражается в той мысли, что еврейские деньги дольше находятся в деле и потому растут быстрее, чем христианские. На первых этапах от евреев не приходилось ждать, что они станут приобретать какие-либо земельные угодья, то есть тратить капитал на устройство феодального уклада жизни. Если еврей хотел экономить, он должен был снова вкладывать в торговлю вырученные деньги или по меньшей мере использовать их как рентный фонд в ссудных сделках, что, например, было довольно широко распространено в XVII в. среди евреев Гамбурга. Мы знаем, что, когда у Глюкель фон Гамельн, а также ее друзей и подруг оказывались в свободном распоряжении некие незначительные суммы денег, они одалживали их «под залог» (как сегодня их приносят в банк под проценты). Таким образом, деньги продолжали «работать» и, следовательно, их сумма росла.

Но какими бы важными ни были все эти связи и отношения, их все-таки недостаточно для того, чтобы объяснить, откуда взялось еврейское богатство.

Прежде всего надо снова вспомнить о том, что даже так называемые «внешние обстоятельства», о которых мы только что говорили и которые, кстати сказать, давали о себе знать только в диаспоре, да и то не всегда, ни к чему бы не привели, если бы им каким-то образом не было созвучно определенное своеобразие человека, который в этих обстоятельствах оказался. Тот факт, что какой-то народ ведет себя «рачительно», «экономно», никогда нельзя объяснить одним лишь влиянием внешней обстановки. Это ясно само собой и к тому же подтверждается

вполне определенными данными. Мы видим, что и сегодня, то есть после того, как жизнь в условиях гетто уже давно прекратилась, после того, как евреи получили возможность вести, так сказать, «феодалный» образ жизни, они в целом экономят все же больше, чем христиане. Подтверждением этому являются следующие цифры: в Великом герцогстве Баденском (по данным статистического ежегодника этого герцогства) за период с 1895 по 1903 гг. у протестантов капитал составил от 100 до 128.3, тогда как у евреев — от 100 до 138.2, хотя за тот же период доход протестантов возрос от 100 до 146.6, тогда как евреев — от 100 до 144.5.

Однако в каких бы взаимоотношениях ни находились между собой субъективные и объективные причины, ясно, что все приведенные до этого обстоятельства могли способствовать лишь поддержанию имеющегося богатства или быстрому увеличению приобретенного (через накопление), однако они не могли привести к его появлению, так как прежде чем сохранять богатство или умножать его, для начала его надо приобрести, а тут, в конечном счете, нужен талант, и если в каком-нибудь народе он так распространен, как у евреев, то тогда можно говорить об особом свойстве характера.

IV. Расовое обоснование самобытности

В результате наших предыдущих изысканий мы пришли к следующему выводу: вполне вероятно, что на протяжении нескольких тысяч лет антропологическое своеобразие евреев, равно как и их духовная сущность не претерпевали каких-либо серьезных изменений, и то, и другое в течение довольно долгого периода времени, быть может, даже в течение всей так называемой «исторической» эпохи носило на себе вполне определенный, четкий отпечаток.

Что доказывает такой вывод? Быть может, он доказывает, что духовное и интеллектуальное своеобразие евреев коретися в их расе? Догматические представители ра-

совой теории говорят, что это действительно так, но если мы хотим мыслить критически, нам надо признать, что это ровным счетом ничего не доказывает.

Наверное, для того чтобы понять, что все утверждения представителей «расовой теории» не имеют под собой никаких оснований, нам не мешает проанализировать их аргументацию. Они выдвигают свои весьма сомнительные тезисы с такой убежденностью, которую может вызывать лишь вера, не омраченная ни единой долей познания. Большинство представителей этой теории (мне нет нужды постоянно подчеркивать, что в данном случае я имею в виду лишь тех, кто своими поспешными выводами компрометирует в высшей степени достойные методы исследования, а не тех, кто нисколько не сомневается в чрезвычайно важном значении «расового фактора» в истории: к последним принадлежу и я и, кроме того, считаю, что ради научной «расовой теории» необходимо обратить внимание на недостаточность того подхода, который прежде во многих случаях использовали для решения этой проблемы), итак, большинство представителей этой теории не утруждает себя апостериорным обоснованием своих утверждений. Они, так сказать, приходят к «истине» напрямую, с помощью простого заключения: все расы имеют специфическое духовное своеобразие — рассматриваемая нами группа людей (в нашем случае евреи) является расой — следовательно, евреи обладают расовым своеобразием; или: следовательно, своеобразие, которое сегодня усматривают в евреях, коренится в их расовой самобытности.

Необходимо со всей решительностью заявить, что такое заключение не имеет убедительной силы. Обе его посылки лишены обоснования. Относительно второй посылки («евреи являются расой») я уже высказывал свое мнение, и здесь мы ее не рассматриваем, памятуя о гораздо более серьезном обстоятельстве, а именно о том, что для обоснования главной посылки («все расы имеют специфическое духовное своеобразие») мы на данный момент совершенно не располагаем достаточным материалом. Мы должны честно признать: *мы совсем ничего не*

знаем о связи между определенными соматическими (антропологическими) признаками и физическим поведением человека (как индивида, так и представителя группы).

Нам известно, что Карл Линней следующим образом характеризовал человеческие расы.

I. Человек (*Homo sapiens*). Познай самого себя.

1. *Homo diurnus*, дневной человек; различается культурой и местом проживания. Четыре разновидности:

а) американец (*americanus*): имеет красноватый цвет кожи, прямой стан, черные, прямые, густые волосы, широкие ноздри, лицо в веснушках, подбородок почти без волос; упорен, удовлетворен, свободен; раскрашивает себя лабиринтообразными (дедаловыми) линиями; живет повинуюсь привычкам;

б) европеец (*europaeus*): белый, сангвинического склада, прилежен, имеет желтоватые, кудрявые волосы, голубоватые глаза; подвижен, остроумен, изобретателен; носит облегающую одежду; живет повинуюсь законам;

в) азиат (*asiaticus*): имеет желтоватый цвет кожи, меланхоличен, вынослив, волосы темноватые, глаза коричневые; жесток, любит роскошь; носит просторное облачение; живет повинуюсь мнениям;

г) африканец (*аfer*): черен, флегматичен, вял; имеет черные, как уголь, волосы (*contortuplicatis*), блестящую, гладкую, как шелк, бархатную кожу, плоский нос, пухлые губы; женщины носят готтентотовские передники и во время кормления имеют обвислые груди (*feminis sinus pudoris, mammae lactantes prolixae*); хитрые, ленивые; смазывают себя жиром; живут повинуюсь своим порывам.

Сегодня все это вызывает у нас улыбку, но имеем ли мы на это право? Разве наши «систематики рас» не оказываются гораздо более наивными, разве они не ведут себя куда более самонадеянно? Разве мы не внесли в эту проблему просто неслыханную сумятицу, в свое время всерьез рассуждая и при случае до сих пор продолжая рассуждать о длинноголовых и круглоголовых представителях человечества? Возможно ли со всей серьезностью прово-

дить связь между формой черепа и уровнем цивилизованности человека, совсем не учитывая проблем, связанных с анатомией и функционированием головного мозга? Говоря о том, что продолговатый череп принадлежит повелителю, а округлый — рабу, мы, сами того не подозревая, оказываемся гораздо наивнее Линнея с его классификацией.

После новейших исследований *Нюстрома* и других ученых шум, поднятый певцами долихоцефалии несколько утих, однако для того, чтобы показать всю беспочвенность сторонников этой теории, не обязательно иметь под рукой результаты проведенных изысканий. Достаточно просто предложить этим господам обосновать связь, которая, с их точки зрения, существует между строением черепа (а также строением подошвы ноги и формой носа, поскольку, как известно, существуют теоретики, усматривающие связь между формой носа и культурой) и духовно-интеллектуальной сущностью человека.

Быть может, такое доказательство можно усмотреть в известных словах Чемберлена, сказавшего, что продолговатый череп германца «был выкован из самодовольной округности животного вечно пульсирующим и взыскующим мозгом»? В таких словах, конечно же, содержится много поэтического, и на каждого, в ком еще сохранилась способность к поэтическому мировосприятию, эта мысль производит впечатление. Но можем ли мы сказать, что перед нами «доказательство»? Точно так же (особенно если оказываются правильными последние изыскания, согласно которым укороченный череп сформировался в результате напряженной умственной работы и которые теперь дают повод гордиться всем тем, кто отстаивает брахикефалию) апологет укороченного черепа мог бы сказать, что «неустанная умственная деятельность, взыскующая гармонии душа благородного человека приводит к тому, что череп, которого удлинит неукротимая сила природы, постепенно все более округляется, как бы символизируя самодостаточную сущность округности».

Можно ли считать «доказательством» и такой ход мысли: здесь я вижу культуру, которая представляется мне ценной и которую я воспринимаю как творение какой-либо расы, скажем, германской; там я тоже вижу культуру, которая тоже кажется мне не лишенной ценности; (может быть, она тоже порождена германским духом?); правда, ее носителями являются люди, сформированные по-другому; следовательно, в тех краях все-таки когда-то были германцы, которые и привили тому народу такой тип культуры.

Такой вывод, вне всякого сомнения, радует и тешит сердце и душу, и, конечно, на такой гипотезе может хоть как-то утвердиться новая «вера», когда старая иудейская или христианская больше не кажутся притягательными, хотя все эти «теории» о культурном призвании «благородной расы» (теории об арийской или германской расах) на самом деле представляют собой не что иное, как приспособленную к современному восприятию старую веру в богоизбранный народ.

Как таковые они остаются неприкосновенными, вот только им не следует приукрашивать себя лоскутами научной терминологии. В данном случае, как и везде, наука и вера (ради их обеих) должны быть разделены. Мы можем горячо *верить* в шесть дней творения, о которых повествуется в Книге Бытия, в вознесение Христа на небо, не притязая на то, чтобы в таких рассказах содержались научные сведения о возникновении Земли или звездного неба, и равным образом сторонники долихоцефалии или германофилии могут спокойно верить в свои теории и не забывать только об одном: им не следует беспокоить научную общественность заявлениями о том, что их предположения основаны на научных данных или вообще имеют что-либо общее с наукой.

Равным образом, когда представители традиционной расовой теории, так сказать, нисходят до *эмпирического* обоснования своих положений, их доказательства звучат совершенно неубедительно. Как правило, стремясь доказать, что духовное своеобразие того или иного народа коренится в его расе, они указывают на неизменность этого

своеобразия и считают, что в их доказательстве нет никаких пробелов, если им удалось проследить его вплоть до начала истории или усмотреть в каких-либо сказаниях и мифах.

Стремясь доказать, что некоторые черты французского или немецкого народов коренятся в расе, довольно часто приводят описания Цезарем галлов или Тацитом германцев, радуясь тому, что эти черты упоминаются и у римских писателей. Такой же подход применяется и при анализе еврейского своеобразия.

Возражая, можно было бы подчеркнуть (что я, собственно, уже и делал), что довольно долгое постоянство определенных интеллектуальных или физических особенностей вовсе не является доказательством того, что они определяются расой. Так как о взаимовлиянии соматического и психического мы не можем сказать ничего определенного, мы не можем исключить той возможности, что между постоянными физическими и духовными признаками какого-либо народа нет никакой внутренней взаимосвязи и что это постоянство обусловлено какими-либо самостоятельными, независимо друг от друга действующими причинами.

Вполне можно предположить, что в каждом поколении какие-либо духовные признаки могли постоянно возобновляться благодаря каким-либо конкретным внешним влияниям или передаваться из поколения в поколение по традиции.

Как раз в таком народе, где традиция очень сильна, где отчужденность от остального мира, чувство семьи, религиозный культ, непрестанное и ревностное изучение Талмуда и прочие факторы создают все необходимые условия для сохранения и передачи уже имеющихся особенностей, вполне возможно, что определенные свойства характера постоянно воссоздаются воспитанием и не коренятся в крови, не объясняются определенной физической предрасположенностью.

Однако когда я говорю, что считаю недостаточной аргументацию «расовых теоретиков» (и тут я с такой же решительностью возражаю сторонникам *теории среды* и

приспособления), я вовсе не хочу сказать, что они совершенно неправы в своем стремлении объяснить самобытность евреев их расовой принадлежностью, потому что доводы, приводимые их противниками, тоже выдерживают критики. В кругах «теоретиков среды» любят упоминать, что в древности евреи вели себя совсем не так, как ныне, что тогда они были храбрыми воинами и земледельцами, а теперь, по славам Гердера, превратились в «презренное племя хитрых посредников» (как недавно в полемике со мной привела эту цитату одна сионистская газета). Даже если нарисованная картина действительно оказалась верной (а я уже показал, что она неверна), она все равно ровным счетом ничего не говорила бы против расового обоснования еврейского своеобразия. Поясню почему.

1. Вполне возможно, что в ту эпоху, когда народ представлял во всем своем воинственном облике, индивиды с другой, не воинственной, а, например, коммерческой предрасположенностью, существовали, так сказать, в разрозненном виде, но потом с течением времени благодаря исчезновению других типов обрели большинство и тоже стали определять собою своеобразие народа, как прежде это делали их антиподы (которые в настоящий момент, быть может, тоже в народе присутствуют, но в силу своей малочисленности не имеют никакого значения).

2) Сначала не мешало бы самым тщательным образом выяснить, нельзя ли свести различные и якобы противоположные виды деятельности к одной и той же расовой особенности, когда общая картина, то есть собственно своеобразие народа в основном остается одним и тем же, тогда как виды его жизнедеятельности (в данном случае ведение войны и игра на бирже) остаются весьма различными.

3) Нельзя ли предположить, что определенные способности могут быть, что называется «в крови» народа, но на протяжении долгого времени не иметь возможности заявить о себе — до тех пор, пока позднее внешние обстоятельства не дадут им проявиться.

Столь же малоубедительным оказывается и другой довод, согласно которому современное своеобразие евреев сформировалось в результате цепи исторических случайностей. Совокупностью причин, которые якобы определили еврейское своеобразие, является религия, другим фактором, о котором любят упоминать, является жизнь в гетто, и, наконец, третьим — многовековое общение с деньгами. Можно сразу же согласиться с тем, что все перечисленное так или иначе сказалось на еврейском характере, однако это вовсе не опровергает предположения, согласно которому упомянутое своеобразие, объясняемое влиянием религии, жизнью в гетто или кредитными операциями, все-таки растворено «в крови» народа.

1. Если мы говорим о том, что какое-либо явление было вызвано какой-то причиной, это не опровергает предположения, согласно которому то же самое явление могло быть вызвано целым рядом причин.

2. Когда мы говорим о том, что какие-либо особенные черты могли быть обусловлены определенными историческими событиями, всегда возникает мысль о том, что сами эти события и исторические обстоятельства могли быть обусловлены чертами характера людей, их переживавших. Что касается иудейской религии и ссудно-денежных операций, то здесь я уже приводил некоторые доводы, могущие сделать вполне достоверной перестановку причин и следствий. Принимая во внимание все эти соображения, можно было бы легко доказать, что, в конечном счете, жизнь в гетто является не причиной, а следствием своеобразия еврейского характера, и об этом я еще буду говорить в следующей главе.

Преыдущие исследования показали, что ни одна из приведенных точек зрения не может привести убедительных доводов в свое обоснование. Отсюда, однако, ни в коем случае не следует, что ни одна из них не является истинной (и это само собой понятно), равно как не следует и того, что правильность какой-либо из двух нельзя доказать. Как бы там ни было, мы не должны оставлять надежды на то, что рано или поздно мы все-таки «выберем-

ся из этого моря заблуждений», и я считаю, что, для того чтобы достигнуть заветной цели, нам надо лишь несколько изменить направление нашего пути; в дальнейшем я хочу (прежде чем попытаюсь дать свое собственное объяснение еврейского своеобразия) показать, как, по моему скромному разумению, при сегодняшнем уровне развития антропологии и биологии нам надо подходить к проблеме формирования видов (в нашем смысле) — показать и одновременно попытаться связать результаты упомянутых естественнонаучных дисциплин с новейшими социологическими изысканиями.

Метод исследования, до сих пор больше всего помогавший нам понять природу всех тех явлений, которые можно охватить не совсем однозначным общим понятием формирования рас, — это метод генетический, в свою очередь распадающийся на географическо-генетический и социологическо-генетический. Известно, что первый своим возникновением обязан прежде всего научным трудам *Морица Вагнера*, *Кольмана* и *Бастуана* (574), тогда как второй, то есть экономическо-генетический метод, до сих пор привлекал внимание лишь немногих исследователей. Здесь, кроме работ *Гумпловича* (575), надо назвать главным образом работы *Ecole des Roches*, которые в основном обсуждают темы «социальной науки» (576) и основной недостаток которых состоит в том, что они посвящены лишь анализу становления тех или иных социальных организаций и почти не касаются становления человеческих типов).

В результате всех этих исследований ученые пришли к следующему единому мнению: вид «человек», происхождение которого можно мыслить как в моногенетическом, так и полигенетическом ракурсе (в последнее время второму варианту снова отдается предпочтение), в первый период своего существования развивается в разных регионах Земли (в так называемых обособленных центрах, говоря терминологией М. Вагнера) в относительно малых группах самого разного типа. Этот вид «дифференцируется», причем (и сегодня это тоже никем не оспаривается) «дифференциация» происходит под

влиянием окружающей среды, в которую человек случайно попадает по причине своих странствований. Что в данном случае представляет собой эта «среда», что именно в этой «среде» особенно повлияло на возникновение различий, — обо всем этом до сих пор говорилось лишь очень кратко. В будущем в первую очередь будут проводиться исследования этнографическо-описательного или экспериментального характера. Первые, к каковым можно отнести работы *К. Мерриана* (577), будут в гораздо большей степени уделять внимание общим условиям жизни первобытных народов в соотношении с их антропологическим своеобразием, вторые будут выяснять, как те или иные факторы окружающей среды сказались на живой организм, подвергшийся их влиянию. Результатом таких исследований станет учение о раздражителях, основы которого мы только закладываем. Мне думается, что Р. Зоммер попал в самую точку, сказав, что «средой» он называет «не что иное, как большую совокупность раздражителей» (578).

Эти факторы, вызывающие раздражение, лишь в какой-то мере имеют климатическую природу в узком смысле этого слова: главную роль играют вторичные природные условия, например, фауна и флора, и прежде всего, сами условия жизни человека, вбирающие в себя все эти компоненты, те условия, которые предполагают определенный уровень его технической оснащенности и определенный вид питания. При формировании какого-либо типа человека решающую роль играет тот факт, является ли он рыбаком или охотником, земледельцем или скотоводом, вынужден ли он в силу особенностей окружающей среды заниматься каким-то другим видом хозяйствования. Мне кажется (отмечу мимоходом), что именно здесь и соприкасаются между собой экономическое рассмотрение истории и ее осмысление в контексте расовой теории или (скажем так, чтобы противопоставить второй подход первому, чисто логическому) ее осмысление в ракурсе антропологии. На первых этапах существования человеческого рода особенности экономической жизни оказывали существенное влияние на фор-

мирование антропологического характера отдельных групп, который впоследствии в свою очередь сам стал решительным образом сказываться на формировании того или иного уклада экономической жизни. Именно на этом этапе развития человечества и могла возникнуть функциональная связь между духовно-интеллектуальной самобытностью человека и его соматическим своеобразием, возникнуть тогда, когда своеобразие всех жизненных условий его существования стало сказываться на его физиологической целостности и формировать ее. Таким образом, процесс формирования человека мы можем представить только как одновременное медленное движение духовного и телесного в одном и том же направлении, но двумя самобытными дорогами.

Я сказал о медленном движении, поскольку время, потребовавшееся для расслоения человеческого рода на различные человеческие типы, измеряется чрезвычайно медленно. Если мы считаем возможным проследить становление человека в масштабе третичного периода (что теперь, по всей вероятности, кажется реальным), то тогда начальный этап развития человеческого рода отодвигается в новые неизмеримые дали, но если применительно к формированию человека мы говорим лишь о четвертичном периоде, тогда нам приходится иметь дело с отрезком времени, вбирающем в себя от двухсот пятидесяти тысяч до пятисот тысяч лет (период, пришедшийся на формирование различных человеческих рас). Мы, конечно же, не можем со всей определенностью сказать, как происходило формирование различных разновидностей человека. Открытым остается вопрос и о том, как возникали изменения: путем отбора или посредством соматогенной мутации.

В конце этой эпохи, которая, вероятно, завершилась до наступления ледникового периода, на Земле жило определенное количество различных по крови человеческих групп, которые можно назвать *проторасами*, или *расами как таковыми*. Само собой разумеется, что можно только догадываться, какими они были и чем в первую очередь отличались друг от друга. Мы можем только в какой-то

мере обрисовать границы, внутри которых могли наблюдаться какие-то различия, и должны прежде всего признать, что они никогда не были столь значительными, чтобы те или иные расы можно было охарактеризовать как особые виды, так как смешение, происходившее между ними, постоянно давало жизнеспособное потомство. Таким образом, эти расы всегда представляли собой лишь некие «подвиды» или даже «разновидности» единого первобытного человека и тем самым постоянно являли большое число одинаковых соматических и психических черт. Мы знаем о том, что такая «всеобщность» образа человека дала повод для множества предположений о том, как должно происходить становление единого человечества: об этом рассуждали как Гердер, Гегель и Морган, так и Спенсер и Брейзиг. В данном случае такое направление исследования нас, конечно, не интересует, так как здесь речь идет лишь о том, чтобы в сходном отыскать отличное.

К сожалению в настоящий момент мы не можем с такой же уверенностью определить *верхнюю границу различия*, с какой указываем нижнюю. Можно согласиться только с тем, что она проходит где-то над сегодняшним уровнем отличия одних народов от других, являющих собой результат смешения.

В том способе рассмотрения данной проблемы, который я называю генетическим (579), необычным является то (и в то же время пробуждающим доверие именно к такому способу), что пока он имеет дело *только с определенными возможностями*, в лучшем случае — с вероятностями, которые только в нашем стремящемся к упорядочению разуме превращаются в некие необходимости, но которые в то же время имеют одно чудесное преимущество: они никак не противоречат четко выверенным результатам предыдущего опыта и поэтому вполне могут найти свое подтверждение в будущих эмпирических исследованиях. Пока до поры до времени утверждается только одно: согласно наиболее вероятному на данный момент способу развития человечества отдельные группы человеческих сообществ вследствие той или иной

жизненной ситуации, которая продолжалась многие годы, по всей вероятности, обрели то своеобразие, которое мы и сегодня замечаем в разных сообществах и которое отличает одних людей от других.

Тем не менее в настоящее время мы не решаемся воспринимать эти различия как некую совокупность вполне определенных черт или признаков и еще менее стремимся к тому, чтобы выявлять какие-то необходимые связи между этими признаками и предполагаемыми неповторимыми судьбами тех или иных групп людей: решение такой задачи — дело позднейших исследований.

Кроме того, можно предположить, что ход действий будет таким: сначала мы будем исходить из перечня определенных психических свойств (из того, что ближе нашему собственному опыту), затем выявим их взаимосвязь с определенными внешними условиями существования, потом констатируем взаимосвязь определенных соматических признаков с наблюдаемыми психическими особенностями и только после этого попытаемся осмыслить упомянутые своеобразные антропологические явления, обозначившиеся в той или иной группе, как выражение или следствие определенных, вполне конкретных и неповторимых жизненных условий этой группы (я попытаюсь это сделать в последней главе).

Надо, однако, признать, что такое начинание столкнется с новой трудностью: дело в том, что упомянутые проторасы, односторонне развившиеся группы сегодня, наверное, просто не существуют. Во всяком случае мы можем с полной определенностью сказать, что все то, что мы называем культурными народами, представляет собой продукт смешения различных проторас. Теперь мы вполне ясно осознаем, что процесс образования любого государства, являющийся единственной причиной появления более высоких форм культуры, покоится на слиянии тех особых, рано или поздно сталкивающихся между собой групп, которые *Дюркгейм* называет социальной протоплазмой; что, следовательно, любое образование государства в то же время всегда является каким-то антропологическим новообразованием, возникающим в ре-

зультате смешения различных рас. В соответствии с этим за *периодом дифференцирования* должен следовать период интегрирования или, согласно Кольману, период взаимопроникновения, пенетрации, в который мы продолжаем жить сегодня.

Надо, однако, признать, что с этого момента наши познания о действительных процессах становятся еще более неясными (быть может, в силу недостатка материала), что, таким образом, нам надо соблюдать еще большую осторожность, когда мы решаемся говорить что-либо вполне определенное.

Прежде всего надо ответить на следующий вопрос: *что возникает в результате смешения различных человеческих видов или разновидностей?* Что при этом получается из совокупности изначально различных соматических и психических особенностей, характерных для того или иного вида? Честный ответ гласит: мы этого не знаем. Сегодня, правда, много рассуждают о «преимуществах» и «недостатках» такого смешения. Чемберлен, например, считает, что при скрещивании родственных рас получают «хорошие» результаты, при скрещивании неродственных — «плохие», а «родственными» расами у него в свою очередь оказываются те, которые при скрещивании дают «хорошие» результаты.

Поступая таким образом, мы не слишком продвигаемся вперед в наших познаниях, и то, что нам известно по нашему личному опыту, конечно, не является достаточным, чтобы делать какие-то окончательные выводы. Мы знаем, что в результате многих смешений рождаются особенно красивые люди (прежде всего красивые женщины), однако они не слишком жизнеспособны и часто оказываются душевно и нравственно неуравновешенными (580). Что это значит? В этой связи важное значение уже приобрели исследования *Вольтмана*, *Лео Софера* (581) и других ученых, посвященные проблеме так называемого «отсеивания». Согласно этим исследованиям «в смешанных расах вновь и вновь происходит „отсеивание“, то есть тот или иной тип в какой-то степени противится органическому слиянию с другими, и если чужеродные эле-

менты оказываются не слишком многочисленными, то через несколько поколений они полностью отсеиваются из плазматического эмбрионального развития расы» (Соффер считает, что примеры такого «отсеивания» можно проследить на евреях).

Впрочем, проблема смешений только тогда становится значимой в деле осмысления самобытности того или иного народа, когда смешиваются расы очень достаточно разные, то есть (согласно нашему пониманию) расы, сложившиеся в принципиально разных жизненных условиях (когда, например, какой-либо кочевой народ, странствующий по пустыне, смешивается с оседлым северным народом, занимающимся земледелием, или с народом, который тысячелетиями проживал в тропических лесах). Когда же скрещиваются «родственные» расы (в описанном здесь смысле), тогда, вероятно, изменения не слишком велики.

Тем не менее с тех пор как смешение, то есть образование народов заявило о себе, скрещивание стало еще одним, новым, видообразующим моментом наряду с отбором и соматогенными мутациями.

Последствия смешения можно представить в виде какой-либо жидкости, в которой твердое тело полностью «растворяется», или осмыслить как океан, в который обильно вливаются воды двух потоков, не растворяясь друг в друге целиком, или, наконец, как некое химическое тело, в котором атомы образуют определенную структуру и находятся в определенном взаимоотношении: всегда надо допускать, что в результате удачного смешения образуется группа людей, имеющих вполне определенное своеобразие «по крови» (так как было бы глупо предполагать, что в ходе смешения различных кровей сама «кровь» как таковая исчезает).

Если мы тем самым приходим к выводу, что в каждом народе (как ранее в «чистых» расах) появляются качества, определяемые «кровью», это означает, что какие-либо особенности физического строения и свойства характера, наблюдаемые в представителях того или иного народа, не являются только что возникшими и значит *пере-*

даются по наследству (582). Здесь надо со всей решительностью подчеркнуть, что речь идет не о какой-то «сноровке», а о тех способностях, которые дают возможность приобрести эту «сноровку» (приобрести легко, легче, чем прочие, или приобрести вообще) в результате каких-то упражнений, занятий, о той «предрасположенности» или «задатках», к исследованию которых сегодня постепенно начинают приступать (583). Не любовь к мазурке или игре на флейте «сидит в крови» у человека, а танцевальные или музыкальные «задатки», которые в свою очередь (быть может, в соседстве с другими похожими на них задатками) коренятся в строении нервной системы.

Если мысль о такой родовой предрасположенности и появлении у тех или иных индивидов и народов соответствующих наследуемых свойств почти никем всерьез не оспаривается, можно по меньшей мере предположить, что среди представителей науки спор идет лишь о том, насколько постоянна (или изменчива) эта родовая предрасположенность (которую я из эстетических соображений не хочу называть предрасположенностью, основанной на эмбриональной плазме). Итак, я говорю, что может возникнуть впечатление, согласно которому существует лишь две точки зрения: первая гласит, что предрасположенность, характеризующая какие-либо человеческие группы (народы), остается неизменной, по крайней мере, со времен образования их сегодняшней структуры (то есть с так называемой «исторической» эпохи или с конца ледникового периода, в то время как вторая утверждает, что изменения происходили уже в эмбриональной плазме, или наследственном протоплазме, согласно терминологии *Шэлмайера* (и тем самым с какого-то момента предполагается наличие прогрессирующей изменчивости). Я, однако, считаю, что в действительности такое расхождение во взглядах среди специалистов (в данном случае — среди биологов) сегодня уже не наблюдается или наблюдается в такой мере, которая почти не имеет практического значения для решения антропологическо-этнологических проблем. Сегодня на-

ивный «ламаркизм» можно, наверное, встретить среди тех врачей и социологов, которые стоят вдалеке от биологических исследований и по большей части даже не могут ясно понять суть вопроса.

Представление о том, что всякое весьма неопределенное внешнее жизненное условие может заставить организм сойти с предначертанных ему путей развития, сегодня можно считать преодоленным. Даже те исследователи, которые считают в какой-то мере возможным «наследование приобретенных качеств», уже не сомневаются в том, что «качества», которые должны наследоваться, обладают совершенно особенной, неповторимой природой, а именно они могут предполагать в себе наличие самой эмбриональной субстанции. В то же время весьма сомнительно, что может существовать некий фактор, оказывающий разрушительное влияние (наподобие действия яда). Я считаю, что даже мнемотеория *Р. Семона* не вносит существенных изменений в такое понимание проблемы. Она говорит лишь о том, что при определенных обстоятельствах «энграмма» может оказывать довольно сильное влияние, способное затронуть эмбриональную клетку и тем самым благодаря привходящему воздействию внести в структуру наследственности некие ситуативно возникающие «способности». Нельзя, однако, со всей определенностью предсказать, когда возникнут такие особые обстоятельства. Можно лишь сказать, что сам Семон нисколько не сомневается в том, что наследственность поддается какому-либо воздействию лишь в очень редких случаях.

Таким образом, среди специалистов чаша весов, по-видимому, все больше склоняется в пользу *Вейсмана*, а тем самым подтверждаются взгляды тех мыслителей, которые давно пришли к такому же выводу, причем не столько благодаря специальным естественнонаучным исследованиям, сколько путем спекулятивных рассуждений. Я не знаю, задумывался ли кто-нибудь о том, что теорию Вейсмана совершенно четко изложил Иммануил Кант, причем в ту эпоху, когда о биологии в современном ее виде нельзя было и думать.

Вот что он пишет: «Эта предусмотрительность природы — посредством скрытых внутренних приспособлений так вооружить каждое свое создание на все случаи в будущем, чтобы оно могло сохранять себя и приспособляться к разным условиям климата или почвы, — достойна удивления и при переселении животных и растений на новые места создает как будто новые виды их, представляющие собой не что иное, как видоизменения и расы одного и того основного рода, зародыши и природные задатки которого лишь развились различным образом под влиянием тех или иных условий в течение долгого времени. Случай или всеобщие механические законы не в состоянии породить такие сочетания. Поэтому встречающиеся при тех или иных условиях результаты развития подобного рода мы должны рассматривать как *предуготовленные*. Однако даже там, где не видно ничего целесообразного, одна только способность передавать по наследству свой особенный, приобретенный характер служит уже достаточным доказательством того, что для этого в живом организме должен быть особый зародыш или природные задатки. В самом деле, внешние вещи могут быть, правда, случайными, но не причинами порождения того, что с необходимостью наследуется и передается как сходное. Подобно тому как случай или физико-механические причины не могут породить какое-либо органическое тело, точно так же они не в состоянии что-либо прибавить к его силе воспроизведения, т. е. произвести нечто такое, что само передавалось бы по наследству, если бы только оно обладало особым сложением и соотношением частей. Воздух, солнце и пища могут видоизменять развитие животного организма, но в то же время не могут сообщить этому изменению силу воспроизведения без такой причины; то, что должно передаваться по наследству, уже заранее должно быть заложено в силе воспроизведения как предопределенное к раскрытию при известных условиях, в которых данное существо может оказаться, и должно затем постоянно сохраняться» (584).

На мой взгляд, слова, сказанные Кантом, настолько замечательны и убедительны в своей простоте, что каждый

(даже тот, кто ничего не слышал о результатах исследований, полученных Вейсманом) может увидеть в них безупречное и окончательное решение рассматриваемой нами проблемы. Не так давно *Юлиус Шульц* снова прекрасно и одухотворенно рассказал о том, каким образом признание вечно равной себе формы живого в действительности с давних пор соответствует нашей тяге к постижению мироздания как единства.

Среди антропологов и этнологов сегодня вряд ли найдется известный ученый, который отрицал бы неизменность человеческих типов (по меньшей мере, в историческую эпоху). Можно без каких-либо оговорок признать, что господствующим мнением является точка зрения, выраженная крайне осторожным *Й. Ранке*, который сказал: «Погружаясь, насколько это возможно, в глубокую древность... мы обнаруживаем достоверные признаки того, что уже тогда существовали одинаковые различия между разными народами и расами, каковые мы наблюдаем и сегодня. Совсем недавно *Г. Фрич* убедительно показал сходство древнейших египетских изображений с лицами тех людей, которые сегодня проживают в Египте и около него» (585).

Когда сегодня, несмотря на это поразительное единодушие среди представителей наук, призванных в первую очередь дать оценку реальному положению вещей, время от времени все-таки появляются совершенно дикие теории, говорящие о происхождении рас в новейшее время, и (что самое главное) возвещается мысль о приспособлении индивидов к условиям новой среды (например, любят говорить о том, что в Соединенных Штатах в новой среде складывается «новая раса»), возникает вопрос о том (по меньшей мере тогда, когда речь заходит об обычно уважаемых ученых), не являются ли причиной этих явных заблуждений те ошибочные представления, непонимание и неправильная постановка вопроса, которые имеют место тогда, когда рассматриваемую нами проблему пытаются решить. Надо сказать, что во многих случаях такое подозрение подтверждается.

Особенно ярким примером такого непонимания является популярная книга француза *Жана Фино*, которая

носит весьма красноречивый, если не сказать тенденциозный, заголовок: «Расовый предрассудок». Процесс образования какой-либо расы автор понимает весьма просто: берем какую-либо группу людей (негров, эскимосов, французов или шведов), погружаем их в новую среду и уже в первом поколении перед нами появляется некая «новая раса». Как говорится, «вылитый итальянец за десять часов». Однако довольно скоро замечаешь, что господин Фино совершенно не понимает сути проблемы, и об этом ясно свидетельствуют некоторые отрывки. Например, на 196 и дальнейших страницах немецкого перевода книги автор говорит о том, какое влияние на человека оказывает парижская среда, чтобы показать, как быстро формируется новая «раса», а именно «парижанин». Итак, новая раса, то есть группа людей с особыми наследуемыми признаками. Затем автор завершает данный раздел такими словами: «Мы тем не менее видим, что те самые парижане, переселяясь в провинцию, вновь легко обретают прежний рост, здоровье и долголетие» (!).

Из других отрывков становится ясно, что то влияние, которое надо приписывать смешению или отбору, автор приписывает среде, и там, где появляются или исчезают родовые, основанные на крови, качества, он говорит о «наследовании приобретенных признаков». Видя такие заблуждения, надо еще раз настоятельно подчеркнуть, что изменения природного своеобразия какого-либо народа (будь то соматические или психические изменения) вполне могли совершаться в историческую эпоху и даже в значительной степени. Когда говорят о формировании «новой расы» в Соединенных Штатах, вполне можно допустить, что так и происходит (и если пока ее нет в наличии, то это, собственно, дела не меняет). Но происходит это, с одной стороны, благодаря смешению различных народов, а с другой — благодаря отбору определенного типа из всей массы того или иного народа. В другом месте я уже говорил о том, что в ходе отбора общее поведение какого-либо народа за сравнительно короткое время основательно менялось, но надо не забывать о том, что именно благодаря этому отбору, вне всякого сомнения, и

подтверждается родовое качество, качество крови: отбирать можно только то, что уже есть в наличии. Равным образом поведение народа может измениться и благодаря перемене в его жизнедеятельности, но не потому, что «приобретенные признаки» стали наследоваться, а потому, что одни задатки теперь заявили о себе, а другие, реализованные ранее, в новой ситуации пришли в упадок.

Поскольку после всех этих пояснений, призванных к тому, чтобы указать общее направление, в следующей главе я осмеливаюсь дать «генетическое» истолкование еврейского своеобразия, я должен стремиться к тому, чтобы по-порядку проверить значимость следующих моментов:

- изначальные задатки тех рас, из которых позднее сформировался еврейский народ, задатки, которые мы можем постичь, проанализировав те жизненные условия, в которых они, как мы предполагаем, оказались;

- смешение различных элементов;

- отбор, в том его виде, как он предположительно совершался под воздействием жизненных условий еврейского народа в историческую эпоху.

Только в том случае, если перечисленные три момента ничего не смогут объяснить и окажутся несостоятельными, можно будет выдвинуть гипотезу о том, что в историческую эпоху происходило усвоение определенных свойств. Мы увидим, однако, что эта вспомогательная конструкция не является необходимой, что самобытность еврейского характера можно полностью объяснить на основании трех первых моментов. Если это возможно, тогда становится ясно, что упомянутая самобытность коренится в самом этносе, так сказать, в крови народа, и, следовательно, оказывается несостоятельной весьма неправдоподобная гипотеза, согласно которой на протяжении тысячелетий неизменная самобытность и своеобразие поддерживались лишь за счет упражнения, о котором сама «кровь» ничего не знала.

Глава четырнадцатая

СУДЬБА ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

Если мы захотим объяснить и обосновать всемирно-историческое значение евреев и особенно их роль в экономике с помощью какого-то одного предложения, нам придется сказать так: дело в том, что восточный народ оказался заброшенным на территорию северных народов и перемешался с ними в культурном отношении. Утверждают (и многое говорит в пользу такой глубокой и в то же время привлекательной гипотезы), что своеобразная культура классической древности, прежде всего греческая, а также культура итальянского Ренессанса сформировались в результате объединения северных народов, оказавшихся в той среде, с постоянно проживавшими там народами.

В нашей ситуации не гипотеза, но основанное на достоверных фактах предположение гласит, что так называемая капиталистическая культура нашего времени, наоборот, обрела свою самобытность в результате взаимодействия евреев, то есть южного народа, пришедшего в северные страны, с коренными жителями этих стран. Если же мы захотим определить вклад каждой из сторон в общее дело, мы сможем сказать, что чрезвычайная одаренность евреев в коммерции и, как мне кажется, в равной мере неповторимые научно-технические способности северных народов (прежде всего, вероятно, германцев) во взаимодействии и способствовали весьма занимательному расцвету капиталистической культуры.

Если мы хотим постичь своеобразие еврейского народа и понять необычайную действенность этого своеобразия, нам надо не забывать и следующее: главное заключается не в том, имеем ли мы дело с семитами, хеттами или кем-нибудь еще, не в том, сохранили ли они «чистоту» или «смешались», а в том, что речь идет о восточном народе, который расходует свои лучшие силы в совершенно чуждых для него климатических условиях в совершенно чуждом окружении.

Итак, восточный народ. Точнее, один из тех восточных народов, которые сформировались в регионе, простершемся от Атласных гор на Западе до Персидского залива на Востоке; которые сформировались из рас, зародившихся в великих пустынях Северной Африки, Аравии и Малой Азии или на окраинах, в атмосфере палящего солнца и сухого, знойного воздуха; которые, наконец, обрели свои признаки и особенности в совершенно неповторимой среде, остававшейся неизменной по меньшей мере с ледникового периода (для чего они, по оценкам Фореля, так сказать, имели в своем распоряжении двенадцать тысяч лет, а по оценкам Гейма — шестнадцать тысяч).

Область, из которой происходили евреи, представляет собой большую песчаную пустыню, где то там то здесь встречаются богатые водой места, в которых живут люди и скот, — оазисы. Насколько нам известно, в самых обширных водных бассейнах и сформировались первые высокие образцы культуры человечества: в Египте, в Месопотамии, в Палестине. Все они представляют собой небольшие плодородные области, которые (в том числе и по величине) являются своеобразными оазисами в пустыне. Их культура — своеобразная культура оазиса. В Египте количество земли, пригодной для возделывания, равно прусской Саксонии; Месопотамия в период своего расцвета составляла примерно половину Верхней Италии; вся населенная израильтянами Палестина в лучшем случае по своей площади была равна Великому герцогству Баденскому, в то время как Иудея (которая считалась местом постоянного пребывания евреев, хотя это до конца не выяснено) составляла четыре тысячи квадратных километров, то есть приблизительно как герцогство Ангальт и герцогство Саксен-Кобург-Гота вместе взятые. Однако и через эти небольшие оазисы (по крайней мере, через родину евреев Палестину) тоже тянулись пустыни. Самые плохие условия были в Иудее. На юге область, в которой можно было чем-то заниматься, тянулась далеко в Хеврон и Вирсавию и смыкалась с сегодняшней пустыней.

В этих землях обработка почвы выглядит как культура, связанная с оазисом. Почти любой оазис представляет

собой некое искусственное создание, всякое знание и любая возможность сводятся к тому, чтобы суметь отыскать необходимое количество воды для разведения растений, и равным образом в том плодородном анклав, частью которого является Палестина, любой вид земледелия основывается на водоснабжении. Больше всего земледелец трепещет перед засухой, боится того, что пустыня каждый год снова начнет протягивать свои щупальца через тот клочок земли, который он с таким трудом у нее отвоевал. Он каждый миг боится того, что пустыня найдет на него горячий, обжигающий ветер или полчища саранчи. Он трепещет перед пустыней и потому, что (так по крайней мере нам надо представлять картину, которая сложилась в те далекие времена) из ее бескрайних просторов могут внезапно нагрянуть бедуины и пронесутся по его земле, грабя и убивая, а если она понравится им, то останутся в ней надолго. Эти в собственном смысле обитатели пустынь, которых мы сегодня зовем бедуинами и к которым когда-то принадлежали сами жители оазисов, боящиеся их набегов, являются кочующими скотоводами, кочевниками. По причине устраиваемых ими грабежей в оазисах довольно рано возникли города с крепкими, толстыми стенами, за которыми искали защиты жители этой равнинной земли. В лице этих кочевников пустыня снова вторгалась в самое сердце затерянных в бескрайних песках плодородных земель, по которым как бы непрестанно проносился дух пустыни.

Таким не ведающим покоя и преданным странствованию племенем бедуинов и были евреи, которые приблизительно в 1200 г. до н. э., грабя и убивая, вторглись в Ханаан и решили отдохнуть здесь от своего вечного странствования. Отдых означал, что лучше ничего не делать и заставить работать на себя местное население (естественное и вполне понятное желание любого народа-завоевателя!). Поэтому и говорится о том, что «введет тебя Господь, Бог твой, в ту землю, которую он клялся отцам твоим, Аврааму, Исааку и Иакову, дать тебе с большими городами, которых ты не строил, и с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезями,

высеченными из камня, которых ты не высекал, с виноградниками и маслинами, которых ты не садил, и будешь есть и насыщаться» (Втор. 6: 10–11).

Что делали евреи в земле, которую им дал Яхве? Как (и это самое главное) они организовали свою хозяйственную жизнь? Мы не можем сказать об этом с полной определенностью (586), можем только кое-что предположить. Мы, например, уже видели, что люди, имевшие власть и силу, устраивали нечто, похожее на барщинное хозяйство, что, конечно же, предполагало захват больших территорий.

Можно предположить, что племя завоевателей сделало основную часть населения своими данниками (путем взимания барщины, что, вероятно, встречалось чаще всего, путем сдачи земли в аренду или путем создания широкой сети кредитования), что в любом случае немалая часть евреев осела в городах в качестве владельцев сдаваемых в аренду строений, взимателей ренты, в то время как подневольное население в качестве колонов или «свободных» крестьян обрабатывало землю, то есть «занималось земледелием». В то же время какая-то часть завоевателей, вероятно, нищала и опускалась до уровня батраков, однако таких в любом случае было немного. Это были люди, взимавшие дань, или по-прежнему крепко держащиеся пастушеской жизни кочевники или полукочевники. Последними были и почти всегда оставались те племена, которые осели на западном берегу Иордана, то есть в первую очередь евреи из колена Иуды, а также остатки Симеона и Левия наряду с некоторыми другими племенами: природные условия, царившие здесь, располагали только к скотоводству. «Белы зубы [Иуды] от молока» (Быт. 49: 12). Другие племена, например колено Рувима и Гада, оставались полукочевниками, разводившими скот на восточном побережье Иордана, тогда как колено Манассии кочевало туда и обратно. Надо, однако, сказать, что кочевой дух живо сохранялся во всех коленах, ибо, если бы это было не так, если бы Израиль на самом деле стал бы «земледельческим народом» в восточном понимании этого занятия, тогда мы просто не смогли бы по-

нять, как возникла и обрела свои первые очертания иудейская религиозная система.

Нельзя забывать, что духовные сочинения, в которых излагается иудейская вера, и главным образом Пятикнижие целиком проникнуты духом кочевничества. Бог, который победоносно выступает против лжебогов, Бог Яхве — это Бог пустыни, Бог пастухов, и когда Ездра и Неемия сознательно восстанавливали его культ, они вполне определенно брали за основу древние традиции кочевого образа жизни, предавая забвению тот земледельческий период в существовании народа, которого, быть может, по существу никогда и не было. В Жреческом (Священническом) кодексе «тщательно обходится стороной всякое упоминание об оседлой жизни в земле Ханаанской... он говорит только о странствовании по пустыне и со всей серьезностью притязает на законодательство пустыни» (587). Если же мы обратимся к историческим книгам, к большинству пророков, этому хору пустынников, если раскроем Книгу Псалмов, мы увидим, что всюду нас обступают образы и притчи из пастушеской жизни и крайне редко где-то на заднем плане мы видим земледельца, «который сидит перед своей хижинкой под фиговым деревом, пребывая в довольстве». Яхве — пастырь добрый (Пс. 22), который соберет остатки Израиля, как овец в загон (Мих. 2: 12). Субботний год тоже имеет свой смысл: можно перестать заниматься землей и снова ощутить себя израильтянином на старом ладе.

Израиль никогда не отказывался от своего деления на семейства и роды, и племена всегда держались друг друга, как это бывает среди пастухов: родственная близость не уступала близости территориальной, и поэтому нет оснований сомневаться в том, что еще в V в. до н. э. (а иначе, как уже говорилось, было бы просто невозможно понять все, что происходило в то время, и прежде всего процесс сведения иудейских духовных книг воедино), по крайней мере, в правящих кругах ощущалась сильная (быть может, даже преобладающая) тяга к кочевничеству, которая в конечном счете давала о себе знать и в широких массах еврейского населения, так как в противном случае

было бы просто невозможно так долго навязывать религию, целиком и полностью ориентированную на кочевой образ жизни.

Но, быть может, в ту эпоху такая сильная склонность к кочевничеству представляла собой просто проявление некоего обратного развития? Быть может, такие инстинкты, вытесненные многими предшествующими веками, ожили под влиянием вавилонского плена, изгнания в Вавилон? Вполне возможно, и здесь я хотел бы обратить особое внимание на то обстоятельство, что, скорее всего, ссылка в Вавилон действительно оживила исчезающую тягу к кочевничеству или просто усилила ее. Таким образом, даже признавая, что до этого времени (на протяжении полутысячи лет, которые протекли со времени завоевания Ханаана) сыны Израилевы в какой-то мере вели оседлый образ жизни, мы все-таки должны признать и то, что все силы словно поклялись воплотить себя в жизнь и стать чем-то непреходящим. Едва какое-либо растение пускало корень (настолько, насколько это вообще было возможно в тех знойных землях), его вырывали из земли. Можно сказать, что в дальнейшем ходе еврейской истории изначальный инстинкт к кочевничеству и тяга к пустыне, сидящие у евреев в крови, благодаря приспособлению или отбору лишь укреплялись и усиливались. Таким образом, говоря о судьбе еврейского народа, мы можем сказать, что на протяжении тысячелетий он оставался народом пустыни и странствования.

Конечно, такая мысль не нова и выразить ее надо с опаской, потому что антисемиты самым отвратительным образом используют этот факт для своего злопыхательства. Нет никакого основания ставить под сомнение сам факт или не принимать его во внимание, говоря о своеобразии еврейского народа, однако, глядя на недобросовестное злоупотребление этой мыслью в некоторых тенденциозных сочинениях (*Дюринг*, *Вармунд* и т. д.), надо прежде всего основательно исследовать фактический материал и по мере возможности обосновать этот вывод. Все, что было сделано в этом направлении до сих пор, подверглось грубому и глупому искажению, и в какой-то мере мы

даем нашим противникам с язвительной усмешкой отвергать «мысль о вечном кочевничестве» евреев как совершенно нелепую и рассуждать о «странном стремлении многих сторонников расовой теории бранить семитов, называя их „кочевниками“» (Герц).

Было бы, однако, неплохо, если бы те, кто считает такое «стремление» «странным», потрудились доказать, что оно ложно, вместо того, чтобы приходить в негодование, поскольку в приводимом силлогизме («в Палестине в древности занимались земледелием, евреи какое-то время жили в Палестине, следовательно, евреи были земледельцами или [как иногда выражаются для пущей наглядности] аграриями») есть нечто несостоятельное. Даже когда Герц в своей превосходной книге говорит о том, что город привязывает к земле и заставляет вести оседлый образ жизни, чего в свою очередь не могут сделать «ни легкий деревянный дом, ни плуг» (как будто вестфальский крестьянин не такой «оседлый», как обитатель Берлина, проживающий в двухкомнатной квартире!), он, мне кажется, даже в кругу своих самых лучших друзей не может рассчитывать на безусловное признание такой мысли.

Поясним еще один момент: если кого-то называют «кочевником», то в этом нет никакого неуважения, и поэтому я считаю неоправданными разговоры о том, что кто-то кого-то «бранит», называя его «кочевником». В крайнем случае оскорбление в этом слове можно усмотреть тогда, когда с ним связывают идею грабежа, непрерывных «набегов», отождествляя кочевничество с разбоем. Но даже если и так, все равно не понятно, почему какое-либо сильное и решительное племя бедуинов, во главе которого стоит человек, напоминающий царя Давида и так же, как и он, живущий разбоем, должно восприниматься как менее «значимое» и менее «симпатичное», чем какое-нибудь оседлое африканское племя, занимающееся земледелием в лесу. В данном случае речь не идет о каком-то оценочном моменте, и об этом я уже говорил в предисловии. Наверное, само собой понятно, что в более поздние времена еврейской истории слово «кочевник» стало упот-

ребляться в переносном смысле. Мы же теперь, после всех этих многочисленных оговорок, попытаемся доказать непреложность упомянутого факта: *евреи благодаря приспособлению или отбору являются народом вечной пустыни и вечного странствования.*

Мы уже намекали на то, что изгнание оживило в евреях кочевнические инстинкты. Изгнание! Вавилонский плен! Желая быть объективными, мы должны признать, что о нем у нас нет никакого более или менее четкого представления. Мы почти ничего не знаем ни об исходе из Палестины, ни о возвращении в нее, и нам думается, что все это вообще стало возможным только в том случае, если в ту пору сыны Израилевы по-прежнему оставались кочевниками или полукочевниками. Вряд ли можно было бы говорить о завоевании народа-земледельца, в то время как насильственное переселение кочевых племен и сегодня — дело обычное. Такое переселение сегодня воспринимается как «действенное орудие, используемое властями для укрепления степных границ, и особенно Россия знает в этом толк» (588). С мыслью о том, что во времени вавилонского плена израильтяне в своем большинстве все еще занимались скотоводством, согласуется с библейским отрывком, в котором говорится о выселении евреев из Палестины: «И выселил весь Иерусалим, и всех князей, и все храброе войско, — десять тысяч было переселенных, — и всех плотников и кузнецов; никого не осталось, кроме бедного народа земли». И далее: «И переселил он Иехонию в Вавилон; и мать царя, и жен царя, и евнухов его, и сильных земли отвел на поселение из Иерусалима в Вавилон. И все войско, числом семь тысяч, и художников, и строителей тысячу, всех храбрых, ходящих на войну, отвел царь Вавилонский на поселение в Вавилон». Во время второго набега увели «и прочий народ, оставшийся в городе, и переметчиков, которые передались царю Вавилонскому, и прочий простой народ выселил Навузардан, начальник телохранителей. Только несколько из бедного народа земли оставил начальник телохранителей работниками в виноградниках и землепашцами» (4 Цар. 24: 14–16; 25: 11–12). Сказанное под-

тверждает и пророк Иеремия: «Бедных же из народа, которые ничего не имели, Навузардан, начальник телохранителей, оставил в Иудейской земле и дал им тогда же виноградники и поля» (Иер. 39: 10).

Кого бы мы ни причисляли к изгнанникам, ясно одно: настоящих земледельцев среди них не было: скорее всего, они остались на своих прежних местах и после второй ссылки. Отрывок из Иеремии, по-видимому, подтверждает то, о чем я говорил выше: земля обрабатывалась батраками, подневольными работниками, которые теперь, после того, как их хозяев увели в изгнание, стали собственниками обрабатываемой ими земли. Можно предположить, что в основном все оставшиеся на земле представляли собой остатки тех племен, которые жили здесь изначально и которые были поработены евреями. В таком случае получается, что в жилах у оставшегося еврейства кровь была не такой чистой, как у еврейской аристократии, переселившейся в Вавилон, которую в любом случае можно считать как бы снятыми сливками. В последующие века такой точки зрения придерживались и в самом еврействе. Даже в Иудее считали, что потомок евреев, родившийся в Вавилоне, обладает более чистой кровью. Давно известно мнение, согласно которому «евреи, живущие в (римских) провинциях, относятся к евреям Иудеи как смешанное тесто к чистой муке, но последние, в свою очередь, тоже лишь тесто по отношению к евреям Вавилонии» (589). Раввин Иуда бен Йехескеель (220–299) гг. оправдывает уход благочестивого Ездры из Вавилона только тем, что, уходя, он увел за собой в Иудею семьи сомнительного происхождения, и, таким образом, оставшиеся уже не могли смешаться с ушедшими (!) (590).

Для нашего изложения важно отметить следующее: изгнание, вавилонский плен способствовал отбору наилучших представителей еврейства Иудеи, которые в любом случае не являли собой образец тяготения к оседлой жизни и которые в своем большинстве благодаря самому изгнанию смогли расстаться с еще имевшейся склонностью к оседлости и укорененностью в земле; они поняли,

что им снова надо возродить свое древнее кочевничество (даже если до этого оно лишь дремало) и жить как горожане (торговцы). (Можно предположить (на основании вавилонского Талмуда), что какая-то часть оказавшихся в Вавилонии евреев и там продолжала заниматься земледелием, но повторилась ситуация, которая, как мы предполагаем, сложилась в Палестине: городские евреи, ставшие к тому же работодателями, позволяли обрабатывать свою землю батракам (нееврейам?) (по крайней мере, это типичная картина, которую нам рисует вавилонский Талмуд, хотя и тут, конечно же, есть исключения: мы читаем о том, что даже раввины ходили за плугом).

Еще более важным оказывается тот факт, что все, происходившее во время пребывания в вавилонском плену, не было чем-то единичным, но представляло собой вполне обычное явление. Уже до вавилонского плена многие евреи жили в Египте и других чужеземных странах, и с тех пор начинается долгий процесс отбора всех, кто не сильно тяготеет к земле, кто уже тогда был готов отправиться в странствование, процесс отбора через добровольное изгнание, через расставание с собственной страной, что впоследствии и формирует диаспору. На чужбину всегда отправляются те, в ком сильнее всего пульсирует древняя кровь кочевника, и когда они приходят в чужие земли, эта кровь становится еще жарче и струится по всему их телу. У нас нет никаких сведений о том, чтобы евреи, добровольно оставившие Палестину или Вавилонию (или вынужденные уехать оттуда по экономическим причинам), где-нибудь основали земледельческую колонию или долго просуществовавшее самостоятельное поселение (что мы видим на примере других переселенцев, особенно из Старого Света). Однако мы слышим о том, что странствующие евреи расселяются по всему земному шару, среди чужих народов, предпочитая останавливаться в больших городах (591). Мы ничего не знаем и о том, чтобы кто-нибудь из них, заработав какие-либо средства, вернулся в родные пенаты, как, например, это делают швейцарцы, венгры или итальянцы. Они остаются в чужих городах и поддерживают с родиной только духовную

связь: в лучшем случае (как настоящие кочевники) они раз в год совершают паломничество в Иерусалим на праздник Пасхи.

Постепенно Палестина утрачивает свое значение для евреев как родина, и они в основном начинают жить в диаспоре. Ко времени разрушения второго Храма (70 г. н. э.), по всей вероятности, в диаспоре проживало гораздо больше евреев, чем в Палестине. Вряд ли можно признать, что в те времена, когда Палестина была максимально заселена, она могла прокормить больше миллиона или полутора миллионов человек (60–11 на один квадратный километр; сегодня ее население составляет самое большее 650 000 человек. Вся Иудея вбирала в себя 225 000 жителей, Иерусалим — 25 000 (592), однако уже к началу нашего летоисчисления большинство евреев проживало за пределами Палестины. В одном только Египте эпохи Птолемеев, как сообщают, проживало 7–8 миллионов человек, из них 1 миллион составляли евреи (593). От Иосифа, который цитирует Страбона, мы узнаем, что не просто найти на земле место, где не проживали бы и не господствовали (!) евреи. Перечисляя земли, в его эпоху заселенные евреями, Филон добавляет, что они поселились в бесчисленных городах Европы, Азии и Ливии, на материках и островах, на морских побережьях и в местности, удаленной от моря. Уже к концу II в. до н. э. об этом же вещает оракул сивиллы (594), и Иероним подтверждает, что они заселились «от моря до моря, от Британского до Атлантического океана, от Запада до Юга, от Севера до Востока, по всему миру» (595). Из различных свидетельств становится ясно, насколько плотно они селились, например, в Риме в эпоху ранней империи: когда еврейский царь Ирод прибыл в Рим, на аудиенцию к Августу его сопровождали, как сообщается, 8000 постоянно проживавших в этом городе единоверцев, а в 19 г. н. э. 4000 вольноотпущенников, способных носить оружие и «зараженных египетским и иудейским суеверием», были приговорены к высылке на Сардинию (596).

Если рассуждать о том, какой процент составляла еврейская диаспора по отношению ко всему еврейству в це-

лом, вне всякого сомнения надо признать, что к моменту падения второго Храма израильтяне уже расселились по всему миру (597). Несомненно также и то, что в средние века это брожение не закончилось: Израиль продолжал свое беспокойное странствование по земле.

Основные направления этого странствования таковы: с конца V в. евреи начинают медленно, но потом все быстрее и быстрее покидать Вавилонию и устремляться во все стороны — в Аравию, Индию, Европу. С XIII в. начинается отток из Англии, Франции, Германии: частично на Пиренейских полуостров, куда еще раньше переселилось много евреев из Палестины и Вавилонии, частично в европейские восточные империи, куда, впрочем, уже с VIII в. устремился поток эмигрантов с юго-запада, из Византии, через Черное море. К концу средневековья Пиренейский полуостров и Россия с Польшей представляли собой два больших резервуара, вобравших в себя еврейских переселенцев, которых не вместил Восток. С этого момента начинается новое движение, основные направления которого мы в общих чертах проследили. Сначала в путь трогаются выходцы из Испании, затем (после казачьих погромов XVII в.) — восточные евреи. Переселение русско-польских евреев проходило достаточно органично до тех пор, пока в конце XIX в. кратер внезапно не выбросил новую лаву, а именно сотни тысяч евреев, в последние десятилетия устремившихся в Новый свет.

Внутри отдельных стран переселение тоже принимает какое-то направление, например в Германии оно происходит с востока на запад. Если взять Позен, то можно сказать, что Германия тоже приняла большое участие в создании резервуара, вобравшего в себя «восточных» евреев. Приблизительно в середине XIX в. (1849), к тому времени, когда большинство городов этого края по численности еврейского населения достигло высшей точки, из ста тридцати одного населенного пункта в двадцати одном число жителей на 30–40 % состояло из евреев, в четырех местах их было 41–50 %, в трех — свыше 50 % (до 64 %). За последние полвека число евреев в Позене сильно сократилось. В 1905 г. более 10 % евреев проживало

лишь в десяти городах этой области, и нигде их число по отношению к общему числу населения не превышало 15 %. Если число евреев, проживавших в этой провинции в 1840 г., мы примем за 100, то тогда получается, что в 1905 г. их оставалось только 39.4. В 1905 г. в этой провинции проживало 30 433 еврея, что составляло около 15 % от общего числа населения, тогда как в 1849 г. их количество составляло 76 757 человек, что составляло 57 % от общего числа. Таким образом, за пятьдесят пять лет еврейское население этого региона уменьшилось на 60 % (598).

Однако в последние полвека евреи интенсивно странствовали и по всей остальной территории Германии, в основном преследуя одну цель: осесть в Берлине. Лишь за период с 1880 по 1905 гг. мы имеем следующие данные:

Область	Прибытие	Отбытие
Восточная Пруссия	—	8035
Западная Пруссия	—	15117
Бранденбург	25539	—
Городской округ Берлин	29008	—
Померания	—	6603
Позен	—	31381
Силезия	—	13854
Саксония	—	958
Шлезвиг-Гольштейн	—	1043
Ганновер	—	2934
Вестфалия	—	4276
Гессен-Нассау	—	144
Рейнская область	—	1522
Итого:	54547	85920

Этот народ, гонимый веками и вынужденный постоянно искать какого-то нового прибежища, народ, судьба которого нашла свое яркое выражение в сказании о «вечном жиде» Агасфере (599), никогда в силу присущей ему тревоги, поселившейся в нем, не ощутил бы тяги к земле

и стремления зажить оседлой жизнью даже в том случае, если бы в промежутке между двумя гонениями попытался пустить корни на своем родном клочке земли.

Все достоверные свидетельства о жизни евреев в изгнании единодушно говорят о том, что лишь ничтожно малая часть переселенцев занималась земледелием, причем даже там, где это не было запрещено. Вероятно, больше всего они занимались сельским хозяйством в Польше в XVI в., но и там они все-таки предпочитали жить в городах: по крайней мере нам известно, что в ту эпоху в польских городах на 500 крупных торговцев-христиан приходилось 32 000 крупных торговцев-евреев (600).

Итак, евреи были (неважно, добровольно ли или по принуждению) городскими жителями, и таковыми они остаются и до сего дня: в настоящее время в больших городах Германии с населением свыше 50 000 человек проживает около половины или более евреев от числа всех евреев, проживающих в этой стране (в 1900 г. они составляли 43, 46 % от их общего числа), в Италии, Швейцарии, Голландии и Дании они составляют 4/5 от их общего числа, тогда как в Англии и Соединенных Штатах практически все евреи — горожане. Надо сказать, что большой город — это как бы прямое продолжение пустыни: он так же далек от обжитого, дышащего паром клочка земли, как и она, и в равной мере заставляя своих обитателей вести кочевой образ жизни.

В силу вынужденного приспособления к окружающей среде, не прекращавшегося веками, старая тяга к кочевничеству и власть пустыни еще более укрепились, а благодаря отбору стали занимать все более господствующее положение, и вряд ли стоит сомневаться в том, что в непрестанном странствовании, которое были вынуждены вести евреи, самыми сильными, максимально способными к сопротивлению и потому выжившими оказались те, кто тяготел к уютной оседлости, а те, в ком не угасал беспокойный дух странствования.

И вот этот горячий, не ведающий покоя народ, который бродил по пустыне не сорок лет, а четыре тысячи лет и более, наконец прибыл в свой Ханаан, то есть в север-

ные страны. Здесь он встретился с народами, которые в свою очередь тысячами (пока он бродил от одного оазиса к другому) проживали в совершенно иной обстановке, никуда не устремляясь от своей земли — холодно-кровными народами, которые отличались от евреев как арденнская лошадь отличается от арабского скакуна.

Скоро перестанут усматривать слишком большой смысл в том, чтобы именовать «арийцами» (или как-нибудь еще) народы, которые издавна населяли Северную, Среднюю и Восточную Европу. Хотя новейшие исследования, проведенные в области соматологии, антропологии и археологии, а также в лингвистике и говорят о том, что немалая часть народов, населявших в начале каменного века Среднюю и Северную Европу, были арийцами (601), это не имеет слишком большого значения. Разве что-либо прибавляется в наших познаниях о характере этих народов, когда мы узнаем, что они были «арийцами»? Если мы начнем слишком вдаваться в такие спекуляции, мы снова погрузимся во все те «мистические» заблуждения, о которых я с содроганием сообщал, когда возникла идея на основании анализа языка и, быть может, на основании некоторых согласующихся между собой антропологических признаков (таких, например, как форма черепа и других) дать характеристику духовного облика таких народов. Для нас важным и решающим является то, что эти «арии» были *северными народами*, которые родились на Севере и не могли акклиматизироваться в жарких странах (602).

Считать их «ариями» и воспринимать как «ариев» — значит вводить себя в заблуждение, так как в таком случае возникает соблазн рассматривать темнокожего индийца как их брата, что явно не способствует лучшему пониманию проблемы. Светловолосые, голубоглазые люди, которые издавна населяли Северную и Среднюю Европу, по крови вряд ли имели много общего с темнокожими индийцами, какими бы родственными ни были их языки, ибо в конечном счете их самобытность сложилась в совершенно иной обстановке, в иной среде, характерной для северных стран. Сегодня мы можем по самим себе опреде-

лить, в чем заключалась эта самобытность, однако нам надо всегда помнить, что в те давние времена самобытно нордическое начало было выражено гораздо сильнее, чем сегодня. Если бы мы захотели выразить это своеобразие одним словом (в противоположность своеобразию пустыни), это слово было бы кратким — лес. Пустыня и лес — две противоположности, определяющие как своеобразие стран, где они раскинулись, так и самобытность людей, которые там проживают. Лес налагает на север свой неповторимый отпечаток: в этом лесу журчат ручьи, туман обволакивает стволы деревьев, «на влажном мху и покрытом испариной камне» ютится жаба, зимой в нем иней сверкает на солнце, а летом поют птицы. Конечно, леса шумели и в Ливане, а сегодня шумят на юге Италии, где издавна есть что-то и от пустыни, но всякий, кто когда-нибудь бывал в южном лесу, знает, что общего между ним и нашим северным лесом — одно лишь наименование; «такой человек должен признать, что этот лес (в Италии) по виду и ощущению представляет собой нечто иное, отличное от леса, раскинувшегося в Альпах или на берегу Балтийского моря. Лес южной Италии полон звуков, пронизан светом и голубизной, он преисполнен энергии и пластичности в своей устремленности ввысь, в своих извивах и трепете; часто он напоминает храмовую рощу» (Ген). В отличие от него наш северный лес полон прелести и призрачной таинственности, уюта и боязни в одно и то же время. Пустыня и лес, песок и болото — две великие противоположности, два совершенно разных мира, где различная влажность воздуха и прочие особенности оказывают решающее влияние на существование человека (и мы это еще увидим): там символом выступает *fata morgana*, здесь — полоса стелющегося тумана.

Кроме того, как я уже говорил, все своеобразие северной природы в далекие времена было выражено гораздо ярче, чем сегодня. Римляне описывают нашу Германию как суровую страну, полную болот и густых лесов, страну, над которой высится сумрачное небо, которая полна туманов, насыщена влажным, сырым воздухом, которая

изобилует дождями, страну, где зима тянется долго, а бури наводят страх.

Здесь проживали народы (быть может, с ледникового периода), присутствие которых мы можем проследить на много тысяч лет назад. Согласно новейшим гипотезам германцам даже удалось пережить ледниковый период на острове в каком-то уголке Франции. (Первым историческим сообщением о германцах, которые восходят к 330 г. до н. э., мы обязаны римским писателям).

Даже если признать, что первые жители свайных построек (которые, вероятно, жили еще в палеолите) пришли в эти земли с Востока, все равно получается, что они пришли из той среды, которая не полностью отличалась от нашей, а именно с травянистых степей Центральной Азии).

Итак, мы можем с уверенностью сказать, что здесь расы и народы, бывшие нашими предками, проживали в сырых лесах, среди болот и туманов, льда, снега и дождя и даже в самой воде, на свайных ростверках, где это было возможно. Они корчевали лес, превращали целину в пахотную землю и селились там, где их топор и плуг успели отвоевать полосу земли в глухой чащобе. Даже если эти племена и не стремились к полной оседлости (и на основании сообщений Цезаря можно заключить, что в ту пору охота и скотоводство еще оставались у них главным занятием и что время от времени они меняли место проживания), все равно они уже срослись с землей. Хоть в какой-то мере, но всегда земледелие присутствовало в их жизни: на основании анализа языковых данных можно с уверенностью сказать, что «во всей индогерманской доисторической эпохе не было такого периода, когда земледелие было бы совершенно неизвестным». Самые древние жители свайных построек, о которых мы знаем, уже были земледельцами, но даже в том случае, когда мы называем северные народы «кочевниками», картина получается совершенно иной, чем тогда, когда мы говорим о каком-либо кочевом племени бедуинов, и такие «кочевники» все равно оказываются более привязанными к земле, чем земледельцы, живущие рядом с каким-нибудь оазисом в пустыне. Первые всегда остаются поселенцами,

даже если и разводят скот, тогда как вторые всегда остаются чуждыми земле, даже если и живут земледелием.

Это происходит потому, что на севере отношение к природе более интимно, чем в жарких странах. На севере человек как бы погружается в природу, даже если он охотник и вынужден бродить по лесам, или пастух, который прорубает в чаще просеку для своего стада. Я мог бы сказать (боясь, что меня обзовут «современным мистиком»), что на севере даже вполне обычного человека связывают с природой нежные узы любви и дружбы, которых человек, живущий в жарком климате, хотя бы итальянец, не чувствует с такой остротой. Нередко вполне обоснованно говорят о том, что на юге человек воспринимает природу с точки зрения каких-то своих культурных целей. Человек остается внутренне чуждым природе, причем даже тогда, когда он обрабатывает землю: в тех благословенных краях нет подлинной сельской жизни — жизни в природе и с природой, когда ощущаешь сокровенную связь с деревом и кустарником, с землей, лугом, дикими животными и птицами.

Можем ли мы сказать, что такие разные природные миры, породившие не менее разные условия жизни, совершенно по-разному повлияли и на людей, которые в этом мирах жили? Можем ли мы сказать, что на еврейском своеобразии, насколько мы его знаем, сказалось однообразное странствование по пустыне, длящееся не одну тысячу лет, что оно просто усугубило его самым решительным образом?

Я отвечаю на эти вопросы утвердительно и в дальнейшем попытаюсь обосновать эту взаимосвязь, хотя в то же время должен сознаться, что при сегодняшнем уровне знания «точных» доказательств правильности моей точки зрения (а они должны быть биологическими) привести нельзя. Для этого в настоящее время мы не располагаем всеми экспериментально-эмпирическими основаниями, которые позволили бы объяснить, каким образом своеобразие среды и жизнедеятельности человека влияет на его анатомию и физиологию, а тем самым и на его психику. Здесь я хочу вспомнить о *Хуане Гуарте де Сан Хуа-*

не, проницательном враче, жившем в XVI в., о котором я уже упоминал и который в своем «Исследовании умов» дал ценные указания относительно того, в каком направлении надо предпринимать такие изыскания; кроме того, здесь же он (до сих пор единственный!) предпринимает серьезную попытку дать биологическо-психологическое объяснение своеобразию еврейского народа путем анализа его прошлой жизни и тех условий, в которых он находился. Мысли этого замечательного человека, который (в условиях своей эпохи выступая прямо-таки как провидец) пытается решить проблему самобытности человека, показались мне настолько интересными и ценными, что я решил, так сказать, вырвать их из незаслуженного забвения и здесь в общих чертах ознакомить с ними читателя (603).

Итак, своеобразие еврейского характера Гуарте объясняет следующими условиями, в которых формировался еврейских тип:

- 1) жаркий климат;
- 2) скудная, неплодородная местность;
- 3) своеобразное питание, которое они, главным образом, имели во время своего сорокалетнего странствования по пустыне.

В это время они наслаждались весьма изысканной пищей, а именно манной, пили совершенно чистую, легкую воду и дышали кристально чистым воздухом. От этого у мужчин образовывалось чистое, раскаленное от жары семя, а у женщин менструальная кровь была чистой и, так сказать, утонченной (*sutil y delicada*), в результате чего (уже как бы по Аристотелю) рождались дети весьма острого ума (*de muy agudo ingenio*).

4) «Но когда израильский народ вступил во владение обетованной землей, ему с его... столь острым умом пришлось претерпеть столько тягот, скудости, вражеских нападков, гонений и порабощения, что через всю эту тягостную жизнь он приобрел жаркий, сухой и вспыльчивый нрав. ... Постоянная печаль и непрестанная нужда приводят к тому, что жизненные силы и артериальная кровь начинают скапливаться в мозгу, а также в печени и в

сердце и, наконец, накапливаясь там все больше и больше, начинают взаимно сжигать и пожирать друга друга. ... Обычно в результате этого появляется много черной, накипевшей желчи. От этой черной желчи почти все евреи и донныне [имеют много страха и печали], а „длющиеся долго страх и печаль означают меланхолию («*metus et maestitia diu durans melancholiam significat*», Гиппократ). Эта накипевшая желчь является причиной... сноровки, хитрости, лукавства и коварства (*soleria, astucia, versacia, malicia*). Кроме того, она делает очень пронизательным в определении заболеваний...“. Далее, самым серьезным образом рассуждая о «наследовании приобретенных признаков», автор опровергает мнение о том, что за три тысячи лет, пока евреи не ели манну, они утратили качества, полученные в результате поглощения такой пищи. Суть его изложения сводится к той мысли, что изменения, однажды полученные эмбриональной плазмой, продолжают сказываться и в дальнейшем. Впрочем, он склонен допускать, что остроумие может и покидать евреев.

Мадридский врач опускается в такие глубины, в которые я не отважусь повести читателя: пока что мы столкнемся там с недоказанными догадками и дилетантскими предположениями. Нам лучше остаться на поверхности и в общем и целом удовольствоваться указанием на взаимосвязи, существующие (согласно нашим опытным данным) между определенными психологическим своеобразием, которое мы замечаем в евреях, и условиями их существования.

Характерной еврейской чертой, которая подобно капсуле вбирает в себя все остальные, является еврейское остроумие. Его, наверное, можно объяснить на основании того факта, что с древних времен, со времен кочевой пастушеской жизни евреи никогда не выполняли тяжелой физической работы, по крайней мере она никогда не была их основным занятием. Во все века на них не так сильно сказывалось проклятие, обрушившееся на Адама и Еву во время их изгнания из рая («в поте лица твоего будешь есть хлеб»), если, конечно, под этим «потом» мы по-

нимаем пот, появляющийся от физического труда, а не заботы и раздумья, которые, как известно, являются «умственным» трудом. Пастушеская жизнь в первую очередь предполагает тот вид деятельности, который связан с осмыслением, организацией, расстановкой, и все профессии, которые, как мы видим, впоследствии осваивали евреи (в данном случае не важно, принудительно или добровольно), требовали не физического напряжения, а умственных способностей. Если брать нашу родословную, то почти во всех случаях, самое малое через два или три поколения, мы обнаруживаем, что наши предки ходили за плугом, стояли за наковальней или сидели за ткацким станком. Евреи же могут проследить свою родословную на много поколений назад, и выяснится, что на протяжении многих веков или даже тысячелетий у них в роду были не крестьяне или ремесленники, а лишь мыслители, так сказать, работники «умственного труда». Можем ли мы сказать, что благодаря приспособлению и отбору тех, кто оказался наиболее способным к выполнению такой работы, сформировалось и определенное своеобразие таких людей? Вряд ли могло быть иначе, и мы можем без каких-либо оговорок заключить, что условия их существования явились причиной их выдающихся умственных способностей. Видя это своеобразие воочию, не должны ли мы заключить, что оно восходит к той особой области, в которую евреи были вовлечены изначально?

Остается только добавить, что тот особый интелектуализм, который мы наблюдаем в евреях, в конечном счете берет начало в пустыне, где камни и песок. Мы видим, что они наделены «абстрактным», «рациональным» мышлением, в них ярко выражено понятийно-дискурсивное отношение к существу и в то же время ослаблена чувственная созерцательность и то отношение к миру, которое основано на непосредственном восприятии. Итак, пустыня и лес, юг и север! Резкие очертания знойных, выжженных солнцем просторов, яркие солнечные пятна наряду с глубокими тенями, светлые звездные ночи, замершая природа, — все это можно схватить еди-

ным «абстрактным» восприятием, которому противостоит «конкретика» всего северного, где щедро льются воды, одним словом, совершенно иное окружение, живая природа леса и поля, земля, источающая пар. Разве нельзя противопоставить абстрактно мыслящего еврея созерцательному и мечтательному северянину? И случайно ли то, что астрономия и искусство счета зародились в жарких странах с их вечно ясными ночами и (добавим от себя) были развиты теми кочевыми, пастушескими народами, которые издавна знали толк в счете? Можем ли мы воспринимать шумеров, которые изобрели клинопись и виртуозно владели искусной системой шестидесятеричного исчисления (604), как некий северный народ, в чем нас хотят уверить расовые теоретики германофильского толка? Можем ли мы сказать, что абстрактное представление о числе так же легко могло зародиться в голове крестьянина, идущего за плугом по какому-нибудь туманному северному краю, или в сознании охотника, бредущего через лес?

Нет никакого сомнения и в том, что рациональное стремление к осмыслению каких-либо первоначал так же восходит к южной природе с ее как бы искусственно созданной, неорганической жизнью, восходит к вечной неопределенности и непредсказуемости той жизни, которую ведет бедуин, равно как устоявшееся существование, основанное на традиции или каком-либо изначальном чувстве, в нашем сознании связано с уютным, надежным укладом, с той замкнутой жизнью, которую ведет землепашец, а также с туманно-мистическими пейзажами, которые окружают северного человека. Мне не кажется слишком невероятной та мысль, что ощущение живого, органического, органически сложившегося вырастает (или во всяком случае может легче вырасти) из живой и разнообразной природы севера, а не из мертвой природы востока. Пустыней оказывается и город (юг), потому что он отрывает человека от его исконного клочка земли, разрушает связь с животными и растениями, со всем органически сложившимся, а также угашает и уничтожает в нем подлинное сопереживание живому, то

сопереживание, которое проистекает только из «понимания» живой природы. С другой стороны, подобно кочевой жизни в пустыне, жизнь в городе заставляет развивать интеллектуальные способности, ум постоянно находится в движении, что-то выведывая, узнавая, соотнося одно с другим, упорядочивая. Жизнь требует от «кочевника», чтобы он постоянно был начеку, судьба требует от еврея, чтобы тот постоянно был осмотрительным. Кроме того, он всегда должен соотносить свои действия с какой-то целью, каждый миг оценивать обстановку, анализировать новое положение вещей, соотносываться с новой ситуацией, выстраивать свою жизнь «целесообразно».

Евреи умеют приспособляться и, помимо прочего, они весьма подвижны, однако умение приспособляться и подвижность являются двумя основными чертами «кочевника» который должен их иметь, если хочет одержать победу в борьбе за существование, тогда как крестьянин, ведущий оседлый образ жизни, просто не знал бы, что делать с такими качествами. «Закон выживания, действующий в пустыне, заставляет кочевника быть максимально подвижным и уметь столь же быстро перемещать все, что он имеет в своей собственности. Лошадь и верблюд должны быстро перемещать его вместе со всем его скарбом с одного пастбища на другое, так как запасы, которыми он обладает, незначительны, они скоро исчерпываются, с их помощью он должен попытаться с быстротой молнии избежать нападения более сильного врага... Но и при обычных обстоятельствах умение так быстро передвигаться требует от вождей племени и вообще всего племени определенного организаторского таланта» (605) (который, добавим от себя, совершенно не нужен земледельцу). «Плуг и вол уступают копыю, стреле и коню кочевника в быстроте и силе» (606). Продолжая и развивая эту мысль, можно добавить, что с тех пор, как евреи перешли через Иордан, и по сей день город требует от них той же самой большой подвижности.

Можем ли мы сказать, что намеченные нами противоположности между целеустремленностью, обращенностью в будущее и радостным восприятием труда, который

совершается в одном и том же месте, восходят к противоположности между кочевым и оседлым образом жизни? И нельзя ли предположить, что вековые странствования еще сильнее развили в евреях эту целеустремленность, которая является подлинным, настоящим качеством кочевника? С давних пор странствования по пустыне и до сего дня обетованная земля постоянно находится где-то впереди, и они устремляются к ней, с тоской вглядываясь в даль, как любой странник, обращая свое сердце в будущее, как всякий, кому приходится странствовать и кому само странствование не несет никакой радости. Чем беднее становится настоящее, тем сильнее влечет будущее: все вокруг становится пустым, действительность — бессодержательной, всякое действие — бессмысленным, и только то, что обращено в будущее, еще имеет какую-то ценность — это успех, достижение поставленной цели (при таком исторически сложившемся отношении к успеху использование денег для займа и вообще капиталистический характер взаимоотношений оказывает существенную поддержку и в значительной мере способствует достижению поставленной цели, так что ярко выраженная целеустремленность евреев в равной мере может быть как следствием, так и причиной их деятельности как субъектов капиталистического хозяйствования).

Мы уже выяснили, что целеустремленность и беспокойный дух, который является лишь другим проявлением упомянутого своеобразия, предполагают немалую физическую и духовную силу. Все это, конечно же, имелось в тех проторасах, из которых сформировались евреи, и можно с достаточной долей уверенности сказать, что нелегкие странствования и тяготы, которые евреям приходилось переживать в северных странах, лишь усилили и развили эти качества. Достаточно сравнить их деятельность в различных регионах и на различных широтах, чтобы увидеть, что именно в этих странах еврей смог впервые полностью развернуть свои силы (и равным образом, в полную меру реализовать все свои способности во взаимодействии с северными, холоднокровными народами). Достоянием еврейского народа стали те особенно

полезные качества, которые в борьбе за существование лишь еще более развились благодаря отбору наиболее «пригодных».

Понятно, что совершенно различные условия существования по-своему сказались не только на самом характере народов, но и на их деятельности, на образе жизни. Вода, лес и источающая пар земля заставляют слагать свои сказки, легенды и песни, они по-своему упорядочивают жизнь, не так, как это делают пустыни и оазисы. Не знаю, писал ли кто-нибудь диссертацию на тему «Гете и вода», если нет, этим стоило бы заняться. Можно было бы показать, что самое подлинное в его поэзии идет от того неповторимого чуда, которое в немецком лесу творят дымка и туманы.

«Замерли снова долина и лес
В серебристом тумане...»

«Даруешь мне красу природы...»
«По траве и камням
Вниз спешит ручеек...»

«В вечерних сумерках раскрылся мир...»

Можно привести много других мест, в которых воспевается красота природы, все походные и прочие песнопения свидетельствуют об этом.

Если мы вспомним строки, в которых говорится о том, как «от скалистых утесов и влажных лесов старины серебристые тени встают», мы поймем, что являем собою ту часть человечества, которая отличается от другой, что мы отличаемся от тех наших современников, чьих отцов оведали знойные ветра пустыни. Однако несмотря на всю притягательность этой мысли, я не могу ее здесь развивать, так как передо мной стоит вполне ясная и определенная задача: выявить взаимосвязи между тем особенным окружающим миром и определенным укладом экономической жизни.

Ясно, однако, что природу различных экономических укладов в немалой степени можно объяснить противопо-

ложностью между кочевым образом жизни и земледелием, противоположностью между пустыней и лесом.

В лесу, который подвергается корчеванию, на болоте, которое потом превращается в отвоеванный клочок земли, на этом самом клочке, по которому проходит плуг землепашца, формируется тот своеобразный экономический уклад, который долгое время господствовал в Европе (до тех пор, пока не пришел капитализм), который мы называем крестьянским или феодально-ремесленным и который покоился на идее пропитания, конкретно совершаемого труда и сословного разделения. Из ограниченной собственности, которой обладает крестьянин, рождается представление о некоей ограниченной, замкнутой в себе сфере деятельности, в которой экономический субъект будет находиться всегда и в которой ему суждено во все времена выполнять одну и ту же работу (согласно традиции) (отсюда идея пропитания проникает во все остальные сферы экономики и формирует их по своему образу). Впоследствии эти экономические образования, поначалу связанные между собой фактически, а потом — определенными правовыми положениями, ложатся в основу органически складывающегося сословного государства.

В бескрайней пустыне, в кочевом экономическом укладе формируется полная противоположность старому экономическому укладу оседлых землепашцев — капитализм. Здесь экономическая жизнь не знает никаких границ, не предполагает никакой замкнутой трудовой деятельности: скотоводство не ведает пределов, причем сегодня или завтра оно может прийти в полный упадок, но через несколько лет возрастет в десять раз (стада коров, лошадей и овец быстро увеличиваются и так же быстро уменьшаются вследствие эпидемии или голода). Только здесь можно рассчитывать на значительный, неограниченный прирост хозяйственного продукта (по словам Ратцеля, «только значительное увеличение стада позволяет кочевнику экономически выжить»). Только здесь могла возникнуть мысль о том, что не качество, а абстрактное количество является основной категорией экономической жизни, и именно здесь при ведении хозяйства впер-

вые начали считать. Мы уже говорили о том, что рациональный элемент вошел в экономическую жизнь благодаря кочевничеству, которое, таким образом, почти во всем стало предтечей капитализма, и мы начинаем в более ясном ракурсе представлять, каким образом устанавливается связь между капитализмом и еврейством, которое выступает промежуточным звеном между капитализмом и его прообразом — кочевничеством.

Однако пустыня и странствование, как бы они не определяли еврейского своеобразия, все-таки не являются единственными факторами, которые определяли еврейский характер: были и другие, которые, однако, не ослабляли и не мешали двум первым, а скорее усиливали и обостряли их.

Еще одним велением судьбы, которому им пришлось подчиниться, были *деньги*: евреи веками являлись хранителями сокровищ, и это обстоятельство наложило глубокий отпечаток на их характер и определило его своеобразие, так как в деньгах как бы слились воедино оба фактора, определявшие еврейский характер, то есть пустыня и странствование. Деньги так же лишены конкретного содержания, как и земля, из которой евреи пришли: они — только масса, только количество, как и стада, они так же текучи, так же ни в чем не укоренены, как и кочевая жизнь, у них нет корней, которые уходили бы в какую-либо плодородную почву, как уходят корни растения или дерева. Постоянное обращение с деньгами все больше и больше отучало евреев от качественного восприятия мира и направляло все их чувства в русло абстрактно-количественных воззрений и оценок. Однако в то же время им удалось раскрыть все тайны, сокрытые в деньгах, они постигли все таинственные силы, которые в деньгах скрывались. Они стали властителями денег, через деньги, которые сумели подчинить себе, стали властителями мира, о чем я подробно говорил в первой главе этой книги.

Можем ли мы сказать, что они сами первыми нашли деньги или же им пришлось просто принять их и затем постепенно привыкнуть к этому гостю? Мне думается,

что, говоря о любви евреев к деньгам, надо в равной мере предполагать то и другое.

Складывается впечатление, что поначалу деньги сами пришли к ним без их содействия или, лучше сказать, к ним притекли драгоценные металлы, которые потом превратились в металлические деньги.

Мне кажется, до сих пор не обращали внимания на то, какое обилие драгоценных металлов скопилось во времена правления царей в Палестине (в ту пору эти металлы, конечно, не имели формы денег).

Мы знаем, что царь Давид взял в качестве военных трофеев много золота и серебра и что чужие правители платили ему дань драгоценными металлами: например, царь Имафа Фой послал сына своего Иорама «к царю Давиду, приветствовать его и благодарить его за то, что он воевал с Адраазаром и поразил его, ибо Адраазар вел войны с Фоем. В руках же Иорама были сосуды серебряные, золотые и медные. Их также посвятил царь Давид Господу, вместе с серебром и золотом, которые посвятил из отнятого у всех покоренных им народов: сирийцев, и моавитян, и аммонитян, и филистимлян, и амаликитян, и из отнятого у Адраазара, сына Реховова, царя Сувского» (2 Цар. 8: 10–12).

Когда мы читаем о том, как золото и серебро использовались при строительстве укреплений и храма, когда читаем о жертвах и подарках других правителей (важнейшие отрывки содержатся в Книге Исхода (глава 25 и следующие) и во Второй книге Паралипоменон), все рассказываемое граничит с невероятным, и тем не менее, по всей вероятности, нам рисуют достаточно верную картину (по крайней мере это подтверждается поразительно точными для тех времен статистическими данными). «И сделал царь серебро и золото в Иерусалиме равноценным простому камню», — читаем мы во Второй книге Паралипоменон (2 Пар. 1: 15). Пророк Исая, говоря об Иудее, сетует на то, что «наполнилась земля его серебром и золотом, и нет числа сокровищам его» (Ис. 2: 7).

Где же хранились столь многие драгоценные металлы? Задавшись этим интересным вопросом, талмудисты при-

шли к выводу, что все осталось в Израиле: «Вот что сказал равви Александр: „Трое вернулись на родину: Израиль, деньги Микрайима [см. Исх. 12: 35; 3 Цар. 14: 25] и скрижали Завета“» (607), однако «точного» доказательства такого странствования, конечно же, никогда не удастся привести. Важно только то, что в начале еврейской истории в Израиле скопилось огромное количество золота, которое, наверное, время от времени всплывало в частных запасах. К этому надо прибавить и прочие золотые потоки, которые стекались туда со всех сторон. Позднее, например, в эти края устремились большие потоки наличных денег как в виде налогов на строительство храма, так и в виде оплаты за различные услуги со стороны паломников, которые каждый год в большом количестве посещали Иерусалим.

Цицерон (pro Flacco, с. 28) сетует на то, что ежегодно из Италии и всех провинций в Иерусалим уходит много золота, и действительно, стекавшиеся туда денежные массы (в двух видах, как мы уже отметили) были весьма значительными.

Говорят о том, что Митридат взял восемьсот талантов из налогов на храм, которые находились на острове Кнос; Цицерон сообщает, что жадный до грабежа Флакк захватил храмовые деньги в четырех городах западной части Малой Азии (в Апамее, Лаодикее, Пергаме и Адрамитие) и что награбленное в Апамее составило сто фунтов золота. Кроме того, надо отметить, что каждый год к храму стекалось огромное количество народа, пришедшего на богомолье. Даже если их число не составляло 2 700 000 человек, о которых говорит Иосиф Флавий, и даже если число синагог для пришлых евреев в Иерусалиме не достигало трехсот восьмидесяти (о чем сообщает тот же автор), все равно в этом городе скапливалась огромная денежная масса, благодаря которой многие вполне могли стать богатыми и тем самым получить возможность давать деньги под проценты. В первую очередь это, наверное, были священники, о которых нам известно, что они располагали большими деньгами и не испытывали отвращения к ссудным сделкам (608).

Можем ли мы сказать, что евреи сами открыли все тайны, связанные с деньгами? Можно ли предположить, что технику денежной ссуды они разработали сами или, быть может, она была усвоена ими от вавилонян? Теперь, наверное, можно считать почти доказанным, что в Вавилоне еще до прихода туда ссыльных евреев наблюдалось довольно живое денежное обращение, хотя о том, как именно это происходило, у нас очень мало достоверных сведений. На основании уже переведенных источников нельзя с полной уверенностью говорить о том, насколько широкое хождение имели сделки, связанные с деньгами и денежными ссудами, и тем не менее можно предположить, что основы искусства обращения с деньгами были заложены здесь, и заложили их вавилоняне, двоюродные братья евреев. Вопрос о том, какой именно народ впервые сумел вырастить золотые денежные плоды, достаточно второстепенен, поскольку все они восходят к одному и тому же корню: важнее то обстоятельство (совершенно ясное в своих последствиях), что затем евреи были вынуждены полюбить деньги и постигать искусство обращения с ними.

Со времени исхода из Египта постоянная необходимость перемещаться заставляла их придавать своему имуществу все более движимую форму, и среди всех этих форм деньги (наряду с украшениями) оказались самыми подходящими. Это было единственное, что оставалось с ними, когда их голыми вышвыривали на улицу, их единственный спаситель, гревший им сердце, когда их мучили и унижали. Как они могли не полюбить их, если с их помощью они могли подчинить себе сильных мира сего? Деньги стали для них (а через них и для всего человечества) средством достижения власти при отсутствии силы: народ, состоящий из маленьких, в социальном плане совершенно невыразительных людей, тонкими нитями денежных займов связал великана феодализма, как лилипуты связали Гулливера.

Заканчивая это рассуждение, я хотел бы снова вспомнить о той странице в истории еврейского народа, которая многими воспринимается как весьма и по-особому значимая в деле формирования еврейского характера и

которая, будучи перевернутой, тем не менее не может не напоминать о себе: я имею в виду *гетто*.

Ясно, что гетто совершенно особым образом сказалось на общественном положении евреев: оно превратило их в презираемую касту париев. Основная часть его обитателей принадлежала к низшим социальным слоям, которую даже единоверцы воспринимали как нечто неполноценное. Противоположность между евреями из гетто и свободными евреями в свое время нашла яркое выражение в противоположности между ашкеназами и сефардами. Они воспринимали друг друга как враждующих между собой братьев: точнее говоря, сефарды (сефардим) смотрели на ашкеназов (ашкеназим) свысока, видя в них назойливых попрошайек.

Вот что в середине XVIII в. с горькой усмешкой писал один немецкий еврей своему единоверцу-сефарду (в ту пору, когда противостояние достигло предела): «Я знаю, сударь, что общее у португальских и немецких евреев — только религиозные обряды и что в гражданской жизни воспитание и нравы не дают надежды на какое-либо действительное сходство. Я знаю, что родство между ними сохраняется лишь по слишком давней традиции и что галл Верцингеториг или немец Арминий ближе тестю Ирода, чем вы — сынам Ефрема» (609).

Точно такого же мнения придерживается и сефард *Пинто* в своем известном возражении на нападки Вольтера «на евреев» вообще (610). Для Пинто принципиально важно, что, с его точки зрения, испанские евреи не находятся «в одной куче» с немецкими: это два разных народа.

Вот что он пишет: «Лондонский еврей так же мало похож на константинопольского еврея, как тот на какого-нибудь китайского мандарина. Еврей из Бордо и немецкий еврей из Меца — совершенно разные люди». «Господину Вольтеру не следует забывать о том, что португальские и испанские евреи тщательно следят за тем, чтобы не смешиваться с евреями других стран через брак, союз или как-нибудь еще».

Пинто считает, что, если бы в Англии или Голландии еврей-сефард женился на немецкой еврейке, его исклю-

чили бы из общины и даже лишили бы последнего пристанища на фамильном кладбище.

Противоположность довольно часто находила свое выражение во внешнем поведении сефардов, которые считали себя еврейской аристократией и с опаской глядели на назойливую толпу «восточных», которые занимали более низкое социальное положение и, по мнению сефардов, создавали угрозу их социальному статусу.

Поэтому в 1761 г. португальские евреи (или марраны) провели в Бордо неотложный указ, согласно которому все чужеземные евреи должны были за четырнадцать дней покинуть этот город. Инициаторами указа были Пинто и Перейра, которые были готовы пойти на все, лишь бы только «бродяги» (их единоверцы из Германии и Франции) как можно скорее убралась восвосяи (611).

В Гамбурге сефарды организовали своеобразный надзорный орган, призванный к тому, чтобы не давать ашке-назам вести нечистую торговлю и пускаться в мошенничество в денежных операциях (о чем мы уже говорили в другой связи).

Чувство неприязни, которое, как уже говорилось, питали главным образом сефарды, прежде всего основывалось на разнице в социальном статусе, однако, помимо этого, сефарды вели себя как аристократы, ибо считали, что они более благородного происхождения: они полагали, что восходят к благороднейшему колену Иуды и гордились своей кровью, веря, что именно это происхождение издавна стало для них, проживающих в Испании и Португалии, мощным стимулом обретения больших добродетелей и защитой от поношения и унижений.

«Мысль о том, что они восходят к колену Иуды и что его основные семейства во время вавилонского пленения были высланы в Испанию, заставляла их еще более лелеять это отличие и способствовала возвышенности чувств, которое в них заметно» (612).

Итак, здесь есть о чем подумать, и я считаю, что у нас, наверное, есть причина более правильно оценить фактор гетто в развитии еврейской самобытности, чем это делали ранее. Можно предположить, что, поскольку сефарды

считали сохранение достоинства и благородства высшей добродетелью, такая установка, не принимавшая все, что было свойственно ашкеназам, стала причиной, а не следствием того, почему испанско-португальские евреи не знали гетто. Иными словами, вряд ли стоит сомневаться в том, что какая-то часть евреев не избежала гетто лишь потому, что они были склонны к такой жизни по самой своей природе.

Мы уже говорили о том, что при сегодняшнем уровне наших познаний и средств разрешения проблематичных ситуаций мы не можем со всей определенностью, сказать, почему одни евреи оказались в гетто, а другие нет, и было ли это обусловлено их различными врожденными наклонностями, равно как не можем подтвердить, что сефарды издавна представляли собой социальную элиту еврейства (несмотря на то, что многое говорит в пользу такого решения). Вполне вероятно, однако, что различные наклонности по меньшей мере способствовали тому, что жизнь тех и других сложилась именно так, а не иначе.

В то же время не следует переоценивать роль этих наклонностей: они не затронули самобытно еврейское начало и не сказались на его своеобразии. В конечном счете, решающие черты еврейского характера как в первом, так и во втором случае остаются одними и теми же. Таким образом, жизнь в гетто имеет значение только в той мере, в какой в его атмосфере формируются привычки и навыки, дающие о себе знать в дальнейшей экономической деятельности того или иного еврея и нередко самобытным образом сказывающиеся на его деловой жизни. В какой-то мере такие привычки являются привычками человека, который стоит внизу иерархической социальной лестницы, но в еврее они находят свое совершенно замечательное выражение: склонность к мелкому мошенничеству, навязчивость, беспринципность, бестактность и т. д. Нет сомнения в том, что они сыграли свою роль, когда евреи начали штурмовать твердыню старого феодального ремесленного экономического уклада: в той главе, которая была посвящена становлению современного эко-

номического сознания, мы нередко касались конкретных проявлений таких черт характера.

Тем не менее не следует слишком переоценивать роль этих в основном внешних черт. Когда мы говорим об общественном положении евреев, они могут показаться нам очень важными, но в деле их экономического преуспевания эти особенности не играют большой роли. Если бы евреи обладали только ими, они, конечно, не смогли бы добиться господства над всем миром.

На мой взгляд, гораздо бóльшую роль играют другие последствия жизни, проведенной в гетто, а именно тот факт, что в его условиях еще более укрепились и обозначились основные особенности еврейского характера. Мы видели, что в конечном счете этот характер выражался в беспочвенности и неукорененности, и совершенно понятно, что несколько веков, проведенные в гетто, только усугубили эти черты. Однако и здесь отчетливее проявилось только то, что изначально находилось в крови, в самом характере.

Жизнь в гетто еще более обозначила еврейский характер и, так сказать, окольными путями: она укрепила те силы, на которых в немалой степени утверждалось постоянство этого характера и которые были призваны к тому, чтобы благодаря отбору сохранить и еще более укрепить его черты. Я имею в виду религию и близкородственное размножение.

Религия того или иного народа сама берет начало в его сущности, и это положение, о котором мы говорили выше, лежит в основе всей нашей книги. Тем не менее истинным остается и то, что религия, построенная на строгом формализме (каковой и является иудейская), может оказывать решительное влияние на характер ее приверженцев, особенно в том, что касается унификации и схематизации жизненного уклада. В свое время мы подробно говорили о том, в какой мере такое влияние оказывала иудейская религия: достаточно вспомнить о той рационализации, в которой мы усмотрели ее основную черту.

Можно сказать, что в том же направлении (сохранение и укрепление вида) действует и физиологическая состав-

ляющая иудейской религии, а именно близкородственное размножение, которое, как мы видели, евреи практиковали на протяжении нескольких тысяч лет.

Итак, я говорю, что у евреев близкородственное размножение является неотъемлемой частью их религиозных убеждений, более того, оно представляет собой прямое следствие основной идеи, отличающей их религию, а именно идеи еврейской богоизбранности. В последнее время это было доказано рядом исследований, и здесь особенно следует упомянуть *Альфреда Носсига*, который так высказался по этой проблеме: «Поразительным биологическим результатом этой идеи избранности является тот факт, что евреи умеют выживать и не утрачивают необычайной жизненной силы и способности к размножению. По-видимому, мысль Моисея о „вечном народе“ тяготеет к воплощению в жизнь» (613).

Законы, регулирующие принятие пищи и супружескую жизнь, способствуют хорошему поддержанию вида. «Само собой разумеется, что эти в высшей степени этические ценности старались сохранить и не допускали смешения тщательно сформированных рас между собой. Запрет на смешанные браки способствовал тому, чтобы первый расообразующий фактор, а именно передача расовых признаков по наследству, мог в полной мере проявить всю свою действенную силу, когда слегка наметившиеся преимущества не только не уменьшались в процессе их передачи от одного поколения к другому, а напротив, постоянно увеличивались благодаря близкородственному размножению». «Таким образом, близкородственное размножение привело к тому, что благодаря почти постоянному наследованию расовых признаков они стали проявляться все сильнее в последующих поколениях, стали все интенсивнее сказываться в жизни этих поколений, и кровосмешение уже почти не могло их упразднить или существенно изменить. Доказано, что любая функция живого организма усиливается благодаря упражнению, и поэтому интенсивность наследования расовых признаков только увеличивается через постоянное близкородственное размножение» (614).

Таким образом, религия и близкородственное размножение являлись двумя железными обручами, прочно сковавшими еврейский народ и помогшими ему пройти через тысячелетия как некоей единственной в своем роде, неразрушимой глыбе. Но если она начнет распадаться? Какими будут последствия? Здесь мы не ставили своей задачей дать ответ на этот содержательный вопрос, так как пока мы видим, что евреи (по сей день) продолжают оказывать своеобразное воздействие на экономическую жизнь, упомянутые обручи сохраняют свою силу. Нам надо было лишь разъяснить природу этого влияния и описать процесс становления еврейского характера, самобытностью которого мы попытались объяснить удивительное влияние евреев на экономику и культуру в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

Глава первая

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. ХАРАКТЕР И МЕРА УЧАСТИЯ ЕВРЕЕВ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

1. *Jak. Fromer*. Das Wesen des Judentums (1905) (без указания источников).
2. Zeitschrift für Demographie und Statistik d. Jud. 3, 140, 145.
3. *Jak. Thon*. Taufbewegung der J. in Österreich in der Z. f. D. u. St. 4, 6 ff.
4. *Theophile Malvezin*. Hist. Des juifs a Bordeaux (1875), 105.
5. Z. B. *Luc. Wolf*. Jessurun Family in Jewish Quarterly Review. 1 (1889), 439 f.
6. См., например: Siehe z. B. *Chr. Weiss*. Histoire des refugies protest. 1 (1853), 164. 377. 379. 383; 2, 5.
7. *Sigm. Mayer*. Die ökonomische Entwicklung der Wiener J., o. J. S. 7.

Глава вторая

СМЕЩЕНИЕ СРЕДОТОЧИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

8. О судьбе марранов в Португалии см.: *M. Kayserling*. Gesch. Der J. in Portugal (1867) 84 ff. 167 ff.
Некоторые подробности, относящиеся, главным образом, к более позднему времени, можно найти в книгах Дж. Готтхейла и Э. Адлера: *J. H. Gottheil*. The Jews and the Spanish Inquisition in the Jew. Quart. Rev. 15 (1903). 182 ff.; *Elkan N. Adler*. Auto da Fé and Jew ib. Vol. XIII, XIV, XV. Относительно недавно (1907 г.) эти публикации под тем же заголовком были расширены до уровня самостоятельной книги, содержащей много интересных деталей.
9. Vgl. z. B. *Sieveking*. Genueser Finanzwesen. 2 (1899), 167 mit Schudt, Jüdische Merkwürdigkeiten usw. 1 (1714), 128.
10. *Risbeck*. Briefe eines reisenden Franzosen über Deutschland an seinen Bruder in Paris. 1780. Auszüge bei *H. Scheube*. Aus den Tagen unserer Großväter (1873), 382 ff.

11. Об истории евреев, проживавших в Бордо, особенно хорошую информацию в своей отличной книге предоставляет Т. Мальвезин: *Théoph. Malvezin. Les juifs à B. 1875.*

Эта книга просто бесценна в силу обилия весьма поучительного фактического материала, в ней содержащегося (и рассмотренного также с экономической точки зрения). Некоторые сведения о судьбе евреев в Марселе содержатся в книге Ж. Вейла: *Jonas Weyl. Les juifs protégés français aux échelles du Levant et en Barbarie etc. in der Revue des études juives. 12 (1886).*

О жизни евреев в Руане см.: *Gosselin. Doc. inédits pour servir à l'histoire de la marine normande et du commerce rouennais pendant les XVI. et XVII. siècles. 1876.*

Пижонно, цитирующий эту книгу (*Hist. Du commerce 2, 123*) говорит, конечно же, только о «натурализовавшихся испанцах и португальцах».

См также: *Maignial. La question juive en France en 1789. Paris 1903.*

Будучи ценным вкладом в литературу, посвященную еврейскому вопросу, эта книга также заслуживает особого упоминания. Она основывается на широком привлечении источников и написана взвешенным и рассудительным языком. Она не только основательно знакомит с тем, в каком состоянии находился «еврейский вопрос» во Франции во время революции, но и дает сведения о развитии еврейской проблемы вплоть до 1789 года, а также содержит многочисленные выкладки, существенно помогающие оценить проблему в целом.

Что касается Парижа, то надо сказать, что вплоть до XIX века число проживавших там евреев было относительно невелико, хотя и там они еще раньше играли заметную роль. Точные сведения о судьбе парижских евреев в XVIII веке содержатся в трех книгах Леона Кана: *Leon Kahn. Les juifs à Paris depuis le VI. siècle, 1889; Les juifs sous Louis XV, 1892, und Les juifs à Paris au XVIII. sc. 1894.*

Однако (как это часто бывает при общении с такой литературой) не удается узнать как раз то, что хотелось бы узнать в первую очередь.

Много материала о судьбе евреев во Франции содержится в: *Revue des études juives* (начиная с 1880 г.), однако обобщающее изложение проблемы отсутствует.

12. Об истории евреев в Голландии см.: *H. J. Koenen. Geschiedenes der Joden in Nederland. 1843.*

Как общее изложение проблемы данная книга не утратила своей актуальности и по сей день. Много нового материала содержится в еврейских журналах, издающихся в Нидерландах. Из самостоятельных исследований можно также упомянуть: *M. Henriquez Pimentel. Geschiedkundige Aanteekeningen betreffende de Portugesche Israeliten in den Haag. 1876.*

Sam. Back. Die Entstehungsgeschichte der portugiesischen Gemeinde in Amsterdam. S. A. 1883.

E. Italie. Geschiedenes der Israelitischen Gemeenté te Rotterdam, 1907.

13. *Ranke*. Französische Geschichte. 3³, 350.

14. *Schudt*. Jüd. Merkwürdigkeiten. 1 (1714), 271. Vgl. S. 277 f.

15. Помимо наименований, упомянутых в 13 ссылке, назовем также: *Carmoly* in der Revue orientale. 1 (1841), 42 ff. 168 ff. nam. 174 f. и *Graetz*. G. d. J. 9, 292. 354 f. 490.

16. См. прежде всего: *L. Guiccardino*. Totius Belgu Descriptio (Ausg. v. 1652), 129 seq., und vgl. *R. Ehrenberg*. Zeitalter der Fugger. 2 (1896), 3 ff.

17. См., например, *Macaulay* 4, 320 ff. и *Ehrenberg*. Zeitalter der Fugger 2 (1896), 303 ff.

18. Что касается истории евреев, проживавших в Англии, то на этот счет существует много превосходных работ. По-прежнему богатым кладезем сведений остается *Anglia Judaica or the History and Antiquities of the Jews In England...* by *D'Blossiers Tovey*. 1738, хотя, конечно, этой работой надо пользоваться осмотрительно. Среди новых публикаций, посвященных еврейству, можно назвать новаторскую и для своего времени выдающуюся книгу *Джеймса Пичотто*: *Sketches of Anglo-Jewish History*. 1875.

К сожалению, богатый материал (касающийся и экономических реалий) не всегда подтвержден «источниками». История возвращения евреев в Англию весьма обстоятельно и, в основном, с правильной исторической точки зрения представлена в: *H. S. Q. Henriques*. *The Return of the Jews to England*. 1905.

В самое последнее время появилось превосходное изложение английско-еврейской истории, см.: *Albert M. Hyamson*. *A history of the Jews in England*. 1908.

Автор с большим искусством использует чрезвычайно содержательные специальные исследования последних десятилетий и на их основании рисует законченную картину истории пребывания евреев в Англии. Результаты специальных исследований, главным образом, представлены в *Jewish Quarterly Review*, начиная с 1889 г. Кроме этого очень содержательного журнала существуют и многочисленные отдельные публикации, о которых мы упомянем в соответствующем месте. Особо следует упомянуть только о публикациях, представленных в *Anglo-Jewish History Exhibition*. 1888.

18а. Относительно эпохи, предшествовавшей приходу к власти Кромвеля, см. прежде всего: *L. Wolf*. *The Middle-Age of Anglo-Jewish History 1290–1656*, опубликованную в *Anglo-Jew. Hist. Exh. Nr. 1* (1888). P. 53–79. Положение евреев в Англии в какой-то мере характеризует тот факт, что уже в XV веке один из них без каких-либо опасений задумал начать судебный процесс и имел перспективу его благоприятного исхода. Относительно любви королевы Елизаветы к занятиям еврейской историей и языком, а также о ее общении с евреями см. упомянутое издание (с. 65 и далее). В конце XVI века в Англии уже встречаются еврейские промышленники, см.: *Cal. of State Pap. Dom. 1581–1590* p. 49, zit. ib. p. 71. После правления королевы Елизаветы (1603–1656) в Англии, по-видимому, насчитывалось немалое количество

во евреев. В появившейся в 1625 г. брошюре *The Wandering Jew Telling Fortunes to Englishmen* (1. с. р. 72) говорится: «У нас в Англии немало евреев: немного при дворе, много в городе и еще больше в деревне».

19. «О чем я хорошо осведомлен», — сообщает автор. См.: *Anglia Judaica*. P. 302.

20. О прежних еврейских общинах Нюрнберга сообщается в *Allg. Juden-zeitung*. 1842. Nr. 24. См. также: 8. Jahresbericht des Histor. Vereins f. Mitteltranken und *M. Brann*. Eine Sammlung Fürther Grabschritten. S.A. aus dem Gedenkbuch z. E. an Dav. Kaufmann (1900).

21. Чрезвычайно интересные документы содержатся в исследовании Д. Кауфмана: *Dav. Kaufmann*. Die Vertreibung der Marranen aus Venedig im Jahre 1550 in *Thé Jew. Quart. Rew.* 520 ff.

22. *Alb. M. Hyamson*. A History of the Jews in England (1908) 174 f.

23. *Maur. Bloch*. Les juifs et la prospérité publique à travers l'histoire. 1899. 11. В ордонансе содержатся следующие примечательные слова: «Вам необходимо как следует учитывать тот факт, что по причине коммерческой зависти купцы всегда будут желать их изгнания». В таком же смысле составлена и инструкция, адресованная губернатору колонии. См. также примечание 80.

24. *Théoph. Malvezin*. Les juifs à Bordeaux (1875), 132.

25. *Théoph. Malvezin*, l. c. p. 175.

26. Согласно архивным документам, см.: Unkunden *Salom. Ullmann*. Studien zur Gesch. der J. in Belgien bis zum 18. Jahrhundert (1909), 34 ff.

27. *Émilie Ouverleaux*. Notes et documents sur les juifs de Belgique in der *Rev. des études juives*. 7, 262.

28. *Collect. of State Papers (Thurloe)* 4, 333. Ср. также: *Wüalleys*. *Ibid.* P. 308.

29. Об этом сообщает Й. Мюллер в своем юдофобском сочинении, см.: *J. Müller*. *Judaismus*, 1644. *Verteidigung des Senats aus den Jahren 1660–1669 bei Reils*. Beiträge zur älteren Geschichte der J. in Hamburg in der *Zeitschrift des V. f. Hamb. Gesch.* 2, 412.

30. Цит. по: *Ehrenberg*. *Große Vermögen*, 146.

31. *M. Grunwald*. Hamburgs deutsche Juden bis zur Auflösung der Dreigemeinden. 1811 (1904), 21.

32. *Arnold Kiesselbach*. Die wirtschafts- und rechtsgeschichtliche Entwicklung der Seeverversicherung in Hamburg. (1901), 24.

Глава третья

ОЖИВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

33. *Alb. M. Hyamson*, *A Hlist. of the Jews in E.*, 178.

34. *Anglia Judaica*, 292.

35. Главным образом благодаря основательной работе Р. Маркграфа.: *Rich. Markgraf*. *Zur Geschichte der Juden auf den Messen in Leipzig von 1664–1839* (In.-Diss. 1894).

Из этой работы мы берем и приводимые нами цифры. Применительно к небольшому периоду времени с 1675 по 1699 г. изыскание Маркграфа уступает исследованиям Макса Фрейденталья, см.: *Max Freudenthal. Leipziger Meßgäste in der Monatsschrift. 45. (1901), 460 ff.*

Дело в том, что Фрейденталь черпает сведения из самих ярмарочных книг, в то время как Маркграф использует лишь основанные на них более поздние деловые бумаги, находящиеся в Лейпцигском государственном архиве. Разница заключается в том, что первоисточники указывают на гораздо большее число евреев—поставщиков, чем позднейшие деловые бумаги. Фрейденталь сообщает о том, что за период с 1671 по 1699 г. ярмарку посетили 18 182 еврея, тогда как Маркграф сообщает только о 14 705 евреях. В работе Фрейденталья содержится полный перечень всех посетителей ярмарки вплоть до 1699 года, составленный с учетом того, откуда они прибывали. Отдельно эта работа была опубликована в 1902 г., см.: *Die jüdischen Besucher der Leipziger Messe, 1902.*

36. *Markgraf a. a. O. S. 93; Freudenthal a. a. O. S. 465.* См. также: *R. Funke. Die Leipziger Messen (1897), 41.*

37. См., например, 21 пункт Положения о евреях: *Chr. Ludw. v. Griesheim. Die Stadt Hainburg, Anmerkungen und Zugaben (1759), S. 95.*

38. *E. Baasch. Hamburgs Seeschiffahrt und Warenhandel usw. in der Zeitschrift des Ver. f. Hainburg. Gesch. 9 (1894), 316. 324.* См. также: *A. Feilchenfeld. Anfang und Blütezeit der Portugiesengemeinden in Hbg. Ztschr. 10 (1899), 199 ff.*

39. *Encyclopédie méthodique. Manufactures. 1. 403/404.*

40. Об этих связях подробно говорит Х. Кунен, см.: *H. J. Koenen, Geschuedenes der Joden in Nederland (1843). 176 ff.* См. также: *H. Sommershausen. Die Geschichte der Niederlassung der Juden in Holland und den holländischen Kolonien in der Monatsschrift. Band 2.*

41. О торговле жемчугом и прочими драгоценностями: в Гамбурге (*Griesheim a. a. O. S. 119*), в Северной Германии (*Persönliche Mitteilung des Herm Dr. Bernfeld in Berlin*), родоначальнице шлифовального алмазного дела Голландии (*Jewisch Enc. Art. Netherlands. 9, 231. E. E. Danekamp. Die Amsterdamer Diamantindustrie 1895*).

См. также: *W. Goldstein. Die J. in der Amsterdamer Diamantindustrie (Zeitschrift für Dem. und Stat. d. J. 8. 178 ff.*

Относительно торговли драгоценностями в Италии см.: *Dav. Kaufmann. Die Vertreibung der Marranen aus Venedig usw. (Jew. Quart. Rev. 13, 520 ff.).*

О торговле шелком и шелковыми изделиями: тысячелетиями евреи занимались торговлей шелковыми изделиями и шелководством. Сначала они перенесли шелковую промышленность из Греции в Сицилию, а позднее — в Испанию и Францию. Кое-что об этом можно найти у Греча (*G. d. J. 5², 244*). В XVI в. они занимают главенствующее положение в торговле шелковыми товарами в Италии (см.: *D. Kaufmann a. a. O.*), в XVIII в. — во Франции, средоточии шелковой промышленности и торговли шелком и шелковыми товарами. В 1760 г. глава лионского цеха

шелководов называет еврейскую нацию «госпожой торговли во всех провинциях» (в том, что касается шелка и шелковых изделий). См.: *Godard. L'ouvrier en soie* (1899), 224. В 1755 г. в Париже насчитывалось 14, а в 1759–22 торговца шелком. См.: *Kahn. Juifs de Paris sous Louis. XV*, 63. В Берлине они почти безраздельно господствовали в этой отрасли промышленности.

42. С. Майер на основании своего личного опыта описывает, как евреи (начиная со времен старой ярмарочной торговли) почти самостоятельно развивали оптовую торговлю текстилем в Вене. См.: *S. Mayer. Die ökonomische Entstehung der Wiener Jud.*, о. J. S. 8 ff. В предписании Нюрнбергского городского совета от 28 декабря 1780 г. бархат, шелк и шерсть называются «еврейскими товарами». См.: *H. Barbeck. Gesch. d. Jud. in Nürnberg und Fürth.* (1878), 71.

43. О торговле сахаром с Левантом см.: *Lippmann. Geschichte des Zuckers* (1890), 206; *Dav. Kaufmann* а. а. О. О торговле сахаром с Америкой см.: *M. Grunwald. Portugiesengraber aut deutscher Erde* (1902), 6 Н.; *A. Feilchenfeld. Anfang und Blütezeit der Portugiesengemeinde in Hamburg in der Ztschr. des Ver. t. Hamb. Gesch.* 10 (1899), 211. Vgl. auch *Risbeck, Briefe usw. 1780.* О торговле табаком см.: *A. Feilchenteld* а. а. О.

В остальном здесь мы отсылаем к той части данного исследования, в которой говорится об участии евреев в основании современной колониальной экономики.

44. «Controlling the Cotton Trade»: Artikel «America» U.S.A. в *Jew. Encycl.* 1. 495 ff.

45. Это, например, можно подтвердить в отношении Гамбурга, см.: *A. Feilchenfeld*, а. а. О.

46. В 1756 г. Моисей Линдо, главный инициатор получения индиго, прибывает в Южную Каролину и вкладывает 120 000 фунтов стерлингов в эту отрасль. За период с 1756 по 1776 г. производство индиго увеличивается в пять раз, а Моисей Линдо становится генеральным инспектором в этой области промышленности. См.: *B. A. Elgas. The Jews of South Carolina* 1903; цит. по: *Art. South Caroliua der Jew. Encycl.*

47. *Risbeck. Briefe usw.* (1780). Band II unter Frankfurt.

48. *Bloch. Les juifs* (1899), 36.

49. *Rich. Markgraf*, а. а. О. S. 93.

50. См., например, *Alb. M. Hyamson. Hist. of the Jews in England*, 174 t. 178 или: *Sal. Ullmann*, а. а. О. S. 35, где говорится о сообщении Антверпенского магистрата епископу Арраса («...со своей родины они принесли большие богатства, особенно серебро, драгоценности и много дукатов»).

Глава четвертая

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

51. Когда Исаак Абраванель в 1504 г. писал свои комментарии к Книге пророка Иеремии, он имел возможность увидеть документ, который вместе с пряностями португальцы привезли из Индии. В нем они сообщали о том, что встречали в Индии много евреев. См.: *M. Kayserling. Chr. Columbus* (1894), 105. Цит.: *Bloch*, 1. с., 15.

52. Об этом сообщает Манасия бен Израэль в своей памятной записке, адресованной Оливеру Кромвелю. Эта записка часто переиздается. См., например: *Jewish Chronicle*, 1859. На немецком она издана Кайзерлингом, см.: *Jahrbuch d. Liter. Ver.* 1861. См. также: *de Barrios, Hist. universal Judayca*. P. 4.

53. *G. C. Klerk de Reus. Geschichtlicher Überblick der... niederländisch-ostindischen Compagnie* (1894), XIX; О героических поступках Козна см. там же, XIV ff.

54. *J. Du Bois. Vie des gouverneurs generaux,.. ornée de leurs portraits en vignettes au naturel etc.* 1763.

55. Например, *Франк Сальвадор*. См. статью о нем в Еврейской энциклопедии, а также *Alb. M. Hyamson*, 264.

56. В 1956 г. богатые амстердамские евреи снарядили экспедицию в Карское море. См.: *M. Grunwald. Hamburgs deutsche Juden* (1904), 215.

57. См. статью о Южной Африке в Еврейской энциклопедии, а также представленную там богатую библиографию.

58. *Rabbi Dr. J. H. Hertz. The Jew in South Africa. Johannesburg*, 1905.

59. См. статью «Торговля» в Еврейской энциклопедии (4, 491).

60. Литература об отношении евреев к Америке необычайно содержательна. Здесь я не собираюсь делать ее обзор и хочу только по меньшей мере указать на некоторые самые важные сочинения и главным образом на некоторые сборники.

Прежде всего, конечно же, необходимо указать на Еврейскую энциклопедию, так как она появилась в Америке и содержит особенно много хороших статей, посвященных как раз американским отношениям. Затем надо упомянуть о *Transactions of the Jewish Historical Society of America*. Это поистине целый арсенал сведений о еврейско-американской экономической истории, особенно в колониях Северной и Южной Америки XVII—XVIII веков (с 1895 г.). Интересные и разнообразные сведения содержатся в собрании речей и статей, посвященных 250—летию поселения евреев в Соединенных Штатах. См. *The 250 anniversary of the Settlement of the Jews in the U.S.A.* 1905.

Назовем несколько монографий, посвященных еврейско-американской истории: *Markeus. The Hebrews in America*; *C. P. Daly. History of the Settlement of the Jews in North America.* 1893. *M. C. Peters. The Jews in America.* 1906.

(С двумя работами, которые были названы первыми, я не имел возможности познакомиться, потому что в книжных магазинах их не найти, равно как не отыскать и в немецких государственных библиотеках, включая специализированные еврейские библиотеки. На основании того, что приходилось слышать об их содержании, можно, однако, предположить, что последние исследования, главным образом, те, которые посвящены анализу Transactions, превосходят их по глубине и основательности.)

61. Существует специальная литература, посвященная тому, чтобы (в связи с празднованием четырехсотлетия путешествий Колумба) определить роль евреев в открытии самой Америки. Здесь самым основательным изысканием, последовательно выстроенным на хороших первоисточниках, является исследование М. Кайзерлинга: *M. Kayserling. Christoph Columbus und der Anteil der Juden usw.* 1894.

Кроме того, необходимо назвать следующие работы (о содержании которых я, правда, знаю только из вторых рук): *F. Rivas Puigcerver. Los Judios y el nuevo mundo*, 1891; *L. Modona. Gli Ebrei e la scoperta dell'America*, 1893. Zu vergleichen der Artikel America (The Discovery of) in der Jew. Enc., sowie die Address by *Oscar S. Strauss* in The 250 anniversary of the Settl. of the J. in the U. S. 69 ff.

62. *M. Kayserling* а. а. О. S. 112. Хуан Санчес из Сарагосы, первый купец. См. также другую работу этого же автора, в которой он наглядно описывает взаимосвязь между колонизацией Америки и преследованием и изгнанием евреев из Испании и Португалии.

63. *G. F. Knapp. Ursprung der Sklaverei in den Kolonien* im Archiv f. Soz. Pol. 2, 129 ff.

64. *Oscar S. Strauss*, а. а. О. P. 71

65. *Ritter. Über die geographische Verbreitung des Zuckerrohrs* in den Berichten der Berl. Akad. 1839, 397(?), bei *Lippmann. Gesch. d. Zuckers* (1890), 249.

66. *Max J. Köhler. Phases of Jewish Life in New York before 1800* (Am. Jew. Hist. Soc. 3, 94).

67. См. статью «Америка» в Еврейской энциклопедии. См. также: *G. Al. Kohut. Les Juifs dans les colonies hollandaises* lu der Rev. des études juives. 31 (1895), 293 f.

68. *H. Handelsmann. Geschichte von Brasilien* (1860), 412.

69. *P. M. Netscher. Les Hollandais an Brésil* (1853), I. О боратом еврейском семействе Суза см.: *M. Kayserling. Gesch. der J. in Portugal* (1807), 307; *M. Grunwald. Porlugiesengräber* (1902), 123.

70. *Max J. Kohler. Phases etc. Transactions.* 2, 94.

71. См. статью «Америка» в Еврейской энциклопедии.

72. Transactions. 2, 95. См. также: *Netscher* 1. с. P. 103.

73. Изгнание как таковое не имело места. По мирному договору от 1654 г. евреям даже предоставлялась амнистия, однако далее следовало характерное добавление: «С евреями и прочими некаатоликами следует обходиться так, как это было в Потругалии». Дословный текст

этого мирного договора представлен в *Aitznma. Historia etc.* 1626 ff. Цит. по: *Netscher*, а. а. О. Р. 163.

74. *H. Handelman*. *Gesch. v. Brasil.*, 412/13.

75. О жизни евреев на Барбадосе: *John Camden Hatten*. *The Original Lists etc.* (1874). P. 449; *Ligon*. *History of Barbados*, 1657, zit. bei *Lippmann*. *Gesch. d. Zuck.* (1890), 301 ff.; *Reed*. *The History of sugar and sugar yielding plants* (1866), 7 dsgl.; *Morely*, *Abh. über den Zucker*, deutsch von Nöldechen (1800) dsgl.; *M. Culloch*, *Dict. of Commerce*. 2, 1087. Кроме того, следует, конечно же, упомянуть и труды по общей истории колониализма. Прежде всего, *C. P. Lucas*. *A historical Geography of the British Colonies*, z. B. 2 (1905), 121 f. 274. 277.

76. Евреи на Ямайке: *M. Kayserling*. *The Jews in Jamaica etc.* in *The Jewish Quarterly Review*. 12 (1900), 708 ff.; *Alb. M. Hyamson*. *A Hist of the Jews in England* (1908), Ch. XXVI. Многие современные эпохе документы представлены в двух работах Макса Колера: *Max J. Kohler*. *Jewish activity in American Colon. Commerce in den Publ.* 10, 59 ff.; *derselbe*, *Jew. I.ife etc.*, *Am. Jew. Hist. Soc.* 2, 98.

77. Письмо губернатора от 17 декабря 1671 г., адресованное государственному секретарю лорду Эрлингтону приводит *M. Кайзерлинг* (см. прим. 76).

78. *Monumental Inscriptions of the British West Indies coll. by Capt. J. H. Lawrence Archer. Introd.* P. 4. Bei *Kohler*. *Jew. Life a. a. O. P.* 98.

79. Евреи в Суринаме: здесь важнейшим источником является *Essai sur la Colonie de Surinam avec l'histoire de la Nation Juive Portugaise y etablie etc.* 2 Vol. Paramaribo, 1788. *Koenen*. *Der in seiner Geschiedenes der Joden in Nederland* (1843), 313 f. В уже упомянутой работе Кунена автор сообщает о том, что данное исследование является «основным источником... по истории евреев в этом регионе». Я, к сожалению, не имел возможности ознакомиться с самим источником. В последнее время в новейших исследованиях появилось много нового материала: *Rich. Gottheil*. *Contributions to the history of the Jews in Surinam* (*Publ.* 9, 129 ff.) (в этой работе даны извлечения из кадастровых книг); *J. S. Roos*. *Additional Notes on the History of the J. of S.* (*Publ.* 18, 127 ff.); *P. A. Hilfman*. *Some further Notes on the History of the J. in S.* (*Publ.* 16, 7 ff.). О евреях в Гвиане: *Sam. Oppenheimer*. *An early Jewish Colony in Western Guiana 1658–1666 and its relation to the Jews in Surinam, Cayenne and Tobago.* (*Publ.* 16, 95–186). Vgl, auch *Hyamson* l. c. Ch. XXVI und *C. P. Lucas* l. c.

80. Евреи на Мартинике, Гваделупе и Сан-Доминго: *Lippmann*. *Gesell, d. Zuckers* (1890), 301 ff. (в этой книге даются указания на источники и более раннюю литературу); *Ab. Cahen*. *Les juifs de la Martinique au XVII sc.* (*Revue des études juives* Vol. II); *idem*. *Les juifs dans les Colonies françaises au XVIII sc.* (*Revue. Vol. IV. V.*) *Handelman*. *Gesch. der Ins. Hayti* 1856.

81. *Luc. Wollim Jew. Chronide* 30. 11. 1894, zit. bei *Kohler* in *den Transactions* 10, 60.

82. The 250 anniversary of the Settlement of the Jews in the U. S. (1905) 18.
83. The 250 anniversary etc.
84. *John Moody*. The truth about the trust (1905), 45 ff. 90 и далее.
85. Статья «Калифорния» в Новой еврейской энциклопедии написана с особым знанием дела и основательностью.
86. Согласно другой точке зрения богатые еврейские торговцы из Амстердама поселились в колонии на Гудзоне еще до появления там беженцев из Бразилии. См.: *Albion Morris Dyer*. Points in the first chapter of New York Jewish History, Am. Jew. Hist. Soc. 8, 41 ff.
87. Содержание письма (Doc. rel. to the Col. Hist. of New York. 14, 315) приводит Макс Колер, см.: *Max J. Kohler*. Beginnings of New York Jewish History (Am. Jew. Hist. Soc. 1, 43).
88. Siehe z. B. Transactions 1, 41 ff.; 2, 78; 10, 63. *Max J. Kohler*. Jews in New Port (Publ. 6, 69 ff). Колер часто ссылается на *Judge Daly*. Settlement of the Jews in North America. 1893.
89. Речь губернатора Пардела, см.: The 250 anniversary of the settlement of the J. in the U.S. (1905), 173.
90. См. статью «Алабама» в Еврейской энциклопедии.
91. См. статью «Олбани» в Еврейской энциклопедии.
92. *B. Felsenthal*. On the History of the Jews of Chicago (Publ. 2, 21 It.); *H. Eliassof*. The Jews of Chicago (Publ. 11, 117 ff.).
93. *Lewis N. Dembitz*. Jewish Beginnings in Kentucky (Publ. 1, 99).
94. *J. H. Hollander*. Some unpublished material relating to Dr. Jacob Lumbrozo of Maryland (Publ. Vol. 1).
95. *David E. Heinemann*. Jew. Beginnmgis in Michigan before 1850 (Publ. 13, 47 ff.).
96. *David Philipson*. The Jewish Pioneers of the Ohio Valley (Publ. 8, 43 ff.).
97. *Henry Necarsulmer*. The early Jew. settlement at Lancaster Pa. (Publ. 3, 27 ff.).
98. *Henry Cohen*. The Jews in Texas (Publ. 4, 9 ff.); *idem*. Henry Castro, Pioneer and Colonist (Publ. 5, 39 ff.). О других торговцах земельными участками сообщает Фриденвальд, см.: *Friedenwald*. Some News paper advertisement of the 18. cent. (Publ. Vol. VI).
99. Некоторые сведения из жизни американо-еврейского семейства Зелигманов содержатся в Bayern in Brülls Monatsblättern, 26. Jahrg. (1906), 141 ff.
100. *Leon Hühner*. The Jews of Georgia In Colonial Times (Publ. 10, 65 ff.); *он же*: The Jews of South Carolina from the earliest Settlement to the End of American Revolution (Publ. 12, 391t.). А также: *Chas. C. Jones*. The settlement of the Jews in Georgia (Publ. 1, 12).
101. *B. A. Elzas*. The Jews of South Carolina 1903; цит. по: Art. South Car. in der Jew. Enc.
102. *Leon Hühner*. Asser Levy, a noted Jew. Bliirgher of New Amsterdam (Publ. 8, 13). См. также: Whence came the first jewish

settlers of New York (Publ. 9, 75 ff.); *Max J. Köhler*. Civil Status of the Jews in Colonial New York (Publ. 6, 81 ff.).

103. О жизни евреев в XVIII веке в Нью-Йорке (занимавшихся деловой практикой на еврейском языке) см.: 18. Jahrhundert in New York. *J. A. Doyle*. The Colonics under the House of Hannover (1907), 31.

104. *Chas. C. Jones*. The settlements of the Jews in Georgia (Publ. 1. 6, 9).

105. *M. Jaffé*. Die Stadt Posen (Schriften des Vereins f. S.P. 119, II, 151).

106. *Hon. Siimon Wolf*. The american Jews as soldier and patriot (Publ. 3, 39).

107. Согласно Dr. Fischells Chronological Notes of tlie History of the Jews In America.

Глава пятая

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

108. *Luc. Wolf*. The First English Jew. Repr. from the Transactions of the Jew. Hist. Soc. of England. Vol. II; *Alb. M. Hyamson*. A Hist. of the Jews in E. (1908), 171–173.

109. *Hyamson* l. c. p. 269. *J. Picciotto*. Sketches of Anglo-Jewish History (1875). 58 ff.

110. *Th. L. Lau*. Einrichtung der Intraden und Einkünfte der Souveräne usw. (1719), 258.

111. Об этом говорит Либс, см.: Das Judentum (1903), 75.

112. См. статью «Банковское дело» в Еврейской энциклопедии.

113. Mèmoire der Juden von Metz vom 2–4.3.1733, im Auszuge abgedruckt bei *Bloch* l. c. p. 35.

114. Об этом упоминает Блох, см. *Bloch* l. c. p. 23.

115. Выдержки из Lettres patentes приводит Блох в упомянутой работе, с. 24.

116. О семействе Гради см.: *Theoph. Malvezin*. Les juifs à Bordeaux (1875), 241 ff. и *H. Grätz*. Die Familie Gradis in der Monatsschrift 24 (1875), 25 (1876). Оба исследования, основанные на хороших источниках, не зависят друг от друга.

117. *M. Carpefigue*. Banquiers, tournisseurs etc. (1856), 68, 214.

118. Об этом сообщается в Revue de la Révolution française 16. 1. 1892.

119. Historische Nachlese zu den Nachrichten der Stadt Leipzig, ed. M. Heinrich Engelbert Schwartze (174), 122, цит. по: *Alphonse Lewy*. Geschichte der Juden in Sachsen (1900), 58.

120. *Bondy*. Zur Geschichte der Juden in Böhmen I, 386.

121. Все три случая я беру из книги *Г. Либс* «Еврейство», который приводит их без указания на источники, см.: *G. Liebe*. Das Judentum (1903), 43 f., 70.

122. (*König*). Annalen der Juden in den preußischen Staaten, besonders in der Mark Brandenburg (1790), 93/94.

123. Пескрипт от 28 июня 1777 года, отпечатанный *Альфонсом Леви*. См. также: *Alphonse Levy*. Die J. in Sachsen (1900), 74; *S. Haenle*. Gesell, d. J. im ehemal. Fürstentum Ansbach (1867), 70.

124. Gesichte Philanders von Sittewaldt das ist Straffs-Schritten Hanss Wilh. Moscherosch von Wilstätt (1677), 779.

125. *F. von Mensi*. Die Finanzen Österreichs von 1701–1740 (1890), 132 ff. Самуил Оппенгеймер, «главный военный посредник императора и еврей», как его официально именовали и как он сам обычно подписывался, во время военных походов принца Евгения обычно заключал «почти все договора на поставку провианта и амуниции» (S. 133).

126. См., например, представление Венской придворной канцелярии от 12 мая 1762 года, которое содержится в работе Вольфа: *Wolf*. Gesch. d. Jud. in Wien (1891), 70. См. также: Mitteilung des Herrn stud. Jos. Reizman; Verproviantierung der Festungen Ranb, Ofen und Komorn durch Breslauer Juden (1716): Wolf a. a. O. S. 61.

127. *Herb. Friedenwald*. Jews mentioned in the Journal of the Continental Congress (Publ. of the Amer. Jew. Hist. Soc. 1, 65–89).

128. Так как самые важные работы, посвященные экономической и прочей истории евреев в Англии, Франции, Голландии и Америке, я уже приводил (см. примечания 11, 12, 18, 60), здесь мне хотелось бы восполнить пробел, касающийся Германии и Испании. Что касается Германии, то здесь, к сожалению, до сего дня отсутствует какое-либо обобщающее изложение, и потому приходится довольствоваться монографиями и статьями, посвященными каким-либо отдельным регионам (когда мы не имеем возможности обращаться к самим первоисточникам), однако в такой работе, какой является наша, где автор стремится выявить самые широкие взаимосвязи, такое, конечно же, возможно только в редких случаях. В целом можно констатировать, что еврейская историография в Германии пока что не слишком преуспела, как, впрочем, и в других странах, а именно в Англии, Франции и Соединенных Штатах. Прежде всего надо отметить, что экономический аспект всегда рассматривается как бы мимоходом и те разработки, которые приводятся, например, в монографии Л. Гейера (*L. Geyer*. Die Geschichte der Juden in Berlin, 2 Bde., 1870/71), оказываются слишком незначительными. В последнее время один мой ученик, Людвиг Давидсон, основательно исследовал Берлинский государственный архив на предмет экономической роли евреев. Результаты еще не напечатаны, однако я частично их уже использовал. Интересный материал содержится в следующих книгах М. Грюнвальда: *M. Grunwald*. Portugiesengräber auf deutscher Erde; и Hamburgs deutsche Juden bis zur Autlösung der Dreigemeinde. 1904. Für manche Einzelheit sind (mit Vorsicht) zu gebrauchen (*König*). Annalen usw. 1790, sowie das Werk: Die Juden in Österreich. 2 Bde., 1842. Что касается некоторых деталей, то здесь можно, хотя и с осторожностью, использовать: (*König*). Annalen usw. 1790, sowie das Werk: Die Juden in Österreich. 2 Bde., 1842.

В остальном (насколько речь не заходит об общих произведениях об истории евреев) приходится (в том, что касается экономического аспекта) довольствоваться крайне скудными еврейскими журналами. Среди них для наших целей самое большое значение имеет, наверное, *Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums* (с 1851 года). Что касается *Allgemeine Zeitung des Judentums* (с 1837 года) и *Adolf Brülls. Populärwissenschaftliche Monatsblätter usw* Адольфа Брюлля (с 1888 года), то в них в основном преследуются пропагандистские еврейские цели. Хорошо издаваемый *Zeitschrift für Demographie und Statistik des Judentums* (с 1905 года) лишь при случае касается историко—экономических вопросов.

Иногда хорошие сообщения относительно экономической истории евреев можно отыскать в журналах, занимающихся вопросами общей и специальной истории, которые здесь я, конечно же, не могу перечислять поименно.

Существует довольно много монографий по истории проживания евреев в отдельных местах, областях и т. д., о которых я, в меру их использования, упоминаю по ходу изложения.

Регесты (см. *Regesten zur Geschichte der Juden usw. 1887 ff.*) освещают только эпоху раннего средневековья, которой мы здесь не касаемся.

О судьбе евреев в Испании писали немало, но именно здесь на экономическую сторону вопроса почему-то почти совсем не обращали внимания. Я считаю, что самая благодарная задача для историка-экономиста заключалась бы в написании истории еврейской экономики Испании и Португалии. Она, вне всякого сомнения, пролила бы яркий свет на общую историю экономики Европы, однако автор, конечно же, должен знать, к чему он стремится, ему надо уметь задавать вопросы. Пока же, занимаясь исследованием истории евреев в Испании, нам приходится довольствоваться общими работами, посвященными их истории в этой стране. Среди них, наверное, по сей день самой лучшей остается исследование М. Кайзерлинга: *M. Kayserling. Geschichte der Juden in Spanien und Portugal. 2 Bde. 1861—1867.*

Основной работой, написанной на испанском языке, является труд Хосе Амадора де Лос Риоса, который, однако, для наших целей оказывается совершенно недостаточным. Некоторые места, в которых говорится об экономической жизни, остаются неясными (например, 3, 69 и далее) и не дают возможности узнать самое главное, а именно о какой форме хозяйствования идет речь.

См.: *D. Jose Amador de Los Rios. Historia social, politica y religiosa de los Judios de Espana y Portugal. 3 Tomos. 1875/78.*

См. Также: *E. H. Lindo. The History of the Jews of Spain and Portugal, 1848.* Данное исследование в основном содержит выдержки из законов и парламентских постановлений, касающихся евреев, и поэтому представляет собой некоторую ценность.

Что касается португальских евреев, то здесь основной работой является исследование Мендеса дос Ремедиоса (*J. Mendes dos Remedios. Os*

Judeus em Portugal 1 (1895). Повествование простирается до начала изгнания евреев из страны. Схема изложения остается прежней.

Следует также назвать многоотомную работу Гретцена (*Graetzens. Geschichte der Juden, die die Blütezeit des jüdischen Stammes in Spanien behandeln* (Bd. 7 und 8), в которой освещается период расцвета испанских евреев (особенно 7 и 8 тома). Данное исследование нередко оказывается весьма полезным в силу богатства представленного в нем материала и, на мой взгляд, его не удалось превзойти никакой другой известной мне работе.

О монографиях, посвященных роли евреев в испано-португальской экономической жизни мне так же мало известно, как и о научных еврейских журналах, выходящих на Пиренейском полуострове, однако, быть может, в данном случае речь идет о моем собственном незнании и не более того. Как бы там ни было, но как в общих, так и в еврейских библиотеках Берлина и Бреслау ничего такого нет. Сочинение Бенто Каркежа (*Bento Carqueja. O capitalismo moderno e as suas origens em Portugal* (1908) лишь в отдельных местах и к тому же совершенно мимоходом затрагивает еврейскую проблему.

129. *H. J. Koenen. Geschiedenes der Joden In Nederland*, 206 ff.

130. См. статью «Банковское дело» в Еврейской энциклопедии.

131. В литературе общего характера разбросано много материала о роли евреев в английских финансах XVII—XVIII веков. Назову лишь некоторые работы: *Picciotto. Sketches*, 58 ff. *Hyamson*. 171 ff., 217, 240, 264 ff. *Lucien Wolf. The Re-Settlement of the Jews in England*, 1888; *idem. Crypto-Jews under the Commonwealth in den Transactions Jew. Hist. Soc. Vol. I* (1895); *idem. The Jewry of the Restoration (1660–1664)*. Repr. from the *Jew. Chronicle*. 1902.

132. *L. Wolf. The Jewry*. P. 11.

133. *G. Martin. La grande Industrie sous Louis XIV. (1899)*, 351.

134. *Victor de Swarte. Un banquier du Tresor royal au XVIII. sc. Sanniel Bernard — sa vie — sa correspondance (1651–1739)*. 1893.

135. *Kahn. Les juifs de Paris au XVIII. sc. (1894)*, 60 ff.

136. *Graetz. G. d. J.* 10, 40.

137. *Wolf. Ferdinand II. Beil. No. IV*; цит. по: *Graetz. G. d. J.* 10, 41.

138. Дословный текст представлен в книге «*Die Juden in Österreich*» 2 (1842). 41 ff.

139. *Die Juden in Österreich.* 2, 64; *F. von Mensi. Die Finanzen Österreichs von 1701–1740* (1890), 132 ff. В XVIII веке бок о бок действовали самые выдающиеся государственные кредиторы Опенгеймер, Вертгеймер, Синцгеймер; в 1739 году последнему из названных государство задолжало приблизительно пять миллионов гульденов; а. а. О. S. 685. См. также: *Dav. Kaufmann. Urkundliches aus dem Leben Samson Wertheimers*, 1892. Относительно более раннего периода см.: *G. Wolf. Ferdinand II und die Juden*, 1859.

140. *F. v. Mensi. a. a. O. S.* 148.

141. *G. Liebe. Das Judentum* (1903), 84.

142. См. статью «Абензур, Дан» в Еврейской энциклопедии.

143. *A. Levy*. Notes sur l'histoire des Juifs en Saxe in der Revue des études juives 26 (1898), 259 f. О Беренде Леманне, или же Йисахаре Бермане см.: *B. H. Auerbach*. Geschichte der israelitischen Gemeinde Halberstadt (1866), 43 ff.

144. *Auerbach*. a. a. O. S. 82 (für Hannover); *S. Haenle*. Gesch. der Juden im ehemaligen Fürstentum Ansbach (1867), 64 ff., 70 ff., 89 ff. О прочих придворных евреях см.: *L. Müller*. Aus fünf Jahrhunderten, in der Zeitschr. des hist. Ver. für Schwaben u. Neuburg 26 (1899), 142 ff.

145. *F. von Mensi*. Die Finanz. Österreichs, 409.

146. Мемоiren *Глюкель фон Гамельн*. Немецкий перевод (частное издание) вышел в 1910 году. См. S. 240.

147. *M. Zimmermann*. Josef Süß Oppenheimer, ein Finanzmann des 18. Jahrhunderts. 1874.

148. Речь *Луиса Маршалла* в The 250 anniversary of the settlement etc. 102.

149. *Herb. Priedenwald*. Jews mentioned in the Journal of the Continental Congress. (Publ. Am. Jew. Hist. Soc. I, 63 ff.).

150. *Will. Graham Sumner*. The tinancier and the tinances of the American Revolution. 2 Vol. 1891.

Глава шестая

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

151. Такого мнения придерживаются (несмотря на ожесточенные нападки) Бруннер (см. *Brunner*. Endemanns Handbuch 2, 147) и Гольдшмидт (см.: *Goldschmidt*. Universalgeschichte des Handelsrechts (1891), 386). Книс (см.: *Knies*. Der Credit (1876), 190) также понимает существо ценной бумаги принципиально юридически, говоря о том, что в ней мы имеем дело «с принципиально новой основополагающей нормой удостоверения и осуществления права, а также с новой основополагающей нормой передачи такого права кому-либо другому». Он в большей степени сближается со специфической государственно-экономической точкой зрения тогда, когда (см.: *ibid.* 2, 238) говорит о потребности «„объективировать“ денежное требование без каких-либо оглядок на причины его возникновения и через свидетельство (а именно ценную бумагу) «дать ему ход»“.

152. «Кредитные отношения» я понимаю в широком смысле как обязательственные отношения между людьми, возникающие в результате передачи какой-либо ценности в руки другого человека, обещающей в будущем встречное исполнение. Из любого кредитного отношения возникает, таким образом, отношение долженствования и требования, но не только в чисто юридическом смысле, но и в экономическом тоже, так как право требования, понимаемое в этом более широком материальном смысле, вбирает в себя также право собственности, вещное право и т. д.; например, право собственника на полу-

чение процентов по аренде и найму, право ипотечного кредитора на получение процентов по ипотеке, право работника на получение заработной платы и т. д.

153. *F. A. Biener*. Wechselrechtliche Abhandlungen (1859), 145.

154. Гипотеза, которую отстаивает Кунце и другие. См.: *Goldschmidt*. Univ. Gesch. 408 ff.

155. *Goldschmidt*. а. а. О. S. 410. У Гольдшмидта предложение, употребленное здесь в утвердительном смысле, конечно же, завершается вопросительным знаком и обретает предположительный вид: «... этого нельзя установить на основании имеющихся в настоящее время источников». См., напротив *Alb. Wahl*. Traité théor. et prat. des titres au porteur 1 (1891), 15.

156. *Kuntze*. Zur Geschichte der Staatspapiere auf den Inhaber in der Ztschr. f. das ges. HandelsR. 5, 198 ff., см. его же: *Inhaber Pap.* (1857), 58. 63. См. также: *Goldschmidt*. Univ. Gesch. 448/49. *Sievcklng* in Schmollers Jahrbuch 1902. Однако в первую очередь следует обратить внимание на работу Шапса, см.: *Schaps*. Zur Geschichte des Wechselindossaments (1892) (особенно S. 86 ff.). Автор пишет, что «в общем и целом XVII век и начало XVIII века можно охарактеризовать как усовершенствование индоссамента для всей Европы». Для сравнения см.: *Biener*. а. а. О. S. 121 ff., 137 ff.

157. *Goldschmidt*. Univ. Gesch., 452. *Schaps*. 92. Первый запрет (согласно Шапсу) содержится в Near. Pragmatica от 8 ноября 1607 года; см.: а. а. О. S. 887.

158. Текст представлен в книге Д. Кауфманна, см.: *Dav. Kaufmann*. Die Vertreibung der Marranen aus Venedig im Jahre 1550 в Jewish Quarterly Rev. 13 (1901), 320 ff.

159. *Graetz*. 8, 354; 9, 328.

160. На данный момент о ярмарках в Генуе лучше всего рассказывают Эренберг и Эндеманн, см.: *Ehrenberg*. Zeitalter d. Fugger 2, 222 ff; *Endemann*. Studien in der rom.-kanon. Wirtschaftss- und Rechtslehre 1 (1874), 156 ff. Эндеманн главным образом основывается на Скачча и Р. де Туррисе, в то время как Эренберг помимо этого использует в качестве источников некоторые документы архива Фуггера.

161. Может быть, даже в XII веке, когда мельница в Тулузе была передана в доленое пользование на паевом основании. См.: *Edm. Guillard*. Les operations de Bourse (1875), 15.

162. См. прежде всего: *K. Lehmann*. Die geschichtliche Entwicklung des Aktienrechts. 1895.

163. *J. P. Ricard*. Le Negoce d'Amsterdam (1723), 397–400.

164. *André-E. Sayous*. Le fractionnement du capital social de la Compagnie néerland. des Indes orient. в der Nouv. Rev. hist. du droit franç. et étrang. 25 (1901), 621 ff. 625.

165. *Endemann*. Studien 1, 457 f.

166. *Goidschmidt*. Univ. Gesch., 322.

167. Самые важные источники по истории банковского дела в Венеции по-прежнему представлены в собрании *Elia Lattes*. La libertà delle

banche a Venezia del secolo XIII al XVII secondo i documenti inediti del R. Archivio dei Frari ec. 1869. Кроме того, на эту тему писали: *Ferrara*. Gli antichi banchi di V. in der Nuova Antologia Vol. XVI (derselbe Autor bringt eine Reihe die Soranzos betreffende Urk. noch herbei im Archivio Veneto Vol. I. (1871). *E. Nasse*. Das venetianische Bankwesen im 14., 15. und 16. Jahrhundert in den Jahrb. f. N. Ö. **84**, 329 ff., 338 ff.

Очень хотелось бы иметь основательное исследование относительно доли участия евреев в формировании банковского дела в Венеции, однако, по-видимому, это нелегкая задача, так как, насколько я могу видеть из уже имеющихся источников, уже в XV веке в Венеции значительная часть евреев приняла христианское исповедание, беря христианские имена и нередко получая соответствующие звания и саны.

168. *Macleod*. Dict. of Pol. Econ. Art. Bank of Venice (Quelle?) zit. Bei: *A. Andreades*. Hist. of the Bank of E. (1909), 28.

169. Galliciole Memorie Venete II No. 874 bei *Graetz*. **6**, 284..

170. *S. Luzzato*. Disc. circa il stato degli Hebrei in Venezia (1638). Приведенные цифры не следует считать совершенно точными, так как они основываются на одной лишь оценке ситуации, сделанной неглупыми раввинами.

171. *B. D. Manuel Colmeiro*. Hist. de la economia politica en Espana **1**, 411; **2**, 497 ff.

172. *F. von Mensi*. Die Finanzen Österreichs von 1701–1740 (1890), nam. S. 34 ff.

173. *Ad. Beer*. Das Staatsschuldenwesen und die Ordnung des Staatshaushalts unter Maria Theresia (1894), 13.

174. *Walther Däbritz*. Die Staatsschulden Sachsens in der Zeit von 1763 bis 1837. Lpz. In. Diss. 1906. S. 14 ff. 55 f.

175. *E. V. Philippovich*. Die Bank von England usw. (1885), 26 ff.

176. *Ehrenberg*. Zeitalter der Fugger **2**, 141. 299.

177. (*Luzac*). Richesse de la Hollande **2** (1778), 200. Другой, связанный с этим, отрывок находится в Vol. I, p. 366 ff. В самом существенном голландское издание 1781 года созвучно французскому и только в одном месте (**2**, 307 ff) изложение оказывается более подробным. Кроме своего собственного опыта, который был для него основным источником, автор использует также *Fermin*. Tableau de Surinam, 1778, где, однако, сообщается не больше того, что сообщает он сам.

178. *Kuntze*. Die Lehre von den Inhaberpapieren (1857), 48. Данное произведение (по крайней мере в том, что касается основательности подхода к проблеме) и по сей день остается непревзойденным. Почти таким же является и труд французца А. Валя, см.: *Alb. Wahl*. Traité théorique et pratique des titres au porteur français et étrangers. 2 tomes 1891 (см. также реферат на эту работу, сделанный Гольдшмидтом в Ztschr. f. Das ges. HR. **49**, 261 ff.).

179. Für die urkundliche Geschichte des mittelalterlichen Inhaberpapiers grundlegend sind jetzt die Arbeiten von *H. Grunner*. Das französische Inhaberpapier, 1879 und Zur Geschichte des Inhaberpapiers in Deutschland in der Ztschr. f. das ges. HR. Bd. 21, 23.

180. *Brunner*. Das franz. Inhaberpapier, 69 f.
181. *F. Hecht*. Gesch. der Inh. Pap. in den Niederlanden (1869), 4 ff. 87 ff. (речь идет о закладных в ломбарде, которые имел место в 1614 году в Амстердамском банке).
182. *Goldschmidt*. Inhaber-, Order- und exekutorische Urkunden im klassischen Altertum (Ztschr. f. Rechtsgesch. Rom. Abt. **10** [1889], 352 ff.).
183. *Benedict Prese*. Aus dem gräko-ägyptischen Rechtslehen (1909), 26 ff. См. также цитируемые там сочинения: *Lipsius*. Von der Bedeutung des griechischen Rechts 19; *Wenger*. Papyrosforschung und Rswiss. (1903), 40.
184. *H. Brunner*. Forschungen zur Gesch. des deutschen und französ. Rechts. Ges. Aufs. (1894), 604 ff.
185. *Brunner*. Franz. Inh. Pap. 28 ff. 57 ff. und Ztschr. f. g. HR. **28**, 234.
186. Ztschr. f. Rsgesch. **10**, 355.
187. *Glus. Salvioli*. I titoli al portatore nella storia del diritto italiano (1883).
188. *L. Auerbach*. Das jüdische Obligationenrecht **1** (1871). Другие отрывки из раввинской литературы приводят также: *Hirsch B. Fassel*. Das mosaisch-rabbinische Zivilrecht. II. Bd., 3. Teil (1854). § 1390; *Frankel*. Der gerichtl. Beweis nach mosaischem R. (1846). S. 386; *Saalschütz*. Mos. Recht **2** (1848), 862, N. 1086,
189. О «мамре» см.: Lud. *L'Estocq*. Exercitatio de indole et jure instrumenti Judaeis usitati cui nomen «Mamre» est. 1755, § VII ff.; in *J. M. G. Beseke*s. Thes. jur. camb. P. II (1783), p. 1169 ff. insbes. 1176 ff.; *Ph. Bloch*. Der Mamran, der jüdisch-polnische Wechselbrief; Sonderabdruck aus der Fstschr.
190. *Ehrenberg*. Zeitalter der Fugger **2**, 141.
191. *Brunner*. Franz. Inh. Pap. 69 f.
192. *Schaps*. Gesch. d. Indoss. 121 f.
193. О модернизации бельгийско-голландских кутюмов лучше всего повествует *F. Hecht*. Gesch. d. Inh. Pap. i. d. Niederlanden, 44 ff. См. также: *Kuntze*. Zur Gesch. der Staatspapiere auf Inhaber in der Ztschr. f. ges. HR. **5**, 198 ff. und *Euler*, ebenda **1**, 64.
194. *Hechta*. a. O. S. 96 f.
195. *W. Däbritza*. a. a. O. S. 53 t.
196. *Kuntze*. Inh. Pap. 85 f.
197. *Straccha*. Tract. de assicur. (1568), introd. Gl. VII, p. 29.
198. *A. Wahl*. Titres au porteur **1** (1891), 15. 84.
199. *Hecht*. Inh. Pap. i. d. Niederl., 37.
200. *B. J. H. Bender*. Der Verkehr mit Staatspapieren (2. Aufl. 1830), 167 f.
201. Таков его окончательный вывод (несмотря на всю любовь автора датировать происхождение современных установлений максимально ранней эпохой; от этого автора всегда ожидаешь «источниковедческих» доказательств того, что платежные поручения обнаруживаются

чуть ли не в свайных постройках, а банкноты — в черепах неандертальцев; впрочем, таково пристрастие всех «историков», каковым Гольдшмидт все-таки не является). См.: *Goldschmidt. Univ. Gesell.*, 393.

202. Здесь прежде всего см.: *L. Auerbach. Das jüdische Obligationenrecht* 1 (1871), 163 ff. 251 ff. 513 ff. Эта, к сожалению, незавершенная работа написана необычайно увлекательно и не заслуживает обрушившегося на нее забвения. Она представляет собой весьма остроумное изложение талмудическо-раввинского права, глубочайшая самобытность которого освещается довольно ярко. Назовем также гораздо менее значимые работы, которые, однако, годятся для сравнения: *Saalschütz. Mosaisches Recht. 2 Bde.* 1848; *H. B. Fassei. Das mosaisch-rabbinische Zivilrecht, 2 Bde.*, 1852. 1854; *J. J. M. Rabbino-wicz. Législation du Talmud. Bd. III* (1878). В последней из названных работ автор рассматривает природу обязательственного права. Относительно процессуального права см.: *Der gerichtliche Beweis nach mosaischem R.*, 1848. Недавно, основываясь на материале, предоставленном Гольдшмидтом, изложение «талмудического права» предпринял Колер, см.: *J. Kohler. In der Ztschr. f. vergleich. Rechtswiss.* 20 (1908), 161–264 (auch in Broschürenform); darüber *V. Aptowitz*, in *MGWJ.* (1908), 37–56.

203. *Otto Stobbe. Die Juden in Deutschland während des Mittelalters* (1866), 119 ff. 242.

204. *Goldschmidt. Universalgeschichte*, 111.

205. (*Isaac de Pinto*). *Traité de la circulation et du crédit* (1771), 64 ff., 67–68. См. Также: *E. Guillard. Les opérations de Bourse* (1875), 534 ff.

206. Это хорошо изложено у Дэбрица, см.: *W. Däbritz. Die Staatsschulden Sachsens* (1906), 18.

207. *Ehrenberg. Zeitalter der Fuggef* 2, 244 ff. Эренберг принадлежит к числу тех писателей, которым мы, вне всякого сомнения, обязаны за их весьма ценные разъяснения в том, что касается истории биржи. Очень жаль, что он не продолжил исследований в этой области, где никто из нас не может равняться с ним в знании существа вопроса.

208. См. примеч. 21.

209. *Van Hemert. Lector voor het ontbijt en de Theetafel* VIIIle Stuk, bl. 118. 119; цит. по: *H. J. Koenen. Geschiedenes der Joden in Nederland* (1843), 212.

210. *Henr. Stephanus. Francofordiense Emporium sive Francofordielises Nundinae* (1574), 24.

211. Цит. по: *Ehrenberg. Z. d. F.* 2, 248.

212. *Glückel von Hameln. Memoiren*, 297.

213. См.: *H. Grunwald. Hamburgs deutsche Juden bis zur Autlösung der Dreigemeinde. 1811* (1904), 21.

214. *S. Haenle. Gesch. der Juden im ehemaligen Fürstentum Ansbach* (1867), 173.

215. *Die Juden in Österreich* 2 (1842).

216. Сообщение субинтенданта М. де Курсона от 11 июня 1718 года; см.: *Th. Malvezin. Histoire des juits à Bordeaux, 1875.*

217. *E. Meyer.* Die Literatur für und wider die Juden in Schweden im Jahre 1815, in der *Monatsschrift f. Gesch. u. Wiss. d. Jud.* 51 (1907), 522.

218. *H. Sieveking.* Die kapitalistische Entwicklung in den italienischen Städten des Mittelalters in der *Vierteljahrsschrift für Soz. u. W. Gesch.* 7, 85.

219. *H. Sieveking.* Genueser Finanzwesen 1 (1898), 82 f., 175 f.

220. *Saravia della Galle.* Institutione de' Mercanti im *Compendio utilissimo di quelle cose le quali a Nobili e christiani mercanti appartengono* (1561), 42.

221. Artikel Börsenwesen im *HSt.*, 3, Aufl.

222. Самыми надежными источниками в области истории торговли акциями на Амстердамской бирже в первые десятилетия XVII века являются постановления Генеральных Штатов, которые эту торговлю запрещают. Затем следует обратить внимание на памфлеты, которые появлялись несколько раз на протяжении всего XVII века и в которых эта торговля как осуждалась, так и приветствовалась. Особенно следует обратить внимание на противника спекуляции ван Холи, см.: *Nic Muysvan Holy.* Об этом: *Laspeyres.* *Gesch. der volkswirtsch. Anschauungen*, 1863.

Особую позицию занимает *de las Vegas*, о котором я еще упомяну. Что касается более позднего времени, то здесь обстоятельные описания происходившего содержатся в различных книгах по торговле, особенно см. *J. P. Ricard.* *Le negoce d'Amsterdam* (1723), 370 ff. К этой книге впоследствии обращались почти все прочие авторы. Наряду с упомянутой книгой самостоятельной ценностью обладают и сочинения *de Pinto*, относящиеся ко второй половине XVIII века. Что касается более новой литературы, то здесь можно обратиться к *G. C. Klerkde Reus.* *Geschichtlicher Überblick der... niederländisch-ostindischen Compagnie* (1894), 177 f.; *S. Van Brakel.* *De Holl. Hand. Comp. der XVII. eeuw* (1908), 154 f.

223. См.: *Zeitschrift De Koopinann.* 2, 429. 439; См. также: *Ehrenberg.* *Z. d. F.* 2, 333. К сожалению, не было возможности получить упомянутый журнал.

224. (*J. de Pinto.*) *De la circulation etc.* (1771), 84.

225. Дословный текст представлен у М. Колера. *Max J. Kohler.* *Beginnings of New York Jewish History in den Publ. of Am. Jew. Hist. Soc.* 1, 47.

226. Сообщение Манассии бен Израила отдельно появилось в 1655 году и затем часто переиздавалось. Например, на немецком языке оно появилось в ежегоднике литературы, см.: *Jahrbuch des Literar. Vereins*, 1861; На английском — в *Jewish Chronicle*, 1859.

227. Довольно обстоятельную выдержку из этой редкой книги дает Эренберг в *Ehrenberg im Z. d. F.* 2, 336 ff., а также в *Jahrbüchern für N.Ö., III. F., Band 3*, S. 809 ff.

228. Отрывок из этих воспоминаний представлен в Архиве французского колониального ведомства в 1698 году; напечатан в *Revue historique* (ed. par Monod). 44. 1895.
229. *The Anatomy of Exchange Alley or a System of Stock Jobbing*, 1719. Abgedr. bei *J. Francis*. Stock exchange (1849), App.
230. См. статью «Брокеры» в Еврейской энциклопедии.
231. *J. Picciotto*. Sketches of Anglo Jewish History (1875), 58 ff.
232. Univ. Dictionary of Trade and Commerce. 2 (1757), 554.
233. *D'Blossiers Tovey*. Anglia Judaica or the History and Antiquities of the Jews in England (1738), 297.
234. Согласно жалобе христианских купцов в 1685 году; об этой жалобе упоминает *Эренберг*, см. *Z. d. F.* 2, 248.
235. *M. Grunwald*. Portugiegegräber (1902), 6 ff.
236. *Postlethwayt*. Dict. 1 (1751), 95.
237. *Jos. Jacobs*. Typical character of the Anglo-Jewish History (The Jew. Quarterly Review 10 [1898], 230).
238. *Ranke*. Französ. Geschichte 4³, 399.
239. *Mélon*. Essai pol. sur le cominerce (1734); éd. Daire p. 685.
240. О торговле «королевскими письмами» в Лионе (приблизительно с 1550 года) см.: *Ehreiberg*. *Z. d. P.* 2, 142.
241. (*du Hautchamp*). Histoire du Système des Finances sous la minorité de Louis XV. 1 (1739), 184.
242. *Oscar de Vallée*. Les manieurs d'argent (1858), 41 f.
243. *P. A. Cochut*. Law, son Système et son époque (1853), 33.
244. *Ed. Drumont*. La France juive. 104. éd., 1, 259.
245. Все цифры взяты из «von den Gilde-Dienern *Friedr. Wilh. Arendt* und *Abraham Charles Rousset* herausgegebenen Verzeichnissen... der gegenwärtigen Aelter-Männer» usw. usw., 1801 ff.
246. *Arnold Kiesselbach*. Die wirtschafts- und rechtsgeschichtliche Entwicklung der Seeversicherung in Hamburg (1901), 24.
247. Об этом случае сообщает и обсуждает его *N. Th. von Gönner*. Von Staatsschulden, deren Tilgungsanstalten und vom Handel mit Staatspapieren. 1826. § 30.
248. Dict. of Comm. 2², 553 f. См. также содержащуюся там весьма поучительную статью «Monied Interest», p. 284 ff.
249. См. статьи «Monied Interest» и «Paper Credit»: *Postlethwayt*. 2², 284 ff. 404 ff.
250. *D. Hume*. Essays 2 (1793), 110.
251. *Ad. Smith*. W. of N., B. V, ch. 3.
252. *von Gönner*. Von Staatsschulden usw. (1826), § 31 ff.
253. *Pinto*. Traité, 310/11.
254. Bei *Ehrenberg*. *Z. d. F.* 2, 299.
255. Ограничусь упоминанием следующих трех сочинений, которые кажутся мне наилучшими: *Das Haus Rothschild*. Seine Geschichte und seine Geschäfte. 2 Teile 1857. *John Reeves*. The Rothschilds: The financial Rulers of Nations. 1887. *R. Ehrenberg*. Große Vermögen usw. I. Band: Die Fugger-Rothschild-Krupp. 2. Aufl. 1905.

256. *J. H. Bender*. Der Verkehr mit Staatspapieren. 2. Aufl. 1830. S. 145.
257. *Z. B. Gönner*. a. a. O. S. 60 ff.; *Bender* a. a. O. S. 142.
258. Das Haus Rothschild. 2, 216 f.
259. *Arth. Crump*. The theory of Stock exchange. 1873. Repr. 1903. P. 100 f.
260. *v. Mensi*. Die Finanzen Österreichs von 1701–1740 (1890), 54.
261. *Ad. Beer*. Die Staatsschulden... unter Maria Theresia (1894), 43.
262. *J. H. Bender*. Der Verkehr mit Staatspapieren. 2. Aufl. 1830, § 5.
263. *J. Francis*. Stock exchange (1849) 161 f.
264. Das Haus Rothschild. 2 (1857), 85 ff.

265. Несмотря на всю тенденциозность, односторонность, преувеличения и отчасти весьма неверные оценки, по-прежнему самым лучшим источником об «эпохе грюндерства» в Германии остаются сильно раскритикованные книги Отто Глагау, см.: *Otto Glagau*. Der Börsen- und Gründungsschwindel in Berlin, 1876.

Ценным материалом в этих книгах являются краткие исторические описания различных грюндерских начинаний, в которых упоминаются имена грюндеров, первых членов наблюдательных советов и директоров. См. также: *Rud. Meyer*. Die Aktiengesellschaften 1872–1873 (здесь речь идет только об учреждении банков). Приведенные в тексте подборки по моей просьбе мне любезно предоставил Артур Левенштейн.

266. *M. Wirth*. Gesch. d. Handelskrisen. 3. Aufl. 1883.
267. *Riesser*. Entwicklungsgeschichte der deutschen Großbanken (1905), 48.
268. *J. E. Kunlze*. Die Lehre von den Inhaberpapieren (1857), 23.
269. *Ad. Beer*. Die Staatsschulden... unter Maria Theresia (1894), 35.
270. *C. Hegemann*. Die Entwicklung des französischen Großbankbetriebes (1908), 9.

271. Подробный список литературы и первоисточников предоставлен в книге Й. Пленге, см.: *Joh. Plenge*. Gründung und Geschichte des Credit mobiller. 1903. Сама авторская манера изложения кажется мне не слишком удачной. Стремление представить описываемый автором банк как некое порождение философии Сен-Симона оправдано только в той мере, в какой эта философия опять-таки несет на себе отпечаток еврейского духа (что, собственно, весьма и весьма верно). На мой взгляд, нередко гораздо ближе к истине оказывается Х. Саттлер (несмотря на то, что Пленге отзывается о нем весьма плохо). См.: *Heinr. Sattler*. Die Effektenbanken (1890), 71 ff. Впрочем, мне кажется, что в немалой степени спор возник в результате того, что не всегда проводилось достаточно четкое различие между этим банком в его, так сказать, идеальном замысле (как он должен был выглядеть согласно программе его учредителей) и тем, что он представлял собой в действительности.

272. *Model-Loeb*. Die großen Berliner Effektenbanken (1895), 43 f. Из этой хорошо написанной книги я взял данные о больших немецких спекулятивных банках.

273. См.: *Ehrenberg*. Fondsspekulation, 1883 и *Ad. Weber*. Depositenbanken und Spekulationsbanken, 1902.

274. См.: *B. A. Gomoll*. Die kapitalistische Mausefalle. 1908. Несмотря на свой довольно броский заголовок, данная книга написана очень серьезно; она принадлежит к самым лучшим описаниям биржевых дел, описаниям, которыми мы располагаем в последние десятилетия.

275. Этот материал я получил из просмотра бесчисленного множества, по большей части, местных источников, перечислять которые здесь нет смысла.

Глава седьмая

ФОРМИРОВАНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ВЗГЛЯДА НА ЭКОНОМИКУ

276. (*Konig*). Annalen der Juden in den preußischen Staaten (1790), 97.

277. Об истории евреев в городе Данциге см.: *Monatsschrift*. 6 (1857), 243.

278. *M. Gudemann*. Zur Geschichte der J. in Magdeburg. *Monatsschrift* 14 (1865), 370.

279. См.: *G. Liebe*. Das Judentum (1903), 91/92.

280. *Hugo Barbeck*. Geschichte der J. in Nürnberg und Fürth (1878), 68 ff.

281. См., например, о берлинской гильдии мелких лавочников: *Geiger*. Gesch. d. J. in Berlin. 2 (1871), 24. 34.

282. *Jos. Child*. Discourse on trade. 4. ed., p. 152. Автор воспроизводит «общее мнение», не подвергая сомнению его правильность (хотя и будучи настроенным к евреям дружелюбно). Он просто полагает, что в основе упрека, брошенного евреям, нет никакого преступления, совершенного с их стороны.

283. Выдержки из журналов той эпохи. См.: *Alb. M. Hyamson*. The Jews in England (1908), 274 f.

284. См. *Léon Brunschvieg*. Les juifs en Bretagne au 18. sc. in der *Revue des ét. Juives*. 33 (1896), 88 ff.

285. Les Juifs et les Communautés d'Arts et Métiers in der *Revue* 86, 75 ff.

286. *M. Maignial*. La question juive en France en 1789 (1903). В этой книге (см. p. 86 и далее) представлен богатый материал, на основании которого можно понять враждебное отношение французских купцов к евреям в XVII XVIII веках.

287. Requête des marchands et negociant de Paris contre l'admission des Juifs (1777), p. 14.

288. *G. Maignial*. La question juive, 92.

289. Мнение депутата Вегелина, высказанное в шведском парламенте, приводит Эрнст Мейер, см.: *Ernst Meyer*. Die Literatur für und

wider die Juden in Schweden im Jahre 1815 в Monatsschrift. 51 (1907), 513 ff. 522.

290. *Czacki*. Rosprawa o Zydach, 82 ff.; На это ссылается Грец: *Graetz*. G. d. J. 9, 443 ff. Почти дословно эти жалобы содержатся в материале о Румынии, см.: *Verax*. La Roumanie et les Juifs. 1903.

291. *Phil. von Sittewalds* Gesichte a. a. O.

292. *Georg Paul Hönn*. Betrugs-Lexicon, worinnen die meisten Betrügereyen in allen Ständen nebst denen darwider guten Theils dienenden Mitteln entdeckt von... Dritte Edition. 1724.

293. Allgemeine Schatzkammer der Kaufmannschaft oder vollständiges Lexikon aller Handlungen und Gewerbe 2 (1741), 1158 ff.

294. Charakteristik von Berlin. Stimme eines Kosmopoliten in der Wüste (1784), 203.

295. *J. Savary* (Œuvre posthume, continué... par *Phil. Lonis Savary*). Dictionnaire universel de commerce. 2 (1726), 447.

296. Allgemeine Schatzkammer der Kaufmannschaft. 1 (1741), 17.

297. Allgem. Schatzkammer. 3 (1742), 1325.

298. Особенно хорошо об этом говорит *Р. Эберштадт*, см.: *Rud. Eberstadt*. Französ. Gewerberecht (1899), 378 ff.

299. (*Dan. Defoe*). The Complete English Tradesman. 1. ed. 1726. Я использовал первый том второго издания, вышедшего в 1727 году, и второй том пятого издания, вышедшего в 1745 году, то есть уже после смерти автора, скончавшегося в 1731 году. Если иметь в виду второе издание, то приведенный отрывок содержится на р. 82.

300. Allg. Schatzkammer usw. 3, 148.

301. Allg. Schatzkammer usw. 4, 677.

302. Allg. Schatzkammer usw. 3, 1325.

303. Allg. Schatzkammer usw. 3, 1326.

304. Allg. Schatzkammer usw. 1, 1392.

305. См. в высшей степени поучительное девятнадцатое письмо (во втором издании; в пятом издании ему соответствует двадцать второе письмо («Of fine shops and fine shews»).

306. *Jules de Bock*. Le Journal à travers les âges (1907), 30 ff. О нем упоминает *F. Kellen*. Studien über das Zeitungswesen (1907), 253.

307. Богатый материал главным образом английского происхождения представлен в работе *Генри Сэмпсона*, см.: *Henry Sampson*. A History of Advertising from the earliest times, 1875. Особенно см. р. 76, 83 и далее.

308. *Mal. Postlethwayt*. A universal Pictionnary of Trade and Commerce. 2 Vol. 1741, 2. ed. 1767, 1, 22 f. (Хотя автор и называет свою работу переводом словаря Савари, однако благодаря многочисленным дополнениям она представляет собой вполне самостоятельное произведение, которое, мимоходом говоря, является бесценным источником для описания экономической жизни в Англии в XVIII веке).

309. *Savary*. Dict. du Comm. (1726). Suppl. 1732.

310. *P. Datz*. Histoire de la Publicile (1894), 161 ff. В этой работе со-держится факсимиле самых первых номеров рекламных листовок.

311. Allg. Schatzkammer usw. 4, 677.
312. Compl. Engl. Tradesmann. 5. ed. 2, 163.
313. Arch. Nat. M. 802 mitgeteilt bei *G. Martin*. La grande industrie sous Louis XV (1900), 247 f.
314. *Jos. Child*. A new discourse of trade. 4. ed. P. 159.
315. Сочинения этого автора напечатаны вместе с трудами *Венути* и *Фабуано* в Compendio utilissimo di quelle cose le quali a nobili e christiani mercanti appartengono. 1561.
316. (*Mercier*). Tableau de Paris. 11 (1788), 40.
317. Цит. по: *Just. Godard*. L'ouvrier en sole. 1 (1899), 38/39.
318. Memoirs of the Rev. *James Fraser*. written by himself. Select. Biographies. 2, 280. Цит. по: *Bukle*. Geschichte der Zivilisation 2², 377.
319. Durhams Exposition of the Song of Solomon. P. 365; Цит. по: *Bukle*, а. а. О.
320. Allgemeine Schatzkammer. 4 (1742), 666 ff.
321. См., например, *B. Mercier*. Tableau de Paris. 2, 71 ff. (Ch. CXCVIII).
322. В своей памятной записке по случаю учреждения Национального банка С. Лэмб противопоставляет размытую деловую мораль английских торговцев солидности, например голландцев. Этот документ напечатан в *Somers Tracts*. 6, 444 f.
323. Об этом говорит *О. Феллтхэм* в своих *Observations*, появившихся в 1652 году. Цит. по: *Douglas Campbell*. The Puritan in Holland, England and America. 2 (1892), 327.
324. Упрек в том, что евреи скупают краденое, раздавался уже в раннем средневековье и продолжается вплоть до нашего времени. См.: *B. G. Caro*. Soz. und Wirtschaftsgesch. der Juden. 1 (1908), 222; *Bloch*. Les juifs (1899), 12. Allgem. Schatzkammer Art. «Juden». *J. H. G. von Justi*. Staatswirtschaft. 1 (1758), 150. Многочисленные подтверждения, касающиеся Германии, приводит Г. Либбе, см.: *G. Liebe*. Das Judentum in der deutschen Vergangenheit. 1903. В ходе нашего изложения я еще вернусь к этому моменту и отошлю читателя к другим местам.
326. Согласно книге протоколов португальской общины в Гамбурге см.: *A. Feilchenfeld*. Die älteste Geschichte der deutschen Juden in Hamburg, in der Monatsschrift. 43 (1899), 279.
326. Из «проповеди» Гейлера фор Кайзерсберга на 93-летие «Корабля дураков» *Себастьяна Брандта* (в собрании «Kloster». Bd. 1, S. 722). Издано Й. Шейбле. См. Также: *Oskar Franke*. Der Jude in den deutschen Dichtungen des 15., 16. und 17. Jahrhunderts, 1905 (особенно 4-й раздел).
327. См.: *Albion Morris Dyer*. Points in the first chapter of New York Jewish History (Am. Jew. Hist. Soc. 8, 44).
328. Об этом говорил В. Усселинкс в сообщении Генеральным Штатам. См.: *Jameson* in Am. Jew. Hist. Soc. 1, 42. Об Усселинксе см.: *E. Laspeyres*. Volksw. Ans. d. Niederlande (1863), 59 ff.
329. *Savary*. Dict. du Commerce. 2 (1726), 449.

330. Сообщение Иоанна Мегалопенсиса (см.: Publ. Am. Jew. Hist. Soc. 8, 44).
331. *Jos. Child*. Disc. on trade; 4. ed. p. 152.
332. Об этом сообщает Р. Эренберг, см.: *R. Ehrenberg*. Große Vermögen. 2. Aufl. S. 147 f.
333. (*König*). Annalen der Juden in den preuß. Staaten (1790), 106–117.
334. См.: *Liebe*. Judentum, 34.
335. *Risbeck*. Briefe eines reisenden Franzosen über Deutschland an seinen Bruder in Paris. 1780. См. также: *H. Scheube*. Aus den Tagen unserer Großväter (1873), 393.
336. Об отношении евреев к христианам в немецких торговых городах см. *ibid.* S. 171, 252, 270, 272.
337. См. прошение, поданное купцами города Нанта: *Revue des ét. juives* 33, 111 ff.
- 337a. *Hild. Bodemeyer*. Die Juden. Ein Beitrag zur Hannoverschen Rechtsgeschichte (1855), 68.
338. См.: *Alb. Wolf*. Etwas über jüdische Kunst und ältere jüdische Künstler in den Mitteilungen zur jüdischen Volkskunde; herausgeg. von M. Grunwald. N. Reihe. 1. Jahrgg. 1. Heft (1905), 34.
339. О памятной записке городского совета сообщает Эренберг, см.: *Ehrenberg*. Grosse Werm. ², 147 f.
340. Документы представлены в: *Kracauer*. Beiträge zur Geschichte der Frankfurter Juden im 30 jährigen Kriege in der Zeitschrift für die Gesch. d. J. in Dld. 8 (1899), 147 f. *Schudt*. Merkwürdigkeiten 2, 164.
341. (*König*). Annalen. 97, 100–117.
342. Versuch über die jüdischen Bewohner der österreichischen Monarchie (1804). 83. Das Buch enthält viel wertvolles Material.
343. *Lud. Holst*. Judentum in allen dessen Teilen aus einem staatswissenschaftlichen Standpunkte betrachtet (1821), 293/94.
344. «...Парижские старьевщики, которые в большинстве своем евреи...». *Noel du Fail*. Contes d'Eutrapel, XXIV. Цит. по: *Gust. Fagniez*. L'économie sociale de la France sous Henry IV (1897), 217.
345. (*Mercier*). Tableau de Paris. 2, 253 f. Ch. CLXXXII.
346. *Romani*. Eines edlen Wallachen landwirtschaftliche Reise durch verschiedene Landschaften Europas. Zweyter Theil. 1776. S. 150. См. также: *Schudt*. Merkwürdigkeiten. 2, 164.
347. Über das Verhältnis der Juden zu den Christen in den deutschen Handelsstädten (1818), 184.
348. *Jules de Bock*. Le Journal à travers les âges (1907), 30 ff. Цит. по: *T. Kellen* in den Studien über das Zeitungswesen (1907), 253.
349. *Max J. Kohler*. Jewish Life in New York before 1800 (Publ. Am. Jew. Hist. Soc. 8, 82).
350. *Bloch*. Les juifs (1899), 30.
351. *Alb. M. Hyamson*. The Jews in England (1908), 274 f.
352. *Salomon Kahn*. Les juifs de Montpellier au 18. siècle in der *Revue des ét. Juives*. 33 (1896), 290.

353. *Léon Brunschvig*. Les juifs en Bretagne au 18. sc. in der Revue. 83, 111 ff.
354. Requête des marchands et négociants de Paris contre l'admission des juifs (1777), abgedruckt bei Maignial. 1. c. P. 234.
355. *L. Kahn*. Les juifs de Paris au XVIII sc. (1894), 71.
356. *Justin Godard*. L'ouvrier en soie (1899), 224.
357. Заключение Вегелина см.: Monatsschrift. 61, 522.
358. *Czacki*. Rosprawa o Zydach, 82 ff. См.: *Graetz*. Gesch. d. Juden. 8, 445.
359. (*König*). Annalen, 97.
360. *Friedr. Bothe*. Beiträge z. Wirtsch.-u. Soz.-Gesch. d. Reichsstadt Frankfurt (1906), 74.
361. Цит. по: *Liebe*. Judentum, 91 f.
362. *Romanis* Landw. Reise. 2 (1776), 147.
363. Geschichte der Juden in der Reichsstadt Augsburg (1803), 42ю
364. *F. von Mensi*. Die Finanzen Österreichs von 1701–1740 (1890), 367.
365. Allg. Schatzkammer. 2, 1159.
366. См. прим. 328.
367. См. прим. 321.
368. См. прим. 322.
369. Revue des ét. juives 33, 111 f. *Sal. Kahn*. Les juifs de Montpellier au XVIII siècle, 1. c. p. 289.
370. Le cri du citoyen contre les juifs de Metz (18. sc.) Цит. по: *Maignial*. 1. c., 234.
371. *Bothe*. Beiträge, 74.
372. См. прим. 323.
373. Цит. по: *Liebe*. Judentum, 91 f.
374. *N. Roubin*. La vie commerciale des juifs contadines en Languedoc. Revue des ét. juives Vol. 34, 35, 36.
375. Juden, in d. Deutschen Handelsstädten (1818), 254.
376. Bericht der Kriegs- und Domänenkammer über den Wirtschaftl. Niedergang des Herzogtums Magdeburg. Цит. по: *Liebe*. Judentum, 91.
377. Juden, sind sie der Handlung schädlich? (1803), 25.
378. *Graetz*. Gesch, d. Jud. 9, 445.
379. *Romanis* Landwirtschaftl. Reise 2 (1776), 148.
380. Ich verdanke den Hinweis auf diese Stelle der Freundlichkeit des Herrn Josef Reizmann.
381. *Child*. Disc. on trade, 152.
382. Hyamson. 1. c. p. 274 f.
383. Revue des ét. juives 33, 290.
384. *Ludolf Holst*. Judentum (1821), 290.
385. Juden in den deutschen Handelsstädten (1818), 239.
386. *Lud. Holst*. a. a. O. S. 288.
387. Rev. des ét. juives Vol. 36.
388. Rev. des ét. juives 33, 289.
389. (*König*). Annalen, 90.

390. Aus der am 9. Jan. 1786 von der ungarischen und siebenbürgischet Hofkanzlei abgefaßten Denkschrift (Mitteilung des Herrn Jos. Reizmann).

391. Данные государственного архива согласно изысканиям Людвига Давидсона.

392. «В Соединенных Штатах самой отличительной чертой еврейской торговли является большое количество универмагов, управляемых еврейскими фирмами» (Из статьи «Коммерция» в Еврейской энциклопедии. 4, 192).

393. См., например, список фирм, представленных в: *Jul. Hirsch. Das Warenhaus in Westdeutschland. 1910.*

394. *Juden, sind sie der Handlung schädlich? (1803), 33.*

395. *Henry Sampson. A history of advertising (1875), 68.*

Глава девятая

ФУНКЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

396. Здесь эта тема освещается отрывочно. Более подробно она рассматривается в моей статье: *Der kapitalistische Unternehmer // Archiv für Soz. Wiss. u. Soz. Pol. Band 29.*

Глава десятая

ОБЪЕКТИВНАЯ ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ ЕВРЕЕВ К КАПИТАЛИЗМУ

397. *M. Kayserling. The Jews in Jamaica // Jew. Quart. Rev. 13, 708 ff.*

398. Обзор еврейских мировых торговых домов и их ответвлений дает Манассия бен Израиль в своей памятной записке, адресованной Кромвелю. История отдельных семейств подробно излагается в «Еврейской энциклопедии», которая, конечно же, представляет особую ценность именно своими биографиями. В остальном мы отсылаем к общей и специальной литературе, посвященной еврейскому вопросу.

399. Согласно *Lettres écrites de la Suisse, d'Italie etc. Enc. méth. Manuf. 1, 407.* См. также: *den Ausspruch Jovets, den Schudt. Jüd. Merkw. 1, 228* anführt.

400. *The Spectator. Nr. 495, 7 (1749), 88 f.*

401. *Revue historique. 14 (1890).*

402. См., например: *B. Graetz. G. d. J. 5². 323 ft.*

403. Все упомянутые имена еврейских дипломатов каждому из нас хорошо известны из истории, и число таких примеров можно было бы легко увеличить. Тому же, кто хочет более основательно познакомиться-

ся с этой темой, мы рекомендуем прежде всего упомянутый труд Греца, где собран богатейший материал (см., например: Bd. 6, S. 85, 224 ff.; Bd. 8, Кар. 9, S. 360 ff.), а также указан путь к специальной литературе и первоисточникам.

404. *M. Kayserling*. Chr. Columbus (1894), 106.

405. *H. J. Koenen*. Geschiedenes der Juden in Nederiand (1843), 206 ff.

406. *Edm. Bonnaffé*. Dict. des amateurs français au XVII. siècle (1881), 191 f.

407. Согласно Procop's B. G. I 8, 16: *Friedländer*. Sittengeschichte Roms. 3⁵, 577.

408. (*v. Kortum*). Über Judentum und Juden (1795), 165.

409. (*v. Kortum*). a. a. O. S. 90.

410. Revue des ét. juives. 23 (1891), 90.

411. *M. de Maulde*. Les juifs dans les Etats français du Saint-Siège etc. 1886. О правовом положении евреев довольно часто очень хорошие сведения сообщает историческая литература, посвященная еврейскому вопросу (так как почти все авторы вообще не знают никакой другой «истории», кроме правовой, и почти всегда как раз тогда пишут историю права, когда собираются писать историю экономики). Особенно много законодательного материала содержится в статье *Крюницца* «Евреи» (Bd. 31), а также в упомянутой работе *Шудта*, особенно в том, что касается города Франкфурта. Относительно Франкфурта см.: *Halphen*. Recueil des lois etc. concernant les Israelites. 1851; Относительно Пруссии см.: *L. von Rönne und Heinr. Simon*. Die früheren und gegenwärtigen Verhältnisse der Juden in den sämtlichen Landesteilen des Preußischen Staates usw. 1843. (Законоположения, которые я привожу в своем тексте, взяты из этого собрания). См. также: *Alfr. Michaelis*. Die Rechtsverhältnisse der Juden in Preußen seit dem Beginn des 19. Jahrh. Gesetze, Erlasse, Verordnungen, Entscheidungen, 1910.

412. См., например: *B. Bento Carqueja*. O capitalismo moderno e as suas origens em Portugal (1908). 73 ff., 82 ff., 91 ff.

413. *Wagenaar*. Beschrijving van Amsterdam Dl VIII bl. 127. Кроме источников, о которых упоминает *Кунен*, о богатстве голландских евреев сообщается также (конечно же, с явным преувеличением; см. в этой связи сочинение Де Пинтоса на с. 292) в уже упоминавшейся работе *Шудта*: *Joh. Jac. Schudt*. Jüdische Merkwürdigkeiten usw. 1 (1714), 277 ff., 4 (1717), 208 f. См. также: *Max. Missions*. Reise nach Italien (1713), 43. Из новых монографий можно упомянуть: *M. Henriquez Pimentel*. Geschiedkundige Aanteekeningen betreffende de Portugesche Israeliten in den Haag (1876), 34 ff.

414. *Glückel von Hameln*. Memoiren. 134 ff.

415. *Savary*. Dict. 2 (1726), 448.

416. *L. Wolf*. The Jewry of the restauration 1660–1664; repr. from The Jewish Chronicle (1902). P. 11.

417. См. источники, особенно у Х. Рейлса: *H. Reils*. Beiträge zur ält. Geschichte der Juden in Hamburg // Zeitschr. des Ver. f. hamb. Gesch. 2

(1847), 357 ff., 380, 405. См. также: *M. Grunwald*. Portugiesengräber auf deutscher Erde (1902). 16 f., 26, 35 ff.

418. Об этом сообщает М. Грюнвальд, см.: *M. Grunwald*. Hamburgs deutsche Juden. 20. 191 ff.

419. *F. Bothe*. Die Entwicklung der direkten Besteuerung der Reichsstadt Frankfurt (1906), 166; Tab. 10 und 15.

420. *Kracauer* in der Zeitschr. f. d. Gesch. d. Judentums in Deuschl. 3 (1889), 341 ff.

421. *Alex. Dietz*. Stammbuch der Frankfurter Juden (1907), 408 ff.

422. *L. Geiger*. Geschichte der Juden in Berlin. 1 (1871), 43.

Глава одиннадцатая

ВЛИЯНИЕ ИУДЕЙСКОЙ РЕЛИГИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ

423. *M. Lazarus*. Ethik des Judentums (1904), 67. 85.

424. *Hermann Cohen*. Das Problem der jüdischen Sittenlehre. Критика «Этики иудаизма» Лазаруса (мимоходом говоря, критика уничтожающая) содержится в Monatsschrift für Gesch. u. Wiss. des Judentums. 43. Jahrgang 385 ff. (390/91).

425. Orach Chajim § 8.

426. Цит. по: *F. Weber*. Allsynagogale Theologie (1880), 273.

427. *I. Wellhausen*. Israel. und jud. Gesch., 340.

428. *Graetz*. G. d. J, 4², 411. Далее автор излагает свою односторонне оптимистическую, но тем не менее превосходную оценку Талмуда и его влияния на еврейство.

429. *J. Fromer*. Vom Ghetto zur modernen Kultur (1906), 247.

430. *M. Kayserling*. Christoph Columbus (1894), VI.

431. Das Haus Rothschild. 1(1857), 186.

432. Здесь не место более подробно вдаваться в обсуждение истории Библии, то есть в рассмотрение результатов библейской критики. Поэтому я ограничусь только упоминанием некоторых работ из того огромного множества литературы, которое может служить введением в эту тему. Итак, см.: *Zittel*. Die Entstehung der Bibel, 5. Aufl. 1891. Что касается истории Пятикнижия, то здесь прежде всего см.: *Adalbert Merx*. Die Bücher Moses und Josua. 1907 и *Ed. Meyer*. Die Entstehung des Judentums. 1896.

433. *Lic. W. Frankenberg*. Die Sprüche übers, und erläut. im Handkommentar zum A. T. her. von *D. W. Nowack*. II. Abt. 3. Bd. 1. Teil. Там же, а именно на с. 16 приводится библиография, касающаяся литературы мудрости. См. также: *Henri Trabaud*. La loi mosaïque, ses origines et son développement (1903), 77. Автор понимает «мудрость» как попытку несколько смягчить строгий закон.

434. Натиск разрушающего эллинистического духа и борьбу против него древнего еврейства с еврейской же точки зрения рассматрива-

ет М. Фридлиндер, см.: *M. Friedländer. Geschichte der jüdischen Apologetik. 1903.* Существуют также многочисленные христианско-богословские рассмотрения этой эпохи.

435. Литература о Талмуде составляет целую библиотеку, что, собственно, неудивительно. Поэтому я опять-таки назову только некоторые произведения, необходимые в первую очередь. Первое место среди них занимает сочинение Германа Штрака, см.: *Herm. L. Strack. Einleitung in den Talmud. 4. Aufl. 1908.* В этой работе содержится подробная библиография. Обзор литературы, посвященной «талмудическому учению о долге» (которое особенно важно для наших целей), представлен в работе Штейна, см.: *Salo Stein. Materialien zur Ethik des Talmud. 1904.* Надо сказать, что серьезные знатоки Талмуда могут усомниться в ценности этой библиографии. В последнее время Талмудом (равно как библейской и позднейшей раввинской литературой) глубоко занимаются несколько авторов. Здесь можно назвать Я. Фромера с его интересной книгой, которая может служить как введение к задуманной им симфонии Талмуда. См.: *Jac. Fromer* в его интересной книге «*Die Organisation des Judentums*», 1908. Из более старых работ по истории религии, с особой основательностью рассматривающих источники и дающих их обозримый свод, прежде всего надо упомянуть трехтомник Е. Шулера, см.: *E. Schüler. Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi. 3 Bände. Der erste Band (2. Aufl. 1890).* В первом томе (2-е издание 1890 года), в третьем параграфе содержится очень обстоятельный перечень первоисточников. Кроме того, общие истории еврейства (особенно работа Греца) представляют собой удобные введения в еврейскую духовную литературу.

436. В отличие от перевода Талмуда, хорошего перевода еврейского сочинения Шулхан Арух мы пока, к сожалению, не имеем. В настоящее время нам приходится довольствоваться переводом Лёве, опубликованном в 1837 году. Данный перевод не отличается полнотой и, кроме того, он не свободен от тенденциозности. Новое издание данного перевода представляет собой поделку, лишенную какой-либо ценности. Что касается переводов Orach Chajim и Jore Deah, выполненных раввином Ледерером (2-е издание вышло в 1900 году), то они, к сожалению, неполностью переведены на немецкий язык.

Новоязычные переводы Шулхан Арух почти везде страдают от тенденциозного памфлетного характера: данное произведение с удовольствием используют антисемиты как некую «сокровищницу», и еврейским ученым почти всегда приходится отражать атаки антисемитски настроенных памфлетистов. Сюда относятся: *Ad. Lewin. Der Judenspiegel des Dr. Justus 1884* и *D. Hoffmann. Der Schulchan Aruch und die Rabbiner über das Verhältnis der Juden zu Andersgläubigen. 1885.* Таким образом, в качестве основы для объективно-научного изложения почти ничего не остается, и тем не менее Шулхан Арух в той же мере заслуживает основательного научного рассмотрения, в какой его заслуживает Талмуд. Единственной известной мне работой строго научного направления остается статья З. Бэка, см.: *S. Back. Die*

religionsgeschichtliche Literatur der Juden in dem Zeitraume vom 15.—18. Jahrh. 1893.

Кроме того, можно использовать 2-й том труда Винтера и Вюнше, см.: *Winter und Wünsche*. Die jüdische Literatur seit Abschluß des Kanons. II. Band. Данная работа рассматривает своды и кодексы вместе со всеми комментариями и возражениями, однако ввиду ее незначительного объема и обилия рассматриваемого материала она в основном представляет собой лишь наброски.

437. *Paul Volz*. Jüdische Eschatologie von Daniel bis Akiba. 1903.

438. *Fürst*. Untersuchungen über den Kanon des A. T. nach den Überlieferungen in Talmud und Midrasch. 1868.

439. *L. Stern*. Die Vorschriften der Thora, welche Israel in der Zerstreuung zu beobachten hat. Ein Lehrbuch der Religion für Schule und Familie. 4. Aufl. 1904. S. 28 f. Данная книга, которую можно рассматривать как образец для других работ такого жанра, отражает современное понимание правового иудаизма; она была одобрена раввинами Гиршем и Гильдесгеймером. Я буду часто ссылаться на нее.

440. Относительно невозможности иудейской догматики см., например.: *Rabb. Sim. Mandl*. Das Wesen des Judentums (1904). S. 14. Автор опирается на исследование Й. Гутмана, который, правда, рассматривает эту проблему слишком кратко. См.: *J. Gutmann*. Über Dogmenbildung und Judentum (1894). См. также: *S. Schlechter*. The Dogmas of Judaism. In der Jew. Quart. Review 1 (1889), 48 ff., 115 ff. Как известно, Моисей Мендельсон в своем «Иерусалиме» ярко выразил мысль о том, что «в иудаизме нет никаких догматов».

441. *Stern*. а. а. О. S. 5/6.

442. *J. Döllinger*. Heidentum usw. (1857), 634.

443. *Rutilius Namatianus*. De reditu suo bei *Théod. Reinach*. Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au judaïsme Font. rer. jud. 1 (1895), 358.

444. *L. Stern*. а. а. О. S. 49. *S. R. Hirsch*. Jissroci's Pflichten usw. 4. Aufl. 1909. § 711.

445. См.: *P. Weber*. Altsynagogale Theologie (1880), 49. Именно Ф. Вебер ярче всего разработал договорной аспект иудейской религии. В изложении этого момента я неоднократно опираюсь на него и, кроме того, беру из его книги несколько цитат.

446. Abolh II Anfang (в переводе *Греца*).

447. См.: *F. Weber*. а. а. О. S. 270 ff., 272 ff.

448. *F. Weber*. а. а. О. S. 292 ff.

449. *R. Jos. Albo*. Buch Ikkarim. Grund- und Glaubenslehren der mosaïschen Religion (15. Jahrh.). Немецкий перевод выполнен В. Шлессингером и Л. Шлезингером в 1844 году. См. 46 и следующие главы, где эта проблема рассматривается со всех сторон. В этой книге содержится самое подробное из известных мне изложений учения о воздаянии.

450. *S. R. Hirsch*. Versuche über Jissroëls Pflichten in der Zerstreuung. 4. Aufl. 1909. Kap. 13; insbes. § 100, 105.

451. *J. F. Schröder*. Talmudisch-rabbinisches Judentum (1851), 47 f.
452. *Graetz*. G. d. J. 2 II, 203 ff. und Note 14. Из более новой (христианской) литературы см.: *J. Bergmann*. Jüdische Apologetik im neutestamentlichen Zeitalter (1908), 120 ff. О духе древнееврейского вероучения см.: *J. Wellhausen*. Israel. und jüd. Gesch. 15. Kapitel.
453. *Herm. Deutsch*. Die Sprüche Salomons nach der Auffassung in Talmud und Midrasch. I. einl. Tefl. 1885.
454. *J. Fr. Bruch*. Weisheitslehre der Hebräer (1851), 135.
455. Rabb. *Sinai Schiffer*. Das Buch Kolielet. Nach d. Auffassung der Weisen des Talmud und Midrasch usw. Teil I. 1884.
456. Развитие иудейской религии в сторону номократии вполне удовлетворительно освещают все труды по истории религии и почти все работы по общей истории. Упомяну следующие сочинения: *J. Wellhausen*. Isr. u. jüd. Gesch., 250, 339 ff. *Graetz*. G. d. J. 4², 233 ff. 5², 174 ff. Далее можно назвать известные работы *Мюллера*, *Шюрера* и *Марму*.
457. Rabb. *Sim. Mandl*. Das Wesen des Judentums (1904), 14.
458. *S. R. Hirsch*. Jissroëls Pflichten. 4. Aufl. 1904. § 448.
459. Перечень подобных изречений из талмудическо-раввинской литературы приводит З. Шаффер, см.: *Schaffer*. Das Recht und seine Stellung zur Moral nach talmudischer Sitten- und Rechtslehre (1889), 28 ff.
460. *M. Lazarus*, из работы которого («Ethik des Judentums», 22, 1904) приводятся эти места, хорошо развивает мысль о том, что быть святым значит преодолевать человеческие инстинкты, хотя нельзя не ощутить заметное стремление автора в конечном счете отождествить этику иудаизма с этикой Канта.
461. Kidd. 30 b; B. B. 16 a.
462. См.: *S. Schaffer*. Das Recht und seine Stellung zur Moral nach talmudischer Sitten- und Rechtslehre (1889), 54.
463. См.: *Hirsch B. Fassel*. Tugend- und Rechtslehre des Talmud (1848), 38.
464. Об этом подробно говорит Йос. Альбо, см.: Rabb. *Jos. Albo*. Buch Ikkarim; Kap. 24 ff.
465. *S. Bäck*. Die religionsgeschichtl. Literatur der Juden usw. (1893). Vorwort.
466. *M. Lazarus*. Die Ethik des Judentums (1904), 20 ff.
467. *L. Stern*. Die Vorschriften d. Thora 4. Aufl. 1904. Nr. 126.
468. *R' Nathans* Ethik XXI. 5.
469. *G. Fr. Oehler*. Theologie des A. T. 3. Aufl. 1891. S. 878.
470. *M. Lazarus*. Ethik des Judentums, 40. Lasarus verdeutlicht diesen Grundsatz durch die Analyse der Zwei Büchsen-Sitte des Mischan abelim (eines jüdischen Unterstützungsvereins in Berlin).
471. *R' Nathans* Ethik XVI (i. übers.). S. 76.
472. *L. Stern*. Die Vorschriften der Thora (1904), Nr. 127 a.
473. Отрывки, в которых прославляется работа, содержатся в *L. K. Amitai*. La sociologie selon la législation juive (1905). 90 ff.

474. S. R. Hirsch. Jissroels Pilichlen (1909), § 448. В оригинале эти слова набраны вразрядку.
475. S. R. Hirsch. а. а. О. § 463.
476. L. Stern. а. а. О. S. 239.
477. S. R. Hirsch. а. а. О. § 443; fast gleichlautend Stern, а. а. О. Nr. 125, 126 und öfters.
478. J. Fromer. Vom Ghetto zur moderner Kultur (1906). 25 ff.
479. Это произведение было издано в 1556 году в латинском переводе Гаффарели. См.: Der Iggeret ha-kodesch des R'Nachmani ist zuerst herausgegeben 1556; ins Lateinische übersetzt von Gaffareli. Graetz. G. d, J. 7², 46.
480. S. R. Hirsch. а. а. О. § 263; vgl. § 264, 267.
481. Цифры представлены *Гуго Натансоном*, см.: Juden in der Zeitschr. f. Dem. u. Stat. der Juden. 6 (1910), 102 f.
482. Sigm. Freud. Sammlung kleiner Schritten zur Neurosenlehre, Folge. 1909.
483. См., например: Dr. Hoppe. Die Kriminalität der Juden und der Alkohol in der Zeitschr. f. Dem. u. Stat. d. Juden. 3. Jahrg. (1907), 38 ff., 49 ff. H. L. Eisenstädt. Die Renaissance der jüdischen Sozialhygiene im Archiv f. Rassen- u. Gesellschaftsbiologie. 5 (1908), 714 ff. L. Gheinissee. Die Rassenpathologie und der Alkoholismus bei den Juden in der Zeitschr. für Dem. usw. C. Jahrg. (1910). 1 ff. Предположение о том, что прежде религия действительно удерживала евреев от алкоголизма (равно как и от заболевания сифилисом), с большой вероятностью можно принять как обоснованное: достаточно, например, в больницах сравнить только что поступивших евреев (то есть чужих) с уже там находящимися, как в Париже это делал Zadoc-Kahn.
484. J. Wellhausen. Isr. u. jud. Gesch., 119.
485. Cicero. pro Flacco c, 28.
486. Mommsen. R. G. 5, 545.
487. Felix Stähelin. Der Antisemitismus des Altertums. 1905. См. также Reinach. Fontes.
488. J. Bergmann. Jüdische Apologetik im neutestamentlichen Zeitalter (1908), 157 ff.
489. Graetz. G. d. J. 5², 73.
490. Graetz. G. d. J. 5², 321.
491. Graetz. G. d. J. 6, 140 ff., 161.
492. Joh. Heicl. Das alttestamentliche Zins verbot usw. (Biblische Stud., herausgegeben v. O. Bardenhewer. XII. Band. 4. Heft. 1907). Автор делает обобщающее изложение законодательства о процентах в древнем еврейском праве.
493. Hoffmann in Schmollers Forschungen. Band 152.
494. Hirsch B. Fasse. Tugend- und Rechtslehre des Talmud (1848), 193 ff. E. Grünebaum. Die Sittenlehre der Juden anderen Bekenntnissen gegenüber (2. Aufl. 1878), 414 ff. Бросается в глаза, что все перечисленные работы отличаются неполнотой, а отчасти можно предположить, что тот или иной автор не может отделаться от тенденциозности. На-

пример, то, что Лазарус говорит в третьей главе своей «Этики», поднимая вопрос о долге Израиля по отношению к чужеземцу, делает, конечно же, всяческую честь его человеколюбивому сердцу, однако с исторической правдой он обращается весьма произвольно. Едва ли допустимо так просто обходить стороной все источники, которые противоречат отстаиваемому мнению.

495. «Когда предстанет человек перед своим небесным Судией, тот прежде всего спросит его: „Был ли ты честен и добросовестен в делах своих?“» Sabb. 31 а. Это положение из Талмуда Штарк использует как девиз для своего сочинения, в котором рассматривает отрывки, касающиеся добросовестности в делах, см.: Rabb. Stark. Das biblisch — rabbinische Handelsgesetz (частное издание).

496. Graetz. G. d. J., 10, 62 ff, 81.

497. Graetz. G. d. J., 9, 86 ff., 213 ff. 10, 87 ff. Alb. M. Hyamson, Hist. of the Jews in England (1908), 161 ff. Jew. Quart. Rev. 3 (1891), 61.

Глава двенадцатая ЕВРЕЙСКАЯ САМОБЫТНОСТЬ

498. См. недавно появившуюся резкую критику Вудворта: R. S. Woodworth. Racialdifferences in mental traits. Ref. im Bulletin mensuel des Institut Solvay. 1910. Nr. 21.

499. Anat. Leroy-Beaulieu. Israël chez les nations (1893), 289.

500. H. St. Chamberlain. Die Grundlagen des 19. Jahrh. 3. Aufl. 1901. S. 457 f.

501. Я не собираюсь подробно вдаваться в спор относительно различных, отчасти взаимоисключающих, отчасти совпадающих значений слов «народ», «нация», «национальность». Заинтересованный читатель сможет отыскать все необходимое, касающееся этой проблемы, в превосходном исследовании Фр. Нойманна, см.: Fr. J. Neumann. Volk und Nation. 1888. Новые ценные разработки содержатся в сочинении Отто Бауэра, см.: Otto Bauer. Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie, 1907, а также в труде Феликса Розенблюта, см.: Felix Rosenblüth. Zur Begriffsbestimmung von Volk und Nation. Heidelberg In.-Diss. 1910.

502. Ad. Jellinek. Der jüdische Stamm in Sprichwörtern. 2. Serie (1882), 18 ff., 91.

503. J. Zollschan. Das Rassenproblem unter besonderer Berücksichtigung der theoretischen Grundlagen der jüdischen Rassentrago (1910), 298.

504. Ad. Jellinek. a. a. O. und 3. Serie (1885). S. 39.

505. Juan Huarte de San Juan. Exam. de ingenios (Bibl. de aut. esp. LXV. 409 ff.).

506. Ad. Jellinek. Der jüdische Stamm (1869), 37. Эта книга известного венского раввина принадлежит к самому лучшему, что было написа-

но о еврейском характере. Далее среди сочинений, посвященных рассмотрению характерологических особенностей евреев, выдающееся место занимает небольшая книга Д. Хвольсона, см.: *D. Chwolson. Die semitischen Völker* (1872). Автор главным образом спорит с Ренаном, см.: *Rénans. Histoire générale et Système comparé des langues Sémitiques* (1855). В качестве третьего человека, глубоко и ясно видевшего еврейскую душу, я хотел бы назвать Карла Маркса (*Die Judenfrage*. 1844). Все, что эти три человека, сказали о еврейском характере (отметим, что все трое были евреями), не представляет собой одних лишь повторений или искажений.

507. О евреях-математиках см.: *Mor. Steinschneider. In der Monatschrift* 49–51 (1905–1907).

508. О евреях-врачах см.: *M. Kayserling. Zur Gesch. d. jüd. Ärzte in der Monatsschrift* 8 (1859) und 17 (1868).

509. *J. Zollschan. Das Rassenproblem* (1910), 159.

510. *Chr. Lassen. Indische Altertumskunde*. 1 (1847), 414 ff.

511. *Pinto. Réflex, etc. in den Lettres de quelques juifs*. 1⁵, 19.

512. *J. M. Jost. Geschichte des Judentums und seiner Sekten*. 3 (1859), 207 ff. В этой работе автор пытается связать различное отношение к мессианским чаяниям, наблюдавшееся у обеих групп, с их различной «подвижностью».

513. *Derech Erez Sutta. Cap. VIII. Übers. Abr. Tawrogi* (1885), 38.

514. *Megilla, 16. Übers. Jellinek. a. a. O. S. 165.*

515. *Midrasch Rabba Gen. I c. 44. Übers. Fromer. a. a. O. S. 128.*

516. *M. Muret. L'esprit juif* (1901), 40.

517. *K. Knies. Credit* 1, 240. 2, 169.

Глава тринадцатая

РАСОВАЯ ПРОБЛЕМА

518. *Friedr. Martins. Die Bedeutung der Vererbung für Krankheitsentstehung und Rassenerhaltung im Arch. f. Rass. und Ges. Biologie* 7 (1910), 477.

519. В относительно новой литературе, предметом которой является исследование этнологическо-антропологической праистории евреев, выделяется книга Лушана, см.: *Luschan. Die anthropologische Stellung der J. im Korrespondenzblatt für Anthropologie*. 23 (1892). С этой работой впоследствии был связан целый ряд антропологических исследований, самым ценным из которых является обобщающее исследование Юдта, см.: *Judt. Die Juden als Rasse*, 1903.

Другие работы я назову по ходу изложения. Исторический аспект проблемы хорошо изложен в работе Э. Мейера, см.: *Ed. Meyer. Die Israeliten und ihre Nachbarstämme*, 1906. Из более ранних сочинений не утрачивает своей самобытной значимости труд А. Бертоле, см.:

A. Bertholet. Die Stellung der Israeliten und der Juden zu den Fremden, 1896.

Разумеется, необходимо принять в рассмотрение и богатую литературу «вавилонян»: работы Винклера, Иеремиааса и др.; из последних трудов уместно назвать книгу В. Эрбта, см.: *W. Erbt*. Die Hebräer. Kanaan im Zeitalter der hebräischen Wanderung und hebräischen Staatengründung. 1900.

520. *H. V. Hilprecht*. The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania. Ser. A. Cuneiform Texts. Vol. IX (1898), 28. 29; *idem*. Explorations in Bible Lands during the 19th Century (1903), nam. 409 f.

521. См., например: *Luschan*. Zur phys. Anthropologie der Juden in der Zeitschr. für Dem. u. Stat. d. J. 1 (1905), 1 ff.

522. Главным представителем «повсеместного» присутствия германцев является Людвиг Вильзер, изложивший свое воззрение во многочисленных сочинениях, но самым подробным образом в своей книге «Германцы», вышедшей в 1903 году. Против его теории вполне обоснованно возражает Цолльшан, см.: *Zollschan*. Das Rassen-Problem (1910). Например, S. 24 f.

523. *Mommsen*. R. G. 5, 549.

524. *Graetz*. G. d. J. 5, 188 ff. 330 ff. 370 ff.

525. *Graetz*. G. d. J. 7, 63.

526. *E. H. Lindo*. Mist. of the Jews of Spain etc. (1848), 10 ff.

527. Против Генигера, отстаивавшего данную точку зрения в Кельне, решительно восстала целая толпа еврейских писателей, таких, как Лау, Бранн, Кейссен, и в последнее время Кюбер. См.: *Ad. Kober*. Studie zur mittelalterlichen Gesch. der J. in Köln a. Rh. (1903), 13 f.

528. *Maurice Fishberg*. Zur Frage der Herkunft des blonden Elements im Judentum in der Ztschr. f. D. u. St. 3 (1907), 7 ff, 25 ff. Против Фишберга в том же журнале (3, 92 ff.) выступает Э. Ауэрбах, см.: *Elias Auerbach*. Bemerkungen zu F.s Theorie usw.

529. Такой точки зрения, в основном, придерживается Ф. Софер, см.: *F. Sofer*. Über die Plastizität der menschl. Rassen im Arch. f. Nass. u. Ges. Biol. 5 (1908), 660.

См. также: *Ellas Auerbach*. Die jüd. Rassenfrage ebenda 4, 359; *v. Luschan* (mit einigen Einschränkungen) eb. 4, 370; *Zollschan*. a. a. O. S. 125, 134.

530. См. результаты, к которым приходит Юдт. а. а. О. Ср. с *A. D. Elkind*. Die Juden. Eine vergleichend-anthropologische Untersuchung, 1903. Данное произведение я знаю только по *Weinberg* im Arch. f. Rass. u. Ges. Biol. 1 (1904), 915 f. См. также: *Desselben*. Aufsätze, Anthropol. Untersuchungen über die russ.-poln. Juden usw. in der Zeitschr. f. D. u. St. d. J. 2 (1906), 49 ff., 65 ff. und Versuch usw. Ebenda 4 (1908), 28 f.; *Leo Sofer*. Zur anthropol. Stellung der J. in der Pol. anthrop. Revue, 7. Jahrg. (Реферат на эту статью находится в Ztschr. f. D. u. St. d. J. 4, 160); *El. Auerbach*. Die jüdische Rassenfrage im Arch. f. Rass. u. Ges. Biol. 4 (1907), 332 ff; *Aron Sandler*. Anthropologie und Zionismus, 1904 (результаты из вторых рук); *Zollschan*. a. a. O. 39 ff.

531. «Расовое различие» между сефардами и ашкеназами отстаивают следующие авторы: *S. Weissenberg*. Das jüd. Rassenproblem in der Zeitschrift 1 (1905), 5. Heft; *Maur. Fishberg*. Beitr. zur phys. Anthrop. der nordafrikan. J. ebenda Hell 11; противниками такой точки зрения выступают почти все исследователи, упомянутые в 530 примечании.

532. Обзор литературы по вопросу физиологическо—патологических особенностей евреев дает Лео Софер, см.: *Leo Soter*. Zur Biologie und Pathologie der jüd. Rasse in der Zeitschrift 2 (1906), 85 ff. С момента появления этого обзора спор на эту тему разгорелся с новой силой. См. все последующие номера Zeitschrift für D. u. St. d. J.; ferner im Arch. für Rass. u. Ges. Biol. 4 (1907), 47 ff. 149 ff.; см. далее: *Rosenfeld*. Die Sterblichkeit der J. in Wien und die Ursachen der jüdischen Mindersterblichkeit (contra l).

533. *F. Hertz*. Mod. Rass. Theor. (1901), 56.

534. *C. H. Stratz*. Was sind Juden? Eine ethnographisch-anthropologische Studie (1903), 26.

535. Иллюстрации содержатся в упомянутой работе *Юдта*, а также во многочисленных книгах по археологии, истории, истории искусства и антропологии. См. также: *L. Messerschmidt*. Die Hettiter, 1903.

536. См., например: *Hans Friedenthal*. Über einen experimentellen Nachweis von Blutsverwandtschaft (1900). В настоящее время данная статья вместе с другими исследованиями автора по этой теме вышли отдельным изданием под заголовком: Arbeiten aus dem Gebiete der experimentellen Physiologie, 1908.

537. *Carl Brück*. Die biologische Differenzierung von Affenarten und menschlichen Rassen durch spezifische Blulreaktion. S.A. aus der Berliner Klinischen Wochenschrift, 1907, Nr. 26.

538. *Luschan*. Offener Briet an Herrn Dr. Elias Auerbach, im Archiv für Rassen u. Ges. Biologie 4. (1907), 371.

539. *A. Ruppin*. Die Mischehe in der Zetschr. f. D. u. St. d. J. 4, 18.

540. *Mommsen*. R. G. 5, 529.

541. *M. Braunschweiger*. Die Lehrer der Mischna (1890), 27.

542. Согласно сообщению Ибн-Байанса, см.: *Graetz*, G. d. J. 6, 22.

543. *Graetz*. G. d. J. 6, 320.

544. Gregor. Ep. IX, 36 bei *Schipper*. a. a. O. S. 16.

545. *Herzfeld*. a. a. O. S. 201.

546. Обзор иноземных товаров, продававшихся в Палестине в эпоху Талмуда, дает Герцфельд (a. a. O. S. 118 ff.). Таких товаров насчитывалось более ста видов.

547. *Alfred Bertholet*. Die Stellung der Israel. und d. Jud. zu den Fremden (1896), 2 ff.

548. См., например: *B. Büchschütz*. Besitz und Erwerb im griechischen Altertum (1869), 443 ff.

549. *Friedländer*. Sitt. Gesch. 8⁵, 571.

550. *Kidduschin* 8².

551. *Rabbi Nathans*. Ethik XXX, 6 (Übersetzung S. 107).

552. *Pešahim*. 113.

553. *Pešahim*. 50^b. См. также (правда, неклассифицированный) материал в двух статьях (не всегда свободных от тенденциозности), представленных в *J. Hamburgers Real-Encyclopädie des Judentums*, 1883 bzw. 1896.

554. *A. Bertholet*. Deuteronomium (1899) in *Martis* Kurz. Handkommentar zum A. T., Abt. 5, S. 48,

555. Возможности сослаться на эти места я обязан любезности профессора Бертоле.

556. *E. Rénan*. Les Apôtres (1866), 289.

557. *J. Wellhausen*. Medina vor dem Islam (1889), 4.

558. См., например: *B. Aronius*. Reg. Nr. 45. 62.

559. См. «старый закон Кастилии», о котором упоминает Линдо: *Lindo*. Hist. of the Jews of Spain and Port. (1848), 73.

560. Согласно *Statutes of Jewry Cunningham*, Growth 1⁴ (1905), 204.

561. См.: *Bergmann Rud. Wassermann*. Die Entw. der jüd. Bevölkerung i. d. Prov. Posen in der Zeitschr. f. D. u. St. 6 (1910), 67.

562. *F. Delitzsch*. Handel und Wandel in Altbabylon (1910), 33. Vgl. *Heicl*, Alttestamentliches Zinsverbot (1907), 32.

563. *Max Weber*. Art. Agrargeschichte im Altertum im H. St.² Vgl. *Marquardt*. Röm. Staats Verwaltg. 2, 55 ff.

564. *Alf. Jeremias*. Das alte Testament im Lichte des alten Orients. 2. Aufl. (1906), 534.

565. *P. Buhl*. Die sozialen Verhältnisse der Israeliten (1899), 88. 128.

566. Биографии талмудистов появлялись не раз. Хорошие обзоры даются у Г. Штрака (*Herm. L. Strack*. Einleitung in den Talmud. 4. Aufl. 1908), у Греца в четвертом томе упомянутого труда, а также у А. Замтера в его приложении к переводу *Baba mezia* (1876 год); см. также: *M. Braunschweiger*. Die Lehrer der Mischna, 1890 (populär).

567. *Mommsen*. R. G. 6, 529.

568. Can. 58 des 4. Toled. Konzils (633), Цит. по: *E. H. Lindo*. History of the Jews of Spain (1848), 14.

569. *J. Wellhausen*. Medina vor dem Islam. Skizzen und Vorarbeiten 4 (1889), 14.

570. Согласно Аврааму ибн-Дауду, см. *Graetz*, 5², 345.

571. См.: *Graetz*, 5², 11. 39. 50, а также места, которые приводит Шиппер, см.: *Schipper*, 30. 35. См. также: *J. Aronius*. Regesten z. Gesch. d. J. im fränkischen und deutschen Reiche bis zum Jahre 1273 (1902), Nr. 45. 62. 173. 206. 227 usw. Остается неясным, каким образом *Kapo* (S. 83) приходит к иному мнению.

572. Относительно периода времени до наступления XII века см.: *Schipper*. а. а. О.; в остальном см. относящиеся к этой теме места в моем «Современном капитализме» (1-й том).

573. *K. F. W. Freiherr von Diebitsch*. Kosmopolitische, unparteische Gedanken über Juden und Christen usw. (1804), 29.

574. Здесь опять-таки в мою задачу не входит подборка подробной библиографии, представляющей биологические, антропологические, этнологические и прочие труды, лежащие в основе современного пред-

ставления о проблеме в этих дисциплинах. Здесь я тоже ограничусь упоминанием некоторых работ, которые представляются мне наиболее важными, чтобы читатель потом, если ему этого захочется, мог, отталкиваясь от них, самостоятельно ориентироваться в этой проблеме.

Сочинения *Морица Вагнера* до сих пор мне кажутся основополагающими, хотя в каких-то деталях они могут и уступать позднейшим исследованиям. Итак, эти сочинения таковы: *Die Darwinsche Theorie und das Migrationsgesetz*. 1868; *über den Einfluß der geographischen Isolierung und Kolonienbüdung auf die morphologische Veränderung der Organismen*, 1871; aus dem Nachlaß: *die Entstehung der Arten durch räumliche Sonderung, ges. Aufsätze* 1889. Из работ *Й. Колманна* прежде всего следует упомянуть: *Betracht sein Lehrbuch der Entwicklungsgeschichte des Menschen*, 1898. Из бесчисленных трудов *А. Бастиаана* назовем: *Das Beständige in den Menschenrassen und die Spielweite ihrer Veränderlichkeit*. 1868.

575. *Ludw. Gumplowicz*. *Der Rassenkampf* 1883; *die soziologische Staatsidee*. 2. Aufl. 1901

576. Главой этой школы является *Анри де Турвиль*, ученик *Ле Пля*. Обобщающее изложение целей этого направления дает Э. Демолен, см.: *Edm. Demolins*. *Comment la route crée le type social*. Sine Anno.

577. *C. Hart. Merriam*. *Distribution of Indian Tribes etc. in Science* 17.6.1904; Цит по: *Fred. Starr*. *The Relations of Ethnologic in Congr. of Art and Science* (S. Louis 1904), 5, 546 f.

578. *Wochenschrift für Soziale Hygiene und Medizin*. 1909. Nr. 24, S. 287.

579. См.: *Ward*. *Reine Soziologie*. 1, 243 ff. (в этой работе он цитирует статью В. Холмса: *Will. H. Holmes*. *Sketch of the Origin Development and probable Destiny of the Races of Men im American Anthropologist* N. S. Vol. IV, Nr. 3, July-Sept. 1902).

580. Литературу и отчасти материал к вопросу о «расовом смешении» и его последствиях см., например: *L. Woltmann*. *Politische Anthropologie* (1903), 108 ff.

581. *Leo Soter*. *Über die Entmischung der Rassen in der Ztschr. f. D. u. St. d. J.* 1 (1905), 10 Heft. В этой работе Софер ссылается на другую, которая представлена в: *Pol. anthrop. Revue* I. Jahrgang. Nr. 6.

582. Из многочисленной литературы, освещающей проблему наследственности и особенно наследуемости приобретенных свойств, я назыву лишь некоторые работы, основательно рассматривающие эту тему. См.: *H. E. Ziegler*. *Die Vererbungslehre in der Biologie*, 1905. *W. Schallmeyer*. *Vererbung und Auslese*, 2. Aufl., 1910. *Rob. Sommer*. *Familienforschung und Vererbungslehre*, 1907. *Vr. Martius*. *Das pathologische Vererbungsproblem*. 1909.

Как известно, этот спор разгорелся вновь после появления книги Р. Земона, см.: *R. Semon*. *Die Mneme als erhaltendes Prinzip im Wechsel des organischen Geschehens*. 2. Aufl. 1908. Против него, в частности, выступил А. Вейсманн (см.: *A. Weismann*. *Semons Mneme und die*

Vererbung erworbener Eigenschaften im Arch. f. Rass. Biol. 3 (1906), а также С. Мейер (см.: *Semi Meyer*. Gedächtnis und Vererbung, ebenda.)

Ясный анализ состояния данной проблемы (в большей степени с философской точки зрения) дает Ю. Шульц, см.: *Jul. Schuitz*. Die Maschinentheorie des Lebens (1909), 193 ff.

С данным вопросом хорошо знакомит В. Бёльше, следуя характерной для него наглядной манере изложения. См.: *W. Bölsche*. Das Liebesleben in der Natur 1 (1909).

583. В исследовании проблемы «задатков» и их наследуемости особого внимания заслуживает Р. Зоммер, основная работа которого приводится в 582 примечании. Кроме того, понять его метод помогают следующие работы: *Individualpsychologie und Psychiatrie*, 1907. Die Beziehungen zwischen Psychologie, Psychopathologie und Kriminalpsychologie vom Standpunkt der Vererbungslehre in der Wochenschrift für Soziale Hygiene und Medizin, 1909. Nr. 21 ff.

584. *Em. Kant*. Von den verschiedenen Rassen der Menschen (1775) WW. ed. Hartenstein. 2.

585. *Joh. Ranke*. Der Mensch, 2, 360. См. также обобщающее изложение А. Хэддона: *Alfr. Cort Haddon*. Ethnology: its scope and problems. Congr. of Art and Science. 5, 549 ff.

Глава четырнадцатая

СУДЬБА ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА

586. До сих пор о социально-экономическом положении древней Палестины мы знаем очень мало. Самый лучший материал на эту тему можно найти в исследовании Ф. Буля, см.: *F. Buhl*. Die sozialen Verhältnisse der Israeliten, 1899.

Совсем недавно появилось небольшая работа, в которой автор делает обобщающий обзор еврейских древностей (в том числе и всего того, что касается экономики) в контексте самых последних исследований, см.: *Max Löhr*. Israels Kulturentwicklung. Mit zahlreichen Abbildungen und einer Karte, 1911.

587. *Welthausen*. Prol., 10. См. Также: *Budde*. The nomadic ideal in the O. T., 1895.

588. *F. Ratzel*. Völkerkunde 3, 47 (автор приводит некоторые примеры).

589. Kidd. 71^a согласно Graetz. 4², 273.

590. *Graetz*. G. D. 4², 321.

591. Свод цитат из Библии в своей работе дает Л. Герцфельд, см.: *I. Herzfeld*. Handelsgesch. d. J. des Altertums. Note 9.

592. Основания для такой оценки см. в упомянутой работе Буля. *Buhl*, 52 f.

593. Philo in Flaccum 6 (II 523 Mangey); *Stähelln*. Antisemitismus des Altertums, 33.

594. *L. Friedländer*. Sittengesch. Roms 3⁵, 570.

595. *Cassel*. Art. Juden in *Ersch und Gruher*. S. 24.

596. *Tacitus*. Ann. II, 85. *Светоний и Иосиф* говорят только о евреях.

597. Лучшее всего общую картину состояния диаспоры до разрушения второго храма дают следующие исследователи: *Graetz*. G. d. J. 3², 390 ff.; *Frankel*. Die Diaspora zur Zeit des zweiten Tempels in seiner Monatsschrift. 2, 309 ff; *Herzfeld*. a. a. O. S. 200 ff. und Note 34.

598. Развитие взаимоотношений между различными группами населения в провинции Позен со знанием дела описывает Е. Бергманн, см.: *Bergmann*. Zur Geschichte der deutschen, polnischen und jüdischen Bevölkerung in der Provinz Posen, 1883. В последнее время эта тема обсуждается часто, см., например: Denkschrift «Zwanzig Jahre deutscher Kulturarbeit», 1906.

См. далее: Aufsatz von *Rud. Wassermann*. Die Entwicklung der jüdischen Bevölkerung in der Provinz Posen und das Ostmarkenproblem (Zeitschr. f. Dem. u. Stat. d. J. Mai 1910). См. также: *Bernh. Breslauer* im Auftrage des Verbandes der Deutschen Juden gefertigten Denkschrift «Die Abwanderung der Juden aus der Provinz Posen», 1909. Общие цифры по Пруссии приводит Бруно Блау, см.: Zeitschrift f. Dem. u. Stat., Oktober 1910. Кроме того, упомяну еще одну работу, освещающую исторически чрезвычайно важный феномен изгнания евреев из Вены в конце XVII века, когда лучшие представители этого народа были вынуждены переселяться в Моравию, Богемию, Венгрию, Баварию, Бранденбург, Польшу и Францию, см.: *Dav. Kaufmann*. Die letzte Vertreibung der J. aus Wien und Niederösterreich; ihre Vorgeschichte (1625 bis 1670) und ihre Opfer, 1889.

599. *L. Neubaur*. Die Sage vom ewigen Juden, 2. Ausg. 1893.

600. Согласно Грациану, см.: *Gratian*. Vita Joh. Commendoni II, c. 15 и Виктору Карбену, см.: *Victor Karben*. De vita et moribus Judaeorum (1504); *Graetz*. G. d. J. 9, 62 f.

601. *J. Ranke*. Der Mensch. 2, 533.

602. *Ratzel*. Völkerkunde. 3, 713. О том, что западный индогерманский «пранарод» по своей глубинной сущности представляет собой северный лесной народ, свидетельствует сравнительное языковое исследование, последние результаты которого ныне стали доступными более широкому кругу читателей благодаря самой последней работе Отто Шрадера, см.: *Schrader*. Die Indogermanen, 1911. Тому, кто хочет подробнее узнать о различии между «лесным» и «пустынным» народами, рекомендую сначала прочитать эту небольшую, рассудительную книгу Шрадера, а затем обратиться к работе Лёра, упомянутой в 586 примечании.

603. *Juan Huarte de San Juan*. Examen de ingenios para las ciencias. Pamplona, 1575. Abgedruckt in der Biblioteca de Autores Españoles. Tomo 65, p. 409 seg.

604. *F. Delitzsch*. Handel und Wandel in Altbabylonien (1910), 12 f.

605. *Ad. Wahrmund*. Das Gesetz des Nomadentums (1887), 16.

606. *Ratzel*. Völkerkunde. 8, 56.
607. *Pešahim* fol. 87b.
608. *Wilh. Erbt*. Die Hebräer (1906), 166.
609. Ephraim justifié (1758). L'éditeur à Mr. André de Pinto. Juif Portugals, Citoyen & Négociant d'Amsterdam.
610. *Pinto*. Réflex, critiques sur le premier Chap. du VII tome des œuvres de *M. Voltaire* (1762) in den Lettres de quelques juifs, 5. éd. (1781) t. T. P. 10 ff.
611. *Graets*. G. d. J. 11, 54 ff.
612. *Pinto* 1. c. p. 17.
613. *A. Nossig*. Die Auserwahltheit der J. im Lichte der Biologie in der Zeitschr. für D. u. St. d. J. 1 (1905), 3. Heft. До него в этом же журнале на эту же тему писал К. Микаэлис, см.: *Curt Michaelis*. Heft 2. См. также его работу: Prinzipien der natürlichen und sozialen Entwicklungsgeschichte der Menschheit (Natur und Staat. Bd. 5) (1904), 63 ff.
614. *Aron Sandler*. Anthropologie und Zionismus (1904), 24. Здесь же автор приводит библиографию.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОРГАШИ И ГЕРОИ раздумья патриота

Пер. с нем. Д. В. Кузницына

Введение

Глава первая. Война за веру 8

Часть первая

АНГЛИЙСКОЕ ТОРГАШЕСТВО

Глава вторая. Элементы английского духа 12

Глава третья. Английская наука 18

*Глава четвертая. Английское государство и английская
культура* 32

Часть вторая

НЕМЕЦКИЙ ГЕРОИЗМ

Глава пятая. Немецкий дух 44

Глава шестая. Немецкая идея отечества 53

Глава седьмая. Немецкая идея государства 57

Глава восьмая. Немецкий милитаризм 65

Часть третья

ПРИЗВАНИЕ НЕМЕЦКОГО НАРОДА

Глава девятая. Жизнь перед войной 76

Глава десятая. Тщетные попытки спасения 82

Глава одиннадцатая. Избавление от зла 88

Глава двенадцатая. Другие — и мы 97

ЕВРЕИ И ЭКОНОМИКА
Пер. с нем. В. П. Шурбелева

Предисловие 105

Раздел первый

**УЧАСТИЕ ЕВРЕЕВ В ФОРМИРОВАНИИ
СОВРЕМЕННОГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА**

Глава первая. Методы исследования. Характер и мера участия евреев в формировании современной экономики 117

Статистический и генетический методы в определении доли участия евреев в экономике; преимущества и недостатки статистического метода; необходимое дополнение, привносимое с помощью генетического метода; его правильное применение.

Правильное определение доли участия евреев в формировании современного народного хозяйства (отчасти слишком большая, отчасти слишком малая в силу того, что значительная часть совершающихся процессов сокрыта от нас, а также потому, что не всегда возможно определить, где именно евреи принимали участие); понятие еврея; трудности в определении числа крещеных евреев, женского еврейства, тайных евреев и евреев, действовавших через подставных лиц.

Глава вторая. Смещение средоточия хозяйственной деятельности (с XVI века) 127

Перемещение центров хозяйствования с южно-европейских государств к северо-европейским; недостаточность прежних объяснений этого явления; параллельность этого перемещения переселению евреев; попытка установить связь между этими двумя явлениями; оценки, даваемые современниками (XVI–XVII вв.) в Англии, Франции, Нидерландах и Германии; фактическая причина этой взаимосвязи: внешнее и внутренне-духовное влияние евреев.

Глава третья. Оживление международной торговли . . . 141

Высокая степень участия евреев в различных видах товарооборота XVI–XVIII вв.; их участие в Лейпцигской ярмарке, в испано-португальской торговле и левантийской торговле.

Взаимосвязь их влияния и характера их торговли; торговля предметами роскоши; торговля первыми товарами массового по-

требления, а также новыми видами товаров; разнообразие и изобилие товаров; торговля золотыми и серебряными изделиями.

Глава четвертая. Формирование современной колониальной экономики 146

Деятельное участие евреев в основании почти всех колоний (на Востоке, в Австралии, в Южной Африке и особенно в Америке: Америка — страна евреев); участие евреев в самом открытии Америки; потоки еврейских переселенцев в Америку после ее открытия; еврейское влияние в Южной Америке, в Западной Индии, в Соединенных Штатах Америки; особая роль евреев в созидании этой страны; еврейский дух всей американской экономической жизни.

Глава пятая. Становление современного государства . . . 167

Евреи как «негосударственный» народ; их мнимое неучастие в строительстве современного государства и довольно сильное участие на самом деле; еврей и правитель: два неразрывных явления в формировании начатков современной государственности.

I. Евреи-поставщики 170

Евреи-поставщики в Англии, Франции, Германии, Австрии и Соединенных Штатах.

II. Евреи-финансисты 172

Евреи-финансисты Голландии, Англии, Франции, Германии, Австрии; «придворные евреи»; упразднение «придворного еврейства» в результате развития займа; заем как всего лишь из сфер всеобщего преобразования экономики.

Глава шестая. Коммерциализация экономики 180

Что такое коммерциализация экономики.

I. Появление ценных бумаг 181

Появление ценных бумаг; ценные бумаги как внешнее выражение объективации кредитных отношений; объективация кредитных отношений как отдельное звено в цепи прочих объективаций, составляющих характерную особенность эпохи развитого капитализма; основные виды ценных бумаг; метод определения роли евреев в их возникновении;

1. *Индоссируемый (переводной) вексель* 186

Начало жирооборота; генуэзские ярмарки.

2. <i>Акция</i>	189
Время появления современных акций — XVII–XVIII вв.; роль спекуляции в процессе объективации акционерных отношений).	
3. <i>Банкнота</i>	191
Неясное происхождение «банкноты»; Венеция или Испания как предполагаемое место ее рождения.	
4. <i>Облигация</i>	195
Объективация облигаций совершается только в XVIII в.; история залоговых свидетельств; Голландия — колыбель залоговых свидетельств). Значение правовой формы документов на предъявителя в развитии ценных бумаг; различные теории возникновения предъявительских ценных бумаг; возникновение современной предъявительской ценной бумаги из талмудическо-раввинского права.	
II. <i>Торговля ценными бумагами</i>	217
1. <i>Формирование правил обращения ценных бумаг</i>	217
Предназначение фондов для обращения; значение правил обращения для более легкого сбыта ценных бумаг; участие евреев в формировании принципов обращения ценных бумаг).	
2. <i>Биржа</i>	220
Роль биржи в торговле ценными бумагами; понятие спекуляции и ее роль в торговле фондами. Два периода формирования истории биржи (первый: с XVI в. до начала XIX в.); возникновение современной фондовой биржи в торговле векселями; определяющая роль евреев в этой торговле; XVII в. — начало спекуляции фондами; евреи как «родоначальники срочной сделки»; их главенство на Амстердамской бирже в XVII в.; евреи — основатели Лондонской мировой биржи в конце XVII в.; биржи во Франции и Германии. Новый период существования биржи и определяющая роль евреев на ней (через намеренное создание благоприятных условий для кредитования, а также через экстенсивное и интенсивное усиление фондового оборота); значение дома Ротшильда; интернационализация кредитного обращения; использование биржи для эмиссионных целей (создание «настроения»).	
III. <i>Возникновение ценных бумаг</i>	245
Формирование эмиссионной деятельности и участие евреев в ней; грюндерство; Ротшильды — первые «железнодорожники».	

рожные короли»; еврейские «грюндеры» в Германии 70-х годов XIX в.

Использование принципа работы акций для производства прочих ценных бумаг — эпоха возникновения спекулятивных банков; Credit mobilier как их прообраз; его основатели братья Перейре; участие евреев в создании немецких спекулятивных банков.

IV. Коммерциализация промышленности 258

Рост влияние банков и бирж на экономическую жизнь в целом; электрическая промышленность как образец современной «коммерциализированной» промышленности; еврей-коммерсанты и их организация.

История евреев-«промышленников»; количество евреев-директоров и членов наблюдательного совета в современных немецких промышленных предприятиях.

Глава седьмая. Формирование капиталистического взгляда на экономику 267

Повсеместное посягательство евреев на идею «пропитания» (в Германии, Англии, Франции, Швеции и Польше); современники объясняют это их мошенническими методами ведения дел; в действительности же евреи выступают как представители нового экономического сознания; феодально-ремесленное понимание хозяйствования (до эпохи раннего капитализма) и его основные особенности (сословное ограничение сферы деятельности, запрет «охоты на покупателей» (особенно через указание адреса предприятия или путем рекламы), отстаивание основной идеи качественных товаров потребления и справедливых цен на них), традиционализм как основное умонастроение.

Противоположный взгляд евреев на экономику; их деловая практика лишь в отдельных случаях оказывается действительно преступной, по существу же она представляет собой порождение иного духа; первенство идеи наживы у евреев, пренебрежение ремесленными и торговыми разграничениями; международный характер «еврейской коммерции»; погоня за покупателями; евреи как предполагаемые родоначальники рекламы; искусственное понижение цен.

Причины низких цен: «пресловутая» противозаконность еврейских торговых операций; их мошенническая практика; снижение качества товара (евреи как родоначальники суррогатных изделий); снижение производственных затрат (в силу невысоких жизненных притязаний самих евреев, в силу более ускоренного товарооборота, благодаря использованию более дешевой рабочей силы); евреи как новаторы в области коммерции.

Принципиально новое в еврейском понимании экономики: идея свободной конкуренции; евреи как основоположники «свободной торговли».

Раздел второй

ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТЬ ЕВРЕЕВ К КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ФОРМЕ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Глава восьмая. Суть проблемы 317

Необходимость более точной постановки вопроса: Предрасположенность евреев *к чему?* Предрасположенность *благодаря чему?*

Доказательство предрасположенности к капитализму как проблема; неясность прежних представлений на этот счет.

Объективные обстоятельства предрасположенности и субъективная пригодность; краткое описание нижеследующего изыскания.

Глава девятая. Функции экономических субъектов при капитализме 320

Понятие капитализма; его основные идеи: идея прибыли и экономический рационализм; удачное ведение дел в капиталистическом понимании; требования, предъявляемые к капиталистическим субъектам: быть хорошим предпринимателем и хорошим торговцем; сущность хорошего предпринимателя; сущность хорошего торговца.

Глава десятая. Объективная предрасположенность евреев к капитализму 334

I. Распространение евреев по всему миру 335

Преимущества, полученные евреями благодаря рассеянию; организация и связи; знание чужих языков; преимущества, полученные в результате расселения в других странах.

II. Отчужденность 341

Евреи как пришельцы; отчужденность в психологическо-социальном смысле.

III. Половинчатое гражданство 343

Правовое положение евреев в сфере ремесла и гражданства; преувеличенное влияние этого положения; недопущение евреев во все товарищеские союзы; положение в общественной жизни.

IV. Богатство.	350
<p>Богатство выходцев из Испании; богатство голландских евреев XVII в.; богатство французских, английских и немецких евреев XVII—XVIII вв.; статистические данные о богатстве евреев в современной Германии.</p> <p>Значение еврейского богатства (прежде всего для развития ссуды, из которой и рождается капитализм).</p>	
<i>Глава одиннадцатая.</i> Влияние иудейской религии на экономическую жизнь.	365
Предупреждение.	365
I. Роль религии в жизни еврейского народа.	366
<p>Общее значение религиозных систем для экономической жизни; особое значение иудейской религии; причины; одинаково высокая правоверность верхов и низов.</p>	
II. Источники иудейской религии.	373
<p>Обзор; реалистическое восприятие источников; Библия; Талмуд; три кодекса; традиционное понимание набожного еврейства; значимость некоторых источников; принципы их истолкования.</p>	
III. Основные идеи иудейской религии.	385
<p>Родство иудейской религии и капитализма; иудейская религия как механическое порождение разума, лишенное тайны и враждебное образно-чувственному восприятию; ее основа — договорное регулирование всех отношений между Израилем и Яхве; запутанная бухгалтерия добрых дел и грехов; неорганическое, чисто количественное понимание природы греха, родственное идее наживы; высокая оценка денежного заработка, даваемая в богословской литературе; аукционы как составная часть богослужения; финансовая компетентность раввинов.</p>	
IV. Идея испытания и воздаяния.	394
<p>Еврейское понимание сущности «воздаяния»; подлинное благочестие сохраняется в «благоденствии на земле», составной частью которого является материальное благополучие; прославление богатства в иудейской духовной литературе; значение благоприятного отношения к богатству для деловой жизни.</p>	
V. Рационализация жизни.	406
<p>Исполнение договора со стороны набожных евреев: соблюдение закона и святость жизненного уклада (постепенное слияние этих понятий); святость как рационализация жизни; действие закона через одно лишь его присутствие; неко-</p>	

торые предписания (сознательное неприятие всякого естественного порыва, рационализация естественных наслаждений, всего визненного уклада; основные добродетели благочестивого еврея; рационализация голода и любви; жесткий дуализм в понимании половой жизни; страх перед женщиной; рационализация половых отношений в браке.

Значение рационализации для хозяйственной жизни; развитие «буржуазных» добродетелей; попечение о семейной жизни; «святость брака» у евреев; физиологические последствия систематического регулирования половых отношений; взаимосвязь между сексуальной жизнью и стремлением к денежной прибыли; привычка евреев жить вопреки природе (или рядом с нею) усиливает их предрасположенность к капитализму.

VI. Израиль и чужие 430

«Закон» обуславливает изоляцию евреев и обостряет сознание отчужденности; развитие своеобразного отношения к чужакам: разрешение брать с них процент; более размытые деловые принципы в общении с чужаками; специфическое отношение к чужакам как стимул для развития свободной экономики; свободная торговля и свобода приобретения прибыли как божественная заповедь.

VII. Иудаизм и пуританство 442

Взаимное соответствие многих слагаемых в иудейской религиозной системе и в пуританстве; нерешенность вопроса о том, можно ли объяснить внешнее влияние пуританства иудейской религией.

Глава двенадцатая. Еврейская самобытность 446

I. Суть проблемы 446

Необходимость принятия идей коллективной «души», как попытка объяснения исторических событий из одних только внешних обстоятельств оказывается недостаточной, что видно на примере еврейской истории; трудность (но не невозможность) получения соответствующих определений на основе изучения психологии коллектива; отрицание старого представления о «народной душе»; каким образом возможна коллективная психология? Научный и «художественный» подходы.

Социальные группы; «евреи» как единство; ведущие положения при определении «еврейского своеобразия».

II. Попытка решения проблемы 465

Почти полное единодушие всех, занимающихся исследованием природы еврейской «души».

Гипертрофированная духовность (интеллектуализм) как основная особенность еврейского характера; весьма второстепенная роль чувств и ощущений в отношении евреев к миру; недостаток созерцательности; недооценка личного начала; евреи — прирожденные представители «либерального» взгляда на жизнь и рационального истолкования мира.

Целеустремленность евреев (их телеологизм); «тахлис» и меланхолия, целеустремленность и подвижность; непоседливость и приспособляемость как другие свойства характера, вытекающие из уже названных; предрасположенность евреев к таким профессиям, как журналист, адвокат, актер.

III. Еврейская самобытность на службе капитализма 484

Соответствие основных идей капитализма основным идеям еврейского менталитета; особая предрасположенность евреев к роли «предпринимателя» и «торговца».

Раздел третий

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО ЭТНОСА

Глава тринадцатая. Расовая проблема 492

Некоторые предварительные замечания 492

Новая проблема: какова природа еврейской самобытности? Различные теоретические возможности решения этого вопроса; необходимость ясной постановки вопроса и беспристрастного отбора материала.

I. Антропологическое своеобразие евреев 495

Происхождение евреев; судьба их крови; переоценка прозелитизма как антропологического фактора; переход Хазарского каганата в иудаизм; смешение и проблема светловолосых евреев; антропологическая однородность евреев в настоящее время; сомнительность их физиологическо-патологического своеобразия; постоянство еврейских черт лица.

II. Еврейская «раса» 505

Двойное понятие «расы»; неудачные попытки классификации людей; упомянутые классификации не исключают различий внутри класса; спор о словах.

III. Неизменность еврейского характера 511

Важные признаки такой неизменности: отношение евреев к тем народам, в которых они живут, и наоборот; феномен еврейской диаспоры; иудейская религия; ярко выраженная однородность их экономической деятельности во все времена.

Обзор еврейской экономической истории; одаренность евреев в финансовых делах; еврейское богатство во все времена; причины еврейского богатства.

IV. Расовое обоснование самобытности. 544

Некорректная аргументация наших «теоретиков расы»; не менее недостаточные доводы теоретиков приспособления и воздействия среды; до поры non liquet; проблема образования видов в генетическом контексте ее рассмотрения; преимущества такого способа рассмотрения; проблема наследственности, особенно наследования приобретенных свойств; существенная неизменность человеческих типов; недоразумения «теоретиков среды».

Глава четырнадцатая. Судьба еврейского народа. 565

Большое событие: поселение восточного народа среди северных народов; еврей как народ пустыни и странствования; завоевания евреями Ханаана; даже там они остаются преисполненными кочевнического духа; доказательства этого — их религия; кочевник — не «бранное слово»; влияние вавилонского плена; значение диаспоры; продолжающееся странствование евреев; статистика странствования в Германии; еврей как жители городов; контраст с северными народами; противоположность пустыни и леса.

Влияние жизненной судьбы еврейского народа на еврейский характер; временное отсутствие точных биологических доказательств этой взаимосвязи; соображения «житейского» порядка, говорящие в пользу такого влияния: гипертрофированный интеллектуализм евреев; их рационализм; высокая степень приспособляемости; целеустремленность; противоположность деятельности «холодных» и «горячих» народов; капитализм — порождение кочевнического духа.

Деньги как судьба еврейского народа; наполнение Палестины драгоценными металлами и деньгами; еврей как родоначальник финансового искусства? Объяснение их любви к деньгам.

Гетто; противоположность между евреями из гетто и свободными евреями (ашкеназы и сефарды); гетто — не причина, а следствие определенных черт характера; не следует переоценивать влияние гетто; его величайшее значение состоит в том, что оно помогало сохранению вида.

Библиография 601

Вернер Зомбарт

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В 3 Т.

Т. 2

*Утверждено к печати
Редколлегией серии Civitas Terrena*

Редактор издательства *О. В. Иванова*
Верстка *Е. Малышкина*

Подписано к печати 22.04.05. Формат 60×88¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 39.7. Уч.-изд. л. 34.7.

Тип. зак. №

Издательство «Владимир Даль»
193036, Санкт-Петербург, ул. 7-я Советская, д. 19.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЛАДИМИР ДАЛЬ»
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

Мартин Хайдеггер

ГЕРАКЛИТ

Издание, предлагаемое кругу специалистов и широкой читательской публике, содержит два курса лекций по древнегреческой философии, которые были прочитаны автором в летних семестрах 1943 и 1944 гг. По своей форме оно представляет собой перевод на русский язык 55-го тома Полного собрания сочинений Хайдеггера, выходящего в свет в издательстве Клостерманн.

Публикуемые лекции могут служить основанием для более глубокого прочтения всех остальных философских работ Хайдеггера. Центральным понятием в них, вокруг которых движется вся мысль, является понятие «логоса», а центральной фигурой — фигура Гераклита, в изречениях которого это понятие было впервые применено. В первом курсе лекций речь идет о происхождении, истории западноевропейской метафизики, рассматриваемой на опыте того уникального события, того «начала», в котором человеческое мышление впервые распознает свою сущность в изначальном «при-мысливании», домысливании сущего и сразу же безоглядно погружается в использование этой своей сущности, в освоение окружающего мира. В лекциях 1944 г. исследованию подвергаются два значения привычного ныне термина «логика»: логика как руководство для правильного мышления и как логика самих вещей, самого сущего. Внимание при этом сосредоточивается на лежащей в основе того и другого базовой и изначальной логике «мышления логоса», как оно впервые раскрывается в нелегких для понимания философских высказываниях Гераклита.

Мартин Хайдеггер и Евгений Финк

ГЕРАКЛИТ

Издательство «Владимир Даль» предлагает вниманию отечественных читателей первый русский перевод отредактированного скорописного текста, представляющего собой запись семинара о Гераклите, который под руководством Мартина Хайдеггера и при участии его ученика Евгения Финка состоялся в университете Фрайбурга (Брайсгау) в зимнем семестре 1966/77 гг.

Уникальная стенограмма охватывает тринадцать аудиторных занятий, в ходе которых тексты Гераклита рассматривались в форме вопросов и ответов, перемежаемых рассуждениями Хайдеггера и Финка, задававшими направление и цели дальнейшего пути. В замысле публикуемого семинара Хайдеггер вновь обращается к своему излюбленному и принесшему столь весомые плоды материалу — древнегреческой философии, по времени и духу предшествовавшей Сократу. В этом последнем своем фрайбургском курсе автор еще раз призывает отдать должное тому призыву к обретению истины, который раздавался некогда из уст досократиков, а теперь, под бременем переосмысляющих и искажающих сущее философских систем, стал уже едва различим. Этот судьбоносный для человечества разлад, эту и до сих пор угрожающую ему опасность Хайдеггер предлагает встретить с достоинством и пониманием, каковые, по его мнению, можно почерпнуть как раз в обращении к темным, но великим словам Гераклита.

Мартин Хайдеггер

«ПАРМЕНИД»

Предлагаемое издание представляет собой первый русский перевод 54-го тома Полного собрания сочинений Мартина Хайдеггера, мыслителя, методические и содержательные идеи которого определяли ход развития европейской философии на протяжении последнего столетия.

Содержащиеся в этом томе лекции были прочитаны Хайдеггером в зимнем семестре 1942/43 гг. в университете Фрайбурга (Брайсгау). Темой их стала «богиня Истина» (Алетейя), с которой взгляд человека сталкивается в знаменитом фрагменте дидактической поэмы Парменида «О природе». Истина, трактуемая как «несокрытость сущего» и претерпевшая в истории бытия значительные изменения, рассматривается здесь наряду со своей противоположностью, «сокрытостью», ставшей синонимом лжи, заблуждения и забвения (погружения в Лету). Миф об истине и забвении истины автор интерпретирует, привлекая для этого феномен «политичности» платоновского полиса. Путь, которым человек идет к своей смерти, окруженный присутствием сущего в полисе, приводит его к вопросу о том, каким образом это сущее присутствует после его смерти, в горизонте всеудаляющего сокрытия, а следовательно, о природе богов, как ее понимали древние греки. При этом центральным становится понятие «взгляда» — взгляда богов и человеческого взгляда, перед которым раскрывается ужасающая сущность обыденного. В заключительных лекциях Хайдеггер обосновывает свое истолкование древнегреческого слова «алетейя», указывающего мышлению путь через возникающую в кратковременном «просвете бытия» открытость и свободу — к дому «богини Истины», к познанию сущего и божественного.